4
Р-89

Русская разговорная речь

М., 1993

67500

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

64500

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

403-460
Учеб. литература - 436-438

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1973

Монография посвящена исследованию системы современной русской разговорной речи, т. е. речи, употребляемой в условиях непринужденного общения лицами, владеющими русским литературным языком. Исследование основывается на магнитофонных записях разговорной речи, произведенных в 60-е годы XX в. в Москве и Ленинграде. В книге рассматриваются фонетика, морфология, синтаксис и семантика.

4
Р 89

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

67500

Ответственный редактор
Е. А. ЗЕМСКАЯ

Р $\frac{0712—0384}{042(02)—73}$ 343—73

© издательство „Наука“, 1973 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Книга написана сотрудниками Сектора современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР. Авторы разделов:

гл. Введение: § 1—6, 8—18, 20—28 — Е. А. Земская; § 19 — Е. В. Красильникова; § 29—34 — Л. А. Капанадзе; § 7 — Е. А. Земская и Л. А. Капанадзе;

гл. Фонетика — Г. А. Баринова;

гл. Морфология — Е. В. Красильникова;

гл. Синтаксис: «Вводные замечания», «О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказывании разговорной речи», «Специфические виды связи в высказывании разговорной речи», «Некоторые средства актуализации высказываний в разговорной речи» — Е. Н. Ширяев; «О некоторых специфических чертах порядка слов в разговорной речи», «Наблюдения над синтагматикой разговорной речи» — Е. А. Земская; раздел «Функции указательных местоимений» написан Е. В. Красильниковой;

гл. Номинация — Л. А. Капанадзе;

приложение «Жест в разговорной речи» — Л. А. Капанадзе и Е. В. Красильникова.

В течение всей работы над книгой большую помощь авторскому коллективу оказывал М. В. Панов. Он принимал участие в выработке общей концепции монографии, вместе с авторами обсуждал первоначальные варианты всех глав, а также прочитал всю книгу в рукописи и своими критическими замечаниями и советами способствовал ее совершенствованию.

Вся монография целиком или отдельные ее части были с доброжелательной придирчивостью прочитаны в рукописи Л. Н. Иорданской, И. И. Ковтуновой, Л. П. Крысиным, И. Б. Кузьминой, С. М. Кузьминой, В. И. Черновым, Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелевым и Н. А. Янко-Триницкой, а также рецензентами монографии В. А. Белошапковой, Е. А. Брызгуновой, Л. Н. Булатовой и Л. Л. Касаткиным.

В проведении и организации записи разговорной речи нам помогали научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР К. А. Логинова, канд. филол. наук Г. Н. Иванова-Лукьянова и преподаватель средней школы № 1 гор. Москвы А. П. Соколов.

Всем им мы выражаем свою искреннюю признательность за помощь.

Работа над книгой была закончена в декабре 1970 г., поэтому исследования, вышедшие позднее, могли быть учтены лишь частично.

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

О ПОНЯТИИ «РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ»

1. В настоящей работе термин «разговорная речь» употребляется для названия непринужденной речи носителей литературного языка.

2. В современной лингвистической литературе термину «разговорная речь» приписывают разное содержание. Основные объекты, которые называют этим термином, можно кратко охарактеризовать так: 1) любая речь, проявляющаяся в устной форме (научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты), 2) любая устная речь городского населения [1], 3) бытовая речь городского и сельского населения, 4) непринужденная речь носителей литературного языка [2].

Уже из этого краткого перечисления видно, сколь разнообразны названные выше объекты и сколь необходимо оценить их лингвистическое содержание и разграничить их терминологически. Мы предлагаем принять для первого объекта термин устная речь, для второго — городская (устная) речь. Для третьего — бытовая речь, для четвертого — литературная разговорная речь (или: разговорная речь).

Эти термины, как нам представляется, более соответствуют содержанию названных выше объектов: определение устная точнее называет тот общий признак, который объединяет избираемые для исследования в пунктах первом и втором объекты, тогда как определение разговорная явно не подходит для называния таких видов устной речи, как лекция, доклад, выступление на собрании, радиорепортаж и т. п.; определение городская называет основной признак, по которому выделяется второй объект (ср. противопоставление язык города —

[1] Ср.: Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. — Сб. «Русская речь». Новая серия, III. Л., 1928.

[2] См., например, сборник «Русская разговорная речь» (Саратов, 1970), в котором нашло отражение это разнообразное понимание термина «разговорная речь». Сборник содержит материалы конференции, посвященной вопросам изучения русской разговорной речи, проводившейся в Саратовском университете в 1969 г.

язык деревни); определение б ы т о в а я называет именно тот признак, который считается основным при отграничении третьего объекта.

3. В этой работе избран для изучения четвертый объект из перечисленных выше, за которым мы сохраняем термин «разговорная речь» [3].

Существует две принципиально различные возможности дать определение РР: 1) дать определение, основанное на лингвистических характеристиках РР; 2) дать определение, основанное на экстралингвистических характеристиках РР (сведения о носителях РР и о ситуациях, в которых обнаруживается РР), т. е. на основании социолингвистических критериев установить понятие «носитель литературного языка» и считать литературной разговорной речью речь отобранных определенным образом лиц в определенных ситуациях.

Более рационален (а в настоящее время — и единственно возможен) второй путь. Установить особенности РР, не изучив ее детально, невозможно. Современное же состояние знаний о РР не позволяет построить определение, основанное на лингвистических данных, а априорный подход к делу мог бы принести вред, исказив наше представление о еще не изученном объекте.

Встает вопрос: правомерно ли ограничивать круг лиц, говорящих на РР, носителями литературного языка? Может быть, проще и целесообразнее не вводить таких ограничений, а изучать бытовую речь любого горожанина? На наш взгляд, ввести такое ограничение — т. е. считать носителями РР носителей кодифицированного литературного языка — необходимо, если ставится задача изучить единую языковую с и с т е м у, а именно такую задачу авторы и ставили перед собой. Только таким образом удастся сохранить целостность изучаемого объекта к а к е д и н о й я з ы к о в о й с и с т е м ы, потому что однородность говорящего коллектива есть непременное условие единства языковой системы. Если в качестве однородного материала объединяются факты, невозможные в однородном языковом коллективе, единство языковой системы разрушается. В таком случае изучается не единая целостная языковая система, а набор явлений, более или менее случайно объединенных во времени и пространстве [4].

[3] Термин «разговорная речь» является условным. В книге исследуется особая разговорная я з ы к о в а я система (см. об этом подробнее ниже, п. 16). Термин же «разговорная речь» (вместо «разговорный язык») мы сохраняем по традиции.

Далее в работе приняты сокращения: РР — разговорная речь, КЛЯ — кодифицированный литературный язык. О понимании термина «кодифицированный» см. ниже, п. 22.

[4] Таким «набором» может быть, например, язык одного города (городское койне). Ср. объединение случайное, «сиюминутное» — речь пассажиров трамвая или жителей дома отдыха, где могут находиться носители литературного языка, просторечия и диалектов.

4. РР в принятом в данной работе понимании существенным образом отличается от упомянутых выше объектов 1, 2 и 3, также называемых термином «разговорная речь». Она представляет собой единый в лингвистическом отношении объект изучения — единую языковую с и с т е м у. Это единство создается л и н г в и с т и ч е с к о й о д н о р о д н о с т ь ю говорящего на РР коллектива, а именно тем, что в такой коллектив объединяются лица, обладающие рядом одинаковых экстралингвистических признаков из числа признаков, влияющих на язык [5] (см. об этих признаках ниже).

С нашей точки зрения, объекты 1, 2 и 3, которые мы предложили называть терминами у с т н а я р е ч ь, г о р о д с к а я р е ч ь и б ы т о в а я р е ч ь, не образуют единой языковой системы. В каждом из них объединяются факты разных языковых систем (литературного языка, диалектов и просторечия), отобранные под определенным углом зрения: 1) устная ф о р м а речи — в отличие от письменной; 2) устная форма речи + говорящий-житель г о р о д а; 3) устная форма речи + б ы т о в о й х а р а к т е р речи (говорящие — жители города и деревни).

Объединяя для анализа факты разных видов устной речи (объект 1), исследователь изучает не единую языковую систему, а обнаружение черт устности (устной формы речи) в разных языковых системах. Изучая как нечто целостное язык горожан (объект 2), лингвист изучает городское койне, а не единую языковую систему [6]. Рассматривая объект 3, ученый также исследует черты, свойственные устной форме речи, обнаруживаемые в б ы т о в о м общении у носителей разных систем — литературного языка, просторечия и диалектов.

В этой работе поставлена принципиально иная задача — изучить единый и целостный лингвистический объект: разговорную речь носителей литературного языка.

5. Какие же экстралингвистические признаки позволяют считать говорящего носителем русского литературного языка? На наш взгляд, необходимыми являются по крайней мере три признака:

1) для говорящего русский язык — родной;

2) он родился и вырос в городе (как правило, в речи таких лиц нет диалектных черт);

3) имеет образование высшее или среднее; при этом мы изучали преимущественно речь лиц с высшим образованием и студентов, а речь лиц со средним образованием лишь в том случае, если их высокая степень культуры, а также «речевые традиции» нам хорошо известны (подробнее о наших информантах см. ниже).

[5] Перечень признаков, могущих оказывать влияние на язык, разработан М. В. Пановым для «Вопросника по современному русскому произношению» (М., Изд-во АН СССР, 1959).

[6] См.: Б. А. Л а р и н. Указ. соч.

Такой строгий отбор [7] объяснялся тем, что мы поставили перед собой задачу изучить литературный разговорный язык. Поэтому было очень важно избежать фактов сомнительных, находящихся за пределами литературного языка, относящихся к просторечию или диалектам.

Известно, что понятие «носитель литературного языка» не нашло еще в науке общепринятого определения. Какова нижняя граница образованности носителей литературного языка? Надо ли ограничивать круг информантов при изучении РР людьми с высшим образованием?

Такое решение вполне возможно. Некоторые коллективы, изучающие живой литературный язык, идут именно этим путем. Так, например, организованный в 1961 г. в Лондоне коллектив «Обследование английского речевого узуса» (Survey of English Usage) изучает язык образованных слоев общества. «Это — характеристика речи людей, которые пишут книги, руководят нашей культурной, образовательной, политической и религиозной жизнью, на язык которых ориентируются все слои общества в том смысле, что язык именно этих людей оценивается всем обществом как лучший английский язык, именно этот язык преподается иностранцам и т. д.» [8]. В соответствии с поставленной задачей названный коллектив изучает речь людей с университетским образованием.

Такая задача — изучить язык образованных слоев общества, служащий образцом для всего народа и для иностранцев — вполне обоснована.

В других случаях избирается иной подход: взять более широкий слой людей (лиц со средним образованием), чтобы узнать реальную картину функционирования литературного языка со всеми распространенными в ней отклонениями.

По такому пути идут чешские и словацкие ученые. Они исследуют речь городского населения Чехии и Словакии с целью установить взаимовлияние диалектов и речи городского населения [9].

Наши сведения об информантах, от которых проводились записи, не исчерпывались вышеназванными данными. О каждом из информантов был получен еще ряд сведений: 1) год рождения, 2) место рождения, 3) места наиболее длительного пребывания, 4) профессия, 5) знание иностранных языков, 6) профессия и образование родителей (или воспитателей), 7) место рождения родителей (или воспитателей).

6. Ряд записей производился в условиях, не позволяющих получить какие-либо данные об информантах (записи на улице, на почте, на вокзале, в магазине и т. п.). Материалы этого рода записывались лишь от людей, в речи которых не были обнаружены

[7] В число информантов не попали: 1) лица, изучившие русский язык, но для которых он не является родным; 2) уроженцы сельской местности — в их речи могут быть диалектные черты; 3) многие лица со средним образованием.

[8] R. Quirk. Our Knowledge of English. «The Incorporated Linguists». The Journal of the Institute of Linguists, vol. 6, № 1, 1967, January, стр. 3.

[9] См. отчеты о работе названных коллективов в журналах: «Slovo a slovesnost», 1967, XVIII, стр. 1—10; там же, 1965, XXVI, стр. 150—161; там же, 1966, № 2; «Naše řeč», 1966, 49, стр. 39—44; «Jazykovědné aktuality», 1966, II; 1968, I; см. также: J. Bělič. Ke skoumání městké mluvy. «Slavica Pragensia», IV, Praha, 1963; E. Pauliny. Zpráva o výskume hovorenéj podoby spisovnéj slovenčiny. «Slovenská reč»,1964, 29, стр. 351—375.

просторечные или диалектные черты. Кроме того, такие записи сопоставлялись с записями, произведенными от отобранных информантов, и использовались лишь в том случае, когда в них отсутствовали какие-либо отклонения от материала хорошо известных нам информантов.

На указанном основании не все явления, фиксируемые при записи устной городской речи, относились нами к РР, так как не все они свойственны носителям литературного языка.

Таким образом, граница, отделяющая РР от фактов смежных стихий устной городской речи — просторечия и диалектов, устанавливалась на основании экстралингвистических данных — строгого отбора информантов (т. е. с точки зрения субъекта речи).

7. Другая граница, которую было необходимо провести для отграничения РР от смежных объектов, — это граница между РР и КЛЯ. Она проводилась на основании экстралингвистических данных другого рода — установлении особенностей ситуации, необходимых для того, чтобы носитель литературного языка пользовался разговорной речью [10].

По нашим наблюдениям, три особенности внеязыковой ситуации с необходимостью влекут за собой использование РР (если говорящий — носитель литературного языка):

1) неподготовленность речевого акта;

2) непринужденность речевого акта;

3) непосредственное участие говорящих в речевом акте.

Наличие этих трех особенностей ситуации необходимо и достаточно для обнаружения РР.

Обязательность первой особенности ситуации для обнаружения РР представляется очевидной. РР не может быть подготовленной. Обязательность для РР второй особенности и само ее понимание требует пояснения [11]. Что касается третьей особенности ситуации, то она обычна для РР. (О специфике ее реализации в некоторых жанрах, например, в частных письмах см. ниже, п. 13).

Непринужденность речи создается тремя компонентами ситуа-

[10] Влияние различных внеязыковых факторов (ситуационных, психологических и др.) на выбор языковых средств в беглой устной чешской речи рассматривается в интересной статье Йиржи Гронека. См.: Jiří Hronek. O motivaci výběru jazykových prostředků v běžně mluveném projevu. «Acta Universitatis Carolinae. Philologia, 1—3. Slavica Pragensia. X». Praha, 1968.

[11] К. Кожевникова и О. Кафкова среди ситуативных признаков русской разговорной речи выделяют: 1) двусторонность, 2) непринужденность общения, 3) неофициальность общения (см.: К. Кожевникова, О. Кафкова. Лингвистическая и педагогическая проблематика разговорного стиля. — РЯНШ, 1966, № 2, стр. 19). Нам кажется, что последние два признака не могут рассматриваться раздельно, так как непринужденность возникает лишь на основе неофициального общения. Кроме того непринужденность является понятием психологическим и поэтому требует интерпретации с точки зрения того, какие условия ситуации ее формируют.

ции [12], находящимися в сложной иерархической зависимости: а) отсутствие официальных отношений между говорящими (отношения нейтральные, близкие — дружеские, родственные; параметр: о т н о ш е н и я); б) отсутствие установки на сообщение, имеющее официальный характер (лекция, доклад, выступление на собрании, научное сообщение, ответ на экзамене и т. п.; параметр: у с т а н о в к а) [13]; в) отсутствие условий, нарушающих неофициальность обстановки (параметр: о б с т а н о в к а) [14].

Основной из названных параметров — о т н о ш е н и я. Изменение значения этого параметра — официальные / неофициальные отношения — влияет на выбор говорящим РР или КЛЯ.

Параметр у с т а н о в к а имеет меньший «вес» (силу воздействия), так как действенным является лишь одно из его значений — наличие установки на сообщение, имеющее официальный характер. Оно, как правило, строго связано с КЛЯ даже в том случае, если фактически между участниками речевого акта существуют неофициальные отношения (например, научный доклад или же научное сообщение в кругу коллег, находящихся в близких или нейтральных отношениях, ведется на КЛЯ [15]). Отрицательное значение этого параметра (отсутствие установки) незначимо: при официальных отношениях между говорящими оно не вызывает замену КЛЯ разговорной речью.

Самый слабый параметр — о б с т а н о в к а. Как и у параметра «установка», действенным является лишь одно его значение (наличие условий, нарушающих неофициальность обстановки). Отсутствие условий обстановки, нарушающих неофициальность общения, не может изменить КЛЯ в РР, если отношения между участниками официальные или если имеется уста-

[12] В дальнейшем компоненты ситуации, влияющие так или иначе на строение РР, будем называть ситуационными параметрами и для краткости позволим себе опускать определение «ситуационный».

[13] Особенно ярко важность этого параметра обнаруживается в монологической речи. Ср., например, доклад на заседании кафедры о командировке (речь книжная, монологическая, установка на официальное сообщение) и рассказ о командировке тем же лицом, ведущийся без установки на официальное сообщение (речь разговорная, монологическая, установки на официальное сообщение нет).

[14] Имеется в виду не обстановка речи в физическом, материальном смысле, не место речи, а некоторые элементы внеязыковой ситуации, способные разрушить непринужденность речи, устранить, «снять» неофициальность отношений между говорящими. Такими элементами «обстановки» может быть присутствие посторонних лиц, наличие магнитофона для записи речи и нек. др.

[15] Можно, однако, представить себе случай, когда при наличии неофициальных отношений и установке на официальное сообщение (противонаправленное действие параметров а) и б)) говорящий прибегает к РР. Это может быть воспринято присутствующими или как невладение языковыми нормами (неумение говорить), или как стилистический прием (сознательное нарушение принятых норм с целью оживления ситуации), подобный вкраплениям чужеязычной речи, жаргонизмов и т. д.

новка на официальное сообщение. Кроме того, влияние параметра «обстановка» избирательно. Не все говорящие поддаются воздействию обстановки (т. е., например, меняют РР на КЛЯ при записывании на магнитофон; многие могут в присутствии посторонних непринужденно разговаривать и т. п.).

Таким образом, среди трех компонентов, формирующих непринужденность речи, главным мы считаем неофициальные отношения между участниками речи. Именно этот параметр определяет выбор между КЛЯ и РР.

С другой стороны, среди трех выше названных обязательных особенностей ситуации, формирующих РР, именно непринужденность является отличительной особенностью РР, так как две другие особенности могут совмещаться и с КЛЯ. КЛЯ может быть неподготовленным (например, импровизированный доклад, публичное выступление по радио, телевидению и т. д.); непосредственное участие говорящих в речевом акте тоже не противопоказано КЛЯ.

8. Кроме вышеперечисленных обязательных особенностей ситуации, формирующих РР, существуют компоненты ситуации, которые могут влиять на строение РР, создавая ее разновидности, но не определяя выбор КЛЯ или РР. К ним относятся:

1) форма речи (устная / письменная) [16];

2) число говорящих (монолог / диалог / полилог),

3) условия осуществления речевого акта (к о н т а к т н ы е: личный разговор; д и с т а н т н ы е: разговор на расстоянии, разговор по телефону и т. п., в этих случаях жесты и мимика, столь важные при контактном разговоре, не могут быть помощниками речи);

4) общность апперцепционной базы участников речевого акта [17];

5) наличие или отсутствие предмета речи при разговоре (это обстоятельство может влиять на эллиптичность речи, усиливая ее или ослабляя) [18].

Эти внеязыковые условия, по-разному влияющие на РР, порождают ту ее черту, которую обыкновенно называют ситуативная обусловленность РР.

[16] В настоящей работе РР изучается в основной форме ее функционирования — устной.

[17] Ср.: Л. П. Я к у б и н с к и й. О диалогической речи. — В кн.: «Русская речь», I. Пг., 1923.

[18] Интересную классификацию возможных внеязыковых признаков речевого акта построил А. А. Холодович. Он учитывает: 1) средство выражения, 2) коммуникативность (наличие / отсутствие партнера), 3) ориентированность (переходность взаимность), 4) квантификативность (число воспринимающих). 5) контактность / дистантность (А. А. Х о л о д о в и ч. О типологии речи. — В кн.: «Историко-филологические исследования». М., «Наука», 1967). С нашей точки зрения, не все из перечисленных признаков оказывают влияние на лингвистические признаки речи. Некоторые из них должны учитываться лишь для характеристики условий ее функционирования.

9. РР в реальной жизни обнаруживается не только в «крайних» видах речи («чистый диалог» и «чистый монолог»), но и в различных промежуточных формах: диалог с вкраплениями монолога, монолог, перемежающийся репликами других лиц и т. п. Очевидно, что в настоящее время лингвистическое различие между монологом, диалогом и полилогом еще только начинает изучаться [19]. При разграничении этих видов РР обыкновенно указывают на различие в длине (размере) речи одного лица. Несомненно, что различия такого рода не являются достаточными для разграничения этих видов РР. Выявить собственно языковые особенности монолога, диалога и полилога — одна из насущных задач изучения РР [20].

10. Особого рассмотрения требует вопрос о том, влияет ли характер отношений между собеседниками внутри общей группы неофициальных отношений на особенности строения РР. Несомненно, что разные типы отношений вызывают варьирование таких соотносительных явлений, как обращение на *ты* / обращение на *Вы*, применение форм субъективной оценки и т. п. Если взять такие интуитивно отчетливо различаемые в КЛЯ и РР виды диалога (или полилога), как интервью, беседа (обмен репликами лиц, находящихся в нейтральных отношениях), болтовня, то очевидно, что они отражают последовательное изменение параметра «отношения» (официальные — нейтральные — близкие). Однако остается неясным, связаны ли с этими видами диалога (или полилога) какие-либо глубокие строевые особенности языка. Это также нуждается в изучении.

11. Во многих работах среди внеязыковых факторов, обусловливающих применение РР, называют бытовую тематику. Действительно, РР обнаруживается обычно в сфере бытовой, непринужденной, неофициальной, и это предопределяет выбор соответствующей тематики.

Тот факт, что РР тесно связана именно с бытовой тематикой, подтверждается следующим: нарушение этой связи используется в художественной литературе как средство создания комического эффекта. При этом высмеиваются лица, говорящие книжно о бытовых вещах. Следовательно, имеется круг тем, который более свойствен РР. Однако бытовая тематика не есть непременное

[19] См., например, наблюдения Э. А. Клочковой над количественной разницей в употреблении различных частей речи и некоторых более мелких разрядов слов в монологе и диалоге (см.: Э. А. Клочкова. О распределении классов слов в живой разговорной речи.—«Вопросы стилистики», вып. 3. Саратов, 1969). Ср. Кв. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Universita Karlova. Praha, 1970, стр. 81.

[20] Существует мнение, что РР обнаруживается лишь в форме диалога (см.: О. Б. Сиротинина. Первые итоги специального изучения разговорной речи. — В кн.: «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 55). Нам кажется, что пока еще не накоплено достаточного материала для окончательного решения этого вопроса.

условие реализации РР. РР может обслуживать и иную тематику; ср., например, разговор в кругу семьи или людей, находящихся в неофициальных отношениях, об искусстве, науке, профессии, политике, спорте, учебе и т. п., разговор между друзьями на работе, связанный по тематике с профессией говорящих, беседы в общественных учреждениях — народных судах, больницах, поликлиниках и т. п. [21]

По нашим наблюдениям, тематические различия не оказывают влияния на выбор РР или КЛЯ. Однако и этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

12. Примечание. В разных языках ситуативная разграниченность РР и КЛЯ различна.

Интересные примеры реакции иностранцев на характер речи, не соответствующий тому, который принят в их родном речевом коллективе, дает английский ученый J. N. Ure: «. . .различные языки реагируют по-разному на различные факторы и вариации ситуационных факторов, т. е. лингвистическая группировка ситуаций, влияющих на язык, бывает различной в разных языковых обществах.

Это может приводить к затруднениям в говорении и к непониманию. Примеры таких различий в лингвистической группировке ситуаций могут быть взяты из опыта университета.

Немецкие студенты в Эдинбурге, которые посещали курс английской литературы, заявили, что они были изумлены языком, которым пользовались лекторы; как говорили студенты, это был разговор за кофе (coffee-talk). Подобные комментарии были сделаны сербами, которые заявили, что «никто у них дома не мог бы прочитать лекцию таким языком».

Ситуационные факторы включают в себя общественное назначение (role) и средство (medium) речи. Носитель английского языка, говоря на одну и ту же тему, делает, как нам кажется, относительно небольшие различия в своем языке в зависимости от того, принимает ли он участие в дружеской беседе (дружеском обсуждении) или читает лекцию. С другой стороны, устная лекция и печатная статья на одну и ту же тему требуют значительных языковых различий» [22].

С другой стороны, в немецком и сербскохорватском, по наблюдениям J. N. Ure, наибольшим является различие не средства (устный/письменный), а различие между общественным назначением (разговор/официальное изложение), в то время как различия между устным и письменным текстом, когда оба посвящены одному предмету и оба имеют характер изложения, менее значительны.

13. РР обнаруживается преимущественно в устной форме, но не может быть отождествлена с устной речью, так как и в КЛЯ существует устная форма (лекция, доклад, публичное выступление, сценическая речь и под.). Кроме того, остается нерешенным вопрос о том, может ли РР обнаруживаться в пись-

[21] О расширении сферы применения РР в русском языке советской эпохи см.: Т. Г. Винокур. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968.

[22] J. N. Ure. The Theory of Register and Register in Language Teaching. 1966, Essex.

менной форме, т. е. относятся ли частные письма, обмен записками и подобные виды письменности к РР или к КЛЯ [23].

При названных видах общения, хотя они и обнаруживаются в письменной форме, сохраняются две внеязыковые черты РР, которые были названы выше (неподготовленность и непринужденность речевого акта). Естественно, что эти черты обнаруживаются несколько по-разному в устной и письменной формах. Особенно «страдает» в письменной форме параметр «неподготовленность», поскольку письменная форма даже самого непринужденного вида переписки (ответ на вопрос в форме записки, так сказать «записочный диалог») допускает элементы некоторого обдумывания. Непосредственное участие коммуникантов при письменном общении также устраняется, но так как и письма, и тем более записки пишутся не вообще, а определенному лицу (или лицам), нередко содержат многочисленные обращения, вопросы, переспросы, то это свидетельствует об установке на непосредственную реакцию, на получение ответа. Для непринужденных писем и записок характерна общность апперцепционной базы и понимание с полуслова не меньшее, чем при устном общении. С точки зрения собственно языковой письма и устная РР также имеют очень много общего [24]. Однако окончательное решение вопроса о том, являются ли письма и записки письменной формой РР, будет возможно лишь после тщательного изучения большого массива писем и сравнения их с устной РР. Сейчас эта работа еще только начата.

14. Существует мнение, что хотя противопоставление «устная форма речи / письменная форма речи» не тождественно противопоставлению «разговорная речь / книжный (кодифицированный), литературный язык», все-таки устная форма речи есть основная характеристика РР, устная форма является универсалией функционирования РР [25], а другие ее признаки (непринужденность, создаваемая неофициальными отношениями между говорящими) менее существенны или совсем не существенны.

С этим утверждением нельзя согласиться по следующим соображениям.

При отграничении одного объекта от другого для того, чтобы установить характеристические черты каждого из них, целесо-

[23] См. об. этом: О. Б. Сиротинина. Разговорная речь и разговорный стиль. — В кн.: «Вопросы филологии» (Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, № 341). М., 1969.

[24] Частичным подтверждением того, что устная и письменная формы речи не являются решающим моментом для отнесения тех или иных речевых проявлений к РР или КЛЯ, служит исследование О. Б. Сиротининой глубины предложения (по Ингве) в частных письмах, лекциях и устной РР одних и тех же лиц. Автор приходит к выводу, что, несмотря на различие в форме речи, с точки зрения глубины предложения письма стоят ближе к устной РР, чем к лекциям (указ. соч., стр. 306).

[25] См., например: О. Б. Сиротинина. Указ. соч.

образно для исследования брать крайние, полярные (чистые) случаи, в которых рассматриваемые объекты наиболее четко и резко противопоставлены друг другу. Такими чистыми случаями будут неподготовленная непринужденная (неофициальная) устная РР, с одной стороны, и подготовленная официальная письменная речь, с другой.

Если мы откажемся от такого признака РР, как непринужденность (неофициальность), мы получим устную неподготовленную официальную речь. Отвлекаясь от всевозможных частных разновидностей, можно сказать, что существует две различные сферы протекания такой речи: непубличная (разговор пациента с врачом, беседа посетителя с народным судьей, разговор подчиненного с начальником и т. п.) и публичная, общественная (речь с трибуны, с кафедры, выступление на собрании, митинге, ответ на экзамене, выступление на ученом диспуте, например, на защите диссертации).

Каковы особенности той и другой речи?

1) Речь непубличная может вестись и на КЛЯ и на РР. Это зависит от различной оценки говорящими характера отношений между ними. Если взять такие ситуации, как разговоры посетителей с судьей, с врачом и т. п. при условии, что говорящие ранее не были знакомы, то они, как правило, ведутся на КЛЯ, но могут вестись и на РР, так как одни говорящие расценивают подобные отношения как официальные, другие — как нейтральные. Таким образом, кроме полярных (крайних) сфер применения РР и КЛЯ, существуют области промежуточные, которые могут обслуживаться и РР и КЛЯ [26]. Это объясняется спецификой устройства речевого поведения в современном русскоязычном коллективе. Именно поэтому, на наш взгляд, нерационально с методической точки зрения при изучении РР использовать такие материалы. Это значит использовать промежуточные явления (смазанные случаи), требующие особой интерпретации. Кроме того, в таких случаях надо учитывать и социально-психологическую характеристику говорящего. Ответ на вопрос, почему один говорящий избирает в данной ситуации РР, а другой не избирает, дает не лингвист, а психолог и социолог. Вот почему такие промежуточные ситуационные сферы могут использоваться только для сравнения — для установления того, как влияет тот или иной элемент ситуации на речь, как это предполагают делать, например, английские ученые из Эссекского университета, изучающие современную русскую речь [27].

[26] Подчеркнем, что, говоря о промежуточных областях, мы имеем в виду именно возможность различной оценки со стороны говорящих одних и тех же условий ситуации, а не промежуточный характер самих фактов языка. Оценив ситуацию тем или иным образом (как соответствующую КЛЯ или РР), говорящий использует факты или КЛЯ, или РР.

[27] См.: J. O. Ellis and J. N. Ure. Russian Register-Classification. Essex, 1966; J. N. Ure. Указ. соч. — Описание методики этой работы см.:

2) Еще дальше отстоит от непринужденной РР устная официальная публичная речь. Такая речь может иметь и обычно имеет более глубокие отличия от «чистой РР», чем речь официальная непубличная. Каковы признаки такой речи? Эта речь может отличаться от «чистой» РР не только отсутствием неофициальности, но и отсутствием полной неподготовленности, так как если даже она не читается по бумаге, она обычно, как правило, обдумывается, иногда заранее пишется или проговаривается, что совершенно несвойственно РР. Таким образом, публичная официальная устная речь — это речь лишенная спонтанного протекания. Эта речь может быть в той или иной степени лишена неподготовленности. Естественно, что объединение материалов такой речи с РР еще меньше может быть оправдано, хотя и в той, и в другой могут быть какие-то общие черты, объясняющиеся у с т н о й ф о р м о й обеих. Поэтому мы считаем особенно важным для разграничения сферы действия РР и КЛЯ такие понятия современной лингвистики как личная коммуникация / массовая коммуникация (personal communication / mass communication) [28]. Очевидно, что массовую коммуникацию обслуживает только КЛЯ [29]. Это показывает, что общественное назначение речи и характер отношений между говорящим и адресатом имеет исключительное значение для разграничения РР и КЛЯ.

Понимая указанным выше образом непринужденность речи, мы считаем, что РР обслуживает частную, неофициальную сферу общения [30], что оппозиция общественная сфера / частная сфера соответствует разграничению КЛЯ и РР.

Исходя из этих соображений, признак «неофициальность отношений между говорящими» признается нами крайне существенным для определения РР и для отграничения ее от смежных явлений. Именно он (при отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер) в совокупности с признаками неподготовленность и непосредственное участие говорящих в речевом акте составляет три внеязыковых характеристики РР. Отказ от этого признака приведет не к уяснению понятия РР, а к его «размазыванию», придаст ему расплывчатый характер. При от-

Е. А. З е м с к а я. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 28—33 (ротапринт).

[28] Ср. толкование этого термина в работе Н. И. Конрада «О языковом существовании»: «Этим термином обозначается исключительно обширная по сфере распространения и развертывающаяся при этом синхронно языковая коммуникация, имеющая своим содержанием самые разнообразные области жизни масс. Орудиями такой коммуникации служат пресса, радиовещание, звуковое кино, телевидение» («Японский лингвистической сборник». М., 1959).

[29] Поэтому выражение «говорить на КЛЯ» не представляется нам абсурдным. На КЛЯ можно не только писать, но и говорить: говорить в официальной обстановке, читать лекции, доклады, выступать на собраниях, по радио, по телевидению; обучение в школах и вузах также ведется на КЛЯ.

[30] Ср.: А. Е д л и ч к а. О пражской теории литературного языка. — В кн.: «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 556.

казе от признака «неофициальность» мы получаем недифференцированную сферу устной городской литературной речи. Это совсем другое явление, другой объект. Нецелесообразно называть его разговорной речью. Если называть разговорной речью доклад о международном положении, научное выступление и т. п., то понятие РР теряет всякое содержание. Такие речевые проявления объединяет с РР только устная форма.

Нередко выдвигается такое возражение: неясно, что́ такое неофициальные отношения между говорящими, а раз это неясно, лучше отказаться от этого признака РР. Мы считаем, что если исключить из исследования промежуточные, нечеткие явления, то понятие «неофициальные отношения между говорящими» приобретает необходимую отчетливость.

15. Подведем итоги. Внеязыковые характеристики РР — с точки зрения особенностей ситуации и с точки зрения говорящих — имеют принципиальное значение. Они необходимы для отграничения РР от смежных, сосуществующих с ней речевых сфер. В том речевом потоке, который составляет стихия современной устной городской речи, литературная РР должна быть отграничена: 1) от устной официальной речи (публичной и непубличной), т. е. от КЛЯ; 2) от просторечия, т. е. явлений, стоящих за пределами литературного языка. Называть эти три речевые сферы одним и тем же термином «разговорная речь» — нецелесообразно.

67500

Использование этих экстралингвистических характеристик РР важно и в методическом отношении. Отграничение РР от смежных стихий устной городской речи (просторечия и устной формы КЛЯ) достигается: 1) строгостью в отборе информантов и 2) проведением записей лишь в тех условиях ситуации, которые обеспечивают непринужденность речи.

Итак, мы предлагаем называть термином «разговорная речь» неподготовленную речь носителей литературного языка, обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установки на сообщение, имеющее официальный характер.

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ КОДИФИЦИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

16. Что же представляет собой разговорная речь, понимаемая так, как было сказано выше? Можно ли считать РР функциональным стилем литературного языка, стоящим в одном ряду со стилями деловым, научным, публицистическим?

Исследования последнего десятилетия показали очень существенные различия между РР и КЛЯ [31]. Эти различия столь велики,

[31] Из работ, основывающихся на материалах живой разговорной речи, нам известны: P. Adamec. K syntaxi hovorové ruštiny. «Bulletin Ústavu

что объединять их в пределах одной системы нет оснований. РР не может быть включена (вернее, втиснута) в систему КЛЯ. Считая, что языковая система [32] характеризуется специфическим набором языковых единиц и специфическими законами их функционирования, мы признаем РР особой, отличной от КЛЯ системой.

Вл. Барнетом была высказана мысль, что РР является функциональным стилем литературного языка, поскольку ее специфика состоит лишь в линейной организации [33], т. е. в синтагма-

ruského jazyka a literatury», 6, Praha, 1962; О. Б. Сиротинина. Порядок слов живой разговорной речи. — В кн.: «Вопросы синтаксиса и стилистики русского литературного языка», Куйбышев, 1963; Она же. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965; Она же. Разговорная речь и разговорный стиль. — В кн.: «Вопросы филологии. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», № 341, М., 1969; А. А. Николький. Очерки по синтаксису разговорной речи. Душанбе, 1964; O. Kafková. K lineárnímu typu řadění větných členů a celků v mluvené ruštině. «Československá rusistika», 1965, № 2; Т. Г. Винокур. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи. — В кн.: «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., «Наука», 1968; О. А. Лаптева. О структурных компонентах разговорной речи. — РЯНШ, 1965, № 5; Она же. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2; Она же. Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. — ВЯ, 1967, № 1; Она же. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. «Развитие синтаксиса современного русского языка», М., 1966; Она же. Расположение компонентов в группе «определяемое — одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи. «Русский язык. Грамматические исследования», М., 1967; Она же. Активное функционирование устно-разговорных синтаксических построений. — В кн.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., «Наука», 1968; Она же. Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — ВЯ, 1969, № 2; И. И. Ковтунова. Принципы словорасположения в современном русском языке. — В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967; И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. — Там же; И. Н. Кручинина. Синтаксис разговорной речи. «Русская речь», 1968, № 1; Она же. Конструкции с местоимением *который* в современном русском языке. — ВЯ, 1968, № 2. K. Chlupáčová. K lexikálně sémantické výstavbě mluvených projevů v ruštině. «Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury, XI, Praha, 1967; Кв. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Universita Karlova, Praha, 1970. См. также материалы конференций, посвященных изучению разговорной речи: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1966; «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1968; «Русская разговорная речь». Саратов, 1970.

[32] Необходимо сказать о нашем понимании термина «система», ибо он приобрел в языкознании очень разное понимание. В настоящей работе в этот термин вкладывается то содержание, которое ему придавал Ф. де Соссюр («Курс общей лингвистики». Пер. с франц. М., 1933).

[33] См.: Vl. Barnet. Jaký je lingvistický status hovorové ruštiny? «Československá rusistika», 1970, № 2.

тике. С нашей точки зрения, специфика РР имеется и в наборе единиц, т. е. в парадигматике, а также в строении языковых оппозиций.

Естественно, что вопрос о том, является ли РР особой системой, может быть окончательно решен лишь после детального изучения всех ярусов разговорной речи. Авторы надеются, что предлагаемое исследование содержит некоторые материалы для ответа на поставленный вопрос.

Назовем предварительно некоторые важнейшие специфические черты системы РР, учитывая, что целый ряд таких черт обусловлен охарактеризованными выше особенностями функционирования РР: связью с ситуацией, непосредственным участием говорящих в акте коммуникации, непринужденностью, спонтанным характером и преимущественным обнаружением в устной форме.

К специфическим чертам системы РР, обусловленным особенностями ее функционирования, относятся [34]:

1) В РР ситуация является полноправной составной частью акта коммуникации, она вплавляется в речь. Многие элементы коммуникации не имеют вербального выражения, так как они даны в ситуации. Эту особенность РР можно назвать конситуативностью (см. об этом ниже, в главах «Синтаксис», «Морфология», «Номинация»).

2) Жест и мимика также входят в РР как полноправные элементы акта коммуникации, дублирующие собственно языковые средства или заменяющие их (см. приложение «Жест») [35].

3) Преимущественное обнаружение РР в устной форме приводит к тому, что в РР особо важную роль играет интонация (оказывающая существенное влияние на синтаксис РР).

4) В РР велика роль явлений неканонической фонетики [36].

5) Линейное протекание РР без возможности вернуться назад (это черта характерна для всех видов устной речи), обусловленное спонтанным характером обнаружения РР, оказывает большое влияние на явления всех уровней РР.

Эти специфические черты системы РР резко отличают ее от системы КЛЯ. Если использовать наблюдения Л. С. Выготского над внутренней речью, то можно сказать, что РР занимает промежуточное положение между внутренней речью («речью для себя», речью незвуковой) и подготовленной, заранее обдуманной речью

[34] Здесь мы лишь называем эти черты. Их характеристика дается ниже, при анализе конкретного языкового материала.

[35] Очевидно, что при некоторых особенностях ситуации (например, разговор по телефону) жест и мимика не входят в акт коммуникации, т. е. каждый из говорящих может жестикулировать и выражать что-то мимикой, но собеседнику это остается недоступным.

[36] См., например: А. А. Реформатский. Неканоничная фонетика. — В кн.: «Развитие фонетики современного русского литературного языка», М., «Наука», 1966.

для других, обычно обнаруживающейся в письменной форме [37].

Сравнение систем РР и КЛЯ показывает большую близость между ними, а также их тесное взаимодействие. Однако при изучении РР именно как системы отчетливо обнаруживается следующее: 1) совпадающие по форме единицы РР и КЛЯ не являются функционально тождественными, а имеют различное место и роль в системах РР и КЛЯ [38].

Если использовать соссюровский пример с шахматами, то следует сказать, что РР и КЛЯ имеют разные правила игры, хотя некоторые фигуры в РР и КЛЯ похожи, т. е. внешнее сходство фигур не свидетельствует о тождестве их функций. Примером такой «фигуры», которая есть и в РР, и в КЛЯ, может быть им. п. существительного, функционально нагруженный в этих системах по-разному [39].

2) Системы РР и КЛЯ различаются набором единиц. Однако это различие не является только количественным. Отсутствие в РР каких-то единиц, наличествующих в КЛЯ, является не только фактом, свидетельствующим о своеобразии набора единиц в РР, но и фактом, свидетельствующим о специфике функций каких-то других единиц, которые принимают на себя функции отсутствующих.

17. Учитывая все сказанное, РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять.

Между РР и функциональным стилем имеется ряд существенных отличий:

1) Как справедливо пишет И. И. Ковтунова, «дифференциация стилей возможна, по-видимому, лишь в пределах одной системы, иначе понятие «стиль» теряет сколько-нибудь уловимые очертания» [40]. РР же представляет собой самодостаточную систему. Отдельные структурные особенности РР взаимосвязаны и предопределяют друг друга [41]. Так, например, разговорный

[37] См.: Л. С. Выготский. Мышление и речь. ОГИЗ—Соцэкгиз, М.—Л., 1934, стр. 310.

[38] Ср. замечание М. В. Панова о разговорной фонетике: «Разумеется, остается «омонимия» некоторых (и даже многих) единиц в текстах разговорной речи и в текстах «неразговорных». Какое-нибудь слово *дом* произносится одинаково в любых разновидностях современной речи. Но это несущественно: в любых двух самостоятельных языках всегда найдется известное количество единиц, одинаковых по звучанию и по значению» («Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, § 93).

[39] Функции им. п. существительного в КЛЯ описаны во многих трудах. Описание функций им. п. существительного в РР дано в работе: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах. . . См. также об этом в гл. «Синтаксис» настоящей работы.

[40] И. И. Ковтунова. Принципы словорасположения в современном русском языке., стр. 142.

[41] Представляло бы большой интерес изучение системы РР с точки зрения теории лингвистических импликаций. См.: Ю. С. Степанов. Область

порядок слов связан с особой, свойственной РР интонационно-ритмической организацией высказывания, специфическое строение номинаций РР обусловливает определенные особенности синтагматики (см. гл. «Синтаксис») [42]. Ни один из структурных компонентов РР не выступает изолированно. Между тем функциональные стили языка не представляют собой самодостаточных систем. Акад. В. В. Виноградов писал: «Термин „стиль языка“ и определение стилей как разновидностей языка, как „частных“ систем внутри „общей“ системы языка побуждает представлять их по образу и подобию языковой системы. Однако никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных стилей выражения („стилей“ языка), составленных из характерной для каждой из них совокупности столь же „изолированных элементов языка“» [43].

2) РР противопоставлена не отдельным функциональным стилям, а всему КЛЯ в ц е л о м [44], так как все функциональные стили литературного языка находятся в пределах КЛЯ. Иными словами: РР занимает совершенно особое положение по отношению к функциональным стилям литературного языка. Между тем, очевидно, что один из членов противопоставления (РР) не может быть приравнен к компоненту другого члена (одному из функциональных стилей КЛЯ), поэтому рассмотрение РР в качестве функционального стиля неправомерно.

лингвистических импликаций как сфера предвидения в языке. Отд. оттиск. «Советская социологическая ассоциация. Советский оргкомитет по подготовке VII Международного социологического конгресса». М., 1970.

[42] Об этом верно пишет О. А. Лаптева: «Явлениям, входящим в состав устно-разговорной разновидности литературного языка, свойственна системность. Обычно они выступают в совокупности, обусловливая друг друга в своем появлении в речи» (О. А. Л а п т е в а. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка, стр. 44). Ср. также наблюдения О. Б. Сиротининой над связью между особенностями интонации и порядка слов в РР: «Снижение интенсивности в конце фразы как закон обычного (не дикторского, актерского, лекторского и т. д. произношения) препятствует типичному для письменной речи размещению управляемых слов в постпозиции. При этом наиболее существенной особенностью разговорной речи является не постпозиция незначимых членов, а препозиция — значимых» (О. Б. С и р о т и н и н а. Первые итоги специального изучения разговорной речи. «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970).

[43] В. В. В и н о г р а д о в. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, стр. 71. — Ср. там же: «Связи и соотношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурные качества языка, не на формы и не на лексические или грамматические значения, а на социально-экспрессивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики» (стр. 67—68). Ср.: М. В. П а н о в. О стилях произношения. — В кн.: «Развитие современного русского языка». М., 1962, стр. 17, 24.

[44] См. об этом: И. Р. Г а л ь п е р и н. К проблеме дифференциации стилей речи. «Проблемы современной филологии». М., 1965.

Между РР и КЛЯ существует постоянное взаимодействие. Однако «взаимопроницаемость элементов этих двух систем имеет свои границы. В этом обстоятельстве кроется еще одна дополнительная причина невозможности применения к книжной и разговорной речи понятия „стиль речи“» [45].

Изучение допустимых границ взаимодействия этих двух систем совершенно не исследовано.

18. Раз РР не является функциональным стилем литературного языка, может быть, ее следует считать особым литературным языком? Если считать, что понятие я з ы к следует применять для названия лингвистических объектов, характеризуемых разными системами (т. е. имеющих специфический набор единиц и специфические законы их функционирования), то РР допустимо считать особым литературным языком.

Такое мнение было высказано нами вслед за М. В. Пановым в Проспекте «Русская разговорная речь» (М., 1968) [46]. Оно вызвало критику со стороны многих языковедов при обсуждении проспекта, проходившем в Институте русского языка АН СССР в феврале 1969 г., а также в печатных работах [47].

Однако никто из возражавших не ответил на вопрос о том, какая степень различий между лингвистическими объектами позволяет называть их разными языками. Что делает язык языком? Почему, например, мы объединяем под названием немецкий язык диалекты, имеющие очень значительные различия, и называем разными языками некоторые лингвистические объекты, обладающие гораздо большей близостью? Если различие между языками предполагает различие н а ц и о н а л ь н о г о (а возможно, и государственного характера), очевидно, что нет оснований называть разными языками РР и КЛЯ, функционирующие в пре-

[45] И. И. К о в т у н о в а. Указ. соч., стр. 142.

[46] Мнение о том, что РР представляет собой особый язык, высказывал М. В. Панов на заседании Сектора современного русского языка 14 марта 1967 г. К такому пониманию близки многие исследователи. Очень выразительно писал еще в 30-е годы Л. В. Щерба: «Литературный язык может настолько отличаться от разговорного, что приходится иногда говорить о двух разных языках» (Л. В. Щ е р б а. Современный русский литературный язык.— В кн.: «120 лет ЛГУ. Тезисы докладов». Л., 1939, стр. 18). См. также: И. И. К о в т у н о в а. Указ. соч., стр. 139—142; И. Н. К р у ч и н и н а. Синтаксис разговорной речи. «Русская речь», 1968, № 1.

Французскую РР считает особым языком А. Фрей. Он утверждает, что не существует общей грамматики КЛЯ и РР (H. F r e i. Le livre de deux mille phrases. Géneve, 1953, стр. 12; см. также: Au. S a u v a g e o t. Français écrit, français parlé. Larousse, Paris, 1962; Е. Ф. Г р и н е в а. О некоторых особенностях французской разговорной речи. — «Вестник МГУ, Филология», 1968, № 1). Ср. также понятие комплексного разговорного стиля, противопоставленного книжному стилю, в концепции К. Гаузенбласа (K. H a u s e n b l a s. Styl jazykových projevů a rozvrstvení jazyka. «Slovo a slovesnost», 1962, № 3).

[47] См.: Vl. B a r n e t. Jaký je lingvistický status hovorové ruštiny? «Československá rusistiká» 1970, № 2.

делах коллектива лиц, относящихся к одной нации. Однако решение вопроса о том, как следует использовать термин язык, естественно, не входит в наши задачи.

В ряде работ последних лет разговорную речь называют особым типом речи [48]. При этом термин т и п р е ч и остается нераскрытым, без определения.

Чем отличаются типы речи от функциональных стилей? Предполагает ли тип речи наличие у него особой системы? Существуют ли специфические законы синтагматики и парадигматики, характерные для типа речи? Все эти вопросы не находят пока ответа [49].

Нам представляется, что до тех пор, пока термин «тип речи» не получит однозначного определения, применение его не внесет ясности в изучение РР. Поэтому, настаивая на негативной характеристике РР (РР не есть функциональный стиль), мы не будем квалифицировать РР как особый тип литературного языка или особый литературный язык, а ограничимся утверждением, что РР представляет собой о с о б у ю с и с т е м у, имеющую специфический набор единиц и специфические законы их функционирования и противопоставленную КЛЯ в пределах литературного языка.

18. Итак, с нашей точки зрения, РР и КЛЯ противопоставлены как различные языковые системы, функционирующие в одном и том же языковом коллективе. Выбор между ними, как было показано выше, обусловлен экстралингвистически: специфическими для РР и для КЛЯ условиями ситуации.

Своеобразие отношений между этими двумя системами заключается в следующем:

1) Каждый носитель литературного языка, как правило, владеет и КЛЯ, и РР [50].

[48] См., например: О. Б. С и р о т и н и н а. Разговорная речь (определение понятия, основные проблемы). — В кн.: «Вопросы социальной лингвистики». Л., 1969, стр. 376.

[49] Ср. следующее высказывание О. Б. Сиротининой, которое можно рассматривать как определение термина т и п р е ч и: «Видимо, бытовой тип и обиходно-бытовая речь — это разные стороны одного и того же явления. Тип речи связан с ее х а р а к т е р о м (выделено нами. — *Е. З.*), термин «обиходно-бытовая речь» отражает прежде всего тематику и условия общения» (О. Б. С и р о т и н и н а. Указ. соч., стр. 387). Приведенное высказывание не проясняет понятия «тип речи», так как оно толкуется через х а р а к т е р р е ч и, тогда как сам термин «характер речи» остается неясным. Показательно, что О. Б. Сиротинина говорит о трех типах речи (бытовой, нейтральный, книжный), а Т. Г. Винокур о двух (книжный, разговорный).

[50] В виде исключения, существует феномен невладения РР. Он может объясняться либо профессиональными навыками — длительной необходимостью и отсюда привычкой говорить только на КЛЯ (например, у некоторых учителей средней школы), либо индивидуальной психологией говорящего.

С другой стороны, имеются лица (прежде всего дети), владеющие лишь РР и не знающие КЛЯ. Однако, как всякие исключения, эти явления лишь подтверждают общее правило существования двух систем литературного языка.

2) КЛЯ и РР, представляя собой разные языковые системы в н у т р и литературного языка, очень близки между собой на одних участках системы и очень далеки на других.

3) Использование КЛЯ или РР обусловлено особенностями ситуации [51].

19. Возможны и даже нередки случаи, когда люди, говоря на КЛЯ, используют отдельные элементы РР и наоборот. Как избежать при исследовании смешения этих двух систем? Как добиться чистоты изучаемого материала, чтобы не принять факты кодифицированного языка за РР? Ведь несомненно, что в тексты РР попадают отдельные явления, ей чуждые, типичные для КЛЯ. Отделить их особенно важно в тех случаях, когда отсутствие определенных факторов в РР может рассматриваться как показатель отсутствия в системе РР определенных единиц, конструкций, категорий.

Данные такого рода не учитывались нами только в том случае, если они были связаны с явной неоднородностью анализируемых текстов. Например, если внутри некоторых текстов происходит переход от КЛЯ к РР (как это иногда бывает в условиях магнитофонной записи, о которой сообщено информантам) или если речь данного информанта находится под сильным влиянием книжных стилей.

Объективная оправданность отсеивания этих материалов доказывается тем, что обычно появление одних книжных черт коррелирует с появлением других. В процессе работы с фонотекой происходит анализ записей; при этом, как правило, чуждые данной системе («неудобные» с точки зрения исследователя) факты концентрируются в определенном узком кругу записей. Выяснение условий записи и характеристика информанта позволяют объяснить их «книжность». С другой стороны, в основной массе записей, сделанных в наиболее естественных для РР ситуациях, такие факты отсутствуют.

20. Выше говорилось о многообразии применения термина разговорная речь (см. п. 2). Определение разговорный входит еще в один термин: разговорный стиль [52]. Терминологический ряд, в который включен этот термин, состоит из трех членов: в ы с о к и й стиль — н е й т р а л ь н ы й стиль — р а з г о в о р н ы й стиль. На наш взгляд, в этом ряду более естественным и целесообразным является синонимичный термин с н и ж е н н ы й стиль, четко противопоставленный своим определением терминам в ы с о к и й — н е й т р а л ь н ы й стили.

[51] Такое распределение «двуязычия» с первого взгляда кажется необычным. Однако аналогии ему не так уж редки в истории (ср. русское-французское двуязычие в России первой половины XIX в., когда применение французского языка было прикреплено именно к определенным ситуациям; ср. условия функционирования русского и церковнославянского языков в более ранние исторические эпохи).

[52] Ср. помету *разг.* в толковых словарях.

Как соотносится РР (в нашем понимании) со сниженным стилем литературного языка? Это — несовпадающие понятия. В синхронном плане они строго различны. Лишь подходя исторически, можно сказать, что РР дает материал (преимущественно лексический) для сниженного стиля литературного языка. Основная же часть РР (из области синтаксиса, морфологии, фонетики, номинативных средств — см. ниже соответствующие главы) находится вне сниженного стиля КЛЯ [53]. Важным отличием РР от сниженного стиля КЛЯ является также независимость РР от тематики общения и прикрепленность сниженного стиля именно к бытовой тематике [54].

РР является источником пополнения сниженного стиля экспрессивными элементами, прежде всего лексическими. Однако нужно подчеркнуть, что в сниженный стиль попадают в первую очередь те факты РР, которые наделены экспрессивностью в ней самой [55]. Несомненно, однако, что многие факты РР, будучи нейтральными в составе РР, попав в сниженный стиль КЛЯ, могут получить в нем экспрессивное звучание (вопрос о том, какие из фактов живой РР приобретают экспрессивность в сниженном стиле КЛЯ, нуждается в специальном изучении).

Таким образом, термин р а з г о в о р н ы й в ряду в ы с о к и й (книжный) — н е й т р а л ь н ы й (средний) — с н и ж е н н ы й (разговорный) и в сочетании «разговорная речь» — с нашей точки зрения, омонимы.

21. Подведем итог вышесказанному. В нашем понимании, РР — это особая языковая система, которая имеет специфический набор языковых единиц и специфические законы их функционирования. По существу, это разговорный язык, но мы сохраняем за ним название «разговорная речь» в силу его привычности.

Авторы отчетливо сознают неудобства такого употребления термина «разговорная речь»: они ставят перед собой задачу изучения системных явлений (т. е. фактов я з ы к а) и, следовательно, должны различать в имеющихся у них текстовых материалах факты языка и р е ч и; называют же они и те, и другие нерасчлененным и в значительной мере условным термином «разговорная речь».

[53] Между тем отождествление РР со сниженным стилем КЛЯ наблюдается не столь редко. Многие исследователи помету *разг.* в словарях прямо толкуют как «принадлежащий РР».

[54] См.: О. Б. С и р о т и н и н а. Первые итоги специального изучения разговорной речи.

[55] Ср. разграничение «сильных» (экспрессивных) и «слабых» (неэкспрессивных) разговорных элементов в статье В. Д. Левина «Литературный язык и художественное повествование». — В кн.: «Вопросы языка современной русской литературы». М., «Наука», 1971, стр. 18; см. также: Кв. К о ж е в н и к о в а. Спонтанная устная речь. . .

22. Наличие особой системы РР позволяет говорить о том, что у нее есть своя система норм.

В отличие от книжного литературного языка нормы РР никем сознательно не устанавливаются и не опекаются. По отношению к РР не ведется кодификаторская работа, борьба за сохранение ее норм, их чистоту и устойчивость [56]. Именно поэтому для того, чтобы подчеркнуть различие между книжным литературным языком и РР, целесообразно применять по отношению к первому определение к о д и ф и ц и р о в а н н ы й [57], так как определение нормированный, применимо и к РР, поскольку она имеет свои нормы.

Особенность норм РР состоит в том, что они обладают большей вариативностью, чем нормы КЛЯ, причем сама эта вариативность явлений РР существенным образом отличается от вариативности явлений книжного языка. Для норм КЛЯ существенно «преодоление нефункционального многообразия единиц» [58], т. е. тяготение к закреплению за каждым вариантом того или иного оттенка общего значения. В отличие от этого нормы РР не тяготеют к функциональной дифференциации вариантов. Их можно уподобить шкале с делениями, на которой откладываются возможные (допустимые нормой) варианты того или другого явления. За пределами этой шкалы находятся явления внелитературные.

Таким образом, вариативные единицы книжного литературного языка образуют ряд, члены которого, как правило, функционально разграничены, т. е. используются для выражения нетождественных функций.

Для РР характерны вариативные ряды иного рода: их члены функционально тождественны.

В этом отношении нормы РР в какой-то степени близки диалектным нормам. Ср.: «В диалектах, конечно, тоже есть границы между тем, что хорошо и обычно в речи, и тем, что смешно и недопустимо. Однако пределы допустимого очень широки; синонимия единиц и моделей исключительно велика; использование и того, и другого, и третьего способа выражения оказывается функционально никак не разграниченным» [59].

[56] Лишь некоторые изолированные явления РР из области лексики и ударения попадают в сферу внимания нормализаторов.

[57] Термин «кодифицированный» в таком значении введен Б. Гавранком. См.: Б. Г а в р а н е к. Задачи литературного языка и его культура (1932). — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, стр. 338—341, 376—377.

[58] М. В. П а н о в. Русский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. I. М., 1966, стр. 56.

[59] М. В. П а н о в. О развитии русского языка в советском обществе. (К постановке проблемы). — ВЯ, 1962, № 3, стр. 4.

Конечно, говоря об этой особенности нормативных явлений в РР, мы имеем в виду их типические свойства, характерные черты, а не абсолютную характеристику.

Вариативность такого рода свойственна явлениям разных ярусов РР — фонетике, морфологии и словообразованию, синтаксису, лексике (о вариативности явлений разных ярусов см. в соответствующих разделах).

Однако нормы РР имеют и некоторые отличия от норм диалектных. В диалекте то, что часто встречается, и есть норма. Если диалектолог приезжает в деревню и слышит, что в речи значительной части коренного населения деревни есть определенные черты, он не может их игнорировать, он должен считать эти черты принадлежностью данного диалекта.

В РР же наряду с понятием общепринятого есть понятие правильного/неправильного. Нельзя считать, что в РР нет запретов, все допустимо. Однако высокая вариативность РР, ее преимущественное функционирование в устной форме затрудняет отграничение ошибок, оговорок и т. п. явлений, нередко встречающихся в РР, от ее типических структур, от фактов, допустимых ее нормами. Особенно труден в этом отношении синтаксис РР.

В настоящее время — при слабой изученности всего массива РР и отсутствии его полного описания — важным критерием для установления нормативности тех или иных явлений РР служит их встречаемость в речи многих лиц, владеющих литературным языком. Поэтому в настоящей работе будут описываться преимущественно те явления РР, которые встретились нам в речи многих носителей литературного языка.

Помимо этого критерия, для того, чтобы дифференцировать правильное от неправильного, разграничить ошибки, оговорки и факты, отвечающие нормам РР, нами используются коллективное языковое чутье участников работы и метод взаимопроверки.

При этом авторы работы выполняют роль, отводимую обычно информантам [60], так как все они являются носителями литературного языка и отвечают требованиям, предъявляемым нами к информантам. Эта роль усилена количественно: пять авторов выступают как один информант. Если хотя бы один считает какой-либо факт не отвечающим нормам РР, сомнительным, данный факт в работу не включается. Таким способом из материала исключаются речевые ошибки, оговорки и т. п. явления, могущие встретиться в речи лиц, владеющих РР.

Приведем несколько записей, по нашему мнению, не отвечающих нормам РР: *Они избежали от этого штрафа*//; *Делается предпосылка на это*//; *А у меня еще к Вам очень серьезное опасение*//.

[60] Правомерность объединения в одном лице автора работы и информанта (типичного носителя данного языка) убедительно обоснована А. А. Шахматовым в его «Очерке современного русского литературного языка». Л., 1925, стр. 5.

24. Утверждение, что РР представляет собой систему, отличную от системы КЛЯ, выдвинуто нами на основании имеющихся в науке данных о РР, полученных как нашим коллективом, так и другими исследователями (см. выше указание на литературу). Это утверждение является нашей гипотезой, которая будет полностью доказана лишь после досконального изучения всего массива РР, подробного описания всех участков ее системы. Наше исследование является одним из первых шагов по этому пути.

Не может ли привести к искажению фактического материала то обстоятельство, что эта гипотеза кладется нами в основу исследования? Нам кажется, что такие опасения неосновательны. Описание РР как самостоятельной системы не может привести к искажению представлений о ней, так как оно должно будет отразить и то, что отличает РР от КЛЯ, и то, что ее сближает с ним.

В результате исследования может оказаться, что наша гипотеза ошибочна и что РР не является самостоятельной системой, так как не имеет специфического набора единиц и специфических законов их функционирования. Наш способ описания не исказит этого факта. В том же случае, если бы мы с самого начала изучали РР методом перевода и синонимического соотнесения с КЛЯ, нам не удалось бы описать своеобразие системы РР, даже если оно имеется.

Исследование системы РР предполагает систематическое описание единиц всех ярусов РР и законов их сочетания и чередования, т. е. составление грамматики и словаря РР. Очевидно, что эта задача не могла быть выполнена небольшим авторским коллективом за небольшой срок. Настоящее исследование является по необходимости фрагментарным.

При изучении РР как системы, т. е. изучении РР изнутри, возникает значительная методическая трудность. Можно ли описать РР без оглядки на КЛЯ? Можно, но нецелесообразно. Сравнения РР и КЛЯ явились важным приемом описания: для того, чтобы показать специфические черты РР, было необходимо установить отличия между нею и КЛЯ. Однако такие сравнения — лишь полезный методический прием, позволяющий уяснить специфику РР как особой языковой системы. В этой работе нет установки на дифференциальное описание РР, т. е. на описание только того, что отличает РР от КЛЯ.

Задача нашего исследования состояла в том, чтобы установить не только «материальное» отличие РР от КЛЯ, но и вскрыть функциональную специфику единиц РР, в том числе и тех, которые совпадают по форме с единицами КЛЯ. Для решений этой задачи не подходил дифференциальный метод описания, направленный на регистрацию «внешних», материальных отличий РР от КЛЯ.

В настоящей книге выбран иной путь. Нам представлялся особенно важным не столько дифференциальный или количественный [61] аспекты исследования РР, сколько качественный (системный). Именно поэтому, несмотря на то, что исследованию были подвергнуты лишь отдельные фрагменты РР, авторы стремились изучить их как участки единой системы, так чтобы фрагментарность работы не устраняла системный подход к анализируемому материалу. При этом само сравнение разговорного языка с книжным велось так, что сопоставлению подвергались не изолированные синонимичные факты, а отдельные участки системы КЛЯ и РР.

25. Наша задача — изучить РР как целостную языковую систему (как уже говорилось, пока исследованы лишь отдельные фрагменты системы), как единый лингвистический объект — отличается и от других задач, которые выдвигают лингвисты: установить, какие черты РР определяются ее устной формой, а какие зависят от таких условий ее протекания, как непринужденность обстановки, неофициальность общения. При этом разные ученые, изучающие зависимость лингвистических фактов от устной формы речи, ставят перед собой разные цели, например: а) установить совокупность признаков, объединяющих все виды устной речи [62]; б) разграничить в РР факты «устности», не наделенные функцией выразительного средства, от фактов «непринужденности», которые по своей природе являются экспрессивными и которые могут быть использованы в КЛЯ в качестве выразительного средства [63].

Задачи такого рода выходят за пределы этой книги. Более того, мы считаем, что они могут быть решены лишь после того, как будет создано полное описание самой РР как единого лингвистического объекта. Устанавливать, какие черты РР определяются устной формой, а какие — непринужденностью общения, на наш взгляд, будет возможно лишь после того, как станет известно, что же представляет собой РР, каковы ее типические черты [64].

[61] См., например: Т. А. Вишнякова. Некоторые количественные характеристики разговорной речи. Автореф. канд. дисс. М., 1967; Э. А. Ключкова. О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях русского языка». — «Вопросы славянского языкознания», изд. Саратовского гос. ун-та, Саратов, 1968; Она же. О распределении классов слов в живой разговорной речи. — «Вопросы стилистики», вып. III, Саратов, 1969.

[62] См., например: О. А. Лаптева. Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. Ср.: О. Б. Сиротинина. Первые итоги специального изучения разговорной речи, стр. 67.

[63] См.: В. Д. Левин. Указ. соч., стр. 17—18. — Для разграничения фактов первого и второго рода В. Д. Левин предлагает термины «слабые» элементы разговорной речи (они «обусловлены самóй формой (устной — *Е. З.*) функционирования данного речевого типа») и «сильные» элементы разговорной речи (они «свободны от такой обусловленности»).

[64] С этой точки зрения показательно построение книги Кв. Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе». Praha, 1970. Разделам,

Для характеристики РР как целостной языковой системы (а мы ставим перед собой именно такую задачу) предложенное В. Д. Левиным разграничение представляется несущественным. Изучая РР как единый лингвистический объект, важно охарактеризовать в с е ее черты: как те, которые объясняются ее тесной связью с конситуацией и функционированием в устной форме и, следовательно, сближают ее с другими лингвистическими объектами, для которых характерна устная форма (таковы, например, территориальные диалекты и «разговорные речи» других европейских языков [65]), так и те, которые объясняются ее непринужденным характером. Исследование и тех, и других черт РР представляется необходимым для описания с и с т е м ы РР, во-первых, потому что многие явления РР порождаются и «устностью», и непринужденностью одновременно, во-вторых, потому, что различные черты РР находятся во взаимодействии и взаимообусловленности. Вот почему только комплексная характеристика в с е х черт РР может дать представление о своеобразии системы разговорной речи [66].

26. Мы не можем согласиться с мнением В. Д. Левина, что лишь те черты РР, которые не зависят от устной формы, а связаны с непринужденностью общения, могут играть роль выразительного средства в КЛЯ. Многие черты РР, связанные с ее устной формой, выходя за пределы РР, функционально преобразуются и получают экспрессивную нагрузку. Это относится прежде всего к явлениям синтаксиса (ср., например, такие факты, как повторы, самоперебивы, колебания в выборе слов, конструкций и т. п. явления, которые в живой РР не несут экспрессивной нагрузки, и использование подобных фактов в качестве характерологического средства в языке художественной литературы).

Известно, что речевое «топтание на месте», объясняемое в живой РР именно фактором неподготовленности и устной формой (т. е., по терминологии В. Д. Левина, — слабые элементы), широко используется как экспрессивное характерологическое средство в языке художественной литературы [67]. Это мнение подтверждает Ю. М. Скребнев, исследующий факты современной советской литературы: «тексты, в которых разговорная лексика [т. е. «сильные» элементы по В. Д. Левину] полностью отсутствует,

в которых рассматриваются принципы и приемы отражения фактов живой устной речи в языке художественной литературы, предпослан особый раздел, посвященный характеристике естественной устной речи.

[65] См. интересное исследование Ю. М. Скребнева, в котором рассматриваются «типологические аналогии разговорной речи нескольких индоевропейских языков». См.: Ю. М. С к р е б н е в. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Докт. дисс. Горький, 1971, стр. 11.

[66] Ср. в этой связи: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., «Просвещение», 1967.

[67] См., например: В. В. В и н о г р а д о в. Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский. «Academia», Л., 1929.

а имеется лексика более «высоких» слоев (официально-деловая или научно-техническая), но синтаксис следует разговорным моделям, представляют собой несомненно образцы разговорной речи» [68].

В качестве стилистического средства, выполняющего характерологические функции в языке художественного произведения, используются и фонетические особенности РР (т. е. еще «более слабые», чем синтаксические). Показательно при этом, что самые обычные, распространенные фонетические черты РР [69], широко свойственные высококультурным говорящим, при перенесении их в язык художественной литературы служат средством определенной характеристики персонажа — его недостаточной культурности, «косноязычия», неумения говорить литературно и т. п.

СИНКРЕТИЗМ И РАСЧЛЕНЕННОСТЬ КАК ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА СИСТЕМЫ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

27. Предлагаемое ниже описание отдельных фрагментов системы разговорной речи осуществлено под определенным углом зрения — как изучение явлений синкретизма и расчлененности в системе [70]. Действием этих двух противоборствующих тенденций пронизаны явления всех ярусов РР, поэтому их можно в какой-то мере считать общими, генеральными признаками системы РР [71].

Термины с и н к р е т и з м и р а с ч л е н е н н о с т ь употребляются как антонимы. Здесь им придается то значение, которое обычно принято обозначать этими терминами, но значи-

[68] См.: Ю. М. С к р е б н е в. Указ. соч., стр. 172—173. — См. там же анализ текстов художественной литературы.

В иной связи такого же рода выводы делает Кв. Кожевникова, характеризуя роль лексических «средств со стилистической окраской разговорности, в особенности средств, наделенных яркой экспрессивностью», в языке художественной прозы. Она убедительно показывает, что включение таких средств «в сложный, замысловато построенный синтаксический период. . . не может вызвать ассоциаций со спонтанной устной речью» (Кв. К о ж е в н и к о в а. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1971, стр. 144—145).

[69] Таковы факты разного рода типа: *смарéл* (смотрел), *хóдит* (ходит), *вúдит* (видит), *щас* (сейчас), *тыща* (тысяча) и т. п.

[70] Оговоримся сразу, что действие этих тенденций понимается как явление синхронии (а не диахронии), т. е. как «некий регулятор» системы, ее внутренний механизм.

[71] Некоторые исследователи РР применяют аналогичное противопоставление, используя при этом другие термины. См.: P. A d a m e c. Указ. соч.; Ю. М. С к р е б н е в. Типологические аналогии в синтаксисе разговорной речи неблизкородственных языков. — В кн.: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1968.

тельно расширенное. Так, если обычно говорят о синкретизме и расчлененности только плана выражения [72], то в настоящей работе названные термины употребляются не только в этом смысле. Мы считаем возможным рассматривать синкретизм (resp. расчлененность) РР в разных аспектах:

1. Синкретизм / расчлененность РР в плане выражения;
2. Синкретизм / расчлененность РР в плане содержания;

А. Синкретизм / расчлененность в парадигматике;

Б. Синкретизм / расчлененность в синтагматике.

Названные виды синкретизма/расчлененности могут переплетаться, вступая в сложное взаимодействие.

Сознавая всю отрывочность подобных иллюстраций, приведем примеры из различных ярусов системы РР.

1. Синкретизм в плане выражения — широкое распространение бессоюзия для выражения разного рода смысловых отношений (ср. выражение аналогичных отношений с помощью союзных конструкций в самой РР и в КЛЯ), широкое использование немаркированных членов оппозиций в морфологии (см. гл. «Морфология»).

Расчлененность в плане выражения — наличие многочисленных неоднословных номинаций, синонимичных однословным, типа: Дай *чем писать (=ручка)*, Возьми *чем укрыться (=одеяло)*.

2. Синкретизм в плане содержания — широкая употребительность слов с общим (местоименным, «отсылочным») значением (типа *вещь*, *штука*, *дело*), наличие обобщенных номинаций, обозначающих предмет недифференцированно — по какому-либо одному общему признаку, чаще всего по функции (ср. *чем писать — ручка*, *карандаш. . .*; *чем стирать — мыло*, *стиральный порошок*, *паста. . .* (см. гл. «Номинация»). Синкретизм семантики таких номинаций обнаруживается в том, что они замещают дифференцированные обозначения предметов, могущих обладать данной функцией. *Чем писать* — любой предмет, годный для письма, *чем укрыться* — любой предмет, годный для укрывания и т. п. Таким образом, подобные номинации называют предмет нерасчлененно, недифференцированно. Следовательно, такие номинации являются расчлененными по форме (строению) и синкретичными по содержанию.

Расчлененность в плане содержания — высокая продуктивность производных слов разных типов, являющихся мотивированными обозначениями лиц, предметов, процессов и т. п. (типа *прочищалка*, *держалка* и т. п., см. гл. «Номинация»).

А. Синкретизм в парадигматике — отсутствие специализированных глагольных и адъективных форм для выражения полупредикации (см. гл. «Морфология»).

[72] См.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Расчлененность в парадигматике — наличие специализированных звательных форм (типа — *Петь*!; *Петь-а-Петь*!; *Петя-а—Петь!*).

Б. Синкретизм в синтагматике — явление интерференции в синтаксисе, полифункциональность форм им. п. имени существительного (см. гл. «Синтаксис»).

Расчлененность в синтагматике — именительный темы при наличии местоименных коррелятов во фразе, наличие лексических актуализаторов типа *что*, *как*, *да / нет* и др. (см. гл. «Синтаксис»).

Каждый из названных выше видов синкретизма / расчлененности может рассматриваться двояко: а) по отношению к системе самой РР; б) по сравнению с КЛЯ, создавая таким образом особый аспект освещения:

а) синкретизм / расчлененность в системе самой РР;

б) синкретизм / расчлененность в системе РР по сравнению с системой КЛЯ.

В приведенных выше примерах уже использовались эти два аспекта исследования. Приведем еще один пример, когда то или иное явление может быть изучено в самой РР и в РР по сравнению с КЛЯ: синтагматика им. п. существительного может рассматриваться по сравнению с синтагматикой этой словоформы в КЛЯ, но может изучаться и независимо от КЛЯ — изнутри самой РР (описываются функции этой словоформы в высказываниях РР, см. гл. «Синтаксис»).

Эти два аспекта исследования находят разное отражение в последующих главах. Сравнение морфологии РР с соответствующими участками системы КЛЯ явилось основным приемом исследования в главе «Морфология». Объясняется это спецификой самого языкового материала: на морфологическом уровне основное своеобразие РР обнаруживается прежде всего в таких глубинных фактах, как строение морфологических оппозиций, означаемое грамматических категорий. Факты этого рода и были в центре внимания исследования.

В других главах тенденции к синкретизму / расчлененности рассматривались преимущественно по отношению к системе самой РР, т. е. устанавливались типические черты отдельных участков системы РР с названных точек зрения.

Особая задача состояла в том, чтобы обнаружить синкретизм / расчлененность на незнаковом уровне — в фонетике. Очевидно, что эти явления существуют там только в плане выражения. Синкретизм в фонетике обнаруживается в большем числе нейтрализаций фонем, в редукциях и стяжениях разного рода, расчлененность — в образовании «вставных» гласных, разрежающих скопление согласных фонем (типа [ру́бъл'], [т'а́тър] и т. п.).

Дальнейшее исследование покажет, насколько избранный подход оказался плодотворным при изучении РР.

28. Возникает вопрос, почему явления синкретизма и расчлененности столь активны в системе РР. По всей вероятности, это объясняется внеязыковыми особенностями РР.

Обнаружение РР преимущественно в устной форме, как речи неподготовленной, спонтанно протекающей, приводит к тому, что эта речь строится «на ходу», часто без достаточного обдумывания и вследствие этого содержит много явлений расчлененности и в плане выражения, и в плане содержания [73].

С другой стороны, непринужденность обстановки, тесная связь речи и ситуации создают такую опору на внеязыковую действительность, которая помогает говорящему оставлять многое недосказанным. Все это создает почву для синкретизма РР.

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ И СОБИРАНИИ МАТЕРИАЛА

29. **Информанты.** В соответствии с принятыми в этой работе принципами (см. выше), мы избрали в качестве своих информантов людей с образованием высшим (преимущественно) и средним, родившихся и выросших в городе. Все они — носители литературного языка. Основной материал был собран нами в 1967—70 гг. в Москве и Ленинграде. Бóльшая часть наших информантов — коренные жители этих городов. Многие из них — потомственные москвичи или ленинградцы, т. е. и их родители (а у некоторых и деды) родились и жили в этих городах. Мы стремились к тому, чтобы наши информанты представляли разные возрастные группы: младшую (17—27 лет), среднюю (28—49 лет) и старшую (от 50 лет и старше).

Что касается профессии наших информантов, то это были: рабочие (со средним образованием), инженеры разных профилей, химики, физики, геологи, врачи, искусствоведы, историки, преподаватели высшей и средней школы, библиотекари, бухгалтеры, переводчики, лингвисты, художники, металлург, скрипачка, актер, писатель, балерина. Среди информантов было много студентов технических и гуманитарных вузов (всего около 120 человек).

30. **Методика записи.** В качестве основного средства собирания материала нами были избраны магнитофонные записи речи. Только магнитофон позволяет зафиксировать звучащие тексты большой длины без каких-либо смысловых или структурных искажений их.

Перед собирателями разговорной речи стояла трудная задача:

[73] От явлений расчлененности в языке следует отличать явления расчлененности в речи, когда говорящий повторяется, топчется на месте, перестраивается, оставляя тем самым себе время для обдумывания. См. об этом в рец. Т. М. Николаевой «Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях)». — ВЯ, 1970, № 3.

записать живую речь без тех «помех», какие вносит в естественную жизненную ситуацию само присутствие магнитофона. Наиболее ценны в лингвистическом отношении те записи, которые были проведены нами без ведома информантов. Однако понятно, что это было возможно лишь в небольшом количестве случаев, — тогда, когда нашими информантами были близкие родственники самих собирателей, или тогда, когда к магнитофону настолько в доме привыкли, что не замечали, когда он работает, а когда выключен. В большинстве же случаев люди знали, что магнитофон включен и их речь записывается.

Собиратели в каждом случае стремились создать между собой и информантами атмосферу непринужденного общения, понимания. Если не удавалось установить достаточно хороших контактов с информантами, то запись не производилась. Как правило, мы не записывали диалогов с совершенно незнакомыми нам людьми. Почти во всех случаях нашими информантами были люди, нам известные, знающие нас, иногда — знакомые наших родственников, друзей и т. д. Стремясь к непринужденности обстановки, мы старались проводить записи в условиях, способствующих непринужденности общения и наиболее привычных для наших информантов, т. е. не в студии и не в чужом доме. Если аппаратура (не достаточно направленный микрофон магнитофонов «Репортер-3» и «Репортер-5») не позволяла записать «чистый» голос без шумного фона (шаги, передвигание стульев, звон посуды и т. д.), мы жертвовали качеством записи в пользу естественности и раскованности ситуации. Никакая технически совершенная студийная запись на стационарных магнитофонах не дала бы нам желаемого результата.

Помимо магнитофонных записей, было сделано большое количество блокнотных заметок, которые служили нам дополнительным материалом. Карандашом записано большее число городских стереотипов — высокочастотных вопросно-ответных реплик, формул. Иногда в этих случаях применялся также метод «скрытого микрофона».

31. **Типичные ситуации разговорной речи.** При собирании материала мы стремились к тому, чтобы охватить как можно большее число типов привычной реализации разговорной речи, чтобы в поле исследования оказались все главные жанры ее, все виды.

По количеству участников речи выделяются м о н о л о г, д и а л о г и п о л и л о г. Особый жанр РР — короткий о б м е н р е п л и к а м и на ходу (приветствия — прощания, знакомство, различные просьбы, вопросы и т. д.). Монолог реализуется в РР обычно в виде рассказа об увиденном, услышанном, пережитом или пересказа прочитанного. Наиболее типичная ситуация для такой реализации — присутствие не одного слушателя, а нескольких. Если разговаривают двое, то монолог «разрушается» репликами собеседника и становится диалогом (мы говорим о самых типичных, распространенных, обычных ситуациях). Если

монолог — это один говорящий и несколько слушателей, то диалог — один говорящий и один слушатель, а полилог — n говорящих и n слушателей ($n>1$).

Распространеннейшие жанры диалога — дружеская беседа, непринужденная болтовня, разговоры двух лиц в семье, с соседом и т. д. Все телефонные разговоры — монополия диалога.

Полилог — это обычная ситуация «гостей», вообще почти всякой встречи за столом — в семье, школе, столовой, кафе. . . Материя речи в полилоге строится из множества реплик, которые часто не только следуют одна за другой во времени, но и идут одновременно, накладываются друг на друга, перехлестывают друг друга, взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Полилог — не просто количественное увеличение числа говорящих и слушающих. Он включает в себя черты и монолога, и диалога, но тем не менее по ряду признаков представляет собой своеобразный жанр речи.

Для выяснения специфики названных жанров РР необходимо ввести не только представление о количестве говорящих и слушающих, но и представление о количестве развиваемых в разговоре т е м р е ч и. Монолог и диалог объединяются в том, что для них возможно одновременное развитие лишь одной темы. Полилог же может развивать в одно и то же время несколько тем. Это очень важно с лингвистической точки зрения: с точки зрения сцепления и расподобления реплик, строения вопросно-ответных единств, установления связей в высказывании и т. п.

При записи живой речи важно охватить не только все ситуативно релевантные параметры обстановки (непринужденность общения, количество участников речи и т. д.), но и всевозможные «семантические ситуации», возникающие при ежедневном общении (типа согласие / несогласие, разрешение / запрещение, просьба, совет, обещание, заверение, извинение, благодарность, разъяснение чего-либо, уточнение, понимание / непонимание чего-либо и т. д. и т. п.).

Чрезвычайно важны также психологические установки говорящего / слушающего. Здесь надо учитывать склонность (несклонность) собеседника продолжать начатую тему, желание (нежелание) выслушать чужое мнение, реакцию на непонимание партнера и т. п. Все эти и им подобные психологические и социологические явления в процессе ежедневного непринужденного языкового общения людей еще ждут своего исследователя.

Нашей же целью было — охватить как можно больше жанров и типов речи, постараться не пропустить ни одной типичной для РР ситуации.

Нами были записаны многочисленные беседы и разговоры в семье, в гостях и просто на улице, в парке, на прогулке. Разговоры сослуживцев на производственные и бытовые темы. Разнообразные «магазинные» миниатюры. Различные виды телефонных разговоров. Беседы в курительной комнате. Множество

стереотипных реплик в ситуациях: столовая, кафе, городской транспорт, мастерская, ателье, газетный киоск, справочное бюро, почта, поликлиника, аптека, касса кино, театра.

32. Все владеющие разговорной речью используют своеобразные разговорные единицы и формы речи. Но не все «знают» об их существовании (разговорная речь имеет характер стихийный и спонтанный, часто неосознаваемый самим говорящим!). Написанные на бумаге, зафиксированные в непривычной письменной форме, эти единицы и формы разговорной речи вызывают удивление, а иногда и возмущение. Против них предубеждены даже некоторые лингвисты.

Известно, что не все люди хорошо слышат свою речь и не все могут правильно оценить некоторые факты языка с точки зрения их употребительности / неупотребительности.

Нами был проведен небольшой эксперимент. Мы попросили своих информантов заполнить следующую анкету:

I. Считаете ли Вы, что вполне образованные люди могут сказать в непринужденной обстановке (дома, с друзьями и т. п.) так:

1. Принеси мне *во что завернуть*.
2. У тебя есть *чем писать?*
3. Носки я рада что купила.
4. Роди́тели что не сказали — это, конечно, очень нехорошо.

II. Как Вы относитесь к приведенным ниже выражениям? Вызывают ли они у Вас раздражение?

1. Я *сгущенку* забыл купить (т. е. сгущенное молоко). Давай *попутку* поймаем (т. е. попутную машину).
2. Улица Горького — как пройти?; Следующая — выходите?
3. А *суббота* у вас есть? (в магазине — о простокваше за субботу); *От головы* у тебя есть что-нибудь? (от головной боли).

40 информантам было предложено сначала заполнить эти анкеты-вопросники (ответив в каждом случае «да» или «нет»), а затем прослушать прочитанные с непринужденной интонацией эти же фразы и ответить, считают ли они, что вполне образованные люди в непринужденной обстановке могут так сказать.

Результаты этого опыта не принесли нам неожиданностей. Бо́льшая часть опрошенных отвергала записанные фразы и принимала произнесенные. На многих анкетах стоят пометки проводивших опыт — «но сам так говорит»; «именно такие формы записаны от этого информанта» и т. п.

Мы обратились с этими вопросниками к ряду наших видных ученых — академиков, членов-корреспондентов и докторов наук. Как известно, это именно те люди, которые являются наиболее ревностными хранителями языковых традиций и сторонниками чистоты литературного языка. Кроме того, это очень единая в возрастном и социальном отношении группа — люди старшего поколения, высокоавторитетные и уважаемые.

Для нас очень ценны полученные ответы. Именно среди этих строгих «ревнителей» и «хранителей» мы приобрели немало сто-

ронников. Многими была правильно понята наша главная установка — изучается непринужденная речь.

Вот некоторые ответы:

«В определенном контексте, в определенной ситуации это понятно» (чл.-корр. АН СССР, математик).

«Не раздражаюсь. Я по характеру человек не такой уж раздражительный» (чл.-корр. АН СССР, биохимик).

«Сам не говорю так, но не раздражает. Привык» (чл.-корр. АН СССР, физик).

«Не вызывает (раздражения). Неохотно, но могу это выражение принять (сам — не скажу так)» (академик, химик).

«Зависит от обстоятельств и интонации» (чл.-корр. АН СССР, астроном).

«Может быть исключено, но не категорически» (академик, авиаконструктор).

«Сокращенные выражения, пожалуй, вполне допустимы» (чл.-корр. АН СССР, экономист).

«Живая речь ищет сокращений в наше динамичное время. Процесс естественный и неустранимый. . . Была бы даже смешна в непринужденной ситуации педантичная, полная фраза. . . Мое «увы!» — что ж! Лишь эмоциональная реакция на не совсем привычное» (академик, историк).

К этим общим выводам проведенного эксперимента надо добавить еще и следующее. В нашей анкете все лингвистические факты были сдублированы (*сгущенка*, *попутка; во что завернуть*, *чем писать;* две однотипные метонимии и т. д.). Ответы же к этим однотипным в лингвистическом отношении примерам часто были разные.

Одни информанты принимали «сгущенку» и отвергали «попутку»; другие — как раз наоборот, и так во всех парах [74]. В оценку включались личные пристрастия и привычки каждого говорящего. Совершенно одинаковые со словообразовательной, стилистической и других точек зрения факты могут по-разному оцениваться людьми, принадлежащими к разным языковым микроколлективам.

Личные вкусы говорящих играют весьма важную роль в разговорной речи, где нет строго регламентированных, узаконенных правил. Поэтому РР во многом носит характер импровизационный, творческий. И это необходимо учитывать при изучении ряда ее свойств и особенностей.

33. **Фонотека.** Фонотека разговорной речи Сектора современного русского языка содержала к моменту окончания работы над этой монографией записи 325 часов чистого магнитофонного времени (единицы хранения — магнитофонные кассеты по 15,

[74] Ср. рассуждения дочери московского профессора-лингвиста: — «Попутка»? Нет, никогда не скажу. Это очень плохо. А вот «бетонка» — только так и можно. А как же иначе сказать? Неужели «бетонированная дорога»?.

30, 40 минут). Все записи разделены: а) по трем крупным жанрам: монолог, диалог, полилог и б) по месту сбора материала: Москва или Ленинград.

Часть магнитофонных лент была расшифрована, т. е. переведена на бумагу в принятой нами системе записи речевого потока (см. ниже). Эти расшифровки передают последовательность реплик говорящих, перебивы, самоперебивы, оговорки, повторы, паузы, т. е. дают в самом общем виде линейную последовательность высказываний. Этот материал широко используется в тексте настоящей книги в качестве иллюстраций.

34. **Способы передачи звучащей речи.** Все цитируемые в книге записи даются в орфографическом виде. Принято следующее деление текста:

/ (одна косая черта) обозначает интонацию незаконченности.

/ / (две косые черты) обозначают интонацию законченности. Вопросительный и восклицательный знаки употребляются так, как это принято в пунктуации [75].

. . . (многоточие) обозначает обрыв высказывания говорящим.

(. . .) — обозначает пропуск текста в записи.

ˈ знак логического ударения.

Границы между разными примерами обозначены точкой с запятой.

Реплики отдельных лиц внутри одного примера обозначены цифрами: 1. (первый), 2. (второй) и т. д.

Растяжки передаются дефисом: *да-а-а; нé-е-а* и под.

Пояснения к примерам даются в круглых скобках.

Лексикализованные стяжения разговорной речи (типа *тада, када=тогда, когда*) даются в орфографическом виде, кроме следующих, данных в условном написании:

1. щас (сейчас)
2. тыща (тысяча)
3. когда-нить (когда-нибудь)
4. куда-нить (куда-нибудь)
5. наэрна (наверно)
6. вобще (вообще)
7. всёрно (все равно)
8. грит, грю (говорит, говорю)
9. те, тя, се, ся и т. п. (тебе, тебя, себе, себя и т. п.).

Этот выбор объясняется тем, что употребление стяженно-разговорных форм слов связано с определенной интонацией, а передача этих форм орфограммой нарушает их истинное слогоделение и искажает ритмико-интонационный рисунок высказывания. В других случаях стяженные формы в количестве слогов не отличаются от принятых орфограмм и даются в орфографическом написании.

[75] Членение высказывания, передаваемое графически знаками / и //, во многом условно и, разумеется, не может передать всех интонационных и синтаксических тонкостей речи. По ряду соображений все же было решено не усложнять графику в этом исследовании, которое носит во многом предварительный характер.

Глава II

ФОНЕТИКА

СЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ [1]

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. При описании фонетической системы существенны вопросы об удельном весе и роли фонетических средств в общей системе коммуникативных средств данного языка, о числе фонем, о соотношении численности и роли гласных и согласных, о том, какую различительную нагрузку может выполнять отдельная фонема и о степени нейтрализации фонем [2].

2. Относительно фонетической системы РР можно сказать, что роль ее в передаче информации снижена за счет усиления роли интонационных средств, жеста, мимики, использования знания обстановки речи, а также вследствие близкого контакта собеседников. Снижение роли фонетической системы РР выражается в увеличении возможностей нейтрализации, увеличении синкретизма и уменьшении расчлененности (когда каждая отдельная фонема — и звук — играет уже меньшую роль), в том, что звуки могут менять свои качества, ослабляться и совсем исчезать в потоке речи, так что часть фонем в словах оказывается совсем не представленной.

3. Что касается соотношения роли гласных и согласных, то при редуцированной роли тех и других значение согласных все же, по-видимому, является бо́льшим. Согласные реже подвергаются полной редукции (и происходит это главным образом в частых словах или морфемах), так как они составляют основной фонетический

[1] Кроме общепринятых, в книге используются следующие обозначения:
1. Буква, поднятая над строкой, обозначает краткий или неотчетливый звук: [ин'с'^{т}'ит́ут], [п^{ъ}даж'и́].
2. В скобки заключены звуки, которые могут не произноситься: [ин'с'(т')ит́ут]. Знак слоговости, взятый в скобки, указывает на то, что согласный может быть как слоговым, так и неслоговым: [ин'с'т$^{(о)}$у́т].
3. Поднятая над строкой курсивная буква означает склонность к данному звуку: [н^{э}] — [н], склонное к [э]; [п^{б}] — [п], склонное к [б], т. е. слегка озвонченное; [а^{ж}] — [а] с призвуком [ж], т. е. зашумленный гласный.
4. ã — гласный с носовым призвуком.
5. ä или ӓ — гласный, продвинутый вперед (как в соседстве с мягкими согласными).
6. Дужка снизу обозначает неслоговой гласный: и̯.

[2] Интонационные средства составляют особую систему и обычно рассматриваются отдельно.

костяк слова: по ним главным образом оно и узнается. Гласные же служат преимущественно для передачи ритмики слова, поэтому свои фонетические качества они могут терять бесследно, оставаясь лишь прослойкой между согласными, а нередко и исчезать полностью.

Рассмотрим конкретные явления РР в сфере гласных и согласных, с которыми связано уменьшение роли тех и других, увеличение нейтрализации и синкретизма. При этом будут описаны также редкие случаи уменьшения синкретизма и увеличения расчлененности фонетических единиц в тексте.

ГЛАСНЫЕ

1. Гласные являются слабой половиной фонетической системы русского языка. Гласных всего шесть, и полное различение всех шести гласных свойственно лишь ударной позиции. Различительная способность безударных гласных резко снижена из-за их частых нейтрализаций, которые являются результатом количественной и качественной редукции гласных. В свою очередь, низкая различительная способность безударных гласных позволяет им редуцироваться все более и даже исчезать, так как с исчезновением безударного гласного утрачивается лишь небольшое количество информации.

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ

2. Редукция гласных — это наиболее частая разговорная деформация звуков. Как известно, редуцированные гласные в русской речи встречаются в безударных слогах, кроме первого предударного. Звуки, произносимые в первом предударном слоге, рассматриваются одними лингвистами как звуки полного образования, другими как редуцированные, но с небольшой степенью редукции.

Возможность сильной редукции [3] в литературной речи признается лишь для очень небольшого числа случаев. Р. И. Аванесов допускает полное отсутствие гласного как литературную норму лишь 1) на месте заударных неконечных *о* и *ы* (‹о› и ‹и›) между двумя [в]: *нб*[ввъ], *засб*[ввът'] и под., 2) в некоторых отдельных словах: «Лишь в отдельных словах допускается произношение с пропуском гласного: про[въл]ка (проволока), ско[връ]ду (сковороду), не[ктъ]рые (некоторые), ме[с'цъ] два (месяца два) — по-

[3] Под сильной редукцией мы понимаем полное отсутствие звука, а также случаи, когда звук настолько краток и неясен, что трудно решить, есть ли в данной позиции гласный.

следний пример в беглой речи». А также: «В более высоких книжных стилях речи заударный неконечный гласный в слове *тысяча* и предударный гласный в слове *сейчас* произносятся: [ты́с'э̯ч'ъ], [с'э̯ı̯ч'а́с], или [с'э̯ч'а́с]. В разговорной речи эти слова произносятся с пропуском указанных гласных: [ты́ш'ч'ъ] или [ты́ш̄'ъ], [ш'ч'ас] или [ш̄'ас]» [4]. Р. И. Аванесов отмечает также другие случаи полной редукции, однако считает, что они находятся за пределами литературного языка [5].

С нашей точки зрения, почти все случаи полной редукции, упомянутые в книге «Русское литературное произношение» (§ 20. Несколько общих замечаний о произношении безударных гласных), находятся в пределах разговорной литературной нормы.

3. Наличие в речи форм с полной редукцией не говорит еще о о том, что речь эта нелитературна. Нелитературную речь отличает обычно то, что при утрате гласного согласный не сохраняет слоговости (часто это сопровождается изменением самого фонемного состава слова), а также употребление слов с полной редукцией в любой фразовой позиции, при любом темпе речи. В литературной речи те же формы употребляются лишь при убыстренном темпе речи и в определенных ритмико-интонационных позициях (если они не вводятся как стилизованные вкрапления) [6].

4. Чтобы составить представление о редукции, нужно выяснить 1) позиции, в которых могут встречаться редуцируемые гласные и 2) какая степень редукции допустима в каждой из этих позиций; но в понятие позиции входит: позиция с точки зрения отдельного слова (по отношению к ударению, соседним согласным и гласным, началу и концу слова)+позиция с точки зрения фразы (по отношению к началу и концу фразы, а также по отношению к к интонационному центру, ритму, мелодике, колебаниям громкости во фразе); некоторые дополнительные условия, из которых пока мы отмечаем только темп речи, можно также включить в понятие позиции, но можно рассматривать их и отдельно.

[4] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1968, стр. 72.

[5] «В некоторых случаях в разговорной беглой речи часто встречается произношение с пропуском безударной гласной: [мълкасо́с], [мълдажо́н], [з'э̯л'нават]ый или со слоговым л: [мъ̯лкасо́с], [мъ̯лдажо́н], [з'э̯ъ̯л'нава́т]ый.

Следует также обратить особое внимание на случаи, в которых гласный 2-го предударного слога находится между одинаковыми согласными, например: *папиросы*, *попадать*, *гиппопотам*, *благоговеть*. При сильной редукции и утрате гласного в беглой речи здесь образуется согласный с долгим затвором. . . Описанная особенность широко известна в просторечии в быстрой речи, ее следует избегать в собственно литературном произношении. . ,

В заударном неконечном слоге, как правило, гласные не должны пропускаться, например: вы[дъ]дут, про[бъ]вал. . .» (Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 69—70).

[6] Это справедливо и по отношению ко многим другим явлениям РР.

Если с точки зрения отдельного слова фонетические позиции изучены достаточно хорошо, то изучение фразовых ритмико-интонационных позиций отдельного звука только начинается [7]. Это изучение затруднено тем, что пока еще не существует сколько-нибудь полной и стройной теории ритма и интонации русской речи [8]. Поэтому сейчас более или менее полное описание редукции гласных может быть сделано лишь с точки зрения позиции их в слове: для каждого гласного и каждой позиции можно получить набор из двух или нескольких факультативных (с этой точки зрения) вариантов произношения, — чем мы и ограничимся в данной работе. В дальнейшем, по мере изучения ритмико-интонационных факторов и установления разных фразовых позиций, факультативность полученных вариантов во многих случаях может превратиться в позиционную обусловленность.

Переходим к описанию позиций (в отдельном слове), в которых встречается сильная редукция гласного.

В фонетической литературе принято различать позиции начального — неначального предударного слогов и конечного — неконечного заударного слогов, так как начальный и конечный слоги при прочих равных условиях подвергаются редукции в меньшей степени, чем срединные. Принято различать также начальный неприкрытый — прикрытый и конечный открытый—закрытый слоги, так как при прочих равных условиях неприкрытый и открытый слоги подвергаются редукции в меньшей степени.

Так как нас интересуют предельные случаи редукции (сильная редукция), то мы не выделяем особо позиций начального, конечного, неприкрытого и открытого слогов. При рассмотрении любого (по отношению к ударению) слога прежде всего имеются в виду гласные срединных слогов в консонантном окружении. Когда сильной редукции подвергаются также гласные перечисленных выше слогов, то об этом свидетельствуют в тексте соответствующие примеры.

Позиции по отношению к ударению

5. Ударный слог — наиболее сильный слог слова. И в то же время — с фонологической точки зрения — позиция наибольшего различения для гласных. Гласный ударного слога — в сравне-

[7] См.: Л. В. Златоустова. Структура слова в потоке речи. Казань, 1962; Л. В. Златоустова и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. — В сб. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968, стр. 74—134; С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах. М., 1967, стр. 9—18.

[8] Наиболее стройной и последовательной представляется нам интонационная система Е. А. Брызгуновой (см., например, Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1969), но основное внимание в ней уделяется движению тона, вопрос же о ритмике мало разработан.

нии с гласными других слогов — произносится наиболее отчетливо, обладает наибольшей силой и длительностью [9].

Принято считать, что ударный гласный не подвержен редукции. Это справедливо для изолированного произношения слова, но в потоке речи ударный гласный обычно варьирует свою длительность, силу и качество [10], не переходя однако в большинстве случаев того порога, за которым мы воспринимали бы его как другой звук. В редчайших случаях ударный слог допускает и значительную редукцию гласного; это происходит только тогда, когда слово попадает в безударное положение во фразе [11]: здесь гласный ударного слога может сильно редуцироваться или совсем исчезать, например:

[зъч'та́к] *значит, так*; [иъч'] *значит*;

[два̄ъ̄ч'ьк] *Двадцать человек туда, пять — сюда, остальные...*; [та́ксът'] *так сказать* (вводн.); [о́нгът] *он говорит*; [пакра́ц(н') мп'э́та] *по крайней мере мне-то*; [влап'ика́нч'] *Владимир Николаевич!* (зват.); [д'н'икала́нч'] *Владимир Николаевич, к тебе пришли.*

При редукции и исчезновении ударного гласного обычно утрачиваются также (частично или полностью) соседствующие с ним согласные.

6. Первый предударный слог обладает наибольшей — после ударного — силой, длительностью и ясностью звучания, поэтому гласные этого слога рассматриваются некоторыми фонетистами не как редуцированные, а как звуки полного образования, только

[9] Конечно, при сравнении звуков по длительности и интенсивности нужно учитывать, что собственная длительность и интенсивность разных гласных разная, значит, при сравнении следует брать в разных позициях один и тот же звук. Ударный [а] превосходит по длительности безударный [а], но может быть короче безударного [и]. Ударный [и] превосходит по интенсивности безударный [и], но может быть слабее безударного [а] (см.: Н. И. Жинкин. Механизмы речи. М., 1958, стр. 175, 178, 189, 211). Следует также сравнивать гласные в одинаковом окружении, так как есть случаи, когда при разном консонантном окружении ударный гласный бывает короче гласного абсолютного конца слова (см.: Л. В. Златоустова. Некоторые замечания о длительности гласных звуков в болгарском языке. «Уч. зап. Казанского университета», т. 117, кн. 9, 1957, вып. 1, стр. 149) или абсолютного начала (см.: Л. В. Златоустова и др. Указ. соч. стр. 89).

[10] Так, С. С. Высотский пишет: «. . . известно, что и гласные ударенного слога в сильной части фразы, например в конце синтагмы, или под логическим ударением, также более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, слабых фразовых позициях» (С. С. Высотский. Указ. соч., стр. 10). Ср. также: «. . . более широкий контекст может давать в конце фразы значительную количественную редукцию ударного абсолютного исхода фразы. . .» (Л. В. Златоустова и др. Указ. соч., стр. 120).

[11] «. . . не всякое грамматическое ударение реализуется в сообщении. . . в ряде случаев грамматически ударные формы в конкретном высказывании становятся энклитиками как с фонетической, так и с семантической точки зрения» (I. Jurgens Buning, C. van Schoonevelt. The Sentence Intonation of Contemporary Standard Russian as a Linguistic Structure. The Hague, 1961, стр. 21).

несколько более слабые. Гласные в этой позиции очень устойчивы по отношению к сильной редукции. В фонетической литературе нет высказываний о возможности сильной редукции и выпадения первого предударного гласного [12]. Однако такая возможность все же осуществляется в некоторых строго определенных позициях (в частых же словах и в других позициях). Доказательством может служить произношение слов: *университет* — в четыре и три слога: [ун'ив'ьрс'т'э́т, ун'ирс'т'э́т], *в университете* — в четыре слога: [вун'ирс'т'э́т'ь], *присоединяюсь* — в пять слогов: [пр'исъи̯д'н'а́у̯с'], *какие-то* — в два и даже в один слог: [к'й(и)ть, к'ит] и т. п., а также слово [ш'ас] *сейчас*.

Для сильной редукции и выпадения гласного в первом предударном слоге необходимы определенные условия, способствующие редукции. Наши примеры показывают, что первый предударный гласный выпадает обычно при следующих условиях: 1) после мягкого согласного: *присоед(и)няюсь*, *нап(и)шу*, *прин(е)су*, *инст(и)тут*, *универс(и)тет* и т. д. [13], исключение — *к(а)кой-то*, *к(а)кие-то* [14]; 2) если первый предударный слог не является начальным слогом слова: удлинение, «утяжеление» предударной части слова способствует редукции первого предударного гласного; исключения — *с(е)стра*, *к(а)кой-то*, *с(ей)час*.

В этой связи интересно наблюдение В. М. Жирмунского, который писал: «... при анапестическом начале слова (— — –́) самым слабым является предударный слог, нередко приближающийся, при ускоренном темпе, к фонетическому нулю или совершенно иррациональному слоговому эквиваленту, тогда как начальный слог, даже при условии редукции, сохраняет некоторую независимость и силу. Ср.: хор(о)шо! [харшо̯, хършо̯]; об(я)зательно [абза̯т'ьл'нъ] нап(и)сать, нап(и)шите! [напса̯т', нъпса̯т']; поч(и)таем! [пъч'-та̯йм]; что к(а)сается [чтъкса̯йцъ, штъкса̯йцъ]. Любопытно отметить, что в словах: обязательно, кипяченая, написать при этом исчезает палатализация соответствующих согласных (б, п.) Эти новейшие явления, конечно, не относятся к старому московскому литературному языку, но, в своей крайней форме, они обнаруживают общую тенденцию в распределении динамических отношений, при которой первый (начальный — *Г. Б.*) слог, в качественном отношении редуцированный, тем не менее является в отношении динамическом более сильным, чем второй (т. е. предударный. — *Г. Б.*)» [15].

[12] См., впрочем, приводимое ниже замечание В. М. Жирмунского.

[13] Ср. в наблюдениях С. М. Волконского: яцперь (*я теперь*), я напьсала (*я написала*), опредьленно (*определенно*), моя сстра (*сестра*), выньстуте (*в институте*), унирстет (*университет*), Констнополь (*Константинополь*) (С. М. Волконский. Человек на сцене. Пб., 1912 (глава «О речи»).

[14] В словах *какой-то*, *какие-то* выпадение гласного объясняется его положением между одинаковыми согласными, малой информационной нагруженностью слова и его безударностью.

[15] В. Жирмунский. Введение в метрику. Л., 1925, стр. 273, примеч. к стр. 58.

Два из примеров В. М. Жирмунского: *хор(о)шо* и *что к(а)сается* — возможно, следует отвести как свойственные лишь ленинградскому произношению (такое же произношение наблюдается у людей, переходящих от окающей системы к акающей); остальные вполне возможны также и в речи москвичей: это именно та редукция гласного в первом предударном слоге, о которой говорилось выше.

7. Наибольшая редукция гласного наблюдается в первом заударном слоге:

[ко́мнтъ] *комната*, [хо́лдна] *холодно*, [пажа́лста] *пожалуйста*, [аб'э́дла] *обедала*, [хва́т'т] *хватит*, [прахо́д't] *проходит*, [рабо́тт'] *работать*, [схо́д't'ь] *сходите*, [два̄ц] *двадцать*, [мо́жт'ь] *можете*, [ишала́шкъ] *из шалашика*, [тэ́з'сы] *тезисы*, [д'э́с't] *десять*, [про́ста́к] *просто так*, [ваш'э́дгъвар'а́] *вообще-то говоря*, [атно́с'цъ] *относится*, [вы́н'су] *вынесу*, [в'и́д'ма] *видимо*, [пр'ипъдава́т'л'и] *преподаватели*, [акан'ч'а́т'л'пъ] *окончательно*, [бл'у́д'ч'къ] *блюдечко*, [пасл'э́двът'л'нъ] *последовательно*, [ро́зв'ин'къа́] *розовенькая* и т. д. Примеров можно было бы привести во много раз больше[16].

8. Позиция второго предударного и второго заударного слогов почти одинаковы по силе и по степени редукции[17]. Однако эти позиции не одинаковы по отношению к полной редукции. И объясняется их различие соседством рассматриваемых слогов. Второй предударный слог допускает значительную редукцию гласного (хотя и меньшую, чем первый заударный):

[с$^{(ъ)}$мал'о́т] *самолет*, [ндаj̯о́л] *надоел*, [ч'$^{(ъ)}$ла́к] *человек*, [фтака́ртъч'к'и] *фотокарточки*. [к$^{(ъ)}$лабо́к] *колобок*, [блгазву́ч'на] *благозвучно*, [п$^{(ъ)}$ч'ин'и́т'] *починить*, [гвар'и́] *говори*, [шмар'о́ф] *Шишмарев*, [с't'ихтвар'э́п'ъ] *стихотворенье*, [раjи̯спалко́м] или [ръjи̯спалко́м] *райисполком*, [л'ьи̯нака́н] *Ленинакан*, [г$^{(ъ)}$лупцы́] *голубцы*, [с^{ъ}ркавы́х] *сороковых*, [днас'и́л'ис'] *доносились*, [п^{б}д'и^{э}ржы́] *подержи*, [птаму́штъ] *потому что*.

Редукции второго предударного слога способствует тенденция к правильному чередованию более полных и более редуцированных слогов[18]: второй предударный соседствует с первым

[16] Ср. также в детской речи: [лу́к'ифсто́лны] *руки в стороны*.

[17] «На третьем за ударяемым (т. е. втором заударном. — *Г. Б.*) сила такая же, как на втором (т. е. первом заударном. — *Г. Б.*) или мало чем больше» (А. А. Потебня. О звуковых особенностях русских наречий. «Филологические записки», 1865, вып. 1, стр. 63).

[18] См.: В. А. Богородицкий. Гласные без ударения в общерусском языке. Казань, 1884, стр. 129; М. В. Панов. О строении заударной части слова. — В сб. «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 213.

предударным слогом, сохраняющим обычно достаточно длительный и отчетливый гласный. Естественно, что в случае утраты гласного первым предударным слогом второй предударный сохраняет свой гласный:

[зъ̄ш'а́л] *защищал*, [дъс'да́н'ъ] *до свидания*, [пр'ıсъи^{ə}д'и́а́ўс'] *присоединяюсь*, [ун'(ь)в'прс'т'о́т] *университет*.

Гласный второго заударного слога, хотя и близок по качеству гласному второго предударного слога, не склонен к сильной редукции. Случаи такой редукции редки. Это свойство позиции второго заударного слога также можно объяснить соседством. Находясь рядом с сильно редуцируемым и нередко исчезающим первым заударным слогом, второй заударный «не имеет права» терять свой гласный: он должен сохраняться как слог [19]. Несмотря на большую устойчивость гласных второго заударного слога, примеры их сильной редукции и падения встречаются, но только при определенных условиях, способствующих редукции. Во-первых, при сильной редукции большой части слова [20] (обычно в очень частотных словах или морфемах, например, в отчествах): [ја́кл̄'ıъ] *Яковлевна*, [г'ьо́р'и'ъ] *Георгиевне*, [д$^{(,)}$м'и́тр'ьч'] или [д$^{(,)}$м'и́тч'] *Дмитриевич*, [д$^{(,)}$м'и́тнъ] *Дмитриевна* [21]. Во-вторых, когда второй заударный слог начинается с сонорного согласного, перед которым гласный первого заударного слога не редуцирован до конца:

[про́въ̄лкъ] *проволока*, [па́пърт$^{(,)}$н'ик] *папоротник*, [су́тълкъ] *сутолока*, [на́въ̄лкъ] *наволока*, [вы́църпът'] *выцарапать*, [вы́д'ил'л'и] *выделили*, [вы́д'и^{ə}лл'и] *выделали*, а также слово *притолка*.

В этом случае, как и в предыдущем, условие, обычно препятствующее редукции второго заударного слога (сильная редукция первого заударного слога), снимается.

Следует заметить, что некоторые из приведенных примеров (формы типа [про́въ̄лка], [па́пърт$^{(,)}$н'ик] и т. п.) для многих современных носителей языка не являются уже редуцированными

[19] Ср. у В. А. Богородицкого: «Если в обоих их (I и II предударных слогах. — *Г. Б.*) гласные ослабли до степени ъ и ь, то дальнейшему ослаблению гласных в обоих слогах препятствует накопление согласных, весьма близко соприкасающихся друг с другом. При таких условиях продолжает ослабляться гласный только одного из слогов. . . и это ослабление вызывает усиление слабого гласного другого слога» (В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 29).

[20] Сильная редукция большой части слова может приводить к потере гласных любого слога, в том числе первого предударного и иногда даже ударного (см. раздел «Сильная редукция отдельных форм и участков текста»).

[21] Если строго рассмотреть здесь последовательность исчезновения отдельных звуков при редукции части слова, то окажется, что сначала редуцируется I заударный слог: Георгиевна > Геор[г'ьв]на, и таким образом II заударный занимает его место, а затем и он редуцируется, но уже в качестве I заударного.

вариантами слов *проволока*, *папоротник* и т. п.; они лексикализовались и представляют собой единственно возможный вид слова с фонемным составом: ⟨прóв$\frac{о}{а}$лка⟩, ⟨пáп$\frac{о}{а}$р$\frac{т}{т'}$н'ик⟩, ⟨сý$\frac{т}{т}$$\frac{о}{а}$лка⟩.

9. Остальные позиции — третий и далее предударный и третий и далее заударный слоги — встречаются сравнительно редко (длинные слова более редки в тексте, чем короткие), поэтому исследовать их значительно труднее. По количеству различаемых в них гласных, по качеству, силе и длительности гласных они примерно равны между собой и равны второму пред- и заударному слогам [22]. В этих позициях гласные звуки могут редуцироваться вплоть до выпадения; однако такие случаи не часты в тексте (речи) в силу редкости самих позиций, а также потому, что третий (и далее) слог от ударения чаще бывает начальным или конечным слогом, который редуцируется в меньшей степени, чем срединный. Приведем некоторые примеры редукции и выпадения гласного в третьем слоге от ударения:

[к$^{(ъ)}$ръндашá] *карандаша*, [бʼ̄л'нат'óкъ] *библиотека*, [ин'цыат'úвъ] *инициатива*, [н'и^{э}дръзум'э́н'ий] *недоразумений*, [м'ил'цыан'э́р][23] *милиционер*, [ис̄л'э́дъвътл'] *исследователь*, [пас$^{(ъ)}$л'э́дъвът'͡л'на, пасл'э́дъвът'͡на] *последовательно*.

Итак, если слово во фразе попадает в безударную позицию, то сильной редукции может подвергаться любой его слог вплоть до ударного. Если слово во фразе несет полноценное ударение, то редукцию могут испытывать лишь безударные гласные, причем наиболее склонен к редукции гласный первого заударного слога. Наименее склонными к полной редукции оказываются первый предударный и второй заударный слоги: в этих слогах она происходит обычно лишь при определенных условиях (разных для обоих слогов).

Комбинаторные позиции

10. Все комбинаторные условия, способствующие сильной редукции и выпадению безударных гласных, можно разделить на две группы. Первая группа — артикуляционно-физиологические факторы, вызывающие сужение раскрытия рта и сокращение времени при произнесении гласного звука. Вторая группа — факторы информационного характера, хотя в основе их также лежат артикуляционно-акустические характеристики согласных;

[22] Примерно равны, так как следует учитывать тенденцию правильного чередования более полных и сильных и более редуцированных слогов.

[23] Такое произношение зафиксировано в рассказе В. Аксенова «На площади и за рекой» («Юность», 1966, № 5, стр. 41).

эти факторы не непосредственно вызывают редукцию и утрату гласных, но, способствуя сохранению слога (при исчезновении гласного) и сохранению информации о ритмическом рисунке слова, они создают условия, благоприятствующие выпадению гласных [24].

11. К факторам первой группы относятся следующие.

1) Положение между одинаковыми согласными. Из-за стремления к экономии произносительных усилий и инертности органов речи последние дают лишь минимум раскрытия рта, необходимый для произнесения безударного гласного. Если артикуляции двух согласных, обрамляющих гласный, сильно отличаются по месту и способу образования, то органам речи требуется какое-то время для перестройки, чтобы из одного нужного положения прийти в другое. В это время звучит гласный: [врóкът'и^{э}] *в рокоте*, [рóбъта] *робота*, [jáкъбы] *якобы*, [пъкажи] *покажи*. Когда же артикуляции согласных, обрамляющих гласный, одинаковы, то проще всего вообще не менять положения органов речи; рот почти (или совсем) не открывается для произнесения гласного; гласный сильно сокращается и утрачивает свои качества или вообще исчезает [25]. При этом говорящий все-таки стремится сохранить слог, существовавший благодаря гласному (см. п. 14): после выпадения гласного два одинаковых согласных, слившихся в один, образуют долгий слоговой звук.

Примеры исчезновения безударного гласного между одинаковыми согласными довольно часты [26], причем они встречаются в разных (по отношению к ударению и к границе слова) слогах, в том числе и в I предударном, и в начальном слоге. В наших примерах представлены разные типы согласных:

перв(о)го, здоров(о)го тигров(о)го, фил(о)логический, б(и)блиотека [27], *трат(и)ть, замет(и)те, к(а)кие-то, к(а)кая-то, к(а)к раз, защ(и)щал, н(а)низал, свеч(е)чка, точ(е)чка*. Встречаются и случаи выпадения гласного на стыке слов: *н(е) надо, прост(о) так, эт(о) тебе, кон(и) наши, не над(о) думать*.

[24] Влияние консонантного окружения на редукцию и исчезновение безударных гласных отмечал В. А. Богородицкий (В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 121, 128; О н ж е. Введение в изучение русского вокализма. — РФВ, Варшава, 1882, отд. отт., стр. 58).

[25] Ср. замечание О. Брока в отношении украинского языка: «Если этот гласный окружен неодинаковыми согласными, то от гласного остается ясный элемент. . . если же гласный окружен одинаковыми согласными, то гласный исчезает» (О. Брок. Очерк физиологии славянской речи, 1910, стр. 221, § 242; см. также: В. А. Богородицкий. Введение в изучение русского вокализма, стр. 58—59).

[26] Нужно учесть, что одинаковые согласные, идущие подряд (через гласный), вообще встречаются гораздо реже, чем разные согласные. Небольшой подсчет показал, что на 400 знаков текста встретилось 107 случаев соседства (через гласный) разных согласных и только 7 случаев соседства одинаковых согласных (учитывались и стыки слов).

[27] Различие по мягкости—твердости в данном случае несущественно.

При стечении одинаковых согласных произношение с пропуском гласного иногда является более естественным, чем без пропуска, и фактически преобладает в речи. В обычном (не быстром) темпе мы произносим: *нов(о)го*, *перв(о)го*, *слив(о)в(о)го*, *ив(о)в(о)го*, *выс(о)сал*, *фил(о)логической* [28]. Только при замедленном темпе речи или при диктовке эти слова произносятся в полной форме, с гласным между двумя одинаковыми согласными. Часто встречается выпадение гласного между близкими (по месту и способу), хотя и не совершенно одинаковыми, согласными. При этом согласные могут частично или полностью ассимилироваться:

хочешь [хо́ч'ш] или [хош'ш], *тридцать* [тр'и́ц^{ъ}т'] или [тр'иц], *форточка* [фо́рт̄ч'ка].

2) Положение после мягкого согласного, и особенно между мягкими согласными [29]. После мягких согласных безударные гласные фонемы, кроме ‹у›, представлены звуками [и^{э}], [ъ], наиболее закрытыми и наиболее склонными к полной редукции гласными звуками. Последующий мягкий согласный также влияет на гласный и благодаря своей дополнительной артикуляции мягкости делает его более продвинутым вперед и закрытым. Дополнительная — йотовая — артикуляция увеличивает площадь соприкосновения артикулирующих органов в момент смычки согласного [30], что должно вызвать бо́льшую закрытость гласного. Начальная фаза гласного после мягкого согласного и конечная фаза гласного перед мягким согласным принимают j- или и-образный характер [31]. Примеры выпадения гласного после мягкого согласного и между мягкими согласными довольно многочисленны. Вот некоторые из них:

[выхо́д'т'и^{э}] *выходите*, [в'и́д'ма] *видимо*, [ја́к(ъ)л'па] *Яковлевна*, [бл'у́д̄'ч'ка] *блюдечко*, [бл̄иат'э́ка] *библиотека*, [ал'с'а́н̄а] *Александровна*, [д'ис'(т'в)и́т'на] *действительно*, [пр'э́(°)ж'ш'ьм] *прежде чем*, [ч'лаэ́к] *человек*, [ч'ра] *вчера*, [д'и^{э}с'т'и́] *десяти*, [апш'э́с'нъи]

[28] Ср.: Р. И. А в а н е с о в. Указ. соч., стр. 70—71.

[29] Ср.: В. А. Б о г о р о д и ц к и й. Гласные без ударения в общерусском языке, стр. 128 и далее.

[30] Об этом свидетельствуют палатограммы и лингвограммы, приведенные В. А. Богородицким в работах «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (Казань, 1909, на стр. 40 и 42) и «Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных» (Казань, 1930, стр. 150, 152). Об этом же находим замечание в кн.: T r o f i m o v and J o n e s. The Pronunciation of Russian. Cambridge, 1923.

[31] См.: Н. И. Д у к е л ь с к и й. Принципы сегментации речевого потока. М.—Л., 1962, стр. 37—41, 52 и примеры трансверсального прослушивания слов с гласными после мягких согласных на стр. 54—59; на это явление обратил внимание еще Джоунз (см.: T r o f i m o v and J o n e s. Указ. соч., стр. 84 и далее, а также транскрипции, помещенные в этой книге).

общественный, [вы́н'су] *вынесу*, [вы́п'л'и] *выпили*, [вр'э́м'н'и] *времени*, [о́ч'н'] *очень*, [пр'ич'шу́с'] *причешусь*, [ад'ва̯с'а] *одевайся*, [ии̯'цъат'и́въ] или [ин'цаат'и́въ] *инициатива*, [зам'э́т'] *заметить*, [пр'и̯ъъдава́т'л'и] *преподаватели*, [хва́т'т] *хватит*, [то́н'ч'ка] *Тоненочка*, [о́л'ч'ка] *Олечка*.

Важно подчеркнуть, что выпадение гласного между мягкими согласными встречается и в I предударном слоге:

[пр'исъи̯д'н'а́у̯с'] *присоединяюсь*, [и'ии̯с'а́т] *пятьдесят*, [ун'-в'и̯рс'э́т, ун'ив'ьрс'т'э́т] *университет* и на стыке слов: [н'на́дъ] *не надо*, [ко́н'на́шы] *кони наши*.

3) Есть основания предполагать, что соседство с группой согласных также сказывается на выпадении гласного. Казалось бы такое соседство должно препятствовать сильной редукции и исчезновению гласного, так как при утрате гласного получилось бы еще большее скопление согласных в цепи [32]. Однако при убыстренном темпе речи группа согласных нередко сливается в одно целое, теряя часть артикуляций. Вместо нескольких согласных получается один-два звука (часто слитых воедино, т. е. один сложный звук) с более напряженной смычкой и, возможно, более длительной выдержкой. В этом случае и площадь соприкосновения артикулирующих органов в момент смычки также увеличивается. Преобразованная таким образом группа согласных может «давить» на гласный, делая его более узким, закрытым и способствуя его исчезновению. Примеры исчезновения безударного гласного в соседстве с консонантной группой:

оканч(и)вается, *блюд(е)чко*, *на уд(о)чку*, *естеств(е)нно*, *пожал(уй)ста*, *комн(а)та*, *в Лен(и)нграде*, *ост(а)новиться*, *Фе*[др(ъ)в]*на*, *прави*[т'л'ств'(ь)ии̯ъи]*.*

Из-за указанных противоположно направленных тенденций влияние группы согласных на исчезновение гласного наблюдать очень трудно, поэтому о нем можно говорить лишь предположительно.

Все перечисленные выше условия можно объединить в одно, более общее: безударный гласный легче и чаще выпадает в речи, если его консонантное окружение способствует большей закрытости гласного звука. Проверка же эффективности действия каждого отдельного фактора затрудняется тем, что факторы эти почти ни-

[32] В истории русского языка группы согласных послужили поддержкой для безударных гласных при падении редуцированных и других аналогичных процессах: ср. *мудреца* и *кольца*, *двинь* и *сохни*, *моюсь* и *моешься* (см. об этом: В. А. Богородицкий. Гласные без ударения в общерусском языке, стр. 129—130; О н ж е. Курс грамматики русского языка, ч. I. Фонетика. Варшава, 1887, стр. 169).

когда не встречаются изолированно один от другого: обычно мы имеем совокупность, состоящую из двух или более условий. Кроме того, к факторам, перечисленным выше, действие которых проявляется в бóльшей закрытости гласного, присоединяются другие (факторы 2-й группы), способствующие выпадению гласного по иной причине. Эти разнородные условия накладываются друг на друга, что еще больше осложняет выяснение роли каждого из них.

12. Факторы второй группы способствуют сохранению части информации, которая должна была бы утратиться вместе с выпадающим гласным, а именно, информации о ритмическом рисунке слова и количестве слогов [33]. Слог, центром которого является исчезающий гласный, сохраняется легче, если этот гласный соседствует с согласными определенного типа, следовательно, и гласный исчезает чаще, если он находится рядом с такими согласными. Это следующие случаи.

1) Соседство с сонорным согласным, особенно положение после сонорного. Ср., например, такие двойные (или тройные) произношения, имеющие одинаковое право на существование:

[върт'н'ич'óк, върът'п'ич'óк, врът'н'ич'óк] *воротничок*, [сърка°вы́х, съръкавы́х] *сороковых*, [дъръгам'и́лъвъ, дъргам'и́лъвъ, дръгам'и́лъвъ] *Дорогомилово*, [вы́търъш'илъ, вы́тръш'илъ] *вытаращила*, [ф'óдъръвнъ, ф'óдръвнъ, ф'óдърнъ] *Федоровна*, [нáвълъч'къ, нáвълч'къ, нáвлъч'къ] *наволочка*, [прóвълъч'къ, прóвлъч'къ] *проволочка*.

Некоторые слова такого типа уже изменили свой фонемный состав (по крайней мере для части современных носителей русского языка), утратив гласный, соседствующий с сонорным. Поэтому они могут произноситься лишь одним способом:

проволока [прóвлкъ] (но не [прóвълкъ] или [прóвлъкъ]), *папоротник* [пáпърт'н'ик] (но не [пáпърът'н'ък] или [пáпрът'н'ик]) *сутолока* [сýтълкъ] (но не [сýтълъкъ] или [сýтлъкъ]), *притолка* [пр'и́тълкъ] (и на письме без гласного после *л*).

Сонант легко становится слогоносителем в силу своей артикуляционно-акустической природы. Примеры сильной редукции в соседстве с сонорными очень многочисленны:

[кóл'н'ка] *Коленька*, [к^{ъ}ръндашá] *карандаша*, [к^{ъ}лабóк] *колобок*, [дн͡ас'и́л'ис'] *доносились*, [п'ич'э́н'ца] *печеньица тебе дать?*; [зáнч'] *за ночь*, *Ларио*[нч'], *Па*[лч'], *я подсчитала раз*[н']*ццу*, *Воло*[д'н]*о*, *Леони*[дн]*а*, *телеви*[д'п'а], *учитель природове*[д'н'а], *опре*[д'л']*яется*, *у Иоси*[фантóнч'а], [н'нáдъ] *не надо*, [ал'сáнъ] *Александровна*, [пажáлсть] *пожалуйста*, [jýл'нъ] *Юльевна*, [г'и^{ъ}(°)óр'на]

[33] Подробнее о значении этой информации см. п. 14—15.

Георгиевна, [м'ано́с'ьц] *миноносец*, [ко́мнта] *комната*[34], [д'и́мп'-э́рцъф] *Дима Перцев*, [ад'и́нцът'] *одиннадцать*, [страны́] *с другой стороны*, [пълажэ́н'тъ] *положенье-то такое*, *у вас при*[н']*ли заказ?*; [бах'и́л'на] *Бахилина*, [со́здны] *созданы*, [пр'а́мсабо́й] *прямо с собой*, *в са*[м] *деле*[35] и т. д.

2) Соседство с фрикативным согласным. Если для слогообразующих сонантов прежде всего важна их звучность, то для фрикативных, выполняющих ту же роль, первостепенное значение имеет, очевидно, их длительность. Примеры исчезновения безударного гласного рядом с фрикативным:

[прав'и́т'с'ныи] *правительственный*, [атно́с'цъ] *относится*, [скабл'и́] *соскобли*, [фтака́ртъч'к'и] *фотокарточки*, [зъш'а́л] *защищал*, [мо́жт'и] *можете*, [дъс'да́н'а] *до свидания*, [п'ит'и́д'ьс'т'и] *пятидесяти*; [фи^{э}до́с'ч'[или [ф'и^{э}до́п'] *Федосеевич*; [ко́сч'ик] *косточек*; [ка́жцъ] *кажется*; [карто́шч'ку] *картошечку*; [д'э́с'т'] *десять*; [тэ́з'сы] *тезисы*; [сущ'э́с'на] *существенно*; [са́хръм] *с сахаром*; [хоч'ш] *хочешь* (ср. «хошь — не хошь»); [займсных] *заимствованных*; [ч'э́слова] *честное слово; произно*[с'цъ]; *не видно да*[ж], *что...*; *за завесой* ([зав'э́съц]) *дождя*; *лу*[ч'ш] *синицу в руки...*; *запи*[сч']*ку* или *запи*[щ']ку; *ка*[ч'с]*тва*; *он занимался синтак*[с'с]*м*; [с'с]*тра-то здесь*; *худо*[жс'т']*венный*; *не торопи*[т'с'][36]; *собрание*, [пс]*вещенное...*; [за́пхъм] *сирени и черемухи*; *по глу*[пс']*ти*; *во* [с']*мнадцатый* (еще в начале этого века было распространено произношение и написание *(в)осемнадцатый*)[37].

Часто выпадение гласного происходит в соседстве со звуком [в], соединяющим в себе качества как сонорного, так и фрикативного звука:

[пу́гв'ицъ] *пуговица* (для некоторых носителей языка эта форма

[34] Смычка [н] осуществляется до размыкания губ, т. е. одновременно со звучанием [м]; ср. транскрипцию собственного произношения Е. В. Красильниковой: *в комнате* [фкомт'и].

[35] Такие случаи произношения находят отражение и в художественной литературе: А по пехоте всамделе с трех сторон чешут! (Ю. Бондарев. Батальоны просят огня).

[36] Ср. написание школьника: *быстро мчитсь*.

[37] Утрата гласного рядом с фрикативным зафиксирована и в стихах:

И пристальнее хочется вглядеться
В дела людей, погибших и живых!
И вспыхивает [фспы́хвъит] во мне кусочек детства
Из грозовых годов сороковых!

(В. Костров, Прожектор).

является единственно возможной; ср. примеры на стр. 52), [ака́н'ч'въицъ] *оканчивается*, [гвар'и́] *говори*, [лу́кв'ицъ] или [лу́къв'цъ] *луковица*, [иэ̄л'э́двът'ьл'] *исследователь*, [уч'и́твът'] *учитывать* и другие глаголы на *-ива-*, *-ыва*. В двух словах: [и́ввъ] *ивового* и [сл'и́ввъ] *сливового* один согласный [в] передает два слога с выпавшими гласными и выполняет еще функцию согласного третьего (конечного) слога — флексии.

Итак, выпадению гласного способствуют следующие комбинаторные позиции: положение между одинаковыми согласными, положение после мягкого, особенно между мягкими согласными, соседство с группой согласных (предположительно), соседство с сонорным согласным и с фрикативным согласным.

Результаты полной количественной редукции гласных

13. Редукция гласных вплоть до полного их исчезновения приводит к следующим результатам: 1) возникновение слоговых и долгих согласных; 2) потеря слога; 3) образование групп согласных, приводящее ко всем вытекающим отсюда последствиям: ассимиляция по звонкости—глухости, мягкости—твердости и пр., упрощение групп согласных; 4) изменение законов сочетаемости согласных. Рассмотрим результаты выпадения гласных подробнее.

14. Редукция гласных, как и любое изменение, причины которого лежат в артикуляции, встречает противодействие, вызванное консервативностью языка, стремлением к сохранению существующей формы слова, а в конечном итоге — стремлением к сохранению информации.

Выпадение гласного должно приводить к исчезновению слога, центром которого был этот гласный, и это нарушает ритмический рисунок слова. Число слогов и их организация вокруг ударения, наряду с составом и расположением фонем, являются необходимыми признаками, по которым узнается слово. Поэтому естественно стремление не дать слогу утратиться. Для этого язык использует разные способы. Иногда гласный не утрачивается полностью, а остается в виде призвука, который все же способен «держать слог». Иногда функцию слогоносителя берет на себя согласный. Для этой роли лучше подходят согласные, обладающие некоторыми общими с гласными признаками: сонорные, которые характеризуются значительной звучностью [38] и способностью варьировать свою длительность без изменения качества:

[38] На спектрограмме часто трудно отличить сонорный от гласного или провести границу между ними именно из-за сходства их качеств. См.: Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи. Л., 1965, стр. 27.

[п'ил'о́нч'к'и] *пеленочки*, [в'а́н'т] *вянет*, [слав'э́и̯] *соловей*, [хо́лдна] *холодно*, [холт] *холод*, [нау́рн'и] *на уровне*, [фко́мнт'и] *в комнате*;

фрикативные, у которых отсутствует смычка (т. е. им свойствен в какой-то мере свободный проход воздуха) и которые также способны увеличивать длительность своего звучания без нарушения однородности звука (особенно звонкие фрикативные — они обладают также и достаточной звучностью): [ка́жць] *кажется*, [м'э́с'цъ] *месяца*, [н'э́скъ] *несколько*. Меньше подходят для роли слогоносителей звонкие взрывные: *ду*[д]*чка*, *во*[д̆'ца], *про*[б]*вал*, а менее всего — глухие взрывные, однако, и они иногда могут передавать слоговость: [к̆'ицы-ть] *какие-то*, [э́та] *это-то*, [э́т'и^{ъ}б'э́] *это тебе*, *све*[ч']*ка*, *па*[ч']*ка*.

С исчезновением гласного между двумя одинаковыми или близкими по артикуляции согласными эти согласные сливаются в один долгий звук, который представляет собой слог или, из-за необычности долгих согласных не на стыке морфем, создает иллюзию слога [39]:

ты[ш']*летие*, [тр'иц] *тридцать*, [п'иш] *пишешь*, [дыш] *дышишь*, [э́та] *это-то* или *этот-то*, [шмар'о́ф] *Шишмарев*, [п'э́ч'ка] *печечка*, [скач'и́л] *соскочил*, [ш̄]*коватый*, [х̄ата́т'] *хохотать*.

15. Несмотря на стремление сохранить слог при исчезновении гласного, в процессе частого и длительного употребления форм, склонных к редукции, безударные слоги могут все же утратиться полностью, например:

[с'т'ихтвар'э́н'jъ] *стихотворенье*, [фс'о́тк'и] *все-таки*, [ты́ш'а] *тысяча*, [ш̄'ас] *сейчас*, [про́вълкъ] *проволока*, [пу́гв'ич'къ] *пуговичка* [40], [ал'са́пъ] *Александровна*, [д'^{ь}с'и́т'нъ] *действительно*, [руквад'и́т'ъл'] *руководитель*, [исл'э́дът'ъл'] *исследователь*, [н'э́ска] *несколько*, [ис'т'э́с'нъ] *естественно*, [птаму́] *потому что*, [пч'ин'и́т'] *починить*.

Инертность органов речи в процессе артикуляции «давит» на гласный (и соответственно слог), изживает его. Но сознание говорящего, в котором запечатлен звучащий облик слова определенной ритмической модели, сопротивляется утрате слога. Это сопротивление можно наблюдать на примере слов, одинаково допускающих выпадение гласных в двух (или более) слогах. Такие слова имеют две (или более) неполные формы — с утратой раз-

[39] О компенсации такого рода см.: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 178—179.

[40] Ср. также пример из детской речи, приводимый Б. Китерманом: *пуговочка* произносится ребенком как *пуботька* (Б. К и т е р м а н. Опыт изучения слоговой элизии в детском языке. — РФВ, т. XIX, 1913, № 1).

ных слогов, — но редко произносятся с утратой сразу двух (или более) слогов, например:

[б'ибл'ат'э́къ] и [б̄'л'ыат'э́къ] *библиотека*, [ун'в'ьрс'ит'э́т], [ун'ирс'ит'э́т] и [ун'и(в')ьрс'т'э́т] *университет*, [м'ил'ицан'э́р] и [м'ил'цыан'э́р] *милиционер*, [ын'ицат'и́въ] и [ин'цыат'и́въ] *инициатива*.

Обычно при каждом конкретном употреблении из двух возможностей редукции выбирается только одна [41]: стремление к сохранению ритмической структуры слова в речи очень сильно [42]. Конечно, в результате частого и длительного употребления слова оно может утратить и несколько слогов: *университет* [ун'ирс'т'э́т], однако это уже вопрос о сильной редукции особенно частотных или длинных словоформ (см. ниже).

16. После исчезновения безударного гласного звука могут образоваться скопления, или группы, из двух и более согласных, которые в свою очередь стремятся упроститься. Выше уже говорилось, что если безударный гласный окружен одинаковыми согласными, то после его выпадения согласные сливаются в один долгий — слоговой или даже неслоговой — звук. Если гласный выпадает между двумя близкими, но не тождественными согласными звуками, то эти согласные могут полностью или частично ассимилироваться [43].

Частичная ассимиляция: [здра́с'т'ь] *здравствуйте* ([с] уподобляется [т'] по мягкости), [насл'э́двъ͡т'л'ыъ] *последовательно*, [пр'э́ж'ч'и^{9}м] или [пр'э́ж'ш'ьм] *прежде чем*.

Полная ассимиляция: [хо͡ш'ш] *хочешь*, [два̄'ч'о́ртъвъ] *двадцать четвертого*, [тр'иц] *тридцать*.

[41] В редчайших случаях в форме, которая допустила потерю слога в одном месте, появляется, очевидно, даже заместительное растяжение слога, не подвергшегося редукции, или заместительное образование лишнего слога: *инициатива* [ин'цаат'и́въ] (этот пример можно толковать и по-другому), *университет* [ууп'ирс'(и)т'э́т] или [ўп'ирс'т'э́т].

[42] Об этом писал еще А. И. Томсон: «Так как ритм слова запоминается точно..., то при сокращении или исчезновении одного слога или звука время производства его может перейти к другому слогу или звуку, т. е. место исчезающего звука заполняется соседним слогом или звуком, вследствие чего является так называемое заменительное растяжение или удлинение соседнего звука» (А. И. Томсон. Общее языковедение. Одесса, 1910, стр. 255). Интересно замечание В. А. Богородицкого о том, что при ослышках удерживается слоговой ритм (ударение и количество слогов) (В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных, стр. 340). См. также: Л. А. Чистович и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.—Л., 1965 (гл. 6, § 4. «Роль ритмической структуры сообщения в распознавании смысловых единиц», где в результате эксперимента делается вывод, что «отрезки сообщения, более крупные, чем слоги, приобретают новый полезный акустический параметр — ритмику сообщения», стр. 223).

[43] Об этом явлении писал В. А. Богородицкий, приводя примеры: тышча < < ты̆с'ї̆ч'ă (В. А. Богородицкий. Введение в изучение русского вокализма, стр. 59).

Результат получается тот же, что и при выпадении гласного между двумя одинаковыми согласными — один долгий или слоговой согласный.

Происходит ли ассимиляция согласных после выпадения гласного и до какой степени уподобляются друг другу соседние звуки, зависит не только от темпа речи, ритма фразы и под., но и от характера самих звуков, входящих в сочетание. По способу образования чаще всего ассимилируются звуки, которые (или один из которых) имеют фрикативный элемент [44].

Если исчезнувший гласный разделял согласные, различающиеся по звонкости—глухости, то после падения гласного эти звуки могут ассимилироваться по названному признаку: *на удочку* ([у́ч̄'ку]) *ловили*; *наша* (остановка) *следующая* [на́шсл'э́тш'иа]. В пределах слова ассимиляция чаще бывает частичная и может идти в обе стороны, хотя преимущественно бывает регрессивной: *подожди* произносится как [бдажд'и́] или [бдаж̄'и́] и [пд'''ажд'и́], аналогично *подержи* [п^{б}д'ижы́] и [пд'''и^{э}жы́], *до свидания* как [дъз'да́н'а] и [дъс'д'''а́н'а]. Более заметна ассимиляция по звонкости на стыке слов. Если в слове выпадает конечный гласный звук, перед которым находится глухой согласный, то этот глухой согласный (который теперь становится конечным в слове) может ассимилироваться по звонкости начальному звонкому согласному следующего слова. Ассимиляция происходит в тех случаях, когда слова тесно спаяны, т. е. входят в одну синтагму [45], но и выпадение конечного гласного встречается преимущественно в этих же случаях. Озвончение на стыке слов после выпадения гласного можно проиллюстрировать следующими примерами.:

просто замерзла [про́здзам'о́рзлъ]; *конечно, до определенного возраста* [ка^{э}ж дъапр'и^{э}д'и^{э}л'о́нъва во́зръстъ] (в этом примере [н] в слове *конечно* выпадает, слово встречается и в форме [ка^{э}шъ]); *двадцать градусов* [два́дз гра́д^{ъ}съф]; *старуха за молоком пошла* [ста́руɣ зъмълако́м]; *по* [су́т$^{'д'}$] *дела*.

Озвончение на стыке слова и энклитики: *сколько же* [ско́гжъ], *где-то была* [гд'э́д была́]; *вообще-то говоря* [ваш'э́д гъвар'а́]; *одна*[к'] *же никогда не встал вопрос...*

[44] Ср.: E. W i e d e. Zur Aussprache der russischen Geräuschkonsonanten im Auslaut in zusammenhängend gesprochenen Gruppen von Autosemantika. «Wissenschaftliche Zeitschrift des Pädagogischen Instituts Güstrow», Sept., 1966.

[45] О влиянии синтагменного стыка на межсловную ассимиляцию по глухости—звонкости см.: Р. Ф. П а у ф о ш и м а и Д. А. А г а р о н о в. Слабые по глухости—звонкости позиции согласных в русском языке. — В сб.: «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971; Р. Ф. П а у ф о ш и м а. Некоторые вопросы, связанные с категорией глухости—звонкости согласных в говорах русского языка. — В сб.: «Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров». М., 1969.

Иногда после выпадения конечного гласного можно встретить частичное оглушение звонкого согласного под влиянием начального глухого согласного следующего слова: *вроде термоса* [врóд'$^{m'}$ тэ́рмъса]; *ну* [нат^{0}] *посмотреть*; [над^{m}] *придерживать*.

При исчезновении гласного между мягким и твердым согласным изредка можно наблюдать ассимиляцию согласных по твердости, а именно частичную или полную утрату мягкости первым согласным: [аб$^{(')}$за́т'на] *обязательно*, [съв$^{(')}$ршэ́ɲа] *совершенно*, [нъп$^{(')}$са́т'] *написать*.

После утраты гласного могут образоваться группы из двух—четырех согласных: [бл'у́д'ч'къ], [ко́фтч'къ], [ун'ив'прс'т'э́т] (в редких случаях даже [ун'иврс'т'э́т]), [г'ьо́р'г'(в)на], [со́пст(в')ъ]. Обычно такая группа (или часть группы) образует слог. Таким же путем появляются и слоговые сочетания [т'͡л'], [д'͡н'], [кл']: *обя-за*[т'͡л']*но*, *самостоя*[т'͡л']*ный*, *присое*[д'͡н']*юсь*, [ја́кл'ъ] *Яковлевна*.

Если образовавшаяся консонантная группа состоит более чем из двух согласных, она стремится упроститься путем утраты одного или двух звуков из своего состава (легче всего такое упрощение наблюдать в суффиксах):

просмотрены [прасмо́тны], *остановиться* [аснав'йца], *Дмитриевич* [дм'ит$^{m'}$], *Георгиевна* [г'ьо́р'нъ], *Яковлевна* [ја́кл'на], *бессмысленно* [б'исмыс$^{(')}$нъ], в словах с суффиксами *-ственн-*: *общественный* [апш'э́снъɨ], *непосредственно* [н'ипаср'э́снъ], *естественно* [ьс'т'э́с$^{(')}$нъ] и т. д.; *-тельн-*: *удивительно* [уд'ив'и́т'на], *внимательно* [вн'има́т'на], *самодеятельность* [съмад'э́ит'ньс'] и т. д.

17. После выпадения безударных гласных можно наблюдать еще некоторые интересные явления, получающиеся в результате компенсации выпадения гласного. Так, огубленный гласный [у] передает свое качество лабиального соседним согласным, которые после исчезновения гласного остаются единственными носителями признака лабиальности. Слова *будут*, *приедут*, *ходят*, *стонут*, звучат: [бу́д°т°], [пр'ијэ́д°т°], [хо́д'°т°][46], [сто́н°т°], причем предыдущий согласный лабиализован в большей степени.

Рассмотрим это явление с функциональной точки зрения. Нейтральный безударный гласный (фонемы ‹а, о, э, и›), кроме информации о ритме слова, не несет почти никакой информации; поэтому если ритм (т. е. наличие слога) каким-то образом застрахован от изменений (соседством сонорного и пр.; см. выше), то этот нейтральный гласный может исчезнуть бесследно. Другое дело лабиализованный безударный гласный [у] (фонема ‹у›). Кроме информации о ритме (наличии слога), он нагружен фонемно: признак лабиальности говорит о том, что это именно фонема ‹у›,

[46] В произношении тех носителей языка, которым свойственна форма [хо́д'ут], а не [хо́д'ът].

а не любая гласная фонема. Значит, при выпадении гласного эту информацию полезно сохранить. Поэтому она передается соседними согласными.

С артикуляционной точки зрения, сохранение лабиализации объясняется следующим образом. Если нейтральный безударный звук исчезает потому, что не успевает проговариваться между двумя затворами для согласных, то то же самое происходит и с лабиализованным гласным: артикуляция открытия рта для гласного не успевает осуществиться. Но губная артикуляция никак не связана с артикуляцией смычки (осуществляемой с помощью языка) и не задерживает ее образование, в этих артикуляциях участвуют разные органы, поэтому губная артикуляция может сохраняться при любой степени редукции гласного, а также при его исчезновении. Этим объясняется и то, что иногда при полном отсутствии гласного (т. е. между артикуляциями двух согласных преграда во рту не размыкается), но при довольно отчетливо выраженной слоговости звонкого (например, [д̥] в *едут*), мы все же «слышим» гласный [у]. Значит, звонкость, слоговость и сильная лабиализация создают впечатление присутствия гласного [у].

18. Когда гласный выпадает между двумя смычными зубными или двумя смычными губными согласными, из которых первый — звонкий, а второй — глухой ([д] и [т]; [б] и [п]), после первого (звонкого) согласного или вместо него иногда возникает носовой того же места образования:

Но будут ([бунт̥]) *и другие*; [аткýнты] *откуда ты извлекла?*; *Будет* [бун'т̥]; *Видите ли...* [в'ий'т̥'ил'и] (несколько раз и в том числе в кинофильме «Иду на грозу»)[47]; *Проверить, хотя бы по словарю...* [хат'áб^{м}пъслъвар'ý]. Отрезок фразы *надо только* прозвучал как [нáнтóл'ка] и был воспринят как «наверное, только» (что в разговорной речи может выступать почти в такой же форме). Интересна в этом отношении и такая записанная нами ослышка: часть предложения *будут фразы* вызвала недоумение, так как была воспринята как «бунт фразы».

Появление носового сонорного вместо звонкого шумного смычного В. Н. Сидоров объяснял (в беседе с М. В. Пановым) тем, что консонантная группа «звонкий (парный) согласный + глухой», получающаяся в результате выпадения гласного, невозможна в русском языке; поэтому парный звонкий согласный заменяется сонорным.

Однако наличие произношений типа [тэ́з'сы] *тезисы*, где звонкий фрикативный соседствует с глухим, не позволят ограничиться простым и изящным объяснением В. Н. Сидорова и заставляет обратиться к физиологии производства звуков.

[47] Такую же транскрипцию ([vîn:t'il'i]) находим в кн.: А. В. Исаченко. Fonetika spisovnej ruštiny. Bratislava, 1947, стр. 198.

Для образования голоса при звонком согласном нужен ток воздуха через голосовые связки, т. е. необходимо, чтобы подсвязочное давление превышало надсвязочное (ротовое). Но так как на протяжении смычного звука воздух течет в ротовую полость и не имеет выхода из нее, то надсвязочное давление все время увеличивается; следовательно, чтобы звук не прервался, должно увеличиваться и подсвязочное давление. При долгом согласном давление увеличивается больше (долгий отличается от краткого не только временем, но и напряженностью), при слоговом — еще больше. Но во всех этих случаях артикуляция заканчивается взрывом, при котором преграда размыкается, воздух выходит и давление падает. Если же наиболее длительный и напряженный согласный — слоговой — закрыт глухим смычным, то единственная возможность выпустить избыток воздуха и снизить давление, не прекращая звучания,— это открыть воздуху выход через нос. Отсюда частичное превращение смычного звонкого согласного в носовой, которое возникает для «страховки» признака звонкости; при частом употреблении описанного приема «страховки» (или компенсации) замена звонкого смычного носовым становится привычной.

19. В результате полной редукции гласного в соседстве друг с другом могут оказаться такие согласные, которые по правилам сочетаемости согласных «не имеют права» на соседство.

Ниже приводятся примеры нарушения в РР «запретительных» правил сочетаемости, действующих в КЛЯ.

В РР звонкие парные согласные могут соседствовать с глухими: *похо*[д'т], *схо*[д'т']*е*, *мо*[жт']*е*, *ло*[г'к]*а*, *те*[з'с]*ы*, *до*[с'д]*анья*, *ка*[жцъ], *пуго*[в'ц]*а* и др.

В РР возможно сочетание двух согласных, отличающихся только по признаку твердости—мягкости: *хва*[т'т], [с'с]*тра*, *Ле*[н'н]*акан*, *выде*[лл']*и*; [н'н]*асытный*, [н'н]*адо*, [нн']*изал*.

За мягкими губными и задненебными могут следовать согласные другого места образования: *ки*[п']*ток*, [п']*тилетний*, *о*[б']*зательно*, *со*[в']*ршенно*, *на*[п'ш'у́], *на*[п']*сать*, *вы*[п']*ли*, *луко*[в']*ца*, *пуго*[в']*ца*, [п']*сят*, *вре*[м']*ни*, *зна*[м']*ни*, [м']*нопосец*, [х']*троватый*, *ло*[г']*ка*, *Кула*[г']*на* [б']*лиотека*.

Шумный зубной может предшествовать шумному передненёбному *вы*[с]*шить*. Твердый зубной может стоять перед мягким зубным: в *ко*[мнт']*е* (впрочем, это правило начинает уже нарушаться и в КЛЯ: *о ко*[зл']*е*, *пе*[нс']*ия*) и мягким передненёбным: *Иван Ива*[нч'], *за́*[нч'], *пеле*[нч']*ки*, *ве*[т̄ч']*ки*, *селё*[дч']*ка*, *ребё*[нч']*ку*.

Мягкие зубные могут сочетаться со следующими дрожащими: [н']*реви*, [н']*равён час*, *те́*[т'р']*ева*, *ма́*[т'р']*и*.

В РР возможно соседство двух передненёбных, различающихся признаком мягкости—твердости: *карто*[шч']*ку*.

Долгий взрывной может предшествовать другому согласному: *шу*[т̄ч']*ка*, *кос*[т̄ч']*ек*.

Описывая нарушения в РР законов сочетаемости звуков, следует заметить, что запрещенные соседства согласных встречаются тогда, когда один из звуков является слоговым, представляет собой остаточный элемент слога. В тех же случаях, когда слоговость исчезает полностью, законы сочетаемости постепенно опять вступают в силу, т. е. правила сочетаемости вообще не отменяются в РР, они лишь отступают при некоторых условиях, а именно — при тех условиях, которые отсутствуют в КЛЯ.

В РР широко распространены слоговые согласные, в том числе шумные слоговые (которых в КЛЯ нет) и появляются они рядом с другими согласными; поэтому РР обладает новым по сравнению с КЛЯ условием, новой позицией для сочетания согласных— сочетанием, включающим слоговой элемент. Именно эта позиция и допускает нарушение правил сочетаемости. Слоговость препятствует ассимиляции.

Для РР правила сочетаемости согласных могли бы иметь такую формулировку: определенные сочетания согласных возможны лишь в тех случаях, когда в пределах данного сочетания находится вершина слога. Эта позиция соответствует в КЛЯ позиции: «согласный + гласный (вершина слога) + согласный», а отличается от нее тем, что в РР вершина слога может быть представлена не только гласным, но и согласным, в том числе шумным.

20. Таким образом, мы видим, что явления, возникающие в результате исчезновения безударных гласных (и компенсации этого исчезновения), разнообразны: это и утрата слога, и утрата согласных в звуковой цепи, и появление новых консонантных групп, и появление новых звуков — слоговых согласных, шумных звонких согласных с носовым призвуком, имплозивных согласных, слоговых сочетаний [т̯'л̯', д̯$^{(')}$н̯, кл̯', т̯$^{(')}$н̯]; увеличение в потоке речи количества долгих согласных; появление лабиализованных согласных вне соседства с лабиализованными гласными. Следовательно, результаты редукции гласных отражаются и на самой звуковой системе РР, и на сочетаемости звуков и на количественном соотношении звуковых единиц в потоке речи.

КАЧЕСТВЕННАЯ РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ

21. Кроме количественной редукции, безударные гласные могут подвергаться и качественным изменениям. Это касается в первую очередь лабиализованного гласного [у], который, редуцируясь, теряет лабиализацию. Фонема ⟨у⟩ в безударной пози-

ции после твердых согласных может звучать как [ы] (в первом предударном слоге) или [ъ], после мягких согласных — как [и]: *т*[и]*льпанчики*, *ощ*[и]*щение*, *ч*[и]*довище*; *поиски сужа*[и]*ца*; *р*[и]*кзак*; *зв*[ы]*чание*, *форм*[ъ]*ла*, *учебных корп*[а^{ъ}]*сов*, [вы́съшът'] *высушить*; *про*[п^{ъ}с]*ка*, *отп*[ъ]*ск*, *двадцать гра*[д^{ъ}]*сов*; *у ж*[ы]*ка коричневые крылья*; *с*[ъ]*вениров-то набрала*?; *не т*[ъ]*да акцент хочу поставить* [48].

Строчка из стихов К. Чуковского «Федорино горе» была прочитана так: *сковородка на бегу / закричала ут*[и]*гу*. В школьных тетрадях находим написания *челести* (вм. *челюсти*), *вычерный* или *вычирный* (вм. *вычурный*) [49]. Показательный материал дают ослышки.

Сказано	Услышано
наблюда**ю**тся	наблюда**е**тся
интересный б**ы**л Гак?	интересный Булгаков?
в школ**у**	в школ**ах**

Кроме [у], качественной редукции подвергается и гласный [ы], который в этом случае становится несколько более открытым, слегка продвигаясь вниз, и звучит как [ъ], реже — как более *а*-образный звук: *б*[ъ]*ла*, *марш*[ъ]*руют*, *ш*[ъ]*роко* [50].

ДЕФОРМАЦИИ УДАРНЫХ ГЛАСНЫХ

22. Ударные гласные в РР сильнее, чем в КЛЯ, меняют свой характер в зависимости от согласного окружения (аккомодация).

Ударное ‹а› после мягких согласных может иногда звучать как [э] [51]. В качестве примеров приведем ослышки (спровоцированные произношением):

Сказано	Услышано
тебе	тебя
У меня был фитиль (= веревка), которым **я** книги таскал.	У меня был фитиль (= высокий человек), который мне [52] книги таскал.
(диалог) — А где с**е**тка?	— Десятку я не брала.
(диалог) — С**е**точку взять надо.	— Дес**я**точку? [53]

[48] Ср. диалектные: [съјатнó] *суетно*, [у́пъс'т'ил'и] *упустили*; *потом на другую страниц* [ъ] *переборачивает* (д. Деулино, Рязанского р-на Рязанской обл., записи 1960—1963 гг.).

[49] Ср. две фамилии явно одного происхождения: *Сердюченко* и *Сердиченко*.

[50] Редукции такого типа посвящена статья Л. Л. Касаткина «Новая ступень в развитии системы гласных русского языка» («Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971).

[51] Ср. аналогичное явление в говорах: *а* > *е* под ударением между мягкими согласными: *он*[э́]*ть*, *в шл*[э́]*пе* и под.

[52] [мн] вместо [мj] естественно, оно встречается в украинских, чешских, польских говорах ([mn'ésto, mn'ésic, mn'áso] и др.).

[53] Ср. произношение пятилетнего ребенка, находящегося в окружении литературно говорящих лиц: *пре*[п'э́]*тствие*.

Ср. также перед мягким согласным, после твердого:
фанатиков фонетиков
Ударное ‹э› в той же позиции может звучать как [и]:

Сказано	Услышано
завидую (произнесено шепотом)	советую
крокодил	бракодел
с Витей надо поговорить	Свете надо поговорить
редко	Ритка
Мечников	Мичников
Линка	Ленка
Меру надо знать	Мирру надо знать
у егеря	у Игоря
серия	Сирия
Гречко	Кричко
дельно	дивно
Ирина Ильинична	Елена Ильинична
Тогда ведь фенов не было	финнов
Он первый	Ханпира (фамилия)
(диалог) — У вас один?	— Отдельная квартира
(диалог) — Завтра к десяти я должна идти в милицию.	— На какую лекцию?

Эти наблюдения находят соответствие в результатах опыта, описанного в статье Л. А. Вербицкой [54]. В опыте аудиторам предъявлялись ударные гласные звуки, соответствующие разным фонемам в разном консонантном окружении. Аудиторы должны были отнести каждый звук к одному из восемнадцати заданных им звуковых эталонов. Оказалось, что ударное ‹э› между мягкими согласными довольно часто (19% случаев) относилось к эталону [и], а ударное ‹а› между мягкими согласными тоже довольно часто (16% случаев) относилось аудиторами к эталону [э] [55], т. е. происходило то же самое, что наблюдается в разговорной речи при ослышках. Отличие ослышек от описанного опыта состоит в том, что в опыте аудиторы ошибались лишь в одну сторону (то, что должно было быть звуком [э], принимали за [и]; [а] — за [э], но не наоборот), при ослышках же люди ошибаются в обе стороны (это может объясняться как меньшим, чем в опыте, вниманием слушающах к чисто звуковой стороне речи, так и различными ассоциациями на более высоких уровнях — синтаксическом, лексико-семантическом). Второе отличие состоит в том, что в опыте смешивались звуки лишь между мягкими согласными, в естественной же речи — после мягких согласных. Объясняется это, по-видимому, тем, что чем естественнее условия и непринуж-

[54] Л. А. Вербицкая. О звуковых эталонах русской речи. «Вопросы фонетики» (Уч. зап. ЛГУ), № 325, 1964.
[55] Остальные звуки воспринимались безошибочно или почти безошибочно.

денее обстановка речи, чем менее тщательны артикуляции, тем сильнее аккомодация звуков.

23. Кроме аккомодации встречаются и другие случаи, когда ударный гласный меняет свой характер. Так, ударное ‹о› может быть более закрытым и огубленным, чем обычно, и изредка совпадать по звучанию с [у]. Соседство с губными, безусловно, способствует появлению более закрытого или *у*-образного варианта, но этот вариант может встретиться и в другом окружении. Примеры:

Сказано	Услышано
Он... ему эту морковку	Он моет эту морковку
Зубков и о том и о другом пишет	Зубков, я думаю, о другом пишет
чуть	чой-то (что-то, чего-то)
в то лето	в туалет
верить на слово	верить на слух

Ср. также произношение ребенка пяти лет, находящегося в окружении литературно говорящих людей: *ск*[у]*тный двор*.

Наиболее устойчивыми ударными гласными являются ‹у› ([у]), ‹и› ([и], [ы]).

Мы видим, что деформация ударных гласных приводит к совпадению звучания двух разных фонем, т. е. к нейтрализации, причем нейтрализация захватывает и те фонемы, которые представлены наиболее устойчивыми звуками [у] и [и], так как звуковые репрезентанты других фонем (‹о› и ‹э›) вторгаются в зону звуковой репрезентации ‹у› и ‹и›.

СТЯЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ

24. В потоке речи, особенно при ускоренном темпе, происходит очень значительная взаимоадаптация и наложение во времени соседних звуков, которые иногда сливаются полностью. В случае соседства гласных взаимовлияние звуков может проявиться в их уподоблении друг другу по качеству (ряду, подъему, огубленности) с одновременной редукцией одного из звуков, что приводит к стяжению. Стяжение предполагает не только полную ассимиляцию звуков по качеству, но и слоговую перестройку, утрату слога и нарушение, изменение ритмической схемы слова.

Считается, что стяжение не свойственно русскому литературному языку, хотя встречается во многих русских говорах. Однако и у носителей литературного языка можно наблюдать стяжение гласных в отдельных формах, преимущественно (но не исключительно) в РР. В целом это явление меньше, чем другие явления

РР, зависит от темпа, ритмико-интонационных условий и встречаемости в потоке речи [56]. Часто его определяют другие условия: длина словоформы, стирание морфемного стыка — о чем см. ниже.

25. Для того чтобы произошло стяжение, нужно чтобы в тексте были случаи зияния (скопления гласных). Однако известно, что русский язык избегает соседства гласных не на стыках морфем или слов; стечения гласных внутри морфемы исключительно редки (если не считать заимствований), например: *паук*, *пояс* [по́ис] [57]. Лишь две категории слов дают непосредственный материал для стяжения гласных (т. е. формы, в которых стяжение может происходить без других предварительных изменений): первая — иностранные по происхождению слова со стечением гласных, еще не ассимилированные по форме, хотя они могут и не восприниматься как иностранные: *театр*, *специальность*, *библиотека* и др.; вторая группа — слова, содержащие стечение гласных на стыке приставки и корня: *соответственно*, *пообедать*, *заартачиться*. Однако лишь редкие слова этой группы допускают стяжение.

Вообще ассимиляция и стяжение на стыках морфем, и даже слов, в языках возможны [58], но в литературном русском языке фонетическая самостоятельность слова и морфемы достаточно велика, поэтому пограничные звуки разных морфем или слов, соседствующие друг с другом, взаимодействуют лишь очень ограниченно, и гласные на стыке морфем и слов стяжению не подвержены. Исключение представляют слова с приставками *со-*, *во-* [59] и корнем, начинающимся с гласного, но не все, а лишь те из них в которых приставка (а затем и корень) десемантизуется, внутренняя форма слова затемняется и стык стирается: *вооружение*, *воображать*, *сооружение*, *сообщать*, *вообще*, *воодушевить(ся)*, *вооруженный*, *соображать*, *соображение*, *сообразительный*, *сообразоваться*, *сообща*, *сообщающийся*, *сообщение*, *соответственно* и некоторые другие.

[56] Однако спорадические стяжения на стыках слов определяются именно перечисленными факторами. Примеры: *Так или иначе* [ыл'и́ъч'и]; [сматр-э́л'иӣ'ь] *Мы смотрели еще глазами Широкова*; [врóд'э́тъвъ] *вроде этого*.

[57] Случаи стечения гласных не на стыке приводятся в кн. М. В. Панова «Русская фонетика», стр. 62—65. Однако почти все они или имеют ложный стык (в них выделяется префиксоид): *неистовый*, *прииск*, *неурядица* и некоторые другие, или относятся к иностранным и достаточно редким словам, произношение которых в самой книге описывается как специфическая подсистема по отношению к общей системе языка: *проект*, *силуэт*, *руины*, *буер*, *неореализм* и т. д.

[58] В русских говорах стяжение имеет место на стыке морфем — приставки и корня: *пообедал* > *п*[а]*бедал*, *заартачился* > *з*[а]*ртачился*; основы и окончания: *бывает* > *быв*[а]*т*; предлога и следующего за ним слова: *на озеро* > *н*[а]*зеро*, *на одной* > *н*[а]*дной*, *за окном* > *з*[а]*кном*.

[59] Очень редко с другими приставками, ср. *наоборот* [ъбарóт].

Есть еще третий массив слов, дающий для процесса стяжения материал, правда не непосредственный. Его составляют слова, в которых стечение двух гласных образуется после выпадения согласного, находящегося между ними (см. ниже раздел о редукции интервокальных согласных). Это очень частые обиходно-разговорные слова (разные формы местоимений: *те(б)я*, *се(б)е* и под., некоторые наречия, вводные слова).

Всю массу слов со стяжением можно разделить на два слоя. Один составляют частые разговорные слова, преимущественно такие, в которых стечение гласных является результатом выпадения согласного. При стяжении в этом слое слов основную роль играют быстрый темп речи, слабая ударность — обычно следствие малой информационной нагруженности, высокая частотность. Второй слой (главным образом слова иностранного происхождения и приставочные) — это обычно слова длинные, но не обязательно высокочастотные и мало информационно нагруженные. При их изменении такие факторы как ритмико-интонационный, темповый и частотный отходят на второй план; зато большую роль играет длина слова.

26. Рассмотрев вопрос о том, что служит материалом для стяжения гласных, перейдем к самому явлению стяжения и посмотрим, как влияют на появление стяжения и его результат: а) качества гласных, входящих в стягивающееся сочетание, и характер всего сочетания, б) характер слога, в котором оказывается результат стяжения: закрытость — открытость, прикрытость — неприкрытость, в) консонантное окружение, в котором оказывается результат стяжения.

27. Влияние на стяжение характера сочетания. Ответить на вопрос, любые ли сочетания гласных могут стягиваться в РР, трудно: стяжение встречается далеко не во всех сочетаниях гласных, но отсутствие его не означает, что оно невозможно — некоторые сочетания могут быть вообще не представлены в языке, другие представлены лишь в редких словах или на стыке морфем [60] и поэтому не стягиваются, так что вывода о невозможности стяжения того или иного сочетания сделать нельзя. Однако можно констатировать следующее: 1) чаще и легче стягиваются сочетания, в которых более широким и открытым является звук, находящийся в более сильной позиции [61] (например: [иó, иá, áъ, иэ́, áу, áи]); сочетания же, у которых в более сильной позиции находится более узкий, закрытый звук (например: [аэ́, аи́, аý]), стягиваются реже и труднее: такие стяжения встречаются лишь

[60] О сочетаемости гласных русского языка см.: М. В. Панов. Русская фонетика, стр. 62—65.

[61] «Сильный» здесь понимается в физическом смысле: сильная позиция та, которая сообщает гласному наибольшую интенсивность и длительность; однако не исключено, что и фонологическая сила позиции играет в этом случае некоторую роль.

в очень частотных словах; 2) чаще и легче стягиваются сочетания из звуков не контрастных друг другу, реже и труднее — из контрастных (поэтому, например, редко стягиваются сочетания с [у], так как [у] сильно контрастирует почти со всеми гласными). Тенденция к стяжению преимущественно сочетаний неконтрастных гласных объясняется тем, что при стяжении контрастных гласных теряется гораздо большая фонетическая информация и гораздо сильнее меняется облик слов. Стяжение контрастных сочетаний легче проходит в тех случаях, когда в сочетании есть безударный *и*-образный звук: [и, и^{э}, ь], находящийся рядом с мягким согласным (например, *биб*[л'иа]*тека*, [т'и^{э}]*атр*, [пра́ил'нъ] *правильно*, [с'иэ́] *себе*, [пр'ьо́цъ] *прийдется*, [с'ьо́д'н'ь] *сегодня*, [н'ич'ьо́] *ничего*. При стяжении этот звук не утрачивается полностью (*и*-образная фаза любого гласного необходима рядом с мягким согласным), поэтому теряется меньшая информация и облик слова меняется меньше.

28. Влияние качества гласных на результат стяжения.

Если звуки, участвующие в стяжении, одинаковы по подъему и лабиализации как в *товарищи* [тава́р'ищ'и] > [таа́р'ищ'и], то результат стяжения будет равен каждому из них, т. е. представлен таким же гласным, какие участвуют в стяжении[62]: [та́р'ищ'и] или [та́ищ'и].

Другие примеры: *пятьдесят* [п'иьс'а́т] > [п'ис'а́т], *шестьдесят* [шыс'а́т], *давай* [даа́ы̯] > [да̄ы̯], *надо* [на́а] > [на̄] или [на][63], *сказал* [скаа́л] > [скал], *сказать* [скаа́т'] > [скат'], *так сказать* [та́(к)скът'], *тогда, когда* [таа́, каа́] > [та$^{\widehat{a}}$, ка$^{\widehat{a}}$], *университет* [ун'иирс'ит'э́т] > [ун'ирс'ит'э́т], *наоборот* [нъъбаро́т][64] > [нъбаро́т], *воображать* [въобража́т'][65], *кооператив* [къп'ират'и́ф] > [къп'ират'и́ф], *координаты* [кърд'ина́ты] > [кърд'ина́ты], *индивидуум* [ин'д'ив'и́дум], *эксплоатация* [и^{э}ксплаата́цыа] > [и^{э}ксплата́цыа], *индивидуальный* [ин'д'идуа́л'ныы̯], *во всяком случае* [фс'а́ам] > [фс'ам], *вообще* [ваапш'э́] > [вапш'э́], *сообщение* [сапш'э́н'иа^{э}], *сообщили* [сапш'и́л'и], *сообща* [сапш'а́], *соответствовать* [саатв'э́тстъвът'], [въъ]*душевленный* > [въ]*душевленный*.

При стяжении разных по качеству гласных результат зависит от характера сочетания: если в сочетании более широкий глас-

[62] Однако сделанное утверждение справедливо лишь для тех случаев, когда исходный гласный допустим в той позиции, в которой оказывается результат стяжения. В противном случае результат бывает выражен не исходным звуком сочетания, а звуком, близким к нему, но допустимым в данной позиции.

[63] Эта форма отмечена, в частности, у ребенка 3,5 лет: [на́з'д'а́лът'] *надо сделать*.

[64] Это один из возможных вариантов произношения, другие: [нъабаро́т, наабаро́т и на$^{\widehat{ъ}}$баро́т]; [въабража́т'] и т. д. [ъксплъата́цыа, ъксплуата́цыа] и т. д.

[65] Ср. детск. *в*[ъ]*бражала*.

ный находится в более сильной позиции, то всегда о́н становится результатом стяжения:

[пра́л'на][66] *правильно*, [ба́шка] *бабушка*, [ска͡а́м] *скажем*, или [скам], [ка́цъ] *кажется*, [т'а][67] *тебя*, [с'а] *себя*, [т'э] *тебе*, [с'э] *себе*, [аф'ицал'нъи] *официальный*, [сп'ицал'ъс'т'] *специальность*, [аф'ицант(ка)] *официант(ка)*, [с'о́д'н'ъ] *сегодня*, [ч'(ъ)о́, н'ич'(ъ)о́] *чего, ничего*, [ун'(ъ)о́] *у него, у нее*, [пр'(ъ)о́п̄ъ] *придется*, [ч'(ъ)о́ртъвъ] *четвертого*, [г'(ъ)о́р'на] *Георгиевна*, [т'а́]*тр*, [т'эр'] *теперь*, [нъир'(ъ)э́р] или [нъп(')э́р] *например*, [тос'] *то есть*, [б'иб.л'ат'э́]*ка библиотека*, [ин'ицат'и́въ] и [ин'цат'и́въ][68] *инициатива*, [интърнъцана́л][69] *интернационал*, [нъцана́л'нъи] *национальный* и др. с этим корнем,[м'ил'ицаи'э́р] *милиционер*, [стъцана́р] *стационар*, [съцал'и́ст] *социалист*, [съцало́г'на́] *социология*, [сп'ицал'и́ст][70] *специалист*.

Если же в более сильной позиции находится более узкий гласный, то результат стяжения неоднозначен: он может быть равен как более узкому, закрытому звуку, находящемуся в более сильной позиции ([пту́штъ]<[итау́штъ] *потому что*, [нэ́рнъ, ин́нъ]<[наэ́риъ] *наверно*, [п'ъли́пъ]<[п'ълаи́нъ] *половина первого*, [нък(ъ)э́ц] *наконец*, [п(ъ)э́хл'и] *поехали*, [п͡а́элъ] *поела*, [кэ́шнъ]<<[каэ́шнъ] *конечно*), так и более широкому, открытому звуку, находящемуся в менее сильной позиции ([пта́штъ] *потому что*, [на́нъ] *наверно*, [пла́нъ] *половина*).

Если сочетание не очень контрастно и в более сильной позиции находится менее широкий звук, то чем он шире, тем больше у него возможности стать результатом стяжения.

[66] Промежуточные формы редукции слов (типа [пра́в'ил'нъ] > [пра́ил'нъ] > [пра́л'нъ]) приводятся в разделе о редукции интервокальных согласных.

[67] Хорошо иллюстрирует это явление следующий диалог с ослышкой, записанный сотрудником Института русского языка В. Л. Воронцовой: — Мишка, где утята? — Чего? — Утята где? — Чего? — Ну утята твои, вчерашние утята. — А. . . утята! Не знаю. Вовка знает. Я думал, ты говоришь «где у тебя» и не пойму что.

[68] Это и последующие слова до стяжения могут иметь двоякое произношение: с [ыа] ([ин'(и)цыат'и́въ]) и с [ъа] ([ин'(и)цъат'и́въ]).

[69] Это произношение отразилось в песнях:

Бьет набат, бьет набат /Интернационала
. . . . . .
Есть у революции начало,
Нет у революции конца
(«Есть у революции начало»)
Интернациональные бригады
С нами говорят, с нами говорят
(«Бухенвальдский набат»)

[70] Видимо, на такое произнесение этого слова рассчитано стихотворение Б. Заходера «Кот и кит»:
Академик по котам,
Академик по китам,
. . . . . .
Юные натуралисты
И другие специалисты.

Если в сочетании есть лабиализованный гласный [у] или [о], и тем более, если он находится под ударением, то преимущественно он становится результатом стяжения [71], потому что он наиболее характерен по звучанию и несет наибольшую информацию: [бут, бу́ᵘт] *будет*, [буш, бу́ᵘш] *будешь*, [мот] *может*, [мош] *можешь*; [ку͡ʸч'у́къ] *каучука*, [шу͡ʸтру́] *по утру*, [зу͡ʸныв'ыц] *заунывный*, [нъку͡ʸт'и́рвът'] *нокаутировать*, [н'изу͡ʸр'а́днъц] *незаурядный*, [пу͡ʸмн'э́т'] *поумнеть*. Как уже говорилось выше, случаи такого стяжения редки, так как сочетания с лабиализованным гласным очень контрастны; кроме того, в этих случаях редко происходит полное стяжение, обычно оно доходит до дифтонгического произношения гласных.

29. Влияние характера слога на результат стяжения. Обычно результат стяжения равен одному (или каждому) из гласных исходного сочетания, и изменение типа слога (открытого на закрытый, неприкрытого на прикрытый), происходящее при стяжении, не препятствует этому. Но есть случаи, когда получающийся тип слога не допускает того гласного, который был в исходном сочетании. Слова: *наоборот* в форме [нъабаро́т] или [наабаро́т], *воображать* в форме [въабража́т'] или [ваабража́т'], *кооперация* [къап'ира́цыа] или [каап'ира́цыа], *координаты* [къард'ина́ты] или [каард'ина́ты], *вооруженный* [въаружо́нъы] или [вааружо́нъы], *соображать* (*соображение*, *сообразительный*, *сообразить*) [съабража́т'] или [саабража́т'], *соорудить* (*сооружать*, *сооружение*) [съаруд'и́т'] или [сааруд'и́т'] в результате стяжения должны звучать: [набаро́т], [вабража́т'], [кап'ира́цыа], [кард'ина́ты], [варужо́нъый, [сабража́т'], [саруд'и́т'] — с [а]. Именно такое произношение, наряду с произношением [въ͡ᵇбража́т'], [нъ͡ᵇбаро́т] и т. д. имеет место при неполном стяжении [72]: [н͡ᵇабаро́т] или [на͡ᵃбаро́т], [в͡ᵇаружо́нъы] или [ва͡ᵃружо́нъы] и пр. Но при полном стяжении возможны лишь формы: [нъбаро́т], [въбража́т'], [къп'ира́цыа], [къп'ират'и́ф], [събраз'и́т'] и т. д.

Почему же звук [а], произносимый в непервом предударном слоге приведенных выше нестяженных форм, становится невозможным в тех же слогах и в тех же словоформах, но стяженных?

[71] Исключения составляют сочетания [у] с наиболее открытым гласным [а], находящимся под ударением или в I предударном слоге: [ба́ушка] > >[ба́шка], [птау́штъ] > [пта́штъ] *потому что* (но и [пту́штъ]).

[72] Произношение с [а] как результат стяжения отмечается Р. И. Аванесовым в кн. «Русское литературное произношение» и М. В. Пановым в кн. «Русская фонетика», однако нам кажется, что это произношение нельзя ставить в один ряд с произношением [а] в I предударном и [ъ] в остальных безударных слогах, так как [а] не в I предударном является не окончательным результатом стяжения (как [а] в I предударном и [ъ] в других слогах), а только промежуточной его стадией; это [а] представляет собой не один однородный звук, а два слога, или дифтонг, или если даже и приближается к однородной артикуляции, то по длительности превышает один звук, указывая тем самым, что это реализация двух единиц, а не одной.

Как правило, [а] в безударных слогах, кроме первого предударного, не произносится. Но есть достаточно исключений из этого правила, например: гласный начала слова, который сохраняет свое произношение также после приставок, оканчивающихся гласным звуком (*по*[а]*бежать*, *со*[а]*тнести* и т. д.); гласный в некоторых иностранных словах, не обязательно приставочных: *не*[а]*реализм*, *ре*[а]*листический*, *ре*[а]*кционный* и др. Общее правило таково: [а] может произноситься в безударных слогах (не считая первого предударного) в начале и в середине слова — в неприкрытом слоге (для середины слова неприкрытый слог значит следование гласного за другим гласным); в середине и в конце — в открытом слоге, причем в середине только тогда, когда за ним также следует звук [а]: *н*[аа]*бум*, *з*[аа]*стрить*, *с*[аа]*тветствовать*, *стар*[аа]*бразный*, *дик*[аа]*браз*, *в*[аа]*бще*, *н*[аа]*борот*, *в*[аа]*бражение*, *с*[аа]*бразить* и др. Таким образом, в середине слова, где обычно и происходит стяжение, произношение [а] в безударном слоге (кроме I предударного) встречается лишь при стечении гласных. Но стяжение ликвидирует стечение гласных и делает слог прикрытым, следовательно, ликвидирует и возможность произнесения [а] в безударном слоге; поэтому в результате стяжения вместо [а] появляется [ъ].

Другие примеры влияния характера слога на результат стяжения: *на*[цъа]*нализация* > *на*[цъ]*нализация*, *мате*[р'иа]*листический* > *мате*[р'и]*листический*, *мате*[р'и]*лизация*, *импе*[р'и]*листический*, [д'и]*лектологический*, [в'иа]*лончель* > [в'и]*лончель*, [д'иа]*гональ* > [д'и]*гональ* [73].

Таким образом, влияние характера слога на результат стяжения выражается в том, что недопустимый при данном характере слога вариант произношения исключается.

30. Влияние консонантного окружения на результат стяжения. Следующее ограничение на качества гласного, выступающего как результат стяжения, накладывается законами сочетаемости гласных с согласными: если результат стяжения попадает в позицию рядом с мягким согласным, то он должен быть выражен более передним и верхним гласным, если же он находится рядом с твердым согласным, то — более задним и нижним, независимо от того, каков был характер исходного звука, обусловившего результат стяжения. Например: *те*[а]*тр* > [т'а]*тр*, *библи*[а]*тека* > *биб*[л'а]*тека*. *поним*[а]*ешь* > *пон*[иа]*ешь* > *по*[н'а]*ешь*, *у нег*[о] > *у* [н'о], *сег*[о]*дня* > [со́д'н'а]; *на*[в'э]*рно* > [на́рнъ, на́нъ], *ко*[н'э]*чно* > [ка́шнъ], *сов*[и']*ршенно* > [съи'ршэ]*нно* > *с*[ъ]*ршенно* или *с*[ы]*ршенно*.

Итак, результат стяжения зависит не только от качества стягивающихся гласных и характера их сочетания, но на него на-

[73] Когда это слово было услышано автором впервые при обозначении названия материи, оно было воспринято как *дигональ* и не было соотнесено с известным уже *диагональ* — математическим термином.

кладывают ограничения также характер слога и консонантное окружение, с которыми он должен быть приведен в соответствие. Однако в этом случае есть некоторые исключения. Так, например, I предударный слог допускает [а] только после твердых согласных или в неприкрытом слоге, стяжение же дает такое произношение как *биб*[л'а]*тека* и, по-видимому, [т'а]*тральный* наряду с [т'ь]*тральный* (в КЛЯ [а] после мягкого согласного допускается лишь в одном случае — на стыке предлога со следующим словом: [дл'а] *нас*, [дл'а] *Веры*).

Еще одно исключение представляет слово *совершенно* [сършэ̄нъ], где в I предударном слоге может появляться [ъ]. Возможно, такое произношение нужно объяснять не как результат стяжения: [съв'и^{э}ршэ̄нъ] > [съиршэ̄нъ] (или [съэ^{ы}ршэ̄нъ]) > [сършэ̄нъ], — а как результат редукции гласного с последующим упрощением согласной группы: [съв'и^{э}ршэ̄пъ] > [съв$^{(')}$ршэ̄пъ] > [сършэ̄пъ], — ибо оба способа редукции данного слова теоретически возможны и реально зафиксированы.

31. Со стяжением гласных связаны разговорные изменения суффикса *-ива-*, *-ыва-* [-ивъ-, -ъвъ]; результаты изменения в зависимости от следующего за суффиксом *-ива-*, *-ыва-* окончания получаются разные. При окончаниях *-у*, *-ут* конечный гласный суффикса [ъ] уподобляется последующему гласному окончания [у] (в звук [у] может превратиться также и целый слог [ва] [74]) и два одинаковых гласных — суффикса и окончания — сливаются, причем первый гласный суффикса также может уподобиться окончанию. Примеры: *сталкиваюсь* — 1) [ста́лк'ивъўс'] > 2) [сталк'иуўс'] > 3) [ста́лк'уўс']; *стягиваются* — 1) [с'т'а́г'ивъў̄ъ] > > 2) [с'т'а́г'иъўцъ] > 3) [с'т'а́г'уўцъ]; *оказывается* — 1) [ака́зъвъў̄ъ] > 2) [ака́зъуў̄ъ] > 3) [ака́зуў̄ъ]).

При окончаниях *-ем*, *-ет*, *-ете* [-и^{э}м, -и^{э}т, -и^{э}т'и^{э}] сокращение формы идет почти так же. Суффиксальное [в] выпадает или произносится с более широкой щелью. Тогда слог [въ] превращается в очень краткий неопределенный гласный, разделяющий два *и*-образных звука. Эта ъ-образная прослойка между двумя [и] может исчезать. Примеры: *подлавливает* —1) [падла́вл'ивъит] > 2) [падла́вл'иъ^{е}ит] > 3) [падла́вл'иит] > 4) [падла́вл'и^{и}т]; *сталкивает* — 1) [ста́лк'ивъит] > 2) [сталк'иъ^{и}ит] > 3) [ста́лк'иит] > > 4) [ста́͡лк'п^{и}т] или [ста́лк'п̄т]. Полного стяжения в этом случае не получается.

Суффикс *-ыва-* может изменяться иначе: редуцируется его первый гласный, в образовавшейся группе согласных утрачивается [в] и, наконец, оставшийся гласный суффикса и гласный окончания стягиваются: *оказывается* —1) [ака́зывъицъ] или [ака́зъвъицъ] > 2) [ака́звъицъ] > 3) [ака́зъицъ] > 4) [ака́зъцъ].

Сокращение суффикса может происходить как посредством

[74] Ср. разговорные варианты слов: *голову* [го́лъу], *в новом* [вно́ум].

редукции гласного: *рассказывал* 1) [раскáзъвъл] > 2) [раскáзвъл] > 3) [раскáзъл], так и посредством выпадения интервокального согласного и стяжения гласных: 1) [раскáзывъл] > 2) [раскáзыа$^{\smile}$л] > 3) [раскáзъл].

В действительности, по-видимому, оба изменения происходят совместно.

Подведем итоги.

Принято считать, что в русском литературном языке стяжение гласных отсутствует. Однако его можно наблюдать в некоторых небольших слоях лексики, в частности лексики повседневно-разговорной. Стяжение происходит как в словах, обладающих стечением гласных — в иностранных по происхождению словах и словах, где стираются стыки приставок *со-*, *во-* и корня, начинающегося с гласного,— так и после утраты интервокального согласного.

Появление стяжения в том или ином слове зависит, кроме частоты встречаемости, длины и фразовой позиции слова, от характера сочетания гласных: степени контрастности сочетания и степени открытости гласного, находящегося в более сильной фонетической позиции.

Результат стяжения зависит: 1) от качества стягивающихся гласных, 2) от характера всего сочетания, 3) от характера слога, в котором оказывается результат стяжения, 4) от качества окружающих согласных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

32. Попытаемся обобщить наблюдения над вокализмом РР и дать их сводку, рассматривая описанные выше явления в трех ракурсах: 1) с точки зрения парадигматики фонетических единиц, 2) с точки зрения их синтагматики, 3) с точки зрения их различительной способности и нейтрализации.

Для экономии места обобщенное описание дано как дифференциальное по отношению к системе КЛЯ (описываются лишь различия систем РР и КЛЯ).

Набор единиц (фонем и их репрезентантов) (см. табл. 1 на стр. 74):

1. Различий в наборе (числе) фонем между РР и КЛЯ нет.

2. Различия в наборе репрезентантов для каждой фонемы:

1) фонема ‹а› под ударением после мягких согласных, кроме репрезентантов допустимых в КЛЯ, имеет еще [э];

2) фонема ‹э› под ударением после мягких согласных, кроме репрезентантов, допустимых в КЛЯ, имеет [и];

3) фонема ‹о› под ударением имеет репрезентант [у];

4) фонема ‹у› включает репрезентанты [ы] (в I предударном слоге) и [ъ] — после твердых согласных, [и] — после мягких (в других безударных слогах);

5) фонема ‹и› в I предударном слоге имеет репрезентант

[ъ] (после твердых согласных): *б*[ъ]*ла*, *марш*[ъ]*руют*, *ш*[ъ]*роко* и т. д.;

6) все гласные имеют репрезентант [ø]: [н']*больш̥ой*, *ви*[д']*те*, [вы̥с̥шыт'] *высушить*, *рабо̥*[тт'], *прос*[тт]*ак*, *де*[с̥']*ть*, [нч']*инить*, *сти*[хт]*воренье*. Две гласные фонемы могут быть выражены одним гласным звуком: <v + v> = [v]: *в*[а]*бще*, *с*[ъ]*рудил*, *к*[ъ]*ператив*, *биб*[л'а]*тека*, *нац*[а]*нальность*. Гласная фонема вместе с предшествующей согласной может быть выражена одним согласным звуком, часто имеющим некоторые признаки, сигнализирующие о наличии гласной фонемы:

а) *те*[з']*сы*, *ко*[мн]*та*, *выде*[л'л']*и* или *вы*[д͡л'л']*и*, *Ле*[н'н]*акан* и др.;

б) *го*[н'°]*т* — *гонят*, *во*[з'°]*т* — *возят*, *бу*[д°т] — *будут*;

в) *ви*[н']*те ли* — *видите ли*, *бу*[п°]*т* — *будут*.

Набор звуков, встречающихся в разных позициях (сочетаемость звуков) (см. табл. 2 на стр. 75):

1. В ударном слоге различий между РР и КЛЯ нет.

2. В I предударном слоге в РР, кроме звуков, допустимых в КЛЯ, возможны:

1) [Ø] (чаще всего после мягких или между мягкими согласными) — как результат полной редукции: *на*[п']*шу*, *на*[п']*сать*, *ки*[п']*ток*, *ки*[п']*ченый*, *по*[ч']*таем*, *ин*[с']*тут*, *универ*[с']*тет*, [к̄]*ой-то*, [кк']*ие-то*, *опреде*[д'л']*енный*, *присое*[д'н']*ить* и др.;

2) [ъ] — когда в результате полной редукции гласного в I предударном слоге слог этот исчезает и I предударным становится бывший II предударный слог: [сършо́нъ] *совершенно*, [нъи'шу́] *напишу*;

3) [ä] ([а] после мягких согласных) — результат стяжения, в основе которого лежит редукция безударных гласных: *биб*[л'ä]*тека*, [т'ä]*тральный* (?)

3. В других безударных слогах возможны:

1) [Ø][75]: *хва*[т'т], *прохо*[д͡т], [пт]*ому что*, *обе*[дл]*а*, [нч']*инить*, [п^{б}д]*ожди* и т. д.;

2) [а] в непервом предударном слоге: *в*[а]*бражение*, *с*[а]*бражение*, *в*[а]*ружать*[76].

Различение и нейтрализация фонем. В РР по сравнению с КЛЯ наблюдается уменьшение различительной способности гласных.

[75] Р. И. Аванесов допускает полную редукцию в КЛЯ только между одинаковыми сонорными и фрикативными: [хх]*отать*, *фи*[лл]*огический*, *сли*[вв]*о*.

[76] Такое произношение указывают Р. И. Аванесов (в кн. «Русское литературное произношение») и М. В. Панов (в кн. «Русская фонетика»). Мы, однако, считаем, что звук [а] возможен здесь лишь до тех пор, пока сохраняется намерение произнести два слога. При дальнейшем сокращении появляется [ъ] (см. п. 29).

1) Увеличивается число слабых позиций, т. е. позиций, допускающих нейтрализацию фонем, в частности, появляется возможность неразличения гласных в ударном слоге, чего нет в КЛЯ.

2) Увеличивается количество фонем, вступающих в нейтрализацию в отдельных позициях: а) под ударением после мягких согласных в РР нейтрализуются ‹а› и ‹э›, ‹э› и ‹и›; б) в безударных слогах ‹и› совпадает с другими гласными не только после мягких согласных, как в КЛЯ, но и после твердых; в) фонема ‹у›, которая не нейтрализуется в КЛЯ, в безударных слогах также может совпадать с другими гласными как после твердых согласных (в звуке [ъ]), так и после мягких (в звуке [и]).

33. Вокализм РР обладает следующими особенностями.

Каждая фонема РР включает большее число репрезентантов, чем соответствующая фонема КЛЯ, хотя наборы реализаций для всех фонем вместе взятых в РР и КЛЯ одинаковы. Естественно, что такое положение, при одинаковом наборе позиций для гласных в РР и КЛЯ, обусловливает бóльшую «омонимию» в системе гласных РР.

Гласные РР обладают меньшей различительной способностью по сравнению с гласными КЛЯ: в РР как число фонем, так и число позиций, допускающих нейтрализацию, больше.

Основная масса разговорных деформаций гласных ведет к увеличению синкретизма, нерасчлененности как в тексте, так и в системе [77]. Синкретизм в синтагматике создается такими явлениями как: репрезентация гласных фонем в безударной позиции нулем звука, выражение гласной и согласной фонемы одним звуком, выражение двух гласных фонем одним звуком. К этому же приводит и утрата гласным некоторых специфических для него черт и приобретение черт, свойственных его согласному окружению (например, выражение ‹а› через [э] в соседстве мягких согласных и др.). Здесь фактически происходит замена двух разных признаков, свойственных соседним фонемам, одним признаком, распространяющимся на оба соседние звука — гласный и согласный.

Синкретизм в парадигматике создается совпадением звучания аллофонов разных фонем в одной и той же позиции (например,

Таблица 1

Фонема	Разговорный репрезентант
‹а›	[э] [Ø]
‹э›	[и] [Ø]
‹о›	[у] [Ø]
‹и›	[ъ] [Ø]
‹у›	[ы, и, ъ] [Ø]

[77] Это всегда нерасчлененность в плане выражения.

www.ruslang.ru

‹у› и других гласных; ‹а›, ‹о› и ‹и› — в безударных слогах; ‹э› и ‹и›, ‹а› и ‹э› в ударном слоге между мягкими согласными).

Сильная редукция гласных ведёт: а) к увеличению консонантной насыщенности текста; б) к нарушению законов сочетаемости согласных — возникновению новых сочетаний, а тем самым и к уменьшению синкретизма в этих сочетаниях [78].

Таблица 2

	I предударный слог	II предударный слог	Остальные безударные слоги
после твердых согласных	ъ ∅*	а ∅*	∅*
после мягких согласных	∅* ä	∅*	∅*

* В отличие от КЛЯ, также и между неодинаковыми согласными.

СОГЛАСНЫЕ

1. Если рассматривать согласные в потоке речи, независимо от их фонетической позиции, то можно отметить лишь одну общую тенденцию, наблюдающуюся в РР: согласные склонны к ослаблению и выпадению. При убыстренном темпе и при небрежном произношении согласные ослабляются в речи в любых положениях.

2. Ослабление может проявляться в переходе взрывных звуков в фрикативные [79]. Легче всего это явление наблюдается на

[78] Явления в области согласных, напротив, приводят к уменьшению консонантной насыщенности звуковой цепи и увеличению синкретизма (см. ниже).

[79] Ср. у Л. Р. Зиндера [«Влияние темпа речи на образование отдельных звуков». — «Вопросы фонетики» (Уч. зап. ЛГУ), № 325, Л., 1964]: «Изменения, которых следует ожидать в указанных условиях (при ускорении темпа речи. — *Г. Б.*), должны касаться прежде всего способа образования согласного: аффрикатизация взрывных смычных, спирантизация и т. п.» (стр. 5). «Встречаются случаи, когда смычка сокращается до минимума или даже вовсе отсутствует, так что согласный приобретает характер щелевого» (стр. 12). «Эти согласные (*г, б, д.* — *Г. Б.*). . . полностью утрачивают в быстром стиле смычный характер и становятся щелевыми», «. . . нередки случаи, особенно при произнесении [d'], когда согласный приобретает характер щелевого» (стр. 14).

примере аффрикаты [ч'], которая в сочетании с другими согласными и даже в интервокальном положении часто звучит у носителей литературного языка как аффриката с ослабленной смычкой или даже как фрикативный [ш'] [80]: [паш'т'и́] *почти*, [но́ш'ју] *ночью*, *в*[ш']*ера*, [пъш'иму́, пъш'ьу́] *почему*, *клю*[ш'] [81]. Аналогичное поведение можно наблюдать и у аффрицированных согласных [т'], [д'] [82], но преимущественно в позиции после [с'], [з'] (см. ниже), реже и у других смычных согласных: [д] может дать [ð] ([таðа́] *тогда*); [п] может дать билабиальный фрикативный, по звучанию равный [ф] ([во́$^{\beta}$ш'ьм] *в общем*). Что касается фрикативного [γ] вместо [г] (фонема ‹г›), то в ряде случаев он узаконен в литературном языке: как в словах *бог*, *благо* и пр., так и при диссимиляции: [каγда́] *когда* и под.

3. Другой формой ослабления согласных является озвончение глухих. У глухих согласных в соседстве с гласными часто наблюдается частичное озвончение [83]. В РР при убыстренном и небрежном произношении озвончение согласных в этой позиции бывает более частым и более сильным и иногда согласный озвончается полностью. В записи РР нам встретились, например, такие случаи озвончения согласного по соседству с гласным: *Я* [т'$^{д'}$]*ебе дала*; *спа*[с'$^{з'}$]*ибо*; *те*[п'$^{б'}$]*ерь*. Ср. также ослышки:

Сказано	Услышано
Зубков и о **том** и о другом пишет	Зубков, я думаю, о другом пишет
за мясом	замерзла
диалог: — А мама **сегодня там** будет?	— Где **занята**?
Крокодил	**Б**ракодел

Полное озвончение глухого согласного, хотя и встречается в речи, но в нормальных условиях всегда отмечается слушающим (обычно и говорящим) как оговорка. Следовательно, это явление разговорной фонетики 1) всегда остается полностью речевым явлением (не входит в язык даже в отдельных лексических формах) и 2) не имеет в настоящее время перспективы распро-

[80] См.: Р. Ф. Пауфошима. О произношении ч в литературном языке. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971; Н. Б. Парикова. О южнорусском варианте литературной речи. — «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966.

[81] Особенно заметна эта черта в речи подростков и некоторых детей. Ср., например, слова, записанные от мальчика 7 лет, родители которого владеют литературным языком: [ш']*еловек*, *клю*[ш']*и*, [ш']*удной*, [ш']*истить*.

[82] Г. В. Комякова приводит следующую транскрипцию: Ну ись (ведь) хужы ни буит (Г. В. Комякова. Ию нана си знают. «Русская речь», 1969, № 1).

[83] См., например: Л. Р. Зиндер. Влияние темпа речи. . ., стр. 12—13; А. В. Венцов. О работе голосовых связок при глухих смычных интервокальных согласных. «Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков». М.—Л., 1966, стр. 69.

странения. Распространению и проникновению в язык озвончения глухих препятствует то, что оппозиция по звонкости—глухости является одной из основных фонологических оппозиций русского языка, разделяющей русские согласные на два ряда; утрата этой оппозиции привела бы к существенной ломке всей фонетической системы.

Общая тенденция согласных РР к ослаблению, иногда вплоть до полной редукции, проявляется и в нескольких более частных тенденциях, к описанию которых мы и переходим.

РЕДУКЦИЯ ИНТЕРВОКАЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ

4. В РР мы нередко встречаемся с явлением, чуждым литературной речи в ее полной форме — это редукция интервокальных согласных [84]: [хо́ит] *ходит*, [в'и́ит] *видит*, [ч'ълаэ́к] *человек*, [каэ́-н'ит'] *кого-нибудь*, [нъпр'иэ́р] *например* и др.

Выпадение согласных между гласными нарушает оптимальный вид звуковой цепи, так как вместо правильного чередования согласных и гласных CVCVCV и т. д. [85] создает скопления гласных CVVC. Поэтому, казалось бы, РР не должна была допускать выпадения интервокальных согласных. Однако стремление к сокращению звуковой оболочки слова и стремление к экономии затрат на произнесение слова берут верх. Ведь произнесение двух гласных подряд (а в большинстве случаев после утраты интервокального согласного получается группа из двух гласных) не создает особых затруднений и в русском литературном языке вполне допускается.

Есть некоторые формы слов, в которых утрата интервокального согласного встречается достаточно часто и уже стала привычной, например, местоимения [т'иа́] *тебя*, [т'иэ́] *тебе*, [с'иэ́] *себе*, [с'иа́] *себя*; глаголы: [хо́ит] *ходит*, [в'и́ит] *видит*, [нахо́ицъ] *находится* и под.; некоторые другие частотные слова: [с'ьо́д'н'ъ] *сегодня*, [н'ич'ьо́] *ничего* и т. д. Пожалуй, ни один лингвист, ни один носитель русского литературного языка не станет отрицать возможности таких форм в речи. В некоторых иных словах интервокальный согласный утрачивается реже: [каэ́шъ] *конечно*, [каэ́] *кого*, [нъпр'иэ́р] *например* и т. п. И, наконец, есть формы, в которых выпадение интервокального согласного возможно, но происходит очень редко, или даже в единичных случаях. Эти формы довольно трудно представить себе или намеренно произнести без согласного между гласными, но при прослушивании большого количества разговорных текстов их можно зафиксировать. Вот некоторые из встретившихся нам примеров: [хайт'ъ] *хотите*, [тъа́ш'и] *товарищи*, [ы'кп'ыцъо́пъц] *экспедиционный*.

[84] Это явление неоднократно отмечалось в говорах.

[85] См.: В. В. Ш е в о р о ш к и н. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969, стр. 62 и след.

5. Какими же закономерностями характеризуется полная редукция интервокальных согласных и при каких условиях она происходит? Выпадение согласных в интервокальном положении не является особенностью, свойственной только русскому языку. Подобные явления встречались и встречаются в ряде других языков. Они известны из романских и индоарийских языков, они широко распространены и в неиндоевропейских языках (ср. современное состояние яванского, индонезийского, полинезийских и других языков). Часто в результате выпадения интервокального согласного происходит стяжение обоих гласных.

Выпадение интервокального согласного обычно является следствием ослабления согласных. Ослабление и выпадение согласных может охватывать или значительную часть консонантизма языка, или лишь небольшое количество звуков; оно может идти широким фронтом, и в этом случае входит в историю языка как фонетический закон (ср. историю среднеиндийских языков; сюда, очевидно, относятся и изменения, происходящие в современном датском языке), но может ограничиваться только РР, приводя к изменениям в фонетическом составе лишь отдельных, наиболее частых и разговорных слов и проявляясь от случая к случаю на остальном материале [86]. Именно так обстоит дело в русском языке.

6. Однако не все случаи выпадения интервокальных согласных в русском языке можно удовлетворительно объяснить ослаблением согласного. В частности, для объяснения исчезновения интервокального [д'] в глаголах и некоторых других случаев утраты интервокального согласного этого недостаточно. Утрату интервокальных согласных в русском языке нельзя считать однородной. Здесь мы имеем дело с двумя разными явлениями: 1) ослаблением согласного в интервокальном положении вплоть до полного исчезновения; 2) полной редукцией гласного в определенных условиях, результат которой приводит к исчезновению интервокального согласного.

7. Случай первый — ослабление и утрата согласного между гласными. В интервокальном положении чаще всего исчезают согласные [и̯], реализующий фонему ‹j›, [в] (и [в']), например [87]:

[и̯] — *ину*[ў], *зна*[ў], *седьмо*[а̀], *другу*[ў], *таку*[ў], *до свидани*[а̀], [па́эш, па́иш] *понимаешь*, *дум*[ъў], [ъстаӧ̄ъ^{a}] *остается*, [у н'иӧ] *у нее*, [паэ́хл'и] *поехали*, [паэ́лъ] *поела*, [знаэ́$^{''}$ш] *знаешь*, [тоьс'] *то есть*, [фку́снъа̀] *вкусная*, [раз'в'и́т'иў] *развитию* [88];

[86] Например, в английской разговорной речи: His result had been absolutely nil (=nihil); Ne'er do well (=never).

[87] Ср. у Зиндера: «Из звонких щелевых наименее устойчивыми оказываются губные v, v'» (Л. Р. З и н д е р. Влияние темпа речи. . ., стр. 18). Эти же согласные чаще всего утрачиваются и в других языках.

[88] Кроме того, следует учесть, что перед [и] после гласного ‹j› обычно представлен нулем звука.

[и] и [в] — [ста́лк'уўс'] *сталкиваюсь*, [с'т'а́г'уўъ̄ц] *стягиваются*, [абнаруўжъ̄уўц^{а}] *обнаруживаются*, [падла́вл'ит] *подлавливает*;

[в] — [г^{ъ}ар'а́т] *говорят*, [г(ъ)р'и́т] *говорит*, [даа́й] *давай*, [да́ц̣т'и] *давайте*, *в соро*[ка^{w}о́м] *году*, [тако^{w}ъ$^{''}$] *типа*, *одним* [сло́^{y}м], [с'ьо́д'н'ъ, с'о́д'н'ь] *сегодня*, [ко́-н'ьт'] *кого-нибудь*, [ч'ьо́ш] *чего ж*, [н'ич'ьо́] *ничего*, [та́р'ыш'и] *товарищи*, [саста́ум] *составом*, [вго́л^{ъ}у] *в голову*, [ака́зъиць] *оказывается*, [ръзгава́р'и^{ъ}им] *разговариваем*, [ръзгава́р'и^{ъ}л] *разговаривал*;

[в] и [в'] — *это необык*[наэ́н'ын] *красоты* [д'э́^{w}ушка]; [в'] [ун'и-(и)рс'ит'э́т] *университет*, [ин'д'идуа́л'ъи] *индивидуальный*, [съ^{ы}р-шэ́па, съшэ́п̄ъ] *совершенно*, [съръшэ́п̄'ишш$^{''}$у́] *совершеннейшую ерунду*, [наэ́рнъ, нъэ́на] *наверное*, [саэ́цкуў] *сове́тскую*, [ч'иаэ́к] *человек*, [ач'ьи́дна] *очевидно*, [ълаи́н'и^{э}] *половине*, [пра́ъ^{э}л'нъ, пра́л'нъ] *правильно*, [пра́л'ныи] *правильные*, [нра́ицъ] *нравится*, [заста́ил'и] *заставили* и др.[89]

Достаточное число случаев выпадения дают сонорные:

[н'] — [пъ͡аьш] *понимаешь*, [па́ит'и] *понимаете*, [каэ́шнъ, каэ́шъ] *конечно*, [нъкаэ́ц] *наконец*, [м'ъ͡а, м'а] *меня*; [м] — [пън'ъ͡аит'и] *понимаете*, [п^{ъ}ч'и͡у] *почему*, [пт^{а}у́штъ, итуштъ] *потому что*; [м'] — [нъпр'иэ́р] *например*; [л] — [ч'ьаэ́к] *человек*; [л'] — [пр`ъста-а́ьш] *представляешь*; [р'] — [та́ниш'и] *товарищи*; и фрикативные, в основном звонкие: [ж] — [ска́э^{ъ}м, скам] *скажем*, [ка́ъцъ] *кажется*, [выск^{ъ}у] *выскажу*; [з] — [скаа́л] *сказал*, [та́кскъ(ъ)т'] *так сказать*, [вы́скъ(ъ)т'] *высказать*, [нскът'] *надо сказать*, [ръскаа́т'] *рассказать*, [шыцс'а́т] *шестьдесят*[90].

Далее следуют звонкие взрывные согласные: [д] — [каа́] *когда* из [када́], [таа́] *тогда* из [тада́], [куа́-тъ] *куда-то*, [фс'игда́] или [фс'иуда́] *всегда* > [фс'ида́] > [фс'ьа́] ([э́тъ ja фс'^{ъ}а́ гъвар'у́], *но никто мне не верит*), [на́а] *надо*, [сл'э́ўш'иа́] *следующая*; [д'] — [пр'ьо́ц̣ъ] *прийдется*, [гъспаи́н] *господин*, [п'ицс'а́т][91]; [б] — [ба́-ушк(ъ)] *бабушк(а)*, [кб́-н'ьт'] и пр. — *кто-*, *кого-*, *когда-*, *какой-нибудь* и пр.; [б'] — [т'иа́] *тебя*, [с'иа́] *себя*, [с'иэ́, с'э] *себе*, [т'э] *тебе*.

Глухие согласные выпадают очень редко: [п'] — [т'иэ́р', т'эр'] *теперь*; [т'] — [хаи́т'ъ] *хотите*, [ч'ьо́ртьвъ, ч'о́ртъвъ] *четвертого*; [к] — *во* [фс'а́ам] *случае*.

8. Если мы рассмотрим выпадающие согласные с артикуляторной точки зрения, то заметим, что выпадению подвержены главным образом слабые согласные (звонкие, сонорные), смычка которых артикулируется с меньшим напряжением мышц активного

[89] Через стадию утраты [в'] должны были пройти при своем сокращении такие отчества, как *Алексеич* из *Алексеевич*, *Палыч* из *Павлович* и др.

[90] Впрочем, последняя форма могла получиться и другим путем, см. ниже стр. 84, сноска 108.

[91] Впрочем, последняя форма могла получиться и другим путем, см. ниже, стр. 84, сноска 108.

органа, чем при произнесении более сильных глухих согласных. Звонким легче утратить смычку, а следовательно, и взрыв. Фрикативные же согласные вообще не имеют полной смычки. В убыстренном и небрежном произношении некоторое расширение щели при артикуляции звонких фрикативных приближает их звучание к звучанию гласных, а несколько большее расширение может привести к полной утрате характерного для фрикативных звучания и к слиянию этих согласных с соседними гласными [92] (но никогда не исчезают глухие фрикативные [93]).

Носовые сонорные [м] и [н] могут терять часть своей артикуляции — смычку — при сохранении артикуляции нёбной занавески и, значит, носового звучания. Это облегчает выпадение, так как первоначально утрачивается лишь часть звучания и часть информации, передаваемой ими. Когда смычка исчезает, согласный как бы растворяется в окружающих его гласных, которые получают носовой оттенок: [пъ̃ба́ьт'ь] *понимаете*, [пч'и̃у], *почему*, [птау́шть] *потому что*, [ъпр'и̃эр] *например*. Здесь мы столкнулись уже не только с артикуляторным, но и с информационным условием выпадения интервокальных.

9. Если рассматривать выпадение интервокальных согласных с информационной точки зрения, то заметим, что выпадают в основном согласные, малоконтрастные окружающим их гласным (т. е. близкие им по артикуляции и звучанию [94]): звонкие и особенно сонорные [95] — по звучности, фрикативные — по «открытости». Объяснение просто: выпадение одного элемента из цепи элементов, мало контрастирующих друг с другом, приводит к меньшей потере информации, чем выпадение из цепи элемента, сильно контрастирующего с окружающими. Именно поэтому в интервокальном положении исчезают легче звонкие, чем глухие, фрикативные, чем взрывные [96]. Естественно, что согласные, сочетающие

[92] При этом может образоваться зашумленный гласный: [вы́скъъ³т'] *высказать*, [мо́ъ^{ж}ш] *можешь* и под.

[93] Ср. у Л. Р. Зиндера: «Глухие щелевые. . . существенных изменений артикуляции в быстром темпе речи не претерпевают» (Л. Р. З и н д е р. Влияние темпа речи. . .). См. также сноски 127—129 на стр. 92.

[94] Ср. у Л. Р. Зиндера: «. . . чем тот или иной согласный ближе по своей акустической природе к гласным, тем он менее устойчив» (Л. Р. З и н д е р. Влияние темпа речи. . ., стр. 27).

[95] «Определение границы между гласным и сонантом представляет особо трудный случай, потому что степень взаимного наложения качеств этих звуков может быть настолько велика, что на осциллограмме нельзя увидеть никакого различия между ними. Наиболее простым случаем отделения сонантов от гласного является случай с сонантом «р» (он отделяется от гласных в подавляющем большинстве случаев» (Л. В. З л а т о у с т о в а и др. Исследование длительности. . ., стр. 81—82); см. также сноску 130 на стр. 93.

[96] Р. Якобсон и М. Халле в работе «Фонология и ее отношение к фонетике» описывают слог [ра] (лат. — *Г. Б.*) как состоящий из наиболее контрастирующих друг с другом (и артикуляционно и акустически) элементов. См.:

в себе звонкость и фрикативность, особенно близки гласным [97] и исчезают особенно легко. Это объясняет и очень высокую частоту выпадения [j] (на месте ‹j›), звука «почти что гласного» [98].

10. Перейдем к рассмотрению второго пути утраты интервокального согласного (через стадию редукции гласного), который характерен в основном для утраты [д'] мягкого в глаголах. Например:

Поезд плохой и [хо́ит] *он медленно; Все идеи из меня* [ухо́у̯т]; *Кто следит за большой работой, которая* [правóица] *в Горьком...; Они ежегодно* [прахóу̯т]; *Болит — болит, потом* [прахóит]; *Так ничего не* [вы́и̯т]; *Еще всех* [разбу́ищ]!

Интервокальный [д'] исчезает в речи настолько активно, что заставляет искать особых причин или условий, способствующих его исчезновению. Нельзя, вероятно, считать, что [д'] выпадает вследствие ослабления, так как в этом случае при своем исчезновении аффрицированный звук [д'] должен был бы пройти через стадию фрикативного [з'], но таких форм в речи не отмечается [99]. Не проходит и другое предположение, что [д'] исчезает из-за сложности своей артикуляции, которая требует слишком больших произносительных усилий. В этом случае естественно было бы ожидать выпадения и глухих аффрикат, как еще более «сложных» и «трудных» звуков, но глухие аффрикаты [ц] и [ч] не выпадают, а аффрицированный [т'] выпадает в интервокальном положении крайне редко [100].

11. При выяснении условий, способствующих выпадению [д'], следует обратить внимание на два обстоятельства:

1) интервокальный [д'] часто встречается в однородном лексико-грамматическом материале, а именно, выступает как конечный согласный основы глаголов типа *ходит*, *водит*, и как раз на эти формы приходится подавляющее число случаев исчезновения [д'];

«Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 263—264. Ср. также замечание Л. В. Бондарко: «Самым сильным контрастом в рассматриваемых условиях (в слоге. — *Г. Б.*) является, безусловно, контраст между начальным глухим согласным и следующим гласным» (Л. В. Бондарко. Структура слога и характеристика фонем. — ВЯ, 1967, № 1, стр. 39).

[97] Ср.: «. . . между двумя гласными звонкие щелевые «в» и «з» могут быть настолько сонантными, что не будут отличаться от окружающих их гласных ни интенсивностью, ни рисунком кривой (на осциллограмме. — *Г. Б.*)» (Л. В. Златоустова и др. Исследование длительности. . ., стр. 79); см. также сноску 133 на стр. 94.

[98] Причин нефонетического характера мы здесь не касаемся.

[99] Можно, правда, предположить, что интервокальный [д'] начал выпадать до появления в литературном языке аффрицированных [д'] и [т'] (дзеканья), а сейчас выпадение [д'] происходит уже по модели. В этом случае формы с [з'] вместо [д'] не должны появляться.

[100] Хотя по встречаемости в тексте интервокальные [ч'] и [т'] не уступают интервокальному [д']: небольшой подсчет показал, что в тексте объемом 10 тысяч знаков [д'] между гласными встретился 47 раз, [т'] — 73, [ч'] — 61, [ц] — 14 раз.

2) интервокальный [д'] также часто встречается и выпадает в одной и той же фонетической позиции (в заударном сегменте (V)D'V̆T(') [101]), обладающей некоторыми специфическими свойствами.

По поводу первого обстоятельства можно сделать следующее замечание. В том случае, когда фонетическое изменение захватывает однородный грамматический (или лексический) материал, скорость изменения увеличивается, если само фонетическое изменение не вступает в противоречие с грамматической системой.

Обратимся ко второму обстоятельству.

12. Фонетический сегмент VD'VT(')(VD'VD(') [102] может редуцироваться двумя способами: 1) (V)D'V̆T(') > (V)D̥'T(') (полная редукция гласного). Этот способ действует в том случае, когда второй гласный отрезка — безударный; 2) (V) D'VT(') > (V) VT(') (выпадение интервокального согласного).

Первая тенденция (редукция и выпадение гласного) в русском языке сильнее, и если второй гласный рассматриваемого отрезка безударный и тем более I заударный, то преимущественно проявляется именно эта тенденция. Действительно, нередко встречаются случаи, когда после выпадения безударного гласного возникает группа согласных, из которых первый — звонкий мягкий слоговой [103].

Однако такая группа согласных должна быть очень неустойчивой, так как она не свойственна русскому языку и крайне сложна по своей артикуляции. Упростить и облегчить произношение группы D̥'T('), сохранив при этом звонкость и слоговость первого элемента, можно или путем его назализации [104], или путем «вокализации», т. е. превращения звонкого слогового имплозивного согласного в гласный.

Результатом последнего преобразования являются формы: [бу́ит, хо́ит, ло́ика, пр'ихо́ица, гла́ит, забу́ит] и т. д., совпадающие с результатом ослабления и полной редукции интервокального согласного и очень близкие — артикуляционно и акустически — формам с выпавшим гласным, из которых они сами получены ([бу̯д̥'т] и пр.): в обоих случаях слог сохраняется, первый звук артикулируется с голосом, его артикуляция близка к j-овой; второй согласный в обоих случаях одинаков, так как он не пре-

[101] Условные обозначения: V — обозначает любой гласный, V̆ — безударный гласный, D — любой звонкий согласный, T — глухой согласный, парный звонкому, обозначаемому через D (это может быть также аффриката, первый элемент которой обязательно совпадает с согласным D по всем признакам, кроме глухости- звонкости).

[102] Примеры: Ленинград, логика, скажешь, медицинский, ходит, приходится, забудет, гладить и др.

[103] Примеры: [л'ин'ігра́т, ло̯д̥'къ, м'и̯д̥'цы́нск'ъ, хо́д̥'т] и т. д.

[104] Что иногда и имеет место, см. Гласные, п. 18.

терпевает изменений. Различие между формами [бу́д̥'т] и [бу́ит] состоит в том, что в первой форме смычка появляется несколько раньше; но и артикуляционно и, особенно, акустически это различие очень плохо заметно [105].

Поскольку формы с отсутствием гласного и формы с отсутствием согласного акустически совпадают, то при восприятии первые могут интерпретироваться как вторые. Эта интерпретация больше соответствует фонетической и грамматической системе языка по следующим причинам.

1) Дальнейшее упрощение формы с отсутствием гласного должно было бы привести к потере слога и оглушению первого (звонкого) согласного: D'T > T'T. Эта деформация нежелательна с информационной точки зрения, ибо сильно меняет облик слова. При замене же D'T > VT сохраняется облик слова, более близкий первоначальному. Конечная интерпретация результатов изменения как VVC (а не VCC) отвечает тенденции к сохранению наибольшего числа звуков и ритмического рисунка слова (числа слогов).

2) Формы, получаемые при описанной замене, достаточно легки и привычны в артикуляционном отношении: [бу́ит, хо́ит] как *дует*, *воет*.

3) Для глаголов — а они составляют большинство слов, в которых происходят рассматриваемые изменения,—«замена» согласного гласным предпочтительнее еще и потому, что в формах типа [хо́ит] сохраняется глагольное окончание $\left\langle \frac{о}{и}\text{т}, \frac{а}{у}\text{т} \right\rangle$, в то время как формы типа [хо́д̥'т] и [в'и́н'т'и] *видите ли* должны привести к его изменению. Получится окончание, состоящее из одного согласного звука, что ведет к перестройке всей системы глагольных окончаний [106]. Правда, формы типа [хо́ит] изменяют большое число глагольных основ, но, на наш взгляд, это изменение не столь существенно, так как получаемые при утрате конечного согласного [д'] фонетические формы ([хо́ит] и др.) на фонологическом уровне допускают не только интерпретацию ‹хо́ит›, но и ‹хо́jит›, т. е. основа на мягкий согласный в этом случае

[105] В этом можно убедиться путем сравнения произношения и звучания отрезков: [ит, ьт] (в словоформах [бу́ит] или [бу́ьт]) и [^{j}д̥'т] ([бу́^{j}д̥'т]); [ин] ([л'ьингра́т]) и [^{j}н̥'н] ([л'ьн̥'нгра́т]); [ик] [(ло́ика]) и [^{j}к̥'к] ([ло́^{j}к̥'ка] или [ло́^{j}к̥а]). Примеры даны в детальной транскрипции: [j] — обязательная краткая фаза любого гласного перед мягким согласным, [д̥'], [к̥'] — слоговой имплозивный согласный, получающийся при полной редукции гласного.

[106] В русском языке один согласный не бывает показателем флексии; флексия может состоять из одного гласного или гласного и согласного.

не меняет своего характера, лишь конечный согласный основы ‹д'› заменяется на ‹j›. Таким образом, морфология не затрагивается, все деформации остаются в пределах корней.

Перечисленные причины ведут к тому, что наиболее вероятное, наиболее частое для русского языка изменение — редукция гласного до нуля — подменяется выпадением согласного в глагольных [107] и некоторых других формах [108]. В тех словах, где наряду с ослаблением и выпадением согласного возможна редукция гласного (с последующей переинтерпретацией ее результата), процесс утраты интервокального согласного идет убыстренным темпом [109]: ведь в этом случае первая стадия процесса — это редукция до нуля безударного гласного, явление очень частое.

13. Сказанное выше уже во многом объясняет столь частое исчезновение [д'] между гласными. К этому можно добавить еще, что наиболее частые из глагольных форм изменяются фонетически (описанным путем), в остальных (например, *ходишь*, *ходим*) фонетический процесс уже в большей степени поддерживается и «подталкивается» аналогией (с более частыми формами). Все глагольные формы, утрачивающие [д'], однотипны (они построены по одной модели). Если некоторые глаголы этой группы претерпевают какое-то изменение, то и остальные обнаруживают тенденцию «выровняться» по ним, чтобы сохранить единообразие.

Итак, интервокальные согласные могут исчезать двумя путями. Первый — ослабление вплоть до полной редукции, которому подвергаются в основном слабые согласные: звонкие фрикативные, сонорные и реже другие согласные. Второй — редукция гласного, которая приводит к выпадению согласного,—имеет место лишь в строго определенных условиях, на отрезках типа (V)D' V̆T(’), (V)D'V̆D(’); этим путем исчезают мягкие звонкие смычные согласные, преимущественно [д'] в глаголах.

14. В связи с выпадением интервокальных согласных следует рассмотреть еще одно явление — мягкость согласного. Оказывает ли он какое-либо влияние на описываемый процесс?

[107] Например: *Вам* [патхо́ит]*?*; *Гулять* [во́ит'ь]*?*; [в'и̯ит'ь] *в чем дело*; *Он* [ысхо́ит] *из...*

[108] Например: *ло(г)ика*, *коло(д)ец*, *Богоро(д)ицкий*, *экспе(д)иционный*, *ме(д)ицинское*; детск.: *дя(д)енька* и по аналогии *тё(т)енька*; формы [п'ицс'а́т], [шыцс'а́т] также могут быть получены этим путем; этим же путем получается разговорная форма [тэ́исы] *тезисы* из [тэ́з'сы] (мягкий слоговой [з'] акустически очень близок гласному [и], зашумленному следующим [с]).

[109] Ср. инфинитивы, а также повелительные формы глаголов, где конечный гласный чаще бывает ударным (*ходи́ть*, *гляде́ть*, *наряди́ть*, *ходи́те*, *гляди́те*) и выпадение интервокального согласного происходит реже (нужно, конечно, учитывать и меньшую по сравнению с личными формами частотность инфинитивов в тексте); аналогично поведение глаголов, в которых и в 3-м лице ударение падает на окончание (*руководи́т*, *угоди́т*, *охлади́т*, *победи́т*).

Есть два фактора, которые могут способствовать преимущественному исчезновению мягких согласных: 1) только формы с мягким согласным обладают двумя путями деформации (см. выше); 2) мягкий согласный во многих случаях не исчезает бесследно (это в основном те случаи, когда за ним следует [и] или безударный гласный). После исчезновения мягкого согласного на его месте «остается» ‹j›, который представлен фазой [и̯] или угадывается по «смягченному», т. е. упередненному, гласному. Это возможно потому, что полная редукция ‹j› в цепи и восстановление его лишь на основе «показаний» соседних гласных — явление очень частое для русского, да и для многих других языков [110]. Так как на месте исчезающего согласного остается ‹j›, то и информация, которую несет согласный, утрачивается не полностью (остаются признаки: консонантный, высокий). И естественно, что тот путь утраты звука, при котором сохраняется больше информации, используется чаще и охотнее (что подтверждается и материалом). Итак, два описанные выше фактора говорят о том, что мягкие согласные могут исчезать несколько чаще, чем твердые.

15. Зависит ли утрата интервокального согласного от положения по отношению к ударению? Общая картина, которую мы можем представить себе, такова: число случаев выпадения больше вблизи ударного слога и убывает по мере удаления от него. Это вполне естественно, так как длинных слов в языке меньше, чем коротких. Другими словами, от центра к периферии уменьшается не число случаев исчезновения согласных, а вообще число интервокальных согласных в речи. Но есть определенные отклонения от плавного убывания числа выпадающих согласных по мере удаления от ударного слога:

1) Очень часто исчезает [и̯] (‹j›) на границе основы и окончания. Этому способствуют: во-первых, обилие форм прилагательных, содержащих ‹j› в указанной позиции; во-вторых, слабость конца слова, который уступает действию фонетической эволюции в большей степени, чем другие части слова (если флексия не несет особой нагрузки).

2) В глагольных формах с основой на [-д'-] конечный согласный основы [д'] утрачивается преимущественно в тех случаях, когда ударение не падает на окончание или суффикс инфинитива [111]. Глаголы, у которых не только в инфинитиве, но и в формах 3 л. ед. ч. ударение падает на конечный гласный, утрачивают интервокальный [д'] гораздо реже: *победить*, *победит*, *победят*, *убедить*, *убедит*, *убедят*; ср. также производные: *переубедить* и т. п.; *преградит*, *наградит*, *охладит*, *огородúт* (и другие глаголы с этим корнем), *возбудит*, *натрудúт*, *запрудúт*, *дудит* (и приставочные), *гудит* (и приставочные).

[110] Ср., однако, случаи [наэ́рно] *наверное*, [ч'ъ̄лаэ́к] *человек*, [каэ́шна²] *конечно*, [ч'(ь)о́ртъвь] *четвертого*, [т'пэ́р'] *теперь*, где звуковой состав слова не дает оснований для восстановления ‹j› на фонемном уровне.

[111] Ср. *хо́(д)ит*, *ви́(д)ит*, *ви́(д)еть*, но: *роди́т*, *роди́ть*, *ходи́ть*.

Итак, хотя плавное убывание числа выпадающих интервокальных согласных по мере удаления от ударения нарушается, эти нарушения объясняются не положением относительно ударения. Поэтому можно думать, что расстояние и положение относительно ударения не влияют на исчезновение интервокальных согласных.

16. Рассмотрев условия исчезновения согласных между гласными, можно заключить, что выпадению интервокального согласного способствуют условия как артикуляторного, так и информационного характера: 1) слабость артикуляции смычки (у сонорных — [м, н] и звонких); в этом случае легче происходит потеря смычки; 2) отсутствие полной смычки (у фрикативных —[в, з, ж]); 3) близость звучания и артикуляции согласного к гласному (сонорные, звонкие фрикативные); в этом случае при утрате согласного происходит меньшая потеря информации; 4) мягкость согласного. Особыми условиями характеризуется выпадение [д'] и некоторых других согласных на отрезках (V)D'V̆T.

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

17. Оптимальный вид звуковой цепи — CVCV и т. д., поэтому скопления гласных или согласных звуков должны иметь тенденцию рассредотачиваться [112]. Это рассредоточение может идти двумя путями: 1) вставка гласного ([сп'э́ктър] *спектр*); 2) утрата одного из согласных ([студ'э́нка] *студентка*, [пав'э́ска] *повестка*, [кадá] *когда*, [скóка] *сколько*). В рамках этого второго способа выделяются случаи, где утрата согласного может идти через ассимиляцию соседних звуков и образование одного долгого согласного, а затем сокращение его: *здесь* [з'д'эс'] > [з̄'эс'] > >[з'эс']. Возможно, что в данном случае две тенденции — утрата согласного через ослабление и ассимиляция — действуют совместно.

[112] Правда, в разных языках эта тенденция проявляется с разной силой, что связано с различной консонантной насыщенностью звуковой цепи и разной структурой слога (преобладание открытых или закрытых слогов). Известно, что соотношение гласных и согласных, подсчитанное для русских текстов $\frac{V}{C} = \frac{2}{3}$ (0,67). При таком соотношении равномерное распределение гласных и согласных в тексте дает звуковую цепь вида: CVCCVCCVCCVC и т. д. (при неравномерном распределении консонантные группы окажутся соответственно больших размеров). Но так как средняя длина русского слова 2,9 слога (по данным книги А. М. Сапожкова «Речевой сигнал в кибернетике и связи». М., 1963), то значит, скопления согласных довольно часто оказываются не только на стыках между словами, но и в пределах одного слова. Группы звуков, принадлежащие одному слову, естественно, являются стабильными и встречаются в потоке речи относительно часто, а частое употребление групп согласных способствует их упрощению, рассредоточению.

В КЛЯ упрощению подвергаются главным образом группы, состоящие из трех согласных [113]. В РР, кроме того, нередки и случаи упрощения двойных консонантных групп, которые характеризуются несколько иными закономерностями, чем упрощение групп из трех и более согласных.

Так как упрощению сочетаний из трех согласных достаточно большое внимание уделено в литературе [114], мы не будем здесь подробно описывать его. Нам важно только сделать несколько замечаний об условиях этого упрощения и рассмотреть случаи упрощения тройных групп, специфические для РР.

18. Несколько слов об упрощениях, узаконенных в КЛЯ (нужно всегда помнить, однако, что такие сочетания обычно бывают нормой лишь для части слов, в других словах они могут появляться только в качестве разговорных вариантов).

В КЛЯ упрощению подвергаются такие группы согласных, где все три звука — или хотя бы два из них — одного места образования, два последние звука смычные, причем центральный — взрывной [115]. Это группы: *стн*, *здн*, *стл*, *стк*, *стск*, *стц*, *нтц*, *нтск*, *нтк*, *рдц*, *рдч*, несколько особняком стоит сочетание *лнц* в слове *солнце* [116].

Обычно тройные (и более) группы упрощаются посредством утраты одного из согласных: утрачивается центральный взрывной согласный группы. Этот согласный бывает ослаблен артикуляционно и акустически, так как он находится между двумя другими согласными, т. е. в самом невыгодном для производства согласного звука положении, и лишен соседства с гласным, которое необходимо для полноценного звучания согласного.

[113] Ср., однако, п. 20.

[114] Замечания об упрощении групп из трех согласных находим в литературе, начиная с В. К. Тредиаковского (Разговор. . . об ортографии. — В кн.: Тредиаковский. Сочинения, т. III. СПб., 1849). Из последних работ см.: Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1968, стр. 160—165; Т. Г. Терехова. Произношение сочетаний трех согласных в современном русском литературном языке. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 72—84; Ж. В. Ганиев. О произношении сочетаний ‹стк›, ‹здк›, ‹нтк›, ‹ндк›. — Там же, стр. 85—95.

[115] Многие даже более частотные группы, но имеющие другое строение, не упрощаются: *вдр*, *взд(р)*, *фст(р)*, *взн*, *звр*, *здв*, *фкл*, *кст*, *скл*, *скр*, *спр*, *ктр*, *лжн*, *л'ск*, *(л')ств*, *нкр*, *н(с)тр*, *нск*, *пст*, *ркс*, *рск*, *рсп*, *скв*, *ствл*, *стр*, *стj*, *ткр*, *тпр*, *тст* (приведенные сочетания взяты из списка частотных слогов, данного в статье: В. Н. Елкина, Л. С. Юдина. Статистика слогов русской речи. «Вычислительные системы. Сборник трудов Института математики СО АН СССР», вып. 10, 1964).

[116] Для части слов форма с упрощенной группой является единственно возможной (например, *сердце*, *солнце*, *праздник*), для другой части — равноценным кодифицированным вариантом (например, *голландский*, *медалистка* и др.). Можно считать, что некоторые из рассматриваемых слов уже не содержат полной группы из трех согласных не только в своем звуковом, но и в фонемном составе, сохраняя ее лишь на письме: *праздник* [пра́з'н'ик], ⟨пра$\frac{з}{з}$н'ик⟩.

Немало способствует исчезновению центрального взрывного и то, что согласные в группе (или хотя бы два из них, например, *студентка*, *астма*) одного места образования. При производстве такой последовательности согласных звуков уклад ротовых органов один и тот же (или меняется незначительно), перестройки не требуется, поэтому центральный смычный лишен как настоящей экскурсии, так и рекурсии и фактически представлен лишь выдержкой того же места образования, что и соседние с ним звуки. В случае редукции этой выдержки согласный совсем исчезает. Если все же центральный согласный имеет взрыв (когда место образования или способ образования центрального и последующего звуков не совпадает), то взрыв либо совмещается с последующим звуком (в группах, оканчивающихся на -Ts: *голландский*, -Tn: *поздно* — в последнем случае носовой взрыв), либо подсекается следующим смычным (в группе на -Tk: *студентка*) и при малейшем ослаблении артикуляции не воспринимается или даже не воспроизводится.

19. Далее будут рассмотрены специфически разговорные упрощения консонантных сочетаний.

Тип сочетания SST(R)[117]. Упрощающиеся группы этого типа представлены конкретными сочетаниями *фст(р)*, *фск(р)*, *взд(р)* [118], обычно находящимися в начале слова. В этих сочетаниях, как и в сочетаниях двух согласных (см. ниже), может ослабляться и утрачиваться первый слабый фрикативный [ф] или [в]: [$^{(ф)}$стр'э́т'ит'] *встретить*, [$^{(ф)}$стр'и'хну́т'] *встряхнуть*, [$^{(ф)}$стат'] *встать*, [$^{(ф)}$ск'ип'э́л] *вскипел*, [$^{(в)}$здро́гнут'] *вздрогнуть*, [$^{(ф)}$ступ'и́т'] *вступить*, [на$^{(ф)}$стр'э́ч'у] *навстречу*. Необходимо указать, что в упрощении, о котором идет речь, может действовать не только фонетическая причина. Начальные звуки [фс] и [вз] часто реализуют архаичную приставку *вз-*. Во многих словах эта приставка десемантизована. То же может происходить с приставкой *в-*. Слова, различающиеся лишь наличием—отсутствием этих приставок, в некоторых ситуациях начинают смешиваться, употребляться без различия: *вступить* и *ступить* (в круг, за черту, на борт судна, на родную землю, на путь); *встать* и *стать* (смирно, сбоку, на ступеньку, на лестницу, на стул, в круг, на путь, в очередь).

Есть такие случаи, когда приставка *вз-*, *взо-* смешивается с приставками, не содержащими начального [ф] или [в]: *встряхнуть* и *стряхнуть* (*встряхнуть скатерть* и *стряхнуть со скатерти* (крошки), но можно слышать и *стряхни скатерть*), *взобраться*

[117] S обозначает любой спирант, T — смычный взрывной, R — сонант.

[118] Наличие четвертого согласного в этих группах не дает существенной разницы, так как все эти группы — относительно удобные, построенные в соответствии со слоговой волной. См.: В. В. Шеворошкин. Указ. соч., стр. 45—46 и 49; Г. А. Баринова, В. В. Шеворошкин. Регулярные и нерегулярные группы согласных в русском языке. «Проблемы структурной лингвистики. 1971». М., 1972.

и *забраться* (на стул, стол, гору или в горы). Последние два глагола даже в одинаковых контекстах должны иметь разные значения, но всегда ли это так в действительности? (ср. просторечное *зайти* и *взойти в комнату*). В паре глаголов *вскипеть* и *скипеть* второй глагол, ставший, по-видимому, уже полноправным литературным (по крайней мере разговорным) словом, получился из редуцированной формы глагола *вскипеть* путем переосмысления начального [с] как приставки совершенного вида. Наличие перечисленных пар слов может влиять на утрату начальных [ф] и [в] также и в других случаях. Таким образом оба описанные процесса — фонетический и нефонетический — идут параллельно и могут поддерживать друг друга.

В группе *взр* (тип SSR) также может быть ослаблен звук [в]: *взрывной*, *взрыв* [ᵘзры. . .], а в группе *звр* (тип SRR) [в] может совсем исчезать: [възраʧ'э́н'иа] *возвращение* (но [азвра́тный] *возвратный*).

Приведенные сочетания вполне удобны для произношения. Основная причина их упрощения заключается не в сложности или трудности произношения группы, а 1) в артикуляционной слабости фрикативных [ф] и [в], 2) в слиянии их звучания (шума) с более интенсивным и характерным звучанием (шумом) соседних фрикативных звуков. Слабый фрикативный как бы поглощается более сильным. Так же как при упрощении двойных групп (см. ниже), в этих случаях слабые фрикативные [ф] и [в] находятся в невыгодных для их звучания фонетических условиях: сами по себе имея слабое звучание, они к тому же плохо воспринимаются на фоне более сильного фрикативного соседа, сливаясь с ним, а поэтому постепенно начинают и плохо воспроизводиться.

В группе *звр* [в] (сонант—фрикативный [119]) поглощается соседями с двух сторон — «слева» на него воздействует звонкий фрикативный [з], «справа»— сонант [р].

Изредка в РР упрощаются и другие сочетания согласных. Группы типа STR упрощаются двумя путями — утрачивается либо центральный взрывной: [бы́сръ] *быстро*, [зра́ст'ɯ] *здравствуйте* [120], либо конечный сонорный: [бы́стъ] *быстро*, [бы́ст(ˀ)ън'ка] *быстренько*.

Группы типа TST (*кстати*, *представляешь*, [та́кштъ] *так что*, [та́кскъзът'] *так сказать* — в последних двух примерах на стыке слов в устойчивых сочетаниях) упрощаются путем утраты одного из взрывных: [кса́т'и], [пр'и'ставл'а́ɯ] или [приᵊтс(ᵀ)авл'а́ɯ], [та́кшъ], [та́ксът'] или [та́скът'].

Частотные сочетания *ств* (тип STR) перед гласным и *стф* (тип STS) в конце слова могут упрощаться двумя путями: утрачивая слабый фрикативный или центральный взрывной (для конеч-

[119] В этом положении [в] является сонантом, но в силу своей природы он, естественно, обладает признаками фрикативного.

[120] Подобно кодифицированным упрощениям: *стл* > *сл*, *стн* > *сн*, *здн* > *зн*.

ной группы существует еще способ вставки гласного). Конечная группа представляет неудобства для произношения, создавая подобие слога [121] и упрощается, как и другие подобные конечные группы (см. стр. 107 и далее); в ней обычно утрачивается последний фрикативный [ф] : [ч'уст] *чувств*, [ср'эст, ср'эцт] *средств*, но может происходить и вставка гласного: [ч'у́стъф], [ср'э́цтъф] или [ср'э́стьф] — слово произносится в два слога.

Группа *ств* перед гласным может давать *ст* или реже *св*: [сво́истъ] или [сво́исвъ] *свойство*, [паср'э́(т)стъм] или [паср'э́(т)свъм] *посредством*, [фпасл'э́(т)ст'ии] или [фпасл'э́(т)св'ии] *впоследствии* [122], [прав'и́т͡л'стъ] или [прав'и́т͡л'свъ] *правительство*. Утрате в этой группе конечного звонкого фрикативного (по сути дела сонорного [123]) способствует его соседство с гласным.

Часто за группой *ств* следует суффикс *-енн-*. В результате редукции гласного суффикса получается новая консонантная группа [с(')т(')в'н], которая упрощается в [с(')н]: [и^{э}с'т'э́с'т'в'нъ] > [и^{э}с'т'э́с'нъ] *естественно*, [н'и^{э}паср'э́с'т'в'нъ] > [н'и^{э}паср'э́снъ] *непосредственно*, [пр'и^{э}тшэ́с(')н'ик] *предшественник*. Если перед группой *ств* находится суффикс *-тель-*, который при редукции своего гласного также расширяет консонантную группу [прав'и́т͡л'ств'(ь)ныц] *правительственный*, то вновь образованная группа упрощается в [т(')с(')н]: [прав'и́т'сныц].

Последние случаи представляют собой упрощение консонантных групп, образовавшихся в результате редукции гласных. Это явление очень частотно и характерно для разговорной речи, оно составляет значительную часть случаев сильной редукции слов и словосочетаний. К этим же случаям относятся и другие упрощения: суффикс *-тельн-* дает группу [т'л'н], упрощающуюся в [т'н] : [выраз'и́т'на] *выразительно*, [събраз'и́т'ныц] *сообразительный*, [пр'илага́т'ныи] *прилагательные*, [сл'э́дъвът'на] или [сл'э́дът'нъ] *следовательно*; другие примеры: [б'и^{э}смы́с(')пъ] *бессмысленно*, [прасмо́тна] *просмотрено*, [хо́л͡дна] > [хо́л͡на] *холодно*, [сѣв'ршэ́нъ, сършэ́нъ] или [сшэ́нъ] *совершенно*.

[121] Ср.: «Устраняются согласные в конце слов, если они образуют эксплозивную слоговую волну: семей[ст] (семейств). . . [jас] (язв)» (М. В. П а н о в. Русская фонетика, стр. 274).

[122] Для того чтобы упрощение [тств] > [ств] (или [тсв]) стало достаточно частым и начало укореняться в языке, необходимо, чтобы фонемный состав слова не был бы достаточно ясным и прозрачным для носителей языка, чтобы он осознавался не моментально. Поэтому, например, слова *детство*, *кокетство* (с ясным фонемным составом) не могут полностью утрачивать один из компонентов консонантной группы, хотя [т] в них может артикулироваться как [с] напряженное.

[123] См.: Г. А. Б а р и н о в а, В. В. Ш е в о р о ш к и н. К изучению фонетики с помощью дистрибутивного анализа текстов. «Проблемы прикладной лингвистики». М., 1969, стр. 34; В. В. Ш е в о р о ш к и н. О двух [в] в русском языке. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1971.

20. Переходим теперь к описанию условий и способов упрощения двойных консонантных групп. Такое упрощение происходит преимущественно в словах и сочетаниях слов, характеризующихся большой частотностью, причем, используются оба названные выше способа упрощения. Первый способ — вставка гласного: *фи*[л'ьм], *ру*[бъл'], [з^{ы}р'а́] *зря*, [т'а́тър] *театр*, [ж^{ы}р'э́ц] *жрец* и т. д.; при этом закрытый слог становится открытым: [ру́|бъл'], [т'а́|тър], [бу́|къф], *моли́*|[тъф].

Вставка гласного хотя и встречается в РР, но не является ее спецификой. Нередко такие вставные гласные можно слышать в КЛЯ, особенно при наличии большой аудитории, в театре, часто в эмоциональных, патетических монологах и репликах: [зыр'а́] *зря*, [н'эл'ьз'а́] *нельзя* (из лекции); [съл'эза́м'и] *слезами*, [ат^{ъ}к^{ъ}л'и́кън'ис'г^{ъ}ъд'э́] *откликнись*, *где*... («Без вины виноватые»).

21. Более специфическим для РР является второй способ упрощения консонантных групп, т. е. ослабление и утрата одного из согласных группы. В большинстве случаев ослабление одного из компонентов группы не ведет к полной его утрате. Имеет место просто ослабленная и недостаточно четкая артикуляция одного из двух рядом стоящих согласных, при этом характер звука может существенно меняться, вплоть до изменения признаков, являющихся дифференциальными: [п] > [ф] [124], [т] > [с]. Приведем примеры:

[пра^{v}дъ] *правда*, [с^{ф}ътъграф'и́ръвът'] *сфотографировать*, [^{ф}с'а́к'ий] *всякий*, [вмаск^{w}'э] *в Москве*, [въафш'э́] *вообще* [125], [ш^{r}ъ] что ([т] может и не обладать полной смычкой — [ш^{c}ъ] с [с] напряженным).

С другой стороны, есть случаи, когда один из согласных редуцируется настолько сильно, что несмотря на присутствие его элементов в артикуляции слова, акустически он уже отсутствует и не воспринимается слушающим. Иногда звук утрачивается полностью; он исчезает не только на акустическом уровне (для восприятия), но и артикуляторно: [э̄'эс'] *здесь*, [и^{э}с'э́с'нъ] *естественно*, [пр'э́ж̄'ь] *прежде*, [тада́] *тогда*, [то́ка] *только* и др. В подобных случаях форма с упрощенной консонантной группой постепенно становится привычной, и для некоторых особенно частых слов она устанавливается в качестве разговорной «нормы», т. е. у этих слов возникают лексические варианты (дублеты):

[када́] *когда*, наряду с [кагда́], [тада́] *тогда* наряду с [тагда́], [то́ка] наряду с [то́л'ка] *только*, [сто́ка] *столько*, [ско́ка] *сколько*, [н'э́съкъ] и [н'э́ска] *несколько*, [ч'уч'у́т'] *чуть-чуть*, [кабу́тъ] *как*

[124] Знак [ф] стоит здесь вместо слабого губно-губного с неполной смычкой.

[125] Слово *вообще* зафиксировано нами от детей 2,5 и 3,5 лет в формах [вафц'э́] и [вафч'э], произносимых очень четко.

будто и некоторые другие[126] (наряду с кодифицированными вариантами этих слов).

22. Обратимся к условиям — внутри слова, — способствующим выпадению одного из двух рядом стоящих согласных.

Как влияет на выпадение одного из двух соседних согласных качество самих этих согласных звуков? Этот вопрос состоит из трех отдельных вопросов: 1) Какие качества согласного звука способствуют его выпадению? 2) Какие качества согласного звука, напротив, препятствуют выпадению и способствуют его сохранению? 3) Какие комбинации качеств соседствующих звуков способствуют выпадению одного из них (т. е. как влияет на сохранность согласного характер консонантного сочетания в целом)?

При упрощении двойных консонантных групп играют роль следующие факторы: 1) артикуляционная слабость или сила согласного, 2) акустическая и перцептивная его слабость или сила (слышимость), 3) его контрастность или слитность (артикуляционная и акустическая) с фонетическим окружением: а) с соседним гласным (так как в двойных группах согласный всегда соседствует с гласным), б) со вторым членом консонантной группы. Учитывая эти факторы, на два первых вопроса можно ответить: выпадению легче подвергаются слабые согласные (т. е. выпадение идет через ослабление) и согласные наименее контрастные гласным (здесь можно наблюдать аналогию с выпадением интервокальных согласных).

Наиболее устойчивыми с точки зрения артикуляции являются звуки с сильной артикуляцией смычки (глухие взрывные) или щели (глухие сильные фрикативные [с, ш, ш']); с точки зрения акустической устойчивы звуки наиболее хорошо слышимые и хорошо различимые в потоке речи, т. е. рядом с гласными это будут те же [с, ш, ш'] и глухие взрывные.

Устойчивость сильных глухих фрикативных можно объяснить тем, что они достаточно интенсивны[127], длительны[128] и произносятся с большим напряжением ротовых артикулирующих органов[129]; они хорошо контрастируют как с гласными, так и с другими согласными. Глухие смычные менее звучны, чем фрикативные, но также очень хорошо контрастируют с гласными.

[126] Разные формы находятся на разных стадиях «вхождения в язык», одни уже заняли в нем свое место, о других этого еще нельзя сказать с полной уверенностью, однако все они достаточно часты в речи.

[127] См., например, у Л. В. Бондарко: «Шум глухого щелевого согласного фиксируется всегда достаточно определенно. Однако разные согласные в этом отношении ведут себя по-разному: для русского *ф*(*ф'*) характерен наиболее слабый шум, для *с*(*с'*) и *х*(*х'*) — он значительно сильнее, *ш* на осциллограммах обладает наибольшей амплитудой колебаний» (Л. В. Бондарко. Осциллографический анализ речи, стр. 24).

[128] При любом темпе речи и в любом стиле произношения глухие фрикативные и аффрикаты обладают наибольшей длительностью среди согласных (см.: Л. Р. Зиндер. Влияние темпа речи. . ., стр. 9).

[129] Ср. у Л. Р. Зиндера: «Наиболее устойчивыми являются глухие щелевые и аффрикаты. Они обладают наибольшей среди согласных средней дли-

Что касается сонорных, то эти звуки хорошо слышимые, но не всегда хорошо различимые и выделяемые в соседстве с гласными [130]. Поэтому, с одной стороны, они удерживаются, когда по соседству с ними выпадают другие согласные, а с другой стороны, сами они часто исчезают по соседству с согласными, более контрастными гласным.

Чаще всего выпадают или произносятся ослабленно губные фрикативные [ф] и [в] [131]. Они могут выпадать в соседстве с самыми разными согласными, но другие звуки по соседству с ними никогда не выпадают. Примеры выпадения [ф]:

[са^{ф}с'э́м] *совсем*, [п'ьр'ид'и́] *впереди*, [нас'а́к'ьц] *на всякий случай*, [вас'а́към] *во всяком случае*, [с^{ф}ътъграф'и́ръц̑ъ] *сфотографироваться*, [ч'ра́бълт'а́тр'ъ] *вчера был в театре*, [нас'э́х] *на всех*, [с'ор'э́м'а] *все время*, [с'ьрано́] *все равно*.

Примеры ослабления и выпадения [в]: [пра́дъ] *правда*, [да^{w}но́] *давно*, [въсна^{w}но́м] *в основном*, [пр'ъстал'а́ьш] *представляешь*, [удъ$^{(w)}$л'итвар'и́т'на] *удовлетворительно*, [дъс'ида́н'а] *до свидания* [132], [вап'э́ръх] *во-первых*, [п'э́рьвъ] *первого*, [фсаjэ́и] *в своей*, [ты́к^{w}ъ] *тыква*, [ра́з'и] *разве*, [д'ис'и́т'на] *действительно*, [с'ирано́] *все равно*, [с'ор'э́м'а] *все время*, [фтор'э́м'а] *в то время как* (т. е. в частых сочетаниях).

[ф] выпадает так часто потому, что это самый слабый (и самый воздушный, а этим близкий к гласным), самый плохо слышимый

тельностью, что является фактором, благоприятствующим и их артикуляции и их восприятию. Об этом говорят кимографические, осциллографические и спектрографические данные, которые подтверждаются еще и тем, что указанные согласные. . . хорошо опознаются, будучи выделенными из слов при помощи сепаратора» (указ. соч., стр. 27); «Наиболее отчетливо на осциллограммах выделяются глухие щелевые согласные, особенно переднеязычные — свистящие и шипящие, а также аффрикаты. Характерный для [S, S', Š, C, Č'] рисунок с хорошо выраженными высокочастотными составляющими одинаково наблюдается в осциллографических записях как полного, так и быстрого стиля в произношении разных дикторов» (там же, стр. 18).

130 «Сонанты л, л', р, р', м, м', н, н' имеют на осциллограммах рисунок, очень похожий на рисунок гласных. Эта общность не только в периодичности кривой, но и в том, что основной тон осложнен довольно большим количеством составляющих» (Л. В. Бондарко. Указ. соч., стр. 20); «Особенные трудности возникают при членении сочетаний гласных с последующими сонорными. В таких сочетаниях переход от артикуляции гласного к артикуляции сонанта очень растянут, и с произносительной стороны нельзя говорить о какой-либо границе между этими двумя звуками» (там же, стр. 27); см. также сн. 95 на стр. 80 настоящей книги).

131 Ср. у Л. Р. Зиндера: в разговорном стиле «из звонких щелевых наименее устойчивыми оказываются губные [V, V'], которые и в осциллограммах полного стиля не имеют очень характерного рисунка» (указ. соч., стр. 18).

132 Звук [в] в двух последних словах мог утратиться и другим путем — полная редукция гласного, утрата центрального согласного в тройной консонантной группе: *у*[дъв]*летворительно* > *у*[двл']*етворительно* > *у*[дл']*етворительно*; *до* [с'в'ид]*ания* > *до*[с'в'д]*ания* > *до*[с'д]*ания*. Формы, полученные таким путем, могут влиять на полные формы без редукции и стимулировать произнесение их без согласного.

глухой согласный, а [в] — потому, что это самый слабый и самый сонорный, т. е. тоже близкий к гласным [133], из звонких фрикативных согласных.

Кроме [ф] и [в] достаточно часто выпадает звонкий фрикативный [γ]. Так как [γ] встречается в тех же случаях, что и взрывной [г] ([γ] — факультативный [134] или позиционно-факультативный [135] вариант), то нельзя сказать с уверенностью, какой из этих звуков исчезает, а поэтому исчезновение [γ] и [г] следует рассматривать совместно. Примеры исчезновения [γ] и [г]:

[тада́] *тогда*, [када́] *когда*, [инада́] *иногда*, [фс'ида́] *всегда*, [н'икада́] *никогда* — все это однотипные слова, об изменении которых см. ниже (п. 25); [д'э́-тъ] *где-то*, [ка́жы^{э}] *как же*, [кабу́тъ] *как будто*, [ја́вър'у] *я г(о)ворю*, [ја́р'у] *я грю*.

Выпадение других фрикативных почти не встречается, за исключением единичных примеров: [з] — [нъ́ч'ит, пъч'] *значит*; [с] — [пас'и́бъ] *спасибо*; [ж] — [мо́жбыт'>мо́бът'] *может быть*.

Реже, чем слабые фрикативные, но чаще, чем парные взрывные, исчезают сонорные согласные:

[л'] — [то́ка] *только*, [ско́ка] *сколько*, [сто́ка] *столько*, [паско́ку] *поскольку*, [настóка] *настолько*, [п'э́скъка, н'э́съка] *несколько*, [н'из'а́] *нельзя*, [јэ́с'и] *если*, [по́с'ь] *после*;

[л] — [ва(ф)с'а́къмсу́ч'ии] *во всяком случае*, [су́шъу] *слушаю* [136], [н] — [зъ́ч'(ит)] *значит*, [мо́жъ] *можно*, [нав'э́р(ъ)] *наверное*, [кан'э́ш(ъ), каэ́ш(ъ)] *конечно*; [м] — [пъсар'э́т'] *посмотреть*, [сар'а́] *смотря*, [сар'и́] *смотри* и другие слова с этим корнем; [р] — [наэ́нъ] *наверное*, [напъ́р] *например*, [съшэ́нъ] *совершенно*.

Мягкий звук [л'] исчезает гораздо легче и чаще, чем [л] твердый. Этому способствует, во-первых, частая встречаемость отрезка [о́л'к, ъл'к], содержащегося в нескольких однотипных частотных словах (см. ниже, § 25); во-вторых, артикуляция твердого [л] гораздо более напряженная, сильная, чем артикуляция [л'], поэтому он меньше склонен к выпадению.

[д] и [д'] — [мо́ж$^{(ъ)}$быт'] *может быть* [137], [м'э́жупро́ч'ьм] *между прочим*, [с'э́м(ь)с'ьт] *семьдесят*, [во́с'ьм(ь)с'ьт] *восемьдесят*; [т'] и [т] — [пр'и^{э}с'и^{э}да́т'ьл'] *председатель*, [ч'уч'у́т'] *чуть-чуть*, [с'$^{(т')}$-

[133] «Звонкие щелевые. . . имеют. . . тенденцию к ослаблению шума, т. е. к приобретению сонорного характера. . . это особенно характерно для губных [v] и [v'|» (Л. Р. Зиндер. Указ. соч., стр. 15); «Если же шум согласного сравнительно слабый (что типично, например, для русского *в*. . .), то рисунок звонкого щелевого (на осциллограмме. — *Г. Б.*) может приблизиться к рисунку сонантов или даже к рисунку гласных» (Л. В. Бондарко. Указ. соч., стр. 20); см. также сноску 97 на стр. 81.

[134] В таких словах, как *бога*, *господи*, *благополучно* и т. п.

[135] В наречиях *тогда*, *когда*, *всегда* и т. д.

[136] Это произношение удачно имитировано Аркадием Райкиным в миниатюре «Дача».

[137] Эта форма может быть получена и другим путем: [мо́жъдбыт'] > [мо́ждбыт'] (редукция безударного гласного) > [мо́жбыт'] (упрощение тройной консонантной группы).

и^{э}с'и'а́у̯цъ] *стесняются* [с'ихтвар'э́и'иа] *стихотворение*, [ис^{э}э́с'иа] *естественно*, [вазмо́жнъс'^{ъ}и] *возможности* [138].

Для того чтобы определить устойчивость тех или иных согласных, нужно кроме частоты их выпадения, знать встречаемость двойных консонантных групп, в которые они входят. Но и безотносительно к встречаемости групп можно сделать некоторые замечания об устойчивости согласных: 1) глухие согласные выпадают реже, чем звонкие; 2) твердые реже, чем мягкие; 3) взрывные реже, чем звонкие и слабые глухие фрикативные, но чаще, чем сильные глухие фрикативные [139] (таким образом, фрикативные в этом отношении как бы разбиваются на две группы). Наибольшей устойчивостью обладают глухие взрывные звуки и сильные фрикативные [с, ш, ш']. Они почти никогда не выпадают (исключение составляет, например, частотное слово *спасибо*, где может выпадать [с]), но по соседству с ними исчезают самые разные согласные и исчезают часто:

пре(д)седатель, *с(ф)отографировать*, *с(в)оей* [140], *до с(в)идания*, *ес(т)ественно*, *с(т)есняться*, *в инс(т)итуте*, *ес(л)и*, *пос(л)е*, *во всяком с(л)учае*, *с(л)ушаю*, [шт́бы] чтобы, [шъ, шо] *что*, [та́кшъ] *так что*, [ваш'э́] *вообще*, [во́ш'ьм] *в общем*.

23. На способность к выпадению согласного влияет характер всей консонантной группы. Устойчивость или неустойчивость согласных в большой мере зависит от конкретных сочетаний, от того, какие два конкретные звука соседствуют друг с другом. Так, вероятность выпадения одного из согласных группы повышается, если звуки, составляющие группу, артикуляционно и особенно акустически близки друг другу, как например в группах [с'т'] (фактически [с'т$^{'с}$]), [з'д'] (фактически [з'$\widehat{д^{'з}}$]) [вз] или [вз']: [ун'ив'ьрс'э́т] *университет*, [э̄'эс'] *здесь* [141], [$^{(в)}$з'а́лс'ъ] *взялся* (в этих случаях с утратой одного из согласных теряется минимум информации). Соответственно вероятность выпадения одного из согласных повышается, если группу образуют разнородные звуки.

Если члены консонантного сочетания достаточно контрастны друг другу, но являются слабыми согласными и неконтрастными гласному окружению, то сочетание может подвергаться упрощению, причем исчезает более слабый и неконтрастный гласным звук. Если оба члена сочетания примерно одинаковы по силе и контрастности гласным, например, если звонкие фрикативные

[138] Все последние примеры могут быть рассмотрены как упрощение через ассимиляцию (прогрессивную!).

[139] Эти закономерности соответствуют типологическим закономерностям встречаемости согласных в языках мира: глухие встречаются чаще, чем звонкие, твердые чаще, чем мягкие, взрывные чаще фрикативных, хотя, например, [S] — сильный фрикативный является частым звуком.

[140] Ср.: Сы саими хозяими (*со своими хозяевами*) — пример из статьи Г. В. Комяковой «Ию напа си знают».

[141] В этих случаях, как уже говорилось выше, утрате согласного может способствовать ассимиляция звуков.

сочетаются с сонорными, то возможность выпасть или сохраниться для этих звуков примерно одинакова (*значит* — [зъ́ч'ьт] и [нъ́ч'ьт] или *можно* — [мо́жъ] и [мо́нъ]). Сонорный, как звук более близкий к гласным, выпадает несколько чаще.

24. При определении возможности выпадения конкретного звука в конкретной группе приходится учитывать целый ряд условий. Например, в словах [вапш'э́] *вообще*, [во́пш'ьм] *в общем* выпадает глухой взрывной, хотя глухие взрывные — одни из самых устойчивых звуков. Выпадению [п] способствуют три фактора: 1) частая встречаемость слов *вообще*, *в общем*; 2) то, что [п] наиболее слабый из глухих взрывных; 3) то, что он находится в соседстве с [ш'] — сильным фрикативным. В другом сочетании ему было бы гораздо труднее выпасть. Другой пример: в словах *смотри*, *смотря* и других с этим корнем выпадает сильный глухой смычный звук [т]. Выпадает он также благодаря ряду причин: 1) частотность форм, содержащих отрезок *смотр* — (см. п. 25); 2) то, что [т] часто является внешним по отношению к ударению членом консонантной группы [тр], примыкающей к ударному согласному (см. п. 26): *смотря́*, *смотри́*, *посмотри́*, *посмотре́ть*, *несмотря́ на* и др. (хотя в формах: *посмо́трим*, и менее частотных в РР: *смо́трит*, *смо́трим* — картина как раз обратная); 3) [р] — наиболее устойчивый из сонорных согласных (наиболее звучный и, по-видимому, наиболее сильный, наиболее близкий смычным); 4) артикуляции [т] и [р] находятся в таком отношении (близость места и способа образования), что при небрежном произношении они могут сливаться.

25. В некоторых случаях частое выпадение звуков в определенных сочетаниях может быть объяснено не только склонностью к выпадению самих этих звуков и склонностью сочетаний к упрощению, но и частотностью форм, в которых такие сочетания встречаются. Это может быть форма одного и того же (частого) слова, например, формы глагола *смотреть* или *посмотреть*; или это слова, содержащие одну и ту же морфему, например однокоренные слова (*смотрю*, *посмотри*, *смотря (как); несмотря на. . .*); это могут быть, наконец, несколько частотных слов, содержащих одинаковый фонетический отрезок, особенно, если эти слова близки по семантике или принадлежат одной категории — тогда общий звуковой отрезок, хотя и не является морфемой, но представляет собой нечто подобное ей. Примерами могут служить приводившиеся выше группы слов — 1) *то(ль)ко*, *сто(ль)ко*, *ско(ль)ко*, *поско(ль)ку*, *ниско(ль)ко*, 2) *ко(г)да*, *то(г)да*, *все(г)да*, *нико(г)да*, *ино(г)да*.

26. Следующий вопрос — взаимоотношение упрощающихся двойных групп согласных и ударения. Как показывает собранный материал, выпадение одного из двух согласных чаще всего происходит в группах соседствующих с ударным гласным, т. е. находящихся на стыке ударного с безударным (I предударным или I заударным) слогом, или в начальном ударном слоге. Однако

вряд ли ударение как таковое играет в этом случае существенную роль. Частая утрата одного из двух согласных в соседстве с ударным гласным может быть объяснена большей встречаемостью групп (как и единичных согласных) в этой позиции по сравнению с другими позициями [142]. Следовательно, не фонетические или фонологические качества ударения, а лишь большая встречаемость рядом с ним определяет более частое упрощение двойных групп согласных в этой позиции по сравнению с другими.

На выпадение согласного в группах, примыкающих к ударному гласному, влияет контактное или дистантное положение согласного относительно ударного гласного. Анализ имеющихся у нас примеров показал, что звуки, дистантные по отношению к ударному гласному, выпадают в 36 словах [143], а контактные звуки — в 17 словах (см. список), причем в предударном положении дистантных по отношению к ударному гласному согласных выпадает 24, контактных только 7; соответственно, в заударном положении дистантных 12, контактных 10.

Выпадает дистантный согласный

(в)ремя
в осно(в)ном
предста(в)ляешь
(в)друг
(в)зять
да(в)но
пер(в)ый, во-пер(в)ых
раз(в)е
тык(в)а
все(г)да
ко(г)да
то(г)да
(г)де-то
ка(к) будто
меж(д)у прочим
каж(д)ый
вый(д)ет
ез(д)ить
семь(д)есят
присое(ди)няюсь ([пр'исъ-идн'áу̯с'])
(з)начит
при(й)дёт, по(й)ду
нес(к)олько
ес(л)и
пос(л)е
не(ль)зя
воо(б)ще
сове(р)шенно
во всяком (с)лучае
смо(т)ря, смо(т)рю и др.
чу(ть)-чуть
естес(тв)енно
со(в)сем
(в) театре
на(в)сякий случаи
(в)сё, (в)сё-таки

[142] Так как слова короткие встречаются в потоке русской речи чаще, чем длинные (средняя длина слова 2,9 слога), и ударение в русском языке тяготеет к центру слова, то, значит, наиболее частыми являются слова, состоящие из: одного ударного слога; из двух слогов (I предударного и ударного или ударного и I заударного), а также из трех слогов: I предударного, ударного и I заударного (чаще) или ударного и двух пред- или двух постударных.

[143] При подсчете за одно слово принимались разные формы одной и той же лексемы, а также однокоренные слова.

Выпадает контактный согласный

пра(в)да	с(л)учай
ка(к) же	поско(ль)ку, ско(ль)ко
з(д)есь	то(ль)ко, сто(ль)ко
прий(д)ёт	з(н)ачит
сего(д)ня	в о(б)щем
мо(жет) быть	ч(т)обы, ч(т)о
Миха(й)ловну	посмо(т)рим
вы(й)дет	ес(т)ественно
с(л)ушаю	

Следовательно, можно сделать вывод, что в двойных консонантных группах, примыкающих к ударению, при прочих равных условиях чаще опускается согласный, дистантный по отношению к ударному гласному; согласному же, непосредственно примыкающему к ударному гласному, свойственна большая устойчивость[144]. Это свойство двойных групп согласных значительно лучше прослеживается в предударной позиции, что может объясняться бóльшей спаянностью сочетаний ta по сравнению с at.

27. Следует упомянуть и еще об одном факторе, сказывающемся на упрощении групп согласных, — о месте группы в слове. Начальные, срединные и конечные консонантные группы обладают разными условиями для выпадения согласных. При упрощении конечных групп большую роль играет неудобство их произнесения в пределах одного слога (например: *жизнь* [жы́з'ьн'] или [жыз$^{c'}$н̂']), в то время как для многих начальных и особенно срединных групп этот фактор не имеет большого значения (например: *значит*, *сознательный*).

Одна и та же консонантная группа в разных положениях может иметь более и менее сильную тенденцию упрощения. Так например, группа [с'т'] может упрощаться в любой из трех позиций[145]: в начале слова — [с'ьс'н'а́у̯с'] *стесняюсь*, [с'$^{(т')}$ихтвар'э́н'а] *стихотворенье*, в середине — [jьс'э́с'на] *естественно*, [ун'ив'ьрс'$^{(т')}$э́т] *университет*, и в конце — [х'и́тръс'] *хитрость*, [jэс'] *есть*, [пус'] *пусть*, [бл'и́зъс'] *близость*, [ув'э́р'инъс'] *уверенность*, [глу́пъс'] *глупость*; однако в двух первых позициях упрощение группы наблюдается редко и лишь в отдельных словах, в конечной же позиции — достаточно часто и в самых разных словах[146].

[144] Следует оговорить, что: 1) этот вывод опирается на подсчеты, проведенные на словарном материале, а не на тексте; 2) объем материала мал (и при рассмотрении словарного материала не может быть существенно увеличен), так что к сделанному нами выводу следует относиться с осторожностью, как к выводу предварительному.

[145] Независимо от того, бывает ли она двойной или следует за согласным и, следовательно, оказывается в составе тройной группы (*институт*, [ун'ив'ьрс'т'э́т] *университет*). В этом случае наличие третьего (начального в группе) согласного, по-видимому, не играет существенной роли.

[146] Конец слова как положение наиболее слабое для групп согласных рассматривается более подробно в особом разделе (см. ниже).

28. Несколько слов об упрощении групп с [j] (или [и̯]). [j] и особенно его вариант [и] — звуки неустойчивые, в частности для русского и других славянских языков. Естественно, что особенно заметно выпадение [j] и [и] в РР. Как уже было замечено выше, положение непосредственно перед ударным гласным является самым сильным для входящего в группу согласного. Для [j] различие между этой позицией и остальными наиболее ощутимо. Перед ударным гласным [j] имеет сильную артикуляцию и не исчезает. В других позициях он имеет ослабленную артикуляцию или же фонема ‹j› вообще представлена звуком [и̯] (после гласных). Поэтому в безударном слоге и особенно вдали от ударения [j] и [и̯] исчезает достаточно легко.

Особенно часты случаи выпадения [j] в заударных слогах: [j'у́л'ьвна] *Юльевна*, [гр'игóр'ьвна] ([гр'игóр'на]) *Григорьевна* и под., [с'т'ихтвар'э́н'а́] *стихотворенье*, [в'и^{э}с'э́л'а^{э}] *веселье*, [пóлнъст'у] *полностью* (но и [пóлнъс'$^{(j)}$у]); но [j] (или [и̯]) может выпадать также и в предударной позиции:

[j] — [аб'$^{(j)}$ис'н'э́н'иа] *объяснение*, [аб'ис'н'и́т'] *объяснить*, [аб'$^{(j)}$ъд'ин'óнъи̯] *объединенный*; [и̯] — [л'и^{э}т'и^{э}на́нт] *лейтенант*, [д'иств'и́т'ъл'нъ] *действительно*, [н'ътра́л'ныи̯] *нейтральный*, [пр'ид'óм] *прийдем*, [пад'óм] *пойдем*[147], и даже в ударном слоге (в положении после ударного гласного), но по-видимому, только в частых словах: [м'иха́лъвна] ([м'иха́лна]) *Михайловна*, [м'иха́лыч'] ([м'иха́лч']) *Михайлович*, [вы́д'ът] *выйдет*, [англ'и́скъи̯] *английский* (ср. менее частотное *бельгийский*, где [и̯] не выпадает).

29. Подведем итоги.

1. В РР скопления согласных, как тройные (и более), так и двойные могут рассредотачиваться. В тройных группах, которые и в КЛЯ могут упрощаться, в РР тенденция к упрощению проявляется сильнее: упрощение встречается чаще и захватывает больший круг слов. Кроме того, в РР встречается упрощение тех тройных групп, которые не упрощаются в КЛЯ, а также двойных консонантных групп; причем в этих случаях большую роль играет артикуляционная и акустическая слабость исчезающих согласных, а также малая их контрастность и возможность слияния с соседними звуками.

2. Упрощение консонантных групп происходит двумя способами: а) вставка гласного и рассредоточение группы согласных, б) утрата одного из согласных (в том числе и путем ассимиляции).

3, Возможность утраты согласного в группе определяется: качествами данного согласного, качествами соседних согласных, характером всей консонантной группы; в случае примыкания консонантной группы к ударному гласному — контактным или

[147] В двух последних словах может выпадать также звонкий смычный [д']: [пр'иб̯м], [паб̯м].

дистантным положением согласного по отношению к ударному гласному; частотностью словоформ или фонетических отрезков, в которых встречается сочетание. Иногда вмешивается также морфологический фактор; возможно, что в некоторых случаях он бывает и ведущим.

4. В РР нередки случаи упрощения вновь образованных консонантных групп, получающихся в результате редукции безударных гласных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

30. Обобщение наблюдений над консонантизмом РР (как и в разделе о вокализме) дается как дифференциальное описание в трех ракурсах.

Набор фонем.

1. Различия в наборе (числе) фонем между РР и КЛЯ нет.

2. Различия в наборе звуковых репрезентаций отдельных фонем:

1) фонема ‹ч'›, кроме тех звуков, которыми она выражается в КЛЯ, может быть выражена звуком [ш'];

2) фонема ‹т'› в позиции после [с'] может быть представлена звуком [с'];

3) фонема ‹д'› в позиции после [з'] может быть представлена звуком [з'];

4) разные согласные фонемы могут быть представлены нулем звука в разных позициях — интерконсонантной, интервокальной, в начале слова перед согласным (‹j› и перед гласным), в конце слова после согласного, а также в позиции между согласным и гласным (см. разделы: «Упрощение групп согласных», «Редукция интервокальных согласных», «Позиции начала, конца и стыка слов»);

5) любая согласная фонема может быть выражена слоговым звуком (см. раздел «Редукция гласных»);

6) сонорные согласные в конечной позиции после согласных могут иметь в качестве репрезентантов глухие сонорные звуки: *органи*[с$_{\text{м}}$], *жи*[з'$_{\text{н}}$'].

Набор звуков, встречающихся в разных позициях (сочетаемость звуков):

1) в РР возможны двойные сочетания согласных, которые запрещены в КЛЯ: а) звонкие перед глухими: *выхо*[д'т], *ко*[жц]*а*, *ска*[жт']*е*, *Богоро*[д'ц]*кий*, *остано*[в'ц]*а*, *ло*[г'к]*а*; б) реже глухие перед звонкими: [дъс'да́н'а] *до свидания*, [п^{б}д]*ожди*; в) два одинаковых согласных, отличающихся лишь признаком мягкости—твердости; мягкий перед твердым: [н'н]*авижу*, *хва*[т'т], [с'с]*тра*;

г) редкий случай — твердый перед мягким: [нн']*изала*; д) мягкие губные и задненёбные перед согласными другого места образования: *и*[м'н']*ины*, [м'н]*оносец*, *ки*[п'т]*ок*, [п'т']*илетний*, *вы*[п'л']*и*, *вы*[п'ш]*и*, *на*[п'с]*ать*, [п'с'ат] *пятьдесят*, *о*[б'з]*ательно*, [б'л']*иотека*, [х'т]*роватый*, *ло*[г'к]*а*; е) шумный зубной перед шумным передненёбным: *вы*[сш]*ить*; ж) твердый зубной перед мягким зубным: *в ко*[мнт']*е*[148]; з) твердый зубной перед мягким передненёбным: *ва*[нч']*ку*, *Иван Ива*[нч'], *за*[нч']; и) мягкий зубной перед дрожащим: [н']*равен час*, [н'] *разумно*; к) твердый передненёбный перед мягким: *карто*[шч']*ку*; л) долгий взрывной перед другим согласным: *коф*[тч']*ек*, *фор*[тч']*ка*;

2) в РР возможно довольно большое число тройных (и более) сочетаний согласных, которые не встречаются в КЛЯ, например: [псм]*отри*, [пст]*ою*, [пск]*орей*, [пр'ст]*авляешь*, [т'пл]*оватый*, *глу*[пс'т']*и*, [кронд]*аша*, [врт'н']*ичок*, *ка*[ртч'к']*и*, *А*[л'кс']*ей*, *А*[л'кс]*андр*, *доста*[тч'н]*о*, *блю*[д'ч'к]*о*; [т'л'н'] — *созна*[т'л'н]*о*, *представи*[т'л'н]*ый* и др.; [т'л'ств] — *прави*[т'л'ств]*енный*;

3) увеличивается количество редких звукосочетаний, например, [бд] — [бд]*ожди*; сочетания, встречающиеся в КЛЯ только в редких или заимствованных словах, возникают в разговорных вариантах частых и исконно русских слов, например [мв] (*амвон*, *трамвай*; в РР также *приду*[мв]*ать*); начальное [пс] (*психо-*, *псы*; в РР также [пс]*обираю*, [пс]*мотри*, [пс]*тарайся*, [пс]*корее*); начальное [нд] не встречается в КЛЯ, в РР — [нд]*ело* и др.

Различение и нейтрализация фонем. Различительная способность согласных в РР меньшая, чем в КЛЯ. Это зависит главным образом от сильных ассимиляций и исчезновения в тексте репрезентантов согласных фонем (например, исчезновение согласного [т] или [т'] в конечной позиции после [с], [с'] ведет к неразличению одной фонемы и последовательности фонем: ‹с'›=‹ст'›=[с']; ‹с›=‹ст›=[с]; слова *пояс* и *поезд*, *ось* и *остъ* уже не могут быть различены).

Иногда к нейтрализации фонем могут приводить также озвончения глухих согласных и переход смычных в спиранты, хотя обычно этого не случается.

31. Итак, консонантизм РР характеризуется следующими особенностями.

Отдельные согласные фонемы РР обладают бóльшим числом звуковых репрезентантов, чем соответствующие фонемы КЛЯ,

[148] КЛЯ тоже начинает допускать сочетания шумных зубных с передненёбными, но другого типа: *ко*[нс']*ервы*, [зл']*иться*.

хотя наборы реализаций для всех фонем вместе в РР и КЛЯ одинаковы. Такое положение, как уже говорилось в разделе о гласных, может приводить к увеличению «омонимии».

Согласные РР обладают меньшей различительной способностью по сравнению с согласными КЛЯ. В РР часто утрачивается противопоставление наличия—отсутствия согласной фонемы, что увеличивает синкретизм в парадигматике.

Сильные и частые ассимиляции не только в пределах морфем и слов, но и на их стыках обусловливают сильную позиционную зависимость звуков (т. е. меньшую различительную способность), а кроме того, уменьшают расчлененность звуковой цепи и увеличивают синкретизм в синтагматике: при ассимиляциях разные признаки соседних согласных заменяются одним.

Но в то же время некоторые явления в консонантизме РР ведут к большей расчлененности: выражение сонорного согласного в позиции изоляции от гласного двумя звуками — сонорным согласным+гласным призвуком, а также увеличение допустимых сочетаний согласных (возможность сочетаний звонких с глухими; мягких с твердыми, различающимися одним только этим признаком; шумных зубных с шумными передненебными, и др.), которое уменьшает позиционную зависимость звуков.

Разговорные явления в области согласных уменьшают консонантную насыщенность потока речи и в этом отношении противостоят разговорным явлениям в области гласных.

ПОЗИЦИИ КОНЦА, НАЧАЛА И СТЫКА СЛОВ

1. Начало, конец и стык слов — специфические позиции, о чем свидетельствуют, например, более полное и открытое произношение гласного в абсолютном начале и конце слова, оглушение звонких согласных в конце слова, отсутствие на стыке слов ассимиляции согласных по мягкости—твердости, характерной для стечения согласных внутри слова. Кроме того, конец — это наиболее информативно слабая часть слова [149]. И это способствует его фонетическому ослаблению. Специфика названных позиций побуждает уделить им особое внимание.

В потоке речи конец (начало) слова всегда сочетается либо с паузой (зоной молчания), либо с началом (соответственно концом) соседнего слова. Именно поэтому позиции начала, конца и стыка слов рассматриваются вместе. В РР особенно важно уделить внимание стыку слов, так как неравномерность темпа речи,

[149] За исключением, конечно, тех случаев, когда конец слова является показателем грамматической категории, информация о которой в предыдущем тексте отсутствует.

ускорение его на отдельных участках часто ведет к полному слиянию соседних слов.

Рассмотрим разговорные деформации конца, стыка и начала слов. В названных позициях в большинстве случаев имеют место явления, которые уже были описаны для других позиций.

РЕДУКЦИЯ КОНЕЧНОГО ГЛАСНОГО СЛОВА ВПЛОТЬ ДО ЕГО ВЫПАДЕНИЯ

2. Обычно полная редукция конечного гласного происходит перед начальным согласным следующего слова [150]. Вот примеры зафиксированных нами случаев такой редукции:

Ну, на[д^{m}] *посмотреть*; *одна*[к^{i}] *же*; [ско́гжы] *Сколько же можно брать-то?*; *Танька, я что-то* ([штод]) *забыл, мы сегодня должны туда идти, или к нам придут?*; [вапш'э́д] *Вообще-то говоря...*; *В настоящ*[ьи] *время...*; *на*[д^{m}] *придерживать*; *Синюха появля*[иц], *кашель с мокротой...*; *Как раз* [эт] *я согласилась*; *это* ([эд]) *был такой страшный...*; *... Снача*[л], *потом...*; [штод] *что-то забил*; *прос*[т] *так* [151].

В таблице 3 приводятся примеры выпадения конечного гласного между одинаковыми по месту и способу образования согласными (знак + в графе 1), по соседству с группой согласных (графа 2), после сонорного согласного (графа 3), после фрикативного согласного (графа 4), после или между мягкими согласными (графа 5).

Так же как и внутри слова, перечисленные факторы (позиции), способствующие редукции и выпадению гласного, чаще встречаются в совокупности, чем по отдельности, и сочетание двух или трех факторов еще больше облегчает выпадение гласного. Так, во фразе *Вы гимназию кончали или школу?* и в выражении *более или менее* выпадают сразу два, три или четыре гласных: *конча*[л'л'и] *школу*, *бо*[л'л'(и)] *менее* [152]. Выпадению гласных здесь способствуют: 1) обрамление их одинаковыми согласными, 2) мягкость этих согласных, 3) их сонорность.

[150] Выпадение гласного в этой позиции аналогично полной редукции гласных между согласными внутри слова. Подробнее об условиях такой редукции см. выше.

[151] Аналогичные случаи произношения отражены в художественной литературе: «. . .мы будем прост-таки нещадно преследовать. . .», «Вот дам тебе прост-таки . . . коленом», «прост-таки бездельничаешь среди бела дня» и др. (Э. Брагинский и Э. Рязанов. «Берегись автомобиля». «Зигзаг удачи», М., 1969).

[152] Утрата гласного, а затем слога в данном выражении создает такую форму, которая позволяет переэтимологизировать выражение *более или менее* в *более-менее* и *более .ли менее*.

Таблица 3

	1	2	3	4	5
1. ско[р] рассвет	+		+		
2. прос[т] так, на[д] думать	+				
3. кто-то ([ктот]) такое	+				
4. вот это вторичный ([э́тар'и́ч'нъ̯и]) туберкулез	+				
5. по сути ([су́т'$^{\partial}$']) дела [153]	+				+
6. вро[д'^{m}'] термоса [153]	+				+
7. прежде чем ([пр'э̯́ж'ш'ьм]) печатать...				+	+
8. кони ([кон̯']) наши	+		+		+
9. Татья[н] Николаевна	+		+		
10. Татьян(а) Нико[ла́вн̯] то же самое может сказать [154]	+	+	+		
11. [н̯']надо думать однако, что...	+		+		+
12. гимназию [кан'ч'а́л'л'и] школу?	+		+		+
13. сами ([сам̯']) по себе [154]	+		+		+
14. сократи[л̯'] дорогу			+		+
15. более или ([бо́л̯'л'и]) менее	+		+		+
16. вычеркивать про[зд] буду		+			
17. прос[т] несколько страничек		+			
18. я про[зд] замерзла		+			
19. потому[шт] по качеству...		+			
20. на[д^{m}] придерживать		+			
21. во ско[л'к] приходит поезд		+			
22. туда летит Ди[м̯] Перцев с выставкой [154]	+		+		
23. надо деньги снача[л] получить			+		
24. пря[м] с собой			+		
25. своевреме[н] туберкулез не диагносцировали [154]	+		+		
26. ... снача[л̯], потом...			+		
27. А то он ско[р] прийдет			+		
28. стару[γ] за молоком пошла				+	
29. в Москве то[ж̯], да?				+	
30. Ты, наверное, пло[х] спишь?				+	

3. В позиции абсолютного конца, т. е. перед паузой, нет видимых причин для полной редукции гласного. Гласный редуцируется до предела, если при его произнесении максимально сужен раствор рта или максимально сокращено время, отпущенное для его произнесения. Ни одного из этих условий не обнаруживаем перед паузой. Напротив, разговорные формы иногда обладают продленным и «проясненным» гласным в конечной позиции. Конечные безударные ‹о› и ‹а› в кодифицированных формах звучат как [ъ]; в разговорных — наряду с [ъ] встречается и произношение [а]. В позиции абсолютного конца отсутствует, очевидно, полная

[153] Различия по глухости—звонкости и твердости—мягкости не важны.
[154] Различие по признаку назальности не играет роли.

редукция гласного [155]. Но в этой позиции гласный может исчезать, если весь конец слова ослаблен, деформирован и как бы смят. В этом случае либо конец слова произносится настолько неотчетливо, что в нем уже невозможно выделить отдельные звуки, в том числе и конечный гласный, либо артикуляция слова замирает и прекращается, не дойдя до конечного гласного: [здрас^{т}] *здравствуйте*, [кан'эш$^{(ш)}$] *конечно*, [аб'иза́т'ил'$^{(ш)}$] *обязательно*.

Кроме того, конечный гласный может оглушаться, если перед ним стоит глухой согласный. Оглушение гласного может происходить и в других позициях, но чаще — в конце слова: *кошк*[ъ̯], *шёпот*[ъ̯], *шапочк*[ъ̯], *ловк*[ъ̯], *плутовк*[ъ̯].

Если перед оглушенным гласным стоит фрикативный согласный или аффриката, глухой гласный может раствориться в их конечной фрикативной фазе и совсем исчезнуть: *бери*[т'(ь̯)], *види*[т'(ь̯)], *на дач*([ь̯]), *наш*([ъ̯]), *границ*([ъ̯]).

Следующий диалог является иллюстрацией того, что произношение слов без конечного гласного (или с оглушенным гласным) не является чем-то исключительным. Мы привыкли слышать такие формы в речи, не замечаем отсутствия гласного и при восприятии спокойно восстанавливаем его на фонемном уровне. Диалог приводится в орфографии, которая отражает понимание только одного из участников разговора.

(В книге домоуправления я записываю просьбу, чтобы прислали плотника починить окно).

— *Записала. Всё?*

— *Все. Вечером придёте.*

— *Как?*

— *Вечером придёте.*

— *Зачем?*

— *Вам же нужно починить окно. Вот вечером и придёте.*

— *Почему вечером. Я же записала в книгу.*

— *Ну вот вечером и придёте. Он же по совместительству. Вечером он будет и придёте/придёть* (Уже понимаю, но еще неуверенность).

— *Так мне больше не нужно заходить?*

— *Нет, он придёть.*

Не зная заранее, что моя собеседница — носитель диалекта, я форму 3 л. ед. ч., оканчивающуюся в ее произношении [т'] мягким, — [пр'ид'о́т'] — приняла за вежливую форму 2 лица, оканчивающуюся гласным, — *придёте*.

Просто ослышки здесь быть не могло, так как форма эта повторялась в разговоре несколько раз, причем повторялась отчетливо, как и все реплики, которые ведь были рассчитаны на бестолкового собеседника (это видно из самого характера диалога). Значит,

[155] Если не считать случаев, когда слово в этой позиции может утрачивать конечный гласный «по аналогии» с другими позициями (утрата конечного гласного становится привычной для данного слова).

недоразумение возникло из-за того, что вежливую форму 2 л. (а также форму 2 л. мн. ч.) мы часто слышим и вполне привыкли воспринимать в редуцированном варианте, который равен диалектной форме 3 л. ед. ч. Мягкость конечного согласного [т'] и его аффрицированный характер как раз и способствуют обращению конечного оглушенного гласного в нуль.

АССИМИЛЯЦИЯ СОГЛАСНЫХ НА СТЫКЕ СЛОВ

4. На стыке слов могут происходить следующие ассимиляции. Ассимиляция по глухости—звонкости: конечный согласный слова, всегда глухой, при слитном произношении слов ассимилируется начальному звонкому согласному последующего слова: *горо*[д] *большой*, *ве*[з'] *запорошило*, *бан*[д] *завязан*, *гво*[з'д'] *забил*.

Если слово теряет конечный гласный или конечную часть [156], то глухой согласный середины слова, который становится теперь конечным, может ассимилироваться начальному звонкому согласному следующего слова: *про*[зд] *замёрзла*, *вычёркивать про*[зд] *буду*, *по су*[т'$^{\partial'}$] *дела*, [штод] *что-то забыл*, [скогжы] *сколько же*, *одна*[г]*же*.

В то же время, если слово, утрачивая вследствие редукции свою конечную часть или хотя бы конечный гласный, оканчивается на звонкий согласный, то этот звонкий согласный может ассимилироваться начальному глухому согласному следующего слова: [врод'$^{m'}$] *вроде термоса*; *прежде чем* > [пр'э́ж'ш'ьм] > [пр'э́ш'ьм]; *на*[д^{m}] *придерживать*; *на*[д^{m}] *посмотреть*.

Ассимиляция по способу образования согласного: [шэ́ш'исо́ф] *в шесть часов*, [фшэ́ж'жъ] *в шесть же кончают*; [пр'э́ж'ш'э́м] *прежде чем напечатать*; [раж'ж] *разве же*; [зна́ишш'^{ъ}о́] или [зна́иш'^{ъ}о] [157] *знаешь что*; [jэ́ш'ч'и^{э}му́] *есть чему*.

Обычно в русском языке наблюдается лишь регрессивная ассимиляция согласных. Разговорные случаи уподобления [ч'] предшествующим [ш] или [ш'] можно рассматривать как прогрессивную ассимиляцию, неполную в первом и полную во втором случае.

Допускается тут и другая трактовка ([шч'] > [шш']), так как [ч'] может утрачивать затвор не только в описанных позициях; но наличие перед [ч'] шипящих [ш] и [ш'], безусловно, усиливает эту тенденцию, т. е. если прогрессивная ассимиляция и не явля-

[156] См. ниже раздел о сильной редукции слов.

[157] Эта форма, очевидно, возникла из сочетания *знаешь чего*, однако сейчас уже употребляется и как разговорный вариант сочетания *знаешь что*. Форма *чего* для вин. п. считается нелитературной, но в последнее время начинает употребляться молодым поколением в некоторых контекстах, как например в рассматриваемом сочетании, ставшем уже штампом.

ется здесь самостоятельной, то по крайней мере выступает как катализатор.

Ассимиляция по мягкости—твердости на стыке слов в РР, как и в КЛЯ, не допускается. Редчайшие исключения могут встретиться лишь при ассимиляции шипящих: *знаешь что (чего)* [зна́ишш'о́].

УПРОЩЕНИЕ КОНЕЧНЫХ ГРУПП СОГЛАСНЫХ

5. Один из способов упрощения консонантных групп — это полная ассимиляция с последующим сокращением долгого согласного (см. выше).

Следующий способ, наиболее ярко представленный в РР, — редукция согласного в конечной консонантной группе [158].

6. Рассмотрим сочетания со смычным взрывным согласным (тип -(S)TS, -ST). В русском языке есть две группы согласных, конечный звук которых отпадает особенно часто: одна из них — *-ств* ([ств] — перед начальным звонким согласным следующего слова, [стф] — в остальных случаях); другая — *ст* (*сть*) ([зд], [з'д'] — перед следующим звонким и [ст], [с't'] — в остальных случаях.) Конечная группа [стф] (*ств*) достаточно неудобна. (Группы типа STS, STR удобны для произношения в том случае, когда они находятся перед гласным, например: *свойства*, *действие*, *удобства*, *Москва*, *искра*, *быстро; из пшена*, *Вестфальский)*.

Конечный звук группы [ф] вообще звук слабый и не очень хорошо слышимый, а в этой группе [ф] находится еще и в позиции после двух глухих. Естественно, что группа из трех глухих, да еще в конце слова (т. е. там, где ее не поддерживает гласный), не может быть хорошо слышима, да и произнести ее трудно. Нужно учесть также, что группа [стф] гораздо реже встречается после гласного, чем после согласного [159], т. е. фактически [ф] часто стоит после трех, а не двух согласных. Большая удаленность от гласного делает согласные менее звучными (слышимыми). Все это ведет к исчезновению конечного [ф]:

удо[пст] *нет*, *без удо*[пст], *сколько-то семей*[ст] *приехали — и обратно; сре*[цт] или *сре*[ст]*; чу*[ст] *никаких*. Иногда, правда, можно наблюдать и такие произношения, где группа упрощается за счет утраты взрыва [т]: [ч'ус$^{(ф)}$сваих] *чувств своих*.

[158] Ср.: «Разговорный стиль в очень многих случаях разрешает конечным согласным слова редуцироваться до нуля» («Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 110).

[159] В обратном словаре Бильфельдта слов на *-ство* (которые в род. п. мн. ч. оканчиваются на *-ств*) насчитывается 927, из них с предшествующим суффиксу согласным (например, *удобство*, *королевство*) — 700, с предшествующим гласным (например, *торжество*, *качество*) — 227 (H. Bielfeldt (ed.). Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958).

В сочетании [ст, с'т'] конечный согласный редуцируется иногда вплоть до полного исчезновения [160]. Чаще редукция [т] происходит в мягком варианте (причины рассматриваются ниже).

Проследим последовательно все позиции и то, как происходит в каждой из них редукция конечного согласного.

7. Позиция абсолютного конца, т. е. позиция перед паузой. а) Взрыв конечного согласного в этой позиции тяготеет к «следующему слогу», он как бы создает еще один полуслог или намек на слог, что с информационной точки зрения нежелательно, так как каждое слово имеет строгую ритмическую структуру. Поэтому предпочтительнее было бы этого дефективного слога не иметь. б) Перед паузой конец слова ослаблен (антиципация положения покоя), но в этом ослабленном состоянии произнести подряд два глухих согласных, которые для нормального звучания требуют значительной энергии, напора воздуха, сильного выдоха, трудно. Первый согласный [с] — очень энергичный, произносится с большим напором, он гасит силу выдоха и отбирает много энергии и воздуха, которых слишком мало остается на долю следующего звука. Артикуляция следующего согласного ослабляется, он произносится редуцированно.

Эти причины ведут к утрате взрыва [т]. Вместо обычного [т] получается его имплозивный вариант. Имплозивные согласные обычно плохо воспринимаются на слух. Выдержка их сливается с последующей паузой. Звуковой эффект этой фазы, таким образом, равен нулю. О наличии согласного [т] мы узнаем по характеру предыдущего звука [с]. Этот предшествующий имплозивному звук более краток, чем звук абсолютного конца слова, как бы срезан, его звучание не ослабляется и замирает постепенно, а обрывается внезапно в сильной фазе. Примеры отпадения конечного [т] в сочетании [ст] перед паузой: *на тысчяу вер*[с(т)]; *спокойнее отправиться в объе*[с(т)]; *не наступи на хво*[с(т)].

Может быть для сочетания [с'т'] возможен и другой путь утраты конечного [т']: смычка [т'] как бы заключена в рамку из двух одинаковых фрикативных [с'], а позиция между двумя фрикативными это позиция, в которой звуковые отрезки легко исчезают. При ослаблении смычки [т'] его фрикативный взрыв сливается с предыдущим [с'] [161]:

Где гво[с̄'] ?; *ко*[с'(т̄')] (пауза) *или корка?*; ... *гласит народная мудро*[с']; *то е*[с'] ?

Следует учесть также информационный аспект: звуки [с'] и [т'] (фактически [т'^{c}]) очень близки и артикуляционно, и акустически, они мало контрастируют друг с другом, составляют достаточно однородную последовательность в звуковом потоке; а такие последовательности, как уже говорилось раньше, легче теряют один из своих элементов, так как форма слога при этом

[160] Это явление часто встречается в говорах, особенно северных.
[161] Ср. упрощение этой же группы перед следующим фрикативным.

меняется не резко и опорные звуковые точки для опознания звукового облика слова сохраняются.

Изложенное выше объясняет, почему мягкое сочетание [-с'т'] упрощается чаще, чем твердое [-ст].

8. Позиция перед согласными. Эту позицию следует подразделить на а) позицию перед фрикативными согласными, б) позицию перед остальными согласными.

В положении перед начальным фрикативным следующего слова первый звук группы (фрикативный [с] или [с']) стремится плавно перейти в последующий фрикативный, при этом смычка [т] или [т'] может ослабляться и утрачиваться совсем. Примеры:

[jэс'] *Еще есть вопросы?*; [jэс'] *есть вот*; [тоьс'] *то есть старинные боги*; [тóьс̄'óтк'и] *то есть все-таки;* [тóьс'шо] *то есть, что у человека*; [ваб'jэс] *в объезд шестьдесят две* (версты); [фт'экс̄-тавл'áу̯] *А я-то бьюсь — их в текст (в)ставляю*;

[т'] мягкий утрачивает смычку легче, так как этот звук и сам аффрицированный, он имеет в конце вполне отчетливую фрикативную фазу.

Есть случаи, когда первый (фрикативный) звук группы [ст] ([с'т']) может частично или полностью уподобиться начальному согласному следующего слова (это бывает тогда, когда начальным согласным является свистящий или шипящий). Такое стремление к полной ассимиляции и слияние двух фрикативных, по-видимому, еще больше способствует утрате смычки и взрыва, и следовательно, выпадению [т] (или [т']) [162]:

солидарно[с'] *с народом; гость* ([гоз']) *желанный* или *го*[ж'] *желанный; гро*[с'] *садового винограда; гво*[з'] *железный* или *гво*[ж'] *железный; гро*[з'] *зеленого винограда; то е*[с'] *старинные боги;* [фшэ̄ж'жъ] *в шесть же кончают.*

Аналогичный только что описанному результат может получаться и когда за группой [с'т'] следует аффриката [ч']:

[jэ̄ш'ч'имý] *есть чему позавидовать*; [грýш'ч'ърв'ивы̯] или [грýш̄'ър'в'ивъ̯] *груздь червивый*; [грош'] *гроздь чёрная*; [шэ̄ш'исóф] *шесть часов.*

Однако в этом случае можно допустить два объяснения: 1) [т'] выпадает; 2) смычка [т'] сливается со смычкой [ч']; далее эта смычка может утрачиваться, что нередко происходит с аффрикатой [ч'] и в других случаях.

[162] Трудно говорить об этом с уверенностью, так как до утраты центрального звука группы, образовавшейся на стыке, ассимиляция между крайними членами не наблюдается. Но вполне вероятно, что самая возможность и стремление к ассимиляции подталкивают процесс выпадения центрального согласного. И уж во всяком случае ассимиляция помогает наблюдать это явление и выступает как доказательство того, что выпадение произошло. Ср.: «Иногда ассимиляция свистящих в конце слова с шипящими в начале следующего показывает нулизацию конечных согласных: *У меня зло*[ш̄']*ас такая. . .*» («Русский язык и советское общество. Фонетика. . .», стр. 110).

Иногда группа [ст] ([с'т']) плюс фрикативный или [ч'] образуется на стыке слов не непосредственно, а в результате каких-либо процессов редукции и упрощения, имеющих место в РР. Дальше судьба этих групп та же, что и судьба описанных выше «исконных» групп. Например, группа [с'т'ч'] в *десять часов* получается после падения безударного [ь] в слове *десять*; при дальнейшем упрощении это сочетание звучит так: [д'э́ш'исо́ф]. Аналогичный случай: [д'э̄с'шо́л'] *Десять, что ли*, [чу́с̄вайх] *чувств своих* получилось после выпадения конечного [ф], а затем и [т]; [б'ьспако́йс̄с'о́] *беспокойство все сильнее* получилось в результате выпадения конечного гласного и упрощения группы согласных; [йэ́с'ш'о́] *есть еще* получилось в результате отпадения начального безударного гласного в слове *еще* и упрощения группы согласных.

9. Положение перед смычными согласными и [л]. Тройная (или более) группа, образованная двумя конечными и одним-двумя начальными согласными, стремится упроститься, теряя один звук (ср. упрощение в середине слова групп: [стн] > [сн], [здн] > [зн], [стк] > [ск], [стск] > [ск] и т. д.). Так как труднее всего осуществиться взрыву центрального звука (ибо он должен перейти опять в смычку следующего согласного), то он и редуцируется. Эта причина действует как в середине слова, так и на стыке слов. Примеры потери [т] в группах [ст, с'т'] перед начальным смычным согласным следующего слова:

гвоздь ([гвос']) *программы*; *нужно* [холс] *подобрать*; [холс(т̄)], *подрамник, краски...*; [гвоз'] *большой*; [йэ̄з'бу́ш] *есть будешь?*; *заболеваемо*[з'] *была*; *Ему знакома вся окружающая месно*[с'] *чуть не на тысячу верст*[163].

Перед носовым или латеральным утрата взрывного [т] ([т']) идет через стадию фаукального или латерального взрыва, который артикулируется одновременно со следующим звуком: [пус'матв'э́й] *пусть Матвей; пое*[с] *не пришел?* (ср.: *ли*[с] *лиловый у осины авгу*[с] *ненастный выдался; пое*[с] *немного опаздывает*[164]).

10. Позиция перед гласным. В этой позиции нет помех для полной артикуляции согласных. При слитном произношении двух соседних слов взрыв [т] артикулируется вместе с начальным гласным следующего слова; может, очевидно, произойти и переразложение слогов, когда оба конечных согласных примкнут к начальному гласному следующего слова и образуют с ним новый слог. Эта позиция допускает упрощение консонантной группы, но реже, чем другие. Если в каком-то слове конечный [т] исчезает в положении перед гласным, то это происходит в большой мере по аналогии с другими позициями, в которых потеря конечного соглас-

[163] Таким же образом могут упрощаться и другие группы, получающиеся на стыке слов: *жилфо*[н] *скостили*; *А ремо*[н] *сказали на осень* (см.: «Русский язык и советское общество. Фонетика...», стр. 110).

[164] Примеры взяты из кн.: «Русский язык и советское общество. Фонетика...», стр. 110.

ного становится довольно привычной. Если какая-нибудь форма утрачивает конечный согласный перед гласным, значит, эта форма (форма, а не позиция!) действительно имеет тенденцию к утрате конечного согласного группы: Ср.: *. . .то е*[с'] *очевидно. . .; . . .е*[с'] *у нас. . .; Ча*[с'] *интересных идей; Напрямик пятьдесят семь вёр*[с], *а в объезд — шестьдесят две; Вбей гво*[с'] *отсюда. . .* [165].

Итак, случаи утраты конечного [т] в группах [ст, с'т'] реже всего встречаются в позиции перед гласным. Но зато исчезновение взрывного у какой-либо формы в этой позиции означает, что данная форма уже становится на путь утраты конечного согласного, что при благоприятных условиях она может потерять этот звук и стать короче. Это подтверждается и тем, что слова, теряющие [т] в описанной позиции (*есть* — имеется, *есть* — в сочетании *то есть*) очень частотны, а в частотных словах фонетические изменения, обусловленные контекстом, обычно происходят быстрее [166].

11. Казалось бы, случай, близкий к рассмотренному, составляет и сочетание [-ск] (*розыск*, *визг*, *писк*, *воск*, *блеск*). Однако это сочетание не упрощается или по крайней мере упрощается несоизмеримо реже, чем сочетание [-ст]. Рассмотрим возможные причины, по которым эти сочетания ведут себя по-разному: 1) в сочетании [ст] звуки близки друг к другу по месту артикуляции, в сочетании [ск], наоборот, далеки: у [к] артикуляция более задняя, чем у [с]; 2) сочетание [-ск] встречается в гораздо меньшем количестве слов [167]. Кроме того, многие из слов на [-ст] и [-ст'] более частотны в тексте, чем слова на [-ск].

Остальные конечные сочетания типа -ST: [фт, фт', хт, шт, шт', фк, сп, с'п, шп] — также изредка могут упрощаться, если они встречаются перед согласным, но все эти сочетания недостаточно частые, чтобы изменения в словах, их содержащих, стали привычными и могли бы встретиться в позиции перед гласным.

Итак, из всех имеющихся в русском языке конечных консонантных групп типа -ST (встречаются следующие сочетания: [ст, ст', фт, фт', хт, хт', шт, шт', ск, фк, сп, с'п, шп]) наибольшую деформацию претерпевают группы [ст] и [ст']. Объясняется это большой частотностью этих групп и близостью артикуляции входящих в них звуков. Так, форме *есть* (в значении «имеется», а также в сочетании *то есть*) вполне реально грозит потеря конечного согласного [168].

[165] Нужно признать, что отличить полную утрату [т], [т'] от тех случаев, когда некоторые их признаки в редуцированном виде еще присутствуют в слове, часто бывает очень трудно.

[166] В отличие от изменений, обусловленных системой, которые, наоборот, в первую очередь захватывают редкие слова.

[167] Словарь Бильфельдта дает лишь 58 словоформ на [-ск], но 564 на [-ст] и 2751 на [-сть].

[168] Что связано также с изолированностью этой формы (ср. инфинитив *есть* (ем), где для отпадения конечного [т'] больше препятствий).

Группы типа -ST, вполне удобные перед гласным, могут стать неудобными и стремиться к упрощению в положении перед согласным, а перед паузой замыкаются [т̄] имплозивным. Две последние позиции и дают толчок началу редукции в группах этого типа.

12. Для сочетаний с конечным фрикативным (а также сонорным) согласным наиболее характерен иной способ рассредоточения группы — посредством образования дополнительного слога. Все сочетания с фрикативным на конце имеют намек на побочный слог, но степень этой слоговости у них разная. Зависит она от следующих факторов:

1) степени воздушности и «открытости» спиранта: чем более воздушен конечный спирант, тем более слоговой характер носит сочетание;

2) степени напряженности спиранта [169]: чем менее напряжен конечный спирант, тем больше слоговость сочетания (если сочетание состоит из двух спирантов, то зависимость слоговости сочетания от качеств неконечного спиранта обратная);

3) степени контрастности (по указанным качествам) согласных, составляющих сочетание: степень слоговости сочетания прямо пропорциональна степени его контрастности;

4) расстояния между местом образования звуков, входящих в сочетание: степень слоговости сочетания возрастает с увеличением этого расстояния;

5) по-видимому, степень слоговости зависит также от направления образования сочетания: от звука более переднего места образования к более заднему (или наоборот).

13. Группы типа -TS [170]. Все сочетания этого типа имеют тенденцию к образованию побочного слога, однако степень их слоговости очень разная: [с] и [ш] более напряженные звуки, они не создают такого впечатления слога, как, например, наиболее слабый и наиболее воздушный [ф]. Последний часто становится слоговым, а иногда даже между ним и предшествующим согласным

[169] Имеется в виду не разная степень напряженности одного и того же звука, а градация разных фрикативных по степени их напряженности.

[170] Из всех возможных в конце слова сочетаний типа -TS (причём мягкий и твердый варианты звуков считаем вместе) в словаре Бильфельдта совсем не встретились лишь три: *кх*, *пх*, *тх*; для двух из них были найдены примеры: *ветх* — краткая форма от *ветхий* и *Вакх*. Для некоторых сочетаний словарь Бильфельдта дает лишь единичные слова, да и то редкие, например: [шш] — *обж* (род. мн. от *обжа*) или [кш] — *кш!* (междометие *кш*, наряду с *кыш*, хотя и не редкое, нельзя считать обычным для русского языка словом) и род. мн. от *рикша* и *векша*. Для сочетания [пф] находим лишь два крайне редких слова: *зумпф* и *цапф* (род. мн. от *цапфа*). Для сочетания [тс] — только спортивный термин *хендс*. Более или менее значительное число примеров дают сочетания: [тф] — 10 форм род. мн. ж. р. (примеры: *битв*, *жатв*, *клятв*, *бритв*); [кф] — 7 форм род. мн. ж. р. (примеры: *букв*, *тыкв*, *клюкв*); [пс] — 11 слов (примеры: *мопс*, *гипс*, *бицепс*, *турнепс*, *эллипс*); [кс] — 43 слова (примеры: *бокс*, *кекс*, *люкс*, *комплекс*, *загс*, формы род. мн. ж. р. — *такс*, *клякс*).

возникает как бы глухой гласный: *я не наставила* [бу́къ̆ф] (в сочетании *зву*[къ̆ф] *и бу*[къ̆ф]) концы обоих слов при оглушении произносятся одинаково); *А там масса плодородных по*[ч'ф̥].

Напряженные звуки легче образуют побочный слог, если они отягощены еще одним согласным (получается уже группа — TST) [171]: *читать те*[к˘ст]. Но таких слов в русском языке почти нет.

Аналогичное изменение может претерпевать достаточно частотная группа [-стф] (тип -STS), представленная в род. пад. мн. ч. существительных среднего рода: *веществ*, *пиршеств*, *средств* и т. д.

Если ударение находится на последнем слоге слова, то группа может упрощаться путем образования побочного слога: *царст*[ъф], *свойст*[ъф], *сре*[цтъф], *чуст*[ъф]. В тех же случаях, когда ударение падает не на последний слог, группа упрощается обычно путем редукции (иногда до полного выпадения) последнего звука: *чуда́че*[ст]; важно и количество слогов: в неодносложных формах редукция происходит чаще: *хлопот и беспокой*[ст]; *никаких лекар*[ст] *нельзя*.

После утраты конечного [ф] остается группа [ст], которая в свою очередь может редуцироваться дальше (*хлопот и беспокой*[с]), особенно если есть какие-либо дополнительные условия для такой редукции, например: *чувств* ([ч'ус^{т}]) *своих* ([т] обрамлен одинаковыми фрикативными).

Выбор способа упрощения зависит от разных условий, в том числе от контекста.

14. Группы типа -SS (состоящие из двух фрикативных) тоже рассредоточиваются посредством образования дополнительного слога: *вол*[хф̥], *па*[сх̥].

Разные сочетания фрикативных согласных, как уже говорилось, обладают разной способностью слогообразования; сочетание «более напряженный фрикативный плюс менее напряженный» обладает наибольшей способностью образовывать слог, сочетание «ненапряженный плюс напряженный» — наименьшей, сочетания же двух близких по напряженности согласных в этом отношении занимают среднее положение между двумя крайними типами сочетаний. Эти свойства глухих [172] фрикативных согласных и их сочетаний демонстрирует таблица 4.

Знак «+» показывает, что сочетание преимущественно образует дополнительный слог; знак «—» — не образует; «Х» — со-

[171] Ср.: В. В. Шеворошкин. Звуковые цепи. . ., стр. 52—55 (параграф «Схема неудобного слога»).

[172] Рассматриваются только глухие согласные, так как именно они встречаются в конечной позиции; звонкие могут встретиться лишь перед начальным звонким согласным следующего слова, но тогда консонантная группа будет уже не двойной, а тройной, кроме того, при слитном произношении слов (а именно в этом случае имеет место ассимиляция по звонкости) может произойти переразложение слогов.

Таблица 4

1-й звук	2-й звук			
	с	ш	х	ф
с	X	X	+	+
ш	—	X	+	+
х	—	—	X	+
ф	—	—	—	X

гласные образуют один долгий звук; [с] и [ш] — наиболее сильные, напряженные звуки и соответственно с более интенсивным шумом; [ф] и [х] — слабые, ненапряженные и соответственно с наименее интенсивным шумом [173].

Разницу между сочетаниями, имеющими знак «+» и знак «—», можно хорошо наблюдать, сравнивая слова *подошв* (род. мн. от *подошва*), *прошв* (род. мн. от *прошва*), *пришв* (род. мн. от *пришва*) со словом *ковш*.

Группа из двух фрикативных может стремиться, хотя и редко, к упрощению посредством утраты конечного звука, если он ненапряженный и слабый акустически (а таким звуком является [ф]): *свой*[с^{ф}], *подо*[ш^{ф}]. Обычно конечное [ф] лишь ослабляется, но полностью не утрачивается.

15. Сочетания с сонорными. Сочетания типа -RT и -RS удобны и наиболее устойчивы. Для сочетаний типа -TR или -SR возможны (как и в случае с группой -TS или -SS) два пути, по которым идет упрощение группы: 1) образование побочного слога:

цен[тр], *тем*[бър], *цы*[фър], *психиа*[тър], *минис*[тър][174], *кора*[бл'], *во*[пл'], *вокали*[зъм], *геометри*[зъм], *Пёт*[ър];

2) редукция и потеря конечного сонорного:

Подходил последний листок календаря — последний спекта[к] *вычеркивался*; *мотоци*[к] *поставь; В теа*[т] *приезжали? Не опоздали в теа*[т^{р}]; *много ци*[ф^{р}].

Обычно считается, что для того, чтобы выпасть, сонорный должен предварительно оглушиться: [жыз'н'] > [жыз'н̥'] (или [жыс'н̥']) > [жыс']. И действительно, выпадение сонорного часто

[173] Ср.: «Выделенный из речевого потока отрезок, соотносимый с конечным щелевым -s, -s' или -š, распознается как соответствующий. . . отрезок, соотносимый с -x, звучит менее громко, чем на фоне слога, . . . -f и -f' распознаются менее удовлетворительно, чем остальные согласные: их громкость и четкость резко снижены. Зачеркивание переходного элемента от квазистационарной части гласного и до начала длительно-шумовой части согласного не влияет на качество восприятия -s, -s', -š, но ухудшает восприятие -x и особенно -f и -f'» (Н. И. Дукельский. Принципы сегментации речевого потока. М.—Л., 1962, стр. 43).

[174] Ср. в стихах Маршака рифму *Твистер—министр*, свидетельствующую о таком произношении.

связано с его оглушением, о чем свидетельствует и оглушение предшествующего ему звонкого согласного: [ърган'и́с] *в организм; органи*[с] *соответственно. . .*; *органи*[с] *справился;* [бал'э́с'] *болезнь социальная.*

Однако встречаются и случаи потери сонорного без оглушения, о чем свидетельствует сохранение звонкости предшествующего ему и последующего согласных: [бал'э́з'] *болезнь бедняков; органи*[з] *не справляется.*

16. Сочетания из двух сонорных (тип -RR) при отчетливом произношении обычно развивают дополнительную слоговость: [корм] [175], *моде*[рн], [жанр], [ф'и́л'ьм] *фильм*, [па́л'ьм] *пальм*; при отсутствии слоговости произносятся ослабленно и оглушенно, принимая характер спирантов. Но есть случаи, когда группа носовых сонантов упрощается путем слияния артикуляции двух звуков: *гимн*, *сонм* могут звучать как *ги*$\left[\frac{\text{м}}{\text{н}}\right]$, *со*$\left[\frac{\text{н}}{\text{м}}\right]$ — артикуляция языка накладывается на губную (или наоборот), таким образом получается один сложный звук. Частичное наложение звуков (т. е. некоторых артикуляций одного звука на артикуляции другого — соседнего — звука) в речи происходит постоянно. Пожалуй, трудно найти два соседствующих звука, артикуляции которых частично не перекрывали бы друг друга во времени [176]. Однако, в данном случае, очевидно, фаза наложения звуков значительно больше, а может быть, происходит и полное или почти полное совмещение этих звуков.

УПРОЩЕНИЕ ГРУПП И РЕДУКЦИЯ ЕДИНИЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В НАЧАЛЕ СЛОВА

17. Начальные группы согласных упрощаются гораздо реже, чем конечные. Упрощение начальной группы (исчезновение начального согласного) происходит главным образом в самых частотных словах и сочетаниях. Круг звуков, исчезающих в начальной позиции, очень ограничен: это почти исключительно фрикативные [ф] и [в], а также [з], который исчезает лишь в начале слов *знаешь* и *значит*.

Выпадение [ф]: [вот э́тар'и́ч'нъи̯] *Вот это вторичный туберкулез*; [вас'а́м] *во всяком случае*; [нас'э́х] *на всех*; [фт'э́кставл'а́у̯] *В текст вставляю*; [с'о́тък'и] и [с'о́тк'и] *все-таки*; *(в)переди*; [ᵠпро́ч'ьм] *впрочем*; [с'о́рьно] *Ну вот все равно́*; [то́ис'ᵀс'о́тк'и] *то есть все-таки.*

[175] Ср. диал. [ко́рам].

[176] Это явление хорошо известно и неоднократно упоминалось в литературе. См., например: «Речь, артикуляция и восприятие». М.—Л., 1965, стр. 133 и далее, 174 и далее.

Выпадение [в] : [фс'ор'э́м'а] *все время*; [друк] *вдруг*; [^{w}з'б'ира́ицъ] *взбирается вверх*; [от$^{\theta}$з'а́т'] *Вот взять*; выпадение [з] : [^{s}на́ч'ьо́тъ] *значит что-то* (*чего-то*) *не то*, [на́ч'ит] *над этим*, *значит*, . . .; [на́ɯ] *знаешь*.

18. Выпадение единичного согласного в начале слова встречается лишь на стыке слов. Выпадают согласные [j] и [в]. [j] исчезает перед безударным гласным преимущественно после согласного предыдущего слова:

[ыму́] — *этот ему говорит*; [ыво́] — *из его кармана*; [ып'и́скъп] — *И вот епископ*; *в* [ы]*вропейских странах*; [э́тыму] *Это ему хорошо известно*; [нав'э́рнъыцо́] *наверное*, *яйцо разбилось* [177];

[в] исчезает в безударном местоимении 2 л. мн. ч. (или вежливой форме) после гласного предыдущего слова: *я* [ъс] (вас) *попрошу*; *я* [ъм] (вам) *дам!*; *я* [ъм] (вам) *расскажу потом* и т. д.

19. Кроме деформации и редукции отдельных звуков, на стыке слов могут выпадать более крупные отрезки, состоящие из нескольких звуков, представляющие собой слог или даже два слога. Выпадение звуковых отрезков на стыке слов захватывает главным образом конец слова; выпадающий отрезок обычно заключен между согласными, преимущественно одинаковыми, фрикативными и сонорными:

[два́дз'э́в'ит'] — *двадцать девять*; *пло*[ш̄'] *Революции*, *переход на пло*[ш̄'] *Свердлова*; [ка́ж̄шо́] — *мне кажется*, *что*. . . (подробнее об этом см. в следующем разделе).

СИЛЬНАЯ РЕДУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ И УЧАСТКОВ ТЕКСТА

1. Кроме редукции, ассимиляций, аккомодации отдельных звуков, гласных или согласных, в РР довольно часто происходит деформация или выпадение сразу нескольких звуков, целого слога, «сжатие» большей части слова, целого слова или отрезка текста на стыке слов. Приведем примеры:

[ск'э́мн̥'т'] *с кем-нибудь*, [ты́ж'д'ьв'иц̥о́т] *тысяча девятьсот*. . ., [скы́т'ьпажа́лста] *скажите*, *пожалуйста*, [нп'эр, нм'эр] *например*, [ч'эк', ч'ьк] *человек*, [пч'у] *почему*, [пту́штъ, пту́шъ, пта́шъ] [178] *потому что*, [с'орно́, с'о́рно] [179] *все равно*, [псар'и́, псаи́] *посмотри*,

[177] Фонологически исчезновение [j] в этом положении можно трактовать как замену ⟨jэ⟩, ⟨jа⟩, ⟨jо⟩ на ⟨и⟩. Возможно, вставка [j] перед [и] в детской речи, как: *ну* [ји]*ди* (эмоционально, подчеркнуто, требовательно); [ји]*дём же* — представляет собой гиперкоррекцию описанного явления вплоть до перехода [и] > [э] : [jэд'о́м].

[178] Ср. формы, приводимые Г. В. Комяковой (дается в ее транскрипции): пушта, му шта, ту шта, паму шта, пату шта (Г. В. К о м я к о в а. Ию нана си знают).

[179] Ср. там же: сирано, сёно, сно, сёрно, сино, сано; все равно как — сынокак, снокак.

[сар'и́, с^{ъ}и́, с^{ъ}й] *смотри*, [па̯ит'и] *понимаете*, [па̯иш] [180] *понимаешь*, [с'о́н'а, с'он'] *сегодня* [181], [шэ́на] *совершенно*, [ака̯ца] [182] *оказывается*, [ш:'ом] *причем*, [по́мт'п^{э}] *помните*, [псат'и^{э}] *представляете*, [т'эр'] *теперь*, [о́н^{ъ}ч'^{ъ}н'] *он очень недоволен*, [нума́т'] *ну понимаете*, [на́шсл'э̯тш:иа̯] [183] *наша* (остановка) *следующая*, [с'э̯ро́к'ид'э̯ла] *все уроки сделала*, [што̄с' пр^{ъ}ысхо́ит] *что здесь происходит*, [аја̯о̄ш'у́] *а я ее ищу*, [ч'о́нк'и] *девчонки*.

2. Для сильной редукции необходим убыстренный темп произнесения текста или отрезка текста. Кроме того, сильная редукция обычно имеет место при наличии хотя бы одного из двух условий: 1) частая встречаемость слова или сочетания слов; 2) контекст, обладающий некоторыми фонетическими свойствами, способствующими редукции.

Имея в виду эти два условия, мы разделяем все случаи сильной редукции на три группы: 1) сильная редукция очень частотных слов или форм слов (независимо от контекста); 2) сильная редукция слов или форм слов, встречающихся в частых контекстах (в составе частых словосочетаний); 3) сильная редукция нечастотных контекстов.

Вторая группа является как бы переходной от первой (в которой главную роль играет частота встречаемости слова в речи, контекст же — минимальную [184]) к третьей, где основная роль принадлежит именно характеру контекста.

3. Первая группа состоит из таких слов, как: *здравствуйте*, редукция которого может доходить до форм: [зрс'], [дрыс'], [зыс'] и даже [с̄$^{(,)}$]; *значит* [нач'], [зыч]; *надо* [на]; *наверное* [нан]; *говорит* [гыт], [р'ит]; *говорю* [г^{ъ}у], [jр'у], [р']; *когда* [ка̄]; *тогда* [та̄]; *сейчас* [ш:'ас], *тысяча* [ты́ш:'ь]; *двадцать* [два̄ц]; *тридцать* [тр'и̯ц]; *пятьдесят* [п^{ъ}с'а́т]; *шестьдесят* [ш^{ъ}с'ат]; *семьдесят* [с'э́м'с'ьт]; *конечно* [кэш]; *человек* (им. ед. и род. мн.) [ч'ык]; *несколько* [н'э́скъ] и др. Сюда относятся также имена или отчества [185].

Звуковые оболочки слов имеют тенденцию сокращаться, следуя закону экономии произносительных усилий [186]. Проявлению

[180] Ср. там же: памаити, паняити, паити, маити, пати, мати, ати, ыти, пыти; пыш.

[181] Ср. там же: сюня, сёня.

[182] Ср. там же: акаица, акасца, акаца.

[183] Ср. там же: вы на сещей бути выхыть?

[184] Впрочем, можно считать, что при редукции какой-либо части слова другие его части составляют для нее фонетический контекст.

[185] Примеры: [л'са́нм'и́тна] *Александра Дмитриевна*, *Ольга* [бы́снъ] *Ольга Борисовна*, [(гр'и)го́р'о́ш:'] *Григорий Осипович*, [м'иха́л в'и́к^{т}ч'] или даже [ха́лв'и́ч'] *Михаил Викторович*, [л'э́нс'и́л'на] *Елена Васильевна*, [м'иха́лбар'и́ш:'] *Михаил Борисович*.

[186] См.: G. Z i p f. The psycho-biology of language. An introduction to dynamic philology. Cambridge, Massachusetts, 1968. Ср.: А. М а р т и н е. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике», вып. 3. М., 1963, стр. 532 и сл.; О н ж е. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 126 и сл.

этого закона способствуют: а) частое употребление и б) семантическое обесценивание слова.

а) В соответствии со статистической закономерностью, отмеченной Дж. Ципфом, более частотные слова — это слова более короткие. От частого употребления звуковая оболочка слова стирается и редуцируется. При частом употреблении (упражнении в произношении — по В. А. Богородицкому) общий артикулярный и звуковой облик слова становится столь привычным, что незначительные недотяжки в артикуляции не мешают его идентификации и остаются незамеченными и говорящим и слущающим [187]. Это в свою очередь приводит к тому, что допущенная редукция слова постепенно стабилизируется, а затем и увеличивается все больше и больше.

Иногда играет роль не общая частотность слова, а его концентрация в определенных текстах или у какой-то части носителей языка [188]. Сильная редукция слова может происходить именно у тех носителей языка или в тех текстах, где концентрация слова высока. А при благоприятных условиях редуцированное слово может оказывать влияние на полное произношение других лиц и в других ситуациях. Таким образом редуцированное слово распространяется шире того контекста (или того круга лиц), где оно зародилось.

б) По мере семантического обесценивания слово, несущее все меньшую и меньшую информацию, начинает все чаще терять в тексте ударение, произносится с меньшей силой голоса, теряет интонационную самостоятельность (становится как бы интонационным продолжением, интонационным довеском других слов), начинает, наконец, проговариваться несколько более быстро и менее отчетливо. Все это ведет к сильной редукции и сокращению звуковой оболочки слова.

4. Вторую группу составляют частотные сочетания, например: *может быть* [мóбът'], *вместе с тем* [в'м'э̀с̄'т'э́м], *просто так* [прóстáк], *шесть часов* [шэ̀ш̄'и^{ə}сóф], *разве же* [раж'ж], *по крайней мере* [пакрáйм'э̀р'и^{ə}], *первый раз* [п'э̀рáс], *честное слово* [ч'э̀слóва], *прежде чем* [пр'э̀ж'ш'ьм] или [пр'э̀ш'ьм], *так сказать* [тскът'], *надо сказать* [нскът'], *как сказать* [кскът'] [189].

[187] Это явление можно сравнить с чтением хорошо знакомых слов, когда слово схватывается целиком по нескольким опорным буквам, в основном начальным, и опечатки, описки и пропуски букв остаются незамеченными (но полной аналогии между этими явлениями, конечно, нет).

[188] Некоторое представление о концентрации слова в текстах можно получить из частотных словарей; грубо концентрацию можно описать как величину, прямо пропорциональную частоте слова и обратно пропорциональную количеству текстов, в которых слово встречается.

[189] Во вторую группу входят также частые сочетания имен и отчеств (например: [мáр'ивáна, (и)вáнвáнч'] и др.). Группы слов и словосочетаний, подобные описанным выше, есть в каждом языке, но они не особенно многочисленны, ср. англ.: g'bye (=good bye), how de do (=how do you do), I gotcha

Эти словосочетания (как и частотные слова) обладают не одинаковой частотностью для различных носителей языка. Впрочем, для изменения сочетания, очевидно, достаточна меньшая частотность, чем для изменения отдельного слова, так как наряду с частотностью здесь играет роль и длина контекста (с увеличением длины часто встречающегося отрезка текста увеличивается предсказуемость составляющих его элементов). Кроме того, контекст часто содержит фонетические условия, способствующие редукции отдельных частей слова (см. ниже).

5. К третьей группе относятся контексты, не выделяющиеся особенно большой частотностью, однако, обладающие обычно некоторыми чертами, способствующими деформации и редукции: 1) избыточностью, которая создается наличием в тексте достаточно длинных или достаточно частых слов; 2) интонационно-ритмическими и фонетическими условиями, благоприятными или для ряда деформаций отдельных звуков (см. разделы: редукция гласных, стяжение гласных, редукция интервокальных согласных, упрощение групп согласных) или для одновременной редукции большой части слова (см. ниже). Вот несколько примеров деформации нечастотных контекстов (в скобках—выпадающая часть):

Беспокойст(тво в)сё сильнее; Лош(ади) шарахаются от него (|ло́ш'шара́]*хаются*); *Профес(сор) стал беспокоиться*; [по́з'дажд'а́] *пос(ле) дождя*; [сансáнч'рабълт'áтр'ь] *Александр Александрович*[190] *вчера был в театре*; [в'и́гдавы́дъч'] *Виктор Давыдович*; [вд'э́с'шо́л'] *в десять что ли?*; [кан'ч'а́л'л'ишко́лу] *Гимназию кончали или школу?*[191]

6. Изменение слов первой и второй групп (частых слов и словосочетаний) перспективно. Именно из-за частой встречаемости деформированные и редуцированные слова или словосочетания (а также отдельные формы некоторых слов, встречающиеся в определенных сочетаниях) становятся привычными. Они могут либо совсем вытеснить первоначальные полные формы, либо — чаще — вытеснить их в каком-либо одном значении или употреблении[192].

(=I'got you), (that')s right, what (doe)s he want?, rock (a)n(d) roll; фр.: quat (=quatre), j(e) t(e) l(e) donne; нем.: (he)raus, (hi)naus, auf (ei)ne Wies(e), (eine)n Augenblick, (gute)n Abend, (gute)n Tag и (guten) Tag.

[190] Примеры с именами и отчествами можно отнести как в 3-ю, так и во 2-ю группу, так как для некоторых лиц сочетания определенных имен и отчеств являются очень частотными.

[191] Ср. также ослышки:

Сказано	Услышано
Письмо Гал(и и Н)ины Михайловны	Письмо Галины Михайловны
Слава Исаевна	С лавсаном

[192] Подобные примеры можно найти в истории русского языка: *дескать* получилось из и сменило сочетание *де сказать* (ср. в совр. [та́скът', тскът'] из *так сказать*, [ксът'] *как сказать*). Частица *-с* появилась из и вместо

Так, формы *сейчас*, *тысяча* уже почти вытеснены формами [с'ич'ас, ш'ас] и [ты́ш'а], которые не ощущаются как сугубо разговорные и возможны в любой ситуации и любом тексте, кроме строго торжественных. Слова *значит*, *вообще*, *понимаете*, которые в качестве полнозначных слов употребляются обычно в своей полной форме, в качестве вводных слов часто звучат в формах: [на́ч'ьт, нач'], или [зъ́ч'ьт, зъч']; [ш'э]; [п^{ъ}н'а́ьт'и, п^{ъ}а́нт'и]; [нъпр'^{ъ}э́р, нп'эр] или [нъэ́р]; *значит*, *так* [зъ́ч'та́к]; *он вообще не знает*... [о́нш'э́н'ьзна́ит]; *тут*, *понимаете*, *какое дело* [тӯтпа́нт'и]; *я*, *например*, *не знаю*... [ја́н^{ъ}эрн'изна́ӯ]; *ты*, *например*, *туда придешь*... [ты́нп'эртуда́].

Эти сокращенные, редуцированные формы не являются, конечно, установившимися и отстоявшимися [193], как, например, формы [ш'ас] и [ты́ш'а]; но они достаточны часты в речи и, как показывают предварительные наблюдения (сравнение речи разных поколений), встречаемость их в речи возрастает с течением времени.

Что касается случаев, относящихся к третьей группе (нечастотные контексты), то изменения, происходящие в них, не имеют перспективы, потому что они встречаются достаточно редко, это деформации-однодневки. Но эти редкие изменения заслуживают исследования потому, что они помогают установить закономерности и фонетические условия сильной редукции [194].

7. Из закономерностей и условий сильной редукции нам удалось выявить следующие:

1) Тенденция к сохранению ударного слога, особенно гласного ударного слога: *говорю* [р'у], [гу] [195].

2) Тенденция к сохранению начального слога, особенно начального согласного: *говорю* [гър'у́], [гу]; *говорит* [гър'и́т], [гът]; *человек* [ч'ьэ́к], [ч'эк].

Если почему-либо должен сохраниться согласный неударного, например начального слога, то согласный ударного слога может выпасть, а гласный остаться. В этом случае вместо двух образуется один новый слог из начального согласного и гласного ударного слога: *конечно* [кэш]; *человек* [ч'эк]; *говорит* [гыт]; *говорю* [г^{ъ}у].

слова *сударь* в постпозиции; слово *барин* «вытеснило» *боярин* (которое в свою очередь редуцировалось из *болярин*); *ишь* образовалось из *видишь*.

193 О чем говорит и их вариативность — у них имеются приведенные выше и некоторые другие варианты.

194 В более частых формах сильная редукция не всегда позволяет вскрыть роль контекста (особенно фонетического контекста). Иногда изменения в частых словах и словосочетаниях, как уже говорилось, мало зависят от контекста, а больше от частоты самого слова; в других случаях, начавшись в пределах одного контекста, они быстро распространяются и на другие именно в силу частотности явления.

195 У детей, которые учатся говорить и не могут еще воспроизвести слово полностью, ударный слог также всегда (или почти всегда) присутствует. См.: А. Н. Гвоздев. Вопросы изучения детской речи. М., 1961, стр. 123.

3) Тенденция к сохранению консонантного каркаса слова, причем обычно сохраняются наиболее контрастирующие с фонетическим окружением звуки; при прочих равных условиях сохраняются также более звучные согласные слова [196].

4) Как правило, выпадающий отрезок текста, особенно если он выпадает на стыке слов, заключен между согласными (согласные несут бóльшую информационную нагрузку, и фонетически они более устойчивы, чем гласные): [ва^{ф}с'áклу́ч'ии] *во всяком случае*, [óч'хърашó], *очень хорошо*, [óч'н'и^{э}мнóга] *совпало-то очень немного*, [(°)быст(ро)] *ноги устают*; *быст(ро) произносит*, [п'эрч'э́к] *первый человек*, [къэ́ж] (конечно) *длинный*; [н'и^{э}ну́ж] (не нужно) *думать, что мы...*; *и попробуй* [заф] (завтра) *позвонить*; [зафт] (завтра) *с утра поедем*; [э̄т̄да́] *это-то да*; *я* [пажа́л] (пожалуй) *тоже сниму*; [двац] (двадцать) *минут*; [двадз] (двадцать) *градусов*; [дваа̄ч'óртъва, дваа̄ч'óртъва] *двадцать четвертого*; [тр'йдз'ив'áтъ^{а}] *тридцать девятая*; [эс'] (если) *так, то...*

Особенно подвержены выпадению: а) отрезки, заключенные между одинаковыми согласными (иногда согласными, близкими по месту и способу образования): *беспокойс(тво в)сё сильнее, на лес(тни)чной* [л'э̄ш'нъи] *площадке*; [раж'ж] *раз(ве) же*; [п'э̄рáс] *мы не знаем, пер(вый) раз слышим*; [п'э̄рáс] *так я пер(вый) раз встала на беговые коньки*; [ч'э̄слóва] [197] *чес(тное) слово, у меня записано*; [прóс̄ъмн'эва̄ца] *я начинаю прос(то) сомневаться*; [пр'э́ж'ш'э́м] *преж(де) чем печатать...*; [д э́с'шòл'] *дес(ять) что ли километров так*; [д'э́с'ч'ьсóф] *дес(ять) часов*; [ив'м'э́с̄'т'э́м] *и вмес(те) с тем...*; [пакра́и̯(н')мы́та] *по крайн(ей) мере мы-то, когда были молоды*; [зна́ч'óта] *знач(ит), что-то не то* (см. также примеры на стр. 119);

б) отрезки, соседствующие с фрикативными или сонорными согласными или заключенные между ними, так как в этом случае возможность сохранения слога бóльшая, чем при соседстве со смычными взрывными, а это, во-первых, меньше изменяет привычный облик слова, во-вторых, оставляет большие удобства для произнесения согласной группы, которая может получиться при выпадении отрезка (примеры см. выше).

8. Выпадение больших частей слова рассматривается в упомянутой статье Р. Р. Каспранского «Элизия и фонетический эллипсис». Автор считает, что выпадение большой части слова не соотносимо с выпадением отдельных звуков: если выпадение от-

[196] Ср.: Р. Р. Каспранский. Элизия и фонетический эллипсис. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1966.

[197] Ср. передачу этого явления в художественной литературе: «Бутылка коньяку, чесс-слово», — догадался Коваль (Ник. Асанов. Богиня победы. М., 1947); «Аппаратура, Сеня, чес-слово, у меня там аппаратура. Не веришь?» (Г. Владимов. Три минуты молчания. «Новый мир», 1969, № 8, стр. 60).

дельных звуков может быть объяснено причинами фонетическими, то выпадение большой части слова очень мало зависит от фонетических условий (единственное условие — чтобы оставшаяся часть была слышимой); это выпадение Р. Р. Каспранский объясняет тем, что окружающий контекст однозначно определяет слово, часть которого выпадает, либо морфему, которая выпадает.

Эта теория, вскрывая существенное различие между утратой одного звука (в статье речь идет главным образом об элизии гласного) и утратой части слова, сводит на нет сходство между этими процессами. В действительности же у них довольно много общего. Верно, что при выпадении части слова смысловой контекст играет большую роль, чем при выпадении отдельных звуков: чем в большей мере слово подсказывается контекстом, тем сильнее оно может сократиться; если контекст однозначно определяет слово, то оно может выпадать полностью. Однако, такое выпадение — процесс не фонетический: слово исчезает из контекста как лексическая единица, а не путем утраты звуков и сокращения звуковой оболочки. Утрата любого числа звуков, утрата части слова, отдельных морфем происходит по-другому, независимо от того, насколько велика утрачиваемая часть. В большинстве случаев часть слова не выпадает сразу, звуки ее утрачиваются постепенно, один за другим (точно так же, как идет утрата отдельных звуков). Об этом свидетельствуют различные стадии сокращения слов. Вот один из примеров, неоднократно приводившийся в литературе. Сокращение слова *здравствуйте* имеет стадии:

$$[здра́ствуйт'и^{э}] > [здра́стъйт'ь] > [здра́стт'ь] > [здра́с̄т'ь] > > \begin{matrix}[здра́с't'ь]\\ [здра\overset{\circ}{с̄}'т']\end{matrix} > \begin{matrix}[зрас't']\\ [драс't']\end{matrix} > \begin{matrix}[зъс'т̃']\\ [рас'т̃']\end{matrix} > > \begin{matrix}[зъс']\\ [ъс^{т'}]\\ [ръс̄]\end{matrix} > \begin{matrix}[з·с^{(,)}]\\ [ъс^{(,)}]\\ [рс̄^{(,)}]\end{matrix}^{198} > [с̄^{(,)}]$$

Другой пример — слово *наверное*:

$$[нав'э́рнъ]^{199} > [на^{w'}э́рнъ] > [наэ́рнъ] > \begin{matrix}[наэ́нъ]\\ [наэ́рн̃]\end{matrix} > \begin{matrix}[наа́н]\\ [нъэ́н]\end{matrix} > > \begin{matrix}[нāн]\\ [нэн]\end{matrix} > [нā]^{200}.$$

[198] В схеме указано довольно большое число ступеней изменения, однако некоторые стадии опущены, в других отмечается сразу два изменения; здесь это сделано для краткости. Редукция или выпадение двух разных звуков в одной форме может иногда происходить параллельно или возможна вариативность в последовательности исчезновения каких-либо двух участков звуковой цепи; одни из этих случаев указаны на модели параллельной подачей форм, другие просто даются на двух последовательных ступенях без специального указания на их параллелизм.

[199] Мы исходим из формы *наверно*, хотя в языке существует наряду с ней и еще более полная (и более архаичная) форма *наверное*.

[200] Ср. также варианты различных слов, приведенные в сносках в начале данного раздела.

9. Иногда, правда, весь путь сокращения большой части слова может быть пройден за достаточно короткий отрезок времени, особенно если в языке уже есть случаи сокращения подобных же форм или отрезков; но тогда сокращение вызывается не только фонетическими причинами, а также и аналогией. Например, приходит в язык новое слово: *вычислительный* или *формообразовательный*. Очень быстро суффикс *-тель-н-* в этих словах начинает произноситься как [т'͡н]. Это происходит не только потому, что новое частотное или длинное слово стремится сократиться и отрезок *-тельн-* допускает такое сокращение, но также и потому что суффикс *-тель-н-* в других словах (*действительно*, *длительный*, *существительное*) часто произносится сокращенно [т'͡н]: вновь возникшая форма в своем сокращении идет уже по проторенной дороге. Другой пример: впервые встретив редкое и незнакомое отчество *Анфилофьевна*, мы произносим его чуть ли не по слогам. Но если нам придется повторить имя с этим отчеством несколько раз подряд, то очень скоро оно превратится в [анф'(и)ло̥ф̥']*на*, так как в языке есть частые *Ев*[г'э̯н']*на*, *Бори*[с̥]*на*, *Проко*[ф̥']*на*.

Иногда часть слова (звуковой отрезок) может редуцироваться не постепенно, а выпадать сразу полностью в одном отдельном акте речи. В этих случаях избыточность контекста играет большую роль, но не меньшую роль, по-видимому, играют и фонетические факторы — выпадают, как правило, отрезки, заключенные между согласными, преимущественно одинаковыми или близкими по месту и способу образования:

професс(ор) стал беспокоиться; *я н(е з)наю*; *Вер(а А)рсеньевна*; *а нам каж(ется) что* [ка̄ш̄о]; *ес(ть е)щё* [jэ̯ᵉ'ш'о̯, jэ̯ш̄'о̯]; *знач(ит) что-то не то* [ˢна̄ч̄'о́тън'ито́].

10. Итак, процессы выпадения одного звука или целой части слова сходны между собой и происходят при одинаковых или сходных фонетических условиях [201]. Контекст же (его избыточность) определяет пределы, до которых может идти сокращение слова; в одних случаях — это утрата лишь отдельного звука, в других — наоборот, исчезновение почти всего звукового состава слова, когда от него может остаться один только звук.

11. Фонетический контекст играет при выпадении звуков двоякую роль: одни его члены «давят» на звук, заставляют его сокращаться, ослабевать, исчезать; другие — принимают на себя некоторые фонетические характеристики, свойства исчезающего звука, сохраняя тем самым в тексте информацию, которую он должен передавать, и позволяя звуку исчезнуть. Смысловой контекст выполняет лишь одну функцию — хранителя информа-

[201] Ср. условия полной редукции гласного и условия редукции звукового отрезка из нескольких звуков.

ции. Из-за избыточности контекст позволяет иногда исчезать целому слову (синтаксический эллипсис, пропуск слова), иногда его части (фонетический эллипсис — используем терминологию Р. Р. Каспранского).

12. Пропуск слова имеет место не во всех случаях, где он допускается избыточностью контекста; в тех случаях, где он возможен, но не осуществляется, может осуществиться фонетический эллипсис. Так, фраза: *По крайней мере мы-то, когда были молоды...* прозвучала и была записана в форме [пакра́и̯"мы́такагда]. . . Эту фразу, несмотря на выпадение целого слова *мере*, мы рассматриваем как пример фонетического эллипсиса. Доводами в пользу такой точки зрения служат: а) редукция конца предыдущего слова, б) то, что выпавший отрезок заключен между двумя одинаковыми и притом сонорными звуками. Так как в слове *мере* [м] — это согласный первого и одновременно ударного слога и так как он может легко стать слоговым, т. е. выступать за целый слог, то именно он при сильном сокращении слова должен был остаться как представитель всего слова; но этот наиболее стойкий звук попадает в неблагоприятное окружение: с одной стороны близкий ему носовой [н], с другой — тот же самый носовой [м]. Единственный оставшийся от слова *мере* звук сливается с начальным [м] следующего слова, и слово окончательно исчезает; остается более обычного длительный и напряженный звук [м].

В языке может встретиться и такой случай, когда одно и то же частое сочетание слов допускает оба пути сокращения. Выражение *может быть* в качестве вводного слова допускает как пропуск слова: *Может, все-таки пойдешь?; Может* [202] *да / а может и нет//*, так и фонетический эллипсис: *Можбыть не надо туда ходить / а? Можбыть там сейчас и нет никого //*

13. Итак, сильная редукция отдельных слов или участков текста требует определенных условий со стороны текста и со стороны самих этих слов. Эти условия следующие.

1) Информационное условие: наличие участка текста (в частности, слова) с большой предсказуемостью — это условие, необходимое для любого рода эллипсисов (синтаксического, семантического, пропуска слов, а также фонетического эллипсиса). Но при фонетическом сокращении текста может играть роль как предсказуемость семантическая и грамматическая (избыточность словесного контекста), так и предсказуемость звуков по фонетическому окружению (избыточность фонетического контекста). Первая зависит от грамматической организованности текста, длины и частотности сочетаний слов, вторая — от фонетической организованности текста — от длины и частотности звуковых сочетаний, но также и от частотности слов.

[202] Эта форма в свою очередь допускает фонетическое сокращение, Г. В. Комякова приводит следующие фразы.: *мот* я нипральна гаврю; я *мот* к те выду (указ. соч.).

2) Ритмико-интонационное условие: наличие слабой фразовой (ритмико-интонационной) позиции. Такие позиции присутствуют в любом контексте и число их, по-видимому, наибольшее в текстах повседневно-разговорного характера (они часто приходятся на участок текста с большой предсказуемостью).

3) Фонетическое условие: а) наличие слабых фонетических (не фонологических!) позиций, т. е. позиций, в которых звуки или сочетания их слабы артикуляторно, акустически и перцептивно [203] (такая слабость способствует редукции звуков и их сочетаний) [204]; б) наличие фонетических заместителей и опорных звуков, способных обеспечить достаточную «инвариантность» фонетического текста при редукции и деформации слабых его звеньев: сохранение основы ритмико-интонационной структуры текста (для слов — слоговой структуры) и звукового каркаса текста, в основном консонантного [205].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Подавляющее большинство фонетических явлений РР обусловливает меньшую расчлененность фонетических единиц — в первую очередь в тексте, но также и в системе. Нерасчлененность в тексте создается такими явлениями, как ассимиляция и аккомодация соседних звуков, взаимное наложение их во времени, редукция, вплоть до полного исчезновения, гласных и согласных. Эти явления приводят к тому, что каждый отдельный звук с трудом вычленяется из цепи других, расчленение потока речи на звуки очень затруднено, и слова (или морфемы) могут восприниматься лишь целиком. Но и сама расчлененность потока речи на слова в РР снижена, а фонетические границы между словами часто стерты из-за ассимиляции согласных и сильной редукции участков текста на стыке слов, а также из-за переразложения слогов.

Нерасчлененность в тексте создает, далее, синкретизм в синтагматике: возможность выражения двух (а иногда и более) соседних фонем одним звуком: двух гласных фонем — одним гласным звуком, двух согласных фонем — одним согласным звуком, гласной и согласной фонемы — одним согласным или одним гласным.

[203] О перцептивной функции фонем, перцептивно слабой и сильной позиции см.: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 23, 123, 145, 179.

[204] Например, положение слабого фрикативного рядом с более сильным (типа [фс], [вз]), сонорного между или рядом с гласными, [в] рядом с огубленным гласным, положение безударного отрезка между двумя одинаковыми фрикативными и т. д.

[205] Сохранение сильных и наиболее контрастных по отношению к окружающему тексту согласных.

Синкретизм в парадигматике создается такими явлениями, как репрезентация разных фонем нулем звука; аккомодация, качественная редукция гласных, т. е. явлениями, ведущими к совпадению двух разных гласных фонем в одном звуке; в области согласных — это ассимиляция, превращение смычных в спиранты и др., что ведет к совпадению двух согласных фонем (или двух разных последовательностей фонем) в одном звуке.

2. Случаи увеличения расчлененности в разговорной фонетике гораздо более редки. К ним относится выражение одной согласной фонемы (сонорной) двумя звуками — сонорным согласным и гласным призвуком. В действительности это мнимая расчлененность, так как расчленение наблюдается только в форме, оно не вызвано необходимостью передать расчлененность в содержании, и, с точки зрения передачи информации, мы ничего не выигрываем при репрезентации одной фонемы двумя звуками.

Другой случай расчлененности относится сразу и к фонетике звуков, и к фразовой фонетике — это удлинение и прояснение безударного гласного при прерывании фразы (колебании, припоминании, подыскивании слова). При этом увеличивается не только расчлененность звуков и фонем (так как при замене редуцированного репрезентанта фонемы звуком полного образования большее число признаков фонемы бывает нормально выражено и возможная нейтрализация снимается), но и расчлененность слов как фонетических единиц, так как безударное слово (обычно предлог) как бы превращается в ударное, получает самостоятельность и отчленяется от основного ударного слова [206]: *А потом я уже решила служить // работать* **на-а** *э. . . ай боже мой / за городом мы были /; Трамвай идет* **по-о**. . . *проспекту Добролюбова //; Мы там будем до. . .* **до-о**. . . *семи //.*

Расчлененность проявляется и в расширении возможностей сочетаемости согласных.

3. Редукции звучащего текста, характерные для РР, создают неполные фонетические формы слов, морфем, устойчивых словосочетаний. Неполные фонетические формы возникают главным образом вследствие контекстных изменений соответствующих им полных форм [207].

Фонетические изменения, обусловленные системой, в первую очередь захватывают малочастотный лексический и грамматический материал [208], но фонетические изменения, обусловленные контекстом, наоборот, в первую очередь овладевают частотным

[206] Справедливо будет, однако, отметить, что этот случай расчлененности, хотя и является типичным для РР, принадлежит не только ей. Он зависит главным образом от неподготовленности речи.

[207] Возникнув, неполные формы могут уже воспроизводиться в тексте непосредственно как функция фонемного состава.

[208] Примеры этого см. в кн.: «Русский язык и советское общество. Фонетика. . .»

материалом и медленнее более редким. Неполные разговорные формы представляют в основном результат контекстных изменений, и для них в общем должна быть справедлива следующая закономерность: если две существенно различающиеся частотой встречаемости формы (слова́, морфемы) содержат аналогичные фонетические условия для порождения неполной формы и более редкая форма действительно порождает неполную, то и более частая форма обязательно должна иметь соответствующую ей неполную форму. Обратное не обязательно.

Таким образом, большая часть явлений разговорной фонетики легче и в первую очередь обнаруживается на частотном материале.

4. Для вокализма РР характерны:

1) Сильная, вплоть до полного исчезновения, редукция безударных гласных в любом относительно ударения слоге; наиболее ярко она проявляется в I заударном слоге, но возможна и в других, включая наиболее сильный из безударных I предударный слог. Основные комбинаторные факторы, способствующие редукции, — положение гласного между одинаковыми или мягкими согласными (или после мягкого), а также соседство с фрикативным или сонорным согласным.

2) Стяжение (в основе которого лежит редукция одного из гласных). Оно отличается гораздо меньшей распространенностью, чем редукция; одна из причин этого — небольшая встречаемость стечений гласных, особенно не на стыке морфем. Основные факторы, влияющие на появление стяжения,— частота и длина слова и характер сочетания гласных: стяжение происходит преимущественно в частотных или длинных словах и в малоконтрастных сочетаниях гласных, а также в сочетаниях, где более широкий гласный одновременно является и более сильным.

Главные результаты редукции и стяжения гласных — утрата слога и перестройка слоговой и ритмической структуры слова, расширение возможностей сочетаемости согласных, возникновение новых консонантных групп и увеличение числа уже имеющихся, возникновение слоговых согласных, увеличение консонантной насыщенности звуковой цепи.

3) Деформация ударных гласных (аккомодация и др.).

4) Качественная редукция безударных гласных.

Главный результат двух последних явлений — бóльшая нейтрализация и уменьшение различительной способности гласных фонем.

5. Для консонантизма РР характерны:

1) Ослабление согласных в любой позиции.

2) Сильные ассимиляции согласных по разным отдельным признакам, а также по совокупности признаков, в том числе ассимиляции на стыке слов и ассимиляции согласных, получающих соседство в результате выпадения звуковых отрезков между ними.

3) Редукция — вплоть до выпадения — согласных в группах, тройных и двойных, а также в интервокальном положении (последнее может приводить к стяжению гласных в дифтонг, а затем и в один звук).

6. Кроме редукции и выпадения отдельных звуков, в РР встречаются деформация и выпадение целых слогов или еще больших отрезков текста. Выпадение слога обычно происходит в результате совместного действия двух тенденций: а) редукции безударного гласного или стяжения гласных и б) полной редукции согласного (в группе или интервокального).

7. Редукция больших отрезков текста происходит при следующих условиях: а) в словах и позициях высказывания, обладающих информативной избыточностью (это соответствует слабым фразовым позициям); б) в словах, морфемах и вообще звуковых отрезках с большой встречаемостью (особенно в случаях, когда редукция имеет место в пределах слова, морфемы); в) контекстное условие: на безударных отрезках звуковой цепи, заключенных между двумя согласными, чаще одинаковыми, сонорными или фрикативными (это особенно касается сильной редукции на стыке слов).

8. Даже при сильной деформации и потере большой части звукового состава слова́ стремятся сохранить а) свою ритмическую структуру, б) опорные звуковые точки — обычно наиболее контрастные элементы и консонантный каркас слова.

9. При разговорной редукции звучащего текста прослеживается тенденция к исчезновению элементов, плохо контрастирующих с окружающими: однородные звуковые последовательности чаще теряют один из своих элементов, чем контрастные.

10. Если основные тенденции эволюции вокализма и консонантизма КЛЯ разнонаправлены (для вокализма это — упрощение системы различительных единиц, уменьшение числа различителей, увеличение нейтрализации, а для консонантизма — усложнение системы единиц, увеличение числа различителей, снятие нейтрализации), то специфически разговорные тенденции однонаправлены — это уменьшение различительных единиц, снятие различий, увеличение нейтрализации.

11. Фонетика РР отличается от фонетики КЛЯ в парадигматическом плане — бо́льшим числом звуковых репрезентаций у каждой фонемы при сохранении того же общего набора их для всех фонем; в синтагматическом плане — более свободной сочетаемостью звуков (например, сильно расширена сочетаемость согласных), возможностью употребления большего числа звуков в некоторых позициях (в интервокальном положении — [ш'] краткого; в I предударном слоге после парных мягких согласных — [а], после твердых согласных — [ъ] и т. д.); в плане смыслоразличения — меньшей различительной способностью фонем (увеличивается число фонем, вступающих в нейтрализацию, и число позиций, допускающих нейтрализацию).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИИ РР

0. Интонация — область, изученная несоизмеримо хуже, чем сегментная фонетика и другие (нефонетические) ярусы языка [209]. Что же касается интонации РР, то в настоящее время лишь намечаются первые попытки ее изучения [210]. Такая попытка представлена и в данной книге. Этим объясняется, во-первых, крайняя фрагментарность предлагаемого раздела по сравнению, например, с разделом, посвященным фонетической системе РР, и, во-вторых, то, что описание интонации РР дается в сравнении с интонацией КЛЯ. Поскольку и сама интонационная система КЛЯ еще далеко не ясна исследователям, самостоятельное, независимое описание интонации РР, если бы даже его удалось осуществить, не выявило бы специфики РР. Чтобы более отчетливо представить отдельные черты разговорной интонации, которые нам удалось отметить, при описании их целесообразно отталкиваться от соотносимых с ними черт интонации КЛЯ.

1. Как было показано выше, основная особенность фонетики РР — это нерасчлененность, синкретизм. По сравнению с фонетической системой КЛЯ фонетическая система РР менее богата (если под этим понимать не простое разнообразие звуков, а большее количество фонетических средств, т. е. способов передачи информации), а тексты РР менее эксплицитны. Сходная картина наблюдается и в других ярусах РР. Особым в этом отношении является, по-видимому, интонационный ярус, который отличается большим богатством, расчлененностью и разнообразием интонационных средств.

Это свойство интонации РР может быть объяснено двумя внеязыковыми факторами: 1) устной формой РР, которая делает интонационную оформленность обязательной для разговорных текстов (для КЛЯ устные тексты — лишь один из возможных вариантов, для РР — это основная форма ее существования [211]); 2) преимущественно «камерным» употреблением РР. Если устная форма КЛЯ используется главным образом в официальной обстановке, чаще перед более или менее значительной аудиторией, то РР — это в основном речь «домашняя» и «камерная», в которой

[209] Лучшим общим описанием русской интонации представляется нам система интонационных единиц, разработанная Е. А. Брызгуновой (Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; Она же. Звуки и интонация русской речи. М., 1969).

[210] Некоторые замечания об интонации РР находим у Е. А. Брызгуновой (указ. работы); специально интонации РР посвящена статья: Т. В. Шустикова. К вопросу об интонации русской разговорной речи. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970.

[211] В истории развития КЛЯ письменные тексты играли очень большую роль, тогда как РР возникла специально для нужд устного общения; в письменной сфере ей принадлежала лишь частная переписка, которая с течением времени, по-видимому, сильно сокращается.

участвуют два-три собеседника, иногда больше, но почти никогда не бывает большого числа слушающих (при произношении тостов, которые рассчитаны на большое число слушателей, даже в дружеской компании, часто переходят на КЛЯ).

Если говорить об актере, оркестре и т. п., то камерность позволяет создать более тонкое исполнение, большую нюансировку. Также и говорящий в камерной обстановке получает возможность использовать больше оттенков интонации, пользоваться более расчлененным, изощренным набором интонационных средств, — его возможности более разнообразны и широки, чем возможности говорящего, который обращается к большой аудитории. Непринужденная обстановка речи, непосредственный контакт собеседников в момент речи и часто отношения близкого знакомства между ними позволяют максимально использовать в РР голосовые модуляции для передачи большего количества информации за меньший временно́й отрезок. Сравним, например, две реплики одинакового содержания — ответы на сообщение о каком-либо событии (в первой — все содержание выражено словами, во второй — большая часть информации передается интонацией):

1) Я, конечно, не знаю всех подробностей, обстоятельств дела, но не думаю, чтобы дело обстояло так, как вы говорите (чтоб это было так; что это так; что это возможно; что он поступил правильно и т. п. — в зависимости от содержания предыдущего сообщения).

2) Ну, не зна-аю! [212] (с интонацией, выражающей сомнение, недоверие, порицание).

2. Богатство интонации часто восполняет в РР недостаточную выраженность содержания сообщения средствами других ярусов, в частности, «смазанность», нерасчлененность, «недосказанность» (отсутствие конца слова), которые встречаются в сегментной фонетике. И тем, что интонация восполняет пробелы (нейтрализацию, нерасчлененность и пр.) в фонетическом и других ярусах, она позволяет этим пробелам еще больше увеличиваться. Использование интонационных средств и использование других средств как бы находятся в дополнительном распределении.

3. Попробуем описать некоторые черты разговорной интонации сначала в общем виде, а затем более конкретно, пользуясь при этом терминами Е. А. Брызгуновой: синтагма (интонационно-смысловое единство), интонационная конструкция (ИК), вариант ИК, оттенок ИК, центр ИК, предударная и заударная части ИК [213].

Чтобы дать представление об этих понятиях, мы кратко процитируем или перескажем то, что говорится о них в книге «Звуки и интонация русской речи». «В русском языке есть пять основ-

[212] Условные обозначения: а-а — значительное удлинение гласного; а̄ — менее значительное удлинение гласного.

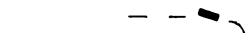
[213] См.: Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи.

ных типов интонационных конструкций. . . Эти интонационные конструкции служат важнейшим средством различения смысла звучащих предложений: Наташа поет. Как поет Наташа? Наташа поет? А Антон? Как поет Наташа!. .»

. . . В интонационной конструкции, как и в слове, можно выделить предударную, ударную и заударную части. Ударная часть состоит из одного слога и является центром интонационной конструкции. Предударная и заударная части могут состоять из одного слога или даже нескольких слов, которые произносятся слитно»[214].

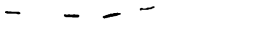
ИК-2 и ИК-4 имеют также варианты:

ИК-2а, который отличается от ИК-2 более высоким и несколько нисходящим тоном на центре ИК:

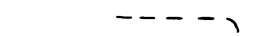
ИК-4а, который от ИК-4 отличается тем, что повышение тона начинается всегда на центре ИК, а не на заударной части, ср.:

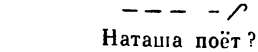

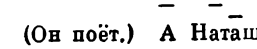
4. Первой особенностью РР является то, что она обладает очень значительными контрастами разных характеристик интонации. Интонация РР по всем показателям более контрастна, чем интонация КЛЯ. Колебания высоты, громкости, темпа произнесения в РР бывают гораздо значительнее, чем в КЛЯ. Объяснить это можно, во-первых, более разнообразными условиями общения в РР: от обмена повседневными репликами за столом, на кухне — когда значение реплики понятно при минимальной громкости, разборчивости и выразительности, оно скорее угадывается по обстановке, чем распознается (реплики могут быть максимально тихими и «бесцветными») — и до патетических монологов, экспрессивных разговоров (как говорится, на повышенных тонах), где реплики подаются на максимуме громкости

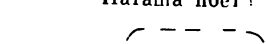
[214] Там же, стр. 15. Движение тона в приведенных примерах следующее:

(жирная черточка показывает усиление словесного ударения)

и бывают максимально выразительны. Оба типа реплик могут сочетаться в пределах одного текста. Во-вторых, большие контрасты РР могут объясняться тем, что РР всегда эмоциональна [215], официальная же сфера литературного языка или безэмоциональна или сдержанна [216].

Контрастность интонационных характеристик РР проявляется в том, что в разговорных текстах рядом, в соседних фразах или в пределах одной фразы, часто наблюдаются очень быстрый темп говорения и максимальное замедление, буквально произнесение по слогам, в КЛЯ же темп речи преимущественно размеренный. Контрастность проявляется в употреблении очень низких и очень высоких тонов, резких спадов и подъемов тона. Особенно характерны для РР высокие тона и резкие подъемы тона; КЛЯ же избегает высоких нот [217].

Первая особенность разговорной интонации (более широкие, чем в КЛЯ, темповые, тембровые и высотные модуляции) касается лишь ее физической стороны.

5. Вторая особенность интонации РР связана уже не только с физической стороной речи, но и со значением, с передачей информации, главным образом добавочной, сопутствующей основной информации. Эта особенность касается уже самой системы интонационных средств и заключается в их большем разнообразии, чем в КЛЯ. Частично она связана с первой особенностью и обусловливается ею. В литературе высказано мнение, что набор интонационных средств в РР и КЛЯ — один и тот же [218]. Это касается основных типов интонационных конструкций, служащих индикаторами коммуникативных типов высказываний и некото-

[215] Шарль Балли пишет: «. . . разговорный язык всегда в большей или меньшей степени эмоционален. . . Конечно, конкретные носители языка могут очень существенно отличаться друг от друга по степени эмоциональности или рассудочности своей натуры, однако и в этом вопросе проявляется коллективный характер интересующих нас тенденций: жизненная необходимость быстрой и полной передачи мысли ведет к уравнению индивидуальных особенностей; говоря о вещах, относящихся к повседневной жизни и стоящих вне сферы чистого мышления, даже самый логически мыслящий человек выпужден пользоваться общераспространенными средствами, отвечающими психологии среднего носителя языка, потому что инстинктивно он чувствует, что эти средства наиболее действенны; в частности, он чувствует, что аффективная речь — это лучший способ внушить свою мысль собеседнику» (Ш. Балли. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961, стр. 329).

[216] Исключение в этом отношении составляют театральная речь и ораторская, нередко имеющие целью максимальное выражение эмоций (которых в действительности, возможно, говорящий даже и не испытывает). Но названные сферы речи относятся к особому виду КЛЯ.

[217] С этим иногда связан выбор той или иной интонационной конструкции для выражения определенного содержания (например, отказ от ИК-3 в пользу ИК-4 — см. ниже, п. 10), выбор того или иного варианта интонационной конструкции (отказ от ИК-4а — см. ниже, п. 11) и выбор более ровных и нейтральных оттенков интонационных конструкций.

[218] См.: Т. В. Шустикова. Указ. соч.

рых основных смыслов. Но существует и масса вариантов или оттенков основных типов, а также некоторые средства иного характера (например, удлинение гласных; резкое, скандированное произношение), которые также бывают связаны с оттенками смысла, передачей эмоций, чувств. Эти средства более разнообразны в РР. Более разнообразны там и тембровые оттенки основных интонационных конструкций. Различные тембровые окраски речи связаны преимущественно с выражением эмоций, отношения говорящего к содержанию речи и к собеседнику; в КЛЯ, как уже говорилось, эмоции обычно крайне редуцированы: если говорящий их и испытывает, то старается сдерживать.

6. Третья интонационная особенность РР — меньшая по сравнению с КЛЯ монотонность текста: в РР достаточно часто сменяются повышения и понижения тона, разные типы интонационных конструкций, разные тембровые окраски, происходит частое варьирование темпа речи.

В отношении высотных колебаний было показано, что в РР происходит достаточно равномерное чередование подъемов и падений тона [219], это делает речь очень ритмичной и в то же время снимает монотонность, которая создается последовательным употреблением длинного ряда фраз с одинаковым движением тона. Для иллюстрации сравним отрезки текста РР и отрывки из лекции (буквы над ударным словом фразы обозначают: в — высокий тон и движение тона вверх, н — низкий тон и движение тона вниз).

РР: А как[в] он / с Владимир Николаичем[п] // Володька[в] / пойдем на... э... половецкие пляски[н] // И идут смотреть тока[в] половецкие пляски[п] //; 1. Другое[в] было место / э... не помню... не помню... по какой дороге мы ездили[н]... там ведь идти пешком[в] довольно много / 2. Да[в] // 1. Потом через мост[в] / потом через... какую-то полянку[в] / и там всегда змейки[н] сидели эти / свернутые[н] // 2. Какие[в] змейки? 1. Змеи[п] маленькие // 2. Да[в]? 1. Да-а[п] // Ну а... э... эти... ядо... ядо... медянки[п] там сидели (нрзбр) // Они же ядовитые[н] // Они так... заворачивались кольцом[в] / и голову приподымали[в] так / (пауза).

Когда идешь мимо и не трогаешь[в] / ничего[п] / а-а если подойти[п] / то можбыть они могли бы и укусить[п] там / не знаю[я] // Ну вот[п] // А потом[п] / шлепаешь все это пешком[в] / и... такие были большие сапоги[я] высокие / назывались шанхай[н] / вот я надену[в] свой шанхай /

[219] Г. Н. Иванова. Ритмика русской прозы. М., 1969 (Автореф. канд. дисс.).

и иду // ; 1. И каким-то образом у меня очутилась бритва / без-з... конвертика / и палец и разрезала // А я полезла (пауза) доставать деньги / из портмоне / и разрезала палец // ; 2. Во время блокады / совершенно не заживали раны // 1. Ну-у мы там были... мы собственно... а что мы такое ели? плохое // Ничего! Вот я большей частью ничего не ем // Да-а // Хлеб? Хлеб я помню... давали на Кирочной / знаете где / где Суворовский музей / вон там / дальше там... еще / за Суворовский музей // ; И вот мы ночью / шли... с Марьей Георгиевной... за хлебом // ; А я никуда не уезжала из Ленинграда // Некуда даже было ехать // Вот Мари Георгиевна которая здесь жила (нрзбр) так она уехала / (нрзбр) выписали ее в Казань // ... там сами-то сидели нечего делать / а и... Мари Георгиевна сидела карточки писала // Ну уж... это и здесь-то ничего не давало / а (смех) уж там наверное совсем ничего! Ну / она все-таки поехала // И там она умерла //.

КЛЯ: Ну / надо сказать что (пауза) если (пауза) значительное число картин / освобожденных от (пауза) лаковых покровов / проиграла / то какая-то часть их и выиграла / скажем рашне-немецкая живопись / нидерландская живопись / хорошо сохранившаяся / вот до времени их раскрытия от лаковых покровов / она / действительно / очень выигрышно смотрится //.

При прослушивании приведенных текстов последний отрезок кажется гораздо более монотонным. Такими же кажутся и другие части лекционного текста, даже те, в которых ощущается сильная экспрессия, например: Получилось что (пауза) в большинстве музеев / (пауза) которые мы видели / большая часть картин / выглядит обнаженной / вы знаете как-будто с содранной кожей //.

Приведем также пример варьирования темпа в текстах РР *:

1. Метро «Водный стадион» // 2. А откуда же садится Николай Николаевич? 3. От нас // 1. От вас садитесь / 2. От «Библиотеки» //

* Подчеркивания обозначают:
~~~~~ — очень быстрый темп;
——— -- убыстренный темп;
..... — замедленный темп;
Через дефис пишутся слова, произносимые по слогам: н и-ч е-г о; средний темп дается без особых обозначений.
~~~~~

3. Да // 1. Ну от «Библиотеки» или от Никитских ворот / пересаживаетесь в Охотном ряду / (пропущена часть текста) выходите наверх / и прямо перед (пауза) этим павильоном метро / конечная остановка автобуса номер семь-де-сят //.

7. Перейдем к более конкретному описанию интонационных особенностей РР. РР обладает всеми пятью ИК (и их вариантами), которые были установлены для литературного русского языка [220]. Можно предположить, что в дальнейшем для РР будут установлены еще некоторые типы или варианты ИК, особенно, когда станет возможным тщательное исследование тембровых различий. Но при одинаковом с КЛЯ наборе ИК разговорная речь отличается употребительностью отдельных ИК и их фонетическими оттенками.

8. Отличия фонетических оттенков, употребляемых в РР, от оттенков, свойственных КЛЯ, трудно фиксировать из-за того, что главные характеристики в оттенке и основной модели совпадают (то же основное движение тона, интенсивность и прочее), расхождение же касается частностей (например, несколько более высокий или низкий тон на центре ИК, несколько более или менее резкий подъем или понижение тона). Для тщательного изучения фонетических оттенков, свойственных РР, нужно располагать большим количеством точных записей интонации, поддающихся статистической обработке.

Сделаем лишь одно замечание о выборе фонетического оттенка ИК в РР и КЛЯ: в КЛЯ выбираются оттенки ИК с более сглаженным движением тона и, особенно, с не очень высокими и резкими подъемами, а также с ровным темпом речи, РР же нередко пользуется оттенками с более контрастным движением тона, с высокими и резкими подъемами, значительными замедлениями и особенно ускорениями темпа. Так, ИК-4а в оценочных высказываниях (Какие ^{4a}палочки вкусные!; Какую ^{4a}курточку я видела! Мечта // На молниях //) и при переспросе (Где ^{4a}это мы встречаемся-то?) — такое употребление типично для РР — характеризуется высоким и резким подъемом тона и убыстренным темпом речи. Напротив, ИК-4а, используемая в незаконченных синтагмах (например, при перечислении), — а такое использование типично для КЛЯ — характеризуется менее высоким и резким повышением и нормальным, а иногда и замедленным темпом речи:

На юге нас ждали ^{4a}солнце / ^{4a}море / ^{4a}пальмы / ^{1}пение птиц //; И вот прошу принять ^{4a}цветы с чуть пожелтевшими ^{4a}листьями /; Пилотом-^{2a}космонавтом / космического корабля-спутника «^{4a}Восток» / является

[220] См.: Т. В. Шустикова. Указ. соч., стр. 48.

граждани Союза Советских Социалистических Республик / летчик майор Гагарин / Юрий Алексеевич // [221].

9. Относительно употребительности разных ИК в РР можно сказать следующее: не все ИК одинаково употребительны. Наиболее распространенными являются ИК-1, ИК-3, затем ИК-2; ИК-4 и 4а встречаются уже реже, ИК-5 еще реже. Большая встречаемость одних ИК и меньшая встречаемость других объясняется, во-первых, разной частотой встречаемости в речи различных типов высказываний и синтагм, оформляемых этими ИК: если, например, ИК-1 оформляет почти все конечные синтагмы повествовательных высказываний, а ИК-3 и ИК-4 все неконечные синтагмы, то ИК-5 используется лишь в некоторых специфических высказываниях (например, оценочных). Во-вторых, неодинаковая употребительность разных ИК объясняется тем, что в ряде случаев РР отдает предпочтение одним ИК перед другими.

10. В литературе уже есть высказывания о том, что ИК-3, ИК-4, ИК-4а при использовании в одних и тех же случаях (в неоконченных синтагмах) носят разный характер: ИК-3 — разговорный, ИК-4 — официальный, ИК-4а — книжный, патетический [222]. Естественно, что в КЛЯ для интонационного оформления неконечных (и по смыслу незаконченных) синтагм (при перечислении, противопоставлении, при отделении темы от ремы и пр.) чаще используется ИК-4, а если текст носит окраску эмоциональной приподнятости, то ИК-4а:

Московское время / шестнадцать часов //; Партийно-правительственная делегация Народной республики Болгарии / во главе с Тодором Живковым / побывала сегодня на выставке / «Москва / столица нашей Родины» // [223]; Мы оставим их такими какие они есть / пускай даже с этими пятнами лака //; . . . реставраторы (пауза) ну не всегда / но часто портили (пауза) картины / перемазывая их там / или (пауза) грубо чиня их /;

Надо считаться с тем (пауза) сняв лак / что вы там увидите // помытости / м-м . . . вот обсыпавшуюся краску / или истинную живопись // . . . И я отнюдь не хочу сказать что там / (пауза) работают

[221] Примеры взяты из кн.: Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация. . ., стр. 181; Г. Н. Завьялова. Примеры использования двух типов интонации незавершенности в качестве средства выразительности речи. «Работа по фонетике и интонации при обучении русскому языку иностранцев». М., 1967, стр. 55.

[222] См.: Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация. . ., стр. 180—181; Г. Н. Завьялова. Указ. соч., стр. 52; и др.

[223] Пример взят из работы Г. Н. Завьяловой (стр. 54).

реставраторы / которые портят картины // Нет // Эти самые порчи / уже нанесены уже давно / с начала века этим интенсивно занимались / там ... разные ... реставраторы / и сейчас наоборот / скажем вот в Мюнхене нам показывали этюды Рубенса / великолепные этюды Рубенса / ну равноценные тем которые вы знаете в Эрмитажном собрании / показывали с гордостью / ...; В Штутгарте / (пауза) мы видели (пауза) много разного ... э ... в галерее //.

ИК-4а очень частая интонация в авторском исполнении стихов (так называемом поэтическом чтении).

В РР при оформлении неконечных (и по смыслу незаконченных) синтагм (со значениями перечисления, противопоставления и т. д.), т. е. в тех случаях, в которых КЛЯ использует преимущественно ИК-4, ИК-4а — чаще употребляется ИК-3.

Во время наводнения / здесь не было никогда наводнения / ... на Песках-то нет / а дальше / ... около вокзала / ...; Ну тоже там традиционный / похожий немножко на (пауза) Людовиков каких-то там / гобелен //; ... есть какая-то интересная фирма / у нее отделения в Париже / и в ... в этом самом во Франкфурте / ... в павильоне ФРГ они / но у них ...; Я прочла / ну и мне ... понимаешь я как-то ...; 1. А щас получает две четверки // 2. По каким? 1. По основным / по русскому / и по арифметике //; То что я считаю важным / я все смотрю / все смотрю // (в театре); Ведь папа / у него была такая книжка / там было так например // «Онегин» / тридцать восемь раз (смотрел в театре) / «Кармен» там / двадцать пять раз / все ...; экономия вина / колоссальная я подсчитал //; А вы знаете / что мы однажды были в театре / и нас раздевал этот капельдинер //; А я знаю у вас одну книжку / она у вас еще цела?; И так как там было казначейство / там какие-то подвалы сделаны / ...; Когда он захочет / он может все делать //; А мы тоже ... все штаны (ползунки) обрезали / а потом еще пришлось заплатки на них ставить //; То до сих пор меня дед выручал / а щас ...

11. Сходная картина наблюдается с конструкциями ИК-5 и ИК-4а в оценочных высказываниях (содержащих оценку степени, качества, размера и пр.). Е. А. Брызгунова пишет: «... ИК-5 создает оценочную интонацию... Более разговорный стиль оценочной интонации передается ИК-4а с ярко выраженным повышением тона на заударной части. Такая ИК-4а обычно отме-

чается в предложениях со словами, относящимися к житейскому обиходу» [224]. В КЛЯ оценочные высказывания, если они имеют специфическое интонационное оформление, оформляются обычно ИК-5: Какая[5] ужасная погода!; Какая[5] замечательная картина!; Как[5] я устала! Боже как[5] я устала!; Какой[5] добрейший человек!

В РР оценочные высказывания часто оформляются ИК-4а (а некоторые из них допускают в РР только такое оформление): Какие[4а] туфельки я достала!; Какую[4а] пластинку сегодня слушала!; Какие[4а] пончики / пальчики оближешь //; В каком[4а] сегодня Света платье пришла!; Какое[4а] солнышко на улице!; Компот[4а] кислятина!; Как мне у них[4а] мебель не нравится!; Ой какие маленькие! какая[4а] прелесть!

Во многих случаях оценку выражает только интонация, а лексический показатель оценки (кроме пустого местоименного прилагательного *какой*) отсутствует.

12. Еще один случай, где РР отдает предпочтение ИК-4а — это переспрос [225]:

1. Сколько пучок стоит? 2. Пятнадцать // 1. Сколько[4а]?; 1. На площади Дзержинского / в проезде Серова // 2. Где- где[4а]?; 1. Сначала в Прибалтику / потом к маме ездил // 2. Куда[4а] ездил?; 1. Ну и потом там на полигоне испытания // 2. Какие[4а] испытания?.. 1. Не какие / а на полигоне //.

Для оттенка ИК-4а, употребляемого при переспросе, характерны довольно резкое повышение тона и убыстренный темп произнесения. Так как КЛЯ избегает резких повышений тона и ускоренного темпа речи, то в ней реплики переспроса часто строятся таким образом, чтобы, вместо ИК-4а, возможно было применение других ИК; получаются высказывания типа: Вы, кажется, сказали, что... или: Простите, я не расслышал... Ср. два типа переспроса:

РР — 1. В центральном универмаге // 2. Где-где[4а]? В универмаге?
КЛЯ — 1. В МГПИИЯ / в лаборатории // 2. Вы говорите у нас в лаборатории[3]? 1. Не у нас // В МГПИИЯ //

РР — 1. ... Письмо Гали и Нины Михайловны // 2. Кого-кого[4а] это письмо? Какой Галины Михайловны?

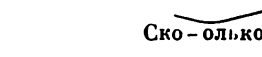
КЛЯ — 1. И ЦСУ сделает // 2. Кто[2], простите, это должен сделать? Я не расслышала / кто[2] это?

[224] Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация..., стр. 181.
[225] Имеется в виду вопрос, задаваемый при ослышках или недопонимании, а не повторение вопроса собеседника перед тем, как ответить на него (это повторение также иногда называют переспросом).

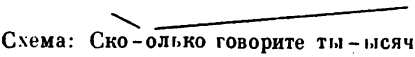
Переспрос в РР оформляется ИК-4а, если он не содержит дополнительных оттенков значения — недоверия, неодобрения и пр. Переспрос же с оттенком недоверия или удивления в РР оформляется ИК-4 с понижением тона на ударном слоге (центре ИК) и последующим повышением. Темп речи на ударном слове обычно замедлен, гласный, совпадающий с центром ИК, часто растянут, иногда растягивается и следующий за ним безударный гласный (если он конечный) или ударный гласный последнего слова:

1. И сколько они сто́ят? 2. Семьдесят // 1. ^{4}Сколько?

Примерная схема ИК-4 в этом случае:

1. И какой же у вас был взнос? 2. Около трёх тысяч // 1. ^{4}Сколько говорите тысяч?

13. Следующие интонационные различия РР и КЛЯ касаются синтактики ИК, т. е. сочетаемости ИК друг с другом и с паузой.

Как в КЛЯ, так и в РР, принципиально, по-видимому, возможно сочетание любых ИК между собой, а также их сочетание с паузой, т. е. с позицией начала или конца высказывания. Различия же сочетаемости ИК в РР и КЛЯ носят статистический характер, т. е. сочетание каких-либо двух типов ИК или сочетание определенной ИК с какой-либо позицией может встречаться в РР чаще (или реже), чем в КЛЯ.

Об одной особенности РР, носящей статистический характер, уже упоминалось (см. выше, п. 6). Она состоит в том, что ИК с понижением тона и ИК с повышением тона в РР чаще сочетаются друг с другом, чем в КЛЯ. Подсчеты, проведенные Г. Н. Ивановой, показали, что равномерность чередования подъемов и спадов (как и другие показатели ритмичности текста) в РР достаточно высока [226].

Это означает, что в РР чаще сочетаются разные ИК (с повышением тона и с понижением тона); сочетание же однотипных ИК (оба с повышением или оба с понижением тона) встречается в текстах РР реже, чем в текстах КЛЯ [227].

[226] См.: Г. Н. Иванова. Указ. соч., стр. 11.

[227] Художественные произведения, естественно, должны рассматриваться отдельно, так как построение и организация художественного текста подчиняются особым законам, в частности, ритмичность текста может быть одной из главных целей при его создании.

14. Еще одно статистическое различие РР и КЛЯ касается конечной позиции. Известно, что позиция конца высказывания допускает в КЛЯ «неконечные» типы ИК (с повышением тона — ИК-3, 4, 4а) главным образом в вопросительных высказываниях. В РР «неконечные» типы ИК допускаются гораздо чаще и в большем числе случаев. Рассмотрим их.

1) ИК-4а и реже ИК-3 могут употребляться в конечной синтагме при перечислении:

Тетки давно нет на све-[4а]ете / ехать больше не-[4а]екуда /; Она всегда (спрашивает) как [4а]папа / как [4а]мама / как [4а]ты / [4а]Томочка / [4а]милая / дорогая[4а] /; (передача чужой речи) Да что вы что-[4а]о вы / не волнуйтесь / все будет [4а]нормально / [4а]идите / до [4а]свиданья /[228]; Я не знаю что с ней делать // Она же ничего не [3]работает / ничего не [3]умеет / (пауза) сделает что-нибудь все надо [3]переделывать потом /; . . . и во-вторых все время [3]дома / никуда [3]не выгонишь / все вечно [3]работа /.

Интонация ИК-4а употребляется в конечной синтагме и в том случае, когда перечисление представлено имплицитно; в тексте дан лишь один его член, но мыслится он не как самостоятельный, а как один из ряда ему подобных:

А мы всегда ему чего-нибудь приносим // [4а]Печенья там /; Ну что там могут (переплетать) // [4а]Книги разные /; (уговаривает остаться и поужинать) Ну куда ты пойдешь? Магазины щас все [4а]закрыты /[229].

2) «Известно, что ИК-3 может употребляться в семантически и синтаксически завершенной синтагме для создания определенного значения — очевидности для всех какого-то факта»[230]. Такое употребление ИК-3 (часто с оттенком ИК-2, т. е. усилением ударения на центре ИК) свойственно, по-видимому, главным образом РР:

Мы когда-то Леньку все хо... Димку хотели записать на магнитофон // Вот его первые (звуки)... у нас же [3]тоже есть магнитофон! 1. Я думала ты мне́ говоришь // 2. Так я же сказал «[3]Эллочка»!; 1. Но ведь он [3]действительно там был / 2. Но мы-то тогда не [3]знали /; А что мы такое ели? Плохое // Ничего[3]! Вот я большей частью

[228] Употребление в РР ИК-4а в законченной синтагме при перечислении отмечается Т. В. Шустиковой (указ. соч., стр. 54—55).

[229] См. также примеры на стр. 145.

[230] Т. В. Шустикова. Указ. соч., стр. 54; это же употребление ИК-3 (с оттенком ИК-2) отмечалось ранее Е. А. Брызгуновой, в частности как одно из возможных чтений последней строчки стихотворения С. Я. Маршака «Дама сдавала в багаж»:

. . . Однако /за время пути/
Собака могла подрасти[3]?/

ничего не ем!; Мария Георгиевна сидела карточки писала // Ну уж... это и здесь-то ничего не давало / а (смех) уж там наверное совсем[3] ничего! (о плохо оплачиваемой работе).

3) С ИК-4 могут произноситься реплики, не допускающие сомнения, иногда с оттенком нравоучения или вызова:

1. И они туда ходили? 2. Естественно[4] /; 1. Неужели и вы тоже? 2. Разумеется[4] /; 1. Ты посолила? 2. Конечно[4] /; 1. Да я уж и то думала / выгладить что ли... 2. Ну и выгладила[4] бы // Чего же не выгладила? [231]

4) Оценочные и подобные высказывания могут быть оформлены ИК-4а: Какая вода теплая[4а]!; А куда мы ходили сегодня[4а]! А где мы были[4а]! Угадай //; А снегу[4а] навалило! (см. также примеры в п. 11).

5) Следующий случай употребления ИК-3 (ИК-4) в конечной синтагме связан с особенностями формирования в РР сложных высказываний и особенностями порядка слов. Рассмотрим этот случай подробнее.

Один из способов выражения в КЛЯ сложной мысли, содержащей условие, — это сложноподчиненное предложение. Оно может быть построено следующими способами:

(1) Если (когда) освободимся[3–4] / мы съездим[1] // [232]

(2) Мы съездим[3–4] / если (когда) освободимся[1] //

(3) Мы съездим[1] если (когда) освободимся //

(4) Мы съездим[1] // Если (когда) освободимся[1] //

В РР возможны еще следующие способы выражения той же мысли:

(1) Освободимся[3] если (когда) / мы съездим[1] //

(2) Освободимся[2] если (когда) мы съездим //

(3) Мы съездим[3] / освободимся[1–2] если (когда) //

(4) Мы съездим освободимся[1–2] когда (если) //

(5) Мы съездим[1] // Освободимся[3] когда (если) // [233]

[231] Ср.: «В разговорной речи эмоционально окрашенной... употребляется ИК-4 в завершенной синтагме при «нравоучениях».

— ... Я хотел[1] туда зайти.

— Ну и надо было. Зачем ждать-то? (Т. В. Шустикова. Указ. соч., стр. 54).

[232] Цифры 3—4 над ударным слогом показывают, что синтагма может произноситься как с ИК-3, так и с ИК-4.

[233] На наличие в РР конечных синтагм с повышением тона и союзом в постпозиции указал М. В. Панов на заседании Сектора современного русского языка Ин-та русского языка АН СССР.

(6) Мы съ́ездим // Когда (если) освободимся /

(7) Мы съ́ездим // (Вот) освободимся /

(8) Мы съ́ездим // Освободимся вот /

Как показывают примеры, последние четыре варианта произносятся с ИК-3 в конечной синтагме. Последние два варианта, по-видимому, могут быть произнесены также с ИК-4, хотя такое произношение менее естественно и мало вероятно.

Таким образом, если высказывание, состоящее из двух предикативных конструкций, настолько расчленено, что зависимая часть со значением времени (условия, места и т. п.) становится самостоятельным дополнительным, уточняющим высказыванием, то это дополнительное высказывание может произноситься с интонацией незаконченности (ИК-3, ИК-4), а в некоторых случаях, очевидно, имеет только такое произношение (примеры 7 и 8).

Еще некоторые примеры такого произношения:

Грибы-то еще бу́дут // Вот дождь пройдет /; Я тебе это сделаю // Время будет свободное /; Напишу / напишу / разберусь когда немножко с делами /; А мне кажется в лесу / там / на полянке оставили / грибы собирали где /; Да ты оставь / ну потом / потом / поедим когда /; Ну не беспокойтесь Ира / никуда они не денутся / (пауза) никуда абсолютно // Некуда им деться / а мы сходим поищем потом / сходим правда / дождь пройдет вот /; Он же так загнется совершенно / во-первых больной / во-вторых все время на работе / все время мотается / (этот пример — с обстоятельством причины — смыкается со случаями, описанными в п. 1); Она́ туда́ не пое́дет / в прошлый раз же ее не приняли /; И ни к чему / совсем ни к чему // Пустая трата времени / вы ходили толку не добились / (ср. с примерами п. 2).

Очевидно, есть также и другие случаи оформления конца высказывания ИК с повышением тона.

15. Рассмотренные выше особенности интонации РР касались употреблений ИК, их вариантов и оттенков; но кроме различий в функционировании общих интонационных средств в РР и КЛЯ, РР обладает, по-видимому, и специфическими интонационными средствами, одно из которых и будет описано ниже.

16. Характерным для РР выразительным интонационным приемом являются «растяжки» или удлинения гласных [234].

[234] Об удлинении гласных как средстве создания эмоциональной интонации см.: Г. Г. По́лищук. Роль интонации в дифференциации омонимичных языковых единиц. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970.

Чаще всего растягивается гласный, на который приходится центр ИК [235]:

Это не ва-ажно когда // (это сделать); (Хватает на 9 часов непрерывной работы) причем не важно за-аписи / или воспроизведения // Все равно //; Нет // Элл / понимаешь / я вообще не рассчитывала на так долго / Но ты сама-а / сама сама // (виновата); Экономия вина-а / колоссальная я посчитал //; Там сосновый лесо-очек у нас / вы знаете//; Так тру-удно наверно / столько веще-ей перевезти//; . . . где-то в общем в Германии / во-от // и она какие-то . . .; Напро́тив этого дома был еще. . . я помню там жили; Вот Ры́бников даже пел его /; Элл/ ну вы его не собираетесь / ни в какие я-ясли отдавать?; 1. Элл / а дача хорошая? Это там были в прошлом году / да? 2. Нет // Мы в прошлом году же были та́м / в Приба́лтике // 2. А-а // Да я помню что вы уезжали//; 1. Мы-то дачу снимали-снимали / вот. . . ездили-ездили (нрзбр.) 2. Ничего нет? Не сняли? 1. Нет / Мы ся-яли / но понимаешь / мы сняли без га-аза/; В Ха-арьков -можно / во Львов/; Они чиненные / но они в поря́дке//; (Если б я без магнитофона пришла) А уж я с ним тащи-илась / причем знаешь в каком переполненном (автобусе)!

Реже удлиняется ударный гласный слова, которое не попадает на центр ИК, но несет на себе эмфатическое ударение, а также гласный слова, которое как бы является вторым центром, второй вершиной фразы:

В Ха-арьков можно / во Львов / в Ха̄рьков во Львов[1] //; . . . Причем такие традиционные испанские цвета там / какие-то (пауза) вот как у Гойи / серый / черный / э . . . какой-то белый / немно-ожко-немножко бе́лого / и красный // Темный кармин//; (маленькому ребенку) Ни-че-го[1] скажи тетя Га-аля //; У него. . . штрипка / то-о-онькой-тонюсенькой ленточкой[1] //.

Иногда могут удлиняться и безударные гласные:

А как он / с Владимир Николаичем // Володька̄ / пойдем на . . . э. . . половецкие пляски //; 1. Семьдесят // 2. Ско́лько̄[4]?

Часто удлинение наблюдается в союзах, предлогах, приставках при обдумывании дальнейшего текста или подыскивании слов:

1. Парк / парк // 2. А леса нет (нрзбр.)? 1. Ну . . . лес есть / но-о . . . так лес-то не. . . такой. . . маленький такой. . .; Трамвай идет по-о . . . проспекту Добролюбова//.

17. Удлинение ударных и удлинение безударных гласных объясняются обычно разными причинами и играют разную роль. Безударные гласные растягиваются при различного рода оста-

[235] Ср.: «В разговорной речи при непринужденном общении часто сильно растягиваются ударные гласные в центре интонации. . .» (Т. В. Шустикова. Указ. соч., стр. 53).

новках, колебаниях, самоперебивах, подыскивании слов и обдумывании дальнейшего текста, а также при передаче речи другого лица, «передразнивании», «подражании» [236], т. е. чаще всего эти растяжки не связаны с передачей значения и в этом смысле нефункциональны.

Ударные гласные удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики (движения тона) или акцентировки, ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле можно считать их функциональными. Использование растяжек является типичным средством при выражении некоторых значений и в определенных конструкциях:

1) при перечислении ряда однородных по смыслу компонентов: . . . «Онегин» / тридцать во-осемь раз / «Кармен» там / двадцать пя-ять раз / все . . .; Тетя моя. . . одна-а / работает / преподава-ателем / английского языка-а / где-то. . . по-моему в. . . дипломатической шко-оле/. . . другая работает воспитателем в детском саду-у/; Тетки давно нет на све-ете/ . . . ехать больше не-екуда/; Мы с ней вы-ышли / почти на у-улицу/; 1. Едут на ночь//. . . с машиной / с ребя-ятами / 2. Авто-обусы / едут в громадных автобусах / едут прямо всеми семьями. . .; Он человек. . . очень такой честный / порядочный / трудолюбивый/; Там сосновый лесочек у нас / вы знаете / поблизости соседей нет / там только один ближайший сосед наш / . . . правда. . . так что мы его почти не видим // Во всяком случае живем мы одни / тихо-спокойно / в сосновом лесочке/; Туда-а / сюда-а / в общем знаешь / хождение по мукам//; Ну вот // Кончился спекта-акль / ко мне подходит один из актеров / говорит ну как Анатолий Александрович?; Но это лакей это одно-о/ дворецкий это . . . совершенно третье / а это такой . . . знаете . . . на побегу́шках именно//;

Это наблюдение согласуется с мыслью, высказанной А. Н. Гвоздевым: «. . . для перечисления (однородности) очень характерно наличие усиленных ударений на каждом из перечисляемых членов . . . При этом усиленное ударение далеко не обязательно падает на перечисляемые однородные члены, а свойственно целому речевому такту, составляющему один член перечисления. А так как в речевом такте усиленное ударение как правило падает на последнее слово, то нередки случаи, когда оно оказывается не на однородных членах предложения» [237]. Как известно, дополнительная длительность гласного является одной из характерис-

[236] Например: А как он/с Владимир Николаичем//Володька/ пойдем_на. . . э. . . половецкие пляски//.

Для этой же цели может употребляться и удлинение ударного гласного: Да что вы что-о вы / не волну́йтесь / все будет нормально / идйте / до свида́нья /; Она всегда (говорит) как ма́ма/ как па́па / как ты / Томочка / милая / дорогая/.

[237] А. Н. Гвоздев. К вопросу о фонологических средствах русского языка. «О фонологических средствах русского языка». М.—Л., 1949, стр. 133—134.

тик ударенности, и ударенность гласного с необходимостью требует увеличения его длительности. Но длительность, о которой речь шла выше, может и значительно превышать длительность, необходимую для создания даже сильной ударенности. Она воспринимается не как простое подчеркивание, а как растяжка гласного.

Иногда ряд перечисляемых компонентов не выражен эксплицитно, в речи присутствует лишь одно его звено. Но из предыдущего или последующего контекста или из ситуации слушающему обычно ясно, что этот компонент включается говорящим в ряд других, мыслимых имплицитно, это звено лишь в речи (а не в мысли) вырвано из целого ряда других и выражено словесно. Бывает, что ряд компонентов, из которого изъят один, словесно выраженный в речи, мыслится говорящим смутно и нерасчлененно (ему могли бы соответствовать выражения: *и т. д.; и т. п.; и в общем все такое; и что-то в этом роде*), но все же он мыслится; и если нет никаких словесных, контекстных или ситуационных указаний на это, то слушающий понимает это по интонации: ИК-4а (часто с растянутым гласным). Вот некоторые примеры:

Так / бабушка ей все сказа̄ла / все-таки она настаивала / (имеется в виду: сказала, объяснила, предупредила. . .); Там еще какой-то. . . он говорил . . . по какой-то у-улице идти/. . . (объяснение маршрута); Элл / ну вы его не собираетесь / ни в какие я-ясли отдавать? (имеется в виду: ясли, детский сад и т. п.); 1. Не наленинградилась? 2. Ну мы приехали там магазины все были закры̄ты/; . . . хотя ему-то это совершенно ничего . . . это ничего не изменит / и зря он сунулся в эту историю / теперь он . . . грозят с работы его уволить // У него ни де̄нег нет/;

Иногда ряд компонентов, мыслимый говорящим общо и нерасчлененно, бывает выражен в речи одним обобщающим словом:

Я не могла ждā̆ть / ничего / потому что у меня в четыре часа было совещание//; 1. Что же ты не пришла-то? 2. А я даже на работу не могла (пойти)//. Ни на рабо̄ту / никуда . . . Очень плохо себя чувствую//;

2) Растяжки гласных часто используются также в тех случаях, когда реплика носит характер очевидности, убеждения (разубеждения), уговора:

1. (Рассматривает фотографии) Так это ты / да? 2. Я конечно// 1. Лида же похо́жа на эту девочку// 2. Не-ет // Ну что ты! Совершенно нет//; Что ты думаешь я не представляла как это выглядит? Вполне̄//; 1. Погашен там све-ет у вас/ 2. Да до-ома все//; Да что вы что-о вы / не волнуйтесь / все будет нормально / идите / до свиданья / (здесь удлинение гласного может происходить как за счет значения убеждения, уговора, так и за счет перечисления ряда однородных реплик); Что вы? Дешевле значительно / да-а//; А это гыт лифт (отсутствие лифта) пустяки / Как это пустяки? Очень не пустяки! Я по себе знаю//; 1. И он ходил? 2. Ну а как вы думаете? Коне-ечно / коне-ечно!

С такими растяжками гласного и соответствующей интонацией очень часто произносятся ответные убеждающие реплики «да» и «нет» или аналогичные им, имеющие конкретизированное значение и выражение и более сильный оттенок уверенности:

1. А ты можешь опоздать// 2. Не-ет//; 1. Вы обязательно пойдете туда? 2. Да-а//; 1. А он пообещал сделает? 2. Конеечно//; 1. И вы тоже будете? 2. Ну а ка-ак же! Обяза-ательно//; 1. Ну я рассчитываю что вовремя // 2. Разуме-еется//;

Иногда ответ «да» или «нет» с растяжкой гласного подкрепляется еще и одним из слов, передающих более сильный оттенок того же значения:

1. Ну ты все предупредила / да? 2. Кого? 1. Ее // 2. Да-а // разуме-еется//; 1. Так ты взяла все-таки? 2. Не-ет // Конечно нет!; 1. Вы уже больше-то в дождь на дачу-то не ездите? . . . Так не поедете? 4. Не-ет // Нет // Конечно // В дождь на дачу не ездим // Куда же// (см. также примеры, приведенные выше).

Очевидно, частный случай рассмотренного значения представляют реплики, описанные А. Н. Гвоздевым [238], — произнесение с удлинением гласного имен при выражении упрека:

Ко-оля! Ты забыл, что я тебе говорила; Влади-и-мир Иванович! Я же просил помолчать! (сохраняется пунктуация А. Н. Гвоздева). Другие примеры: Пе-етя! Ну как мо-ожно?; Але-еша, как некрасиво!

Естественно, что второй части этих реплик может не быть, она может лишь подразумеваться, и в этом случае имя произносится изолированно.

Но таким образом произносится всегда лишь упрек-убеждение или упрек в вежливой форме, а отнюдь не упрек-окрик или упрек с сильным чувством досады (в обоих последних случаях увеличивается не длительность гласного, а сила и резкость произнесения, а в последнем может также увеличиваться длительность согласного).

3) Иногда удлинение гласного используется при выражении удивления: И вы̄ тудā поēхали? И не побоялись?; Ты-ы? Откуда ты взялся; Вот это да-а!

Особенно часто удлинение гласного сопровождает реплики «крайнего удивления» при встрече и узнавании, выраженные именами лиц, о чем писал еще А. Н. Гвоздев, приводя примеры: Пе-о-отр Иванович! Неужели это вы!; Ми-иша! Вот не ожидал [239]. Другие примеры: И-ирка! Ты-ы? Сколько лет сколько зим!; Петро-ов! Вот это да-а!

4) Еще один случай использования растяжек гласных в именах — это громкое подзывание кого-либо, которое обычно сопровождается одной и той же интонацией:

Ва-а¦ня-я! Иди-и¦домой!; Степа-ан¦Дми-итрич! Пора-а!; Мари-и¦ночка-а!; Де-е¦ти-и! Де-е¦ти-и! Кушать!

[238] А. Н. Гвоздев. Указ. соч., стр. 110.
[239] Там же.

Имя при этом разделено на две части: первая — до ударного слога включительно, с растяжкой этого слога (или всех слогов), с повышением тона; вторая часть также произносится с растяжкой гласных, главным образом конечного гласного, но на пониженном тоне. Если имя состоит из двух слов (например, имя и отчество), то каждая часть соответствует отдельному слову, причем во второй части также растягивается ударный гласный, а не конечный.

5) Часто используются растяжки гласных в иронических высказываниях, при изменении смысла высказывания на противоположный:

Уж он-то прие-едет! (смысл: он не приедет); Алеша у нас послу-ушный мальчик! (смысл: непослушный); Он тебе наговори-ит! Ты его слушай больше (смысл: он говорит неправду и слушать его не стоит).

6) Растягивание гласного может употребляться при переспросе, особенно выражающем удивление, недоверие, возможно также несогласие, неодобрение:

1. Три уже внесли // Еще надо . . .; 2. (перебив); Ско-олько-о? (о взносе денег в кооператив); 1. Двадцать пять что ли / или тридцать . . . 2. Ско-олько? 3. Что это как дорого?; 1. И куда потом? 2. В Москву // 1. В Москву-у?; 1. А я тоже с ними поеду// 2. Вы-ы? 3. Ну коне-ечно! Поедешь ты с ними!; 1. Когда сдавать-то? 2. Двадцать пятого// 1. Двадцать пятого? Это когда же мы успеем?

7) Гласный может удлиняться в оценочных высказываниях (часто с ИК-4а), особенно если центром ИК является последний слог:

(Стремясь привлечь внимание ребенка к еде): — Какой су-уп! Да ты только попробуй!; Какие я̄блоки / у нас на базаре// Там такие башмачкӣ! Как собачки / с ушками и с глазками сделаны//.

8) Используется удлинение гласного при констатации факта с оттенком противопоставления данного факта другому или другим:

(Ряд вопросов о родственниках, их делах и здоровье, ответы на них неутешительные, затем:) 1. Ну как Алешка? 2. Алешка молоде-ец! Такой арап / будь здоров//; (о ребенке) 1. Элл/ну вы его не собираетесь / ни в какие я-ясли отдавать? 2. Мы постараемся (не отдавать)// Не знаю что выйдет у нас / потому что раз бабушек нет которые хотят сидеть / к сожалению / 3. Тебе хорошо-о// Ты хорошо устроилась (бабушка сидит с внуком); Это-то ерунда-а / это что-о//.

9) Очень охотно растяжки используются при экспрессивной оценке особо больших или малых количеств, размеров, высоты, глубины и т. п., а также при описании качеств предметов, вызывающих у говорящих положительные или отрицательные эмоции, причем при обозначении маленьких размеров, высоты и при положительных эмоциях удлиненный гласный обычно произносится

на высоком тоне, а при обозначении больших размеров и при отрицательных эмоциях — обычно на низком:

Он ма-аленький такой / хоро-ошенький//; Псы огро-омные / лохма-атые такие ходят//; (о самолете) . . . высоко-о-высоко / и кро-охотный такой / совсем не видно//; Он такой широ-окий / большо-ой / можбыть двуспальный что ли?; Некоторые такие малю-юсенькие / и из всяких там лепесточков сделаны // Из листиков разных / цветочков/.

Часто перечисленные значения передаются не одним словом, а конструкцией, состоящей из двух одинаковых или однокоренных слов. В этом случае удлиняется ударный гласный первого слова, гораздо реже — ударные гласные обоих слов:

У него . . . штрипка / то-оненькой-тонюсенькой ленточкой // . . . причем такие традиционные испанские цвета там /какие-то (пауза) вот как у Гойи / серый / черный / э. . . какой-то белый / немно-ожко-немножко белого / и красный // Темный кармин//; А волосок там (в лампочке) тоню-юсенький-тонюсенький //; И все эти лепесточки / цветочки / ма-аленькие-премалюсенькие / прямо в микроскоп наверно. . . (о безделушках, сделанных из шишек, цветов и под.); Не знаю что строить (будут) / котлован там огро-омный-преогромный//; Стебли такие дли-инные-длинные / для высокой вазы хорошо / а в этой они не будут смотреться//.

Здесь описаны некоторые случаи, где удлинение гласного встречается достаточно часто. Есть, по-видимому, и целый ряд других случаев, в которых могут употребляться растяжки гласных.

18. Какую же роль играют удлинения гласных и являются ли они сами по себе выразителями смысла? Как показывает наш материал, удлинение гласных не связано с передачей какого-то определенного значения или нескольких значений. В то же время растяжки не связаны и с какими-либо определенными типами ИК, хотя при одних ИК (например, ИК-4а) они используются чаще, чем при других.

В литературе отмечалось, что изменение длительности звуков связано с выражением эмоций: удлинение гласного с положительными эмоциями, удлинение согласного — с отрицательными (хотя полного соответствия между этими явлениями нет) [240].

По нашим наблюдениям, увеличение длительности гласного выполняет еще и другую функцию — оно дает возможность мелодике (движению тона) проявиться в полной мере, а иногда и с особой силой, подчеркнуто. Именно этим, очевидно, объясняется тот факт, что растяжки гласного, служащие для простого усиления ударения [241], обычно не так значительны, как растяжки, кото-

[240] Л. В. Златоустова. Типы эмфатического ударения в русском литературном языке. «Уч. зап. Казанского ун-та», т. 117, кн. 2, 1957 (Гуманитарные науки), стр. 107—112.

[241] Известно, что ударение создается как усилением звучания гласного, так и увеличением его длительности, а иногда увеличение длительности бы-

рые дают возможность проявиться движению тона, и особенно при изменении направления движения тона. Этим, по-видимому, объясняется и тот факт, что растяжки особенно часты в коротких репликах, где нет достаточного фонетического материала (количества слогов, количества гласных) для полного проявления движения тона; в односложных ответах «да» и «нет»; в случаях, когда центр ИК приходится на последний слог фразы и поэтому заударная часть ИК не имеет возможности проявиться [242].

19. Кроме произношения с удлинением гласных, «растянутого» произношения, в эмоциональной речи иногда встречается «резкое» произношение, при котором гласные (или гласный) обычно более кратки, но более энергичны. Такое произношение имеет место при категоричности реплик и особенно часто при категорических отрицаниях:

Нет // ни в коем! случае // [243]; Не смей! думать!;

При этом все слово или отдельные слоги могут произноситься расчлененно, как бы скандироваться:

Ни!ко!гда!; Ни!за!что! я туда не пойду //.

Усиленное произношение с энергичным, но укороченным гласным, имеет место и в сильно аффектированной речи при отрицательных эмоциях (досада, раздражение). Но в этих случаях гласные обычно сильно сужены, закрыты. Одновременно с сужением и усилением артикуляции гласного усиливается и согласный, который может становиться долгим:

Ч-черт знает что такое!; Б-бестолковщина какая-то!; П-проклятье!; [j-j]ерунда все!; [ъдд'-д'jáвъл] вот дьявол!

В случае категорических или гневных реплик главные черты произношения — резкость и сила звучания («открытая сила»). При нарастании эмоции реплика может перейти в крик. В случае досады, раздражения произношение характеризуется главным образом напряженностью, силой артикуляции («подавляемой» силой, силой преодоления препятствия). Такое произношение

вает решающим фактором в создании ударности. См., например: Л. В. Златоустова и др. Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». М., 1968, и другие работы того же автора.

[242] Ср. реплики со значением недоверия: — Ну-у!; Ну уж! В первой реплике растягивание гласного необходимо, вторая может обойтись без него. Когда центр ИК приходится на последний слог фразы, часто происходит нейтрализация двух ИК, например ИК-3 и ИК-4, различающихся главным образом движением тона на заударной части. Удлинение ударного гласного помогает подчеркнуть различие между двумя разными ИК и снять нейтрализацию. Некоторые ИК с резким движением тона плохо сочетаются с растягиванием гласных (например, ИК-3), поэтому растягивание, часто сочетаясь с одними ИК и редко или никогда с другими, может стать добавочным признаком в противопоставлении и различении этих ИК.

[243] Восклицательный знак, поднятый над строкой, является показателем резкого, как бы разорванного на слова или слоги произношения.

бывает не при крике, а при репликах, произносимых в сердцах, с досадой, как бы про себя (чтобы «отвести душу»).

Если сила звучания и резкость рассчитаны в большей степени на слушателя, то сила артикуляции (последний из двух типов реплик) нужна главным образом самому говорящему.

20. Описание интонации РР, данное выше, очень фрагментарно, оно касается лишь отдельных — и не всегда наиболее важных — ее черт, поэтому любые серьезные выводы кажутся нам сейчас преждевременными. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что роль интонационных средств в РР исключительно велика и что нередко эти средства берут на себя передачу той информации, которая может передаваться и обычно передается средствами других ярусов в КЛЯ.

Глава III

МОРФОЛОГИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Труды, посвященные русской грамматике, содержат многочисленные замечания, касающиеся особенностей разговорной речи. Однако целостное описание морфологии РР отсутствует. Задача ее системного описания не ставилась вообще. Напротив, существует мнение, что «для грамматических форм можно говорить не о «закрепленности», а лишь о типичности и значительной концентрации их в какой-то — всегда широкой сфере общения [1]». Тем самым предполагается, что отличия всех сфер литературного языка, в том числе РР, не касаются грамматической системы, а существуют лишь в закономерностях отбора средств в текстах. На материалах живой разговорной речи это утверждение проверено еще не было.

В данной главе с самого начала говорится о двух системах морфологии (разговорной и кодифицированной), но не потому, что они заранее признаются различными (это должно показать исследование): за исходное принято общее для этой книги положение о том, что только независимое построение системы РР, выводимое из текстов разговорной речи, сделает возможным сравнение систем РР и КЛЯ (в том числе и установление их тождеств).

Направление сравнения было задано гипотезой о меньшей расчлененности некоторых участков системы РР по сравнению с кодифицированной системой. В связи с этим для характеристики ряда соотношений было использовано понятие синкретизма.

Ниже мы попытались определить содержание, вкладываемое в это понятие применительно к морфологии, и перечислить связанные с этим понятием вопросы сопоставительного изучения РР и КЛЯ.

2. При сравнении оппозитивных отношений в двух системах (или подсистемах) морфологии может встретиться такое положение, когда двум единицам, противопоставленным в одной системе, соответствует одна единица в другой. При этом и самое противо-

[1] В. Г. Адмони и Г. И. Сильман. Отбор языковых средств и вопросы стиля.— ВЯ, 1954, № 4, стр. 95; ср., впрочем, более гибкие характеристики, касающиеся синтаксических явлений, в той же статье (стр. 93—94).

поставление (грамматическая категория) во второй системе будет отсутствовать. В этих случаях можно использовать понятие синкретизма и говорить о единице второй системы как о синкретичной единице по сравнению с соответствующими единицами первой системы.

Главным доказательством отсутствия каких-то единиц в системе является отсутствие определенных форм в текстах. Следовательно, «говорящей» может оказаться уже самая статистика тех или иных форм в речи, если в графе употребления этих форм в РР стоит статистический нуль [2].

Однако морфологические единицы — это двусторонние единицы. Поэтому необходимо проверить тождество единиц, совпадающих по форме в двух системах, со стороны их содержания. Не перечисляя здесь всех возможных отношений, выделим следующее.

Поскольку «означаемое» морфологических единиц включает номинативные и синтаксические элементы [3], существенно было бы проверить, с какими из них связано различие двух сопоставляемых систем. Иными словами, можно ли говорить о меньшей дифференцированности семантических отношений, выражаемых в морфологии, или о меньшей дифференцированности синтаксических отношений, которые в кодифицированной системе обслуживаются специфическими морфологическими формами.

Противопоставление синтаксической и семантической функции различает не только разные морфологические формы, но может быть обнаружено также внутри области функционирования одной формы. Эта мысль в явном виде была сформулирована Е. Куриловичем в статье «Проблема классификации падежей» [4], где показано, как и в каких падежах имени существительного сосуществуют синтаксическая и семантическая (наречная) функции. Семантическая функция приписывается лишь формам определенного в семантическом отношении круга слов, т. е. формы с семантической и синтаксической нагрузкой представляются как имеющие разную лексическую регулярность реализации. Употребление словоформы в семантической функции несет в себе потенциальную

[2] Некоторые замечания по этому поводу см. в гл. I, п. 19.

[3] «Различие между этими двумя типами значений можно в наиболее общей форме передать так: номинативное значение непосредственно отражает («называет») внеязыковую действительность (предметы, события, признаки, отношения и т. д.); синтаксическое значение отражает лишь способность словоформы вступать при построении фразы в определенные типы синтаксической связи с определенными классами словоформ» (А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 23—24). Ср. также определение И. А. Мельчука в кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., Изд-во МГУ, 1961, стр. 33; см. также: «Грамматика современного русского литературного языка». М., «Наука», 1970 (далее «Грамматика», 1970), стр. 303.

[4] Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

возможность отрыва ее от остальных словоформ и превращения в самостоятельную лексему (ср. наречия из конкретных падежей имени существительного). Сопоставление РР и КЛЯ позволит, как кажется, выяснить новые аспекты соотношения синтаксической и семантической функции в языке.

В этой главе основное внимание сосредоточено именно на расхождениях РР и КЛЯ в сфере означаемого с учетом двух его типов. Ставится вопрос о наличии в РР некоторых синтаксических противопоставлений в морфологии глагола и имени прилагательного. В связи с этим исследовались: наличие/отсутствие в текстах РР ряда форм, имеющихся в КЛЯ; значение и характер функционирования форм, отмеченных в РР, и лексическая регулярность их реализации в разговорной речи.

3. В более широком смысле о синкретизме РР можно говорить и во всех тех случаях, когда одно и то же означающее может сочетаться в РР с большим числом означаемых, чем в КЛЯ. Именно это имеют в виду, когда говорят о полифункциональности морфологических единиц РР как ее характерной особенности [5]. Под эту широкую формулу подходят случаи конверсии, когда две внешне тождественные формы входят в разные словоизменительные ряды; омонимия (и омоформия) слов, относящихся к разным частям и частицам речи; синтаксическая полифункциональность форм. Можно предположить, что все три названные явления свойственны разговорной речи в большей степени, чем книжной:

а) При конверсии, как известно, противопоставление частей речи формально выражено лишь различием типов словоизменения. По-видимому, конверсия в РР более регулярна, чем в КЛЯ. Укажем, например, один тип конверсии, отсутствующий в КЛЯ.

В РР имена существительные — фамилии на *-ский* могут приобретать полный набор флексий прилагательных и употребляться атрибутивно:

Мы думали *достоевский* дом // Очень подъезд такой//; Ну разве в *чайковское-то* время носили?; В *булаховском* понимании этого слова//; Она пошла в *реформатский* сборник // (о статье).

б) О большей распространенности в РР омонимии можно говорить, в частности, из-за случаев полной омоформии неизменяемых единиц, принадлежащих к самостоятельным и служебным частям речи [6]. Различение их становится часто проблемой чисто синтаксического анализа, при этом иногда нелегко отделить омонимию от синтаксической полифункциональности одной формы. (Ср. некоторые наблюдения над употреблением указательных местоимений в связи с проблемой различения местоимений и омо-

[5] См.: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект, М., 1968, стр. 81—82, 84; Э. А. Клочкова. О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов — «Русская разговорная речь». Изд-во Саратовского ун-та, 1970.

[6] Ср.: Э. А. Клочкова. Указ. соч.

нимичных им служебных частиц в разделе «Функции указательных местоимений», гл. IV. Синтаксис).

Оба эти явления могут свидетельствовать о более слабом, сравнительно с КЛЯ, противопоставлении в РР некоторых частей и частиц речи.

в) В функционировании словоформ в РР также можно обнаружить черты синкретизма. Сравнительно с КЛЯ, сфера употребления многих форм оказывается более широкой, наблюдается большая свобода замещения различных позиций (возможно следует говорить также о различиях в содержании самих позиций). Следствием этого оказывается большее пересечение областей употребления разных форм.

Из уже изученного можно назвать более широкую сферу функционирования именительного падежа [7], что дало основания говорить о немаркированном характере этого падежа в системе РР [8]. Привативный тип оппозиции, как известно, характеризуется пересечением сферы употребления двух членов оппозиции или снятием (нейтрализацией) их противопоставления в определенной позиции, где употребляется только немаркированный член. Поэтому актуальным представляется выявление именно тех случаев употребления формы им. падежа, которые подходят под это определение.

Другие случаи большего функционального перекрещивания форм в РР могут получить иную интерпретацию. В частности в РР, по-видимому, наблюдаются более многочисленные, по сравнению с КЛЯ, случаи экспрессивного переносного употребления (транспозиция форм и значений). Как пишет Е. Кржижкова, «легче всего поддаются транспозиции категории, члены которых внутренне так или иначе связаны с говорящим, средоточием которых является как бы он сам, его оценка реальности или нереальности действий, момент его речи. Это в первую очередь категории лица, времени и наклонения» [9].

Личный характер коммуникации (в противоположность, например, тенденции к «безличности» в научном стиле КЛЯ и во многих формах массовой коммуникации), экспрессивность речи стимулируют подобные переносы в РР. Названные категории и наиболее исследованы. При этом многие яркие факты переносного употребления форм в языке художественной литературы [10]

[7] См.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1965, № 2.

[8] Ср. изложение мнения М. В. Панова в работе: Е. А. Земская. Указ. соч., стр. 89—90; см. также раздел «Функции именительного падежа» в этой книге.

[9] Н. Křižková. Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиции форм. «Travaux linguistiques de Prague», 2. Academia, Prague, 1966, стр. 174.

[10] См.: Д. Н. Шмелев. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке. «Вопросы культуры речи», 1961, вып. 3; Он же.

относятся именно к отражению разговорной речи; они были заимствованы из РР.

4. Для морфологии небезразличны черты синкретизма в лексико-семантической области РР.

В разговорной речи действуют более многочисленные и регулярные, чем в книжной речи, модели преобразования семантической структуры слов (без включения дополнительных морфем). Следствием этого является расширение в ней полисемии по сравнению с книжной речью (ср. гл. «Номинация»). Но при этом в границах одной лексемы могут объединяться первичные и вторичные значения, допускающие разную реализацию морфологических форм [11].

Таким образом, из большей регулярности действия семантических моделей должна вытекать большая регулярность лексической — точнее лексемной — реализации морфологических форм. Это можно показать на следующем примере.

В разговорной речи многие слова, называющие «вещество», могут употребляться и в значении «порция этого вещества». Параллельно с названной семантической моделью у этих существительных реализуется счетная форма [12], отсутствующая у них в книжной речи. Так, в магазине говорят: *два молока* (вне зависимости от того, что это: два пакета молока или две бутылки молока), *два кефира*, *две сметаны*, *две ряженки*; в столовой: *два борща* (т. е. две порции борща, две тарелки и т. п.); *два салата*, *две капусты;* в аптеке: *две ваты*, *два валокордина*. Эта модель продуктивна и потому, что говорящему не всегда известно, какова упаковка вещи и как она называется.

А. В. Исаченко отметил распространенность этого явления в словацком разговорном языке. Однако наш материал опровергает сделанное в его книге утверждение, что «такое употребление существительных с вещественным значением чуждо русскому языку. В русском языке в подобных случаях обязательно обозначение «меры»: «он выпил две кружки (или два стакана) пива», «две чашки (или две порции) кофе», «два куска хлеба», «две порции салату» и т. п.» [13]. В ситуации «столовая» и в русской разговорной речи

Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке. — РЯШ, 1961, № 5; А. В. Бондарко. Некоторые особенности переносного употребления времен глагола. — РЯШ, 1965, № 5; О н ж е. Некоторые случаи переносного употребления времен. «Русская речь», 1967, № 5 и др.

[11] В системе КЛЯ примером сочетания разновалентных с морфологической точки зрения значений в одной лексеме является соединение качественных и относительных значений в прилагательных, сочетание значений, допускающих переходность и непереходность в глаголе.

[12] Формально счетная форма выделяется на основе акцентуационного противопоставления: *шага́* (род. п.) — *четыре шаго́* (счетная форма), но у многих слов она омонимична форме род. п. (см.: А. А. З а л и з н я к. Указ. соч., стр. 46—49).

[13] А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, I. Изд. 2. Братислава, 1965, стр. 87—88.

вполне обычны: *он взял два кофе*, *выпил два пива*, *съел два салата*. Правда, так принято говорить только в местах общественной торговли и общественного питания, где продукты выдаются и оплачиваются порциями.

Семантические переносы по регулярным и индивидуальным моделям также расширяют производство форм мн. числа. Ср.: У меня чуть не сгорели всякие там *мяса* // (о мясных блюдах, которые готовились на кухне; модель «вещество» → «изделие из него»).

Таким образом, в РР лексемы, выделенные в приведенных примерах, реализуют более полный набор морфологических форм, чем соответствующие лексемы в КЛЯ. Набор форм у разных лексем в РР оказывается более стандартным, устраняется словарная дифференциация в реализации форм, хотя некоторые морфологические формы непосредственно связаны лишь с определенным значением полисемичной основы.

5. Наконец, синкретизм РР можно видеть в возможности большего числа означающих у одного означаемого. Кроме собственно морфологических вариантов, которые создает синонимия флексий, РР отличает также высокая вариативность означающего словоформы в речи, возникающая вследствие особенностей разговорной фонетики. Реальная вариативность и омофония форм в речи разрастается в РР за счет разного рода фонетических усечений и стяжений, нулевых реализаций фонем, за счет более широкого круга нейтрализаций фонем, чем в кодифицированной системе [14]. Эти неморфологические по существу явления заслуживают упоминания потому, что, во-первых, существуют грамматические факторы, ставящие определенные границы изменению звукового вида морфологических показателей формы и, во-вторых, потому что некоторые фонетические варианты словоформ могут морфологизоваться и на базе их могут возникать морфологические варианты (ср., например, вероятность такого объяснения для вариантов типа *скорее — скорей*).

Морфологические варианты возникают в РР также под влиянием тенденции к большей регулярности моделей, которая может сопровождаться стремлением к выталкиванию нерегулярных моделей. Примером такого рода является частое усечение в разговорной речи наращения *-ен-* при склонении слов типа *время* и выравнивание их склонения по типу *поле* (ср. вариативность: *нет времени* и *нет время*).

6. Таким образом, в плане сопоставления с кодифицированной системой можно предположить черты синкретизма как в системе морфологии РР, так и в реализации системы в тексте.

Существуют ли противонаправленные факты, свидетельствующие о большей расчлененности в системе РР? Сюда можно отнести

[14] См. гл. «Фонетика».

различение плана обращения и плана представления [15] в падежной системе.

В РР, как это отмечалось, существует особая звательная форма у существительных мужского и женского рода *(Пап! Саш! Тань!)*.

Между системами разговорной и книжной речи существуют несомненные отличия в наборе служебных слов. Судя по имеющимся описаниям, в РР применяется большее число частиц [16].

Исследование может обнаружить и другие факты большей дифференцированности системы РР по сравнению с КЛЯ.

7. Исследование системы морфологии разговорной речи в сопоставлении с системой книжной речи мы начали с центрального противопоставления в морфологии русского языка: имя — глагол.

Состав имен разными исследователями определяется по-разному. В частности, в лингвистической литературе неодинаково толкуются наречия, числительные и местоимения [17], а также причастия и деепричастия.

Наиболее последовательной является классификация, которая опирается на словоизменительный критерий и которая в группу имен объединяет все части речи, обладающие склонением и, в частности, изменением по падежам [18]. При таком членении системы частей речи в состав имен входит причастие и не входит наречие. Так, А. А. Зализняк среди имен выделяет предметные слова: имена существительные, местоимения-существительные и признаковые слова: имена прилагательные, включая причастия и порядковые числительные, и числительные (непорядковые) [19]. Относительно наречия Н. С. Поспелов пишет: «Именно категорией падежа круг имен и примыкающих к ним местоимений противопоставляется наречиям, лишенным падежных изменений и выступающим в синтаксической функции показателя обстоятельственного или качественного отношения» [20].

И далее: «Своеобразное положение наречий в системе частей речи определяется отсутствием у них категориальных грамматических признаков как имен, так и глагола» [21].

[15] По Бюлеру. См.: Е. Курилович. Указ. соч.

[16] Употребление частиц в разговорной речи сразу же обратило на себя внимание исследователей. Своеобразие их набора и конструктивной роли было показано уже Н. Ю. Шведовой на материале отражения разговорной речи в художественной литературе (Н. Ю. Шведова. Очерки по русской разговорной речи. М., 1960). Интересный материал употребления более 100 частиц разговорной речи содержат работы А. Н. Васильевой (А. Н. Васильева. Частицы разговорной речи. Изд. МГУ, 1964; Она же. О частицах разговорной речи. «Ruský jazyk», 1967, № 8). Наблюдения и подсчеты в записях живой речи также подтвердили самую большую насыщенность частицами текстов устной разговорной речи по сравнению с другими типами речи (Э. А. Клочкова. Указ. соч., стр. 128).

[17] Ср. Z. Skoumalová. Nominalizační procesy a slovně druhový přechod. «Československá rusistika», 1971, № 1.

[18] Этот морфологический критерий применяют, например, Н. С. Поспелов («Соотношение между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке». — ВЯ, 1953, № 6) и А. А. Зализняк («Русское именное словоизменение». М., 1967).

[19] А. А. Зализняк. Указ. соч., стр. 3 и 36.

[20] Н. С. Поспелов. Указ. соч., стр. 58.

[21] Н. С. Поспелов. Указ. соч., стр. 65.

По-видимому, деление может быть проведено и по другому признаку. В системе книжной речи к глаголу могут быть отнесены только те морфологические классы форм, которые связаны с категориями вида и залога. Остальные части речи определяются отрицательно как не имеющие вида и залога, и все они могут быть названы именами.

В этом случае глагол, включая причастие и деепричастие, противопоставляется всем именам. В данной работе мы будем исходить из этой второй классификации.

Но с точки зрения общей семантики частей речи имена неоднородны и поэтому по-разному противопоставлены глаголу. В отличие от имени существительного [22], имена прилагательные и наречия называют признак.

Свойство быть выразителем признака объединяет имена прилагательные и наречия с глаголом; различие между ними связано с самим характером выражаемого признака: процессуальным в глаголе и непроцессуальным в прилагательном и наречии.

В этой работе рассматриваются отношения в морфологической подсистеме слов со значением признака: противопоставления глагол — имя прилагательное, глагол — наречие. В кодифицированной системе эти части речи связаны переходными классами форм [23]. В переходной зоне находятся причастия, совмещающие глагольные категории вида и залога с адъективным типом словоизменения, в том числе с категорией падежа; так называемые «краткие страдательные причастия» (подробнее о них см. в тексте) и краткие прилагательные, не имеющие ни категорий вида и залога, ни категории падежа. Глагольной формой, граничащей в системе с наречием, является деепричастие.

В пограничной области возможны переходы некоторых единиц в соседний класс. Направление этого перехода обычно описывается от глагола, т. е. как утрата процессуальности (ср. адъективация причастий, адвербиализация деепричастий, переход «кратких страдательных причастий» в краткие прилагательные).

Исходя из описания этих явлений в системе книжной речи, мы рассматриваем области стыка имени прилагательного — глагола, наречия — глагола в системе разговорной речи. Последующее сопоставление имеет целью сформулировать различия между системами КЛЯ и РР и тем самым выявить специфику РР [24].

[22] Его грамматическое значение определяется в литературе по-разному. См. например: H. Křižková. Substantiva s dějovým vyznamem v ruštině a v češtině. «Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české». 3, O ruském slovese, Praha, 1968. — Ср. определение имени существительного как части речи с нейтральным значением у М. В. Панова («О частях речи в русском языке». — «НДВШ. Филол. науки», 1960, № 4).

[23] Грамматические признаки этих классов как переходных описаны, в частности, Н. С. Поспеловым (указ. соч.). Однако по отношению к этому описанию справедливой представляется критика В. А. Плотниковой («Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 101).

[24] Проблема имя — глагол может быть поставлена и в синтаксическом плане, в связи с известным противопоставлением именного (номинативного) и глагольного типов речи (Ср.: А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство. — Избранные труды. М., 1959; Г. О. Винокур. Глагол или имя? «Русская речь», Новая серия, III. Л., 1928). В КЛЯ это противопоставление выявляется статистически как соотношение в раз-

Принцип сопоставления нашел отражение в композиции работы. В каждом разделе вначале кратко излагаются сведения о данном фрагменте кодифицированной системы, почерпнутые из литературы, затем приводится материал и описание его в системе РР, после чего делаются сопоставительные выводы.

Избранный для изучения участок системы является очень сложным, с ним связано много спорных и нерешенных вопросов. Мы не ставили себе цель решить все эти вопросы, но описание разговорного материала определенным образом повлияло на выбор того или иного из существующих решений, а иногда потребовало уточнения тех или других положений, касающихся системы книжной речи.

Связан ли выбор объекта исследования и как с гипотезой о синкретизме единиц системы РР на фоне системы КЛЯ? В литературе не однажды высказывалась мысль о неупотребительности в разговорной речи причастий и деепричастий, о вытеснении кратких прилагательных полными, делались замечания об отличиях в синтаксической сочетаемости «кратких страдательных причастий» (вместе с формой *быть* формы на *-н*, *-т* образуют в КЛЯ аналитическую форму страдательного залога совершенного вида). Названные формы являются в КЛЯ членами определенных морфологических оппозиций. Следовало проверить, существуют ли эти оппозиции в системе РР или они в ней отсутствуют.

В соответствии с так поставленными вопросами находится дальнейшее изложение. Глава состоит из двух разделов: раздел «Глагол» посвящен вопросу о существовании в РР причастий, деепричастий, залоговых форм на *-н*, *-т*; раздел «Имя прилагательное» посвящен проблеме кратких прилагательных в системе РР.

ных текстах числа фраз, полученных в результате трансформации номинализации (Он бежит красиво / Его бег красив, Бегущий красиво. . .). С точки зрения словоформ оно проявляется в резком различии разных групп текстов по употребительности отглагольных имен и «именных» форм глагола (причастий, деепричастий). Этот контраст отражается также на общей статистике морфологических единиц синтаксической сферы глагола (глаголов, наречий, союзов) и сферы имени существительного (имен существительных, имен прилагательных, предлогов) (Rulon W e l l s. Nominal and Verbal Style. «Style in Language», 1960). Число союзов и союзных слов возрастает пропорционально употреблению придаточных предложений в противовес именным конденсатам с предлогами. Среди словоформ существительных при номинативном типе повышается число форм родительного падежа.

В имеющихся статистических обработках текстов РР мы находим данные о меньшем, чем в других типах речи, количестве существительных (особенно в родительном падеже) и предлогов и отсутствии именных форм глагола. (См.: Э. А. К л о ч к о в а. О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях русского языка. «Вопросы славянского языкознания». Изд-во Саратовского ун-та, 1968; О н а ж е. О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970, стр. 127 и др. Т. А. В и ш н я к о в а. Некоторые статистические характеристики имен существительных и прилагательных (из анализа живой разговорной речи). «Русский язык за рубежом», 1967, № 2; О. Б. С и р о т и н и н а. Разговорная речь и разговорный стиль. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», № 341. М., 1969).

Это объясняет, почему глагольный стиль книжной речи ощущается

О ФОРМАХ ВЫРАЖЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В КНИЖНОЙ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

1. В кодифицированной системе в основе противопоставления личных форм, инфинитива, причастий и деепричастий лежит отношение к предикативности. Противопоставление этих четырех классов создает в глаголе особую категорию, которая в русском языкознании не имеет специального названия [25].

Каковы же эти противопоставления?

Первое бинарное противопоставление создается отношением инфинитива к остальным формам. В аффиксе инфинитива нет указания на то, что «эта форма используется предикативно», но и «нет указания на ее непредикативность» [26]. В противопоставлении к личным формам, причастиям и деепричастиям инфинитив выступает, следовательно, как «отрицательная форма» [27].

Второе противопоставление. Личные формы глагола в отношении к причастным и деепричастным также могут рассматриваться как немаркированный член в отношении к маркированным, так как в последних есть указание на их непредикативность, точнее — на то, что они не могут выступать в основной предикации, но лишь во вторичной предикации. Личные формы глагола могут выступать как в основной, так и во вторичной предикации (в придаточном предложении). Причастия и деепричастия формируют особый тип вторичной предикации — полупредикацию (о противопоставлении понятий основная — вторичная предикация и полупредикация см. ниже, п. 2, 3).

Третье противопоставление. Среди полупредикативных форм существует деление на причастия и деепричастия. Формально более богатой формой является причастие, в котором при помощи «адъективных» согласовательных форм выражена связь с субъектом действия, в отличие от деепричастия, в котором эта связь не выражена. Это различие оправдано с функциональной точки зрения. Во вторичной (зависимой) предикации «причастное образование представляет значение основы либо (1) как сопутствующий процессуальный признак подлежащего (побочное действие, со-

как более близкий к разговорной речи (хотя не идентичный) и напротив резко номинативный стиль (научный) ощущается столь контрастно на фоне разговорной речи.

[25] В английском языке А. И. Смирницкий выделял «категорию репрезентации», выступающую в трех категориальных формах: глагольной, субстантивной и адъективной («Морфология английского языка». М., 1959, стр. 247).

[26] М. В. Панов. Русский язык. «Языки народов СССР». Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966, стр. 85.

[27] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 160.

путствующее действию, выраженному личным глаголом), либо (2) как основной процессуальный признак неподлежащего» [28], отношение к субъекту-подлежащему или субъекту-дополнению получает выражение в причастном согласовании. Деепричастие всегда обозначает сопутствующее действие, которое всегда относится к субъекту основного действия, либо выраженному подлежащим, либо не выраженному в данной синтаксической конструкции, в частности при инфинитиве [29]. По признаку формальной выраженности отношения к субъекту причастия объединяются с личными формами, а деепричастия с инфинитивом.

В морфологии эти отношения находят отражение в следующей форме. Инфинитив противопоставляется всем остальным формам включенностью в минимальную систему противопоставлений (только по виду, залогу и отношению к предикативности) [30]. В полупредикативных формах, если сравнивать их с личными, потеряно противопоставление по наклонению, а также не может быть выражено отношение к лицу.

Причастия и деепричастия, помимо признаков собственно причастности / деепричастности, различаются, как уже говорилось, типом словоизменения: адъективному типу склонения причастий противостоит неизменяемость деепричастий. По-видимому, для современного языка есть основания утверждать, что противопоставление причастий и деепричастий возможно лишь в действительном залоге [31].

Если, как полагают многие исследователи, в системе РР отсутствуют причастия и деепричастия, то в ней имеет место лишь противопоставление: инфинитив — личные формы. И значит эта глагольная парадигма оказывается аналогичной падежной парадигме имени существительного. Соответствующие ряды возглавляют инфинитив и именительный падеж, но, как писал В. Н. Сидоров, «обе эти формы по отношению к другим формам тех же слов являются отрицательными или „прямыми“ формами, которые лишь выражают обозначаемые ими признаки как процесс или предмет, не указывая на их отношение к другим словам речи» [32].

[28] Т. В. Булыгина. Морфологическая структура слова в современном литовском литературном языке (в его письменной форме). — В кн.: «Морфологическая структура слова в индоевропейских языках». М., 1970, стр. 39.

[29] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 217.

[30] Сочетания типа *узнать бы* признаются неморфологическими (см.: «Грамматика», 1970, стр. 356).

[31] Аргументы в пользу существования страдательного залога у деепричастий совершенного вида см. в статье: Л. Л. Буланин. К вопросу о деепричастиях страдательного залога в современном русском языке. «Вопросы грамматики русского языка». Программа и краткое содержание докладов на XIII научно-методической конференции северо-западного объединения кафедр русского языка. Л., 1970.
«Грамматика» (1970) называет формы деепричастий страдательного залога малоупотребительными (стр. 353).

[32] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Указ. соч., стр. 188.

2. Сделаем некоторые пояснения к понятию полупредикация. Чешский лингвист В. Грабе формулирует определение полупредикации следующим образом: «Полупредикативная конструкция представляет собой один из видов транспозиции синтаксического отношения предикации в другую функцию, а именно в детерминативную функцию» [33].

Выделение полупредикации в качестве особой формы вторичной предикации связано прежде всего с тем, что существуют специальные морфологические средства ее выражения. В кодифицированной системе причастия и деепричастия являются специализированными формами, в которые транспонируется глагол-предикат (в том числе, как отмечает В. Грабе, спрягаемая часть составного сказуемого, например: *начинающий* писать, *становясь* взрослым; иногда — связка: *бывший* в течение трех лет врачом, *будучи* врачом) [34].

Формой вторичной предикации может быть и придаточное предложение [35]. Основные различия в выборе причастного или деепричастного оборота или придаточного в КЛЯ связаны, как известно, со следующим:

1) Если субъект вторичной предикации совпадает с субъектом основной предикации, вторичная предикация может быть выражена придаточным предложением, причастным и деепричастным оборотами.

2) Если субъект вторичной предикации совпадает не с субъектом — подлежащим основной предикации, а с объектом — прямым или косвенным, во вторичной предикации возможны только придаточное предложение и причастный оборот.

3) При особом субъекте вторичной предикации, не совпадающем ни с каким членом основной предикации, в зависимой позиции возможно лишь придаточное предложение.

4) При сцеплении двух предикаций с невыраженным субъектом действия (но — не при безличных глаголах) формой вторичной предикации могут быть деепричастный оборот (*Нужно уметь писать, не делая ошибок*) и придаточное предложение.

Таким образом, в правилах порождения сложных синтаксических единиц, включающих более одной (в частности, две)

[33] V. Hrabě. Polovětné vazby a kondenzace druhého sdělení v ruštině a v češtině. Praha, 1964, стр. 54.

[34] В главе «Имя прилагательное» этой работы указывается, что определенный класс прилагательных, выступающих в основном предикате только в краткой форме, в полупредикации заменяется полной формой.

[35] См.: Н. Д. Арутюнова. Вариации на тему предложения. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 43. — В. Грабе в указанной работе замечает: «По сравнению с придаточным предложением полупредикативная конструкция представляет собою более высокую степень транспозиции предикации в детерминацию». . . (стр. 86) и перечисляет признаки более тесного грамматического взаимодействия причастного и деепричастного оборотов с основной частью предложения по сравнению с отношениями между главным и придаточным предложениями.

предикации, решающую роль играет признак: совпадает ли субъект вторичной предикации с каким-либо членом семантической структуры основной предикации и если да, то с каким. В приведенных правилах указано влияние этого фактора на выбор формы вторичной предикации в кодифицированной системе. Заметим, что все четыре сформулированные пункта касаются лишь соотношения двух активных конструкций (отсюда совпадение понятий семантического плана субъект и объект с понятиями синтаксического плана подлежащее и объект); введение пассивных преобразований, естественно потребует дополнительных правил. (Мы сознательно отвлекаемся здесь от дальнейшей детализации правил и указания роли других факторов, ограничивающих их действие.) В какую же форму выливается действие этого фактора в разговорной речи?

3. В разговорной речи существуют иные правила сцепления двух предикативных конструкций в одно высказывание. Не случайно именно к этой проблеме было сразу же привлечено внимание синтаксистов. Сделанные в этой области наблюдения чрезвычайно выразительны [36].

Рассмотрим для примера описанный выше случай 2 (субъект вторичной предикации совпадает с объектом основной). Как сказано, в кодифицированном языке здесь возможны два способа выражения. Например: *Дай палочку, которая лежит около тебя; Дай палочку, лежащую около тебя.* Так как личная форма глагола не имеет форм зависимости от существительного в косвенном падеже, в КЛЯ используется либо особая склоняемая форма (причастие), морфологически отражающая связь вторичного предиката со своим субъектом, либо формальное подлежащее (местоимение *который*), называющее субъект в прямом падеже и формирующее правильную предикативную конструкцию.

Для РР типичен другой способ «выпрямления» субъекта зависимого предиката. Ср. пример, отмеченный О. А. Лаптевой [37], на основе которого мы и создали приведенные выше конструкции книжной речи. В РР этот пример звучал так: — *Дай-ка* вон около тебя п а л о ч к а *лежит*. Параллельно существуют конструкции, в которых валентность глагола — основного предиката насыщается соответствующей формой местоимения: А деду кажется *дадут* квартиру там рядом *строится* еще один н о в ы й д о м вот в н е м. Эти факты О. А. Лаптева ставит в ряд с дру-

[36] См.: О. А. Л а п т е в а. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966; О н а ж е. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2; И. Н. К р у ч и н и н а. Конструкция с местоимением *который* в современном русском языке. — ВЯ, 1968, № 2; Е. Н. Ш и р я е в. Связи свободного соединения между предикативными конструкциями в разговорной речи. «Русская разговорная речь». Изд-во Саратовского ун-та, 1970. См. также раздел этой книги «Связи свободного соединения между предикативными конструкциями».

[37] О. А. Л а п т е в а. О некодифицированных сферах. . ., стр. 50.

гими явлениями, отражающими «экспансию именительного. падежа» в разговорной речи. На наш взгляд, здесь не менее важна экспансия личной формы глагола, предикативная сила которой удерживает именительный подлежащего, что создает возможность целой предикативной конструкции находиться в объектной позиции.

В РР возможна и конструкция типа *Дай* п а л о ч к у / (вон) около тебя *лежит*, а также конструкция с придаточным, начинающимся местоимением *который*. Причастные обороты в РР не отмечены.

Аналогичные типы связи наблюдаются в случаях 1 и 3. В частности, в случае 3 (несовпадение субъекта вторичной предикации с каким-либо членом основной предикации) можно выделить сцепление двух конструкций, имеющих общий прямой объект. В книжной речи, помимо придаточного предложения (например: Дай мне материал, *который я оставил*), вторичная предикация может воплощаться в страдательный причастный оборот — с трансформацией пассивизации (Дай мне материал, *оставленный мной*). В разговорной речи здесь наблюдаются типы сцепления, аналогичные случаю 2. Вариативный ряд, описанный И. Н. Кручининой, имеет вид: I. *Дай-ка* мне м а т е р и ю \/ я тут *оставил* II. 1. *Дай-ка* мне \/ м а т е р и ю я тут *оставил* II. 2. М а т е р и ю я тут *оставил* \/ *дай-ка* мне (ее) [38].

При отсутствии в конструкциях РР причастных и деепричастных форм естественно поставить вопрос, существует ли в РР среди способов транспозиции вторичного предиката такой способ, как полупредикация. Дифференциальными признаками этой синтаксической конструкции в кодифицированной системе считается ослабление глагольности (от реализации в «именных» формах глагола — причастиях и деепричастиях до нулизации глагола при чисто именном члене полупредикации) и лексическое совпадение субъекта зависимой предикации с каким-то членом основной предикации [39]. Ср. конструкцию с полупредикацией: П е т р о в, *опытный разведчик*, *знавший этот район лучше других*, молчал и: П е т р о в, к о т о р ы й *был опытным разведчиком* и *знал этот район лучше других*, молчал.

Для конструкций РР характерна реализация этих признаков с обратным знаком: А. В предикате всегда сильная глагольность (личная форма или инфинитив). Б. При совпадении субъекта вторичной предикации с каким-либо членом основной предикации в РР необязательно (за исключением случаев, где совпадают субъекты обеих предикаций) заполнение синтаксического места в основной предикации. Именно в основной предикации синтаксическое место может оставаться «пустым». Ср., например: *Прочи-*

[38] И. Н. К р у ч и н и н а. Указ. соч., стр. 86.
[39] O. U l i č n ý. O polopredikativních konstrukcích z hlediska dvojzakladové transformace a komplexní kondenzací. — «Slovo a slovesnost», 1969, № 2.

тай в Комсомолке вчера про Ромма с т а т ь я *была*//. Заместителем лексически нереализованного члена в основной предикации может быть местоимение (см. примеры выше). Следует отметить также однотипность конструктивных приемов объединения в одно целое предикаций и в случаях, где есть совпадение субъекта вторичной предикации с каким-либо членом основной предикации, и в случаях, где его нет.

4. Различие тенденций, которые реализуются на этом участке в разговорном и книжном синтаксисе, можно показать при помощи такого сопоставления. В разговорной речи зафиксированы следующие высказывания, относящиеся по своему типу к случаю 1: в них объединены в коммуникативное единство предикации, имеющие общий субъект.

Она *уезжала* на гастроли / *дала* мне ее//; Я надеюсь что у меня Тоська *будет носить* / *подрастет*//; Сажусь // Читаю // Вдруг / *отвлекся* / *слышу* какой-то разговор около моего окна//; Вот она *вешала* белье / *стояла* на его пути / он взял за ручку и говорит уйди/; Тем более мы. . / все-таки за два дня весь Эрмитаж / это. . . ну работа огромная / потому что мы буквально шатались уже когда оттуда выходили // По этой лестнице чуть ли не за перила *держались спускались*//

В разговорной речи то же содержание могло бы быть выражено союзной конструкцией. Например, вместо первой фразы могло быть: *Она когда уезжала на гастроли / дала мне ее*//. В книжной речи этим фразам могут соответствовать также конструкции с деепричастными оборотами [40].

Как структурно соотносятся эти конструкции с соответствующими эквивалентными конструкциями кодифицированной системы? Рассмотрим это на примере последней фразы.

Конструкции пронумеруем:

(1) *за перила держались, когда* (или: *хотя*) *спускались* (КЛЯ, РР)
(2) *за перила держались, спускаясь* (или: *держась, спускались*) (КЛЯ)
(3) *за перила держались спускались* (РР)

Сравним эти три типа конструкций с точки зрения выраженности в них двух признаков:

А. Указано / не указано направление зависимости одной части от другой;

Б. Указано / не указано семантическое отношение одной части к другой.

[40] Хотя для случая 1 нельзя исключить и книжные параллели с причастным оборотом и придаточным, начинающимся местоимением *который*, в последующее сопоставление мы их не вводим, чтобы не усложнять изложение. Принципиальные особенности конструкций РР обнаруживаются и при этом ограниченном сопоставлении. Заметим, что в приведенных иллюстрациях даны в основном примеры с подлежащим, выраженным местоимением (или отсутствующим вообще — в третьем примере). Замена их конструкциями с причастным оборотом или придаточным с *который* невозможна или крайне искусственна.

Получим следующую таблицу:

	А	Б
1	+	+
2	+	—
3	—	—

Действительно, в 1-м случае союз является выразителем семантического отношения (времени, условия, причины, уступительности и т. д.) и показателем зависимого, подчиненного отношения той части конструкции, к которой он принадлежит; при этом граница частей подчеркнута интонацией.

Во 2-м случае деепричастная форма служит показателем зависимости (подчиненности), а семантические отношения между частями не имеют специального выражения, т. е. зависят от контекста и лексики. Возможно синкретичное переплетение нескольких смыслов [41].

В 3-м случае не выражено ни направление связи, ни семантическое отношение. Характер отношений может проясняться благодаря интонации (в соотнесении с определенным порядком частей), лексике, контексту, ситуации [42]. Из морфологических показателей значимым является видо-временное соотношение глагольных форм.

Таким образом, отсутствующая в РР конструкция (2) несет в книжной речи лишь дифференцированную синтаксическую информацию — указывает направление зависимости частей. Наиболее продуктивной в разговорной речи оказывается конструкция, максимально синкретичная (3), но употребительна также конструкция (1), несущая и семантическую, и чисто синтаксическую информацию.

Соединение двух согласованных с одним и тем же субъектом предикатов, в котором нет формального показателя направления связи и семантического отношения — конструкция (3), может давать в РР при определенных условиях своеобразную синтаксическую конструкцию — сложное предикативное целое: двойные глаголы. Эта конструкция уже подвергалась изучению в литературной разговорной и в диалектной речи [43]. Ср.:

[41] Ср.: М. К у б и к. К вопросу о порождении деепричастных конструкций. «Československá rusistika», XIV, 1969, № 3.

[42] Размытым нередко оказывается самое противопоставление атрибутивных/обстоятельственных отношений, одночленных/двучленных построений (по терминологии Н. С. Поспелова). Ср.: И. Н. К р у ч и н и н а. Указ. соч., стр. 86.

[43] А. Н. Г в о з д е в. Согласование глагола с глаголом. «Русский язык в советской школе», 1930, № 2; Н. Ю. Ш в е д о в а. Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955; О н а ж е. Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1960; В. И. С о б и н н и к о в а. Словосочетания с двумя формами глагола, «связанными по способу подчинения». — «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 59, 1957; О. А. Л а п т е в а.

Что-то с папой *сидим разговариваем*//; И я *сижу думаю* / господи/ ну совсем другая музыка!; Я вообще удивляюсь как ты *молчишь сидишь* // Великая выдержка//; И вот по госпиталю *гоняются ищут* меня//; Я тут *обложилась* словарями *сидела* //; Я вчера вообще *лежала* головы *поднять не могла*//; И потом / манера такая / сделала / и ничего *не уберет уходит*/; Ну а потом я вернусь / либо матч *посмотрю вернусь*//; И напротив такой же как я // Тоже дачник // Но он уехал // *Заколотил уехал* // А я ничего заколачивать не стал//; Танька рассказывает / что выгоднее *проехать проспать* ночь / это значит поздно выезжаешь / но утром бываешь в Харькове//; Я буду каждый раз *страдать* туда *ходить*//; Он что-то не идет / а я устала *ждать ходить*//; *Напишите* две фразы *не поленитесь*//; А он *выпил не поморщился*//; Я вчера *сделала глупость вылила* молоко тридцатого / сегодня можно было бы его еще использовать//; Надо посмотреть // А то так *не заметишь проедешь* // (в троллейбусе); А ты плащ *сдавала не отрезала* // (пуговицы, о химчистке); А потом скажи что вот вы *забыли оставили* // (свет в комнате).

В представленных примерах степень слитности (семантической и грамматической) двух форм в составе предиката неодинакова. Наибольшая слитность, как отмечалось, свойственна парам, включающим глаголы движения и состояния. Но эта синтаксическая конструкция синкретически вобрала в себя самые разные типы отношений, в том числе аналогичные тем, которые выражаются при помощи деепричастных конструкций кодифицированной системы. При отсутствии морфологического показателя зависимости членов внутри пары, существует интонационный показатель их спаенности и неравноправности. А именно: отсутствие паузы и интонации перечисления противопоставляет эту конструкцию однородным сказуемым. Показательна также возможность подстановки в некоторых случаях местоимения *так* между глаголами (см. гл. Синтаксис. Функции указательных местоимений, п. 4).

5. Можно подвести итог. В синтаксисе РР существуют отличные от КЛЯ способы включения вторичного предиката, выраженного глаголом. Следует поставить вопрос о наличии «полупредикации» в синтаксисе РР как специфической синтаксической конструкции, имеющей свои морфологические средства выражения, а в более общем плане — о сокращении средств выражения синтаксической перспективы предложения [44].

Сопоставляя с кодифицированной системой, устанавливаем, что в РР отсутствуют маркированные члены оппозиции, строящейся на признаке основная / зависимая предикация. Единство РР

Общие устно-речевые синтаксические явления литературного языка и диалектов. «Русская разговорная речь». Изд-во Саратовского ун-та, 1970.

[44] Ср. также наблюдения, связанные с изучением глубины фразы в РР в сравнении с книжной речью: О. Б. Сиротинина и др. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи. «Русская разговорная речь», Изд-во Саратовского ун-та, 1970.

и книжной речи создают немаркированные с точки зрения этого признака единицы — личные формы.

К объяснению этого факта можно подойти со стороны коммуникативных особенностей разговорной речи. Л. С. Выготским было сделано наблюдение, что в разговорной речи есть стремление к сокращению высказывания до одной ремы, или точнее логического предиката первой степени [45]. Причастные и деепричастные обороты и другие обособленные обороты в книжной речи обычно выступают как логические предикаты второй, третьей и т. д. ступеней. Поэтому они и не используются как конструктивное средство РР. В необходимых случаях иерархия предикатов выражается в РР другими средствами.

Подтверждением того, что в РР отсутствуют единицы, нагруженные указанной синтаксической функцией, может служить также анализ употребления в РР образований, совпадающих по форме с деепричастиями и причастиями КЛЯ.

ОБРАЗОВАНИЯ НА *-А(-Я), -В, -(В)ШИ(СЬ)* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

6. В текстах разговорной речи употребление образований от основ глаголов несовершенного вида на *-а(я)* имеет весьма ограниченные рамки.

Наиболее многочисленны употребления с отрицанием *не*: Я понедельник весь *не вставая* лежала//; А может все же *не стесняясь* две коробки подарить//; Если бы я знала / я бы тут же взяла // *не сомневаясь* ни минуты//; Вот какая / *не измеряя* налила полную чашку//; Дальше иди никуда *не сворачивая* до самого магазина//; Тогда она может на одном месте *не сходя* // (о вращении балерины); Единственный недостаток что нет молнии // чтобы так / *не открывая* можно было достать // (о чемодане); (Нам рассказали, что там нет ванны и особенных удобств) Так что мы ехали *не обольщаясь*//; И все втихомолочку / никому *не говоря* ни слова//; Получилось / что мы *не сговариваясь* пришли в одно время//; Я прожил там шесть месяцев / ничего *не делая*//; Он *не задумываясь* отвечает//; А ты могла бы *не заходя* домой?; *Не зная* в чем дело / она берется судить//.

Продуктивность этих образований в РР определяется тем, что они являются регулярным средством выражения некоторого значения, которое не вполне обеспечено в системе другими средствами выражения.

В книжной речи «образование наречий от глаголов заторможено наличием деепричастий» [46]. Если обратиться к спискам отглагольных

[45] Л. С. Выготский. Мышление и речь. М.—Л., 1938, стр. 294.
[46] М. В. Панов. Русский язык, стр. 75. О непродуктивности типов отглагольного образования наречий см. также: «Грамматика» (1970), стр. 295.

ных наречий в словарях и грамматиках [47], то окажется, что при большинстве из них стоит помета «разг.», а иногда и «прост.». Ср. а) *взатяжку*, *внакидку*, *внакладку*, *вприглядку*, *враскачку*, *врастяжку*, *вразбивку*, *вразвалочку*, *вприкуску*, *вприсядку*, *вприпрыжку*, *вперемешку*, *вперемежку* [48]; б) *взахлеб*, *взасос*, *вразнос*, *вразброс*, *вразлад*; в) *навытяжку*, *нараспев*, *наспех*, *наперерез*; г) *на ходу*, *на бегу*, *на лету*, *на полном скаку*; д) *проездом*, *ползком*, *торчком*, *волоком*, *молчком*, *кувырком* (нейтральные: *бегом*, *шопотом*).

Следовательно, эти образования были заимствованы разговорным стилем книжного языка из живой разговорной речи. Таким образом, родина этих образований — система, в которой отсутствуют деепричастия. Следовательно, продуктивность этих словообразовательных типов в РР системно обусловлена.

Эта группа наречий пополняется за счет фразеологизации предложно-падежных групп, включающих отглагольные образования (*с улыбкой*, *в насмешку*, *без остановки*, *без разговоров*, *без суеты*).

Можно заметить, однако, что большинство наречных образований называет признак в утвердительной форме. Отрицательные антонимы могут быть произведены в основном с помощью предлога / приставки *без-*(*без умолку*, *без всякого уговора*, *без промаху*, *без разбору*, *без спросу*, *без устали*). Но сфера действия этого типа ограничена и не удовлетворяет всей потребности в отрицательных антонимах. Кроме того, многие из них приобретают фразеологизованное значение, утрачивая значение отрицания. Этим можно объяснить продуктивность в разговорной речи образований по модели: *не*+основа глагола несовершенного вида настоящего времени+*а*(*я*). Ср.: *взатяжку* (курит) — *не затягиваясь* [49]; *тайком* — *не таясь*; *наспех*, *спешно* — *не спеша*, *не торопясь* и др.

В синтаксической структуре высказывания рассматриваемые образования занимают чаще всего позицию распространителя глагола, стоят обычно в постпозиции к нему и либо не имеют при себе пояснительных слов, либо имеют распространители со значением усиления: *не сворачивая никуда*, *ничего не делая*, *не говоря ни слова*, *не сомневаясь ни минуты*.

Подобные сочетания тяготеют к фразеологизации, у некоторых из них складываются устойчивые связи с глаголами, к которым они примыкают. Например: *не вдаваясь в подробности; не сходя с этого*

[47] В частности, был просмотрен «Словарь русского языка» в 4-х томах. М., 1957—1961. См. также примеры в «Грамматике» (1970), стр. 300.

[48] От лица, в речи которого можно предположить черты просторечия, записана фраза: Чай *внахмурку* пьет (мрачный, нахмурившись). (Пример отмечен М. В. Пановым).

[49] Пример из статьи: А. Н. Тихонов. Образование наречий в синхронном освещении. «Вопросы языкознания и литературы». Труды Самаркандского госпединститута, вып. 170. Самарканд, 1969.

места, лгать не краснея; идти не оглядываясь, не видя ничего вокруг, ничего не замечая вокруг; говорить не переставая, не повышая голоса; тратить не считая; говорить не думая [50], *не таясь.*

7. Некоторые образования типа «*не*+основа несов. вида+ *а(я)*» от глаголов движения выступают в конструкциях, которые могут быть выведены из утвердительных инфинитивных конструкций и являются их отрицательными трансформами. Общность их заключается в выражении локальной характеристики при снятой идее субъекта действия. Речь идет о следующем соотношении: А школа у нее была тут же / вот только *улицу перейти*; А школа у нее была тут же / *не переходя улицу*. Вот примеры:

I. У этой дороги / *направо пойти* / увидишь такой дом дугообразный / девятиэтажный / такой большой-большой//; Совсем близко было / вот так *через дорогу* токо *перейти* / и пляж был//.

II. Это где-то *не доходя синтетики*?; Это короче говоря *не доезжая Серпухова* третье кольцо-то бетонное//; 1. Не-ет // там близко совершенно // *Не переезжая через Исакиевскую площадь*// 2. Не переезжая? 1. Не//; Знаете на углу / *не переходя площадь* / там будет «Трикотаж» / так вот от него налево//.

Реже встречаются подобные образования в той же функции без отрицания: Пройдя синюю птицу сейчас будут ворота [51].

Рассматриваемое явление объединяет литературную и диалектную разговорную речь в противоположность книжно-письменной речи, где оно полностью отсутствует.

В соотносительности форм на *-а(я)* и инфинитива обнаружилась их морфологическая близость: невыраженность отношения к субъекту. Однако, помимо этого ограниченного ряда фактов, нельзя говорить о возможности связи форм на *-а (я)* и предиката с разными субъектами как регулярном явлении.

8. Употребления образований от основ глаголов несовершенного вида на *-а(я)* без отрицания малочисленны. Здесь действуют некоторые лексические ограничения. Употребительны прежде всего образования от глаголов со значением состояния: *лежа*, *стоя*, *сидя*, *молча*.

Ты не будешь ведь читать *стоя*//; 1. Я хочу *лежа* / с дивана смотреть//; 2. А *лежа* тебе ничего не будет видно//.

И в кодифицированном языке аналогичные формы находятся на периферии системы деепричастий, чему способствует определенное сочетание лексических и грамматических причин. Прочность положения деепричастной формы в глагольной системе зависит от полноты его системных противопоставлений. Глаголы, от которых образованы данные слова, непереходны, что снимает возмож-

[50] Ср.: Ну / так как она занималась хореографией / то она *недолго думая* устроилась преподавателем вот этого балетного кружка в наш дом культуры//.

[51] Этот пример, записанный в городской разговорной речи, указан в кн.: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

ность залоговых корреляций. Они не имеют видовой пары. При этом глагольное значение несовершенного вида подавляется лексической семантикой — выражением состояния.

Пока в виде предположения можно высказать мысль о том, что в текстах РР более регулярно представлены образования на *-а(я)* от тех глаголов несовершенного вида, которые лексически называют результирующее положение, состояние. Помимо *лежать*, *стоять* сюда относятся, например, глаголы *знать*, *уметь*, *иметь*[52]. По нашим наблюдениям, эти лексемы чаще употребляются и без отрицания. Например:

Имея такую дачу / ездить на юг просто смешно//; И *зная* это ты все же поехал?; Нельзя за это дело браться *не умея* ничего слушать//.

Нужно заметить, что в синтаксическом отношении в РР существует следующее ограничение для употребления рассматриваемых образований. Они всегда называют сопутствующее — обстоятельственно характеризующее процесс — состояние, никаких дополнительных грамматических отношений, характерных для полупредикативных структур, здесь не возникает.

Значение сопутствующего состояния свойственно также ряду образований от глаголов движения в следующих разговорных контекстах:

Ну это уже я совсем *убегая* смотрела (о выставке); Кто запрет дверь *уходя?;* А я так / *уходя* / я сначала моюсь теплой водой / холодной / холоднее / и совсем из-под крана//; Как будто я *уезжая* все выстирала//.

Интересно, что в ряде образований от глаголов несовершенного вида явно ощущается перфектное значение. Ср.:

Я без одеяла / *не накрываясь* / так лежала//; (=не накрывшись одеялом); А может быть она может говорить *не видя* // (говорить о фильме, не увидев его); Я там тоже положила // *не развязывая* // (о подарке, =не развязав).

Обозначение формой на *-а(я)* идеи сопутствующего состояния можно видеть в высказываниях:

Мы там ходили *обмирая от восхищения*//; Он говорил буквально *захлебываясь от восторга*//.

Помимо указанных случаев, те же формы встречаются в функции обстоятельства образа действия. Например: Они пошли гуськом *пошатываясь*//; Он что-то там *заикаясь* пытался оправдываться//.

9. Для полноты картины нужно назвать также употребления, наиболее близкие к функции предлога. Это касается слов, формально выводимых из глаголов несов. в., но семантически в большей или меньшей степени с ними разошедшихся:

[52] Ср. лексическую функцию Result в ст.: Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О системе семантического синтеза. Образцы словарных статей. — НТИ, серия 2, вып. 11. М., 1968.

1. Почему? 2. А вот . . . ну *судя* по фильмам // вот Феллини был фильм//; Вы могли прийти туда голая / и вас оденут с ног до головы // *начиная* с обуви / и *кончая* шляпой/; Во-первых мать наша / вот твоя бабушка / она была поклонница конечно всех их / всех // и вот *начиная* от Качалова и / может быть даже *и кончая* Качаловым / я не знаю. . .; И поэтому мы увидели огни / прямо всего побережья // вот *начиная* от Никитского ботанического сада//.

Наиболее синкретичны и трудно определимы функции слова *смотря*, после которого ставится беспредложная или предложная форма имени (в том числе вопросительно-относительного местоимения), выбранная в зависимости от требования синтаксического окружения. Своими сочетаемостными свойствами *смотря* отличается от родственного ему составного предлога *несмотря на*: Ср. *Несмотря на* воспитание / все равно очень хороший ребенок//.

1. Пойдете в театр? 2. *Смотря* на что//; Ну это наверно *смотря* в каком районе//; *Смотря* по погоде конечно / бывает у нас май что и снег еще лежит//; 1. И купаются они там? 2. Но *смотря* вот какое лето у нас//.

10. От глаголов совершенного вида в РР более широко представлены формы с аффиксами *-вши(сь)* и *-а(я)*; для их употребления характерно перфектное значение:

В башне из слоновой кости! А я поняла что видно только так и можно творить / *закрывшись* / *забившись* куда-нибудь и так далее // (в разговоре о бытовых условиях, необходимых для творческого труда); На уроке я сидела только так вот / *выпрямившись* / если меня кто-нибудь сзади окликал / я так поворачивала голову / в общем лопатки / все время следила за своими лопатками / прямо я сижу или нет//; Тоже испортишь зрение / будешь писать *наклонившись*//; Сидит *уткнувшись* в свои бумаги//; Я *обозлившись* выкинула сама//; Только я думаю / как же я *напившись* чаю пойду обедать?; Он ушел *не дождавшись*//; Сидит вся *съежившись*//; Придет *запыхавшись*//; Ну что можно сделать еще полезного? *Выйдя* в город?; Потому что уже *войдя* в магазин / я подумала / что надо бы и Тане купить//; Я не уверена что Оля. . . *попадя* в такую компанию / вела бы себя так же хорошо//.

Форма на *-а(я)* в совершенном виде в РР очень естественна и производится, по-видимому, более регулярно, чем в книжной речи [53], ср. последний пример: *попадя* (а не *попав*). Аффикс *-а(я)*

[53] В книжной речи у ряда глаголов сов. в. существуют формальные варианты на *-в* и *-а(я)*. Интересно, но требует проверки замечание Р. О. Якобсона о том, что формы деепричастий совершенного вида на *-а(я)*, в отличие от форм на *-в*, употребляются только в случае непосредственного временно́го контакта между действием, выраженным деепричастием, и действием глагола-сказуемого. Его примеры:

Прочитав (или *прочтя*) книгу, он задумался.

Прочитав книгу, он впоследствии часто говорил о ней. Очевидно, что значение временного предшествования (2-я фраза) стоит дальше от разговор-

может выступать параллельно с аффиксом *-вшись*, будучи в ряде случаев даже несколько предпочтительнее (ср.: *уставясь* в одну точку, *развалясь*, *облокотясь*, *подбоченясь*, *не простясь*, *не спросясь*). Аффикс *-в* малопродуктивен [54]; случаи, в которых он единственно возможен по формальным причинам, в текстах встречаются редко. Ср.: Я слушала просто *онемев* от удивления//.

Фразеологические обороты, опирающиеся на образования от глаголов совершенного вида, еще более многочисленны, чем обороты, опирающиеся на образования от глаголов несовершенного вида. Например: *смотреть разинув рот*, *вытараща глаза*, *затаив дух* и *затая дыхание*; *бегать высунув язык*, *сломя голову*; *согласиться скрепя сердце*, *сидеть сложа руки*; *работать спустя рукава*, *не покладая рук*; *сказать положа руку на сердце*; *сидеть согнувшись в три погибели*; фразеологизмы иного типа: *глядя на ночь*, *короче говоря*, *честно говоря*, *говоря по совести*, *немного* (*чуть*) *погодя* и др.

Примеры: Так ты мне внук *попросту говоря*//; Ну я *затаив дух* стала его укачивать//; Я не люблю бегать *высунув язык*//; Я учился тогда *спустя рукава*//.

11. Специального внимания заслуживают факты употребления в РР деепричастий на *-(в)ши*. О них мы имеем указание В. И. Чернышева: «Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой. Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык» [55]. Ср. также: «Формы на *-вши*, по-видимому, используются в современном языке в стилистических целях: они придают речи оттенок непринужденности или просторечия» [56].

Очевидно, следует различать предикативное и непредикативное употребление форм на *-(в)ши*. Современные стилистики [57] выносят

ного употребления, в то время как идея временного контакта обязательно присутствует и при выражении сопутствующего состояния (R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard University, 1957).

[54] Некоторые формы на *-в* могут появляться в разговорных текстах под влиянием книжной речи, однако обычно именно с перфектным значением. Ср.: «Фраза *Я пришел к Вам пообедав* может быть употреблена как отрицательный ответ на приглашение *Пообедайте с нами! — Спасибо, я не могу, я пришел к вам пообедав* (то есть я пришел к вам сытый, в таком состоянии, что не могут больше есть)». (Л. Я. Браве. К вопросу о значении деепричастий совершенного вида. — РЯШ, 1940, № 6). — Об этих фактах Л. Я. Браве замечает, что «идея результата настолько преобладает над идеей самого процесса совершения действия, что категория действия перерождается в категорию состояния».

[55] В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 2. Пг., 1915, стр. 334.

[56] А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, т. II. Братислава, 1960, стр. 531.

[57] Например: А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; Д. Э. Розенталь. Практическая стилистика русского языка. М., 1968. Ср. у А. М. Пешковского: «Некоторые из них, впрочем,

употребления типа: «Ну он был не совсем пьяный, но *выпивши*» за пределы литературной нормы, хотя отмечают большую распространенность самой лексемы *выпивши*. Ср. употребление этой формы в функции детерминанта в речи, содержащей элементы просторечия: В институт я не поехала сегодня // Валерка звóнит / *выпивши* звóнит // довольны там // чего-то они сдали там / в общем//.

В норме современной литературной разговорной речи (и это подтверждают наши материалы) нет предикативного употребления форм на *-вши*. Не в предикате единичные формы на *-вши* отмечены в речи людей старшего поколения:

1. Они сказали что уже послали машину // 2. *Не позвонивши*? 1. Да ну / я посмотрела вот эту вашу книжечку / там это ведь нужно ведь долго. . . это самое . . . и тщательно все это написать//. 2. *Подумавши* // 1. *Подумавши* да//; Ну они что / тоже школу *кончивши* пришли?; *Не евши* я не могу никуда идти//.

В речь более молодых людей подобные формы включаются иногда с экспрессивными целями. Можно услышать: Что ж это / *заманивши* бросили? Образцом для аналогических образований служат, в частности, пословичные формы: *Давши* слово держись; *Снявши* голову по волосам не плачут и т. п.

Кроме того, формы на *-ши* могут выступать в перфектном значении у тех глаголов, от которых иным формальным способом это значение выразить нельзя. Например: Я одну и ту же тему два раза писал / в детстве / один раз / а *подросши* второй раз//.

Возрастные различия в употреблении форм на *-(в)ши*, возможно, отражают смену нормы разговорной речи.

12. Суммируя наблюдения над собранным материалом, можно сказать, что все зафиксированные употребления имеют или перфектное значение (и обычно являются детерминантами в высказывании), или являются качественными определителями действия (выступают в функции обстоятельства образа действия — распространителя глагола). В высказывании они располагаются почти исключительно в постпозиции по отношению к глаголу-предикату.

Между изучаемыми формами и предикатом в высказывании РР не возникает временных отношений, и прежде всего отношений временной последовательности; отношения одновременности также не носят грамматического характера (ср. «одновременность» наречия и глагола: *бежит вприпрыжку*). Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии в системе разговорной речи деепричастия как глагольной формы, специализированной на синтаксической функции выделения зависимой предикации.

Морфологически рассматриваемые образования можно интерпретировать как наречия деепричастного вида [заметим, что способность к управлению (ср. *уткнувшись в бумаги*) свойственна

обычны в разговорном языке интеллигентов (*был выпивши, был не выспавшись*)» (Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 260).

и некоторым отглагольным наречиям: *наперерез кому-чему-н.*; *вдогонку кому-н.*[58].

Однако класс перфектных образований выделяется из всей группы особой аффиксацией, семантикой «состояния», некоторыми особенностями синтаксической сочетаемости.

13. Следует указать два глубоких отличия разговорных «деепричастий» от соответствующих форм кодифицированной системы. Первое различие состоит в грамматической регулярности деепричастий и избирательной регулярности образований в РР, связанной и с лексической семантикой основ. Второе различие заключается в том, что деепричастные формы книжной речи функционируют как представители глагола в определенных синтаксических условиях (а именно, в полупредикации). В соответствующих формах РР реализуется лишь семантическое задание.

Из всего набора книжных форм в РР встречаются лишь те, которые могут лексикализоваться, т. е. выступать не в полупредикации и в КЛЯ, в то время как формы, возможные лишь в полупредикации, в РР отсутствуют. Так, полностью отсутствуют формы с сильно выраженной (например, аффиксами, характеризующими способ протекания действия) процессуальностью.

В РР употребительны: формы с отрицанием *не*, которое нейтрализует видовые различия и тем самым «окачествляет» называемый признак; формы типа *лежа*, *сидя*, *стоя* от глаголов с минимальной системой грамматических противопоставлений и лексической семантикой состояния; перфектные формы от глаголов, в лексической семантике которых содержится идея перехода из одного физического положения или психического состояния в другое[59].

14. Наряду с сопоставлением разговорной и книжной речи внутри литературного языка, можно сделать предварительное сравнение данных литературной разговорной бытовой речи и диалектной речи. Употребление причастных форм (включая неизменяемые формы, аналогичные деепричастиям) обобщено и систематизировано И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко («Синтаксис причастных форм в русских говорах». М., 1971). Опираясь на выводы их работы, содержащей также некоторые наблюдения над городской бытовой речью, можно отметить следующее.

1) В формальном плане сходство диалектных и разговорной систем касается прежде всего продуктивности форм на *-а* (*я*) (в том числе от ряда основ совершенного вида). В диалектной

[58] См. «Грамматика» (1970). Управление наречий, стр. 510.

[59] Ср. описание условий адвербиализации деепричастий: Г. В. Валимова. Деепричастные конструкции в современном русском языке. «Уч. зап. Ростовского-на-Дону госпединститута», 1940; В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; Л. А. Дерибас. Деепричастные конструкции в роли обстоятельства. — РЯШ, 1953, № 4; Ив. Васева. Деепричастие совершенного вида с перфектным значением. — РЯШ, 1961, № 6.

речи отсутствует, а в литературной разговорной малопродуктивен суффикс *-в* (в РР он чаще появляется под влиянием книжной речи).

К отличиям следует отнести широкую продуктивность в обширном массиве диалектов аффикса *-(в)ши* (в том числе в соответствии с литературным *-(в)шись*), который в современной литературной речи порождает образования, стоящие на периферии системы. Они редки, свойственны не всем возрастным группам, несут в себе привкус просторечности. Аффикс *-учи*, также продуктивный в некоторых диалектах, в РР ограничен лишь несколькими лексемами: *играючи*, *крадучись*, а также индивидуальными образованиями.

2) В семантическом отношении общим для РР и диалектов является выдвижение на первый план перфектного значения соответствующих образований, с чем связаны многие принципиальные совпадения в лексико-семантическом выборе основ, на базе которых они возникают (прежде всего — от мутативных глаголов [60] и глаголов, называющих некоторое состояние). Вторую представительную группу в РР и диалектах составляют образования с отрицанием.

3) В синтаксисе «деепричастные» формы употребляются в диалектах более широко, так как им свойственна и предикативная функция, отсутствующая у них в РР. Чрезвычайно показательна закономерность, установленная Е. В. Немченко. В непредикативной функции употребляются либо образования, лексически ограниченные по составу, либо формы, тождественные предикативным формам [61]. Это доказывает отсутствие у рассматриваемых форм функции различения предикации и полупредикации, свойственной деепричастиям книжной речи. Эта черта сближает диалектную и разговорную речь.

Укажем также, что в диалектах наблюдаются случаи, когда «деепричастная форма» и предикат относятся к разным субъектам. В наших материалах РР это явление отсутствует. Однако полностью аналогичны диалектным — употребления некоторых образований от глаголов движения локативного характера.

Конечно, изученность соответствующих фактов РР по сравнению с диалектами еще очень мала. Поэтому и сопоставления

[60] О невозможности установить чисто грамматические условия образования «деепричастных форм» в диалектах и необходимости обращения к лексико-семантическим условиям см.: В. И. Трубинский. Предикативное деепричастие в говорах русского северо-запада (Автореф. канд. дисс.). Л., 1961. — Автор приходит к выводу, что основная масса диалектных «деепричастий» образована от основ мутативных глаголов.

[61] «Массовые материалы диалектологических атласов также свидетельствуют о том, что основное количество примеров с полупредикативными и непредикативными формами приходится на территорию их регулярного предикативного употребления». (И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 226).

еще ограничены. Более содержательным это сопоставление сможет быть только тогда, когда будет сделано описание региональных разновидностей литературной разговорной речи.

ОБРАЗОВАНИЯ НА *-АЩ-ИЙ/ УЩ-ИЙ* И *-(В)ШИ-ИЙ* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

15. В РР образования с суффиксами *-ущ-*, *-ащ-* не представлены регулярно от всех основ глаголов несовершенного вида. В семантическом отношении они выводимы из глаголов (хотя можно установить различные степени их обособления от семантики глагола), но называют постоянный (иногда качественный) признак. В высказывании эти образования не имеют при себе зависимых слов и грамматической связи с предикатом; чаще всего они входят в атрибутивное словосочетание, но в отличие от причастных форм КЛЯ могут выступать и в предикате (деление на атрибут и предикат, правда, не всегда легко провести).

В предикате:

Путевка что / *горящая?* да?; Саш // ну она *приходящая* / да? (о домработнице); А все вроде бы так-от приятели // все хорошие / все *непьющие*//; Нет мне ужасно жалко / потому что действительно красивая женщина была такая / просто *цветущая*/;

В атрибуте:

Можно и в общество ходить / но в обществе там люди *знающие* / а тут можно подцепить и у *незнающих* людей // (из разговора филателистов о марках); 1. А это уже последние / конец / да? 2. Поедут в Мексику // 1. Вот это *решающие*? 2. Да / да // (о футбольных играх); У меня может когда я ни о чем не думаю / как раз *думающий* вид / а когда думаю / наоборот *отсутствующий*//; Там большая такая лужа *непросыхающая*//; У нее такое *прилегающее* платье//; Вы *живущую* хотите? (о няне); Это такое *восходящее* светило // (о человеке); 1. А я спокойна говорит // 2. *Дрожащим* голосом / да?; Вот подумайте / есть некоторые воспоминания / которые остаются на всю жизнь // можно сказать совершенно ничего *не значащие* // в сущности//; Вообще я немножко боюсь даже иметь только профессию актрисы / да-а // потому что / ну это такое *проходящее* дело / мало ли что такое случилось с голосом. . .; А не особенно *блестящее* стекло потому что это старинное стекло//.

Слова с оценочной семантикой: Думаю надо позвонить // *Убивающие новости*!; Действительно просто *захватывающее* чтение //; И какая у него исполнительская воля была / просто *потрясающая*//; Кажется / условия более-менее *подходящие*//; После «Дон-Жуана» / это конечно *нестоящее* совсем//; И все это в *ужасающих* условиях//.

Лексически этот ряд примеров может быть многократно увеличен. По этой модели создаются и окказиональные образования, например: Резинка это самая *исчезающая* вещь// (часто теряется).

С грамматической точки зрения все эти образования могут быть интерпретированы только как прилагательные. Не противоречат этой характеристике, с нашей точки зрения, и более редкие образования, включающие аффикс *-ся*. Признак, называемый ими, всегда вневременной, постоянный. Они не входят в противопоставление с другими формами по времени или залогу. Они никогда не имеют страдательного значения. В РР также отсутствуют полностью образования, соотносимые с теми значениями возвратных глаголов, которые более тесно связаны с субъектно-объектными отношениями (а именно: с значениями собственно-возвратным и взаимным) [62]:

Они не очень *мнущиеся* / не скажете?; У него такие *вьющиеся* волосы//; Сломалось-то не здесь / сломалась-то *ввинчивающаяся* часть // (об авторучке); И такие *вертящиеся* столы / да?; Там были прекрасные *складывающиеся* // (о санках); Он был человек очень *увлекающийся*//; Обычно в это время все такие / *невыспавшиеся* / измотанные//; Совершенно *опустившийся* тип //; У него уже свои *сложившиеся* вкусы и привычки//.

16. Образования с аффиксами *-ш-(-вш-)*, тождественные по форме действительным причастиям прошедшего времени кодифицированной системы, выделяются в РР одной важной особенностью. Они соотносятся лишь с глаголами совершенного вида, называющими переход в какое-то состояние. Образования этого типа имеют значение качественного состояния. Зафиксированы они и в атрибуте, и в предикате, и в так называемом предикативном атрибуте:

Он весь *осевший*? (о меде в баночках); Я была *уставшая*//; Саша приехал / так что Татьяна щас вся *ожившая*//; Вчера она была *остывшая* уже // к вечеру // (о печке); А Иван Петрович действительно *похудевший* / потому что я его таки́м видела / значит он вошел в норму // молодец //; Видишь какие мы *одичавшие*//; Я честно говоря уже совершенно *дошедшая* // (об усталости); Там он заболел этим . . . ужасным / был *опухший* совершенно / с двумя палками ходил/; Да / совершенно *обросший* бородой почему-то//; И потом он очень такой вообще / не знаю как сказать / *застаревший* что ли // (о болезни); Они уже *проросшие* (о луковицах); Они *завядшие* совсем // (о цветах);

Она все время зареванная // красное лицо / *непросохшее*//; Да / какое-то *обрюзгшее* лицо//; Мне кажется что это какой-то *отживший* уже способ//; 1. Ну наверно терминология. . . ушла дальше // 2. *Устаревшая*// 3. Ну / частично *устаревшая*//; Смотрю стоят какие-то *засохшие* цветы//; Там оказался какой-то *прокисший* сок//;

Он пришел *охрипший*//; Я пришла *взмокшая*//; Она пришла совершенно *замерзшая*//; 1. Ну помните например последний

[62] Наличие этих значений в глаголе также описано исследователями адъективации причастий в книжной речи как препятствие для адъективации.

акт / да? 2. А-а// 1. Последний акт / там вот показывают / лебеди все стоят *приунывшие*//; Потом это идет в обжиг / обжиг печь такая / где восемьсот градусов жары / и вот она оттуда выходит уже *заплывшая* такая / красивая//.

Соответствующие образования от основ глаголов иной семантики (не «мутативных» глаголов), которые называют конкретное действие и сохраняют в контексте временные характеристики его протекания (например: *ходивший*, *прочитавший*, *рисовавший* и т. п.), в текстах РР не отмечены. Таким образом, в РР отсутствуют формы, которые могли бы создать временную пару с формами на *-ащ-ий/ -ущ-ий*.

Из неперфектных форм частотно в разговорной речи прилагательное *бывший* в контекстах типа: Это здание *бывшей* гимназии //.

К фразеологизованным по значению формам можно отнести также прилагательное *наболевший* в примерах типа: Тут всякие выясняются *наболевшие* вопросы//.

Показательны также случаи типа: Вид у нее *отдохнувший* //, которые не могут быть соотносимы с предикативной конструкцией с тем же подлежащим и сказуемым, выраженным глаголом, от основы которого произведено образование с аффиксом *-вш(ий)*. Такое соответствие необходимо для действительных причастий прошедшего времени в системе книжной речи.

ОБРАЗОВАНИЯ НА *-М-ЫЙ, -НН-ЫЙ, -Т-ЫЙ* В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

17. В кодифицированном языке противопоставлению действительного и страдательного залога в предикативных формах [63] соответствует аналогичное противопоставление в причастных формах полупредикации, которое, однако, не совпадает полностью с делением на действительные и страдательные причастия.

В полупредикации личным формам глаголов несовершенного вида на *-ся* со страдательным значением соответствуют два типа — отчасти конкурирующих — причастных форм. Первый тип создается присоединением аффикса *-ся* к соответствующей форме действительного причастия. Второй тип представлен формами с особыми аффиксами: в настоящем времени *-ем(им)-*, в прошедшем *-нн-*. Как известно, форма на *-нн-* от глаголов несовершенного вида почти неупотребительна, а форма на *-ем(им)-* ограничена в своей реализации: со многими глагольными основами этот суффикс не сочетается [64]. Таким образом, для значительного

[63] О проблеме страдательного залога предикативных форм см. ниже, в разделе «Образования на *-н*, *-т*» (п. 22—38).

[64] Ср.: Е. С. Истрина. Грамматические заметки. Причастия страдательные настоящего времени. «Уч. зап. кафедры русского яз. ЛГПИ им. Герцена», т. XX. Л., 1939; см. также А. В. Исаченко Указ. соч.

круга основ конкуренции двух форм не возникает, они дополнительно распределены.

Страдательное значение полупредикативных форм глаголов совершенного вида реализуется только в форме страдательных причастий прошедшего времени на *-нн-ый*, *-т-ый*.

В РР, как показывает материал, образования, совпадающие по форме с полными страдательными причастиями КЛЯ, не могут рассматриваться как полупредикативные формы страдательного залога. Рассмотрим функционирование соответствующих образований в РР.

18. Образования от основ глаголов несовершенного вида.

-ем/им-: Пришла в *неописуемый* восторг//; Ситуация *невыносимая*//; Ну / он просто стал *неузнаваемый*//.

Образования с приставкой *не-* от непереходных глаголов и глаголов совершенного вида, как несоотносимые с причастиями и в книжной речи, мы здесь не приводим [65]. (Речь идет о случаях типа: 1. А мы у всех выиграли? 2. У всех // *непобедимые* // (с иронией); Во всяком случае наш же режиссер мне же советовал поступить / в какую-нибудь более настоящую такую / *ощутимую* студию / понимаете?.

-н(нн). В основной массе это образования от глаголов, называющих такое действие над предметами, которое оставляет в них какую-то качественную перемену, создает то или другое новое качество. В назывании определенной качественной характеристики и заключается основное содержание этих слов:

Я угощу тебя лещом *жареным*//; (о ягодах) Николай Николаевич // это не *вареная* / это сырая / как витамин//; Дом / *рубленый* / но деревенского типа//; Это была капуста *рубленая* / и песок//; Из нутрии неощипанной // Когда она *щипаная* / то совсем другой мех//; Жалко что она *царапаная* // (о сумке с царапинами); Он только уже *мороженый* теперь//; Они *чиненые* / но они в порядке//; Ну *ношеные* / но все в порядке//; А куда дели *ломаный* стул?; Это дачный или *купленый*?; Запрещен значит обмен марками / и не токо чистыми / но и *гашеными* значит/; Такой *граненый* каблук//; И вот из этих волокон сделаны эти *плетеные* такие ковры/; 1. Рыжая она? 2. Рыжая яркая // 1. Так она *крашеная* наверно?

Десятки терминологизованных наименований предметов обихода включают подобные образования (*копченая* колбаса, *топленое* масло, *граненый* стакан, *квашеная* капуста, *жатый* ситец, *кипяченая* вода, *мореный* дуб, *моченые* и *печеные* яблоки, *стеганое* одеяло, *сушеные* грибы, *пареная* репа и т. п.).

Очевидно, именно внутри системы разговорной речи на базе этих слов возникла конструкция усилительного удвоения *штопаный-перештопаный*, *читаный-перечитаный*, *латаный-перелатаный*, которая как отражение разговорной речи попадает в тексты художественной литературы:

[65] См.: В. Ф. Иванова. Прилагательные и причастия с суффиксом *-м-*.— РЯШ, 1956, № 1.

Что ж ты мне эту *жареную-пережареную* даешь? (дают другую котлету) Ну это еще *жареней*//.

Некоторые слова имеют индивидуальные отклонения от семантики глагола, их значение фразеологизовано, иногда они включены в устойчивые сочетания: Где ваша *хваленая* капуста?; Скатерть какая-то *жеваная*//; Он стал такой *дерганый* последнее время//; Она такая *деланная* / такая манерная //; И здесь какие-то *считанные* люди // (присутствует мало народу); Муж придет *вареный* весь// (из-за жары).

-т-: Она у тебя *мятая* // (о блузке); 1. Какая лучше? 2. Эта *мятее*//; Месяц я ничего не убираю / даже пол *немытый*//; У тебя *гнутая* монета//; Ну это явно *шитое* пальто//; А *тертую* морковку с молоком вы не пробовали?

Значение этих образований тождественно значению образований от глаголов совершенного вида.

19. Образования от основ глаголов совершенного вида:

В предикате:

Он даже *обтесанный* такой / видишь как обтесался // (хвостик расчески/; Вторая была такая *изможденная истощенная* //; Девочки на пальцах танцевали / ну они действительно там хорошо / они *выученные* были /; Но она говорят гладко *причесанная* / неулыбчивая?; Ну конечно // они такие *неприспособленные*//; Организм *ослабленный* / и поэтому все липнет// (о болезнях); И такая она *скрюченная* / и очень-очень старая//; Дома *оштукатуренные* были//; Прямо такая вся. . . *закрученная* // (окказионализм от разговорного «*закрутиться*» от множества дел).

В так называемом предикативном определении:

Марья Куприянна пришла / такая *рассерженная* / так дальше ехать некуда//; Ну я конечно приехала *расстроенная*/; Потом она сняла это / вышла *оголенная*//; Так вот я сразу . . . *прославленный* туда прибыл // (после выступления по радио); Сначала выходит *застегнутая* / какая-то / очень красиво все / замечательно по силуэту / потом неожиданно откроет / и все ахнут// (о показе мод); Она лежит / вся конечно совершенно *измученная*/; Щас чихает / сморкается / кашляет / потому что у них очень умные / эти самые пянечки / во время праздников / оставили всю школу / все форточки *открытые* // на два дня /; 1. Входит такая толстая / какая-то такая . . . 2. Она толстая? 1. Немолодая / да / 3. Толстая / да // 1. Просто *одетая* /; Я сижу *простуженная*/.

В атрибуте:

Она кажется из очень *обеспеченной* семьи?; Всех положил внизу в комнатах *натопленных* во времянке а сам наверху с товарищем вдвоем ; Вошел какой-то старик такой смешной-смешной // в каких-то *потертых* галифе ; *Спутанные* нитки / Как они могут развалиться?; С *распущенными* волосами / так немецкого типа // (о героине фильма); Мне хочется *удлиненные*/ не совсем круглые // (об очках); Ты что думаешь я буду с *растянутыми* коленками ходить? (о рейтузах); Галь / это у тебя такая

переплетенная? (о диссертации); 1. И там всегда змейки сидели / эти// 2. Какие змеи? 1. *Свернутые* // змеи маленькие//; У меня там ниша / и там ре-ейки всякие / фане-ера / и бумага (пауза) большая // (пауза) рулон (пауза) *свернутый*//; Его пьют в *подогретом* виде//; Все равно конечно он у вас *избалованный* ребенок//; Ну я же знаю ваши дома // это с *улучшенной* планировкой//; Он шел при *открытом* занавесе // (о спектакле).

Среди этих употреблений можно выделить собственно перфектные значения и значения, обогащенные качественными оттенками.

20. Итак, относительно всех образований, совпадающих по форме с причастиями кодифицированного языка, можно сделать следующее общее заключение.

В РР не встречаются формы, которые в кодифицированном языке употребляются только в функции полупредикации (т. е. не способные к адъективации). Иными словами, здесь не встречаются формы с сильно выраженной процессуальностью, входящие в наибольшее число грамматических противопоставлений в системе глагола [66].

В РР отсутствуют оразования с аффиксами, характеризующими протекание действия (*-ыва*, *-ну*, некоторые префиксы). В синтаксическом окружении изучаемых форм не встречаются характеристики процессуальности (объектные, атрибутивные и обстоятельственные, например, временные). Почти полностью отсутствуют формы, совпадающие со страдательными причастиями настоящего времени, а также с действительными причастиями прошедшего времени на *-вш(ий)* от глаголов с семантикой конкретного действия (*бегавший*, *прочитавший*).

Отмеченные в РР образования с аффиксом *-ся* не связаны со «страдательным значением» и не соотносимы с глаголами, имеющими собственно возвратное и взаимное значение. Они совпадают лексически с такими книжными причастиями, которые в определенных контекстах в КЛЯ могут нейтрализовать свою глагольность [67].

Образования «причастного вида» отличает в РР в парадигматическом плане — отсутствие регулярной системы грамматиче-

[66] См. об этом, в частности: Л. П. К а л а к у ц к а я. Грамматические условия адъективации причастий в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1967. — Там же литература вопроса; О н а ж е. Адъективация причастий в русском литературном языке. М., 1971.

[67] По мнению В. В. Лопатина, адъективация причастий в КЛЯ несловообразовательное явление: «В любом случае это лишь реализация возможных значений в рамках категории глагольности, возникающая в определенных синтаксических условиях — при устранении контекстуальных примет, указывающих на конкретный характер протекания действия: на его временную ограниченность и на отношение к другому субъекту или объекту (залоговая отнесенность)» (В. В. Л о п а т и н. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию. — ВЯ, 1966, № 5). Как кажется, здесь можно говорить об условиях нейтрализации противопоставления глагол — имя прилагательное при совпадении их в слабом члене — имени прилагательном.

ских противопоставлений (образования с разными аффиксами лексически разграничены), в синтагматическом — отсутствие грамматической соотнесенности с глаголом-предикатом.

Все это заставляет считать изучаемые образования в системе РР прилагательными.

Из синтагматических связей этих слов нужно отметить существующую в РР возможность местоименного удвоения. Адъективное слово *такой* (при его безударности и постпозиции) является в разговорной речи формальным выразителем идеи качественного состояния). Оно не сочетается с чисто относительными прилагательными — нельзя сказать: «автомобильный такой завод». Естественно, что местоименное удвоение невозможно при причастии. Употребление слова *такой* при изучаемых образованиях является знаком их адъективности: *дрожащим таким голосом*; *отдохнувший такой вид*; *удлиненные такие очки*. Правда, при собственно перфектных значениях местоименного удвоения обычно не бывает.

Адъективный характер рассматриваемых образований обнаруживается и в возможности присоединения к ним оценочно-количественных наречий:

Он вышел с *совершенно перекошенным* лицом //; Ну у нас шкаф *очень обжитый* / *набитый* //; Нет мне так кажется очень плохие / выдуманные / *ужасно выдуманные* / *вымученные* / (о рассказах); Да / а обычно же. . . вот зарубежные балерины / особенно такие *не очень ведущие* / так они делают / ну самое большое там шестнадцать // (о технике балерины); Двенадцатые / они почему-то самые знаменитые и *самые заигранные* // (о сонатах).

Показательны также формы сравнительной степени (*жареней*, *мятей* в приведенных выше примерах — п. 18).

В семантическом отношении имеются существенные ограничения регулярности этих образований. Наиболее регулярные ряды дают основы, включающие в свою семантику значение перехода из одного состояния в другое: с аффиксом *-(в)ш-* (от собственно мутативных глаголов) и с аффиксом *-нн-*, *-т* (также от глаголов со значением «каузировать переход какого-то объекта из одного состояния в другое»). Эти образования в адъективной форме выражают значения перфектного типа, т. е. значения качественного состояния предмета.

При других аффиксах выбор лексических основ крайне разнообразен. Основа может называть процессуальный признак, который мыслится как существенный, постоянный признак данного предмета (типа *бегающие глазки*). Многочисленны примеры индивидуальных (нерегулярных) отношений общей семантики слова к значению глагольной основы.

Можно отметить и то, что изучаемые образования часто входят в отношения «контекстной синонимии и антонимии» с другими прилагательными. Эти отношения могут закрепляться в языке. Ср.: «антонимы»: Оно не парное / оно *оттаянное* // (о мясе); 1. Это

готовый? 2. *Сшитый* на заказ // (о костюме); (марки) чистые — *гашеные*; (колено) прямое — *согнутое*; (территория) свободная — *занятая* (*оккупированная*); (овощи) свои — *купленные*; (программа) однородная — *смешанная*; (приемы) оригинальные — *штампованные*; (зал) пустой — (*битком*) *набитый*; настоящий, подлинный — *сделанный*; «синонимы»: (сюжет) искусственный — *надуманный*; (бутылка вина) целая — *неначатая*; (конкурс) свободный — *открытый*; (работа) секретная — *закрытая*; (сюжет) пошлый — *избитый*.

С формальной стороны показательны колебания в выборе разносуффиксных однокоренных прилагательных у одного говорящего:

1. Мальчик вот который на вокзале тогда был такой э . . . э . . . 2. Носатенький? 1. Розовенький он был // я нос его не заметила / а цвет лица // (смеется). 2. *Впечатлительный* цвет лица // (смеется). 1. Тоже его нет у вас? Да? 2. *Впечатляющий* //.

А они надерут глотку в консерватории / значит / потом идут в студию / уже так сказать . . . *хрипатые* / уже *охрипшие* /;

Анекдоты про москвичей скажем / рассказывают всегда с применением московской речи / размеренной такой / акающей и прочее // в общем не нашей *тараторенной* так сказать / петербургской тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та // У нас ведь говорят здесь как из пулемета // сравнительно с москвичами //. Ср. в речи того же лица: Вот немножко *тараторящая* речь / с определенной интонацией //

Эти колебания показывают, что оба слова для говорящего синонимичны; суффиксы *-ащ-*/ *-ущ-*, *-(е)нн-* и *-ш-* не нагружены никакой иной функцией, кроме словообразовательной.

21. Сравнивая употребление соответствующих образований в литературной разговорной речи и в диалектной [68], обнаруживаем значительные черты сходства:

а) В РР и говорах наиболее регулярны образования на *-ный*, *-тый* и *-(в)ший* (хотя формальные и грамматические условия их регулярности различны). В литературной разговорной речи, кроме того, встречаются образования с другими «причастными» аффиксами, а также с частицей *-ся*, не представленной в аналогичных случаях в говорах.

б) Образования с аффиксами, общими для РР и диалектов, выделяются значением перфектного типа: в адъективную форму воплощены характеристики состояния предметов. В этой — самой регулярной группе имеет место несомненное совпадение принципов семантического отбора основ: преобладают образования от основ мутативных (в том числе каузативно-мутативных) глаголов.

в) В синтаксическом употреблении как в РР, так и в говорах, основными являются функции атрибута и предикативного атри-

[68] И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 284—305.

бута. В предикате эти формы возможны и в РР, и в диалектах. Но в характере употребления и лексическом отборе очевидны серьезные расхождения. Функция морфологического средства полупредикации не свойственна этим формам ни в РР, ни в диалектах.

ОБРАЗОВАНИЯ НА *-Н, -Т*

22. Образования от основ инфинитива глаголов совершенного вида на *-н*, *-т* (типа *написан*, *вымыт*) представлены в текстах разговорной и книжной речи, но, как можно предполагать, с разной функциональной нагрузкой. Морфологическая интерпретация этих функциональных отличий непосредственно касается проблемы залога в системе разговорной речи.

Поскольку в этой работе невозможно сколько-нибудь глубоко входить в теорию (и историю изучения) русского залога, изложим кратко некоторые положения, принятые здесь за исходные.

В системе книжной речи в глаголе формально противопоставлены два класса: возвратные глаголы, имеющие аффикс *-ся* (только непереходные — маркированная форма) и невозвратные (без *-ся*) (форма, не маркированная с точки зрения переходности—непереходности) [69].

При сопоставлении семантических отношений возвратных и соответствующих невозвратных глаголов выделяются пары, тождественные по смыслу, но служащие различению двух синтаксических конструкций, а именно активной и пассивной конструкций, связанных в языке регулярным правилом преобразования (трансформацией пассивизации). В правило преобразования входят замена формы без *-ся* (действительного залога несов. в.) формой с *-ся* (страдательного залога несов. в.). Форма страдательного залога выступает в пассивной конструкции, т. е. тогда и только тогда, когда подлежащим предложения выражен реальный объект действия, а реальный субъект действия выражен дополнением в творительном падеже [70]. Именно этот факт отражен в известном определении страдательного залога, по которому в форме страдательного залога глагола «действие представлено как направленное

[69] Ср.: Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в. О залогах русского глагола. «Известия АН», 1899, т. IV, кн. IV.

[70] В недавней совместной работе А. А. Холодовича и И. А. Мельчука высказана мысль, что именно отношение между семантической и синтаксической структурами предложения явно и эксплицитно должно быть положено в основу определения залога.

Предложено следующее общее определение залога: «Залог есть регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня [подлежащее, дополнение] и единицами семантического уровня [субъект, объект действия]». (А. А. Х о л о д о в и ч. Залог. Определение. Исчисление. «Категория залога. Материалы конференции». Л., 1970, стр. 13; см. также: И. А. М е л ь ч у к, А. А. Х о л о д о в и ч. К грамматической теории залога. Определение. Исчисление. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 4).

Исходя из этого определения, можно получить максимальный набор возможных залоговых отношений, реализующийся в конкретных языках лишь частично. Варианты соответствия создаются также в зависимости от признака наличия/отсутствия в синтаксической схеме подлежащего или дополнения.

на субъект»[71] (хотя неясность терминологического употребления слова «субъект» неоднократно вызывала справедливую критику). О форме действительного залога говорят, что она не указывает такой направленности, т. е. является немаркированным членом привативной оппозиции. Под немаркированностью формы действительного залога — предиката активной конструкции понимается, по-видимому, следующее. В отличие от пассивной конструкции в активных конструкциях не закреплено однозначное соответствие подлежащего какой-то одной единице семантического плана. Подлежащее в них может называть как реальный субъект действия, так и различные семантические актанты. Следовательно, и в форме глагола-предиката нет соответствующего однозначного указания.

Итак, описание различия «означаемых» этих двух форм — с *-ся* и без *-ся* может быть сделано лишь в синтаксических терминах. Регулярность их отношений позволяет считать их грамматическими формами одного слова.

В противоположность таким формам существует значительное число глагольных пар, члены которых не равны друг другу по смыслу и обычно рассматриваются как разные лексемы, т. е. в системе словообразования[72]. Основанием этому служит множественность типов семантических отношений и ограниченность лексической реализации каждого из этих типов.

Отношения первого типа (синтаксические) связывают формы с аффиксом *-ся* и без *-ся* только у глагола несовершенного вида. В глаголах совершенного вида со страдательным значением выступают аналитические формы, состоящие из спрягаемой части *быть* + форма на *-н*, *-т* соответствующего глагола.

Формы на *-н*, *-т* в книжной речи также не специализированы только на чисто синтаксической функции. Кроме значения процессуального пассива, им свойственно значение так называемого статального пассива (или перфекта), который называет состояние как результат какого-то действия[73].

[71] Это решение, предложенное Б. Гавранком, в работах последних лет является наиболее распространенным. Ср.: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, т. II. Братислава, 1960, стр. 355; «Грамматика» (1970), стр. 351 Но ср.: «Категория залога — это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к подлежащему» (А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, стр. 150).

[72] В литературе существуют два основных типа классификации возвратных глаголов: 1) Все отношения возвратных и невозвратных глаголов относят к словообразованию. См., например: В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; ср.: Н. А. Янко-Триницкая. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. 2) Образования с аффиксом *-ся*, имеющие страдательное значение, рассматриваются в качестве форм, соотносимых с соответствующими действительными формами без *-ся*. Залоговый аффикс *-ся* считается омонимичным словообразовательному аффиксу *-ся*, а также признается омонимия соответствующих форм и слов. Такой подход проводится, например, в работах: И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971; Э. И. Королев. Исследование семантики русских возвратных глаголов и обработка некоторых субъектно-объектных конструкций при автоматическом переводе. Автореф. канд. дисс. М., 1969 (там же литература вопроса).

[73] См.: А. В. Исаченко. Указ. соч.; А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Указ. соч.; Леннарт Лёнгрен. Употребление краткой формы страдательного причастия прошедшего времени в современном русском языке. — Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia, 8. Uppsala, 1970.

Противопоставление перфектных и страдательных конструкций выражается в различии сочетаемостных свойств предиката с процессуальным значением и предиката со значением состояния. В валентность пассивного предиката входят семантические места субъекта (в тв. п.) и объекта действия (в им. п.), атрибутивные и обстоятельственные характеристики процесса действия (например, временна́я длительность действия). Все эти характеристики реально присутствуют или потенциально могут присутствовать в страдательном обороте, но, например, творительный субъекта может быть эллиптирован, если субъект указан в близком окружении фразы [74].

Перфектная конструкция, ядром которой является предикат состояния, может содержать лишь имя носителя признака или состояния, атрибутивные характеристики этого состояния, а также временну́ю и «местную» локализацию его [75]. Что касается конструкций разговорной речи, включающих предикативные формы на *-н*, *-т*, материал подводит к выводу, что в них представлено лишь перфектное значение, так как актанты процессуальности в них отсутствуют.

23. Как это уже отмечалось и как подтверждает наш материал, в РР ни формы на *-ся*, ни формы на *-н*, *-т* не отмечены в сочетании с творительным субъекта [76]. Управляемый творительный лишен в РР этого значения.

Введение конструкций с творительным субъекта в обиходную речь всегда ощущается как нарочитая книжность. Можно утверждать, что такие конструкции противоречат нормам разговорной речи и должны рассматриваться как заимствования из КЛЯ.

Некоторым единичным примерам, отмеченным, например, в наших записях, может быть дано, однако, особое объяснение. Ср. два примера:

Во-первых, это очень здорово сделано в смысле оркестровки / и всего / и вообще-то ну *написано большим мастером* /.

В этом примере, по-видимому, творительный имеет значение качественной характеристики. Ср.: *написано талантливо / большим мастером*.

Второй пример: Эта пьеса *написана Алексеем Толстым* //.

[74] Об обязательности синтаксического места творительного субъекта см.: Л. Б. Шапиро. О залогах в современном русском языке. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», Кафедра русского яз., 1941, т. V, вып. 1; аналогичное решение вопроса в работе: А. А. Холодович и И. А. Мельчук. Указ. соч.

[75] Ср. признаки, указанные для соответствующих диалектных конструкций: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч., стр. 183—191.

[76] См.: Т. А. Вишнякова. Некоторые статистические характеристики имен существительных и прилагательных (из анализа живой речи). «Русский язык за рубежом», 1967, № 2; М. А. Кормилицина. Специфика глагольных словосочетаний в русской разговорной речи. «Русская разговорная речь». Изд-во Саратовского ун-та, 1970, стр. 161.

В этой фразе в РР акцентировано отношение принадлежности; по смыслу она ближе не к фразе *Алексей Толстой написал пьесу*, а к фразе *Это пьеса Алексея Толстого*. Связь идеи перфекта с идеей принадлежности должна быть дополнительно исследована.

В РР широко представлены распространители в форме *у* + род. п., в которых идея субъекта может выделяться лишь на основе логического анализа внутри синкретичного значения посессивности [77].

Вот ряд примеров:

У меня уже *заказаны* были билеты //; Это место не хочу срезать / *у меня* тут будет *заложено* складкой //; *У нее* экзамены-то *сданы* уже?; А адрес *у меня записан* //; У них интересно *задумано* / но как-то/ что-то вот да/ не склеилось у них //; *Освоено у них* это дело здорово//; 1. Жарко// 2. Это *у тебя* потому что свитер *не снят*//; 1. Кастрюльку не дадите? 2. А она *у меня занята*//; Заключение *у нас* безобразно *написано*//; *У Алеши* уроки *сделаны*//; *У нее* месяца два как *сдана* блузка//; С изделиями-то я не боюсь / юбка *у меня связана* / а она идет по второму курсу//; *У меня* часы *поставлены* вперед//; 1. Красивая она была / нет? 2. Так не видно / у нее молодое лицо // и все говорили / у *нее* лаком *покрыто* //; 1. *У него* был *организован* для собак. . . такой дом / 2. Хундотель / да?; Это дневной абонемент для взрослых / но Светка *у меня* уже в общем *подготовлена* // Может слушать серьезную музыку//.

Предикат, выраженный формой на *-н*, *-т* с перфектным значением, могут распространять наречия места (отвечающие на вопрос «где?») и формы местного падежа [78]. Особенно показательно наличие форм местного падежа в тех случаях, когда глагол не допускает такого распространения.

Там придвинут барьер и пройти нельзя//; И оценки *там поставлены* все / и за теорию и за практику / все//; *На лапках* были браслетки *вставлены*//; И вдали / *вдали там* где-то деревья так вот *понатыканы*//; 1. А как вы узнаете что он хочет меняться? (значками). 2. Ну / если *на ком* много *наколото*. . .; Ну шурпа это . . . ерунда // *там* все *намешано*//; Я не знала что такое маркировка / просто синим или красным / краской *на стволах заля-*

[77] Об идее посессивности в соответствующих употреблениях в народных говорах Ю. С. Маслов писал, что она должна пониматься «может быть, как определенная заинтересованность лица в действии или в его результатах, как нахождение действия в сфере субъекта (оттенок, напоминающий семантику среднего залога в греческом), наконец, как момент эмоционального отношения к сообщаемому, подобный тому, который выражается так называемым dativus ethicus (Ю. С. Маслов. К вопросу о происхождении посессивного перфекта. «Уч. зап. ЛГУ», 1949, № 97, Серия филол. наукп, вып. 14, стр. 96).

[78] О распространении перфектных конструкций сочетанием «*у* + род. п.» и формами местного падежа в русских говорах см.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч. — Там же дан пример из литературной разговорной речи: Шляпа *надета на голове* (стр. 185).

пано//; Ботанический кружок работает // вот *везде насовано* / и песок и все что хотите//; Она сказала что балерины значит танцуют в туфлях которые. . . в носках. . . в этом. . . *в носке положена* пробка//; *Там* по-моему вся тухлая вода *слита*//; А что у нее *на ногах надето*?; Она уже давно *доказана в физике*//; Мое полотенце *уложено в пакете*//; 1. Они где? 2. *Где-то убраны*//.

Некоторые распространители с временным значением также указывают лишь момент или протяженность пребывания в определенном состоянии, но не время действия:

Сейчас получен только третий номер // (журнала); Вот у нас уже. . . дом *всего только девять лет как выстроен* / уже нам предлагают кому что надо менять // раковины там / ванны//.

Можно заметить, что в отличие от пассивной конструкции КЛЯ, где распространение предиката осуществляется как реализация подчинительных связей (связей управления) глагола, неатрибутивные распространители перфектной конструкции относятся обычно ко всей предикации, являются детерминантами предложения.

К предикативным формам на *-н*, *-т* могут относиться также оценочные слова и атрибутивные определители, характеризующие результативное состояние, в том числе и те, которые способны характеризовать лишь состояние, но не действие:

Слушай // Андрей *здорово* по работе *загружен*?; 1. Так что́ Вы говорите о Наташе? 2. Что она *очень загружена*//; Я очень ей благодарна // потому что когда пришла революция / я была *очень подготовлена* к этому // Я была *очень подготовлена*//; Уж *очень* у нее глаза *подведены*//; А вот любопытно / правая рука *развита лучше* / а нога?; Довольно *неряшливо* все было *обставлено*//; Но *так снято* там было *прекрасно*//; 1. А сейчас я видела ее. . . видела эту пьесу в театре Ермоловой // 2. Да-да // Но говорят хорошо // 1. Хорошо // *очень хорошо* // и *поставлено* / и великолепные декорации//; Потому что вот она режиссерски / *очень сильно сделана* / эта кульминационная сцена в гимназии//; Причем очень редкий фильм / и он *интересно сделан*//; Такая марка была / Джиоконда / *здорово сделана*//; Оно неплохое // *Приятно расшито* // (о платье).

Нужно заметить, однако, что сочетаемость оценочных слов с глаголом в разговорной речи шире, чем в книжной (ср.: Уж *очень* она глаза *подвела (подводит)* и т. п.).

Существенны не только эти положительные характеристики, но и отсутствие отрицательных фактов, т. е. таких единиц в окружении форм на *-н*, *-т*, которые связаны с процессуальным значением.

Отметим немногие случаи, когда формам на *-н*, *-т* нельзя однозначно приписать значение состояния или когда в их окружении есть указание на значение процессуальности:

Конечно это *связано* там гораздо *быстрее*, чем мы вяжем например // (наречие *быстрее* характеризует процесс); Ведь все было *посажено моими руками* //; Все что я умею / это все *приобретено просто практикой*//.

Факты подобного рода должны быть собраны и изучены. Судя по некоторым примерам, можно предположить, что процессуальное значение легче обнаруживается в безличных структурах. Заметим, что в первом примере слово *это* является частицей — знаком ремы, содержащей в этой фразе сообщение о быстроте вязания. Ср. аналогичный пример: *Это знаешь как было сказано.* Следовательно, перед нами безличные структуры. Отметим также, что во втором и третьем примере позицию подлежащего занимает местоимение *всё*. Подстановка вместо него именительного падежа существительного делает эти фразы книжными. Ср.: Навыки приобретены (просто) практикой; Цветы были посажены моими руками.

Предположение о том, что формы на *-но*, *-то* в безличных конструкциях РР могут выражать и процессуальное значение, поддерживается, как кажется, и некоторыми фактами диалектной речи.

24. Выше были указаны лишь употребления форм, образованных от глаголов совершенного вида. Но в предикате могут выступать и некоторые образования от глаголов несовершенного вида. Значение их, однако, также укладывается в рамки перфектности. Ср.:

И вообще два месяца пол *не метен*//; Потом мы с Романом поехали / смотрим / *не крашено* // *Не крашено* / а деньги я уже уплатила//.

Итак, формы на *-н*, *-т* в разговорной речи имеют значение состояния, сложившегося к данному моменту в результате предшествующего действия. Это инвариантное значение выводится из тех частных значений, в которых оно конкретизируется в разных лексемах и контекстах.

25. Укажем основные, самые общие значения форм на *-н*, *-т*.

1) Экзистенциальное значение с его модификациями, из которых отметим следующие: а) создан и существует, б) приобретен и имеется, в) помещен куда-то и находится там (то же с отрицанием и антонимией). Эти частные значения не всегда разделены и могут выступать во взаимодействии.

а) А вот у Нины / у них по-моему даже *организован* факультет информации / готовит специально информаторов//; Ну и они больше все-таки танцевали / и русские там народные танцы / переплясы всякие / ритмический помню был *поставлен* танец//; У нас такой был порядок *заведен*//; А материал / он и так сырой проект // он настолько сырой / что так вообще... просто *подана* мысль / и все //; Везде все *сделано* / куда убрать лишнее//; Казалось что в Японии весь военный дух сейчас действительно вот *уничтожен*//;

б) А адрес у меня *записан*//; У вас двухкомнатная *взята*? (о кооперативной квартире); На то она и *дана* / чтоб ее тратить//; А ведь у меня уже *куплено* пальто//;

в) Еще мы там жили / леса были *поставлены* / а еще и сейчас все делают// (о ремонте); Вот у них в зале был *поставлен* рояль/; Потом там сараев *понастроено*//; Она *напечатана* в Комсомольской правде... э... в последних числах декабря//; Там *пришита* такая планка//; Там *собраны* вообще фотографии всех тюркологов / и он в том числе//.

В большинстве этих примеров предикат с формой на *-н*, *-т* может быть заменен экзистенциальным предикатом *быть*, в том числе в форме *есть*, что создает полностью синонимичные фразы. Ср. вариативность в речи:

Расческа там е с т ь? *Положена*?; Б ы л и усы / и *была* бородка *сделана* / и брови / все как следует//.

Если во фразе с экзистенциальным (типа а)) значением форм на *-н*, *-т* в предикативной группе присутствуют дополнительные определители к подлежащему, коммуникативный акцент обычно падает именно на них, т. е. на качественную характеристику предмета. Например: *Чушь написана страшная!* В этом случае форма на *-н*, *-т* занимает в высказывании место, второстепенное в коммуникативном отношении, тем более что семантически она нередко предсказывается окружением. Ср. ниже в примерах: бумага (=документ), чтобы существовать, и иметь какое-то свойство, должна быть составлена; платье — сшито, салат — приготовлен [79] и т. п.

Вследствие сказанного, форме на *-н*, *-т* в ряде случаев выпадает роль, близкая к чисто связочной, поэтому без потери смысла она может быть опущена. Ср.:

Бумага у них хорошая *составлена*// (ср.: бумага у них хорошая); Но дело не в том / что оно голубое / а в том что оно значит *сшито* / совершенно голое//; 1. И она / его как / сырым? 2. Да / да-да / 1. Жует? 2. Как настоящий салат // с солью *приготовлен*//; Во-первых это очень здорово *сделано* в смысле оркестровки//; Вот у Тани хорошая очень еще карточка была // Она с куклой *снята*//;

Те же причины вызывают характерные типы синтаксического расчленения высказывания и такой порядок слов, при котором формы на *-н*, *-т* помещаются в конец высказывания:

1. Памятник там в Орле новый очень красивый// 2. Ну // 1. *Сделан*//; 1. Нет / они в консервах// 2. В консервах // *приготовлены*//; И вот она с телефоном / вся опера // Понимаешь / она так и *поставлена* и *задумана*//; 1. Хлеб был из опилок // Это был не хлеб// 2. Что? 1. Хлеб был / из опилок *сделан*// (о питании людей во время блокады Ленинграда); У тебя был меньше // *отрезан*// (о кусочке сыра).

2) Значение качественного состояния, положения:

У меня почему-то рука *порезана*//; Это же не лето / все склоны *размыты*//; А не можешь одеть эту / не *отглажена* она?; Тогда бы осталась мечеть *недостроена*//; Вообще дом ужасно *запущен*//; Не приди / цветы будут *неполиты*// ; Так щас жизнь *устроена* / что молодежь щас не очень ходит в театр /; Они посмотрели / у меня штамп стоит / *прописан* в Ленинграде /; Мы тоже там были

[79] Ср. лексический параметр Caus («каузировать», создать, заставить возникнуть): А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О семантическом синтезе. «Проблемы кибернетики», вып. 19. М., 1967, стр. 203—204.

прикреплены// (о поликлинике); А что / он *напичкан* такими знаниями / которых мне как раз не хватает//.

Непроцессуальное (качественное) значение этих форм обнаруживается и в том, чот они могут вступать в связи однородного сочинения с именными выразителями признака и состояния: И раковины все *черные* и *обиты*//; Пальтишко / с *ремнем* / *да расклешено*//; Меня только карман интересует / боковой (стороной) он *вшит* / а здесь *на свободе*//.

Среди наиболее регулярных можно назвать группу употреблений со значением состояния готовности, в том числе готовности к функционированию [80] (иногда в сочетании с отрицанием): Постель еще *не постлана*// (ср. не готова); У Алешки уроки еще *не сделаны*//; Он в четверг должен быть *напечатан*// (о тексте); Юбка у меня *связана*//; Все уже так сказать *налажено*// (о делах); У вас телефон уже *включен*?; Одну конечно у меня монетку проглотил телефон / *испорчен*/. . .

В отдельную группу могут быть выделены также образования, называющие различные физические и психические состояния человека. Составляя единую группу с точки зрения функционирования и значения, эти образования различаются типами соотношения с глаголами. Среди них есть, во-первых, формы на *-н*, *-т*, семантически соотносимые только с возвратными — мутативными — глаголами (ср.: *влюблен*, *пресыщен*, *помешан*, *замотан*); во-вторых, формы, равно соотносительные с возвратными мутативными и соответствующими невозвратными каузативными глаголами (ср.: *заинтересован*, *обижен*, *огорчен*, *поражен*, *простужен*, *разъярен*, *рассержен*, *расстроен*, *увлечен* и т. п. Сюда, возможно и *потрясен* — ср. разговорное: *Я потряслась*//); в-третьих, формы, соотносительные только с невозвратными каузативными глаголами (ср.: *огорошен*, *озадачен*, *ошарашен*). Для перфектного значения эти различия незначимы, так как перфект лишь фиксирует новое состояние, и следовательно, перфектная форма может быть образована от любых глаголов, обозначающих возникновение определенного состояния или переход из одного состояния в другое, независимо от характера каузации этого перехода.

В ряде случаев значение форм на *-н*, *-т* опирается на переносное — причем «статального» характера — лексическое значение глагола, иногда и самая связь с глаголом оказывается опосредованной. Ср.:

Ну потом он так / немножко *задвинут* на задворки // Спас наш // (о церкви); Наш дом-то сюда *обращен* /; Ну не то что вот так вот *обрезана* / а здесь нос? (о лодке); Во всяком случае конечно он артист там хоть и *скован* репетициями/. . .

[80] В частности, они производятся от глаголов, выражающих лексический параметр Prepar («приготовить», привести в полную готовность к употреблению) в системе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука (Указ. соч., стр. 216).

3) В безличном употреблении частотны образования от глаголов, включающих модальное значение ('можно', 'должно'): *разрешено*, *запрещено*, *положено*, *принято*, *решено*, *намечено*, *велено*, *приказано*, *поручено*.

А у вас *принято* спрашивать билеты перед театром?; Так вот в капроне нельзя же было ходить / ведь *запрещено* же было//; И оказывается ему было *поручено* написать эту заметку к тридцатому//; *Велено* купить колбасы полкило//.

В названных основных семантических группах форм на *-н*, *-т* содержится лишь конкретизация общей идеи состояния, мыслимого в определенных временны́х границах. Бо́льшая лексическая дифференциация глагольных основ позволит выделить более частные группы значений [81], но очевидно, что в разговорной речи все они вмещаются в рамки статального значения, в то время как процессуальные значения отсутствуют.

26. Сочетаемость форм на *-н*, *-т* с различными грамматическими формами глагола *быть* можно показать на следующих примерах:

И смотрит / что такое / снаряд попал / ну значит не снаряд а часть снаряда / попал / стекла *разбиты* / и на потолке штукатурка *отбита* / и / шляпа его лежала на кровати / и шляпа *пробита* / в общем был бы он дома он *был бы убит*//; После войны так сложилось / что моя квартира *была разбита* / и я у них жил//; В воскресенье все магазины *будут закрыты*//; И все время *пусть открыто будет*//; Ну вот дом этот наш / до войны должен был *быть снесен* / но всю войну простоял/.

Предикаты этих конструкций являются составными, глагол *быть* играет роль синтаксической связки [82].

27. У возвратных глаголов в РР, по нашим материалам, также отсутствует «страдательное значение». Исследование употребления глаголов на *-ся* в РР представляет собой отдельную задачу. Можно заметить только, что для разговорной речи характерны возвратные глаголы с одноместной валентностью: субъектной — типа *ругается*, *хвастается*, *обещается* или объектной — примеры ниже. Этот второй ряд глаголов в соответствующих контекстах осложнен семантическими прибавками типа «можно», «нужно» или входит в сочетание с определителями *легко*, *трудно* (в том числе с отрицанием). Ср.:

Карандаш кажется *не перезаряжается*//; 1. Есть которые вынимают. . . там внутри/ 2. Вот он и *вынимается* (об автокарандаше); Это все-таки ближе к такой чистой эстраде / на сцене Большого зала / ты понимаешь / это *не слушается* / и *не смотрит*-

[81] Например, от глаголов сообщения образуются перфектные формы со значением: «сообщено и известно». Ср.: Без размера/он *не указан*//; Бетховен/ потом Рахманинов Хачатурян Бриттен / и шестой концерт *не объявлен*//; Фамилия-то его украинская / но там *не написано* что перевод с украинского//.

[82] Ср.: А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Указ. соч.

ся // совершенно//; Это потом *склеивается*//; Она так и *одевается* как летняя шляпка / такая и *шьется*//; Чтобы на стыке не было бы шва / вот так вот они / полосы / полоса на полосу *накладывается*/; Говорят что только через слюну *передается* // (об инфекции); Это *выливается* все в таз (т. е. следует вылить); И вот на этом значит *ставится* штука / и она *подогревается*//; *Не воспринимается* совершенно эта картина//.

Заслуживают внимания уже отмеченные в литературе факты переходности возвратных глаголов: *он боится свою мать*; *слушайся учительницу*.

28. Таким образом, наш материал показывает отсутствие «страдательного значения» у форм на *-н*, *-т* в РР. Объединяя это наблюдение с данными об употреблении возвратных глаголов, мы должны сделать вывод об отсутствии в РР форм выражения страдательного залога. В книжной речи соответствующие формы являются специализированными формами глагола, обладающими чисто синтаксической нагрузкой. В разговорной речи формы на *-н*, *-т* оказались связаны с номинативным означаемым: обозначением состояния, в котором пребывает предмет после совершения предшествующего действия. Обычно предмет бывает пассивным объектом предшествующего действия. Однако этот признак является не актуальным и может отсутствовать (ср.: *влюблен*, *помешан* и т. п.). Выделяются лишь случаи безличного употребления форм на *-но*, *-то*, которые требуют специальной интерпретации.

29. Наличие в исследуемых формах перфектного значения, отражающегося на характере их функционирования [83] — черта, сближающая литературную разговорную речь и диалекты. Специфика безличных конструкций в диалектах также заслуживает дополнительного изучения [84].

* * *

30. Итак, на основе анализа материалов РР [85] можно сделать вывод об отсутствии в системе глагола противопоставления форм

[83] Ср.: И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Указ. соч.

[84] См. однако: В. А. Матвеенко. Некоторые особенности структуры страдательно-безличного оборота. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, вып. II, М., 1961.

[85] Статистические данные относительно употребительности причастий и деепричастий в РР см.: Т. А. Вишнякова. Некоторые количественные характеристики разговорной речи. Автореф. канд. дисс. М., 1967; Э. А. Клочкова. О распределении классов слов в некоторых функциональных стилях русского языка. «Вопросы славянского языкознания». Изд-во Саратовского ун-та, 1968; О на же. О распределении классов слов в живой разговорной речи. «Вопросы стилистики», вып. 3. Изд-во Саратовского ун-та, 1969; О на же. О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов. «Русская разговорная речь». Изд-во Саратовского ун-та, 1970.

И. А. Кормилицина отмечает: «Причастия и деепричастия в качестве ядра словосочетаний в разговорной речи не встретились» («Глагольные

предикации и полупредикации, форм действительного и страдательного залога.

В РР отсутствуют формы, несущие в себе положительное указание признака данной оппозиции, т. е. маркированные формы (формы страдательного залога, причастия и деепричастия). Тем самым из системы РР уходят и признаки, на которых строятся эти оппозиции. Существенно подчеркнуть, что распределение соответствующих форм в кодифицированной системе связано с различием синтаксических конструкций. Следовательно, можно констатировать, что в системе глагола РР существует меньший, чем в кодифицированном языке, морфологический код с синтаксическим типом «означаемого».

В разговорной речи рассматриваемые образования организованы вокруг семантической идеи перфектности. Состояние как результат предшествующего действия обозначают предикативные формы на *-н*, *-т*. На их фоне как выводимые из них должны быть описаны адъективные образования на *-нный*, *-тый* (*разбит — разбитый*). Образования на *-(в)ший* также естественно выводятся из предикативных глагольных форм прошедшего времени, имеющих перфектное значение (*засох — засохший*). Отметим, что в говорах наблюдаются более регулярные отношения: предикативное деепричастие *засохши* (ср. *разбит*) — атрибутивная форма *засохший* (ср. *разбитый*). Адъективные формы используются для выражения состояния как атрибутивного признака, однако они могут выражать также сопутствующее состояние и в этой функции пересекаются с адвербиальными образованиями деепричастного вида. Ср.: *сидит непричесанная*, *уставшая*, *съежившись*, *уткнувшись в книгу* (случаи параллельного употребления адъективных и адвербиальных образований от одних и тех же основ, равно как и случаи их дополнительного лексического распределения, заслуживают специального внимания).

Образования с перфектным значением порождаются преимущественно от основ мутативных и каузативно-мутативных глаголов. Следовательно, их производство опирается не на класс слов, описываемый в грамматических терминах, но на класс слов с определенной лексической семантикой.

Другие образования причастного и деепричастного вида, представленные в РР, могут быть разбиты на множество групп, в которых семантическое отношение к мотивирующему глаголу будет иметь менее регулярный характер, вплоть до индивидуальных, свойственных одному слову. (К более регулярным относятся группы с аффиксом *не*, с семантическими включениями модальных и некоторых других смыслов, сочетающихся с идеей постоянного признака). Отсутствие грамматической регулярности является доводом в пользу того, чтобы названные образования рассмат-

словосочетания на основе управления в русской разговорной речи». — «Язык и общество», вып. 2. Изд-во Саратовского ун-та, 1970, стр. 92).

ривать в качестве самостоятельных по отношению к глаголу лексических единиц. С точки зрения морфологических признаков разговорные образования причастного и деепричастного вида ничем не отличаются от имен прилагательных и наречий и, следовательно, они могут рассматриваться внутри этих частей речи. Однако, специфическая аффиксация, общее значение состояния, отличия в области синтаксической сочетаемости выделяют образования с перфектным значением в особый класс.

Вопрос о морфологической интерпретации в РР образований на *-н*, *-т* требует дополнительного изучения. Одно из возможных решений — рассматривать отглагольный перфект вместе с некоторыми классами кратких прилагательных в качестве особой части речи «категории состояния».

31. В плане выражения и в плане содержания, в синтаксическом функционировании изучаемой группы форм обнаруживаются существенные черты сходства между диалектной и литературной разговорной речью. Однако эти сопоставления имели предварительный характер и делались с бóльшим вниманием к чертам сходства, чем к чертам различия.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

КАТЕГОРИЯ ПОЛНОТЫ/КРАТКОСТИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СИСТЕМЕ КНИЖНОЙ РЕЧИ

1. Относительно категории полноты / краткости имен прилагательных в книжной речи было выдвинуто несколько разных точек зрения. Краткий обзор основных из них дается в начале раздела. Это необходимо было сделать не только для того, чтобы определить, с каким представлением о кодифицированной системе будет вестись сравнение РР. Разные выводы нередко отражают разные подходы, внимание к разным сторонам одного явления. Учитывать сложность, многоаспектность явления оказалось необходимым при выяснении сущности различий разговорной и книжной речи.

Согласно традиционному взгляду, краткие формы обозначают признак временный, реализация которого связана с определенным промежутком времени, в то время как полные формы обозначают признак постоянный, вневременной [86]. Уточнением этого определения является следующая формулировка: «Отношение это неравночленно, привативно: краткая форма показывает временну́ю

[86] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Киев, 1949; А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

ограниченность признака, полная не показывает ее. Если контекст не подсказывает временного ограничения, признак, обозначенный полной формой прилагательного, осознается как вообще свойственный субъекту: *он был больной; я помню, раньше он был больной и немощный*» [87]. (Во фразе же *он болен* выражен признак временный).

Это мнение соответствует определенной лингвистической реальности, так как подобные противопоставления существуют в книжно-литературном языке. Но такое противопоставление не обладает всеобщностью, т. е. не распространяется на все употребления кратких форм. Как уже давно отмечалось, «есть признаки, которые по отношению к данному предмету не могут быть временными» [88]. Но главное, существуют многочисленные употребления кратких форм в значении вневременного и постоянного признака. Во многих контекстах, как например: *Мы разговариваем редко — он неразговорчив* [89], нельзя определить, является ли признак постоянным или временным, является ли неразговорчивость постоянной, врожденной чертой этого человека или он неразговорчив в данное время, по какой-то причине, в определенных обстоятельствах.

Крайним выразителем второй точки зрения является польский лингвист А. Богуславский. Он пишет, что качество может мыслиться по-разному. Возможно бинарное противопоставление предметов: с данным признаком и без него (деревянный / железный; толстый / тонкий). Полная форма приближается к смыслу «не противоположного качества, т. е. не ниже (выше) определенного предела» [90]. Краткие формы используются для того, чтобы подчеркнуть «множество степеней признака», шкалу градационных отношений. Эта характеристика также является справедливой лишь для определенной группы качественных прилагательных, сочетающихся со словами качественной меры и степени (типа *довольно умен, слишком глуп*). Но она не подходит, например, для слов типа *болен* (в указанных выше употреблениях), а также типа *благодарен, способен* (*на* + *вин. п.*).

Эти две точки зрения объединяют поиски семантической основы противопоставления краткой и полной форм. Но недостатком их, на наш взгляд, является распространение смысловых отношений в определенных семантических классах на весь класс качественных имен прилагательных.

[87] М. В. Панов. Русский язык. «Языки народов СССР», Т. I. Индоевропейские языки. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 95.
[88] В. Стоюнин. Русский синтаксис. СПб., 1871, стр. 14.
[89] Этот и другие аналогичные примеры приведены в работе: Н. Ю. Шведова. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке. (Уч. зап. МГУ, вып. 150. Русский язык. Изд-во МГУ, 1952, стр. 89, 90 и др.).
[90] А. Богуславский. О кратких и полных формах прилагательного в сказуемом. — РЯШ, 1964, № 1.

Синтез этих точек зрения можно видеть у Я. Шнайдера, который связывает краткую форму с признаком, имеющим ограничения в мере качества или во времени и сфере проявления (последнее касается ограничений, указанных в окружении прилагательного, в формах приадъективного управления) [91]. По-видимому, и такое толкование не покрывает всех фактов.

Проверка существовавших точек зрения на широком материале привела Н. Ю. Шведову к выводу, что в краткой форме признак мыслится «как известная категория качества», под которую подводятся или которой характеризуются те или другие конкретные предметы или явления, в отличие от полной формы, в которой «признак мыслится как заложенный в самом предмете, в акте предицирования не приписываемый ему, а отвлекаемый от него» [92]. Эта формулировка уже означала отказ от конкретно-семантического толкования грамматической категории полноты / краткости в книжно-письменной речи.

Применяя трансформационный метод, проанализировал различие двух типов предиката А. В. Исаченко [93]. Употребление краткой формы в предикате признается первичным, а полной формы — вторичным (производным), основанным на транспозиции атрибутивного словосочетания в предикативную функцию. После усечения существительного, тождественного подлежащему, происходит по грамматической причине субстантивация соответствующего прилагательного. Ср. его пример: *Китайский язык — очень трудный* (язык).

Е. Кржижкова [94] пишет, что краткая форма «всегда сигнализует отсутствие атрибутивного отношения к предикативному Subst, следовательно, эту форму можно считать маркированной в отношении неатрибутивности, исключающей эллипсис, предикативного имени, в то время как Adj_n [в им. п.] и Adj_i [в тв. п.] в сочетании с *быть* и Adj_i в сочетании с полусвязочными глаголами неатрибутивность не исключают, т. е. они могут входить как в исходную структуру $Subj_n$ — VF — Adj_i, так и $Subj_i$ — VF—Adj_i—$Subst_i \rightarrow Subj_n$ — VF — Adj_i».

Итог своего исследования Е. Кржижкова формулирует так: «По нашим наблюдениям, соотношение между краткой и сложной формой именит. падежа равно лишь соотношению члена маркированного в отношении неатрибутивности и члена немаркированного».

Итак, мы будем исходить из того, что в основе противопостав-

[91] Я. Шнайдер. Дифференциация в рамках прилагательного сказуемого. «Международный методический семинар преподавателей русского языка стран социализма. 8-й и 9-й. М., 1965, 1966. Материалы». М., 1969.
[92] Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 86.
[93] А. В. Исаченко. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.
[94] Е. Кржижкова. Предикативная функция прилагательных и существительных и структура предложения. «Československá rusistika», 1968, № 4.

ления полных и кратких форм в кодифицированном языке лежит синтаксическое различие (ср.: Н. Ю. Шведова, А. В. Исаченко, Е. Кржижкова) [95]. В КЛЯ существует специальная «морфологически предикативная» (по А. М. Пешковскому) форма прилагательного. Отношение это привативно (см. формулу Е. Кржижковой). Частные правила выбора той или другой формы в предикате связаны с признаками, названными выше; но они релевантны лишь для определенных классов прилагательных.

От всех других классов, однако, резко отличается класс прилагательных типа *благодарен*, *способен*, в котором полная форма регулярно (исключения типа *рад* лексически немногочисленны) используется лишь в полупредикации (или, как принято писать, при обособлении) [96]. В атрибуте употребляются прилагательные, семантически не тождественные соответствующим предикативным формам; производятся они нерегулярно. Нужно заметить, что семантические прибавки, отличающие полные атрибутивные прилагательные от кратких предикативных и полных полупредикативных, очень сходны с семантическими отличиями между адъективированными причастиями и собственно причастиями. Это значения постоянного свойства, способности, склонности к чему-то и т. п. Следовательно, в этом классе прилагательных имеется специфическая полупредикативная полная форма. Обе семантически тождественные формы употребляются лишь в предикации, основной или вторичной. Однокоренные соотносительные с ними прилагательные, употребляющиеся атрибутивно в полной форме, составляют особый лексический класс, но не класс словоизменительных форм.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

2. О различии в функционировании полных и кратких форм в книжной и разговорной речи писали многие исследователи (А. М. Пешковский, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова и др.). На сущность этого различия указывал уже Р. Кошутич: «В русском языке последнего времени употребление кратких форм прилагательных свойственно главным об-

[95] В основе категории полнота/краткость имени прилагательного видит синтаксическое значение и А. А. Зализняк («Русское именное словоизменение». М., 1967).

[96] Различие между собственно атрибутивными и обособленными формами четко проведено в работе: Л. Р. Евсеева. Управление при кратких и полных прилагательных в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952. — Закономерен вывод: «Нам не удалось обнаружить ни одной конструкции (речь идет об управлении — *ЕК*), которая оказалась бы возможной при краткой форме имени прилагательного и невозможной при полной в функции обособленного определения» (Л. Р. Евсеева. Управление при именах прилагательных в зависимости от их роли в предложении. — РЯШ, 1964, № 2).

разом книжному языку, а в разговорной речи интеллигенции они обычно заменяются полными даже в функции сказуемого» [97].

Последующее изложение будет касаться лишь данных, извлеченных из записей живой речи. Независимо от наших знаний о кодифицированной системе мы ставим вопрос: существует ли в системе, выводимой из текстов разговорной речи, регулярное противопоставление кратких и полных форм и как эти формы дифференцированы в употреблении.

Исследованный материал сразу выявил неоднородность класса прилагательных с точки зрения возможности производства кратких форм. Выделились четыре основных подкласса прилагательных, различающихся наличием полных и кратких форм и характером их соотношения [98].

Подкласс I (типа прав, благодарен)

3. Сюда входят прилагательные, употребляющиеся в предикате только в краткой форме. Признаки, передаваемые ими, — по своей природе не постоянные, а ситуативные, временные. Они обычно не связаны с изменением по степеням качества, и поэтому от этих прилагательных степени сравнения либо не образуются вовсе, либо — как правило в аналитическом выражении — обладают особой семантикой. От этих форм обычно не образуются качественные наречия. С глаголами сближает их и характер соединения с *не*. *Не* ведет себя здесь как отрицательная частица, и, как правило, не порождает антонимов данного слова [99]. Как отмечалось, к подобным прилагательным не может быть поставлен вопрос «каков?» [100]. В этот подкласс входят такие слова, как: *бессилен* (*перед* + тв.), *беспомощен* (*перед* + тв.), *благодарен* (+ дат.), *близок* (*к* + дат., *с* + тв.), *верен* (+ дат.), *виден* (+ дат.), *виноват* (*в* + предл., *перед* + тв.), *волен* (+ инф.), *вынужден* (+ инф.), *вхож*, *горазд* (*на* + вин.), *готов* (*на* + вин., инф.), *грешен* (=виноват), *далек* (*от* + род.), *доволен* (+ тв.), *должен* (+ инф.), *достоин* (+ род.,

[97] Р. И. К о ш у т и ч. Граматика руског језика. Цит. по кн.: В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 264.

[98] М. Бенсон выделяет в русском литературном языке (не вычленяя подсистемы РР) три класса прилагательных: I — имеющие обе формы в предикате; II — всегда полные в предикате (большой, американский, суперлативы); III — всегда краткие в предикате (*рад*, *готов*, здесь же краткие страдательные причастия). См.: M. B e n s o n. Predicate Adjective Usage in Standard Russian. «Word», 1959, vol. 15, n. 1.

[99] Эти морфологические особенности указаны, в частности, Н. А. Еськовой в ее неопубликованной работе об ударении в кратких формах. Ср.: Л. Ю. М а к с и м о в. Антонимия как один из показателей качественности прилагательных. «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», т. CXXXIII, 1958.

[100] В. П. Т и м о ф е е в. О переходе некоторых кратких прилагательных в категорию состояния. — ВЯ, 1958, № 5; О н ж е. Лексико-семантическое и морфологическое соотношение кратких и полных форм имен прилагательных. Автореф. канд. дисс. М., 1955.

инф.), *дружен* (*с* + тв.), *жив* (+ тв.), *знаком* (*с* + тв.), *намерен* (+ инф.), *наслышан* (*о* + предл.), *неразлучен* (*с* + тв.), *нужен*, *обязан* (+ дат., инф.), *полон* (+ род.), *похож* (*на* + вин.), *прав* (*в* + предл.), *предан* (+ дат.), *рад* (+ инф., дат., *за* + вин), *равен* (+ дат.), *равнодушен* (*к* + дат.), *согласен* (*на* + вин., *с* + тв.), *счастлив* (+ инф.), *способен* (на + вин., инф.), *сыт*, *уверен*, *цел*, *чист* (*перед*. + тв.) (см. также п. 7). Примеры:

Ну что ж / он был *близок* к истине//; Но я как-то так щас *далека* от оперы/; Ты *знаком* небось с ним?; Вы сказали ей что она *похожа* на Венеру Милосскую//; Кира / а вы любите Горьковский больше всего / да?. 2. Да / я Горьковский / я *верна* (ему) // (о театре им. Горького); *Грешна* // Забыла // Совсем из головы вылетело//; Она не *грешна* в таком произношении//; Теперь я *чиста* перед вами // (о выполненной обязанности); Попали в милицию / и там разобрались / кто *прав* кто *виноват*//; Это вы *правы*//; Хотя вообще-то я с этим *не согласен*//; А то она *согласна* так / отдать ей утром / она к середине дня сделает//; Я в половине первого *обязана* быть дома//; Год говорит прошел / я грит не *обязан* ничего делать // Делайте сами//; Да и в кино иногда *готов* пойти//; Я сегодня *не способна* работать и вам не даю//; Это та вещь / в которой я *уверен* // намертво//; Я знаю у вас одну книжку / она у вас еще *цела*?

В РР эти прилагательные не имеют полной формы по причине, аналогичной причине отсутствия причастий. В книжной речи полная форма этих прилагательных используется в полупредикации (ср.: Он *способен* это сделать и Человек, *способный* это сделать, мне неизвестен). В нашем материале РР полупредикативное употребление полных форм не обнаружено.

Отмеченные в РР полные прилагательные, соотносительные с соответствующими краткими по форме, по смыслу более сложны, т. е. выводимы из кратких прилагательных. Одно из регулярных преобразований смысла — превращение ситуативного признака в постоянный, в признак-свойство данного субъекта или явления. При этом прилагательное часто имеет словообразовательный аффикс *не-*. Полные прилагательные иногда сочетаются с такими существительными, которые не могут быть подлежащим-субъектом при кратких формах.

Ср.: Я очень ей *благодарна* // и: Обидно когда (родители) вкладывают всю жизнь / и дети *неблагодарные*//; Работа в опере / она по-моему . . . даже . . . гораздо трудней чем только с симфоническим оркестром / и менее *благодарная*//;

Я говорю носки я *способна* поштопать / а вот линолеум приклеить / как-то не так уже // и: Я к языкам все-таки немножко *способный*//; Ну это значит что выбирали самых *способных* (людей) / правда?;

Реки есть / но в городе они *не видны* / и: На самом *видном* месте//; *Видный* мужчина//;

Ну до восьми я была *спокойна* // а уж после восьми начала волноваться // и: Она *спокойная* очень была // (о собаке);

Они были с ним очень *дружны* // и: Да-а / вообще люди были *дружные*//;

Ты мне *нужна* / не уходи // и: Такой беспорядок / *нужную* книгу никогда не найдешь//;

Ну ты уже всё / *готова?*; *Готов* ужин-то? и: Я на Бронной покупаю // *готовые* котлеты//;

Врачи совершенно *беспомощны* перед этим // и: Она стала совершенно *беспомощная* // (о старой женщине); Вещь очень *беспомощная*//;

Я ей дала комнату // она ко мне переехала / она была очень *счастлива* // и: Ну какой же он *счастливый* что вы ему такое имя дали//; Вид у него не очень-то *счастливый*//;

Думаю что такое / она *сыта* / чего она скулит? (о собаке) и: Саша // ты *сытый* человек //

С семантическими различиями связано и отсутствие у полных прилагательных тех форм управления, которые свойственны кратким. Ср. атрибутивные сочетания: *верная* жена, *преданный* друг; или сочетания во фразах:

И строит мой *знакомый* один инженер//; У нее очень *похожий* какой-то есть костюм да? сарафан?; (о смене профессии) Но какую-то все-таки *близкую* профессию//; Щас вот такая же девочка маленькая несла *полную* сетку картошки // (ср. типичное книжное построение с полупредикацией: *сетку*, *полную картошки*).

Итак, I подкласс характеризует отсутствие равнозначной полной формы, которая бы могла замещать краткую в предикате.

В семантическом отношении можно отметить, что к подклассу I тяготеют прилагательные с модальными значениями и значениями сходства-тождества. Среди них есть слова, лексическое значение которых исчерпывается только одним этим значением (*нужен*, *похож*), но чаще указанные семантические элементы сочетаются с другими.

Некоторые прилагательные, включающие эти элементы смысла, по соотношению полных и кратких форм, однако, попадают во II подкласс.

Подкласс II (типа болен—больной)

4. Существует группа прилагательных, своей лексической семантикой также обозначающих ситуативный признак, т. е. признак, связь которого с субъектом не является постоянной, а характеризуется определенными временными рамками. В значении этих прилагательных на первый план выступает идея пребывания в определенном положении, состоянии. От подкласса I эта группа отличается следующим: она имеет две формы с особым характером их дифференциации. Сюда относятся прилагательные типа: *беден—бедный*, *богат—богатый*, *беременна—беременная*, *болен—больной*, *голоден—голодный*, *женат—женатый*, *здоров—здоровый*,

пуст—пустой (в противопоставлении *полон*), *пьян—пьяный*, *свободен—свободный* (см. примеры), *трезв—трезвый*.

Краткая форма употребляется только в предикате и подчеркивает, что признак рассматривается как временный. Полная форма немаркирована с синтаксической точки зрения (употребляется в атрибуте и предикате) и не имеет указанного подчеркивания (она может выражать признак как отнесенный к определенному времени, так и в отвлечении от временных характеристик). Вот примеры:

больной — здоровый / болен — здоров:

Я вот четыре месяца / я была *больна* / у меня было с глазом очень плохо/; Собака была *больна* вот этим / бешенством//; У нас *болен* ребенок//; И все-таки если бы она была совсем *больна* / она бы нам все-таки сказала//; 1. А поют-то хорошо? 2. Ты понимаешь / когда они *здоровы* черти / то они поют хорошо//; Его надо было в сад выписать / он был *нездоров*//; Ну теперь она говорит что она совершенно *здорова*//.

И вот у него нога *больная* / ранен он был в ногу//; Она *больной* человек была//; Я не пойму / я *больной* или *здоровый?*; Я *больная* была / и все-таки пошла смотреть//; Я думала что ты у меня *здоровая* / а ты *больная*//; Ты же говоришь что ты *больная*//

Другие примеры:

Она была очень *богата*//; Когда я была *богатая* / вот пока на пенсию не вышла / я могла себе это позволить//.

Я страшно *голоден* / пойдемте скорее//; Он был *голодный* / все съел//; Если сыт придет / то ничего не надо / а если *голодный* / у меня есть гуляш//; Мы там с ней спали / и конечно усталые были / и *голодные* / спали крепко/;

И вот там в Чите вот она влюбилась // Но он был *женат*//; Они семнадцать лет уже *женаты*//; Сашка / *женатый* // давно//; Он все еще *холост?*; Вот бедная тетя Катя / а? сын есть и дочка есть / и. . . оба *холостые*//; Голова абсолютно *пуста*//; Я заглянул / комната *пустая* // никого нет//; Он опять *пьян*//; Он кажется *пьяный*//; Это место *свободно?*; Наша комната была *свободная* / и мы хотели там поговорить//; У него пятница как раз / более или менее *свободна*//; У него пятница *свободная*//.

В этот подкласс входит также семантическая группа прилагательных, называющих какую-либо оценку явления субъектом-человеком: *важный*, *вредный*, *интересный*, *модный*, *напрасный*, *неизбежный*, *ошибочный*, *полезный* (*бесполезный*), *понятный*, *популярный*, *правильный*, *приятный*, *удобный*, (*не*)*уместный*, *ценный*, *чуждый*, *ясный* (в значении 'понятный') и т. д.

Тебе *важна* сумма / и магазину *важна* сумма//; Тренировка тоже *важна*//; Поездка была *важная*//; Все уговоры были *бесполезны*//; Морковь ведь очень *полезная*//; Он когда родился? Это в тридцатых годах были *модны* новые имена //; Платье *модное* / а туфли никуда//; Да / вот щас очень *популярны* / я говорил по-моему/ 2. Куртки? 1. Куртки из этих. . . коров//; А кто щас

наиболее такой *популярный?;* Ну что ж некоторые легенды может быть *правильны//;* Мысль конечно *правильная//;* Если читать книгу / то намеки конечно *ясны* //; Ответ по-моему *ясный//;* Вообще некоторые его поступки мне *непонятны//;* 1. Да Евтушенко ведь по-моему простой весь// 2. Нет не в смысле что простой / что значит простой? 1. *Понятный//;* Этот номер еще знаете чем *интересен* / там статья Иванова//; Нет / он дает новые спектакли / но они *не интересные//;* 1. А что / Иванова хорошая актриса? 2. *Одинаковая* // 1. Что / *одинаковая?* Ну что же это интересно // Есть актеры которые везде *одинаковы* / и все-таки хороши//.

Дополнительных разысканий требует рассмотрение отношений в группе прилагательных, включающих модальные элементы значения ('может, способен' и т. п.). Эти значения представлены в ряде образований с аффиксами *-тельн-*, *-чив-*, *-ичн-*, *-абельн-*, которые дают краткую предикативную форму, семантически выделяющуюся актуализованной, подчеркнутой модальностью:

Корь *заразна//;* Раковая ткань / она *чувствительна* ко всякого рода излучениям//; По-моему они *не сценичны* (о пьесах)//; Он же *не контактен* // (о человеке); По-моему / он к этому *не восприимчив* // (о человеке).

В окказиональных образованиях на *-абельн-* зафиксированы следующие формы:

Игорь более *общабелен* (общителен)//; Но она *читабельна?* (о рукописи); Но они *не проверябельны* // (о некоторых утверждениях);

Они *не внушабельные* // (о людях, на мнение которых нельзя повлиять уговорами); Щас он *не выезжабельный* //; Для меня это *не дискуссиабельная* тема//; По-моему горы там вполне *залазибельные*. . . не знаю как сказать//.

Подытожим различия между подклассом I (типа *благодарен, прав*) и подклассом II (типа *болен—больной*). Формальная особенность подкласса I заключается в том, что в нем краткие прилагательные не заменимы полными в предикате. Лексическое нетождество слов *благодарен—благодарный* не позволяет считать полные и краткие прилагательные формами одного и того же слова.

В подклассе II полная форма выступает как немаркированная с точки зрения «актуальности» признака, поэтому она может выступать в предикате параллельно с краткой. В краткой форме в признаке подчеркнута его актуальность. Лексические рамки 2-го подкласса ограничены прилагательными, которые выражают признак, способный мыслиться как актуальный, связанный с определенными условиями и временными рамками.

Подкласс III (типа умный — умен)

5. Сюда относятся качественные прилагательные, обозначающие признак, способный существовать или мыслиться в разных градациях. В этом классе в предикате полные формы преобладают, но могут заменяться краткими, когда внимание сосредоточено

на степени проявления признака или эмоционально подчеркивается, оценивается та или иная его степень. По характеру употребления различаются прилагательные, которые называют постоянный качественный признак лица (психологические, умственные, деловые качества, которыми в разной степени наделены разные лица), и прилагательные, выражающие признак, который может быть свойствен неживым предметам, особенно признак, лишенный каких-то градаций в проявлении или в относительной оценке.

При назывании в прилагательном человеческих качеств краткая форма употребляется обычно при словах, указывающих меру качества, чаще всего высокую, предельную; при этом слова меры и степени могут характеризовать не самую меру присутствия признака, но отражать мнение говорящего о ней. К этим случаям прежде всего и целиком приложимы слова А. М. Пешковского о большей силе, категоричности приписывания признака, если он выражен краткой формой [101].

Меру проявления признака указывают обычно такие слова, как: *(не)очень*, *(не)больно*, *(не)слишком*, *(не)достаточно*, *довольно*, *до того*, *до чего*, *так*, *как*, *настолько*, *до такой степени*, *более*, *в меру*, *несколько*, *немножко*, *слегка*, *чуть*, *чуть-чуть*, *чуточку*, *далеко не*. Ср.:

Он действительно очень *заботлив//*; После этого он еще очень *слаб//*; Он страшно *невынослив* и болезненный//; Ты очень *строга* к себе//; Марина очень *лаконична* // Просто сверх//; Она очень *бойка//*; Она необыкновенно *красива/*; Тоже он уставать стал наверно / не больно *молод//*; Да / вы не можете еще знать // Слишком *молоды//*; Он далеко *не глуп//*; *Ленива* / дальше ехать некуда//.

Значение очень высокой степени может быть выражено при помощи сравнительного оборота. Наполнение такого оборота колеблется от фразеологизованного до весьма нестандартного и часто сильно окрашено индивидуальными и социально-групповыми вкусами. Ср.: *нем как рыба*, *глуп как пробка*, *упрям как бык*, *болтлив как сорока; наивен как ребенок*, *застенчив как барышня*, *трезв как стеклышко*, *красив как бог* и т. д. Существует даже общая формула: (*бестолков*) *как не знаю кто* (*что*). Средством усиления служат также междометия и частицы, которые формируют ярко-экспрессивные конструкции. Например, частица *ну*: Ну *хитер*! Ну / *умен*! Ну человек. . . *пунктуален*!. Иногда тому же служит только интонация. Ср. в диалоге: 1. (С иронической похвалой) *Скро-омен!* 2. Но *догадлив//*.

При постепенном усилении, нагнетании экспрессии краткая форма всегда выражает высшую степень признака: Он дерет совершенно бесстыдно // Он *бесстыден* до невозможности//; Очень

[101] Ср. разбор известного примера из А. П. Чехова: «Ты, Машка, злая» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1938, стр. 222).

он самоуверенный / безумно *самоуверен*//; Наш ребенок *бездарен* / просто бездарь//.

Пригвождающая сила, с которой звучат эти формы, сближает их с оценочными, квалифицирующими существительными. Ср.: *Он лживый* и *Он лжив*!; *Он лжет* и *Он лгун*!.

Наряду со значением очень высокой степени краткая форма может выражать недостаточную степень, в том числе в прилагательных с суффиксом *-оват*, выражающих ту же идею с помощью аффикса:

По-моему, он *молодоват* для Пьера//; 1. Конечно // Этот самый вот. . . деятель Клавин-то 2. Да / он сухой// 1. Он же там днями не появляется/ 2. Он *суховат*//; Он немножко *странноват* вообще//; Я на это дело *туповат*//; Ты знала что он *глуховат*?

6. Краткая форма невозможна, если признак лица переносится на какой-то другой объект, связанный с лицом, например на результат его деятельности, на объект, сравниваемый с человеком, или если признак метонимически связывается с частями человеческого тела. Только человек может быть *очень умен*, но: Голова у него очень *умная*//; об артисте: Он гениален // но: Ну пьеса *гениальная* // да? Ср.:

Они слишком *доверчивы* (например, дети, но не глаза).

Он очень *настойчив* (человек, но не звонок).

Хотя кодифицированная система также содержит подобные ограничения [102], но там они менее строги. (Ср. «Взгляд недоверчив и тревожен» — из песни). Расположив в два ряда факты, возможные в РР (да) и невозможные (нет), получим, что в РР некоторые предметные признаки приобретают краткую форму, только будучи употреблены в переносном значении, как характеристики человека.

	ДА	НЕТ
Очень четок	Человек	рисунок
» *резок*	»	голос
» *скользок*	»	лёд
» *низок*	»	потолок
» *тонок*	»	материал
» *глубок*	»	пруд
» *мелок*	»	пруд
» *тверд*	»	металл
» *мягок*	»	хлеб

Несколько примеров: (о человеке) Он *крепок* // не скрипит // отнюдь//; Та несколько *холодна* все-таки в своей аристократичности вероятно // (об актрисе).

[102] См. об этом: Н. Ю. Шведова. Указ. соч.; И. В. Толстой. Лексико-грамматические и стилистические особенности полных и кратких прилагательных в функции именного составного сказуемого. «Вопросы стилистики». М., 1966.

Правда, нужно сделать уточнение, что при неодушевленных носителях признака [103] краткие прилагательные, по нашим наблюдениям, не употребляются, если оценка меры признака безотносительна к чему бы то ни было, но они вполне обычны при выражении несоответствия меры признака каким-то условиям, каким-то требованиям. Ср.: Иванов *очень обидчив* (*труслив*, *изворотлив*, *расчетлив*), но: Голос *очень резкий / слишком резок*, *чтобы...*; Вопрос *очень щекотливый / слишком щекотлив*, *чтобы...* С таким значением регулярно производятся краткие прилагательные в классе так называемых параметрических прилагательных, в названиях вкусовых, различных физических и некоторых других признаков: *велик*, *мал*, *высок*, *низок*, *широк*, *узок*, *длинен*, *короток*, *свободен*, *тесен*, *тяжел*, *легок*, *ярок*, *горяч*, *труден*, *прост*, *дешев*, *дорог* [104].

Эта шапка мне конечно *мала* / даже и мерить нечего//; Нет / *велика* эта // Меньше нету?; Она неустойчивая // слишком *высока* чтобы быть устойчивой // (о вазе); Да / девочке нехорошо / потому что каблук *высок* // (о туфлях); Для ребенка она слишком *тяжела* // (об игрушке); Конечно оно ей немного *свободно* // (о платье); Она пишет / что это путь трудный // что он для Вас *труден* будет//.

В этом употреблении широко представлены прилагательные с суффиксом *-оват* (некоторые из них, например *темноват*, *светловат*, *холодноват*, без этого суффикса в краткой форме не употребительны):

1. Очень хороший цвет // 2. *Темноваты* // (об обоях); А этот *суховат* // правда // (о сыре); Кисель хороший // но может быть / на мой вкус чуть *сладковат*//; Они очень такие плотные // 2. Да / они *грубоваты* // (о чулках).

Но ср. также полные прилагательные в предикате:

Они очень тугие / они *туговатые* // (о туфлях); Они мне *большие* // (о сапогах); Марина говорит что расцветка *ярковатая*//; Ручка слишком *короткая*//.

7. Между разными подклассами прилагательных существуют разные типы отношений и переходов. Укажем, например, группу только кратких прилагательных, которые по форме и семантике выводятся из слов подкласса III, но не имеют равнозначных полных форм и поэтому относятся к подклассу I. Их соотношения со словами подкласса III имеют индивидуальный фразеологический характер. Однако для ряда случаев можно установить

[103] Различие в употреблении кратких и полных форм при одушевленном и неодушевленном субъекте отмечали чешские исследователи на чешском языковом материале.

[104] Ср. Л. П. Юдина. Краткие и полные прилагательные в составном сказуемом. «Из опыта преподавания русского языка иностранцам». Изд-во МГУ, 1964.

отношения, аналогичные отношениям, называемым в лексике «включением» [105]. Ср.:

Он совсем *плох* // (=у него плохое состояние здоровья — «плох здоровьем»);

А там она просто *хороша* // (об актрисе) ('хорош собой' — имеет хорошую внешность);

Он *недурен* // (имеет «недурную» — хорошую внешность);

Сколько я *должна?;* А ведь он вечно мне *должен* // (=должен заплатить деньги). Здесь включение происходит на базе краткого прилагательного.

Буду *краток* // (=буду говорить кратко) [106];

В других случаях семантический отрыв краткого прилагательного от полного может доходить до исчезновения связи между ними. Ср. такие лексемы, как: *смешон* (ср. *смешной*), *прост* (=глуповат), *неравнодушен* (=влюблен); *здоров* (врать), *силен* (в чем), *слаб* (в чем).

Прилагательное *плох*, кроме указанного выше значения, употребляется во фразеологически связанных оборотах: Дела *плохи;* А он не будь *плох*. . .

Весьма разнообразны и индивидуальны значения прилагательного *хорош*:

На тридцать седьмой *хороши* это? (о туфлях, в значении «подходят, соответствуют»); *Хорош* все-таки мороз / да? 2. *Хорош* / но слабеет уже//; Ну бас у него *хорош//;* Это чья говорят обувь *хороша* издали / а итальянская в руках? кажется *хороша?*; Они *хороши* оба // Волков и Юрский // (об исполнении театральной роли); Да нет она / ни в чем ее не упрекнешь / но он *хорош* // (с особой интонацией, передающей иронию).

Подкласс IV (типа белый)

8. Наконец, в РР существуют, по-видимому, и такие группы прилагательных, которые не имеют краткой формы. Основанием для подобного утверждения служит отсутствие соответствующих форм в нашем материале, а также проверка возможности их употребления в РР путем мысленного эксперимента. Кроме того, можно исходить из следующего. Если в РР установлены два основных типа противопоставления: указана / не указана актуальность признака; указана / не указана степень (мера) проявления признака, то можно проверить, как ведут себя в РР те прилагательные, в которых лексическая семантика основы не сочетается с данными смыслами. Очевидно, что в прилагательном

[105] Ср. такие типы включения, как: У Вас есть *вкус*, *температура*, т. е. «хороший вкус», «высокая температура». См.: Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

[106] Ср.: «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, 1960, стр. 443.

бывают выражены и такие признаки, которые не могут рассматриваться как актуальные и неактуальные и лишены градационных характеристик. Например, сюда относятся названия цвета (*белый*, *красный*, *синий* и т. д.), названия некоторых физических свойств предметов (типа *круглый*, *квадратный*, *овальный*), названия некоторых постоянных или неизмеряемых качеств человека (типа *босой*, *глухой*, *слепой*, *хромой*, *кривой*, *зрячий*, *широкоплечий*, *темноволосый*). Называя признак предмета, эти прилагательные не сочетаются с наречием *слишком*. В КЛЯ они обычно дают краткие формы. В нашем материале не отмечены также краткие прилагательные, называющие психические состояния человека. Вместо *Она грустна*, *угрюма*, *печальна*, *радостна* говорится *Ей грустно. . .* или *Она такая грустная*.

Следует заметить, однако, что речь идет о прямых значениях этих прилагательных. В переносном значении, если прилагательное обозначает признак иного типа, краткие формы становятся возможными (ср. переносные употребления: *слеп*, *глух* и т. п.)

К IV подклассу примыкают все относительные прилагательные. В отдельный класс можно выделить притяжательные прилагательные, лишенные двух форм, но принадлежащие к особому морфологическому типу.

Очевидно, что на начальном этапе работы лексические классы не могут быть еще очерчены вполне точно. В дальнейшем следовало бы сопоставить данные разговорной речи с семантическими классификациями прилагательных, проведенными на основе других методик.

В этой работе из проблематики противопоставления полных и кратких прилагательных в РР в сравнении с КЛЯ был вычленен лишь один вопрос: о характере соотношения (и наличии самого соотношения) двух форм в разных лексических классах слов. Рассматривались в основном случаи присвязочного употребления прилагательных (при связке в изъявительном наклонении). Неизученными остаются вопросы выбора тех и / или других форм в зависимости от времени и наклонения глагола *быть* при полусвязочных и полнознаменательных глаголах [107], а также правила распределения трех предикативных форм прилагательного: краткой, полной в им. п. и полной в тв. п. Как это неоднократно отмечалось, употребление формы творительного падежа в РР намного уже, чем в КЛЯ, при этом формы творительного вытесняются формами именительного.

В описании синтаксического функционирования полных и кратких прилагательных важное место занимает проблема адъективного управления. Уже делались наблюдения «о расширении системы падежного управления у полных прилагательных именно в недрах разговорной речи» [108]. Этот факт отмечается как показатель того, что полные прилагательные в РР более регулярно представлены и в тех синтаксических окружениях, в которых в КЛЯ выступают лишь краткие прилагательные. Нужно заметить, однако, что в разговорной речи, по-видимому, более распространены такие схемы высказываний с адъективным предикатом, где предложно-падежная группа скорее относится ко всей предикации, чем только к прилагательному. Примером такого рода может быть детерминант «для+род. п.», представленный в высказываниях РР более широко, чем в КЛЯ. Ср. следующие случаи.

[107] Ср. схему описания: Н. Ю. Шведова. Указ. соч.
[108] Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 127.

В предикате полное прилагательное:

Нет / она например *для* моей *внучки* / она *непригодная* была // (о комнате); 1. А отдельного нет у вас издания? 2. *Толстая для Вас?* 1. Да // Уж больно толста // (о книге).

Полное прилагательное в предикативном словосочетании:

Для меня это совершенно *непонятные* вещи //; Даже *для меня* и то это был такой *трудный* предмет//.

В предикате краткое прилагательное:

Ну *для нас необходим* этот предмет//; Может потому мне за этим столом творить трудно (иронически) / что он *очень высок для меня*//.

Однако в разговорной речи в управлении и сочетаемости кратких и полных форм имеются существенные различия, которые, по нашему мнению, являются обнаружением семантических различий.

Существующие в литературе наблюдения относительно всех названных выше условий употребления предикативных форм прилагательного создают вполне определенную картину: по сравнению с КЛЯ в РР краткие формы менее употребительны, а полные представлены более широко.

Для употребления полных форм в КЛЯ положены, однако, структурно-синтаксические пределы. Существуют некоторые синтаксические условия, в которых употребление кратких форм обязательно. Чрезвычайно важно установить, действуют ли те же ограничения в РР. Покажем на примере, в чем могут заключаться различия между РР и КЛЯ с этой точки зрения. Укажем конструкции, обязательно требующие в КЛЯ краткой формы.

«Краткое имя прилагательное в роли сказуемого употребляется также в тех случаях, когда при подлежащем находится согласованное определение или определение, выраженное личным местоимением его, ее, их» [109], а также, по-видимому, несогласованное определение в родительном падеже.

Сюда прежде всего относятся случаи, когда определение выражает принадлежность: *Лицо ее бледно. Работа Иванова интересна.* В соответствии с притяжательным родительным падежом местоимений и существительных в КЛЯ в РР функционирует предложно-падежная группа, распространяющая всю предикативную конструкцию «*у*+род. п.»

В разговорных конструкциях в предикате (но см. ниже) выступает только полное прилагательное: Лицо *у нее бледное. У Иванова интересная* работа. Примеры многочисленны.

Но зато *у меня* балкон же *громадный* / потом высокие потолки /; *У нее* жизнь *тяжелая* / конечно//; *У нас* очень *страшный* дом//; Ну ты знаешь *у меня* вообще. . . зрительная память *отвратительная*//; Конечно *у нас* церкви *красивые* в Москве//; Говорят *у верблюдов* / очень глаза какие-то *умные и добрые* // и т. п.

Наличие при подлежащем согласованного определения не является в РР запретительным для употребления в предикате полной формы:

Отдельные там сцепки / бытовые / приятные//; Последняя хорошая очень вещь говорят // (о спектакле); И главное шерстяные вещи замечательные были//; А вечерние платья все длинные//; Ну а подсобные там помещения конечно слабые//.

Внутри названного общего правила выделяется еще следующее частное: краткая форма в предикате обязательна, если в подлежащем стоит существительное—синтаксический дериват+род. п. другого существительного (в том числе местоимения *его, ее, их*) [110], т. е. в случаях типа: *Проверка этого трудна*; *Веселость его неприятна*; *Неудачность этого решения очевидна.* Подлежащная именная группа в этих конструкциях КЛЯ в свернутом виде представляет целую предикативную структуру. Однако регулярность действия транс-

[109] «Грамматика русского языка». М., 1960, т. II, ч. 1, стр. 450.

[110] См., например: М. В. Всеволодова. Полные и краткие формы прилагательных. «Международный методический семинар преподавателей русского языка стран социализма. 8-й и 9-й. М. 1965, 1966. Материалы». М. 1967.

формации номинализации является характерной чертой КЛЯ, отличающей ее от РР. РР более свойственно употребление эксплицитных — ядерных структур, в частности безличного типа.

В соответствии с примерами КЛЯ в РР мы имеем фразы типа: *Проверить это трудно. Неприятно что он такой веселый* (так веселится); *Очевидно что это неудачное решение.* В целом меньшее число конструкций с существительным-подлежащим связано, естественно, с меньшими возможностями использования в предикате прилагательного вообще.

Таким образом, две конструкции КЛЯ, жестко сопряженные с употреблением краткого прилагательного, в РР непродуктивны. Конструкции же разговорной речи, синонимичные данным конструкциям КЛЯ, не включают краткого прилагательного.

Парадигматический аспект исследования (изучение средств выражения предикации в РР, установление условий выбора той или другой формы) должен сочетаться с синтагматическим аспектом, и прежде всего с изучением характера противопоставления в РР атрибута и предиката. По этому поводу можно сделать несколько предварительных замечаний.

В нескольких типично разговорных конструкциях отсутствует четкое разделение двух составов: состава подлежащего и состава сказуемого. В частности, это касается случаев, когда одна и та же — тождественная в морфологическом отношении форма высказывания — может быть синтаксически расчленена по-разному.

Можно поставить вопрос о том, какие факторы (интонация, порядок слов, лексическое наполнение) и как снимают синкретизм в пользу того или другого членения.

Сопоставим такие конструкции: *Зеленое платье красиво* (КЛЯ) и *Зеленое платье красивое* (РР).

Противопоставление группы подлежащего и сказуемого в первом случае четко разграничено морфологически, во втором случае синтагматический контраст морфологически не выявлен.

Двусмысленное синтагматическое членение представляют также примеры типа:

А русский сам знаешь ведь богатый язык//; Духовой у нас фактически малый симфонический состав // то есть обыкновенный / нормальный вообще по количеству // Ср. выше: Последняя хорошая очень вещь говорят // и др.

Во многих случаях с различными вариантами порядка слов остается неясным, возможно ли в тексте проведение границы между группой подлежащего и сказуемого: *Последняя — хорошая вещь* или *Последняя вещь — хорошая.*

Исследователи неоднократно выделяли также «конструкции принадлежности», заключающие в себе указание на место или принадлежность лицу (*у меня, у него, здесь, там* и т. п.), «в которых синтаксическая роль членного прилагательного как бы колеблется между атрибутивной и предикативной» [111]. Можно указать и на то, что короткие двучленные реплики диалога также не всегда поддаются однозначному членению [112].

Итак, все эти примеры можно классифицировать как случаи ослабления противопоставления атрибута и предиката в РР по сравнению с КЛЯ. Одна из причин этого — ослабление предикативной дееспособности в РР кратких форм. Проблема синтаксической членимости высказывания в РР, естественно, должна решаться также в связи с проблемой актуального членения.

[111] Н. Ю. Шведова. Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XV—XVIII вв. «Доклады и сообщения Ин-та русского языка», вып. 1. М.—Л., 1948, стр. 108.

[112] О фразах типа *Какое мое счастье! Видишь какая погода!* Е. Кржижкова пишет: «В ряде случаев действительно трудно решить, имеем ли мы дело с определением или именным сказуемым — неразграничение сказуемого и определения можно отнести к области синкретизма на уровне выражения» (указ. соч.).

* * *

9. Итак, с точки зрения соотношения кратких и полных прилагательных наш материал позволил выделить в РР четыре основных подкласса внутри класса прилагательных.

Подкласс I (типа *благодарен*, *прав*, *способен на* вин. п.) не имеет полной формы, но только краткую.

Подкласс II (типа *болен—больной*) имеет две формы, которые создают привативную оппозицию: указан / не указан актуальный характер признака (его проявление в определенный отрезок времени).

Подкласс III (типа *умный—умен*) имеет две формы, которые создают привативную оппозицию: указана / не указана мера проявления признака. В контекстах, где признак характеризует неодушевленный субъект, это значение, возможно, сужается до значения несоответствия меры признака конкретным требованиям ситуации.

Подкласс IV (типа *белый*) не имеет краткой формы. Сюда же примыкают относительные прилагательные.

Отличия от кодифицированного языка, которые на первый взгляд кажутся небольшими, на самом деле очень глубоки. Больше всего они касаются I и IV подклассов, но затрагивают и III. Подкласс слов типа *благодарен*, *способен* (*на* вин. п.) выделяется на фоне всех других классов как в кодифицированном языке, так и в РР. Но в РР у них отсутствует полная форма, служащая в книжной речи заместителем краткой формы в полупредикации (ср. причастия в глаголе).

Отсутствие краткой формы у других прилагательных, имеющих ее в КЛЯ, объясняется иным характером регулярности этой формы в РР. Как говорилось выше, в основе категории полноты — краткости в системе кодифицированного языка лежит регулярное синтаксическое различие. В условиях определенной синтаксической позиции (а именно: в предикате) прилагательные (за исключением определенного ряда слов) могут выступать в краткой форме. Тот факт, что в разных лексических классах это синтаксическое отношение может сопровождаться определенным семантическим различием, несущественно при установлении инвариантного значения этой грамматической категории. В РР краткие формы появляются лишь при определенных смысловых различиях, поэтому для их образования существенна семантика основы. Следствием этого является отсутствие полной регулярности этих форм в классе качественных прилагательных.

Итак, целостная категория КЛЯ (синтаксического характера) в РР предстает в виде нескольких классов семантических соотношений. Степень регулярности этих образований и характер их соотношений с полными прилагательными позволяет поставить вопрос: принадлежат ли они морфологии в узком смысле? Не следует ли их отнести к словообразованию? Аргументом в пользу

такой трактовки могут быть и описанные случаи семантического включения (*хорош*, *плох* и т. п.). Можно думать, что эти образования порождены именно в разговорной речи: при употреблении в книжной речи они сохраняют разговорную окраску [113].

Отмеченные выше особенности синтаксического функционирования прилагательных в РР свидетельствуют о меньшей сравнительно с книжной речью употребительности прилагательного в предикате и об ослаблении противопоставления атрибут / предикат, которое в кодифицированной системе поддерживается специфически предикативной формой — краткой формой прилагательных.

Примечание. В современном книжном языке некоторые употребления полных форм оцениваются как стилистически не нейтральные — «разговорные». При этом идет сильный живой процесс: «распространение полных прилагательных в предикативной функции, проникновение их в область функционирования кратких форм», результатом которого является «стирание стилистических граней между краткой и полной формой в сказуемом» [114]. Таким образом, полные формы переходят в фонд нейтральных языковых средств, перестают быть «разговорными» в книжной речи, но остаются принадлежностью предикативных конструкций разговорной речи. Следует подчеркнуть неоднозначность термина «разговорное»: стилистическое явление книжной речи и явление, присущее разговорной речи. Сохранение или утрата «разговорной» окраски у форм, заимствованных кодифицированным языком из разговорной речи, зависит от многих внутренних факторов развития самого кодифицированного языка [115].

10. Сопоставление употребления кратких и полных прилагательных в литературной разговорной и диалектной речи на настоящем этапе изучения того и другого материала было бы преждевременным. Однако, укажем отмеченную в литературе общую тенденцию к более регулярному употреблению полных форм в предикате. В частности, Г. Ф. Мясников, исходя из своих наблюдений и ряда публикаций, писал: «полные прилагательные являются господствующей формой, способной выступать во всех без исключения синтаксических построениях, в которых имя прилагательное входит в состав сказуемого». «Круг кратких форм, употребительных в говорах, незначителен по своему составу. Многие из них свободно замещаются полными» [116]. Среди употребитель-

[113] Вычленение этих фактов из системы кодифицированного языка повышает системность фактов, органически присущих КЛЯ.

[114] Н. Ю. Шведова. Указ. соч., стр. 132; см. также: Г. Ф. Мясников. Стилистическое использование кратких и полных прилагательных в составе сказуемого. — РЯШ, 1958, № 1.

[115] Судя по материалам Н. Ю. Шведовой (см. также «Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века». М., 1964, стр. 128—153), в кодифицированном языке употребление полных форм в предикате становится все более регулярным при сохранении в предикативной позиции и кратких форм. Таким образом, и в этой паре можно видеть утверждение привативной оппозиции. Изменение эквиполентных оппозиций в привативные отмечалось для целого ряда явлений кодифицированного языка новейшего времени (см. монографию «Русский язык и советское общество». М., 1968).

[116] Г. Ф. Мясников. Предикативное использование полных и кратких прилагательных в современных говорах русского языка. «Уч. зап. Курганского пед. ин-та», вып. 2, 1959.

ных кратких форм в тексте его статьи указаны: *жив*, *здоров*, *рад*, *должен*, *сыт*, *готов*, *гож*, *похож*, *согласен*, *полон*, *мал* и немногие другие. Таким образом, определенные черты сходства РР и диалектной речи угадываются и на этом участке системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Из двух морфологических систем литературного языка (кодифицированной и разговорной) черты синкретизма обнаруживает разговорная система. В ней отсутствует расщепление некоторых морфологических категорий, создающее в книжной речи дополнительные противопоставления.

Соотношение двух морфологических кодов характеризуется на изученном участке системы следующими закономерностями.

1) В РР существует меньший морфологический код с чисто синтаксическим содержанием, однако отличия между двумя системами не затрагивают номинативных противопоставлений. В РР отсутствуют причастия и деепричастия — специфические морфологические средства выражения зависимой предикации; «морфологически предикативные» формы прилагательного — краткие формы; формы страдательного залога, служащие для различения двух синтаксических конструкций (активной и пассивной). Причастия, деепричастия и краткие формы имен прилагательных являются в кодифицированной системе формальными средствами организации синтаксической иерархии в предложении, их отсутствие в РР свидетельствует о другом типе организации иерархии в этой системе, о более широких возможностях неконтрастного («одноуровневого») соположения элементов.

2) В системе РР не представлены единицы узкоспециализированные (маркированные — в кодифицированной системе) и употребляются единицы широкой дистрибуции (немаркированные в кодифицированной системе, а в РР беспризнаковые относительно данного противопоставления [117]). Повторим, что в книжном языке внутри синтаксических противопоставлений в качестве маркированных членов выступают причастия и деепричастия в противоположность личным формам, краткие формы прилагательных по отношению к полным, страдательный залог по отношению к действительному. Меньший набор морфологических средств в синтаксисе оказывается возможным благодаря использованию в РР таких средств, как интонация, порядок слов, включение в сообщение элементов ситуации, а также жестов. Сфера употребления единиц, общих для двух систем, в РР оказывается шире. С этим связано, в частности, распространение в синтаксисе РР паратаксиса (ср., например, двойные глаголы), в том числе и за счет гипотактических конструкций книжной речи.

[117] Термин беспризнаковые указывает на то, что в системе нет самого признака противопоставления, так как нет двух противопоставленных по этому признаку единиц.

3) Единицы, совпадающие по форме с маркированными единицами кодифицированной системы, присутствуют в РР в другом качестве. Они несут на себе лишь номинативную семантическую нагрузку. Сравнение с соответствующими формами КЛЯ обнаруживает, что это различие в означаемом связано с лексическими ограничениями в реализации форм и с определенными особенностями в их синтаксической сочетаемости.

В образованиях от глагольных основ, как говорилось, наиболее регулярно представлено перфектное значение, которое опирается прежде всего на мутативные и каузативно-мутативные основы и определенные типы синтаксической сочетаемости.

Значения семантических подклассов кратких прилагательных также реализуются лишь в определенных в семантическом отношении группах прилагательных и в определенных синтаксических окружениях.

Таким образом, в РР обнаруживается более тесная связь формального различия с конкретной семантикой основы. Вследствие этого семантические классы слов в РР оказываются более резко выделенными формально, чем в КЛЯ. Иными словами, регулярность формы определяется семантическими условиями, а не обязательностью ее реализаций в целом грамматическом классе слов (как в КЛЯ). Лексическая нерегулярность заставляет, в соответствии с одной из традиций, рассматривать эти образования вне собственно морфологии — в словообразовании.

Указанные особенности, обнаруживаемые на уровне слова/ /словоформы, находятся в полном соответствии с теми характеристиками, которые дают синтаксису разговорной речи, говоря о преобладании в нем смысловых связей сравнительно с формальными [118].

2. Как следует из всего вышесказанного, противопоставление имени (прилагательного) и глагола оказывается в системе РР более контрастным, чем в кодифицированной системе. Для того чтобы нагляднее представить наши выводы, изобразим изучаемый участок кодифицированной системы в условной схеме (см. стр. 216).

Представленную схему можно рассматривать как развертку цилиндра (без оснований), в которой левая и правая части соединяются. Хотя плоское изображение упрощает реальную многомерность отношений, однако схема наглядно показывает замкнутый характер связей глагол — имя прилагательное. В кодифицированной системе причастие, являясь выразителем процессуального признака (формой глагола), опосредует связь с признаком непроцессуальным, выраженным полным прилагательным; формы страдательного залога со стороны глагола опосредуют переход от идеи процесса к идее состояния; краткие прилагательные, регулярно противопоставленные полным, являются ступенью перехода от значения состояния к значению признака. При этом

[118] См.: VI. Barnet. Jaký je linguistický status hovorové ruštiny? «Československá rusistika», 1971, № 2.

<table>
<tr><td></td><td colspan="4">Глагол</td><td></td><td colspan="2">Прилагательное</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Адъективированное причастие</td><td colspan="4">инфинитив</td><td rowspan="4">перфект</td><td rowspan="3">краткие формы</td><td rowspan="3">полные формы</td></tr>
<tr><td>полупредикативные ф.</td><td colspan="3">предикативные формы</td></tr>
<tr><td rowspan="2">причастие</td><td>действ. залог</td><td colspan="2">страд. залог</td></tr>
<tr><td>личные формы</td><td>личные формы на -ся несов. в.</td><td>аналит. формы на -н, -т сов. в.</td></tr>
<tr><td>Адверб. деепр.</td><td>деепричастие</td><td colspan="4"></td><td colspan="2">наречие</td></tr>
</table>

в переходных единицах возможна нейтрализация глагольных признаков (в определенных группах лексем и определенных синтаксических окружениях), что создает как бы взаимопроникание соседних классов [119]. В РР эта замкнутая подсистема оказывается разомкнутой на местах чисто формальных стыков (синтаксических форм), но при этом семантическое противопоставление «процессуальный признак — состояние, ограниченное рамками определенной ситуации — непроцессуальный признак» выражается более четко.

3. Таким образом, различия разговорной и книжной речи внутри литературного языка могут быть описаны как различия между двумя системами, т. е. как различия качественные, а не только количественные (речевые). Именно сопоставительный подход позволяет осознать частные различия как закономерные, как предопределенные глубинными механизмами организации той и другой системы.

Независимое описание системы разговорной речи на фоне книжной, кроме того, поможет выделить центральные и периферийные явления в текстах и соответственно в описаниях разговорной и книжной речи, относящиеся, в частности, к влиянию одной системы на другую. Это, естественно, повысит системность описания каждой из них.

К итогам следует добавить, что в результате предварительного сравнения отмечены существенные черты сходства диалектной и литературной разговорной речи, хотя отчетливо обнаруживаются и глубокие отличия их, отражающие противопоставление литературного языка и диалектов.

[119] Поэтому границы соответствующих классов изображены пунктиром.

Глава IV

СИНТАКСИС

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Какие единицы должны быть выбраны для синтаксического описания РР?

Есть один формальный критерий — интонация, с помощью которого может быть осуществлено полное и непротиворечивое членение разговорных текстов. Достаточно четко противопоставляются два вида интонации, членящей текст: интонация повышения (восходящая) и интонация понижения (нисходящая) [1]. В соответствии с этим мы выделяем две интонационные единицы — фразу и синтагму.

Ф р а з а — это отрезок текста с интонацией понижения на конце. Начало фразы либо абсолютное, либо оно непосредственно следует за другой фразой. Фраза — единица интонационно завершенная.

С и н т а г м а — составная часть фразы. Неконечные и неначальные синтагмы — это такие отрезки фразы, которые следуют за интонацией повышения и заканчиваются интонацией повышения. Естественно, что начальная синтагма текста следует за интонацией понижения, а последняя синтагма текста заканчивается интонацией понижения [2]. Неконечная синтагма — единица интонационно незавершенная: после нее необходимо продолжение в виде одной или нескольких синтагм.

Естественно предположить, что интонационное членение текста на фразы и синтагмы не произвольно, а связано с определенными синтаксическими и семантическими закономерностями в строении текста [3]. И, следовательно, отталкиваясь от интонационных еди-

[1] См., например: М. В. П а п о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 258—260.

[2] Выделяя в синтаксисе РР два вида интонации (интонацию повышения и интонацию понижения), мы идем на сознательное огрубление реально отличаемых в РР типов интонации, которые описаны выше (см. раздел «Особенности интонации разговорной речи»). При синтаксическом описании эти типы интонационных конструкций различаться не будут.

[3] Попытка показать с помощью экспериментального метода роль и взаимодействие этих трех факторов (интонационного, синтаксического и смыслового) для членения разговорной речи сделана в статье: Ю. В а н н и к о в, И. А б д а л я н. Экспериментальное исследование членения разговорной речи на дискретные интонационно-смысловые единицы (фразы). «Русская разговорная речь». Саратов, 1970, стр. 40—46.

ниц, можно перейти к собственно синтаксическому анализу разговорного текста. При этом следует считаться с тем, что в РР интонационные средства не только выделяют единые в синтаксическом отношении конструкции, но и членят их на части для коммуникативных целей (ср.: *Ну и арбузы из Астрахани-то привезешь* // — *Ну и арбузы привезешь* // *Из Астрахани-то* //). Другими словами, интонация выполняет в РР две основные функции: членит текст на целостные в синтаксическом отношении конструкции, членит такие конструкции на коммуникативные части.

Прежде чем дать определение высказывания, необходимо ввести еще одно понятие — понятие предикативной конструкции. Предикативная конструкция — это то, что в КЛЯ называют предложением в статике, т. е. это структура, представляющая непрерывную иерархическую цепочку членов. Статика противопоставляется динамике. Динамика — это приспособление данной структуры с помощью интонации, порядка слов и прочего к коммуникативному заданию [4]. Предикативная конструкция, лежащая в основе подавляющего большинства предложений КЛЯ, по отношению к РР может рассматриваться только как некоторая идеальная структура [5], сравнение с которой некоторых реальных конструкций РР позволяет уяснить их строение и подойти к определению высказывания.

Высказывание — это синтаксическая единица, которая обычно состоит из одной фразы. Несколько высказываний могут составлять одну предикативную конструкцию. Например: *Я послал им* // *Письмо* // *Заказное* // (ср.: *Я послал им заказное письмо*). Но ср., с другой стороны, текст, состоящий из пяти следующих высказываний: *Мы в Кострому уедем* // *Июль* / *август* // *Сентябрь недельки две*/ *может больше* // (будем в Костроме) *Это уж как с погодой* // *И домой* //.

Вполне понятно, что высказывание совсем не обязательно должно определяться на основе фразы; оно может быть определено как совокупность синтаксико-семантических признаков. Но выявление этих признаков — цель нашего исследования, а потому первоначально исходим из данного выше определения.

2. Очевидно, однако, что высказывания РР (и вопросительные высказывания КЛЯ) могут характеризоваться не только интонацией понижения, но и интонацией повышения. Как показано

[4] О предложении в статическом и динамическом аспектах см.: В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 8—9.

[5] Идеальное предложение как некоторая структура, позволяющая понять строение многих синтаксических образований, постулируется в работе: Н. Д. Арутюнова. Вариации на тему предложения. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 47.

в разделе об особенностях интонации РР, есть такие высказывания, которые заканчиваются, как и неконечные синтагмы, интонацией повышения. Интонация повышения завершает, как правило, вопросительные высказывания, если в их составе нет вопросительных слов. Возможна интонация повышения и в конце некоторых повествовательных высказываний: например, интонацией повышения может заканчиваться высказывание, представляющее собой открытый ряд однородных компонентов: *Вечно срывается план / вечно не хватает деталей / вечные командировки/*

Следовательно, если рассматривать движение интонации вверх / вниз как средство членения разговорного речевого потока на синтаксические единицы, то оппозиция «интонация повышения / интонация понижения» должна характеризоваться как привативная. Интонация повышения в этой оппозиции является немаркированной, поскольку с ее помощью выделяются и части высказываний, и высказывания. Интонация понижения маркирована, поскольку она выделяет только высказывания.

Как же отличать высказывания, завершенные интонацией повышения, от неконечных синтагм, которые тоже имеют интонацию повышения? Будем считать, что если одна часть разговорного текста отделяется от другой длительной паузой, то независимо от интонирования первой части вторая часть должна рассматриваться как новое высказывание. Не станем сейчас выяснять, какой длины должна быть пауза, чтобы можно было бы с уверенностью сказать, что после этой паузы начинается новое высказывание, а не продолжается предшествующее. Воспользуемся крайним случаем длительности паузы, когда эта длительность предельно велика, т. е. когда разговор закончен. Если на том или ином отрезке текста с интонацией повышения на конце нельзя закончить разговор, хотя синтаксическое строение этого отрезка и конситуативные условия его употребления этому не препятствуют, то данный отрезок следует считать синтагмой. Нельзя, например, оставить с интонацией повышения на конце конструкцию *Тогда она говорит /*, слушающий будет ждать продолжения — *Тогда она говорит / мы ей поможем //*. Если такого продолжения не последует, то разговор будет восприниматься как неожиданно оборванный. Если же разговор может быть закончен на том или ином отрезке текста с интонацией повышения на конце, то этот отрезок можно считать высказыванием.

Однако следует учитывать, что при интонации повышения, как и при всяком немаркированном члене, возможна нейтрализация противопоставления высказывание / часть высказывания. Так, если за высказыванием с интонацией повышения на конце следует часть, не отделенная длительной паузой, то нельзя определить, синтагмой или высказыванием является это продолжение, так же, как нельзя определить, синтагмой или высказыванием является первый отрезок. Ср.: *И бром пила / и обтиралась по утрам / ничего не помогает//*. Данный текст, первые две части

которого представляют открытый ряд однородных компонентов [6], может быть воспринят как законченный и без последней части: *И бром пила / и обтиралась по утрам/*. Являются ли две эти конструкции синтагмами в составе какого-то большего по размеру высказывания или самостоятельными высказываниями, неопределимо: произошла нейтрализация.

Возможность нейтрализации при интонации повышения объясняет, почему в определении высказывания как характерный признак учтена именно интонация понижения.

Все высказывания с интонацией повышения на конце могут при соблюдении некоторых условий иметь на конце и интонацию понижения. Например, если в вопросительном высказывании есть вопросительное слово, то высказывание может иметь интонацию понижения [7].

3. Почему мы считаем, что именно высказывание, а не предложение является реально существующей синтаксической единицей РР [8]. Любые тексты КЛЯ легко сегментируются на предложения без сколько-нибудь существенного остатка. Предложение для КЛЯ — вполне реальная и притом основная синтаксическая единица. Иное дело тексты РР. Они, как правило, включают в себя не только предложения, но и единицы иного строения.

Вот один из текстов РР, причем вполне типичный (разговор о том, что рекомендуют в Японии для поддержания нормального образа жизни человека):

1. Но японцы ты знаешь / японцы говорят придумали такое дело / что человек должен ходить в сутки не меньше чем десять тысяч шагов делать// (1) 2. Это сколько же километров? (2);

[6] Об открытых/закрытых структурах см.: В. А. Белошапкова. Указ. соч., стр. 62—69.

[7] В разделе «Синтаксис» в конце всех вопросительных конструкций ставится знак вопроса, независимо от того, имеют ли они интонацию повышения или понижения. Если вопросительная конструкция является синтагмой, то дальнейший текст продолжается со строчной буквы, например: *Липа что? цветет?* Если же вопросительная конструкция является высказыванием, то дальнейший текст будет продолжаться с прописной буквы.

[8] Для ответа на поставленный вопрос необходимо иметь четкую дефиницию предложения. Отдавая себе отчет в том, что общепринятого определения этого термина нет, будем считать предложением всякое такое синтаксическое построение, которое обладает совокупностью следующих признаков: а) имеет в своем составе компонент (или компоненты), выражающие предикативные категории времени и модальности; чаще всего — это глагол; б) все компоненты предложения, находясь в иерархической зависимости друг от друга, образуют непрерывную синтаксическую цепочку, т. е. всегда можно назвать независимый член и показать зависимость от него или друг от друга всех других членов; в) построениям, обладающим признаками (а) и (б), присуща интонация законченности. Если интонация законченности соответствует одному построению с признаками (а) и (б), то имеем простое предложение, если же интонация законченности объединяет в одно целое два (или более) построения с признаками (а) и (б), разделенных между собой интонацией незаконченности, то имеем сложное предложение.

1. Вот все задают такой вопрос / нужно шаги именно / независимо сколько / (прохаживаясь по комнате, показывает) у тебя может шаг такой / может быть такой// (3) Ты должен делать шаги / потому что каждый шаг как-то это физиологически воздействует на твою // (4) У одного это шаг вот это метр/у другого меньше // (5) И они очень простые какие-то сделали счетчики везде продаются там у них / вот // (6) Значит ты имеешь этот счетчик / и смотришь как это у тебя идет это дело // (7) Десять тысяч шагов именно // (8) Нужно сделать // (9) Тогда это будет значит нормальный образ жизни человек ведет // (10) 2. Интересно // (11) А спорт и все это / как уже / тогда не нужно совершенно? (12) 1. Нет / это не спорт / не все же могут заниматься спортом // (13) Они считают что вся нация должна физически развиваться // (14) И вот это / это для обычного / для нас с тобой а не для спортсмена // (15).

Здесь только шесть конструкций из пятнадцати — (2), (5), (7), (11), (13) и (14) обладают совокупностью признаков (а), (б) и (в) и поэтому являются предложениями. Девять других предложениями названы быть не могут, поскольку у них нет одного или даже двух признаков предложения.

В (1) в последней синтагме нарушена иерархическая последовательность в зависимости членов: сочетание *в сутки не меньше чем десять тысяч шагов* зависит одновременно от глаголов *ходить* и *делать*, которые при этом не являются однородными. Следовательно, в данном высказывании совмещены (наложены одна на другую) две синтаксические цепочки — *должен ходить десять. . .* и *должен делать десять. . .*

В (3) третья и четвертая синтагмы явно неполносоставны, что является результатом большой зависимости строения этих синтагм от контекста и конситуации. В КЛЯ, естественно, также допустима разного рода неполнота состава, но там все так называемые неполные конструкции опираются тем или иным образом на соответствующие полные, в РР этого нет — нельзя сказать, к какой полной конструкции восходит (если восходит вообще) синтагма *независимо сколько*, имеющая смысл 'независимо от того, сколько километров составят твои десять тысяч шагов'. Этот пример показывает, что контекст и ситуация могут преобразовывать ту единицу, которая в КЛЯ называется предложением, настолько, что она теряет статус предложения [9].

Также совершенно несвойственна КЛЯ неполнота состава в высказываниях (4) и (15): в (4) притяжательное местоимение *твою*, а в (15) прилагательное *обычного* выступают без существи-

[9] Ср.: «Что касается высказываний, обусловленных непосредственной ситуацией, обстановкой речи или широким контекстом, то их виды бесконечно разнообразны. Изучение таких высказываний не имеет отношения к области синтаксиса простого предложения и принадлежит теории текста» («Грамматика современного русского литературного языка». М., 1970, стр. 576).

тельного, и можно только приблизительно назвать, что за существительные могли бы здесь быть, причем эта приблизительность является, очевидно, заданной: большей ясности для данного текста и не требуется. В КЛЯ такие построения рассматривались бы как явно незавершенные.

(8) и (9) содержат типичный пример деления высказывания на две фразы [10]. Им противоположен пример (6), где две предикативные конструкции объединены в одном высказывании. В КЛЯ обязательно при этом было бы деление если не на самостоятельные предложения, то во всяком случае на синтагмы-предложения, т. е. части сложного предложения.

В (1), (12) и (15) синтаксическая цепочка прерывается повторами или вставкой вопроса.

Особое строение имеет (10): здесь при связке будущего времени *будет* вместо обычного для КЛЯ присвязочного слова из так называемого составного именного сказуемого выступает предикативная конструкция. В целом такая структура не отвечает ни статусу простого, ни статусу сложного предложения в КЛЯ.

Таким образом, если подходить к текстам РР с меркой предложения КЛЯ, то очень многие синтаксические построения РР не будут объяснены, поскольку они не являются предложениями и, что особенно важно, не могут быть сведены к предложению, или, другими словами, объяснены, исходя из предложения [11].

Представим себе, что РР для нас совершенно неизвестный язык, который мы хотим «прочитать». Если для этого выделять в нем только такие синтаксические образования, какие типичны для описанного в грамматиках КЛЯ (т. е. предложения), то, как можно судить по приведенному материалу, более половины текста РР не будет охвачено описанием. Не этим ли объясняется, что иностранцы, изучающие русский язык по текстам и грамматикам КЛЯ, жалуются, что плохо понимают разговорную речь?

Итак, чтобы достаточно полно представить синтаксис РР, необходимо описать строение не только предложений, но и всех других синтаксических конструкций РР.

4. В синтаксической теории поуровневого анализа Ф. Данеша [12] и его

[10] Ю. М. Скребнев, имея в виду, с одной стороны, распадение на несколько фраз одного высказывания (*Я уже там побывал. У вашего знакомого. Вчера*) и, с другой стороны, то, что два односоставные предложения в условиях их позиционной смежности могут восприниматься как главные члены одного двусоставного предложения (*Опять проверка. Безобразие! — Опять проверка — безобразие*), делает вполне справедливый вывод о стирании границ между предложениями в условиях разговорной речи. См.: Ю. М. Скребнев. Понятие предложения в свете описания задач разговорной речи. «Уч. зап. Горьковского пед. ин-та ин. яз.», вып. 36, ч. 2. Горький, 1970, стр. 16—17; Он же. К критике проблемы универсальной единицы синтаксиса. «Теоретические проблемы синтаксиса индоевропейских языков». Л., 1971, стр. 23—24.

[11] О неприемлемости понятия предложения при изучении РР см.: К. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1971, стр. 15.

[12] F. Daneš. A Three-Level Approach to Syntax. «Travaux linguistiques de Prague», I. Prague, 1964.

последователей выделяются три уровня синтаксического анализа. Суть поуровневого анализа в следующем. У предложения на разных иерархически выстроенных ступенях абстракции различаются три уровня. На первом уровне предложение рассматривается как единица речи со всеми ее индивидуальными особенностями. На втором уровне выступает предложение-высказывание. Высказывание абстрагируется от всего индивидуального, вскрываются системные средства его организации. Но при этом высказывание не выделяется из контекста и конситуации. Конститутивные системные средства не отграничиваются от второстепенных, несущественных. И,наконец, предложение рассматривается на уровне синтаксической схемы (формулы) [13].

Нельзя ли использовать эту концепцию с ее понятием высказывания для синтаксического описания РР?

Очевидно, что при поуровневом анализе признаки более высокого уровня абстракции (уровень схем) должны быть выявлены и на менее абстрактных уровнях. Другими словами, такой анализ предполагает на всех уровнях один и тот же объект, но абстрагированный в разной степени, как бы очищаемый от всего несущественного по мере продвижения от менее абстрактных уровней к более абстрактным.

При анализе синтаксиса РР выдержать единство объекта на уровне высказывания и уровне схем, как они определены в теории Ф. Данеша, можно далеко не всегда. Нельзя себе представить в качестве отдельных синтаксических схем конструкции (8) и (9): *Десять тысяч шагов именно // Нужно сделать //* Это может быть только одна схема, ибо один из признаков схемы — возможность быть единицей сообщения вне контекста и ситуации. Между тем данные конструкции могут функционировать в контексте только совместно.

Неясны и многие другие вопросы, в частности, как могут быть представлены на уровне схем высказывания с эллипсисом типа *Нужно шаги именно / независимо сколько //*. Не принимая во внимание конситуативные условия, невозможно объяснить смысл таких высказываний, а также причины их возникновения.

Выход из подобных затруднений нередко видят в том, что все эти «неудобные» образования объявляются непредложенческими высказываниями, вообще не подлежащими анализу. Для КЛЯ, где процент таких образований невелик, подобный подход себя оправдывает. В РР же «непредложенческие высказывания» очень часты, и поэтому их анализ — самая актуальная задача [14]. Попытки объявить высказывания такого рода находящимися за пределами системы языка, и, следовательно, не «достойными» анализа, представляются неубедительными. Все, что говорится, понимается и при этом оценивается информантом как правильное (а для РР весь приведенный текст правильный), строится по правилам данного языка (иначе общение было бы просто невозможным) и, следовательно, является фактом системы.

[13] См., например: R. Z i m e k. Основные структурные типы простого предложения в современном русском литературном языке. «Melbourne Slavonic Studies», 2, 1968, стр. 40.

[14] По наблюдениям Ю. М. Скребнева, нетипичные для КЛЯ образования оказываются вполне типичными для РР (Ю. М. С к р е б н е в. Понятие предложения. . ., стр. 15).

И если правила построения непредложенческих высказываний сложны, порой трудно уловимы, то это еще не значит, что они не существуют вовсе.

5. В монографии не ставится цель дать полный анализ синтаксического строения высказываний разных типов. Внимание будет сосредоточено только на тех признаках, которые обусловливают отнесение высказывания к системе РР. Это значит, что признаки, общие у высказывания РР и предложения КЛЯ (способы выражения предикативности, виды связи словоформ и пр.), в нашем описании отступают на второй план.

6. Подход к РР как особой системе предполагает поиски специфических, неизвестных КЛЯ схем высказывания РР. «Любое высказывание,— пишет М. В. Панов,— оформленное по синтаксическим моделям разговорного стиля, может быть пересказано и в нейтральном стиле [15], но вряд ли верно считать, что разговорные синтаксические модели — это сокращение или упрощение моделей нейтрального стиля. Во многих случаях синтаксические единицы имеют свои принципы построения, свою модель. . . Ряд синтаксических значений, передаваемых разговорными синтаксическими моделями, оказывается синтаксически непередаваемым в других стилях» [16].

Отталкиваясь от КЛЯ, в РР можно выделить два типа высказываний.

а) Строение многих высказываний РР вообще не имеет аналогий в КЛЯ, ср. высказывания, построенные по схеме N^1nom—N^2nom—Vf: *Книжный / я зайду//* (я зайду в книжный магазин)

б) Есть в РР и такие высказывания, схемы строения которых ничем на первый взгляд не отличаются от схем-предложений КЛЯ. Например, и в РР, и в КЛЯ возможна схема N nom—Vf—N acc: *Ты взял полотенце?* Но и здесь нет полного тождества между РР и КЛЯ. Схему N nom—Vf—N acc можно представить в еще более абстрактном виде как *субъект — предикат — объект*. Такая схема является общей не только для русских РР и КЛЯ, но и для всех, по крайней мере, индоевропейских языков. Это — языковая универсалия. Наличие таких универсалий в языках, естественно, не означает, что эти языки имеют одну систему [17]. Очевидно, что системы различаются не только наличием собствен-

[15] Противопоставление разговорного и нейтрального стиля у М. В. Панова в общем соответствует принятому в этой книге противопоставлению РР и КЛЯ.

[16] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 74.

[17] Сказанное не позволяет согласиться с исследователями, которые, учитывая несомненное сходство многих конструкций РР и КЛЯ, пытаются выводить все особенности синтаксиса РР из КЛЯ. Ср., например, анализ синтаксических синонимических рядов в работах И. Н. Егоровой-Кручининой (И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). — В кн. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967). РР — это не вариантное ответвление КЛЯ.

ных схем, но и, что не менее важно, способом реализации некоторых общих универсальных схем.

Принципиально важно, что РР и КЛЯ различны и в этом аспекте. Например, в приведенном высказывании объект может быть реализован так, как он в КЛЯ никогда не реализуется: *Ты взял чем вытереться?* (см. об этом подробнее в разделе «Наблюдения над синтагматикой. . .). Ср. также особое замещение позиции предиката в высказывании (10). Различная репрезентация одной универсальной схемы — важная область различия синтаксических систем РР и КЛЯ.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД СИНТАГМАТИКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

0. Этот раздел включает наблюдения над функционированием в РР ряда конструкций и словоформ. Для исследования были отобраны три рода явлений:

1) Синтаксические конструкции, выполняющие в РР роль номинаций и частей номинаций: *а*) конструкции с относительными местоимениями, *б*) конструкции, состоящие из предлога и существительного в форме косвенного падежа, *в*) конструкции с verbum finitum.

2) Словоформы инфинитива и имени существительного в им. падеже.

3) Указательные местоимения. Выбор для описания именно этой категории слов объясняется специфичностью ее функционирования в системе синтаксиса РР и связан с изучением общей проблемы расчлененности высказывания в РР.

Основное внимание в данном разделе обращалось на специфичные для РР синтаксические функции выше перечисленных конструкций и словоформ. Описание функций им. п. субстантива сделано несколько иначе: в нем отражены и те функции им. падежа, которые специфичны для РР, и те, которые свойственны ему в РР и в КЛЯ.

Функции конструкций, выполняющих роль номинаций или частей номинации

Вводные замечания

1. Принято считать, что понятие синтаксической позиции определяется односторонне — лексико-грамматическими свойствами **того** члена, который является главным в синтаксической конструкции, ее «хозяином»; вопрос же о том, какие «слуги» могут быть у этого хозяина, не играет роли для характеристики

собственно синтаксических свойств позиции [18]. С нашей точки зрения, определение понятия позиции не должно быть односторонним. Для позиции небезразлично, какие именно распространители могут быть у того или иного члена. Количественный и качественный состав слуг является непременной синтаксической характеристикой их хозяина (синтаксической — так как состав слуг служит объективным формальным показателем синтаксико-грамматических свойств хозяина в тех или иных конструкциях, в тех или иных языковых обнаружениях). Нельзя считать тождественными позиции, в которых один и тот же хозяин может быть распространен разным числом слуг, т. е. позиции типа:

1) $A_1 \rightarrow B$ и 2) $A_2 \begin{matrix} \nearrow B \\ \rightarrow C \\ \searrow Д \end{matrix}$,

где А — господствующий член, а В, С, и Д — зависимые.

2. Сравнение законов синтаксической сочетаемости РР и КЛЯ показывает, что для этих двух систем характерны соотношения указанного выше рода: аналогичные лексико-грамматические единицы РР и КЛЯ имеют и одинаковые распространители, и специфические.

3. Синтаксические позиции (подобно позициям единиц других уровней) можно описывать по-разному — с точки зрения господствующего члена конструкции и с точки зрения ее зависимого члена, т. е. изучать: 1) способы распространения того или иного хозяина; 2) сферу действия тех или иных слуг.

Применим второй способ описания к рассмотрению фактов РР.

Подход к описанию синтаксической синтагматики с точки зрения характеристики поведения слуг, насколько нам известно, не применялся к описанию РР.

4. Синтагматика названных выше в п. 0 конструкций в РР отличается от синтагматики тождественных по форме конструкций в КЛЯ: в РР они способны выступать в целом ряде позиций, запрещенных для них в КЛЯ. Это объясняется как своеобразием собственно синтаксических черт РР, так и тем, что названные конструкции в РР употребляются в качестве расчлененных номи-

[18] Ср., например, следующее высказывание И. Н. Егоровой: «Синтаксическое место — это элемент позиционной структуры предложения. Но так как позиционная структура предложения создается исключительно характером синтаксических связей между его компонентами, а характер каждой из этих связей определяется в свою очередь только лексико-грамматическими свойствами господствующего компонента и от синтаксического качества подчиняемого компонента не зависит (разрядка моя. — *Е. З.*), то ясно, что для понятия синтаксического места способ его представления не существен». (И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 79).

наций, служащих для называния лиц и предметов [19], а также частей более сложных номинаций. Важная особенность таких номинаций состоит в том, что «прямое» название лица или предмета в номинации отсутствует. Она содержит лишь название признаков либо действий лица или предмета—типических или обнаруживаемых в данной ситуации. Такие номинации являются своеобразными семантическими конденсатами, содержащими implicite не названное прямо имя лица или предмета. Например: (в очереди) За мной *с санками* // (о м а л ь ч и к е с санками); *В красной кофте* / потом ты//; *С зелеными балконами* / это Ваш? (имеется в виду: д о м, з д а н и е. . . с зелеными балконами); *Молоко разносит* / не приходила еще?; *У окна лежала* / капризная очень// (разговор в больнице); У тебя нет *чем писать*? (о ручке или карандаше).

А вот типичные магазинные номинации: У вас есть *от кашля* (имеется в виду: лекарство, средство. . . что-нибудь от кашля); *За двадцать две* и три пакета молока // (имеются в виду творог за 22 копейки); У вас *под жемчуг* есть?; *За пятнадцать* один возьми и все //; Два *за тринадцать* и один бублик //.

Признаки, положенные в основу номинации, могут быть самые различные. Для предметов торговли это обычно назначение, цена, цвет и размер. Наименования лиц чаще всего в городских уличных разговорах даются по одежде или какой-либо характерной примете (***В серой шубе*** *не проходила* здесь?; ***С транзистором*** *с Вами?* и т. п.).

Очевидно, что нормы РР не требуют восполнения таких конструкций.

Специфическая семантическая нагрузка таких номинаций, их синонимичность номинациям, содержащим имя лица или предмета (ср. *в серой шубке — женщина в серой шубке*, *от насморка — мазь от насморка*, *у окна лежала — больная*, *которая у окна лежала*) и однословным номинациям (ср. *чем писать — ручка*, *карандаш. . .*; *на чем сидеть — коврик*, *подстилка. . .*) приводит к тому, что номинации, выраженные расчлененно — неоднословной конструкцией, — употребляются в тех же синтаксических позициях, что и синонимичные им однословные номинации — имена существительные. Таким образом, употребляемые в качестве номинаций конструкции с предлогом (типа *из нашего дома*, *в серой шубе*), конструкции с verbum finitum (*над нами живет*, *у окна лежала*), конструкции с относительными местоимениями (типа *чем писать*, *во что завернуть*) употребляются в тех же функциях, что и словоформы существительных. Этот факт имеет важное синтаксическое последствие: связи между неоднословными номинациями и их синтаксическими хозяевами не могут

[19] Описание разных видов расчлененных номинаций см. в гл. «Номинация». См. также: Е. А. З е м с к а я. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 57—63.

быть выражены морфологически. Между такими номинациями и их хозяевами наличествуют лишь смысловые связи. Ср. *Над нами живет* ***переезжает*** *в новую квартиру*; *Над нами живет* ***уехала*** *на дачу*; *С санками* ***не пробегал****? С санками* ***не пробегала****? С санками* ***не пробегали****? С санками* ***не видели****?* и т. п.

Вследствие этого в речевой цепи разговорной речи оказывается гораздо более, чем в речевой цепи КЛЯ, синтаксических построений, в которых отношения между членами морфологически не выражены. Кроме того: для РР такие конструкции — норма, типическая черта; для КЛЯ — редкость. Это — яркий пример синкретизма РР по сравнению с КЛЯ: использование морфологически неспециализированных средств для выражения разного вида отношений (синкретизм в плане выражения).

Конструкции с относительными местоимениями

Конструкции с относительными местоимениями бывают двух типов: **А**. глагольные, **Б**. безглагольные. Например: **А**. Возьми *на чем сидеть*; Купи *чем стирать*; Дай *во что завернуть*; **Б**. Она живет *где музей*; Приходи *когда салют*; Положи *где вилки*; Поставь *где обувь*; Мы шли *где магазин* и т. п. Ср. синонимичные глагольные и безглагольные номинации: *кто записался* и *кто в списке*, *где вилки* и *где вилки лежат*.

В отличие от омонимичных конструкций с вопросительными местоимениями в данных конструкциях местоимение всегда безударно. Ср.: *Гдé клуб*? и *Он живет где клуб*//.

Рассматриваемые конструкции напоминают по форме придаточные предложения КЛЯ. В дальнейшем будем для краткости называть конструкции такого рода блоками. В литературе отмечалось, что конструкции такого рода в РР ведут себя подобно присловным распространителям в форме слова и что присоединяются они к господствующему члену без синтаксических скреп — коррелятивных местоимений типа *тот* (*кто*), *то* (*что*), *тем* (*что*), *там* (*где*), *тогда* (*когда*) [20].

Рассмотрим в отдельности строение и синтагматику глагольных и безглагольных блоков.

Глагольные блоки

Простейшая и наиболее распространенная конструкция состоит из относительного местоимения *что*, *кто*, *где*, *куда*. . .+ инфинитив. Например, *чем писать*, *чем стирать*, *что купить*,

[20] См.: И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967. См. также: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект.

во что завернуть, *куда положить*, *куда поставить*, *где спать* и т. п. Склоняемые местоимения имеют падежную форму, требуемую глаголом.

Такие сочетания можно называть сочетаниями с «конденсированным относительным словом» [21]. Они называют предмет по самой общей его функции, но никак его не конкретизируют применительно к ситуации. Ср. две номинации, называющие один и тот же предмет — «полотенце»: Возьми *чем вытереться* и Возьми *на гвоздике за дверью висит*. Первая конструкция называет любой предмет, предназначенный для вытирания, без всякого уточнения, конкретизации; это может быть л ю б о е полотенце. Во второй конструкции дана конкретизация предмета, отсутствующая в первой; речь идет об определенном предмете, охарактеризованном по месту его нахождения [22].

Номинации с конденсированным относительным словом и инфинитивом имеют общее значение, не прикрепленное к той или иной конситуации. Они могут быть, сохраняя свой структурный остов, перестроены применительно к данной ситуации, т. е. локализованы. Например: — Дай мне *на чем ты гладила* (ср.: — Дай *на чем гладить*).

Такие номинации, конкретизированные применительно к данной ситуации, имеют более сложное строение. Обычно они содержат, кроме относительного местоимения и глагола, субъектные, объектные и обстоятельственные распространители глагола. Глагол в таких конструкциях может быть выражен разными спрягаемыми формами, кроме императива, также — реже — отглагольными образованиями на *-н* или *-т*. Например: 1. Ты к кому звонишь? 2. *У кого форточка открыта* //; Кормимся *что Степанна купит* //; Ели *что вчера приготовили* //.

Синтагматика обобщенных и конкретизированных блоков одна и та же.

Блоки, выступающие в функции номинаций

Выше говорилось, что блоки, выполняющие функцию номинаций, синонимичны именам существительным, и поэтому их синтагматика повторяет синтагматику соответствующих словоформ,

[21] См.: А. И. С м и р н и ц к и й. Синтаксис английского языка. М., 1957, стр. 95. Е. А. И в а н ч и к о в а. Указ. соч., стр. 92. — И. Н. Кручинина-Егорова рассматривает подобные конструкции, изучая вариативные синтаксические ряды разговорной и письменной речи. См.: И. Н. Е г о р о в а. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения; И. Н. К р у ч и н и н а. Синтаксис разговорной речи. «Русская речь», 1968, № 1.

[22] Эти два типа номинаций аналогичны в какой-то степени явлениям, называемым Ш. Балли характеризацией и локализацией. См.: Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с фр. М., 1955, стр. 89, 101—102.

с той разницей, что связь между ними и их хозяевами оказывается морфологически не выраженной. Для наглядности «просклоняем» синонимичную пару номинаций: *ручка* и *чем писать* [23].

И. Ручка на столе //	Чем писать на столе //
Р. У тебя нет ручки?	У тебя нет чем писать?
В. Захвати с собой ручку!	Захвати с собой чем писать //
Т. Ты доволен новой ручкой?	—
П. Позаботься о ручке!	Позаботься чем писать //

В наших материалах не представлена конструкция *чем писать* в позиции дат. и твор. падежа.

Можно думать, что это не случайность. Вероятно, отсутствие примеров для дат. п. объясняется спецификой значения блока *чем писать*, избранного нами для «склонения». Для других блоков, например, с местоимением *кто*, обозначающих лиц, позиция дат. падежа со значением адресата действия вполне употребительна: Вы справку даете только *кто лежит*? (разговор в больнице); *Кто выиграл* дадут приз//; *Кто записался вчера* / сейчас билеты давать будут//. Ср. примеры И. Н. Егоровой: — Отдай *у кого кошки есть*; Как я завидую *у кого сейчас каникулы* [24].

Что касается позиции твор. пад., то типическое для него значение субъекта действия при страдательном обороте чуждо РР. Иные значения твор. п., в частности обстоятельственные (например, временно́е), свойственны РР и могут быть выражены блоками.

Особый интерес представляет вопрос об использовании блоков для выражения падежных значений, непременным оформителем которых является предлог. Обращает на себя внимание тот факт, что в позиции предл. п. (в отличие от словоформы существительного) при блоке отсутствует предлог. Нельзя сказать «позаботься о *чем писать*», «побеспокойся о *что взять с собой*» и т. п. По-видимому, вообще в тех случаях, когда глагол присоединяет словоформу существительного с помощью предлога, блок присоединяется беспредложно. Ср.: Это зависит *от студентов* и Это зависит *кто строили* (а не «от *кто строили*»); Это зависит *от срока* и Это зависит *когда бросишь курить* (а не «от *когда бросишь курить*»); Надо спросить *у Марьи Ивановны* и Надо спросить *кто за перепечаткой следит*. Кроме того, кажется, блоки употребляются не во всех случаях, когда синонимичные им существительные функционируют в сочетании с предлогами (например, с такими «лексичными» предлогами, как *для*, *вместо* и под.).

Рассмотрим типические функции блоков-номинаций.

1) Блоки могут играть роль главных членов высказывания: *Кто записаны* / получат билеты получше//; *У кого детей нет* / редко дачу снимают//; *Кто приехал* / у нас ночевать будут //; Самое главное / *во что уложить*// Ведро что ли//.

[23] В склонении используются записи РР.
[24] См.: И. Н. Е г о р о в а. Указ. соч., стр. 89.

Блоки, выступающие в функции главных членов, обычно интонационно отделяются от остальной части высказывания. Ср., впрочем: А у нас *в чем мыть* там занята// (о посуде).

Между блоком и соотносительным главным членом наличествует согласование по смыслу в числе (см. три первые примера) и в роде: *Кто у Вас живет* / вчера к нам з а х о д и л а// (о женщине); *Кто тебе цветы приносит* / опять под окнами х о д и л// (о мужчине); *Кто с ней занима́лась*/ у нее п р и н и м а л а экзамен// (о женщине).

2) Блоки могут употребляться при глаголе в качестве зависимых членов.

а) Объектных распространителей: Кормимся *что сварю*//; Я ищу *чем писать*//; Вы справки даете только *кто лежит*? (разговор в справочном отделе больницы); Это надо узнать *кто дверь запирал*//; Выбросить *где мясо лежало*? (о пакете).

б) Обстоятельственных распространителей: Ты же валяешь портфель на землю / а после кладешь *где я сплю*//; Пойдем *где прошлый раз были*//; Пойдем *где в каникулы катались* //; Если никого дома нет / ты можешь сходить *где мама работает*//; Я рубашку положила *где гладить* //; 1. Эх / ручку испортили// 2. Да нет / не испортили// Вы сходи́те *где у нас ручки чинят*//. Ср. с иным порядком слов: *Где муж работает* / далеко ехать//.

3) При *есть* (в знач. 'имеется') / *нет* (в значении 'не имеется'), соответственно в прошедшем времени: *было* / *не было*; в будущем времени: *будет* / *не будет*.

У тебя есть *где ночевать*?; 1. У тебя нет *чем мазать клей*? 2. Мазать? Я мазала какой-то б у м а ж к о й // К а р т о ч к о й //; Есть *куда цветы поставить*?; У него не было *что подстелить* //; У него было *где остановиться*//; У меня не было *с чем сверять* (о рукописи)//; У Вас не будет *чем отвинтить*?; У тебя не будет *куда яблоки положить*?

4) При безлично-предикативных словах типа *надо*, *нужно*: Мне надо *чем укрыться*//; Тебе надо *во что завернуть*?; Ему нужно *чем завязать*//.

5) Блоки, называющие лиц, могут выступать в функции обращения:

Кто пальто снял / проходите в зал!; *Кому выходить* / не толпитесь в проходе// [25].

Показательно, что блоки-номинации могут вступать в отношения однородности с именами существительными: Не забудь м ы л о / и *чем вытираться*//; Нужно купить р у ч к у и *на чем записывать*//; Это зависит не о т с т у д е н т о в / а *кто строит здание*//.

[25] Ср. объявления (сохраняем пунктуацию автора): *Кто потерял часы* обратитесь в 12 кв.; *Кто забыл зонтик около автомата*, зайдите в 96 кв. (2-ой подъезд).

Блоки, являющиеся частью номинации

Типическая функция блоков, являющихся частью номинации, распространять имя существительное.

Присубстантивные блоки содержат разного рода уточнения расположенного перед ними существительного, т. е. позиция блока в высказывании фиксирована: Чемодан *куда укладываться* приготовь заранее//; А у Вас есть аппаратик *во что смотреть*?; Она вышла замуж за... актера *кто Яго играл* //; Я не знаю дорогу *как ехать*//; Мы дачу посчитали по количеству народа *кто там живет*// [26].

Как правило, интонационное членение между существительным и блоком отсутствует. Однако встречается и выделение постпозитивного блока в особую синтагму:

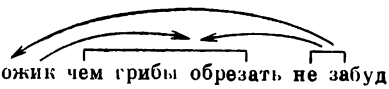
Вам надо искать няньку / *кто за Вами ухаживать будет*//; 1. Кто у Вас делает декорации? 2. Декоратор / *кто хорошо рисует*//; Ты возьми какой-нибудь пакетик / *во что класть*//; ...Ну это было в тридцатых годах / *когда испанка здесь была*// (о болезни); Ты говоришь диапазон // Диапазон / *на кого рассчитано* / должен быть широким//.

Возможно и дистантное расположение блока-уточнителя по отношению к существительному, вынесение его в отдельную синтагму или высказывание:

Люд / хлебца мне достаньте // *Где горбушка есть*//.

Особенность рассматриваемых конструкций состоит в том, что, как правило, блоки, конкретизирующие имя существительное, семантически и структурно устроены так, что они могут выступать при данном глаголе и самостоятельно (без существительного), выполняя функцию самостоятельной номинации. Ср. *Рубашку в чем спать* положила? и *В чем спать* положила? *Ножик чем грибы обрезать* не забудь и *Чем грибы обрезать* не забудь; Проследи за его *прогулками* / *где он гуляет* и Проследи *где он гуляет*.

В таких высказываниях блок имеет двойные связи: с существительным и с глаголом. Это можно изобразить так:

Таким образом, глагол имеет двух слуг (существительное и блок), а блок оказывается подчиненным и глаголу, и существительному одновременно.

Частный случай таких конструкций имеем тогда, когда блок содержит глагол, однокоренной по отношению к уточняемому

[26] См.: И. Н. Егорова. Указ. соч., стр. 92—93. Ср. в записях И. Н. Егоровой: Лучше знаешь что: дай мне бумажку *что купить* (выделено нами. — *Е. З.*).

существительному, и по существу не несет никакой новой информации, являясь своеобразной глагольной перифразой имени:

Посмотрите на е е п о в е д е н и е / *как она ведет себя*//; Последи за е г о п р о г у л к а м и / *где он гуляет* //; Именно и с п о л н е н и е / *как он исполняет* / мне очень нравится // (об актере).

При ином порядке слов, когда существительное находится в п о с т п о з и ц и и к блоку, зависимость блока от существительного отсутствует. В таких случаях существительное выступает как уточнитель, конкретизатор блока [27]. И блок, и существительное подчинены глаголу; налицо связь соподчинения:

Купи *чем записывать* / р у ч к у ш а р и к о в у ю //; У нас есть *во что смотреть* / а п п а р а т и к т а к о й//; Принеси *чем завязать* / в е р е в о ч к у к а к у ю - н и б у д ь//; Дай *чем вытереться* / н о с о в о й п л а т о к и л и т р я п о ч к у ч и с т е н ь к у ю//.

При таком порядке слов уточняющее существительное бывает интонационно отделено от блока.

Следовательно, единственным средством выражения отношений между блоком и субстантивом является порядок слов. Препозитивный член выступает как основной, главенствующий; постпозитивный — как его уточнитель, конкретизатор.

Однако не во всех случаях постпозитивный блок, уточняющий существительное, может быть одновременно отнесен также и к глаголу.

Ср. с выше приведенными примерами: С п и с о к *что купить* в кухне возьми//; Просто это будет о р и е н т и р о м *что искать*//.

Устранение определяемых существительных разрушает эти фразы. «Что купить в кухне возьми» — имеет совсем другое значение, «Просто это будет что искать» — конструкция, не отмеченная в РР.

Безглагольные блоки

Безглагольные блоки состоят из относительного местоимения (*где*, реже *когда*, *кто*, *что*, *чей* и некоторых других) и имени (чаще всего имени существительного в им. пад.), например, *чья книга*, *чей ребенок*, *где пруд*, *где школа*, *когда салют*, *кто в списке*, *кто приезжие*.

Б л о к и, в ы с т у п а ю щ и е в ф у н к ц и и н о м и н а ц и й

1) Безглагольные блоки нередко играют роль главных членов высказывания.

а) Блоки, служащие для называния лиц, могут выступать

[27] См.: И. Н. Е г о р о в а. Указ. соч., стр. 92—93.

в функции подлежащего. Обычно такую роль играют блоки с местоимением *чей*, реже *кто*.

Кто приезжие всегда говорят «ихний»//; *Чей автомобиль* не приходил еще//; (Ситуация: мальчик разбил окно) *Чей ребенок* / должен штраф платить//.

б) Блоки, называющие всякого рода пространственные и временны́е понятия, часто служат обстоятельственными характеристиками имени существительного в им. п.:

Ваш дом / *где кино*?; Их дача / *где пруд*//; Ваша чашка / *где одинаковое блюдце*//; Наш институт / *где бассейн*//.

На наш взгляд, соотнесение таких блоков с именем есть акт предикации. Ср. *Ваш дом / деревянный?* и *Ваш дом / где кино?*

2) Блоки могут выступать при глаголе в функции зависимого члена — пространственного или временно́го распространителя (чаще всего — блоки с местоимением *где*):

Садись *где газеты* / только отодвинь их//; Возьми *где посуда*//; Пойдем *где магазин* / а то на другой дороге пылища//; Приходи *когда салют* // Красиво очень//; Здесь принимают только *кто в списке?* Ср. при нулевом глаголе: Кеды конечно можно *где обувь* // (имеется в виду: «поставить, где стоит обувь»).

Ср. блоки, являющиеся самостоятельными репликами диалога: 1. Скажите / к Русскому музею как пройти? 2. *Где ба́шня* / часы́ (жест указания) / так туда / налево//.

Ср. с иным порядком слов:

1. На Дворцовую площадь как пройти? 2. *Вот шпи́ль где* // Прямо идите//.

3) Блоки, называющие лиц, употребляются в функции обращения:

Чья посылка / подойдите сюда //; *Чья очередь* / входите//; *Кто первый* / можете войти//; *Чей чемодан* / освободите проход//; *Кто без пальто* / проходите сюда // (к посетителям в музее).

Как правило, такой блок бывает интонационно отделен от остальной части высказывания. Блоки-обращения отличаются в произнесении от напоминающих их по форме конструкций с вопросительным словом. Ср. *Чья́ посылка?* и *Чья посылка* / *подойдите сюда* (*чья* — здесь безударно).

Блоки, являющиеся частью номинации

1) Типическая функция таких блоков — выступать в позиции зависимого члена при имени существительном, являясь его конкретизатором, уточнителем:

Поставь на шкаф *где ваза*//; Копирка на шкафу / *где Ахматовой большой портрет*//; Положи на полку *где простыни*//; Отнеси в комнату *где телевизор*//; Поставь пластинку *где причитания*//.

В высказываниях такого рода блок зависит и от существительного, и от глагола:

Таким образом, здесь наблюдается такое же двойное подчинение, как в высказываниях с глагольными блоками (типа *Возьми ножик чем грибы обрезать*), см. выше, стр. 232.

2) Безглагольные блоки могут употребляться в функции уточнителей также при наречиях и местоименных наречиях:

Положи с ю д а / *где ключи*//; Это т а м / *где метро*//; Это было в ч е р а / *когда салют*//; Не люблю гулять в е ч е р о м / *когда темно*//.

Как правило, блок интонационно отделяется от наречия.

3) Особый вид безглагольных блоков, распространяющих имя существительное, составляют блоки с местоимением *который* типа *Спроси у женщины которая в музее* [28]. Эта конструкция — даже во вполне определенной конситуации — не обозначает только «работает», «находится» или нечто подобное, а выражает недифференцированное значение, уточнять которое у говорящего нет намерения: имеется в виду женщина, с которой познакомились в музее, которая, может быть, и работает в музее и т. п., но в данном случае это не важно.

В таких конструкциях говорящий метонимически сближает лицо и предмет (или ли́ца), как бы их идентифицируя.

Еще несколько примеров:

1. У нас полный Толстой есть? 2. Какой Толстой? 1. Ну / *который «Война и мир»*//; 1. Это какой Попов? *Который Шендяпин?* [о соавторах] (без установки на шутку); Это какой Гвоздев? *Который «Детская речь»?*; Это какой Шеворошкин? *Который карийский язык?*; 1. А когда кино будет? 2. *Кино которое Ви́тя?* [об операторе]; 1. Ко мне Люда приедет // 2. Какая Люда? *Которая Игорь?* [у Люды муж Игорь]; Я на курсы поступила / *которые тридцать рублей* // [плата для слушателей на курсах 30 руб.].

Для таких построений типичен им. п. существительного. Это объясняется тем, что им. п., как немаркированный член парадигмы, наиболее пригоден для выражения семантики отождествления, идентификации. Ср. ниже конструкции с двумя именительными падежами, между которыми также наличествуют отношения отождествления, идентификации.

Впрочем, в рассматриваемых конструкциях изредка встречаются и косвенные падежи: Это тот самый Лебедев *который лампово́й копотью* [о В. В. Лебедеве, у которого есть рисунки ламповой копотью].

[28] Конструкции этого типа находят отражение в письменной речи: «Вы знаете Марчелло Мастрояни? Того самого, который «знаменитый Мастрояни»? Того самого, *который и Софи Лорен?* («Комс. правда», 31 дек. 1968); Я пояснил, что мне нужен не электрозвонок, а колокольчик. *Который «дар Валдая»* («Комс. правда», 8 марта 1969).

По-видимому, косв. п. употребителен в тех случаях, когда прямое сближение лица и предмета, называемого косв. п., может вызвать комический эффект (типа «Лебедев который ламповая копоть»).

4) Блоки, являющиеся ответными репликами (часто — при переспросе), могут рассматриваться и как самостоятельные номинации, и как части номинации, разделенные между двумя репликами одного лица, а иногда и двух лиц. Например:

В какой ящик положить? *Где вилки-ножи?*; Вы в какой булочной хлеб покупали? *Где метро?*; 1. Вы в каком районе живете? 2. *Где Музей изобразительных искусств*//.

Определительный характер таких уточнений выступает особенно ярко при вопросах, переспросах и т. п., когда блок является ответом на вопрос: какой? Ср. еще: 1. Наша соседка уехала в Японию// 2. Какая соседка? *Чья посылка?*; 1. Вы в какое кино идете? 2. *Где пруд*//.

Конструкции, состоящие из существительного в косвенном падеже с предлогом

1. Конструкции, состоящие из существительного в косвенном падеже с предлогом (типа *от кашля*, *из соседней квартиры*, *из нашего класса*, *с нашей улицы*, *со второго курса*, *в тапочках*, *в очках*, *с мячиком*, *у окна*, *рядом с окном*) могут функционировать в РР в качестве номинаций. Выступая в качестве номинаций лиц и предметов по какому-либо признаку, они употребляются преимущественно в функции одного из главных членов (подлежащего) и в функции зависимого члена при глаголе.

1) При глаголе — для обозначения субъекта действия: Утром прибежал *в тапочках* и ругался страшно//; *С велосипедом* картошку привез / молодую//; За вами стояла *в меховом пальто?*; Выходит *лет сорока пяти* / и кричит как сумасшедшая / Вы к кому?; Нам налево // Вон видишь / куда *в красной шапке* повернул//; А *с английским* пришла? (о няне, знающей английский язык); *В синем халате* / с ним всегда кокетничает//.

Рассматриваемые конструкции обычно бывают согласованы по смыслу с глаголом в роде и числе: *С прыгалками* не пробегала?; *С санками* не проходил тут?; К нам сегодня *из «Бэ»* придут // (о школьном классе, имеющем индекс «Б»).

2) При глаголе — в функции объекта действия: Позови *из вашего класса* и *из десятого* // Вам веселее будет//; Я встретила в кино *из нашего старого дома* // Обрадовались как родные//; *Рядом с окном* сегодня выписали // (из больницы); 1. Что-то я давно не вижу *из нашего дома?* 2. Какую? 1. В чер-

ном платье ходит//; П р и г л а с и за наш столик *в синем халате*//.

Номинации рассматриваемого типа могут употребляться в тех же функциях и в предикативных построениях с нулевыми глаголами:

За мной *в очках* / и женщина с ребенком//; *С бородой* все про лазеры всякие // Надоело//; *С лестницей* / к Вам?

Доказательством того, что предложно-падежные конструкции действительно выполняют функции субъекта и объекта, является возможность их соединения с помощью союзов *и*, *или*, *но*, *да* с именами в форме им. или вин. п., т. е. с морфологизованными формами выражения субъекта и объекта [29]. Например: Придут *из соседней квартиры* / и д в е м о и ш к о л ь н ы е п о д р у г и//; Позови на день рожденья *с Вашего курса* и с о с е д а//;

П р и м е ч а н и е. В устной городской речи распространено употребление номинаций, состоящих из предложно-падежных конструкций, в функции обращения:

В середине! Потеснитесь немножко!; *У окна!* Потише разговаривайте!; *В проходе!* Не мешайте выходить!; *С сумкой* / войдите в салон // (в троллейбусе).

Такие обращения особенно характерны для общения незнакомых людей (на улице, в транспорте, в магазине, на почте, в больнице и т. п.). Они могут иметь оттенок некоторой официальности (совмещающейся с грубоватостью).

2. Предложно-падежные конструкции, являющиеся частью номинации, нередко выступают в присубстантивной позиции, выражая при этом разного рода определительные отношения:

Съешь *конфетку у меня на столе*//; *Цветы на окне* тебе кто подарил?

В КЛЯ предложно-падежные конструкции также могут распространять имя существительное, однако в РР круг таких номинаций значительно шире. В КЛЯ предложно-падежные конструкции определяют имя существительное, если они называют его типический признак, в РР — любой признак, в том числе ситуативно возникающий, мимолетный, случайный. Ср. номинации, типичные для КЛЯ: *бутылка от кефира*, *бидон для молока*, *ключ от сарая*, *веревка для белья* и т. п.[30] и номинации, типичные для РР: *ваза на шкафу*, *чемодан в коридоре*, *полотенце за дверью*, *осколки на полу*, *альбом в кухне на табуретке*, *конфеты в газете*. Вот соответствующие контексты: Вымой *вазу на шкафу*//; *Чемодан в коридоре* можно в комнату поставить?; *Полотенце за дверью* / Ваше или Катино?; Собери поскорей *осколки на полу!*; Принеси мне *альбом в кухне на табуретке*//.

[29] См.: Р. И. А в а н е с о в. Второстепенные члены предложения как грамматические категории. — РЯШ, 1936, № 4, стр. 58. Ср. также: «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 69—71.

[30] См. характеристику таких конструкций в академической Грамматике русского языка (М., 1954, т. II, ч. 1).

Доказательством того, что предложно-падежные конструкции распространяют существительное, а не глагол, является семантика и строение рассматриваемых конструкций и — в первую очередь — характер предлога. Очевидно, что произнося фразу *Вымой вазу на шкафу*, говорящий не имеет в виду, что мытье будет производиться на шкафу, а лишь указывает местонахождение вазы. Если бы в приведенных высказываниях конструкция с предлогом относилась к глаголу, во многих случаях она включала бы иной предлог. Ср. с вышеприведенными: *Чемодан из коридора можно в комнату поставить?*

Однако нередко высказывание строится так, что предложно-падежная конструкция может относиться и к глаголу, и к имени существительному. Например:

и т. п.

Конструкции с verbum finitum

Не рассматривая функционирование конструкций с verbum finitum в качестве основы предикативного построения (см. вступительные замечания к гл. «Синтаксис»), обратимся к характеристике некоторых позиций таких конструкций, специфичных для РР. Сюда относится, на наш взгляд, употребление названных конструкций в качестве распространителей слова, а также в качестве одного из главных членов другого предикативного построения.

Конструкции с verbum finitum, выступающие в функции номинаций

Конструкции со спрягаемой формой глагола в РР могут употребляться в номинативной функции (см. гл. «Номинации»), а не только в качестве коммуникативных единиц. Такие конструкции функционируют в качестве номинаций лиц (реже — предметов). Они характеризуют лицо по действию (постоянному или единичному, данному в конситуации). Имя лица в номинации отсутствует.

Кроме глагола, такие номинации могут содержать название объекта действия (*мусор собирает*, *телеграммы разносит*, *хлеб продает*), название пространственных и временны́х характеристик действия (*через улицу переходит*, *на столе лежит*, *из Киева приехала*, *вчера приехала*), а также содержать непосредственное указание на действие (*вон дерется*, *вон идет* и т. п.).

Глаголы, выступающие в таких номинациях, как правило имеют форму несов. в.[31] Очевидно, это объясняется тем, что изучаемые номинации характеризуют лицо (или предмет) посредством обычного, постоянного, привычного действия или состояния, а это

[31] На это обстоятельство нам указал В. И. Чернов.

и есть типическое значение глаголов несов. в. (ср. *телеграммы разносит*, *хлеб продает* и под.). Кроме того, глагол в форме несов. в. может обозначать действие непосредственно наблюдаемое говорящим, данное в конситуации, «сиюминутное» (типа *через улицу переходит*, *за соседним столом сидит*, *вон бежит*). Глаголы сов. в. в составе номинаций употребляются редко. Обычно они имеют при этом перфектное значение (*из Киева приехала* и под.). Чаще всего номинация состоит из двух-трех слов.

Рассматриваемые номинации могут выступать в высказываниях с глагольным или именным сказуемым и служат обозначением субъекта или объекта действия, называемого другим глаголом.

1) Выступая в функции подлежащего, номинации с verbum finitum чаще всего употребляются в препозиции к остальной части высказывания (аналогично именительному темы), в которой что-либо спрашивается или сообщается о лице, названном номинацией: *Мусор собирает* не приходила? (имеется в виду женщина, которая собирает мусор); *Напротив живет* / замуж выходит//; *Со мной обедать ходила* / много интересного рассказывает//; *У окна лежала* / перешла в соседнюю палату // (разговор в больнице); *У двери лежала* / утром выписалась // (разговор в больнице); *Со мной рядом сидит* / уходит в отпуск//; *С Катей кончала* / хочет в кино сниматься//; *Над нами живут* / в Киев переезжают//.

Номинации с verbum finitum могут включаться в построения с именным сказуемым, выступая в роли подлежащего при нем.

Обычно в таких случаях часть высказывания, расположенная после номинации, содержит местоименный коррелят номинации — указательное местоимение *это*: *Через улицу переходит* / э т о Ваш учитель?; *В воротах стоит* / э т о из вашего класса?; *На столе лежит* / э т о Марьи Петровны?

Функция номинаций с verbum finitum в таких случаях близка функции именительного темы. Еще более близки конструкциям с именительным темы построения, в которых коррелятом глагольной номинации является личное местоимение: *С Вами обедала* / как е е фамилия?; *С нами рядом сидела* / какая у н е е собачка смешная!; *Вон дерется* / ты е г о знаешь?; *С нами ехала в купе* / ты думаешь о н а новгородка? (имеется в виду: соседка, женщина. . ., которая ехала с нами в купе); *Из Ленинграда приехала* / о н а долго у вас гостить будет? *Вчера приехала* / о н а из Киева?

2) Реже номинации с verbum finitum выступают для обозначения объекта действия. Для таких номинаций характерна и пре- и постпозиция:

Вы не видели / *напротив живет?* (о соседке, которая живет напротив); *Через проход лежала* / вчера выписали // (разговор в больнице).

Номинации, включающие verbum finitum, как правило, интонационно отделяются от остальной части высказывания. Однако возможны случаи отсутствия интонационного членения (ср. выше: *Мусор собирает* не приходила?).

Конструкции с verbum finitum, являющиеся частью номинации

Такие конструкции могут распространять имя существительное, сообщая о нем дополнительные сведения уточняющего (чаще всего определительного) характера: Хочешь *суп / за окном стоит?*; Ешь *холодец / вчера купили*//; Возьми *газету / у меня на столе лежит*//; Принеси *мою сумочку / на диване лежит*//.

Ср. следующий диалог, в котором ярко обнаруживается определительный характер конструкции с verbum finitum, выступающей в ответ на вопрос к а к у ю?

1. Что-то я давно не вижу из нашего дома? 2. Какую? 1. *В черном платье ходит*//.

В отличие от конструкций, выполняющих роль самостоятельных номинаций, присубстантивные конструкции могут включать название субъекта verbum finitum: Есть *борщ вкусный / Степанна вчера варила*//; А где *апельсины / Юра принес?*; Понравились тебе *грибы / Петр Иваныч на участке насобирал?*; А *розы / Андрей принес* / уже завяли//.

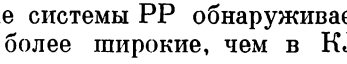
Конструкции, определяющие имя существительное, всегда постпозитивны и обычно отделяются от него интонационно.

Выводы. Функционирование рассмотренных конструкций отражает специфические черты синтаксической системы РР:

1) Отсутствие морфологических показателей связи между членами высказывания, широкое использование связи с о п о л о ж е н и я единиц и таких суперсегментных средств, как порядок слов и интонация.

2) Закрепление за одним означающим бóльшего, чем в КЛЯ, числа означаемых, бóльшая, чем в КЛЯ, возможность употребления одних и тех же элементов в различных функциях (в данном случае — в синтаксических функциях). Это ослабляет противопоставленность в РР ряда единиц (ср. употребление в функции подлежащего и дополнения одной и той же конструкции: *С детской коляской* н е п р о х о д и л а? и Н е в и д е л и *с детской коляской?*).

Таким образом, и на этом участке системы РР обнаруживается уже отмечавшееся нами явление — более широкие, чем в КЛЯ, возможности лексического заполнения грамматических моделей, снятие лексических ограничений в действии моделей.

3) В пределах единого высказывания могут наблюдаться двойные связи между членами высказывания: один и тот же член высказывания обнаруживает зависимость одновременно от двух других членов высказывания (типа

). В этом проявляется синкретизм, свойственный синтаксическим построениям РР.

Именительный падеж существительного

0. Функции им. п. существительного в РР широки и разнообразны.

Впервые описание разнообразных случаев употребления им. п. существительного в РР было сделано О. А. Лаптевой [32]. О. А. Лаптева рассматривает употребление в РР именительного темы, а также «конструкции, где именительный падеж выступает в позиции различных косвенных падежей в рамках единого синтаксически тесно спаянного комплекса» [33]. Однако, как нам представляется, описание функций им. п. в РР путем сопоставления с функциями косвенных падежей в КЛЯ (методом синонимического соотнесения РР и КЛЯ или «перевода» с РР на КЛЯ), не позволяет вскрыть своеобразие системы РР. Рассмотрение функций им. п. в РР как «отступление от связей управления» не помогает понять специфику изучаемого явления. Стандартизованный перевод с РР на КЛЯ не всегда возможен; в целом ряде случаев он лишает конструкцию РР ее своеобразия, не передает ее семантику [34].

Нам кажется, что более целесообразным было бы описывать функции им. п. существительного в РР не извне — путем их перевода на КЛЯ, а изнутри — через их синтагматику в РР.

Рассмотрим функции им. п. в составе высказывания РР, затрагивая и те функции, которые свойственны им. п. и в РР, и в КЛЯ, но останавливаясь более подробно на функциях, специфичных для разговорной речи. При этом будем рассматривать функции им. п. не только слуги, но и хозяина конструкции. Это делается для того, чтобы представить своеобразие функционирования данной словоформы, играющей в синтаксисе РР существенную роль, по возможности более полно.

Им. п. существительного выполняет в РР функции трех типов:

А. Относится к высказыванию в целом.

Б. Занимает в составе высказывания место главного или зависимого члена.

В. Выступает в качестве отдельной реплики диалогического единства.

При характеристике синтагматики им. п. представляется существенным учитывать признаки:

[32] См.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2. См. также: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 84—89. Ср. O. Kafková. K lineárnímu typu řadení větných členů a celků v mluvené ruštině. «Ceskoslovenská rusistika», 1965, № 2, стр. 86.

[33] О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 52—54.

[34] Ср.: И. Н. Кручинина. Синтаксис разговорной речи. «Русская речь», 1968, № 1.

а) обязательность / факультативность интонационного отделения им. п. от остальной части высказывания, т. е. выделения его в особую синтагму;

б) закрепленность за им. п. определенного места в высказывании / отсутствие такой закрепленности.

Кроме того, при изучении некоторых типов функций важно было учитывать еще и такие признаки:

а) наличие / отсутствие в составе высказывания члена, коррелятивного им. падежу;

б) характер высказывания: вопрос, ответ, сообщение; реплика-реакция, реплика-стимул.

Им. п., относящийся к высказыванию в целом

Среди высказываний с таким им. п. различаются два вида:

1) Им. п. имеет коррелят в составе высказывания, играющий роль формальной скрепы между высказыванием и им. п.;

2) Им. п. не имеет коррелята в составе высказывания. Между этими двумя видами высказываний с им. п. имеются важные различия. В тех случаях, когда им. п. имеет коррелят в составе высказывания, им. п. служит, как правило, целям актуального членения: то, что названо им. падежом, бывает актуализировано, подчеркнуто. Если же им. п. не имеет коррелята, а лишь «находится при высказывании», он обычно используется для выражения какого-либо добавочного сообщения.

Высказывания с коррелятом

Высказывания этого вида в зависимости от места им. п. распадаются на две группы:

Им. п. в препозиции к корреляту

В высказываниях с препозитивным им. п. в качестве коррелята может употребляться как местоимение [35], так и имя существительное, лексически тождественное субстантиву в им. п. Им. п. располагается в абсолютном начале высказывания и служит для называния основной темы высказывания [36] («о чем пойдет речь»).

[35] О различных видах соотнесения им. п. и местоимения см. ниже — раздел «Функции указательных местоимений».

[36] Это так называемый именительный темы — наиболее изученное и наиболее близкое КЛЯ явление. См., например: А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964. — Представляется нецелесообразным объединять под названием именительный темы явления разного рода, а именно: конструкции

Как правило, им. п. бывает интонационно отделен от остальной части высказывания.

Местоименный коррелят: а) Местоименный коррелят в форме им. п.: А *трамвай* / он как идет?; А *Лена* / она скоро придет//; *Папа* / он еще не обедал//; *Гречневая каша* / она быстро варится//; *Овчарки* / они бывают красивые//; *Петя* / он уже студент//;

б) Местоименный коррелят в форме косвенного падежа: *Муж* / его нет дома//; *Люда* / у нее все в чистоте//; *Катя*/ к ней редко приходят//; *Миша* / ему все равно//; *Петр Иванович* / у него характер отвратительный//.

Высказывания с местоименным коррелятом в форме им. п. гораздо более употребительны, чем высказывания с местоименным коррелятом в форме косвенного падежа. В высказываниях группы (а) функция местоимения ослаблена [37]. Местоимение не является необходимым для построения грамматического каркаса высказывания, как в группе (б), где утрата местоимения разрушила бы формально-грамматическую структуру высказывания. Этой разницей, вероятно, объясняется и то обстоятельство, что, по наблюдениям Е. В. Красильниковой, местоименный коррелят — именительный падеж тяготеет к превращению в частицу, а интонационная граница между ним и препозитивным субстантивом может затушевываться. В группе б) интонационное членение между им. п. и коррелятом есть всегда.

Субстантивный коррелят [38]:

а) Коррелят в форме им. п. того же существительного:

Вася / Вася ушел в школу//; *Муж* / муж еще не приходил//;

б) Коррелят в форме косв. п. того же существительного:

Цветы / цветов я не покупала//; «*Октябрь*» / «Октября» мы не выписывали//; *Картошка* / картошку она не ест//.

Препозитивный им. п. произносится с интонацией повышения. Такую интонацию можно было бы условно назвать интонацией раздумывания (говорящий размышляет, прежде чем сказать). Им. темы может произноситься при этом несколько замедленно.

с одиночным им. п., вынесенным в антепозицию, за которыми закрепилось это название, и конструкции типа *У нас одна была старушка, она говорит. . .*; и даже: *Вот такая если тебе попадется клеенка, К., как у С., купи 4 метра* (см.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах. . .., стр. 40). «Конструкции с выраженным глагольным членом в составе именительного темы» (О. А. Лаптева) имеют мало общих черт с конструкциями, включающими именительный темы. По словам самой О. А. Лаптевой, они «легко утрачивают инициальность именительного темы, что объясняется утратой ими функции главенствующего члена предложения» (там же, стр. 50).

[37] См. об этом в разделе «Функции указательных местоимений».

[38] Высказывания с субстантивными коррелятами входят в общую серию конструкций с повторами, в которых в препозицию вынесен немаркированный член парадигматического ряда.

Интонирование именительного темы сходно с интонацией повторения вопроса. Ср. реплики, содержащие переспрос, и реплики с им. темы.

Дождь? Д о ж д я не обещали // и высказывания с интонацией раздумывания: *Дождь* / д о ж д я не обещали//; *Катя?* К а т ю я не видела // и: *Катя* / К а т ю я не видела//.

Как кажется, высказывания с коррелятами-субстантивами употребительны преимущественно (а, может быть, и исключительно) в репликах-реакциях, но не обязательно ответах на вопрос. Они не могут быть начальными репликами диалога. Ср. диалоги, типичные для функционирования таких конструкций:

1. Жаль *цветов* у нас нет // 2. *Цветы* / ц в е т о в я не покупала//; 1. Щас я к а р т о ш е ч к и поджарю // 2. *Картошка* / к а р т о ш к у она не ест//; 1. Давно я Вашего В а с ю не видела // 2. *Вася* / В а с я пошел в школу//.

По нашим наблюдениям, для возникновения высказывания с коррелятом-субстантивом необходимо, чтобы предыдущая реплика содержала то существительное, которое во второй реплике станет именительным темы. Диалог типа «1. Какая завтра будет погода? 2. Дождь / дождя не обещали» невозможен.

Что касается высказываний с местоименными коррелятами, то они могут употребляться и как реакции, и как начальные реплики диалога. Ср.: 1. Вам б у л ь д о г и нравятся? 2. *Бульдоги* / о н и страшные//; 1. А мы с о б а к у завели! 2. *Собака* / о н а забот требует//.

Наша соседка / о н а всегда спешит//; *Дубы* / о н и поздно желтеют//.

Если прибегнуть к понятиям ядерной конструкции и трансформа, то конструкции с им. темы и коррелятами дают такие ряды:

Муж написал сестре

Муж / он написал сестре	*Сестра* / ей написал муж
Муж / м у ж написал сестре	*Сестра* / с е с т р е написал муж

Иными словами, в принципе любой субстантив высказывания может быть актуализирован с помощью конструкции им. темы и порядка слов; при этом в основной части высказывания местоимение сохраняет ту падежную форму, которую имел этот субстантив в неактуализированном высказывании.

Им. п. в постпозиции к корреляту

Существенно отличаются от выше рассмотренных высказывания с им. п., расположенным в постпозиции к корреляту. Это конструкции с так называемым «обещающим местоимением»

(Л. А. Булаховский), которое уточняется постпозитивным интонационно отделенным им. п.[39]

Наиболее употребительна дистантная постпозиция им. п.; часто он располагается в абсолютном исходе фразы: Они пачкаются / *эти чернила* / ужасно//; Хоть бы он перестал / *этот дождь*//; Он где лежит / *сахар?*; Она еще не подсохла / *синяя кофта*//; Он . . . возник незадолго до войны / *этот музей*//; Она у нас недавно / *эта собачка*//; Оно тебе не идет / *это платье*//; Она плохо закрылась токо / Люд / *банка*//.

Им. п. в рассматриваемых конструкциях обычно сопровождается уточняющим местоимением *этот*.

Контактная постпозиция им. п. мало характерна для РР.

Как правило, при таком порядке слов им. п. менее интонационно выделен:

Она / *эта докторша* / надоела мне порядком//; Вóн он / *Петр Иваныч* / идет//; Но она / *эта Карева* / пользуется гигантским успехом со своим старинным романсом//.

Обычно такой им. п. ничего не добавляет к содержанию высказывания; он служит как бы формальным довеском к нему. В редких случаях он выполняет роль уточнителя (когда говорящему представляется, что его речь не понята собеседником).

Конструкции с обещающим местоимением способны включать в качестве второго члена словоформы любого падежа. Например: Мы ее взяли недавно / *эту собачку*//; Он к ней побежал / *к тетке*//; Меня что в ней огорчает / *в этой шубе?* Я думаю что она очень холодная//; Я посмотрю чтó у нее в дипломе / *у этой девочки*//.

Постпозитивный субстантив — в отличие от препозитивного — обязательно согласуется в падеже с местоимением-коррелятом. Поэтому постпозитивный субстантив в им. п. возможен лишь при им. п. местоимения в основной части высказывания. Конструкции типа «Мы ее взяли недавно / эта собачка» не возможны в РР, тогда как вполне обычно высказывание: *Эта собачка* / мы *ее* взяли недавно//.

А. С. Попов считает, что конструкции с «упреждающим» местоимением — принадлежность художественного стиля [40]. Как показывают наши данные, они не менее свойственны и РР (во всяком случае — при дистантном расположении им. п.).

Высказывания без коррелята

Рассмотрим некоторые виды высказываний с им. п., интонационно отделенным от остальной части высказывания и не имеющим местоименного или субстантивного коррелята в составе высказывания.

[39] См. раздел «Функции указательных местоимений».
[40] См.: А. С. Попов. Указ. соч., стр. 270.

Им. п. в абсолютном начале фразы

1) Высказывания, в которых имеется им. п. существительного, интонационно отделенный и вынесенный в начало фразы:

Книжный (о магазине) / я зайду//; *Каша* / посмотри// Боюсь что горит//; 1. Вот Толстой // 2. *Толстой* / я прочла//; *Троллейбус* / садитесь//.

Связи между им. п., выделенным в инициальную синтагму, и глаголом в составе высказывания слабы (или совсем отсутствуют). Поэтому такие конструкции близки конструкциям с им. темы и резко отличаются от конструкций, в которых им. п. не выделен в особую синтагму и находится в той же синтагме, что и глагол (тогда он занимает приглагольную зависимую позицию, см. об этом ниже, раздел «Им. п. при глаголе»).

Сопоставление таких конструкций с конструкциями, в которых при глаголе имеется интонационно не отделенный субстантив (в косв. или им. п.), показывает различие между ними. Ср. такой ряд:

1. Книжный / я зайду//;
2. Я зайду в книжный//;
3. Книжный я зайду//;
4. Я зайду книжный // (редкий вариант). Конструкция 1 резко отличается от конструкций 2—4. В конструкции 1 им. п. содержит лишь общее указание на предмет. Эта конструкция может быть истолкована примерно так: «Вот книжный магазин. Я в него зайду». Специфичны и условия ее произнесения. Она конситуативно обусловлена, т. е. может существовать только в определенной конситуации — там, где виден книжный магазин. Нельзя сказать, сидя дома, «Книжный / я зайду//» [41]. Что касается конструкций 2—4, то они синонимичны между собой, причем 4-я — редкий вариант.

2) Особую группу образуют высказывания, в которых им. п. выделен в отдельную синтагму совместно с союзом *а*. Непременным признаком таких высказываний является то, что они следуют после какого-то другого высказывания того же лица. Им. п. называет некое добавление, соединяющее первое высказывание со вторым как два тесно связанные по смыслу сообщения:

Вытрись этим / с розочками // *А ноги* / махровое висит//; Протри люстру // *А бумага* / найди что-нибудь в шкафу//; Ты обедай один // *А чай* / подожди меня//; Давай разбором займемся // *А диктант* / завтра утром//; Я поставила варить свеклу и рис // В свеклу надо долить воды // *А рис* / скажи мне//; Мы из этого ведра пол моем // *А тряпка* / возьми там//.

Такие конструкции близки по ряду признаков высказываниям с именительным темы. Им. п. также находится в инициальной позиции и заключает в себе важную часть высказывания. Ср. нося-

[41] Возможна и контекстуальная обусловленность такой реплики. Так, в качестве реплики-реакции на вопрос или побуждение (типа: *Ты забыл про книжный?*) возможен ответ: *Книжный / я зайду//*.

щие отпечаток книжности конструкции КЛЯ: *Что касается книги, то возьми ее в шкафу*. Однако рассматриваемые высказывания имеют и отличия от высказываний с им. темы: а) в них отсутствуют скрепы между им. п. и высказыванием; б) они не могут начинать речь, а обязательно следуют после какого-то другого высказывания того же лица. Их отличает и специфический семантический оттенок — обозначение высказыванием с им. падежом какого-то добавочного, дополнительного сообщения.

3) Им. п., вынесенный в инициальную синтагму, содержит какое-то имплицитно выраженное сообщение, находящееся в тесной смысловой связи (причины, следствия и т. п.) с последующей частью высказывания:

Шестой класс / а у него одни тройки//; *Восемнадцать лет* / любое платье идет//; *Студенты* / когда же еще влюбляться?; *Собака* / всегда полы грязные//; *Дети* / без шуму не обойдешься//.

Им. п. в абсолютном конце фразы

1) Высказывания с им. п., образующим самостоятельную синтагму, который вносит в высказывание уточнения разного рода, носящие характер добавления. Вот ряд примеров:

У нас утюг сломался / *регулировка*//; Он говорит / а Надины ту́т рисунки / *выставка*//; Она вся бледная / *синяки под глазами*//; . . . ну все там благополучно / родился ребенок и всё / *девочка*//.

Им. п. семантически может быть связан с одним из членов высказывания, уточняя именно его:

Вы т а́ к и живете / *три поколения*?; За ч е м очередь / *махровая ткань?*; Люда! Оставьте на всякий случай ту п а п к у // *Педагогика*//.

Ср. также: 1. Где зубная поликлиника? 2. Поверните н а л е в о / *магазин Спорттовары*//; А потом приехал к а к о й - т о о ф и ц е р / *не очень высокий чин*//; Он шел а б с о л ю т н о г о л ы й / *даже не трусики а одни плавки*//; Я думаю у кого еще в т о р а я ч а с т ь есть / *алгебра*//.

Им. п., уточняющий какой-либо член высказывания, может располагаться не в конце высказывания, а в контактной постпозиции по отношению к поясняемому члену.

Я там вырезал ч е р е з с о л н ц е / *зайчик* (о солнечном зайчике) / узоры всякие//; Ему о д и н н а д ц а т ь лет / *пятый класс* / а ты с ним как с маленьким//.

Именительный уточнения обязательно интонационно отделяется от предшествующей части в особую синтагму или даже фразу: 1. Простите / где Вы его встретили? 2. На Невском // *Угол Мойки и Невского*//.

2) Особый вид конструкций с именительным уточнения составляют такие, в которых постпозитивный им. п. тождествен препозитивному. Новая информация вносится членами, зависимыми

от постпозитивного именительного. Такие высказывания входят в группу конструкций с повторами [42]:

К нам к о т е н о к забежал / *серенький такой котенок* / *пушистенький*//; У нас новая у ч и т е л ь н и ц а / *строгая такая учительница*//; Вдруг с о б а к а бежит / *огромная собака* / *в намордник*е//.

3) Реже при повторах употребляется одиночный им. п. Он может служить завершающим итогом реплики одного лица, выступая после интонации законченности как отдельная интонационная единица:

(в такси) Мне н а Т а г а н к у // *Таганка*//; (детский врач) Его надо с к и п и д а р о м растереть // *Скипидар*//.

Им. п., занимающий в составе высказывания синтаксическое место

В этой группе будут рассмотрены функции им. п. — главного члена высказывания и зависимого члена высказывания.

И м. п. в ф у н к ц и и о д н о г о и з г л а в н ы х ч л е н о в в ы с к а з ы в а н и я

Им. п. в функции одного из главных членов высказывания употребляется в РР подобно им. п. в КЛЯ. Интонационное выделение его факультативно, место во фразе не закреплено. Конструкции такого типа подробно изучены и описаны, поэтому приведем лишь несколько примеров.

1) Им. п. обозначает субъект действия глагола: *Петр Петрович* заходил утром//; *Неотложка* приезжала к соседу//;

2) Им. п. обозначает носителя признака, названного другим номинативом (существительным в им. п., прилагательным. . .): *Петя* у нас студент//; *Катя* очень красивая//; *Собака* какая мохнатая!

3) Им. п. обозначает признак лица или предмета, названного именем существительным или местоимением в им. п.: Он теперь *учитель*//; Витя уже *школьник*//.

В высказываниях этого типа возможно интонационное отделение одного главного члена от другого (обычно при подчеркивании препозитивного члена). Например: *Петька-то* / *студент*//.

Особенность РР состоит в том, что в ней им. п. — субъект действия, являющийся ремой высказывания, обычно занимает начальное место во фразе и бывает при этом выделен логическим

[42] См. ниже раздел «Высказывания с повторами». См. также: Е. Н. Ш и р я е в. О синтаксической прерывистости в разговорной речи. «XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка». Л., 1970, стр. 312—314.

ударением. В первую очередь это касается кратких (преимущественно двусловных) высказываний: *Он* мне это сказал//; 1. Ты что? Посуду бьешь? 2. *Сковоро́дка* упала//.

В таких случаях для КЛЯ типичен порядок слов с помещением им. п. в конце фразы (типа: *Мне это сказал он*).

Кроме конструкций, общих для РР и КЛЯ, существуют конструкции, специфичные для РР. Назовем три из них:

1) Конструкции с двумя именительными падежами, в которых постпозитивный именительный выступает в функции предиката по отношению к препозитивному им. п. Он называет нечто, с чем о т о ж д е с т в л я е т с я препозитивный им. п. (именительный отождествления). Типическую иллюстрацию таких конструкций дает следующий разговор (речь идет о количестве этажей в доме):

1. У них четырнадцать // А у тебя скоко? 2. Двенадцать// 1. Двенадцать тоже много // Тем более ты́ / *второй этаж*//. Говорящий имеет в виду, что собеседник «живет на втором этаже». Однако, выражая эту мысль данной конструкцией, он идентифицирует, «отождествляет» собеседника и второй этаж.

В РР употребительны высказывания типа:

Я / *Ростовский университет*//; Вы / *какая школа?*; Он / *Исторический музей*//; А почему эта статья у Вас? Разве Вы / *методический отдел?*; Они же / *район Астрахани*//; Эта икона / *Архангельская область*//; Ведь она / *шестьдесят восьмой год* // (о книге); 1. Я там никогда не была / в этом театре // Он где? 2. Он / *Витебский вокзал*//

Соотнесение актом предикации двух таких им. падежей невозможно в КЛЯ и типично для РР, что связано также с особым характером строения номинаций в РР (см. гл. «Номинация»). Ср. номинации типа:

Москва! Стойте здесь! (экскурсовод в музее Ленинграда, обращаясь к группе туристов из Москвы); *Горьковский университет!* Вам тезисы оставили//.

Наличие в РР таких номинаций обусловливает использование в функции предиката им. п. существительного подобного лексического наполнения.

Вот еще несколько примеров:

У меня шторы / *немецкий перлон*//; У Игоря была чашка / *тонкий фарфор*//; Твое платье / *шелк или шерсть?*

Ср. в конструкции с отрицанием: Я не знаю какой Смирнов // Этот Смирнов / *не «Брестская крепость»?*

Такие конструкции по форме напоминают функционирующие в КЛЯ и в РР конструкции типа *Брат студент*, в которых также имеется два им. п., выступающие в функции главных членов предикативного построения. Однако между теми и другими конструкциями имеются формальные и смысловые различия: а) в рассматриваемых конструкциях интонационное отделение постпозитивного им. п. обязательно, тогда как в кодифицированных конструкциях типа *Брат студент* интонационное отделение сказуемого

факультативно; б) в кодифицированных конструкциях [43] круг существительных, способных выступать в функции предиката, лексически ограничен, не столь широк, как в разговорных. Можно думать, что интонационное отделение предиката является в этих конструкциях РР необходимым потому, что оно выступает как своеобразная компенсация необычности лексического заполнения места сказуемого; в) разговорные конструкции входят в синонимические ряды, не характерные для конструкций кодифицированных (ср. бытующие в РР построения типа: *Он / Ростовский университет* и *Он из Ростовского университета*//; *Эта чашка / керамика* // и *Эта чашка из керамики*//).

Как видно из наших примеров, в РР предикативные отношения между двумя им. падежами возникают и вне тех видов семантических отношений, которые обнаруживаются в КЛЯ. Специфические для РР конструкции выражают взаимосоотнесение двух понятий с оттенком их отожествления [44], идентификации, не понимаемой, однако, буквально: говорящему очевидно, что человек не является вторым этажом или Ростовским университетом, чашка не является фарфором, а лишь «сделана из фарфора» и т. п. Ср. еще: (в магазине) Пирожки / *повидло* / *мясо* // (имеется в виду: «пирожки с повидлом и мясом», а не перечисление: «пирожки, повидло, мясо»); Наша дача / *станция рядом*//; Сын у них / *капризы жуткие*//; У Трифона одна рука / *гангрена* / *газовая* / вторая рука перебитая / перелом//.

При логическом ударении на им. п.-предикате он может быть помещен в препозиции: (разговор о кофточке) 1. У тебя какой размер / Валь? Сорок шестой? 2. *Сорок вóсемь* я // Люблю я полные кофты//.

В таких случаях пауза сказуемого отсутствует, так как ее роль берет на себя логическое ударение на сказуемом.

Рассмотренные высказывания обнаруживают одну типическую черту грамматической системы РР — свободу от лексических запретов и ограничений в действии грамматических (в данном слу-

[43] См: характеристику таких конструкций в академической Грамматике русского языка, т. II, ч. 1. М., 1954. См. там же примеры. См. также: Н. Ю. Шведова. О понятии регулярная реализация структурной схемы простого предложения. — «Мысли о современном русском языке». М., 1969. — Н. Ю. Шведова, исследуя структурные схемы двусоставного предложения с обоими главными членами-номинативами, характеризует три такие схемы: (а) *Человек — (это) загадка*, (б) *Культпоход — (это) его идея* и (в) *Удобрения — это плодородие*, которым свойственно три вида отношений между главными членами»: в (а) отношения предикативно определяющего и предикативно определяемого; в (б) эти отношения осложнены отношениями результирования, направленными от сказуемого (стимул) к подлежащему (результат); в (в) осложняющими являются отношения односторонней обусловленности, направленные от подлежащего (обусловливающее) к сказуемому (обусловливаемое)» (стр. 75—76).

[44] Ср. характеристику предложений тождества А. А. Шахматовым (Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 150).

чае — синтаксических) схем, т. е. бóльшую, чем в КЛЯ регулярность грамматических моделей [45].

Необходимо добавить одно замечание по поводу интонационного членения описываемых конструкций. По-видимому, в тех случаях, когда высказывание содержит наречие (или частицу) с временны́м значением (типа *уже́*, *еще* и под.), интонационное отделение постпозитивного предиката отсутствует: *Он / Саратовский университет* // (членение обязательно), но: *Он уже Саратовский университет* // (членения нет); *Петров уже не МГУ//*.

Таким образом, наречие выступает как средство, эквивалентное интонационному членению. Это, вероятно, связано с тем, что интонационное членение, обязательное при нулевой связке — как показатель наст. времени, может отсутствовать при вербализованной связке. Таким образом, наблюдаются следующие отношения:

Он / Саратовский университет, но: *В те годы он был Саратовский университет.*

Частицы наречия и слова других частей речи, играющие роль «интонационной прокладки», также могут «уничтожать» интонационное членение. Ср.: *Он кажется ЛГУ* //.

2) Конструкции с двумя им. п., находящимися в отношениях предикации, в вопросительных высказываниях РР. Предикатом является им. п., называющий признак предмета, выраженного другим именем существительным. При нем, как правило, имеется вопросительное местоимение *какой*, *чей*. Этот им. п. с местоимением заключает существо вопроса и является ремой высказывания. Интонационное выделение такого им. п. отсутствует. Порядок слов не закрепленный, но препозиция предикативного им. п. встречается чаще:

1. *Какой каблук* эти туфли красные? 2. Средний//; А *какая порода* у Вас собака? 2. Овчарка / восточноевропейская//; 1. *Какой цвет* у Вас сапоги новые? 2. Черные//; 1. *Какая длина* эти чулки? 2. Девяносто//; 1. *Какой размер* у Вас ботинки? 2. Сорок три//; 1. *Какой размер* это платье? 2. Сорок шесть//; *Какой размер* туфли ваша дочка носит?; *Какой фасон* это платье?; *Какой материал* твой костюм?; *Какой цвет* эти тапки?

Ср. конструкции с иным порядком слов: А Бобка-то *кака́я порода?*

Ответная реплика содержит, как правило, форму им. п. существительного, прилагательного или числительного (см. выше). Впрочем, возможен и ответ в форме косвенного падежа: 1. *Какой цвет* Вам сумку? 2. Голубую//.

Наряду с рассмотренными конструкциями в РР функционируют конструкции с косвенными падежами в тех же позициях. Ср.

[45] См. гл. «Морфология» (стр. 156). Ср. также: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект, стр. 68.

с приведенными выше: *Какой длины* эти чулки?; *Какого цвета* у Вас сапоги новые?

3) Конструкции с им. п., выделенным в особую синтагму в начале высказывания; за им. п. следует предикативное построение со структурой: «им. п.+спрягаемый глагол», которое как единое целое называет какой-то признак препозитивного именительного и выступает в качестве «комплексного предиката» по отношению к нему [46]. Например: Эта сумка / *подкладка моется*//; Наш стол / *крышка раздвигается*//; Моя ручка / *перо царапает*//; У тебя голос / *стекла дрожат*//; Эта рубашка / *воротник не мнется*//; Наши окна / *рамы развинчиваются*//. В вопросе: Этот стол / *крышка снимается?*; Твое платье / *рисунок не линяет?* Ср. функционирующие в РР и КЛЯ синонимичные высказывания типа *У этой рубашки воротник не мнется; У наших окон рамы развинчиваются* и т. п.

Им. п. интонационно отделен от остальной части высказывания. Комплексный предикат называет обычно какие-то общие, типические признаки того, что обозначено препозитивным именем. Этим объясняется тот факт, что для комплексного предиката особенно характерны глаголы несов. в. на *-ся*, обозначающие признаки, свойства предметов (типа *мнется*, *развинчивается*, *раздвигается*, *красится*).

Показательно, что комплексный предикат может употребляться как однородный предикату-имени прилагательному: Эта рубашка шелковая и *воротник не мнется*//.

Им. п. в функции зависимого члена высказывания

Им. п. при другом существительном

1) Конструкции с двумя существительными [47], одно из которых — в им. п., постпозитивное, нередко выделенное в особую синтагму. Как кажется, выделение им. п. в особую синтагму обязательно, если им. п. находится в абсолютном исходе фразы. Постпозитивный именительный выступает в функции качественного определителя другого существительного. Обычно он обозначает какой-либо характерный признак, материал, из

[46] «Грамматика современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970, стр. 552) отмечает конструкции, в которых место сказуемого замещено целым предикативным построением, имеющим нередко фразеологизированный характер (типа *Пирог — пальчики оближешь*; *Книжка — с ума сойти можно*). Такие конструкции рассматриваются как реализация схемы предложений со сказуемым — именем с качественно-характеризующим значением.

[47] О конструкциях с двумя именительными см.: Е. В. Красильникова. Конструкции с удвоением в русской разговорной речи. — РЯШ, 1971, № 5, стр. 81.

которого сделан предмет, типическую примету лица или живого существа и т. п.:

Он купил ш к а ф / *карельская береза*//; Они продают н о в ы й г а р н и т у р / *красное дерево*//; Дай мне п о л ь с к и е в и т а м и н ы / *коробочка серенькая*// [48]; 1. Про кого это Вы рассказываете? 2. П р о д е в о ч к у / *второй стол от угла*// (разговор в столовой дома отдыха).

Конструкции с им. п. качественного определения могут быть близки только что рассмотренным конструкциям с двумя именительными — главными членами предикативного построения. Лексическое заполнение мест имен существительных у них может быть тождественно. Ср.: *У него чашка / керамика*// и *Он купил чашку / керамика*//; *У Игоря чашка / тонкий фарфор*// и *Мне подарили чашку / тонкий фарфор*//; *Наша дача / станция рядом*// и *Они сняли дачу / станция рядом*//.

Различие между теми и другими высказываниями состоит в строении первой синтагмы. Если первая синтагма не является предикативной конструкцией (как, например, синтагмы *у него чашка*, *наша дача* и под.), то постпозитивный именительный вступает с ней в отношения предикации. Если первая синтагма представляет собой предикативную конструкцию, постпозитивный именительный является определением. При этом обнаруживается различие в интонационном оформлении конструкций. Высказывания с им. п. — предикатом характеризуются более сильным интонационным разрывом, так называемой паузой сказуемого.

2) Конструкции с двумя существительными, не разделенными интонационно. Одно из существительных (в форме им. п., постпозитивное) обозначает признак предмета, названного другим существительным, чаще всего — часть предмета, количество, размер, цену предмета. Набор постпозитивных существительных лексически ограничен существительными названной семантики.

В отличие от только что рассмотренных конструкций с им. п. качественного определения здесь интонационное выделение им. п., как правило, отсутствует.

У меня *рука локоть* болит//; Этот клей дезинфицирует // И когда *кровь капелька* выступит / она запекается//; Вот твой *сырок половинка*//; У нас есть *шпроты коробка*//; Хотите / *майонез баночка*//; Вот *нитки катушка*//; Он прочитал *письмо отрывок*/; Вот же *свежий хлеб кусок*//; Там есть *сыр остатки*//; У Вас есть *чай заварка?*; Вон *бумага пачка*//.

Им. п. может быть расположен в дистантной постпозиции: 1. Зачем он приехал? 2. Б е л ь е привез *один пакет*//; С а х а р есть у Вас *большие пачки*?; М о л о к о есть *пакеты*?; *Картошка*

[48] Ср. отражающее разговорную речь письменное объявление: «*Пропала маленькая собачка белые лапки, большие черные глазки*» (Москва, февраль 1970 г.). Ср. пример О. А. Лаптевой: *У нас на первом этаже была квартира, во двор окна* (указ. соч., стр. 54).

у Вас есть пакеты?; Карточки в Марининой комнате лежат *пачка*//.

Изредка встречается и дистантная препозиция им. п.: *Сéточка* у Вас есть чулки? В таких случаях препозитивный им. п. бывает выделен логическим ударением.

Конструкции этого типа отмечены в записях О. А. Лаптевой: — У нас есть дома *соломка коробка*; — Там есть *крабы баночка одна*; — Ребята, имеется *пшенная каша остаток* [49].

О. А. Лаптева, характеризуя такие конструкции, пишет, что в них «сталкиваются две формы именительного падежа — одна в синтаксически независимой позиции, а другая в исходно от нее зависимой; независимость этой последней достигается уже в составе данных конструкций, как путем употребления именно этой падежной формы, так и путем выноса ее в положение перед исходно независимой формой именительного падежа, в чем проявляется связь таких конструкций с конструкцией именительного темы» [50].

По всей вероятности, говоря об «исходно зависимой» и «исходно независимой» позициях, О. А. Лаптева имеет в виду сравнение данных конструкций с конструкциями КЛЯ, включающими не два именительных падежа, а им. п.+род. п. (или другой косвенный падеж). Ср. с выше приведенными: У нас есть дома *коробка соломки*; У меня *капелька крови* на платке; У нас есть *коробочка шпрот* и т. д.

Именно сравнение с синонимичными конструкциями КЛЯ [51] заставляют О. А. Лаптеву считать исходно главной постпозитивную форму, а исходно зависимой препозитивную и говорить о выносе зависимой формы «в положение перед исходно независимой формой именительного падежа».

Нам кажется, что при такой характеристике конструкций разговорной речи им придаются не свойственные признаки.

Чтобы описать эти конструкции «изнутри», как специфическое явление РР, а не путем их соотнесения с синонимичными конструкциями КЛЯ, необходимо охарактеризовать их собственные существенные признаки. Каковы же они?

В конструкции имеются две формы именительного падежа, как правило, интонационно не разъединенные. Порядок слов

[49] См.: О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 53. — Думается, что приводимый в этом ряду пример: «— *У нас газ уже последний баллончик. — Что? — Газ последний баллончик*» имеет несколько иной характер. Именительные падежи выступают здесь, по нашему мнению, как два главные члена, соединенные предикативными отношениями. Цель высказывания — сообщить, что газа остался последний баллончик. В других же высказываниях сообщается о наличии чего-то в определенном количестве.

[50] Там же, стр. 53.

[51] Ср. сочетания РР и КЛЯ: в РР — *сахар большая пачка, шпроты коробка, майонез баночка*; в КЛЯ: *большая пачка сахара(у), коробка шпрот, баночка майонеза.*

является закрепленным. В постпозиции о б ы ч н о находится существительное, обозначающее какой-либо признак предмета, названного препозитивным существительным (количество, размер, часть и т. п.), т. е. уточняющее значение первого существительного.

О с н о в н о е с о д е р ж а н и е высказывания (будь это сообщение или вопрос) выражает препозитивное существительное. Постпозитивное существительное лишь уточняет, конкретизирует его. Опущение препозитивного существительного из высказывания невозможно, тогда как опущение (отсутствие) второго существительного обычно не разрушает содержания высказывания. Ср. *У нас есть шпроты* и *У нас есть коробочка; Хотите майонез* и «Хотите баночка». Во втором случае меняется смысл высказывания, так как неясно, о какой коробочке (или баночке) идет речь. Таким образом, п о с м ы с л у главным является препозитивное существительное.

Это утверждение не уничтожается тем обстоятельством, что в ряде случаев уточнение, выражаемое постпозитивным существительным, является информативно важным, существенным (например: *Сахар есть у вас большие пачки?* Говорящий спрашивает именно о б о л ь ш и х п а ч к а х, но только с а х а р а, а не макарон, лапши или чего-нибудь другого; опустить эту часть вопроса он не может; слушающий не поймет его).

В ряде случаев постпозитивное существительное в своей семантике содержит указание на препозитивное. Имеются в виду случаи типа *У меня рука локоть болит.* Слово *локоть* обозначает определенную часть р у к и, и поэтому, естественно, слово *рука* в таком высказывании могло бы быть опущено. Однако важно, что говорящий сперва говорит именно о руке, а лишь потом добавляет «локоть». Ср. также: *Возьми капуста кочашок.*

В некоторых случаях главенствующая роль препозитивного существительного обнаруживается и в ф о р м е согласования — при несовпадении форм числа и рода существительных глагол согласуется именно с препозитивным [52].

Линейный характер построения РР, ее последовательное развертывание во времени, по нашему мнению, тоже свидетельствует о том, что основным (главным) в сообщении является препозитивное существительное, а постпозитивное лишь добавляется к нему для уточнения, пояснения [53].

Как правило, говорящий начинает с основного, информативно более важного, а лишь потом добавляет всякие уточнения, пояс-

[52] Например: У нас н е с о х р а н и л с я *сахар* пачечка?; У нее о с т а л и с ь *нитки* моток//; ср. пример О. А. Лаптевой: *У вас крабы не сохранились коробка?*

[53] Особенно отчетливо это видно в конструкциях с дистантным расположением именительных падежей. Например: *А лапша где кастрюлька? А чай у меня где пачка?* (пример О. А. Лаптевой).

нения. Это подтверждается наблюдениями многих исследователей РР о том, что информативно важная часть сообщения тяготеет к препозиции [54].

Таким образом, наш вывод противоречит выводу О. А. Лаптевой. При изучении описанных конструкций с точки зрения их существенных свойств в системе самой РР (а не путем их соотнесения с синонимичными построениями КЛЯ) оказывается, что зависимым является постпозитивный именительный, а главным — препозитивный. Эта зависимость обнаруживается прежде всего в семантических отношениях между существительными, но также иногда в формальных чертах конструкции: сказуемое согласуется с препозитивным существительным, и в этом факте проявляется основное положение последнего.

Им. п. при глаголе

В РР функционируют синонимичные конструкции, в которых при глаголах с одним и тем же значением или при одном и том же глаголе употребителен то косв. падеж существительного, то именительный [55]. Возможны следующие синонимические ряды высказываний:

(В кассе) *Выбейте копеечку*// и *Копеечка выбейте*//; *На следующей сойдете?* и *Следующая сойдете?*; *На любой трамвай садитесь*// и *Любой трамвай садитесь*//; *На каком этаже Вы живете?* и *Какой этаж Вы живете?*

Им. п. в приглагольной позиции обычно находится в той же синтагме, что и глагол. Место им. п. не фиксировано. По нашим данным, более употребительна препозиция им. п.: *Следующая сойдете*//; Вам надо пересадку делать // *Библиотека Ленина сойдете*// Там переход//; 1. Скажите / где находится Бауманский телефонный узел? 2. Вон на той стороне / *любой троллейбус садитесь*/ следующая остановка//; (разговор о магазине «Океан») *Вот «Океан» мы не пользуемся*//; (в метро) Пойдем / *три места сядем*//; (о пропавшем письме) *Письмо я очень огорчилась*//.

Нередко в РР им. п. выступает при прямо переходных глаголах: (в магазине) *Копеечка выбейте* пожалуйста доплата//; (в троллейбусе) *Копеечка не опускайте* / пожалуйста//. Ср. также в диалоге, когда им. п. начинает ответную реплику: 1. Вот восьмая глава// 2. *Восьмая я прочла*//. Возможно, что в таких случаях действует инерция предыдущей фразы, а также стремление начать с немаркированного члена как самого общего представителя

[54] См. подробнее в разделе «Порядок слов. . .».

[55] Такое употребление им. п. О. А. Лаптева называет употреблением им. п. в объектных позициях («О некодифицированных сферах русского литературного языка», стр. 50). Ср. записи О. А. Лаптевой: — *Поедете дальше, там большой дом сойдете*; *Сядете на площади Революции и доедете Автозаводская метро* (там же, стр. 54).

парадигмы. Этим стремлением объясняется, по-видимому, редкость в приглагольной зависимой позиции постпозитивного им. п. типа *Схóдите Кропоткинская?*; *Покажите три сорок* (ткань за 3 р. 40 коп.); (разговор о елочных игрушках) Пи́ка удобнее чем звезда / но я *привыкла звезда*//.

В рассматриваемых конструкциях возможно выделение им. п. в особую синтагму типа: *Следующая* / Вам сходить//. Ср. конструкции с им. п. в постпозиции: Она сидит / *вход в лабораторию*//.

Приглагольный им. п. широко употреблен в вопросительных конструкциях. Наиболее простой конструкцией является такая, которая содержит только им. п. и глагол. Суть вопроса подсказывается конситуацией. Вот типические вопросы о том, как пройти или проехать куда-нибудь, на какой остановке выйти и т. п. Им. п., как правило, препозитивен:

Парикмахерская не скажете?; *«Дом обуви»* не скажете?; *Библиотека Ленина* сойдете?; *Халтуринская* схóдите?; *Следующая* выходите?; *Горный институт* не скажете?; *Метро* / сходите?

Возможна, но менее употребительна постпозиция им. падежа: Выходите *метро Кропоткинская?*; Как проехать *библиотека Ленина?*; Не скажете / *тридцать вторая больница*?; Скажите / *почечный чай?* (вопрос к продавцу в аптеке); Скажите пожалуйста / *стеклянный магазин?*

В таких конструкциях интонационное членение чаще отсутствует, особенно если им. п. постпозитивен. Ср. еще: Схóдите *Петровские ворота?*; Выхóдите *Дворцовая площадь?*

В высказываниях этого типа им. п. выступает при глаголах, управляющих в РР косвенными падежами существительных. В РР бытуют синонимичные конструкции: *Метро / сойдете?* и *У метро сойдете?*; *Улица Горького / как пройти?* и *На улицу Горького как пройти?*; *Следующая выходите?* и *На следующей выходите?*

В РР употребляются также конструкции, включающие препозитивный им. п., вопросительное наречие и глагол: *Кинотеатр «Уран»* / где сойти?; *Улица Качалова* / как пройти?; *Метро Кропоткинская* / как доехать? Здесь возможна, хотя и менее типична, постпозиция им. падежа: Как доехать *«Музей революции»?*; Как пройти *бассейн Москва?*

В РР функционируют конструкции, в которых при глаголе имеется зависимый им. п. существительного и вопросительного местоимения: *Какой этаж* Вы живете?; *Какой класс* Ваша дочка учится?; *Какой цвет* одеяло Вы красили?; *Какая остановка* Вы схóдите?

Наряду с такими конструкциями в РР встречаются и конструкции с именем существительным в косвенном падеже при глаголе. Так, от одного и того же лица записано: *Какой этаж Вы живете?* и *На каком этаже Вы живете?*

Им. п. при отрицании

В конструкциях с отрицанием место им. п. не является фиксированным, но более частой, по нашим наблюдениям, является препозиция им. п. Наличие или отсутствие интонационного членения не составляет существенной черты этой конструкции:

1. Скажите у вас нет по три копейки *такие маленькие тетрадочки?* 2. Нет // В школьном отделе//; 1. А тридцать шестой? 2.Нет *тридцать шестой*//; 1. А где у Вас четвертый размер? 2. Нету *четвертый*//; *Валидол* нигде в городе нет//; 1. Скажите / какие у Вас футболки? 2. *Футболки* ничего нет//; А нету *боржом?*; (разговор о значках) Я сказала что городá лучше // Но *городá* не было//.

При более категорическом отрицании им. п. может быть интонационно выделен: 1. Тройчатка есть у Вас? 2. *Тройчатка* / нет//; 1.Редиска есть? 2. *Редиска* / не привозили//.

Возможно, что такие конструкции представляют собой переспрос, однако, по нашим наблюдениям, интонирование им. п. не является вопросительным.

Им. п. при предикативах на *-о*

а) Им. п. при предикативах на *-о* типа *вредно*, *вкусно*, *необходимо*, *важно*, *хорошо* и под.[56] Как правило, между предикативом и им. п. наблюдается интонационное членение. В высказываниях этого типа порядок слов не является закрепленным: им. п. может быть и в препозиции, и в постпозиции к предикату.

Им. п. в препозиции: *Крепкий чай* / вредно //; *Пирожные* / вкусно//; 1. Хорошо / когда муж любит// 2. *Любящие жены* / тоже прекрасно!; *Банановый сок* / невкусно//; 1. Возьми себе коробочку спичек// 2. Для меня *спички* / неактуально//; *Лес* / приятно//; 1. У меня есть вкусные конфеты// 2. Мне *конфеты* / неважно// Мне бы бутерброд//; 1. Куда ты? Дождь идет// 2. *Дождь* / нестрашно//; *Математика* / тяжело//.

Наиболее употребительны в таких высказываниях предикативы *хорошо*, *плохо*:

[56] Конструкции такого типа А. А. Шахматов квалифицирует как субстантивные двусоставные несогласованные предложения, см.: А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Л., 1941, стр. 140. Ср. примеры, приводимые им: *Ум — хорошо, а два лучше* (погов.); *Да, конечно, лучше, если бы она была умней; а впрочем и дура тоже хорошо.* Женитьба, II, 5. См. там же примеры из областной речи. В новейшей литературе упоминания о конструкциях типа *Внешность — не так важно* см.: Д. Н. Шмелев. О синтаксической членимости предложения. — РЯШ, 1965, № 2, стр. 10. См. также специальную монографию: В. В. Бабайцева. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967. — Автор приводит богатый материал конструкций типа *Лес — удивительно!* из языка художественной литературы.

Французский / хорошо!; 1. Ну / как Калуга? 2. *Калуга* / хорошо!; *Банкет* / хорошо//; А почему ты думаешь что *Валя Иванова* / плохо? Ср. диалог в уличном интервью из кинофильма «Любить. . .» 1. Что такое любовь? 2. *Любовь* / хорошо//.

Как кажется, в двусловных конструкциях членение наблюдается всегда, если им. п. находится в контактной препозиции к предикативу [57]. Если между им. п. и предикативом расположен какой-либо другой член высказывания, членение может отсутствовать:

Лес всегда приятно // *Жирный* суп тебе вредно//; *Черная юбка* тебе очень плохо?; *Весь рассказ о собаках* очень хорошо//. Ср. такие диалоги: 1. А физика как у Вас? 2. Нет / *физика* как раз хорошо// Физика / нам давали серьезные вещи//; 1. Ну как каша? Плохо? 2. *Каша-то хорошо*. . . да зуб. . .

Им. п. в постпозиции встречается реже: — Ну ладно // Это не важно // Важно / *сегодняшний концерт*//; Очень хорошо / именно *березки*// (о картине); Вообще очень интересно / *старые письма*//

Конструкции, нормативные для КЛЯ (типа: *Важен сегодняшний концерт; Очень хороши именно березки; Дождь несуществен* и т. п.) отличаются по значению от выше рассмотренных высказываний РР. Это находит выражение и в их строении: наличии согласования в роде и числе между предикатом и им. падежом. Различие между согласованными и несогласованными конструкциями заключается в характере отношений между главными членами [58]. Разговорные конструкции содержат предикат, называющий признак субъективный, отражающий мнение говорящего относительно того, что выражено существительным в им. п.[59] Ср.: а) *Пирожные / вкусно*! и б) *Пирожные вкусные* (или *Пирожные вкусны*). Конструкция типа (а) может быть вольно истолкована, как «люблю пирожные» или «пирожные для меня вкусная еда»,

[57] В. В. Бабайцева, изучающая конструкции такого рода по данным языка художественной литературы, отмечает, что обычно они содержат тире, являющееся знаком «интонационного разрыва»; отсутствие членения наблюдается при словах, наиболее употребительных в конструкциях такого рода: *хорошо — плохо* (указ. соч., стр. 313). По нашим данным, обычно интонационное членение наблюдается и при *хорошо, плохо*.

[58] На наш взгляд, это различие не есть различие в содержании им. падежа, как пишет В. В. Бабайцева. Сравнивая конструкции *Лес чудесен* и *Лес — чудесно!*, она пишет, что в конструкциях первого типа существительное «выражает логический субъект — вербализованное понятие (наглядно чувственные образы, лежащие в основе всякого понятия, в данном случае нивелируются), а во втором предложении (*Лес — чудесно!*) это же слово служит для выражения общего представления: здесь важны не существенные свойства предмета, а те наглядно-чувственные образы, которые есть у говорящего. . .» (указ. соч., стр. 311).

[59] Ср. замечание А. А. Потебни: «Когда же язык уничтожает согласование, то тем самым он отвлекает признак от субъекта» («Из записок по русской грамматике», ч. I, 1874, стр. 135). Ср. также: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 150.

тогда как конструкция типа (б) содержит приписывание предмету, названному им. п., определенного признака. Однако различие между конструкциями типов (а) и (б) не сводится только к вышесказанному. Изучение семантики высказываний с им. п. и предикативами на *-о* — задача дальнейшего исследования.

б) Разновидность рассмотренных выше конструкций представляют такие, в которых предикатив присоединяется к им. п. посредством связки *это* [60]: *Мех* / это красиво//; *История* / это страшно// (об экзамене); *Ночь в поезде* / это утомительно//; *Ветер* / это холодно//; *Туфли* / это неважно // Важно чтоб тепло было//.

Возможен и иной порядок слов: Это важно / *погода*//; Это утомительно / *сидячий поезд*//; Это тяжело / *туфли на резине*//; Это неприятно / *грязь на лестнице*//.

Изменение порядка слов резко меняет смысл таких высказываний. Вынесенная в начало высказывания группа с *это* содержит основное содержание сообщения (эмфатически выделенная рема), им. п. (тема) интонационно ослаблен.

в) Конструкции с им. п. при безлично-предикативных словах типа *надо*, *нужно* [61]. За им. п. не закреплено определенного места.

Им. п. в препозиции: *Линейка* Вам пока *надо?*; А что мне еще *надо? Ботаника надо*//; *Бумага* тебе *надо?*; *Газета* вам *надо?*; *Сахар* / *нужно?*; *Няня* Вам *нужно?*

Им. п. в постпозиции: *Надо* Вам *сахар?*; Мне *нужно мел*//; Мне *надо хлеб*// [62].

Интонационная расчлененность в этих конструкциях возможна, но не обязательна. Ср. *Мел нужно?* и *Мел* / *нужно?*

При ответе также возможны оба варианта: *Мел* / *нужно*// и *Мел нужно*//.

Им. п., являющийся отдельной репликой диалога

Им. п. широко представлен в кратких репликах диалога [63]. По-видимому, он может употребляться в репликах, имеющих самый различный характер. Рассмотрим некоторые из них:

[60] См.: В. В. Бабайцева. Указ. соч., стр. 314 и след. — О конструкциях с *это* см. также ниже в разделе «Функции указательных местоимений».

[61] А. А. Шахматов относит такие конструкции к разряду несогласованных двусоставных предложений («Синтаксис русского языка». М., 1941, стр. 140. Ср. его примеры: *Да не нужно ли аттестат, послужной список?* Гог., Женитьба, II, 8 [вариант *Да не нужны ли. . .*]; *Почто деньги завтра? Деньги надо сегодня*, — вмешался он. Писемский, Тыс. душ, III, I; *А то не нужно ли вам кофейник? — обратился он к есаулу.* (В. и м. IV, 3, VII).

[62] Ср. в записях О. А. Лаптевой: — *Сколько мне надо шерсть купить на кофточку?* (указ. соч., стр. 54).

[63] Некоторые конструкции этого типа отмечены М. В. Пановым. См.: М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе. — ВЯ, 1962, № 3, стр. 8. См. также: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах, стр. 47, 51.

1) В вопросительных репликах им. п. называет основное содержание вопроса (рему высказывания) [64]. Остальное содержание высказывания ясно из конситуации:

1. *Обувная мастерская?* 2. За углом на Мойке//; 1. *Бауманский телефонный узел?* 2. За клубом Русакова / по переулку//; 1. *Детская поликлиника?* 2. Напротив метро//; 1. *Тридцать второй размер теплые ботиночки?* 2. Напротив через проход//.

2) Им. п. часто употребляется в кратких (преимущественно однословных) ответных репликах диалога, коррелируя при этом с разными членами вопросительной реплики.

а) Коррелят — косвенный падеж в вопросительной реплике [65]:

1. Чем ты бреешься? 2. «*Харьков*» // (название бритвы); 1. С чем пирожки? 2. *Мясо / рис* / горячие//; 1. А из чего она (шляпа) сделана? 2. *Искусственный мех*//; 1. Из чего Ваша шуба? 1. *Песцовые лапки*//; 1. Вы из-за погоды вернулись? 2. *Ветер*//; 1. Он в университете сегодня? 2. *Лекции*//.

Такая форма ответа избирается, вероятно потому, что им. п. является падежом предиката, сообщающим новое в наиболее чистом виде, свободном от всяких добавочных оттенков смысла [66].

б) Им. п. употребителен и в тех случаях, когда вопрос наталкивает на ответ в форме прилагательного:

1. Это шерстяные носки? *Вигонь*//; 1. У вас дом девятиэтажный? 2. *Двенадцать*//; 1. Ты какие туфли смотришь? 2. *Тридцать рублей*//.

Ср. также типичные «магазинные» ответы, для которых форма им. п. удобна своей универсальностью, так как производное прилагательное не всегда можно (и легко) образовать:

1. Девушка / а какие сейчас галстуки модные? 2. *Мелкий рисунок полосатая диагональ*//; 1. Какие у Вас шторы? 2. *Немецкий перлон*//; 1. Чулки капроновые есть? 2. *Эластик*//; 1. Это чьи ботинки? 2. «*Пролетарская победа*»//; 1. Это чьи туфли? 2. «*Заря*»//; Скажите / чья это рубашка? 2. *Чехословакия*//; 1. А эта? 2. *Болгария*//; 1. Какой Вы костюм мерили? 2. *Бельгия*//.

Им. п. существительного в подобных репликах диалога выполняет функцию качественного определителя предмета.

[64] О. А. Лаптева пишет: «. . .основное содержание (рема) вопросной фразы выражается именительным «темы» (уже здесь видна вся условность этого термина)» (указ. соч., стр. 51). Как нам представляется, этим доказывается неправомерность расширительного употребления понятия «именительный темы», к которому прибегает автор.

[65] См.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах. . ., стр. 51.

[66] Ср. Н. Д. Арутюнова. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» — реплики в русском языке. «НДВШ. Филол. науки», 1970, № 3.

3) Им. п. употребителен в ответных репликах диалога не имеющих коррелятивного члена в вопросительной реплике. Наиболее типичны два вида таких реплик.

а) Реплика, содержащая им. п., может быть ответом на еще не заданный, но ожидаемый вопрос:

1. А мужски́е есть перчатки у Вас? 2. *Третья линия второй этаж*//; 1. Ручки шариковые у Вас есть? 2. *Угол Невского и Мойки*//; 1. Обувь детская есть у Вас? 2. *Дом рядом / вход с угла*//; 1. Двадцать восьмой размер туфельки? 2. *Соседняя секция*//; 1. Чулки капроновые есть у Вас? 2. *Сеточка*//.

б) Им. п. входит в ответные реплики, содержащие встречный вопрос:

1. Ты Камю читал? 2. «*Чума*»?; 1. Пойдем сегодня в кино! 2. «*Ключ*»-*то*»? 1. Нет / не «Ключ» а «Айболит-66»//; 1. Иди обедать// 2. *Гороховый суп?*; 1. У меня сегодня свидание// 2. *Александр Николаевич?*; А мне цветы подарили! 2. *Петя Иванов?*

в) Им. п. входит в ответные реплики — переспросы. При этом он обычно лексически тождествен существительному, составляющему суть вопроса. Им. падежу может соответствовать в вопросительной реплике как им. п., так и косвенные:

1. П е т я не забегал? 2. *Петя?* Нет еще//; 1. *Иван Петрович* дома? 2. *Иван Петрович?* Гулять пошел//.

Ср.: П е т ю не видели? 2. *Петя?* Не приходил еще//.

По нашим наблюдениям, в таких случаях более обычной является реплика-переспрос, повторяющая падежную форму тождественной лексемы вопроса. Это объясняется тем, что при переспросе лексические повторы характерны не только для им. п., но для л ю б о й словоформы:

1. Д о ж д я не обещали? 2. *Дождя?* Не слышал//; 1. Г у л я т ь пойдешь? 2. *Гулять?* Не решил еще//; 1. Д а в н о приехала? 2. *Давно?* Два дня уже//.

4) Им. п. употреблен в репликах, являющихся реакцией не на вопрос, а на сообщение, просьбу, напоминание и т. п. собеседника. Им. п. может повторять любой падеж тождественного субстантива. Характерны следующие виды реплик-реакций:

а) Реплики-согласия, конструктивным элементом которых является частица *да*. Такой ответ выражает согласие задумчивое (так сказать, «философское согласие»; обычен замедленный темп) или согласие человека, спохватившегося, забывшего о чем-то (в этом случае обычен убыстренный темп).

Убыстренно:

1. Не забудь о Кате / 2. *Да / Катя*//; 1. Котенку молочка налей// 2. *Да / котенок*//; 1. Хлеба надо купить// 2. *Да / хлеб*//.

Замедленно:

1. Скучаете / я думаю без ребят// 2. *Да / ребята*//; 1. Зима на носу // Скоро в сапоги влезать// 2. *Да / зима*//; 1. Шубу тебе надо новую// 2. *Да / шуба*//;

б) Реплики-реакции, выражающие различные виды эмоционального отношения говорящего к реплике-стимулу с помощью эмфатической интонации [67]:

1. А я Кролика встретила (прозвище)! 2. (восхищенно, радостно) *Кролик!*; 1. На завтра опять дождик обещали// 2. (с горечью) *До-ождик!*; 1. Магнитофон сломался// 2. (разочарованно) *Магнитофо-о-н!*

Широко распространены реакции-отрицания, выражающие с помощью неодобрительно-иронической интонации негативное отношение говорящего к содержанию реплики-стимула типа: 1. С каким артистом я познакомился! 2. *Артист!* 1. Поедем на лыжах! 2. *Лыжи!*

Таковы типические функции им. п. существительного в РР. Вероятно, последующее изучение откроет новые явления в этой области синтаксиса РР.

Выводы: 1. Употребление им. п. существительного в РР не только в качестве главного члена или одного из главных членов предикативного построения, но и в качестве сегмента, относящегося ко всему высказыванию, а также в качестве словоформы, зависимой от другого субстантива, глагола и пр., служат свидетельством своеобразия синтаксической системы РР по сравнению с синтаксической системой КЛЯ. Одна и та же «шахматная фигура» — им. падеж существительного — выполняет в РР и в КЛЯ разные функции. Функции им. п. в РР показывают, что в синтаксисе РР в качестве показателя зависимости между единицами широко используются суперсегментные средства: порядок слов и интонация, конкурирующие с морфологическими средствами выражения грамматической зависимости.

2. Интонационная выделенность им. п. в особую синтагму, как правило, бывает связана с его фиксированным положением в абсолютном начале или абсолютном конце высказывания. Интонационная неотделенность им. п. возможна и при его фиксированном положении, но более характерна для свободного. Отсюда можно сделать вывод, что им. п., выделенный в особую синтагму, нуждается в особом средстве, скрепляющем его с остальным высказыванием. Этим средством является определенный порядок слов.

Таким образом, два суперсегментных средства — интонация и порядок слов — взаимно дополняют друг друга.

3. В ряде случаев связь им. падежа, выделенного в особую синтагму, с остальной частью высказывания поддерживают особые скрепы (коррелятивные члены) в основном составе высказывания. В высказываниях с интонационно невыделенным им. п. такие скрепы обычно отсутствуют.

[67] Такие конструкции входят в ряд конструкций с повторами; реплика-реакция может повторять любой член реплики-стимула, т. е. сообщение *У меня жена больна* может вызвать реакцию: а) *Жена!* (или: *Жена — жена!*); б) *Больна!*; в) *У тебя!* (с модификацией формы местоимения).

4. Им. п., не выделенный в отдельную синтагму, нередко бывает распространителем определенного члена высказывания. Интонационно отделенный им п. может относиться и ко всему высказыванию, и к отдельным его членам. Таким образом, позиция распространения слова теснее связана с интонационной неотделенностью им. п.; позиция распространения высказывания связана только с интонационной отделенностью им. п.

5. Прослеживается тенденция при отсутствии морфологических средств выражения зависимости между двумя формами им. падежа зависимую в семантическом отношении словоформу помещать в постпозицию. Причины этого можно видеть в линейно-временно́м характере построения РР: единица, произнесенная по времени первой, если она не имеет формальных показателей зависимости, воспринимается как главная, независимая. Иными словами, в РР действует такой закон: при отсутствии морфологических показателей зависимости между двумя формами зависимой обычно оказывается постпозитивная.

6. В вопросительных конструкциях РР как глагольных, так и безглагольных, сильна тенденция использовать им. п. в инициальной позиции для обозначения сущности вопроса (ремы высказывания).

7. Как отмечалось исследователями, расширение функций им. п. в РР влияет и на расширение функций им. п. в КЛЯ — в различных его функциональных разновидностях [68]. Однако в синтаксических условиях функционирования им. п. в РР и КЛЯ имеются существенные различия: в РР им. п. употребителен в качестве зависимого члена синтаксического построения, связанного с другими членами построения, в том числе с сильно управляющими глаголами [69].

Итак, употребление им. п. существительного в РР свидетельствует о том, что за этой формой в РР закреплено бо́льшее число означаемых, чем в КЛЯ. С этим связано принципиально иное строение парадигмы существительных в РР: им. п. является немаркированным членом, тогда как в КЛЯ все падежи маркированы [70].

[68] См.: А. С. Попов. Указ. соч.

[69] Ср. употребление им. п. с атрибутивными значениями в КЛЯ. См.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 96—122; Н. А. Янко-Триницкая. Проблема номер один. «Развитие грамматики и лексика современного русского языка», М., 1964. — Ср. резко отличное явление КЛЯ, которое называют нейтрализацией «управляемых синтаксических форм и номинатива в экспрессивно расчлененных предложениях публицистической речи». См.: Г. Золотова, Е. И. Иванчикова. Русский синтаксис в наши дни. — РЯНШ, 1967, № 5, стр. 40.

[70] Эта мысль была высказана М. В. Пановым в марте 1967 г. Ср. мнение Р. Якобсона о беспризнаковом характере им. п. в КЛЯ. См.: Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением. «American Contributions to the fourth International Congress of Slavists». Mouton and Co, 1958.

Зависимый присубстантивный инфинитив

Рассмотрим лишь одну характерную для РР позицию зависимого инфинитива. В РР круг имен существительных, которые может распространять инфинитив, значительно шире, чем в КЛЯ. В него входят не только существительные со значением отвлеченного действия, лица́ и некоторыми другими значениями, как в КЛЯ (типа *желание уехать*, *мастер рассказывать*, *время уходить*) [71], но и существительные, обозначающие конкретные предметы. В этом обнаруживается типическая особенность РР — свобода от лексических ограничений в реализации грамматических моделей.

Инфинитив обычно называет назначение предмета:

Папе надо *кресло сидеть*//; Дайте мне *бумагу писать*//; Где здесь *касса платить?* Тебе нужен *партнер ехать?*; У нее нет *стола заниматься*//; *Бумагу заворачивать* в буфете возьми//; У тебя есть *спички курить?*

Нередко инфинитив имеет при себе зависимый член (существительное, местоимение), обозначающий объект действия или другие виды его конкретизации (пространственные и временные уточнители):

Купи мне *ножницы ногти стричь*//; У вас не найдется *веревочки книги перевязать?*; В переднюю нужен *коврик ноги вытирать*//; У Вас есть *вешалка пальто вешать?*; А где *таз / голову мыть?*; *Щетка ботинки чистить* в шкафу лежит / на дне//; У тебя есть *деньги ей дать?*; Где у Вас *полотенце руки вытирать?*; *Зеркало / в ванную повесить* / никак не соберусь купить//; Ты не видела *торшер / к маме поставить?*; Папа подарил мне *картину над диваном повесить*//; У нас *новая клеенка в кухне стелить*//; У тебя есть *ваза на шкаф поставить?*

Группа инфинитива может быть интонационно отделена от определяемого ею препозитивного существительного.

Наряду с рассмотренными в РР функционируют синонимичные конструкции с союзом *чтобы* (*партнер чтобы ехать*, *касса чтобы платить*, *бумага чтобы заворачивать*).

[71] Характеристика существительных, которые могут присоединять зависимый инфинитив в КЛЯ, дана в академической Грамматике русского языка, т. II, ч. 1 (М., 1954, стр. 293—302). В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) отмечаются случаи «свободного присоединения инфинитива (одного или с зависимыми от него словоформами) ко всему составу предложения; такая связь характерна для разговорной и непринужденной речи» (стр. 635). Приводятся иллюстрации типа *Купи коробку класть карандаши*; *Где щетка чистить платье?* С нашей точки зрения, в таких случаях инфинитив (один или с зависимым членом) с неменьшим основанием может рассматриваться как распространитель имени существительного. Связи между инфинитивом и именем существительным возникают на уровне словосочетания. Ср. *страсть путешествовать*, *желание поговорить с другом* и *ножик точить карандаши*, *тетрадь записывать наблюдения*, *кофточка спать*, *тряпка пыль вытирать*.

В КЛЯ соответствующее значение передается конструкциями с предлогом *для* и отглагольным существительным: *партнер для поездки*, *касса для оплаты*, *бумага для заворачивания* и т. п.

Итак, в РР существует особый, специфический тип словосочетаний «существительное с конкретным значением + зависимый инфинитив, обозначающий назначение предмета» (типа *блокнот заметки делать*, *сапоги в лес ходить*). Подобные соединения слов имеют такой же статус словосочетаний, как сочетания с инфинитивом существительных отвлеченного значения (типа *любовь путешествовать*, *желание увидеть друга* и т. п.). Это доказывается тем, что инфинитив в составе высказывания имеет связь лишь с существительным; связи с глаголом у него нет. Ср. также: Ты выкинул *билеты сюда ехать?* Купи мне *талончик звонить*//.

Функции указательных местоимений в разговорной речи

I. Функционирование указательных местоимений в разговорной речи имеет заметные отличия от книжной речи. Объяснение этому можно найти в самой природе этих единиц.

Морфологически указательные местоимения распределены по именным частям речи, но образуют внутри них особый подкласс, так как лишены конкретного лексического содержания. Значение их основ определяется системой противопоставлений разрядов местоимений (указательные выделяются прежде всего по отношению к личным и вопросительным) и системой противопоставлений внутри разряда указательных местоимений (в частности, с точки зрения говорящего при указании различаются «сферы Я — не Я»: этот — тот, здесь — там, сюда — туда, теперь — тогда).

Содержательная конкретизация, актуализация в высказывании обязательны для указательных местоимений, поэтому характер их функционирования находится в сильной зависимости от способов их конкретизации в той или иной сфере речи. В РР и КЛЯ эти способы, как будет показано, неодинаковы.

С абстрактным значением местоименных основ связано и то, что их употребление может колебаться между двумя полюсами: быть номинативной единицей (подобно другим словам именных частей речи) и быть служебно-грамматической единицей (чисто синтаксической скрепой). В разговорном и книжном синтаксисе эти потенции также реализуются по-разному.

Устная форма воплощения РР, ситуационность речи, включение в ряд означающего жестов и мимики создает в РР более широкие возможности подмены лексических средств называния средствами местоименного указания. Благодаря тому, что в РР допускаются и более разнообразные способы конкретизации местоимения в тексте, чем — не только в условиях письменной речи,

но и в условиях пользования кодифицированной системой вообще, указательные местоимения оказываются здесь базой для легкого образования в речи окказиональных номинативных единиц разного типа, построенных по принципу: местоимение + индивидуальная конкретизация его.

По наиболее характерному типу конкретизации «местоимение + указательный жест» весь этот круг употреблений будем называть указательной функцией местоимений. В книжной речи возможности такого применения местоимений сильно ограничены.

Служебно-грамматическое употребление указательных местоимений свойственно и КЛЯ, и РР. В частности, в КЛЯ местоименные антецеденты в сложном предложении являются формальным средством синтаксической связи. В разговорной речи эти потенции реализуются по-иному, что в первую очередь связано с особенностями отношений между синтаксическим и актуальным членением высказывания, с иными способами формализации актуального членения. Задачам подчеркнутого актуального членения высказывания отвечает в РР особая развитая система местоименного удвоения. Эта функция местоимений в дальнейшем называется «поддерживающей».

Общей для разговорной и книжной речи является анафорическая функция указательных местоимений, т. е. их способность замещать предшествующие слова в речи, указывая на них, формально отсылая к ним. Не утрачивая номинативности, местоимения одновременно служат здесь средством синтаксической связи.

Способность к анафорическому употреблению мы, вслед за В. Н. Сидоровым [72], кладем в основу выделения самой группы указательных местоимений. Неспособность к замещению слов в контексте отделяет от исследуемой группы местоимений два других центральных класса местоимений: вопросительные и личные —1-го и 2-го лица. Местоимения 3-го лица *он*, *она*, *оно*, *они*, исходя из этого критерия, рассматриваются в группе указательных [73].

Описанию этих основных функций местоимений (прежде всего указательной и поддерживающей) посвящен данный раздел.

2. Анафорическая функция указательных местоимений на материале живой речи нами подробно не рассматривается. Отличия между РР и КЛЯ в этой области, по-видимому,

[72] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, стр. 152. — По В. Н. Сидорову, указательными называются местоимения, «которые служат для указания на предшествующие или последующие слова в речи». В качестве критерия кажется достаточным указание на «предшествующие» слова.

[73] Так же и у В. Н. Сидорова (указ. соч., стр. 152). Введение других признаков могло бы дать другую, более дробную классификацию, однако для целей сопоставления РР и КЛЯ выделенная нами группа, как кажется, более удобна.

не очень глубоки. В разговорной речи, как в устном типе речи, анафорическая функция связана с установлением контакта между говорящими. Как писал Л. Блумфилд: «Если на вопрос: „Не хотите ли превосходных свежих дынь?“ последует ответ: „Сколько стоят дыни?“, то этот ответ, [вероятнее] повлечет за собой задержку реакции или неправильную реакцию („непонимание“), чем ответ: „А почем они?“ [74].

Правильное замещение означает, что контакт между говорящими возник. При этом коммуникативная значимость местоименного замещения накладывается на его грамматическое значение средства синтаксической связи реплик в диалогическом единстве.

Правила местоименного замещения слова в РР имеют некоторые несомненные отличия от правил, действующих в письменной речи. Специально не рассматривая их здесь, можно заметить, что эти отличия касаются, по-видимому, допустимости повторения слова или необходимости его замены местоимением, соотношения местоименного замещения и эллипсиса, соотношения формы местоимения-заместителя и его антецедента (ср. некоторые примеры в п. 5, В) [75].

Из частных различий РР и КЛЯ можно отметить то, что в письменной речи, особенно в некоторых стилях КЛЯ, существует бóльшая потребность в местоимениях, отсылающих к «выше» и «ниже» сказанному, подчеркивающих тождество объекта речи на протяжении длительного текста. Ей удовлетворяет введение дополнительных местоименных слов типа: *данный*, *указанный*, *следующий*, *названный*, *последний*, которые в живой разговорной речи отсутствуют. Зато в РР широко представлено замещение так называемыми лексически опустошенными словами *штука*, *вещь*, *дело* (см. об этом в главе «Номинация»).

3. «У к а з а т е л ь н а я» функция местоимений. Определение «указательная» в этом термине является условным, так как сочетание с указательным жестом представляет собой лишь частный пример конкретизации местоимений.

Общим для всех случаев, рассматриваемых под этим заголовком, является обязательность конкретизатора, во времени налагающегося на местоимение или непосредственно к нему примыкающего. В отличие от анафорических употреблений, местоимение не имеет здесь лексического коррелята в контексте. Язы-

[74] Л. Б л у м ф и л д. Язык. Пер. с англ. М., 1968, стр. 273 (в цитате исключен английский текст примера и оставлен только данный в книге русский перевод).

[75] Иногда местоименное замещение не прикреплено грамматически к предшествующему контексту и имеет характер условной отсылки к «известному». Некоторые из таких сочетаний местоимений фразеологизируются:

И когда она пришла домой/она конечно рассказала все это Анне Петровне/что вот *так и так*//; 1. (в разговоре о путешествиях) Вот так сидишь и вспоминаешь// вот *там-то* вот *так-то то́-то*/*там-то то́-то*// Правда же// 2. Ну-у/конечно//. 1. А если бы никуда не ездить? Так это же тоска//.

ковые построения, в которые входит такое местоимение, обладают некоторыми особенностями. Без конкретизатора все эти высказывания являются синтаксически и интонационно законченными, но недостаточными семантически, информационно, так как именно рема (новое) в высказывании выражено местоимением, что подчеркнуто падающим на него логическим ударением.

Сопровождать и конкретизировать местоимение в разговорной речи могут жесты: указательный, изобразительный, эмоциональный; мимика, интонация и, наконец, лексические определители. Условия их применения и степень конкретности, вносимой ими в сообщение, различны. При помощи указательного жеста говорящий приводит содержание произносимого сообщения в связь с окружающей обстановкой. Нужный элемент ситуации выделяется при помощи указательного жеста, языковой опорой для которого является указательное местоимение. Ограничимся двумя примерами:

Витя / *этого* тебе или *этого*? (указывает на кушанья на столе); Ты идешь в сторону. . . *туда*? (указывает рукой).

Передача информации с помощью жеста происходит быстрее и точнее, чем при словесном описании. При этом, как заметил А. И. Зарецкий, хотя «смысл местоимения — максимально общий, но при необходимых условиях оно получает максимально конкретное значение» [76]. Это справедливо и в отношении тех случаев, когда конкретизатором местоимения выступает изобразительный жест (или мимика).

Нет не мини / а вот *такую* // (жест, изображающий трапецию; о юбке); А у него скрючились руки вот *так* / знаете? (изображает как); И меня кормили вот *так* / во-от *столько* (показывает) шоколадом // полграмма наверно // четверть даже // вот *так* немножечко / вот *стоко* вот семги // (о кормлении больного). (Подробнее о соотношении местоимений и двух типов жестов см. в приложении «Жест в разговорной речи»).

Роль местоимения, сопровождающего жест или мимику, заключается в том, что оно вводит содержание «указанного» или «изображенного» в границы грамматических категорий данного языка. Насыщая необходимые синтаксические связи высказывания, местоимение оказывается посредником, оформляющим вход неязыковых элементов в языковое сообщение.

Возможность изображения или указания ограничена теми случаями, когда предметом речи является нечто осязаемое, имеющее доступные человеческим чувствам пространственные характеристики. Средства для передачи своего эмоционального или иного отношения к чему-то говорящий черпает из другого арсенала. Заместителем лексических средств в подобных случаях способна служить интонация, могущая передавать тонкие и разнообразные оттенки эмоций, не всегда выразимые даже словом.

[76] А. И. Зарецкий. О местоимении. — РЯШ, 1940, № 6.

Внешне высказывание типа: У нее *такая* квартира! не содержит конкретизатора местоимения, на самом деле конкретизатором в них выступает интонация, поддержанная нередко мимикой и эмоциональным жестом. На письме подобные фразы сопровождаются характеризующими уточнениями: У нее *такая* квартира!— сказала она с восхищением, завистью и т. д. Выразительная часть эмоциональной интонации приходится также на ударное местоимение в случаях типа: Он еще *такой* молодой! И *так* быстро?, где эмоциональное подчеркивание обычно описывают как усилительное значение. Нагрузку интонации во всех этих случаях можно понять в сопоставлении со случаями, когда эмоционально-оценочное содержание вложено в словесную конструкцию, распространяющую местоимение:

Дружба была *такая* / не разлей водой //; Ну/ у нее *такие* книги / это же с ума можно сойти!; Я у тебя прошлый раз ночевала / не спала всю ночь // *Такая* жара / ну / невозможно / невозможно / воздуху совершенно нет //; Там *такие* пруды / просто замечательные //; Ну для меня это очень мало / потому что у меня *такие* планы / прямо грандиозные //; В этом году *такой* урожай огурцов был у меня / ужас!

Этот ряд примеров можно было бы продолжить, так как в РР существуют регулярные модели типа *такая* (что) просто. . . (страх, загляденье, объеденье, чудо и т. п.); ср. с междометием: *Такая* прическа / просто ах!

4. На фоне сочетания «местоимение + конкретизатор внеязыкового или суперсегментного характера» следует рассматривать в РР и конструкции «местоимение + лексический конкретизатор». Например, в ситуациях, когда жестовое указание может оказаться недостаточным, говорящий обычно словесно называет дополнительный признак.

Этот в джинсах мне не нравится //; *Эту за сорок* покажите //; А вот *эти польские* / *Хелена* / это только большие размеры / да?; А теперь *эти с бретельками* вот модно //; Я заходила в магазин где я купила *этот с дырками* //; А сколько стоит *этот над дверью*?

В РР развивается особый тип номинации, употребительный и без жеста:

Ой подожди / вот *в раковинах* как называются *эти*? (об устрицах); Страшно все-таки что *этого* / *гетры полосатые* / его убили //; Вижу стоят *эти. . .прибалтика* / белые // (вижу: стоят люди со светлыми волосами, похожие на жителей Прибалтики); 1. Там ребята гуляют // 2. Какие? 1. *Эти* / *кооператив* // (из кооперативного дома); Завтра вызывает *этого. . .чинить* //; Где у вас *эти. . .рассылать*? (об анкетах).

Как показывают примеры в окказиональной номинативной единице, к местоимению могут примыкать формы различных грамматических классов. Местоимение *этот* выступает в роли

аналитического субстантиватора, формального базиса номинации [77].

На базе местоимений *так*, *такой* в разговорной речи создаются номинации с признаковым содержанием:

1. Какой? 2. *Пятьдесят одна копейка такой* / творожный //; Пришел ларинголог *такой* / *сверхзнаменитость* //; Она просила *чтобы глаза закрывались и открывались* / *такую* // (о кукле); Я думала *вот в Детском мире продают* / *когда начинает ходить враскорячку* / *такую* // (о детской мебели); Ну знаешь у него *такое* / *все вразброд* это серебро // (о монетах); Я очень люблю зеленый сыр // знаешь / *такой* / *трут* //. (Заметим, что в последнем примере вместо слова *трут* или рядом с ним мог бы быть изобразительный жест).

Подобно примерам с жестовым конкретизатором местоимение и здесь задает синтаксическое место номинативной группы в высказывании. Благодаря тому, что синтаксические связи высказывания насыщены формой местоимения, само местоимение может быть распространено единицами — в данном случае языковыми — лишенными формальных показателей связи с их окружением. Чрезвычайно интересны случаи глагольного распространения местоимений. Ср. примеры с местоимением *так*:

И все время шли *так* / *цеплялись*? (по узкой горной тропе); Она шла ничего / *не боялась так*//; (о посещении музея) 1. Ну мы так ходили / по принципу такому / то что нам нравилось / мы останавливались и смотрели столько сколько хотели//; 2. Мм / конечно// 1. Что нас меньше интересовало / это уже *так* / *бегали*//.

Примыкающее к глагольному предикату (или к целой предикативной группе) местоимение *такой* в приводимых ниже примерах наделено специфической функцией; оно подчеркивает, что в предикате дана качественная характеристика субъекта или названо его состояние. Нередко в таких контекстах противопоставлены два признака, один из которых выражен именем прилагательным.

Одна о п ы т н а я / а вот на пятом этаже / та *играет почти гаммы такая* / только учится //; Те совсем т о н к и е стали / а русские почти *совсем не истерлись такие* // (о старинных ложках); Еще врач *такая* / *покрикивала* //; Он совсем п р о с т о й / и *такой* / *просматривается весь* // (о магазине); Она д е л о в а я / но *такая* / *не уступит никому ни в чем* //; 1. Не видно что оно м я т о е? 2. Оно *такое* / *отвислось немножко* // (о платье); Сидели / пили / *такие* / *раскраснелись*//.

Выше были перечислены различные типы номинаций вида: «местоимение + конкретизатор». Не затрудняя слушающего, эта

[77] Об аналитических номинациях, опирающихся на местоимение, см. также в проспекте Е. А. Земской «Русская разговорная речь», стр. 61—64 и в главе «Номинация» этой книги.

модель построения номинативной единицы представляет большие выгоды говорящему. Использование местоимения не только дает ему время для поисков средств выражения, но и делает возможным применение максимально широкого круга различных средств для построения номинации — и языковых, и внеязыковых. Опорную роль местоимения в самом процессе построения высказывания иллюстрируют примеры с затрудненным поиском слова.

Так у них значит какой-то *такой* котел / большой такой//; Пусть едут самые *такие*. . .; Ну вот я вам так примеры приведу. . . *такие*. . . наиболее//; Баня есть / близко / на *этой* на Гастелло //; А моя эта другая тетя / она жила на. . .на. . .*этом*. . .Афанасьевский переулок// это близко//.

Иногда говорящий ограничивается местоименным называнием, как бы апеллируя к догадливости (иными словами, к «общности апперцепционной базы») собеседника. Укажем достаточно частые атрибутивные группы, опирающиеся на местоимение:

Откуда эти ландыши? Они стояли в стеклянном *этом* // (бокале); Ну посмотри в красной *этой* (сумочке) //; Они жили в общежитии пед- *этого* //.

Специализировано в «поисковой» функции местоимение *это самое*, замещающее самые различные формы и позиции.

1. По Волге несколько раз ездила до конца // И по *этой самой* до Перми ездили ну. . .по. . .как ну ее? 2. По Каме?; В апреле по-моему // Там такая жара была / да / в апреле точно / потому что к майским *этим самым* подготовка была//; 1. Тамара / тут по-моему *это самое* / чай-то /; 2. Чай заварка / уже кончилась / да?; У нас же есть русско- *это самый* словарь//.

Итак, именно условия устной непринужденной речи, непосредственность контакта между говорящими создают физические и психологические предпосылки для распространенности в РР описанных типов номинации. Отметим также, что некоторые типы языковых построений, в той или иной мере специфичных для РР, в частности аналитического типа, могут быть объяснены на фоне построений, в которых речевые элементы взаимодействуют с неречевыми. Во всех рассмотренных случаях местоимение является организующим, конструктивным центром номинации.

5. «П о д д е р ж и в а ю щ а я» функция указательных местоимений в РР реализуется в системе местоименного удвоения. В развитом виде с высокой степенью регулярности эта система воплощается в бытовой речи, включая сюда литературную, просторечную и диалектную речь [78]. В синтаксисе книжно-письмен-

[78] См.: А. Б. Ш а п и р о. Очерки синтаксиса русских народных говоров. М., 1953; В. И. С о б и н н и к о в а. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961; В. А. И в а н о в а. О конструкциях с плеонастическим употреблением местоимений в современном русском языке. «Исследования в области русской и английской филологии». Уч.

ной речи в отраженном виде тот же конструктивный принцип присутствует в построениях с именительным темы. Есть основание считать некоторые типы удвоения, в частности местоименно-существительные конструкции, принадлежностью устной речи вообще, однако границы их употребительности еще недостаточно изучены.

Самый распространенный вид конструкции с удвоением описывается следующим образом: имя существительное в именительном падеже, стоящее в начале предложения, как бы повторяется именительным падежом согласованного с ним местоимения. «На существительном (выступающем как тема предложения) интонация значительно повышается; пауза отделяет его от ремы» [79]. Сюда относятся примеры типа:

Кедр / он смолистый / и поэтому в воде не гниет//; Вот *Таня / она* тоже музыкальный кончила//; Это еще не скоро кончится// Тем более *Петров / он* говорит долго//; *Перегородка / она* только мешает //

В основе системы местоименного удвоения лежит принцип построения конструкции по «двучленной модели»: [80] а) сегмент, б) основная часть высказывания, в которой формальным представителем сегмента выступает указательное местоимение.

При описании системы местоименной репризы используются следующие признаки:

А. Морфологический тип местоимения.

Б. Грамматическая структура сегмента.

В. Наличие и характер связи между формой сегмента и местоимения.

Г. Порядок следования частей.

Д. Характер и обязательность интонационного членения.

Пересечение всех этих признаков дает очень большое число случаев, некоторые из них по структурным причинам не реализуются, но возможные случаи в данной работе представлены не все.

А. Субъектно-объектные позиции помимо местоимений-существительных *он*, *она*, *оно*, *они* могут замещать местоименные субстантивированные прилагательные *этот*, *эта*, *это*, *эти; тот*, *та*, *то*, *те*.

зап. Волгоградского пед. ин-та, вып. 14, 1961; О. А. Лаптева. Диалектная и литературная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — ВЯ, 1969, № 1. — Из работ, основанных на книжном материале: А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке. «Развитие грамматики и лексики современного русского литературного языка». М., 1964; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 144—161.

[79] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 75.

[80] Термин О. А. Лаптевой (см. указ. соч., стр. 31). Заметим, что О. А. Лаптева устанавливает границы более широкой системы, в которую местоименная реприза входит лишь как часть. Признаки, названные ею, относятся, естественно и к нашей системе.

Выбор местоимения из первой или второй группы в одинаковых окружениях можно связать по крайней мере с двумя следующими условиями.

Местоимения *этот*, *тот* ставятся при выделении конкретных предметов в определенной ситуации, в то время как местоимение *он* может относиться и к предметам, мыслимым внеситуативно: Маленькие / *те* (*эти*) мне меньше нравятся // и Маленькие / *они* мне меньше нравятся//. В первом примере речь может идти только о конкретных вещах, в то время как во втором — о некотором абстрактном классе вещей, имеющих небольшой размер. Роль местоимения *он* более формальна, поэтому, в частности, оно может использоваться при обозначении неопределенной группы лиц по какому-то условному признаку. Ср.: В райисполкоме / *они* что тебе сказали?; В ленинградской консерватории / *они* как-то удивительно умеют все-таки составлять программу//.

Второе условие касается лишь тех высказываний, в которых в сегменте названо лицо, о котором что-то утверждается в основной части. На фоне нейтральных в оценочном отношении конструкций с местоимением *он* в конструкциях с *этот* и *тот* ощущается дополнительная оценочная окраска. В ней есть элемент отчуждения, отстранения от лица, о котором идет речь. При употреблении этих конструкций есть опасность впасть в несколько грубоватый тон.

Ну-у Иванов / *этот* себе цену знает//; Вот Зайцев / *этот* мастак//; Нет Зайцев / *этому* палец в рот не клади//; Вовка / *тот* хоть школу окончил / а ты что думаешь?; А вот Петровы / *те* еще проще поступили / не пришли и все//; А Зайцевой / *той* вообще ни до чего нет дела//.

Указанное отличие можно почувствовать, подставив в названные примеры местоимение *он*: Ну-у Иванов / *он* себе цену знает / и т. д. Особое положение в этом ряду занимают местоимения среднего рода *то* и *это*, которые могут относиться (и чаще именно так употребляются) не к номинативной группе, обозначающей предмет или лицо, но к обозначению целой ситуации.

Пушкин / *это* хорошо (как название города); Насчет гостей / *это* мы потом можем решить//; Не пойти / *об этом* не может быть и речи //; Музыка / *то* не ваша забота / музыка будет//; Купит / не купит / *о том* гадать не будем//.

Реже в аналогичных конструкциях появляется местоимение *оно*: Искупаться / *оно*-то хорошо / да холодно//.

Кроме местоимений (*э*)*тот* и *он*, к группе самых частотных местоимений, выступающих в системе местоименного удвоения, относится локальное наречие *там*: Просто понимаете / в каждом научно-исследовательском институте / *там* есть же информационный центр//; У окна / *там* страшно дует//; В первом действии / *там* только все закручивается//.

Более редки конструкции с другими локальными наречиями — *туда*, *сюда*, *здесь*, *тут*:

На север / в Прибалтику// А в Сочи / меня *туда* теперь калачом не заманишь//; В Москве *здесь* же тысячи приезжих//.

Отмечены примеры с временными местоимениями-наречиями. 1. А может быть в июле? 2. В июле / *тогда* народ не соберешь уже//; Когда он приедет / *тогда* уже поздно будет//; Вот сделал уроки / *теперь* пожалуйста иди гуляй//; с местоимением-числительным: Триста в месяц / *столько* бы тебя устроило?

Признаковые местоимения *такой* и *так* противопоставлены по своим синтаксическим свойствам всем остальным местоимениям. Их атрибутивная функция (функция распространителя имени существительного или глагола) ограничивает их употребление в системе удвоения. Можно заметить, что эти местоимения никогда не являются средством удвоения прилагательных и наречий, вынесенных в сегмент:

А на молнии но с ручками / брать тебе *такую* или нет?; Вот Таня купила / *такая* тебе нравится?; Три метра / возьмешь *такую*? (о елке); Без шапки ходить / *так* можно менингит заработать//; С разрезом / мне *так* больше нравится//; Без компаса / *так* мы куда-нибудь в сторону забредем//.

Для местоимения *так* чрезвычайно трудно найти примеры с собственно атрибутивной позицией при глаголе, группа сегмент / местоимение тяготеет к тому, чтобы быть распространителем всей предикации.

Б. Грамматическая структура сегмента определенным образом коррелирует с типом местоимения (и его синтаксическим местом) в основной части высказывания. При местоимении *он*, кроме имени существительного в им. п., в сегменте может выступать:

а) атрибутивное словосочетание: *Русский старинный фарфор / он* очень сейчас вот ценится//; *Правая рука* все-таки / *она* невольно отвлекает внимание // (об игре на рояле); *Работа в опере / она* по-моему даже гораздо трудней чем только с симфоническим оркестром//; А *монета наша / она* о-о! *Она* замечательная//;

Нередко при существительном стоит указательное местоимение: *Эти журналы / их* давно выбросить пора / да вот времени нет заняться уборкой//; *Та программка / она* у меня еще где-то валяется//;

б) имя прилагательное: *Зеленая / она* разве не в чистке? (о кофте); Понимаешь / *белые / они* мне жмут немного // (о туфлях); 1. Возьми самые белые// 2. А я почернее люблю//. 1. *Почернее / их* будешь в конце октября есть // (о грибах); 1. А потемнее? 2. *Потемнее* / они дороже // (о портфелях);

в) предложно-падежная группа: *С лавсаном / она* не так мнется// (о ткани); А *на семнадцати камнях / они* чем лучше? (о часах); *Без каблука / они* мне больше нравятся // (о туфлях); *В белом платке / она* с вами?

г) характеризующий им. п.: Нет / «*Красное знамя*» / *они* все-таки не такие хорошие // (о чулках фабрики «Красное знамя»); *Тридцать восьмой / они* вот так вот / нога болтается туда-сюда //

(о туфлях 38 размера); А *тридцать второй / они* что в складочку? (о школьной форме); *Десять тридцать / он* когда туда приходит? (о поезде); Правда-правда // *крученая сетка / они* не так рвутся // (о чулках);

д) предикативная конструкция: А *вот с ней кончили* (институт) / *они* где работают теперь? *Рядом с Машей сидит / она* не у Иванова работает? (см. также стр. 239);

е) параллельно со структурами (б), (в), (г), (д) в сегменте могут употребляться обороты с *который* [81]: *которые* почернее (положительная степень прилагательного допускается здесь лишь в просторечии); *которая* с лавсаном; *которые* «Красное знамя»; *которые* с ней кончили или: вот *которая* со мной рядом сидит. Установление границ действия этого параллелизма, более регулярного в просторечии, требует дополнительных наблюдений. По-видимому, все указанные способы реализации сегмента возможны и при местоимении *тот*. Местоимение *этот*, как и другие местоимения «сферы-Я», употребляется реже, условия его выбора должны быть изучены отдельно (о местоимении *это* см. ниже).

При местоимении *там* в сегменте отмечены:

а) предложно-падежная группа с локальным значением [82]: А впрочем и *в «Комедии» / там* тоже не очень сильные актеры//;

б) имя существительное в им. п.: Нет / *этот фильм «Любовь под вязами» / там* же она почти нехороша//; Первая столовая / вторая спальня / а *третья комната / там* Сережин кабинет//;

в) инфинитивный оборот: Тань вот знаешь / *как на рынок идти* / прямо и направо / *там* дом снесли//;

г) обороты с относительными местоимениями локального значения: *Где вода / там* всегда прохладно //; *Куда мы едем / там* лес очень близко //; 1. А как тебе понравилось Сормово? 2. *Вот там где мы жили / там* место тихое / спокойное//.

При местоимении *это* в сегменте могут быть представлены самые различные конструкции, которые в разговорной речи с разной степенью эксплицитности обозначают целую ситуацию.

а) инфинитив и инфинитивный оборот, в том числе со *чтобы*: *Обещать / это* он умеет//; *А чтобы самому сходить / это* ему в голову не пришло//;

[81] Ср.: И. Н. Кручинина. Конструкции с местоимением *который* в современном русском языке. — ВЯ, 1968, № 2.

[82] Если в сегменте стоит форма предложно-местного падежа не в локальном значении, ее коррелятом в основной части высказывания будет соответствующая форма местоимения *он*. Ср.: В Переяславле/*там* есть что посмотреть// и: В Переяславле/ *в нем* есть что-то удивительное//. Таким образом, семантическое различие, не имеющее во многих случаях формального выражения в несегментированном высказывании, оказывается подчеркнутым в конструкции с удвоением. Внешним средством этого подчеркивания служит выбор местоимения *там* или соответствующей формы местоимения *он*.

б) оборот с относительным местоимением *что*, *какой*, *где*, *когда*, *куда*, *зачем*, *почему* и др. [83]: *О чем они говорили / это* мне не известно//; *Когда он придет / этого* никто сказать не может//; *По какому учебнику / это* он не спросил // и т. п.;

в) имя существительное в им. п. [84]: *Монеты / это* наверно интересно // правда // (собирать монеты); Ты думаешь *Петров / это* интересно? (о докладе Петрова); *Галя / это* хорошо // (о том, что Галя защищает диссертацию); *Автобус / это* утомительно //; *Гостиница «Россия» / это* на первом? (о том, как доехать до гостиницы);

г) предложно-падежная группа с предлогами *с*, *насчет* (и некоторыми другими): Ну а *с историей / это* очень интересно//; Но вот *со съемочной площадкой / это* неудачно / правда//;

д) разнообразные по структуре фрагменты предшествующей реплики: *А спорили / это* хорошо//; *Уже потом / это* уже бесполезно//; *Легкие / это* хорошо // (о туфлях).

Как отмечают многие исследователи [85], роль *это* в ряде конструкций приближается к роли связочной частицы — актуализатора. Степень превращения этой формы в служебный элемент прямо пропорциональна ослаблению в ней падежного значения. В этом отношении чрезвычайно показательны случаи подстановки формы *это* вместо соответствующих форм косвенных падежей, требуемых синтаксическим окружением, правилами управления:

Что вопрос с подвохом / *это* я сразу догадался//; Вот что Анна Ивановна говорила / *это* я совершенно согласен//; Спросить / *это* я согласна//; Хорошо / отлично / на тройку / *это* я не вдаюсь //; Что подарить / *это* сами подумайте//.

Правда, параллельно употребляются и управляемые формы, ср.: Что вопрос с подвохом / *об этом* я сразу догадался и т. п.

Подобные конструкции возникли, по-видимому, под действием тенденции к выравниванию ряда и специализации в связочной функции одной формы, которая тем самым и превращается в служебную частицу.

Выводы относительно структуры сегментов при других (более редких) местоимениях можно будет сделать лишь после накопления соответствующих материалов.

В. Местоимения, способные к словоизменению, выступают в высказываниях в различных формах, которые могут быть обусловлены с двух сторон — со стороны основной части высказывания и со стороны сегмента.

[83] См.: Г. П. Уханов. Типы предложений разговорной речи, соотносительные со сложными синтаксическими единствами. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966.

[84] См. раздел «Имя ситуации» гл. «Номинация» этой книги.

[85] Из последних работ см.: Г. П. Уханов. Указ. соч., стр. 38, 40 и др.; В. С. Юрченко. О некоторых вопросах актуального членения фразы в современном русском языке. «Вопросы славянского языкознания». Саратов, 1968, стр. 80.

Рассмотрим соотношение формы сегмента и местоимения в тех случаях, где формальная связь присутствует, в частности соотношение формы имени существительного и формы местоимения *он*.

Регулярны случаи, в которых местоимение имеет вид полного согласования — в роде, числе и падеже — с именем существительным:

Воробьи / они ведь никуда не улетают//; *У Тани / у нее* характер очень хороший //; *Славку я его* когда видел в последний раз / в среду по-моему//.

Но возможно и неполное формальное соответствие. Оно объясняется разными причинами.

1) Падежную разнооформленность связывают с осуществляющейся в ряде конструкций тенденцией к «максимальной формальной независимости» [86] сегмента. При косвенном падеже местоимения сегментная форма может стоять в им. п. Примеры:

Вот соседи наши / у них уже огурцы цветут//; *Татьяна Ивановна / у нее* Костику сколько уже?; *А финны /* конечно это лучшая земля такая курортная *для них* была//; *А Валя твоя / у нее* может есть кто-нибудь / кому нужна работа?; Вобщем *Мишка / у него* какие-то дни там / физикой он занимается / чем-то // *у него* пятница как раз более или менее свободна //; *Пирожные / от них* только толстеешь//; *Зайцева / к ней* лучше и не обращаться/; *Песок /* нету *его* совсем?; Вот *Таня Иванова / у нее* ребята тоже в саду болели//; А *Галя /* мы *с ней* еще в школе вместе учились//; Правда / *удостоверения / с ними* путаница какая-то//.

Ряд *Сущ. им. п. / он, его, ему, его, им, о нем* представляет собой как бы аналитическую парадигму падежа. Но наличие интонационной границы показывает, что эта конструкция синтаксически двусегментна. Именительный падеж проявляет здесь свое свойство немаркированной формы [87]. Падежное значение в этих условиях нейтрализовано. Вынесенное в сегмент существительное нагружено лишь функцией называния. Ср. также замены именительным немаркированным конкретного падежа в следующем диалоге: I. Щас она *на тот берег* заплывет // 2. *Тот берег / это* и я могу доплыть // (Отметим поддерживающее местоимение *это*).

2) Отсутствие согласования в роде и числе возникает в РР как отступление от грамматического согласования в пользу смыслового. Это возможно лишь в двух случаях: когда место-

[86] О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 31.

[87] Как отмечалось в монографии «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968), увеличение в системе числа немаркированных форм, имеющих нулевую форму и могущих иногда замещать маркированные формы, это шаг в сторону аналитизма. В данной позиции РР можно видеть синтаксические условия, которые в потенции могут способствовать образованию аналитического падежа на базе немаркированной формы.

имение относится к существительному, которое: а) в форме мужского рода называет лицо женского пола, б) в форме единственного числа называет объект, представляющий объединение каких-то единиц. Отношения в конструкциях с удвоением рассмотрим на фоне формальных отношений между подлежащим и сказуемым и между местоимением и его антецедентом при анафорическом замещении.

а) Согласование по смыслу в р о д е (в зависимости от пола существа, названного в сегменте). Как известно, смысловое согласование между подлежащим и сказуемым является новой нормой разговорной речи, которая еще не принята всеми носителями литературного языка и не реализуется регулярно на всей лексике [88]. Наряду с высказываниями типа: *Невропатолог* ей же *сказала*//; И *пришла врач* / этот. . .эпидемиолог / — широко употребительны высказывания, где форма женского рода в сказуемом мотивирована словом *женщина* при подлежащем: У нас *женщина-архитектор была* на работе / она купила машину / «Москвича»//; или аффиксальным образованием на *-ша* (например, *архитекторша*).

При анафорическом употреблении местоимения согласование в роде по смыслу более обычно и для людей, не принявших новую норму. Говоря о женщине, выбирают местоимение женского рода: Вот придет *управдом* / *она* вам все скажет//; Щас *ревизор* работает / *она* уже неделю у нас сидит //.

В той же ситуации, по-видимому, можно говорить об обязательности согласования по смыслу между местоимением и существительным сегмента в сегментированных конструкциях:

Библиограф / *она* ушла / но скоро придет//; *Управдом* / *она* вам ничего не скажет //; *Она* еще / хочу пожаловаться / *профорг* наш / хотела меня отругать //; А *директор* / *она* сама взяла и снизила // (о школьных оценках).

б) В той же последовательности рассмотрим возможности смыслового или формального согласования в ч и с л е в тех случаях, когда имя существительное в форме единственного числа обозначает какое-то реальное множество (в наших примерах — множество людей).

Семантическая идея множественности, входя в разные комбинации смыслов, несомненно присутствует в следующих трех классах существительных:

существительные собирательные, несчитаемые, имеющие словообразовательный аффикс собирательности (в РР малопродуктивны);

существительные несобирательные, считаемые, но называющие какой-то коллектив людей (*народ*, *отряд*, *группа*);

[88] Смысловое согласование становится распространенным и в некоторых жанрах книжной речи. См.: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка», стр. 19—40).

существительные, называющие коллектив или группу людей лишь в данном контексте, наименования, возникшие по модели метонимического переноса типа: '*учреждение — его коллектив*', '*место пребывания — группа людей*', связанных с этим местом.

В единстве со всеми другими сферами литературной речи литературная разговорная речь не допускает согласования по смыслу между сказуемым и подлежащим в числе; во всех этих случаях обязательным в ней является согласование по форме. Это важная грань, отделяющая разговорную речь носителей литературного языка от речи носителей просторечия и диалекта [89]. Ср. просторечное: Вся ваша конференция у меня разделись // и разговорно-литературные:

Он хотел / чтобы завод сам пришел и сказал //; Лучше в этом отношении на железной дороге / железная дорога строит быстрее//; Но город так и не дал // (квартиру); Это гостиница / которая сказала что с двадцать восьмого не может принять / а сейчас приняла//.

Значительно большая свобода неформального согласования допускается в анафорическом местоимении. Выбор формального или смыслового согласования здесь вариативен и связан, по-видимому, с различием в семантических акцентах.

Я не болею за *ЦСКА* / мне просто нравится как *они* играют//; *Издательство* выходило из себя // Потому что *они* хотели выпустить в этом году//; Но меня совершенно поражает реакция нашей *публики* / *они* умирают от «Соблазненной и покинутой» / (разговор о кино); Нужно подумать // Я знаю Петров сам говорил с *бюро отделения* / и *они* не рекомендовали//; 1. Что оно делало / *это общество*? 2. Ну как / *они*. . .они защищали же / раньше же мучили очень лошадей // [90] (об обществе защиты животных). Приведем сегментированные конструкции, в которых отмечено согласование местоимения с существительным в числе по смыслу:

Институт Африки / *они* когда кончают?; Но *библиотека* / *они* ведут совершенно другой образ жизни//; У нас щас по-моему в Ленинграде это вообще самый хороший. . . самый хороший

[89] О согласовании по смыслу в диалектах см., например: А. Б. Шапиро. Очерки синтаксиса русских народных говоров. М., 1953; В. И. Собинникова. Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.

[90] Немногочисленные примеры согласования в числе по смыслу при замещении в книжной речи отмечены Г. У. Миськевич лишь в газетных и художественных текстах, и прежде всего у авторов, склонных к стилизации разговорной речи и просторечия. Относить эти факты к системе КЛЯ, как кажется, нет оснований. Ср. ее примеры: Окна в детсаде были темные, *ребятня*, которая на круглосуточном режиме, спокойно дрыхла, не подозревая, что *их* ждет завтра (В. Аксенов. Апельсины из Марокко); Из года в год *актерство* помещалось в излюбленных гостиницах и меблирашках, где *им* очищали места содержатели (В. Гиляровский. Москва и москвичи). (Г. У. Миськевич. Словообразовательная категория собирательных имен существительных в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1970).

театр // Ну потому что. . . *Пушкинский* / уж больно *они* устарели //; Нет / вот *десятый второй* / *они*. . . довольно прилично просто поют // (10 класс «второй» в Ленинграде в соответствии с 10 «Б» в Москве). Вот *пятнадцатая комната* / *они* дарят цветы//; И *вся наша группа* / *они* заранее тряслись / а я. . . (рассказ о сдаче экзамена) [91]. Ср. при сегменте в постпозиции: *Они* не сделают разве ремонт / *вот домоуправление*?

В конструкциях этого типа можно видеть формальное разрешение противоречия между правилом, запрещающим согласование по смыслу между подлежащим и сказуемым, и необходимостью выразить идею множественности. Грамматически невозможное построение «Пятнадцатая комната дарят» «исправляется» при помощи двух структурных средств: интонационного расчленения и введения местоимения. Таким способом, усиливая членение высказывания, говорящий избегает грамматически неправильного построения.

Г. Описание системы местоименной репризы невозможно без учета порядка расположения сегментной и основной (местоименной) части высказывания. Наряду с более многочисленными примерами препозиции сегмента возможна и его постпозиция:

А *он* глубокий / *пруд?*; *Он* очень большой дисциплины человек / *Иванов*//; А *он* весь промок / *зонтик-то*//; Двадцать копеек *она* стоит / «*Новые товары*» // (о рекламной газете); Ну потом *он* так / немножко задвинут на задворки / «*Спас*» *наш*//; А *он* откуда / *вот с тобой разговаривал вчера?*; Лучше *в них* не ходить / *в эти поликлиники*//; *Там* щас небоскребы / *вот этот новый Арбат*//.

Следует решить вопрос об отношении к системе местоименной репризы случаев с интерпозицией интонационно выделенного сегмента, имеющего местоименный дублет, типа: Я хотела тебя спросить / *там* нет / *в той книжечке* / адреса треста гостиниц?

Д. Тип интонации на стыке основной части высказывания и сегмента в качественном отношении зависит прежде всего от порядка следования частей, так как присоединение препозитивного и постпозитивного сегмента осуществляется в разных интонационных схемах. Значимость качественных различий интонации внутри рядов с препозицией или постпозицией нуждается в специальном исследовании.

Количественные характеристики перепада высоты тона могут варьироваться индивидуально. С языковой точки зрения важно установить условия, в которых интонационная граница может редуцироваться до нуля, т. е. исчезнуть. По-видимому, в случае

[91] В речи двух ленинградцев, полностью отвечающей нормам литературной речи, отмечено также: Ну молодежь я уж не буду стесняться /*молодежь*/ *они* в холодной комнате поживут//; Вот *эти* /*молодежь*/ *они* ужасно выглядят// (второй пример скорее может быть интерпретирован, как формальное согласование между *эти* и *они*).

постпозиции сегмента интонационное членение обязательно [92]. В препозиции можно указать одно грамматическое условие, допускающее интонационную неотделенность формы, стоящей перед местоимением: форма слова в сегменте должна совпадать с формой местоимения. Важно, чтобы в сегменте находилась такая форма, которая является морфологизованным средством заполнения синтаксической позиции, занятой в основной части высказывания местоимением. Сюда относятся случаи:

Вовка он хитрый//; Вообще *клавиры-то они* есть//; *Огород он* много сил требует//; *Работа она* ведь никогда не кончается //; *Отцу ему* что надо / чтобы рыба была//; *Татьяне той* подавай калории//; *Татьяну ту* хлебом не корми / дай покрасоваться//.

Во всех приведенных случаях могло бы быть членение на две синтагмы. Невыделение в отдельный сегмент обусловлено тем, что форма, предшествующая местоимению, может грамматически правильно войти в систему синтаксических связей данного высказывания. Как грамматический посредник местоимение плеонастично и поэтому здесь оно переключается на выполнение другой роли. Примыкая к слову и будучи безударным, оно создает динамический контраст со следующими словами. Контраст по громкости имеет не меньшую выделительную силу, чем перепад высоты тона, служащий интонационной границей. Сильноударенной, логически выделенной оказывается часть, следующая за местоимением. Роль местоимения оказывается чисто формальной, близкой к роли частиц. Это доказывается и возможностью замены местоимений усилительно-выделительными частицами *то*, *ведь*, в частности в конструкциях с противопоставлением:

Автобус он круг делает / а на метро прямо // (Ср.: Автобус-то (ведь) круг делает / а на метро прямо//); Я как раз боялась что он (гранатовый сок, который подали в столовой) слишком кислый / потому что *гранатовый сок* в банках *он* (ведь) кислый//; *Майку ту* (ведь) силой не заставишь / а Петя сам // С удовольствием//.

Интересный пример с повтором местоимения *она*: *Женщина она* (-то, ведь) в длинном / *она* стройней кажется//.

Заметим, что так как местоимения присоединяются к имени, прежде уже названному, определенному, в них обнаруживается потенция превращения в своего рода определенный член (ср. например, артикли в европейских языках). Указанный тип удвоения без интонационного членения находится на периферии рассматриваемой системы и в романистике выделяется даже особым термином «местоименный плеоназм» в противопоставлении к остальной системе «местоименной репризы» [93]. Возможно этот случай

[92] Интонационное выделение сегмента связано и с его длиной; при многословности сегмента оно также обязательно. Ср.: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 260—261.

[93] См.: Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955; Различие местоименного плеоназма и местоименной репризы специально рассматривается в работах В. Г. Гака (В. Г. Г а к. Расчле-

следует рассматривать в ряду других типов участия местоимения в организации динамической структуры высказывания [94].

6. Итак, используя пять признаков, можно, по-видимому, в целом, без детализации представить формальную структуру системы местоименного удвоения разговорной речи, которая опирается на указательные местоимения. Однако данное описание (даже в восполненном виде) не будет иметь полной объяснительной силы, пока не будет учтено главное коммуникативное задание, лежащее в основе этой системы.

Внутренние законы организации системы местоименного удвоения в РР можно понять, только рассматривая ее с точки зрения способов выражения актуального членения высказывания в его отношения к синтаксическому членению.

В системе удвоения с указательными местоимениями в сегмент выносится тема высказывания; в основной части высказывания, включающей дублирующее местоимение, выражается рема. Таким образом, подчеркнутое расчленение высказывания на тему и рему осуществляется при помощи различных средств выделения темы [95].

В комплекс взаимодействующих между собой средств входят интонационное выделение темы в сегмент, местоименное дублирование, порядок расположения частей, динамическое выделение. Функциональная значимость каждого из этих средств, правила их выбора могут быть установлены при сопоставлении строя высказываний, не имеющих подчеркнутого выделения тех или иных его членов в качестве темы, и высказываний с выделением темы. Например, в нейтральном высказывании разговорной речи при соединении двух предикативных единиц в сложное целое обычно отсутствует местоименная скрепа [96]. Если сопоставить такое нейтральное высказывание, как, например: *Он не подумал когда это будет готово* // с его актуализованным преобразованием: *Когда это будет готово / об этом (о том) он не подумал*//, то окажется, что усиление членения связано с введением указательного место-

ненные предложения в современном французском языке. «Труды Военного института иностранных языков», 5. М., 1954; О н ж е. К вопросу о местоименной репризе в романских языках. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961).

[94] Ср. замечания О. А. Лаптевой о замещении местоимениями позиций в ритмической схеме высказывания в РР, построенной на принципе чередования ударных и безударных частей (указ. соч., стр. 35—40).

[95] Системе местоименной репризы с указательными местоимениями противостоит система, в которой за сегментом следует вопросительное местоимение. В этой второй системе в сегмент выделяется рема. Ср. *Кедр/он* в воде не гниет || и *Кедр / вот что* в воде не гниет ||. В первом случае *кедр* — тема высказывания, во втором — рема. Ср. также использование вопросительных слов в конструкциях типа: Он *что* / не пришел? (см. раздел «Актуализаторы группы *что*»).

[96] Ср. выводы И. Н. Егоровой о неупотребительности в разговорной речи местоименных антецедентов (И. Н. Е г о р о в а. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967).

имения, поддерживающего сегмент. Таким образом, функциональная нагрузка поддерживающего местоимения определяется в РР прежде всего актуальным членением. Значение таких факторов, как интонационная отчлененность и порядок следования частей, также может быть выявлено при последовательном сопоставлении двух рядов высказываний.

Исходя из нейтрального высказывания и задач и средств его актуализации, можно объяснить некоторые ограничения регулярности в ряду конструкций с удвоением. Очевидно, что не все члены высказывания в равной мере способны выражать тему высказывания, при этом язык не всегда прибегает к более громоздкой системе средств местоименного удвоения, имея другие средства актуального членения.

Как уже отмечалось выше, в материалах не встретились случаи местоименного удвоения интонационно выделенных в сегмент атрибутивных прилагательных и наречий типа: «Зеленый / такой. . .», «Быстро / так. . .»

По-видимому, достаточно сильным средством их выделения является порядок слов, а именно вынесение соответствующих словоформ в начало высказывания [97]: *Зеленую мне не нужно* (шляпу) //; *Быстро я не люблю*//.

Будущий анализ, несомненно, выявит другие типы ограничений [98] и объяснит лакуны в системе местоименной репризы.

Подходя с точки зрения актуального членения, кажется полезным учитывать также соотношение темы и ремы и данного и нового в высказывании.

Из приведенных выше примеров выделяются случаи типа *вот знаешь / как на рынок идти / прямо и направо / там дом снесли*//; *А вот Таня Иванова / у нее дети тоже в саду болели*//. В этих высказываниях в сегменте представлено не исходное, известное, данное, но часть нового. К таким фактам, по нашему мнению, приложимо замечание И. И. Ковтуновой: «. . .Все предложение может содержать нечто новое, но при этом одни его компоненты представлены как исходный пункт сообщения, а другие содержат то, что сообщается» [99]. Учитывать эту особенность нужно потому, что при такой коммуникативной нагрузке и в оформлении сегмента есть некоторые особенности. Он обычно начинается частицами *а*, *вот*, *а вот*; по-видимому, невозможна его постпозиция,

[97] См. об этом в разделе «Порядок слов».

[98] По наблюдениям О. Б. Сиротининой, ограничения реализации системы местоименного удвоения могут налагаться также семантической структурой высказывания. Местоименное удвоение отсутствует при глагольном сказуемом, обозначающем активное действие, а не качественную характеристику. «Ср. Брат — он поет хорошо, то есть «Брат — хороший певец» и Брат поет, то есть поет сейчас, активно действует» (О. Б. Сиротинина и др. Некоторые синтаксические особенности разговорной речи. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970, стр. 144).

[99] И. И. Ковтунова. О порядке слов в русском языке. (Нормы словорасположения в книжно-литературной речи). — РЯНШ, 1971, № 4, стр. 7—8.

частое употребление независимого именительного в сегменте, как кажется, для этого случая характерно.

7. Какова же роль местоимений в конструкциях с удвоением?

1) В коммуникативном плане местоимение — это пограничный сигнал между темой и ремой высказывания.

2) В синтаксическом плане местоимение является формальной скрепой, при помощи которой конструкция или словоформа сегмента соотносится с синтаксической структурой основной части высказывания. Морфологическая форма местоимения несет информацию о его синтаксической позиции в высказывании и может коррелировать с морфологической формой в сегменте.

Местоимение имеет иногда и такие морфологические характеристики, которые содержат в себе некоторую дополнительную семантическую информацию (например, о поле лица или о расчлененном множестве лиц, выступающих в качестве субъекта).

3) Употребление подобных конструкций — аналитических по своей природе — противостоит синтетизму синтаксической деривации и словообразования в целом. Если с одной стороны поставить, например, отглагольные дериваты: в них лексическая семантика глагола включена в имя на уровне слова, то противоположность им составят конструкции типа: *Вот кончили с тобой / они. . .* или *Не ходить / об этом не может быть и речи//*, где глагольная конструкция (с личной формой или инфинитивом) является распространителем лексически опустошенного местоимения. Эти конструкции поддерживают тенденцию к глагольности разговорной речи, так как функцию имен здесь выполняют местоимения — самые чистые имена без примеси глагола (по А. А. Потебне), распространенные глаголом.

8. **Синтаксическое примечание.** Итак, были рассмотрены три основные функции указательных местоимений в РР: анафорическая, указательная и поддерживающая. Противопоставление их в языке не абсолютно.

Анафорическую функцию роднит с поддерживающей функцией (в системе удвоения) то, что и в том и в другом случае местоимение замещает слово, названное в предшествующем (или последующем) контексте.

Сопоставляя структуры конструкций с удвоением и конструкций с анафорическим местоимением, можно заметить, что вторые могут быть получены из первых в результате усечения сегмента, а так как в сегменте содержится тема, то, следовательно, обнажается рема высказывания. (Насколько регулярно действует это правило, следует проверить). Ср.:

У Тани / у нее характер очень хороший // и: У нее характер очень хороший//; А впрочем и в «Комедии» / там тоже не очень сильные актеры // и: Там тоже не очень сильные актеры//.

Те же соотношения в конструкциях с местоимением *это*:

Обещать / это он умеет // и: Это он умеет//; Монеты / это наверно интересно // и: Это наверно интересно//; Что вопрос с подвохом / это я сразу догадался // и: Это я сразу догадался//.

Подходя с точки зрения актуального членения, можно предположить, что в примерах, подобных последнему, где форма *это* не входит в систему синтаксических связей высказывания, она становится лишь формальным показателем того, что все последующее высказывание представляет собой рему. При таком анализе конструкции с начальным *это* получают свое место в системе. Ср.:

1. У нас здесь в половине четвертого заседание // (говорится людям, которые занимают комнату, в которой это заседание состоится); 2. Это мы кончим // (Со второй репликой можно сопоставить более эксплицитный вариант: В половине четвертого / к этому времени (до этого, это) мы кончим//).

Напрашивается еще одно сопоставление, а именно сопоставление конструктивных принципов организации системы местоименного удвоения РР и системы полипредикативных конструкций в КЛЯ. Общность их заключается в том, что как в сложном предложении КЛЯ, так и в сегментированном высказывании РР указательное местоимение является синтаксическим средством, при помощи которого именная позиция может быть распространена предикативными конструкциями (и другими неморфологизованными средствами — в РР). Ср.: Он мне говорил о том/ . . . (КЛЯ); . . . /Об этом он мне говорил // (РР).

Соотношение этих двух систем заслуживает внимательного изучения с точки зрения признаков, перечисленных выше в описании системы РР. Отметим лишь, что разговорная система является более полной и регулярной. В качестве связующего звена в ней, наряду с другими местоимениями, возможными и в КЛЯ, используется местоимение *он* (это сближает ее с системой анафорического замещения). Сегментным распространителем (в КЛЯ придаточное предложение тоже выделено интонационно в особый сегмент) в РР может быть не только предикативная конструкция (в том числе совпадающая по форме с придаточным предложением), но также и словоформы, в том числе немаркированные формы: именительный падеж имени существительного, инфинитив в глаголе (ср. выше содержание признака Б).

9. **Морфологическое примечание.** В полифункциональности указанных местоимений обнаруживаются некоторые тенденции морфологического обособления их отдельных употреблений. Перечислим наиболее заметные факты.

В п. 5 говорилось о том, что безударные указательные местоимения (*он*, *тот*), примыкающие к имени, называющему тему высказывания, в потенции способны превратиться в выделительно-усилительные частицы или в постпозитивный определенный член. (Не помогут ли эти факты РР объяснить генезис встречаю-

щихся в русских диалектах постпозитивных частиц *-от*, *-та*, *-то* и т. п.[100]?)

Характер функционирования формы *это* колеблется между местоименным и формально-служебным. В ряде конструкций она выполняет роль частицы — актуализатора, является знаком начала ремы.

Признаковые местоимения *так*, *такой* в РР развивают значение неопределенности. Прилагательное *такой* при существительном обычно сопровождает первое упоминание этого предмета или явления (ср.: Положили настилки *такие*). Перед именем собственным местоимение *такой* ставится в случае первого упоминания о о лице, неизвестном собеседнику (типа: Есть у нас *такой* Иванов//).

К частице со значением неопределенности, приблизительности близки некоторые употребления местоимения *так*:

Я думала что это *так* что-то вроде знахарства//; Я только девяносто девять *так* примерно могу иметь // (о зарплате); Посадил корней *так* около трехсот клубники//; У нас всегда стояли огромные очереди в филармонии / *так* тысячи четыре//; Ну договорились // Завтра *так* часа в четыре//.

С иными оттенками значение неопределенности свойственно и частице *там*. Однако в этом случае разрыв с соответствующим местоимением уже произошел и установить какие-то переходные явления, мотивирующие связь с локальным значением, представляется затруднительным. Например:

Ведь может *там* приехал из деревни / в городе первый раз/; А еще какие вот способы есть? *Там* на кружки / а еще? (о рыбной ловле); Приходят / ну иногда офицер *там* какой-нибудь *там* / из штаба *там* / солдат/; Если мне нужно было сделать. . . *там*. . . десять или пятнадцать инъекций / так мне надо было каждый раз ходить туда к ним / вверх-вниз по лестнице //; Он работает / приходит домой после работы / поужинает или *там* пообедает / не знаю как по времени / что он делает / и потом едет в институт // На занятия// [101].

[100] Ср. например, их описание в статье: И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. «Материалы и исследования по русской диалектологии». Новая серия, т. III. М., 1962.

[101] Частицами считает *так* и *там* в подобных употреблениях Э. А. Клочкова («О влиянии формы разговорной речи на распределение классов слов». — В кн.: «Русская разговорная речь». Саратов, 1970). Автор пишет также, что «в устной форме разговорной речи появляется новый класс слов, отсутствующий в письменной речи, релятивы» (стр. 127). В тексте дан пример: — «Ну можно что сделать? Можно сделать сегодня отдельные фразы. Так? — Так. (так — релятив)» (стр. 134). Действительно, местоимение *так* приближается здесь по функции к словам *да* и *нет*, хотя связь с другими местоименными употреблениями еще совершенно отчетлива. Посредствующим звеном являются эксплицитные выражения «модуса» (отношения к сообщаемому — «диктуму»; термины Ш. Балли). Ср.: Ты *так* думаешь, полагаешь? Это еще одна реальная возможность функционального обособления местоименной формы.

Итак, полифункциональность местоимений в разговорной речи заставляет поставить вопрос о морфологическом тождестве форм в различных их употреблениях в связи с общей проблемой различения полифункциональности одной единицы и омонимии двух единиц. Как бы ни трактовать эти явления морфологически, все они свидетельствуют о более широкой сфере употребления указательных местоимений в устной разговорной речи по сравнению с книжно-письменной речью. Из отличий в их синтаксическом функционировании вытекают и те морфологические сдвиги, о которых говорилось выше.

10. Итак, проанализировав три основные функции указательных местоимений в РР, можно констатировать глубокие отличия их употребления в РР по сравнению с КЛЯ. Причины этих отличий лежат как в иных возможностях конкретизации местоимений в устной речи, так и в глубоком своеобразии синтаксиса РР. Указательные местоимения используются в РР и как более регулярное — сравнительно с КЛЯ — средство, поддерживающее синтаксический остов высказывания, что позволяет свободнее заполнять синтаксические позиции различными неморфологизованными средствами, в том числе предикативными конструкциями. Главное специфическое назначение их в РР заключается в обслуживании актуального членения высказывания. Указательные местоимения функционируют в той части синтаксиса РР, основное свойство которой — расчлененность. На базе указательных местоимений в РР формируются номинации и синтаксические конструкции, характеризующиеся раздельной подачей грамматической и собственно семантической информации.

О НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ НЕЗАМЕЩЕННЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Нулевые глаголы-предикаты

Вводные замечания

1. Характерной чертой синтаксиса РР является обилие незамещенных синтаксических позиций в конструкциях, которые в КЛЯ имеют обычно «полное строение».

Говоря о незамещенной синтаксической позиции, мы утверждаем только то, что в данной конструкции есть значение, которое не может быть передано ничем другим, кроме этой незамещенности, и что имеются объективные сигналы наличия незамещенной позиции — парадигматические и синтагматические связи членов конструкции, некоторые элементы контекста и ситуации. При этом мы не имеем в виду, что в данной конструкции опущен и подразумевается тот или иной член. Последнее необходимо особо под-

черкнуть, ибо на протяжении длительной истории изучения неполнота и эллипсис связывались именно с процессами опущения и подразумевания [102].

Скомпрометированность понятий эллипсис и неполнота связью с «опущениями» и «подразумеваниями», а также отсутствие их однозначного толкования у разных авторов [103] заставляет нас принять термин незамещенная синтаксическая позиция.

2. Обычно считается, что незамещенные синтаксические позиции возникают в речи (в ее противопоставлении языку). И это справедливо — незамещенность во многих случаях действительно делается возможной в результате действия определенных контекстных и конситуативных речевых условий. Но было бы неверно полагать, что система языка не играет при этом никакой роли, поскольку в конечном счете именно система позволяет в определенных речевых условиях оставлять некоторые позиции незамещенными.

Анализ всякой незамещенной синтаксической позиции и должен прежде всего ответить на вопрос, какие системные языковые отношения порождают данную незамещенную синтаксическую позицию, ибо речевые условия, в которых делается возможной незамещенная позиция, многообразны и подвижны, и все, что обусловлено в незамещенной синтаксической позиции ими, едва ли может

[102] Понятия опущения и подразумевания были введены последователями идей всеобщей грамматики, чтобы иметь возможность свести состав предложения к составу суждения (субъект+связка+предикат). См.: Н. И. Греч. Пространная русская грамматика, ч. II, 1827, стр. 227; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 263. — Критику подобного подхода к синтаксису см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1956, стр. 70.

[103] См.: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956, стр. 396—403; И. А. Попова. Неполные предложения в современном русском языке. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. II, 1953; А. Н. Назаров. Структурно-грамматические типы неполных предложений. «Уч. зап. Пензенского пед. ин-та», вып. 3, 1956; А. С. Попов. К вопросу о неполных предложениях в современном русском языке. — ФН, 1959, № 3; П. А. Лекант. Об эллиптических предложениях в русском языке. «Уч. зап. МОПИ», т. 148, 1964.

Ср. также дифференцированную систему знаков Ш. Балли—подразумеваемый знак, эллипсис и нулевой знак (см. Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1955, стр. 175) и недифференцированное широкое понятие нулевого элемента в некоторых работах по структурной лингвистике, впрочем, вполне оправданное задачами этих работ (см., например: З. С. Харрис. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре. Пер. с англ. — «Новое в лингвистике», вып. II. М., 1962, стр. 585—586).

Особое толкование получают понятия неполноты и эллипсиса у У. Вейнрейха. Эллипсис толкуется как результат применения некоторых точно определенных преобразований, приводящих как бы к выделению той или иной части предложения, воспринимаемой на фоне исходного полного предложения. Понятие же неполноты используется только по отношению к семантической неполноте, когда, например, вместо действительного подлежащего выступает фиктивное, ср. нем. *Es wird getanzt* — 'танцуют'. (У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. Пер. с англ. «Новое в лингвистике», вып. V. М., 1970, стр. 205—207).

быть описано, напротив, все, обусловленное системой языка, может быть учтено. Именно поэтому, на наш взгляд, упор должен быть сделан на изучении всего того системного (языкового), что порождает незамещенные синтаксические позиции.

3. Всякая незамещенная синтаксическая позиция сигнализирует определенную лексическую семантику и те грамматические категории, которые квалифицируют эту семантику как глагол, существительное и т. п. в определенных формах. В зависимости от того, какую роль играют системные отношения для выражения этой семантики и грамматических категорий, в РР должны быть выделены, по меньшей мере, три группы незамещенных синтаксических позиций:

а) Все характеристики незамещенной синтаксической позиции определяются контекстом: конструкция с незамещенной позицией опирается на представленную в данном контексте конструкцию, где есть тождественная замещенная позиция; например: *Ему он рассказывает одно / а мне совсем другое* // (параллелизм в строении указывает, что во второй части имеется незамещенная синтаксическая позиция подлежащего *он* и глагола с семантикой 'рассказывать') [104]. Это — контекстуально-неполные конструкции [105].

б) Существуют незамещенные синтаксические позиции, грамматические показатели которых определяются системными отношениями в языке в отличие от (а) непосредственно, без опоры на аналогичные позиции в контексте, а семантические характеристики предопределены конситуацией: *Двадцать во второй* // (высказывание в магазине). Синтагматические связи показывают, что при количественном (*двадцать*) и порядковом (*во второй*) числительных есть незамещенные позиции существительных в соответствующих формах, а семантика этих существительных определена конситуацией, в зависимости от которой это будет 'двадцать копеек (или: рублей, тысяч и т. п.) во второй отдел'. Термин ситуативно-неполные [106] по отношению к таким образованиям нельзя признать полностью удачным, поскольку он игнорирует их системную обусловленность.

в) Незамещенные синтаксические позиции, и грамматические и семантические характеристики которых определяются системой языка, т. е. не зависят от контекста и ситуации (системно-неполные конструкции). Для РР характерна незамещенная синтаксическая позиция глагола-предиката в конструкциях типа *Он домой*//.

[104] Описание таких незамещенных синтаксических позиций см.: Н. Н. Леонтьева. Анализ и синтез русских эллиптических предложений. «Научно-техническая информация», № 11, 1969; Она же. Семантический анализ и смысловая неполнота текста. Автореф. канд. дисс. М., 1968. — На материале других языков эти незамещенные синтаксические позиции рассматриваются в статье: В. У. Дресслер. К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры. Пер. с нем. — ВЯ, 1971, № 1.

[105] См.: «Современный русский язык», ч. II. М., 1964, стр. 442.

[106] Там же, стр. 443.

В отличие от (а) и (б) такое высказывание будет правильно понято вне конситуации и контекста [107], что и доказывает его системную языковую природу.

В дальнейшем будем рассматривать незамещенные синтаксические позиции только типа (в). Примем для них термин: нулевой полнозначный глагол-предикат (далее сокращенно НГ) [108].

4. Называя изучаемые явления нулевыми глаголами-предикатами, мы тем самым считаем возможным ввести в синтаксис понятие нуля [109]. Синтаксический нуль глагола-предиката в определенной степени изоморфен морфологическому нулю. Если

[107] Нельзя согласиться с Л. Рейманковой, которая эллипсис глагола-предиката в высказываниях *Ты куда?*; *Да, Лидочка, я, собственно, к вам по делу*; *А ну-ка немедленно по домам* объясняет действием диалогического контекста. Незамещенные синтаксические позиции глагола-предиката в таких высказываниях появляются вне зависимости от диалогического контекста и от конситуации (Л. Рейманкова. К эллиптичности в построении диалога. «Sborník pedagogické fakulty v Hradci Králové», XI. Praha, 1970, стр. 41—43). Недоказанным представляется также положение К. Хлупачовой о том, что эллипсис в конструкциях типа *Мы в город* обязательно обуславливается не только «интенционным полем глагола», но и конситуацией. Не надо никакой ситуации, чтобы верно понять такие приводимые К. Хлупачовой конструкции как *Мы на гауптвахту*; *А ты мое письмо. . . в корзину, да*? и др. (См.: K. Chlupáčová. Ke specifičnosti gramatické výstavby ruských mluvených projevů. «Slavica pragensia», XIII, 1971, стр. 131—133).

[108] Изучению нулевых полнозначных глаголов-предикатов посвящены следующие различные в своих исходных положениях работы: Е. М. Галкина-Федорук. О нулевых формах в синтаксисе. — РЯШ, 1962, № 2; Г. А. Хабургаев. Предложения с нулевым глагольным сказуемым в современном русском языке. «Изв. Воронежского пед. ин-та», т. 42, 1962; В. М. Никитин. Основные структурные модели глагольных предложений в русском языке по их минимальному обязательному составу. «Вопросы изучения русского языка», Ростов-на-Дону, 1963; Б. И. Фоминых. Простое предложение с нулевыми формами глагола в современном русском языке в его сопоставлении с чешскими конструкциями. Автореф. канд. дисс. М., 1968; Е. Н. Ширяев. Незамещенные синтаксические позиции в аспекте синтагматических и парадигматических отношений. «Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса. Материалы научной конференции». Рига, 1970.

Конструкции типа *Он домой* рассматриваются другими авторами либо как полные, без наличия незамещенных синтаксических позиций (см.: Г. А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6), либо как эллиптические (впрочем, без четкого определения самого понятия эллипсис), см. указанные работы И. А. Поповой, П. А. Леканта, а также: А. П. Сковородников. Об эллиптических предложениях в современном русском языке. «Материалы и исследования по современному русскому языку и его истории». Красноярск, 1967; его же. Безглагольные эллиптические предложения в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Красноярск, 1967.

Попытку критического сопоставления различных точек зрения на анализируемые конструкции см.: Г. А. Вейхман. О двусоставных безглагольных предложениях. — ВЯ, 1967, № 3.

[109] Понятие нуля в лингвистике подробно анализируется в посвященной этому вопросу работе: G. Meier. Das Zero-Problem in der Linguistik. Berlin, 1961 (в книге содержится обширная библиография).

нулевая флексия, например, в словоформе *рек* признается потому, что эта словоформа входит в парадигму словоформ с выраженными флексиями (*река*, *реки*, *реке*, *реках* и т. п.), то и конструкция с НГ возможна потому, что входит в одну парадигму с конструкциями, в которых глагол вербализован [110]:

Он домой; Он побежал домой; Он бросился домой и т. п.

Такую парадигму необходимо, конечно, отличать от парадигмы с нулевой связкой настоящего времени изъявительного наклонения типа:

Он инженер; Он был инженер; Он будет инженер.

Последние парадигмы можно вслед за В. Г. Адмони назвать парадигмами противопоставления, а первую — парадигмой подобия. Суть парадигмы подобия в том, что ее элементы «на определенном участке или на целом ряде участков парадигматической системы могут восполнять друг друга тем, что их значения в той или иной плоскости воспроизводят друг друга, так что эти формы в тех или иных пределах являются взаимозаменимыми» [111] (в парадигме противопоставления такие замены невозможны).

5. Отнесенность НГ к той или иной парадигме подобия регулируется синтагматическими отношениями в конструкциях с НГ. «То, что слово является членом такой-то парадигмы, предопределяет возможности его синтагматических связей, но в то же время

[110] Н. Ю. Шведова рассматривает конструкции типа *Он домой* на фоне соответствующих глагольных предложений и характеризует их как «конситуативно не обусловленные безглагольные реализации структурных схем, строящихся с участием глагола» (Н. Ю. Шведова. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения». — «Мысли о современном русском языке». М., 1969, стр. 77—79). Впрочем, такая интерпретация названных конструкций не приводит автора к тому, чтобы признать в них наличие НГ. И кардинальный, на наш взгляд, вопрос — чем же формально выражается глагольная семантика (а то, что она в таких конструкциях есть, несомненно: *Он домой* — значит 'он идет, бежит, отправляется' и т. п. домой') — остается без ответа. (О необходимости решать такой вопрос см.: Vl. Hrabě. Existuje nulový znak? «Slovo a slovesnost», 1963, roč. XXIV, seš. 2, стр. 130). Ю. М. Костинский говорит в таких случаях о членах предложения с совмещенным синкретичным значением. Например, в высказывании *Я в Москву* член *в Москву* характеризуется как предикатно-обстоятельственный. Ю. М. Костинский видит здесь проявление асимметричности языкового знака. Когда асимметричность языкового знака иллюстрируется фактами морфологии (см., например: Н. Д. Арутюнова. О значимых единицах языка. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 74—75), то утверждают, что в словоформе *дуба* флексия *а* совмещает значения род. п. и ед. ч., и это легко доказать, помещая данную словоформу в соответствующие парадигмы. Аналогичным образом необходимо доказать возможность совмещения предикативного (время, модальность, глагольная семантика) и обстоятельственного значения в одном члене предложения. Ю. М. Костинский никаких доказательств своего утверждения не приводит (см.: Ю. М. Костинский. Генитивные субъектные конструкции в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1970, стр. 89—91; автореферат той же дисс. М., 1971, стр. 11—12).

[111] В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 17,

сама принадлежность слова к данной парадигме может быть представлена в виде обобщенной формулы его сочетаемости, то есть синтагматических отношений» [112].

Известное положение о том, что есть слова, валентные свойства которых требуют других слов (прямая валентность), при анализе НГ выступает другой стороной, а именно: если есть члены, реализующие валентные свойства других членов, но нет самих носителей этих валентных свойств, то речь может идти о нулевом выражении последних. Здесь уместно говорить об обратной валентности [113]. Члены с обратной валентностью сигнализируют не просто о глаголе-предикате, а о глаголе-предикате определенной семантики [114]. В высказывании *Он едет в Москву* приглагольный член *в Москву* своей формой (вин. п. с предлогом *в*) и семантикой (*Москва* как конечный пункт движения) хорошо предсказывает глагол с семантикой движения, что и позволяет этому глаголу выступать в нулевом выражении — *Он в Москву//*.

Грамматические показатели приглагольного члена (принадлежность к определенной части речи, падеж существительного и пр.) определяют возможности синтаксической сочетаемости этого члена и предопределяют формально-синтаксическую сторону обратной валентности, которая сигнализирует о глаголе вообще, но не о глаголе определенной семантики. Лексическая семантика приглагольного члена, его принадлежность к определенной семантической группе определяют возможности лексической сочетаемости этого члена и предопределяют смысловую сторону обратной валентности, которая сигнализирует конкретное значение НГ [115]. Однако смысловая сторона обратной валентности приглагольного члена не может быть полностью абстрагирована от формы приглагольного члена, если последний выражен существительным или существительным с предлогом. Лексико-семантические связи существительного зависят от значения определенного падежа и от значения предлога. При этом возможно такое положение, когда одна только форма приглагольного члена может предсказать

[112] Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 130.

[113] Термин «обратная валентность» предложен Л. Ю. Максимовым.

[114] Ср.: Л. З. Сова. Аналитическая лингвистика. М., 1970, стр. 95—101. — Отметим также точку зрения, согласно которой формальные и семантические зависимости между глаголом и сильноуправляемым приглагольным членом рассматриваются как разнонаправленные: «в плане содержания глагол детерминирует семантически завершающее его имя (отношения между лексемами), а в формально-грамматическом плане имя детерминирует глагол (отношения между синтагматическими показателями имени и лексемой глагола)» («Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972, стр. 274).

[115] О синтаксической и лексической сочетаемости см.: Д. Н. Шмелев. Указ. соч., стр. 188—189; Он же. О значении синтаксических единиц. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 161. См. также: Ю. Д. Апресян. Синонимия и конверсивы. — РЯНШ, 1970, № 6, стр. 10.

нулевой глагол определенной семантики. Например, любая лексема, оформленная как существительное в вин. п. с предлогом *про* и выступающая в качестве приглагольного члена, может позволить глагольной семантике речи-суждения выступить в нулевом выражении: *Он про нас//; Я про вчерашний концерт//*; *Галя тут про квартиру / была где //* и многое другое. Объясняется это тем, что существительное в названной предложно-падежной форме с глаголами иной семантики сочетаться не может.

Гораздо чаще все же НГ могут быть предсказаны только приглагольными членами однородной лексико-семантической группы. Поэтому необходимо показать, какие требования со стороны лексической семантики предъявляются к приглагольному члену, способному сигнализировать о НГ, и какова при этом семантика самого НГ [116].

6. Ю. Д. Апресян установил, что глагол и приглагольный член могут с разной степенью силы предсказывать друг друга [117]. О НГ могут сигнализировать только наиболее сильные в этом отношении приглагольные члены. К последним относятся такие, которые по своим лексико-семантическим связям наиболее типичны для определенной семантической группы глаголов [118]. Типичность связей глагола и приглагольного члена объясняется прежде всего тем, что эти связи отражают наиболее типичные и характерные отношения внеязыковой действительности. Приглагольный член *домой* может выступать как при глаголах с семантикой движения — *Он идет домой//*, так и при глаголах иных семантических групп, ср. *Он звонит (пишет . . .) домой//*, но нулевое выражение может

[116] При анализе НГ нельзя ограничиться построением чисто синтаксических схем, абстрагированных от лексической семантики. Область НГ подтверждает необходимость особого уровня анализа, когда исследуется лексическое наполнение синтаксической схемы. Такой уровень постулируется в работах Ф. Данеша и М. Докулила. По их мнению, содержательный состав не касается прямо конкретного понятия, например, названия вещей (как vrána, ptak), но для каждой единицы устанавливается относительное языковое обобщение (живое существо, существительное). См.: M. Dokulil, F. Daneš. K tak zv. vyznamové a mluvnické vystavbě věty. «O vědeckém poznání soudobých jazyků». Praha, 1958, стр. 233. См. также: F. Daneš. K systematickému syntaktickému popisu slovanských jazyků. «Slovo a slovesnost», 1965, ročn. XXVI, seš. 2, стр. 114—115. Он же. Sémantická struktura větného vzorce. — «Otázky slovanské syntaxe», Brno, 1968, стр. 45—49. Он же. Sémantická struktura věty. «Jazykovědné aktuality», 1969, č. 2, стр. 2—4.

[117] См.: Ю. Д. Апресян. О сильном и слабом управлении (опыт количественного анализа). — ВЯ, 1964, № 3.

[118] Необходимость различать типичные, менее типичные и просто единичные лексические связи слов подчеркнута Д. Н. Шмелевым: «Лексическая сочетаемость слова регулируется. . . статистическими закономерностями. Они определяют не возможность, но вероятность появления слова в том или ином сочетании. Установлению этой вероятности должно, естественно, предшествовать исследование частотности слов в разных уже осуществленных в речи сочетаниях. Запечатление в языке того, что было, становится, таким образом, и показателем его потенциальных возможностей в будущем» (Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии. . ., стр. 202).

иметь только значение движения — *Он домой//*, поскольку семантика 'домой' значительно типичней для семантики движения, чем для семантики 'звонить', 'писать' и т. п.

Показательно, что типичность лексических связей приглагольного члена может быть единственным признаком, дифференцирующим отнесенность ПГ к той или иной парадигме подобия. Ср. совершенно одинаковые по синтаксическому строению высказывания *Это вы Ремарка?* со значением 'читаете произведения Ремарка' и *Это вы сардельку?* со значением 'едите'. Различные значения возникают именно потому, что наиболее естественное действие с произведениями писателя — читать, а сарделька прежде всего предназначается для того, чтобы ее есть.

Таким образом, в области нулевых глаголов РР системные лексические связи находят непосредственный выход в синтаксис высказывания.

Широкое использование в РР тех возможностей, которые предоставляет лексическая семантика, не ограничивается сферой НГ, а является вообще характерной особенностью организации высказывания в РР, ср. высказывания со связями свободного соединения, в которых смысловые отношения между предикативными конструкциями в пределах высказывания могут определяться исключительно лексикой, заполняющей эти конструкции (см. раздел «Высказывания со связями свободного соединения между предикативными конструкциями»).

7. Нельзя не заметить, что конструкция *Он домой //* может осмысляться и со значением 'звонит', конструкция *Это вы Ремарка?* со значением 'хвалите', 'купили' и т. п., конструкция *Это вы сардельку?* со значением 'выкинули' и т. п. Такие значения, однако, могут возникать только как факт речи, при определенных конситуативных условиях. Ср., например, диалог в ситуации, когда один из участников поднял телефонную трубку: 1. *Ты куда?* 2. *Я домой//*, значение 'звонить' здесь несомненно. Значениям же соответственно 'движения', 'чтения' и др. не нужно никаких конситуативных условий, они порождаются факторами языковой системы.

Одному из информантов было предложено вставить глагол в изолированное высказывание *Это вы Ремарка?* Информант без раздумья вставил глагол *читаете*, и только потом заметил, что вообще-то можно вставить и другие по значению глаголы. На вопрос, почему же он предпочел *читаете*, информант ответил, что этот глагол «приходит на ум как-то прежде всего».

Объектом нашего исследования являются значения НГ, обусловленные системой языка. При этом необходимо подчеркнуть, что возможность перебивать системное значение нулевого глагола конситуативно обусловленными значениями составляет важную черту конструкций РР.

8. При разграничении НГ и незамещенных синтаксических позиций иного характера следует принять во внимание, что есть такие приглагольные члены, для которых выделить одну наиболее типичную смысловую связь нельзя. Эти члены одинаково типичны по своим связям для разных по значению групп глаголов и с одинаковой легкостью могут сигнализировать об этих глаголах, если

последние представлены незамещенной синтаксической позицией. Но эта незамещенная синтаксическая позиция не может рассматриваться как НГ, поскольку нужное значение может быть определено только конситуацией, хотя и не требуется, чтобы эта конситуация была слишком насыщенной, слишком «о многом говорящей». О многом «говорит» типичность связей приглагольного члена, конситуация только должна помочь выбрать одно из нескольких уже хорошо предсказанных приглагольным членом значений. (Разумеется, если осмысление незамещенной синтаксической позиции не координируется с типичностью связей приглагольного члена, то и требования к конситуации будут иные, тогда ситуация должна не просто подсказать нужный выбор, а должна еще и преодолеть выбор, диктуемый приглагольным членом). Так высказывание *Это вы фарш*? с одинаковым успехом может осмысляться в соответствующем контексте со значениями 'приготовлять' и 'купить'; высказывание *Для чего он все это / не знаю //* может иметь значения 'делать' или 'говорить' [119].

Значение, сигнализируемое незамещенной синтаксической позицией при глагольном члене, имеющем несколько типичных связей, может, однако, стать системно обусловленным, т. е. получить нулевое выражение, за счет еще одного приглагольного члена, семантика которого такова, что вместе с семантикой первого приглагольного члена дает возможность предсказать значение глагола только одной семантической группы. Так, если в конструкцию *Это вы фарш такой*? добавить член *в магазине*, то этот член активизирует значение 'купить', так как в магазине обычно покупают.

Таким образом, выделяются конструкции, в которых для появления НГ необходимы сразу два приглагольных члена, ни один из которых не может сигнализировать о НГ самостоятельно.

9. Особого внимания заслуживают случаи, когда незамещенная синтаксическая позиция глагола-предиката сигнализирует о таком значении, одна часть которого системно обусловлена и, следовательно, имеет нулевое выражение, а другая определяется конситуацией. Обратимся к примерам: *Вот этот / тебе нравится /* (врач) *мне изолонид вчера //* и *Она свои статьи регулярно//*.

В первом высказывании незамещенная синтаксическая позиция сигнализирует о значении близком к 'прописать, выписать', во втором о значении близком к 'присылать, дарить'. В обоих этих значениях есть элемент 'дать', который появляется регулярно вне зависимости от конситуации при следующих приглагольных чле-

[119] Незамещенные синтаксические позиции в таких конструкциях принадлежат к той группе незамещенных синтаксических позиций, грамматические характеристики которых определяются системой языка, а семантические — конситуацией (см. п. 2б) и образуют в ней особую подгруппу, которая характеризуется Е. А. Земской как нестационарный эллипсис (см.: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 51—56).

нах: существительное (местоимение) в дат. п. со значением адресата (*мне*) и существительное со значением прямого объекта при условии, что семантика этого существительного может связываться с семантикой 'дать'. Те же элементы значения, которые вместе с 'дать' формируют значение 'прописать' или 'дать выпить (в больнице)'; 'прислать' или 'принести', 'давать читать' и другие, определяются конситуацией. Сделать какие-либо обобщения об условиях, когда появляются значения, добавляемые к 'дать', трудно, поскольку условия конситуации слишком многообразны.

Если взять изолировано от конситуации высказывание с НГ *Я ему рубль//*, то о значении НГ можно сказать только, что оно содержит элемент, показывающий «переход» рубля от А (*я*) к Б (*ему*). В какой конкретной форме осуществляется этот переход — *одолжил*, *заплатил*, *выдал как зарплату*, просто *дал* и т. п. — сказать нельзя без знания конситуации [120].

Таким образом, выделяется группа НГ, в которых нулевое выражение имеет только часть значения. Назовем такие НГ периферийными, чтобы отличать их от НГ центра, значение которых целиком системно обусловлено [121].

В принципе любой НГ, который ниже отнесен к центру, может смещаться в сторону периферии, если будет получать такие элементы значения, которые зависят от конситуации.

10. Парадигматико-синтагматическое понимание НГ позволяет сделать некоторые общие заключения о характере семантики НГ. Обращает на себя внимание то, что поиски какого-то одного конкретного глагола, который можно поставить на место НГ, не приводят к успеху. На место НГ может быть поставлен ряд близких, но не тождественных ему по значению глаголов. Предпочесть какой-либо один из них нет оснований. В изолированном высказывании *Я не об этом //* одинаково возможны глаголы *говорю*, *рассказываю*, *рассуждаю* и пр., и ни один из них не подходит больше, чем другой. В зависимости от конситуации НГ может быть ближе то к одному, то к другому глаголу. Это свидетельствует о том, что НГ имеет в своем значении семы, общие для ряда глаголов

[120] Аналогичную роль конситуация может выполнять и тогда, когда глагол-предикат выступает в вербальной форме. В. Г. Гак, показав, что глагол *купить* семантически сложнее глагола *брать*, пишет: «Знание ситуации, а именно того, что предмет покупается, позволяет устранить одну из семи использовать вместо глагола *купить* семантически менее сложную номинацию. Например: *Возьми хлеба в булочной*» (В. Г. Гак. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. «Семантическая структура слова». М., 1971, стр. 93).

[121] К периферийным относятся такие явления, которые, обладая признаками центральных, в то же время имеют некоторые признаки, не свойственные центральным явлениям. См.: F. Daneš. The Relation of Centre and Periphery as a Language Universal. «Travaux linguistiques de Prague. Les problemes du centre et la périphérie du système de la langue». Prague, 1966. — См. также другие статьи в этой книге, а также публикацию выступления Ф. Данеша на Эрфуртском симпозиуме (в кн.: «Zeichen und System der Sprache», Bd. II, Berlin, 1962, стр. 62).

той парадигмы, в которую он входит [122]. НГ как бы вбирает в себя элементы значения, общие для целой группы глаголов соответствующей парадигмы.

Для определения того, к каким именно глаголам парадигмы подобия стоит ближе НГ, важно учитывать семантику предлога, если последний есть в составе приглагольного члена. Например, если при существительном в вин. п. с предлогом *в* значение НГ движения близко к 'идти, отправляться' — *Мы в метро//*, то при существительном в дат. п. с предлогом *к* значение НГ движения близко к 'приходить, приезжать' — *А саратовцы завтра к нам / да?*

Вывод о том, что НГ не заменяет какого-то определенного вербализованного глагола, имеет экспериментальное подтверждение. 234 студентам Воронежского педагогического института было предложено «восстановить» глагол в предложении *По розовой глади моря на юг тучи-корабли* (В. Маяковский. Хорошо). Были названы самые разнообразные глаголы движения — *плывут*, *идут*, *несутся*, *мчатся*, *бегут*, *тянутся*, *ползут*, *движутся*, *стремятся*, *скользят*, *летят* и многие другие [123].

С другой стороны, утверждения, что НГ вообще лишен конкретного значения и обладает лишь некоторым обобщенным значением, также представляются неубедительными. Простой пример покажет это. Если разговорное *Вдруг они кричат / ой / лошади / лошади! И все ко мне/ будто я спаситель какой //* переводить на КЛЯ с вербализованным глаголом, то, чтобы точнее передать семантику разговорной конструкции, нужно взять глагол не с общим значением движения (*идти*), а более конкретный (*бросаться*, *устремиться* и т. п.). Здесь НГ опирается в парадигме прежде всего на глаголы, передающие быстрое, стремительное движение.

Когда говорят об обобщенном значении нулевого глагола [124], то смешивают основу, на которой строится парадигма подобия, со значением НГ как члена парадигмы. Это так же неверно, как неверно было бы утверждение, что нулевая связка выражает обобщенную идею времени, а не значение наст. вр.

11. Конструкции с НГ представляют собой специфические разговорные синтаксические образования, отражающие общую тенденцию РР к синкретизму. В плане означающего синкретизм про-

[122] Ниже для удобства изложения при описании семантики НГ говорится, что данный НГ близок по значению к определенным вербализованным глаголам. Это значит только то, что в семантике НГ больше общих сем с этими глаголами, чем с другими, и совсем не значит, что в конструкции опущены конкретные вербализованные глаголы.

[123] Эти и другие материалы содержатся в неопубликованной статье З. Д. Поповой «Об одном применении теории информации к синтаксическим исследованиям», которую автор любезно предоставил в наше распоряжение.

[124] См.: П. А. Лекант. Безглагольные двусоставные предложения в современном русском языке. «Уч. зап. Бийского пед. ин-та», вып. II, 1958, стр. 274; Е. А. Седельников. Структура простого предложения с точки зрения парадигматических и синтагматических отношений. — ФН, 1961, № 3, стр. 72.

является в самóй возможности нулевого выражения глагола. В плане означаемого синкретизм состоит в том, что НГ в парадигме опирается на целую группу глаголов, «стягивая» в себя общие для этой группы семы.

12. Предлагаемое ниже описание НГ ориентировано на решение двух взаимнообусловленных задач: 1) определить типические значения НГ; 2) выявить состав высказываний (подлежащее и приглагольные члены с обратной валентностью), в которых может выступать НГ определенного значения.

Мы опирались при исследовании только на реально зафиксированные НГ. Вследствие этого наш список НГ может оказаться неполным: как ни велик был исследуемый материал, нет гарантии, что все НГ попали в него. Так, в нашем материале не зафиксирована конструкция *Он батерфляем* // с НГ близким по значению к 'плавает', хотя как будто никаких препятствий для того, чтобы глагол в подобных конструкциях выступал в нулевом выражении, нет. Однако нет уверенности, что такие конструкции действительно встречаются в разговорной речи. Поэтому можно предполагать, что существуют еще какие-то пока не раскрытые закономерности функционирования НГ. Не исключено, в частности, что нулевое выражение получают только наиболее частотные группы глаголов.

Нулевые глаголы-предикаты в позиции verbum finitum

Семантические группы нулевых глаголов-предикатов

При определении семантики НГ будем рассматривать этот глагол в конструкциях, где он занимает позицию verbum finitum (о НГ в инфинитивной позиции см. п. 30).

Обратимся сначала к анализу НГ центра, у которых, как правило, значение системнообусловлено в целом, и затем к анализу НГ периферии, у которых системнообусловлена только часть значения.

Нулевые глаголы-предикаты центра

13. НГ д в и ж е н и я. Состав конструкций с НГ этого значения может быть следующий.

1) Существительное [125] в им. п.+НГ+существительное в косвенном падеже. В качестве словоформы существительного в косвенном падеже используются:

[125] На месте существительного в этой и всех других группах может выступать местоимение или любой субстантивированный член.

а) существительные в вин. п. с предлогом *в*, обозначающие пространство, в пределы которого направлено движение:

1. Ты куда? 2. Только в магазин//; Завтра я в театр / а следующий вечер вроде бы ничего / заходи//; Она в школу / да?; 1. Куда завтра-то? 2. В лес / в лес наш//; Наташка в деревню летом наверно//; Они завтра в Ленинград / потом в Киев//.

НГ движения возможен в переносном значении, если есть благоприятные для этого контекст и конситуация, необходимые вообще для любого переносного значения: (в непринужденной обстановке обсуждается научный вопрос) *Ну это я уже в лес* // (ушел в лес при обсуждении вопроса);

б) существительное в вин. п. с предлогом *через*, обозначающее место, через которое направлено движение:

Нет / вообще там кругом надо / но я прямо через забор//; Я ведь через Горбатый мост / сюда по Татарской на Новокузнецкую прямо//; А от трамвая вы там через Яузу и к нам // (объяснение, как пройти от трамвая к дому);

в) существительное в вин. п. с предлогом *под*, обозначающее место, ниже которого направлено движение:

Ну ладно / догóните // Мы так вот прямо и под мост//; И вот он под стол и сидит там//; Слушай / ты под мост и сразу на проспект Мира выскочишь // (объяснение, как проехать на машине в нужное место);

г) существительное в вин. п. с предлогом *на*, указывающее, куда направлено движение:

Я на каток//; 1. Ты почему так рано? 2. А я на Шаболовку сегодня//; Ужинать не ждите / я на футбол//; Мы на импрессионистов в четверг? (выставка художников-импрессионистов);

д) существительное в род. п. с предлогом *от*, обозначающее отправную точку движения:

1. Ты откуда? 2. Я от Вали//; 1. Вера / быстренько к Иванову // 2. Ну вот // Я ведь только что от него//; 1. Иванов просил вас зайти // 2. Спасибо // Я как раз от декана//;

е) существительное в род. п. с предлогом *до*, указывающее предел распространения движения:

Я догоню / я только до книжного//; До Метростроевской-то я быстро / пятнадцать минут у нас уходит на дорогу//; Я только до садика / сейчас вернусь//; Значит так / до ВДНХ и на пятьдесят шестом (номер автобуса) до конца // (объяснение, как проехать до нужного места);

ж) существительное в род. п. с предлогом *с*, обозначающее, откуда исходит движение:

Я вот только что с улицы//; Ты что так поздно? 2. А я с собрания//; 1. Саша / ну где же ты? 2. Я с Волги / я же сказал что купаться//;

з) существительное в род. п. с предлогом *из* с тем же, что (ж) значением:

Вы не из стекляшки? (кафе из стекла); 1. Ты когда там (в театре) будешь? 2. Я из института / в общем к самому началу наверно только успею//; 1. Ты слышала Кирилл в Москве // 2. Он что? прямо из Ленинграда?

и) существительное в дат. п. с предлогом *по*, обозначающее места, на поверхности которых или вдоль поверхности которых, или в пределах которых происходит движение:

И потом мы с ней немного по улице и к школе//; Вот когда она по церкви / это конечно очень здорово сделано // (о фильме «Вий»); Я теперь каждое утро в универмаг этот / знаете / военный / а потом по Маркса—Энгельса / до института // (улица им. К. Маркса и Ф. Энгельса);

к) то же, что и (и), но со значением объектов, по отношению к которым совершается движение; существительное при этом должно обязательно стоять во мн. ч.:

Я по магазинам / туфли посмотрю//; Она все по церквам // (осматривает архитектуру); А вот летом у нас многие по деревням / это диалекты собирают//; Мне звонят а я по больницам//;

л) существительное в дат. п. с предлогом *к*, обозначающее лицо или место, к которым направлено движение:

1. Я к Вале // 2. Сейчас // Сейчас позову//; Я кончу и к врачу быстренько//; Ты к метро или на автобус?

м) существительное в тв. п. с предлогом *за* со значением цели движения:

Я за бумагой / Иванов просил//; (перед уходом в магазин) Я за хлебом // И чаю надо//; Я за вами // Чай пить зовут //; Я за Сашкой / обещал / а потом может вместе за тобой / ну я позвоню еще в общем//;

н) существительное в тв. п. с предлогом *на*, называющее способ передвижения:

Неудачная зима // Вот и на лыжах мало как-то//; Ну они теперь все на моторных лодках//; Я к ней обычно на трамвае//; 1. А Красноводск / это вы на пароме этом железнодорожном? 2. Нет / мы на самолете // Там полчаса от Баку//; (о пребывании в доме отдыха) На лыжах там в общем-то немного//; Зачем тебе электричка // Ты на троллейбусе или на автобусе там любом / и потом одну остановку на трамвае//;

о) существительное в тв. п. без предлога с тем же, что и (н), значением:

А вы как? самолетом или поездом?; Я вот обычно стоодиннадцатым (автобусом) и там немножко пешком//; Летом они обычно пароходом//.

2) Существительное в им. п. +НГ+инфинитив со значением цели движения:

1. Ты куда? 2. (с иронией) Я заседать//; Саша / если спросят / я обедать//; Я пройтись//; Мы с Катей подышать до обеда//.

3) Существительное в им. п.+НГ+наречие одной из трех следующих групп:

а) наиболее употребительны наречия места, в том числе и местоименного типа (*куда*, *откуда* и под):

Боже мой / откуда ты такой?; И ты туда?; Куда это мы/ здесь надо было свернуть//; 1. До свидания / я направо// 2. Разве ты туда?; (разговор о лыжной прогулке) 1. Опять по нашему лесу крутилась // 2. Нет / что ты // Мы сегодня далеко//;

б) наречия времени при НГ движения возможны только такие, которые обозначают либо конкретную временную точку (*сейчас*, *вовремя*), либо непродолжительный отрезок времени (*ненадолго*):

А ты поздно сегодня//; Ты и завтра так же рано?; Я завтра может чуть пораньше//; Не беспокойтесь / мы ненадолго совсем//.

С наречиями типа *летом*, *зимой* НГ движения не сочетаются, если нет второго приглагольного члена: говорят *Я к ним зимой* // но невозможно **Я зимой*//;

в) из наречий, обозначающих способ передвижения активны — *пешком* и *бегом* (см. также п. 13, гр. 1н—1о):

Я на Невском выхожу и пешком две остановки если погода ничего//; А по Литейному я пешком//; Я на пятый этаж пешком//; 1. Ты скоро? 2. Да / да // Я бегом / сейчас//;

г) наречие цели — *по делу*:

А он что? по делу или так / потрепаться?

14. Если НГ движения употребляется в повествовании, рассказе о каком-то событии, то он в парадигме подобия сближается с глаголами *броситься*, *устремиться* и под., и тем самым в его значении появляется признак стремительности, большой интенсивности движения. При обмене одиночными репликами (вопрос—ответ), когда ставится цель выяснить просто какой-то деловой, необходимый для данной бытовой ситуации факт, отмеченного признака не бывает (ср. все примеры выше). Впрочем, какой-то строгой необходимости наличия / отсутствия признака стремительности движения в зависимости от названных «жанров», границы между которыми к тому же в ряде случаев зыбки, выявлено быть не может; речь идет лишь о большей или меньшей частотности этого смыслового признака:

(рассказ о том, как пытались помочь при внезапном инфаркте) *Я к ней / я туда / я сюда* / укол / все / ничего // Думала конец//; (рассказ о том, как проходили сквозь стадо лошадей) И вот эта Светка пошла вперед и кричит / по! *А потом мы сами на свою дорожку / в лес / и к себе на хутор* // Вот//; Не-ет // Я зашел / смотрю темно // Я моментально фонарик значит // *И к лифту*//; Эти все по бортику по бортику и в угол / а Фирсов прямо на ворота // (об игре хоккеиста А. Фирсова); Я на улицу / я к соседке / куда девался парень//; Я не люблю Месхи // Одно и то же / *он в одну сторону* / мяч в другую / это красиво / но ведь все это уже знают давно // (об игре футболиста М. Месхи); Все сразу в разные стороны и мы одни//; Открылась дверь / *я прямо к окну*//;

И он опускает такую веревочную лестницу / *и они прямо туда*//; Спешу / калоши снял *и наверх*//.

15. Если при всех перечисленных в п. 13 приглагольных членах в качестве второго приглагольного члена выступает существительное в вин. п. со значением объекта, участвующего в движении, то НГ входит уже в иные парадигмы подобия.

Если это существительное в вин. п. одушевленное, то значение НГ близко к 'водить, сопровождать':

Славка своего Павлуху каждый день гулять / как закон//; Она его на каток по средам и пятницам кажется//; Нет / он ее и в кино часто / и в Большом недавно были//.

Если же это существительное неодушевленное, то значение близко к 'положить, поставить':

1. Мою ручку ты куда вчера // 2. В сумку / мне на почту было нужно//; А розу вот в ту отбитую вазу и на стол туда//; Ты на окно эту подставку и кастрюлю на нее потом//; Я сейчас подушку туда//; Так / давайте сюда / это все я к себе на стол / завтра разберемся//; 1. А куда этого Камю (книга)? 2. Да ну вон на стол что ли / я уберу потом//.

16. Некоторые из перечисленных выше приглагольных членов могут иметь такую семантику, которая позволяет выступать в нулевом выражении ряду переносных значений глаголов движения.

Если существительное в вин. п. с предлогом *в* обозначает место учебы, то значение НГ близко к 'поступать, (идти) учиться':

После института он сразу как-то в аспирантуру / не работал//; Она в школу по-моему с шести лет//; А Наташка / они поедут / в интернат что ли?; Таня в пед уже второй раз//.

Если существительное в вин. п. с предлогом *в* называет место сидения, то и НГ ближе к 'садиться':

Я вот если можно в это кресло//; Анна Петровна / вы вот на переднее сидение (в машине) / там вам тесно будет втроем-то //; Нет / вы вот пожалуйста сюда / а Саша в кресло / или на диван//.

17. Во всех описанных выше конструкциях существительное в им. п. является одушевленным и, как правило, называет лицо. Исключение составляют два случая:

а) регулярно употребляется в роли подлежащего неодушевленное существительное, называющее средство передвижения:

Эти большие венгерские автобусы вот в Крым даже//; Пароходы в этом году по Волге только до Казани //; Автобусы там под мост как-то//; Машина вчера / какой-то дурак перебегал дорогу / прямо в столб//;

б) также регулярно подлежащее выражается неодушевленным существительным в конструкциях, в которых сообщается о направлении улицы, реки и т. п. Значение НГ близко в этом случае к переносным значениям глаголов 'выходить, идти' и др. (типа *улица выходит на площадь*):

Наш дом вот так и к нему дорожка от платформы там через мостик//; Там понимаете / они этот мост как-то продолжили / и он теперь прямо в центр//; Лес / он там прямо к станции//; А перед нами большой луг // Он к самой речке как-то так красиво-красиво//.

18. Приглагольный член с обратной валентностью может быть выражен либо только неодушевленным существительным (см. п. 13, гр. 1а—1г; 1е—1к; 1н—1о), либо только одушевленным (см. п. 13, гр. 1д) и только в конструкциях (см. п. 13, гр. 1л—1м) приглагольный член может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным существительным. Там, где возможно иное лексическое наполнение члена с обратной валентностью, существенно меняется значение НГ. Так, если существительное в дат. п. с предлогом *на* одушевленное (ср. п. 13, гр. 1г), то значение НГ близко к 'кидаться, бросаться с недружественными, агрессивными целями':

Упала я на пол во весь рост / он на меня пьяный//; Он на вратаря-то ого как // (об игре футболиста).

Если же это существительное является собственным именем (фамилия, имя, название фильма, спектакля и пр.), то значение НГ близко к 'идти смотреть, попадать':

Я на «Чайку»//; Ты что? специально на Евстигнеева? (идешь в театр, чтобы увидеть актера Е. Евстигнеева).

19. НГ р е ч и. НГ со значением близким к 'говорить, рассказывать, рассуждать, сообщать' и под. имеют место в конструкции следующего состава: существительное в им. п. со значением лица+НГ+приглагольный член одной из следующих групп.

1) Существительные в косвенных падежах с предлогами, называющие объект речи (то, о чем говорится):

а) существительное в вин. п. с предлогом *про*:

Это сейчас вы про Мейерхольда?; И потом что-то еще он про Шахматова//; Вот и он мне про это же все время//; Это вы про свою Олю?; А Света про Армению / да?; Я вот про эту скульптуру в Волгограде//;

б) существительное в предл. п. с предлогом *о*(*об*):

Он с немцами из ГДР запросто вот о фильмах / о Брехте//; Об этом я потом//; Нет / нет / я ведь о другом совсем//; И в конце (заседания) я о своей поездке немного / да?

2) Наречия двух следующих групп:

а) качественные типа *коротко*, *ясно*, обычно в сравнительной степени:

Не очень-то это интересно / ты покороче//; Ты яснее / ярче как-нибудь//; Нет / здесь уж ты подробнее пожалуйста//;

б) наречия типа *по-русски*:

Он по-французски с детства//; А по-английски вы свободно?; Они по-русски ничего / поймут // (прилично говорят по-русски и поэтому поймут).

3) Местоимения *это*, *что*, неопределенные *что-то*, *кое-что* и др., которые чаще всего выступают вместе с одним из следующих приглагольных членов: а) существительное в вин. п. с предлогом *в* с наречным целевым значением; б) качественные наречия типа *коротко*, *ясно*:

Ну это я вам в похвалу//; Она это ведь в ответ//; Это я в шутку//; Ты это серьезно?; Ну я ему что-то так / для смеха // А он обиделся//.

20. Чтобы создать значение НГ, близкое к 'о б р а щ а т ь с я' (куда-нибудь с определенной целью), в конструкции необходимы существительное в им. п. со значением лица и сразу два приглагольных члена: существительное в тв. п. с предлогом *с*, называющее объект, и члены обычные при НГ движения (отсюда иногда появляется оттенок 'приходить, идти, обращаться'):

Мы уж с этим и в райком и в газету//; А что если вы с этим вашим докладом прямо в «Вопросы»?

21. Для значения НГ, близкого к 'з в а т ь, н а з ы в а т ь', в конструкции необходимы существительное в им. п. со значением лица и также два приглагольных члена: существительное в вин. п., указывающее объект, которому дают название, и существительное в тв. или в им. п., обозначающее само название (последнее чаще всего имя собственное):

Нет / вот была бы у меня дочь / я бы ее только Анной//; Я не знаю / вот всех кошек / а их у нее уже штук десять было / она только Мадера / а котов Васькой//; Вообще-то он Алешка / но Галя его все время Тигр//; У нас была одна Женни / ну конечно ее все просто Евгения//; Она его (мать ребенка) и совенок и кукушонок / по-всякому//.

22. НГ со значением, близким к 'з а н и м а т ь с я, у ч и т ь с я', возможен при существительном в им. п. со значением лица и при существительном в тв. п., обозначающим объект занятий:

Бедные дети / и музыкой / и языком / и черте чем//; А он тоже испанским?; Я даже не знаю чем она там / физикой какой-то особой//; Она каждое утро гимнастикой // Регулярно//.

23. НГ, близкий по значению к 'ч и т а т ь, и з у ч а т ь', сигнализируется в конструкции: существительное в им. п. со значением лица+НГ+существительное в вин. п. со значением объекта изучения или чтения (обычно это название книги, автора и т. п.):

Нет / он старается // Ему вот в девятом классе сказали / Достоéвский (с эмфазой) / *и он тут же всего Достоевского//;* Ну с моими знаниями немецкого я наверно так за неделю эту книжку//; Нет / вот «Науку и жизнь» / это я все до корочки//; Да ну / что это дает? *За два дня всего Шекспира//;* И мы за полгода весь курс//.

Значения (22—23) близки друг другу, семантика приглагольных членов при этих НГ одинакова, различаются эти приглаголь-

ные члены только падежами — тв. / вин. п. Поэтому (22) легко трансформируются в (23) и наоборот, ср.:

Он уже всего Чехова // → Он у Иванова Чеховым // (занимается под руководством Иванова творчеством Чехова).

24. НГ со значением, близким к 'и г р а т ь' выступает в конструкции: существительное в им. п. со значением лица+НГ+существительное в вин. п. с предлогом *в*, называющее определенную игру:

1. Они что у вас? в карты? 2. Нет / в домино // Стучат все//; Я в институте вот в баскет немного//; Он у нас спортсмен / и в хоккей / и в футбол / и как ты еще / а / Павлуха? (о трехлетнем ребенке); На пароходе мы в бад немного//.

25. НГ со значением, близким к 'б и т ь'. Если в парадигме подобия значение НГ сближается со значением наиболее экспрессивных глаголов — *бить*, *лупить*, *трахнуть* и т. п., то состав конструкции следующий:

1) Местоимение 1-го лица (подлежащее), несущее на себе логическое ударение,+НГ+местоимение в вин. п. со значением объекта:

Я тебя//; (грозя) Я его//.

2) При отсутствии логического ударения необходимым делается второй приглагольный член, которым могут быть:

а) качественные наречия, б) существительные в тв. п. со значением орудия действия, в) существительные в вин. п. с предлогом *в*, в дат. п. с предлогом *по* со значением места, г) существительные в вин. п. с предлогом *за* с целевым значением. В отличие от (1) и подлежащее, и первый приглагольный член могут быть выражены не только местоимениями, но и существительными со значением лица:

Нет / *он его не очень сильно* / там просто место такое / дыхание перехватывает // (о боксерах); А здорово они его//; Мне кажется это его клюшкой//; Они заманили ее в подъезд и *чем-то там тяжелым по голове* / но она все-таки жива осталась//; Нет / но этот итальянец судья тогда все-таки не видел как *этот немец нашего Численко по ногам так по-моему совершенно откровенно* // (о футболе); Да нет / это ка́жется сильно / *он его по перчаткам* / это не считается // (о боксе); Я от нее отворачиваюсь / *она меня опять по лицу*//; Откуда я знаю *за что он его*//; Да нет / *он ее все-таки за дело* / но конечно мерзость все равно//.

В роли приглагольного члена с объектным значением может выступать также существительное (или местоимение) в дат. п. Закономерности строения конструкции те же, что и при вин. п., ср.:

Я его //	Я ему //
Я его не сильно //	Я ему не сильно //

26. Значение НГ, близкое к 'у д а р и т ь с я, у ш и б и т ь с я' бывает при существительном в им. п. со значением лица и двух приглагольных членах: существительное в тв. п. со значением

места, которым ударяются, и существительное в вин. п. с предлогом *о* со значением места, о которое ударяются:

Он ногой о борт как-то неудачно//; Он прыгнул и почему-то головой о планку//; Он у нас в комнате головой о полку очень сильно / сотрясение даже было//.

27. Особое место занимают конструкции, имеющие в своем составе им. п. существительного со значением лица и два приглагольных члена: а) существительное в вин. п. со значением объекта действия и б) компонент с адвербиальным значением. Незамещенные синтаксические позиции в таких конструкциях могут сигнализировать значение любого такого действия, которое при условиях, названных адвербиальным компонентом, является типичным по отношению к объекту. Ср.: *Ты дверь там на замок?*, где семантические связи *дверь—замок* не оставляют сомнения, что здесь имеется значение 'запереть'.

Особой регулярностью отличается данная конструкция, если второй компонент выражен существительным в тв. п. со значением средства (орудия) действия. В этом случае может быть выражено значение любого действия, которое осуществляется средством (орудием), названным существительным в тв. п., и является типичным по отношению к объекту, названному существительным в вин. п. Так, в высказывании *А ты просто булавочкой этот шарфик* // имеется значение 'заколоть', потому что для *булавочки* по отношению к *шарфику* наиболее типично именно это действие.

Приводимый ниже список значений в принципе не может быть полным; он нужен лишь для того, чтобы продемонстрировать те широкие возможности, которые дает отмеченная структура для выражения самых разнообразных значений.

Конструкции с существительным в тв. п.:

'чистить': А эти туфли ты щеткой одежной? (туфли из замши);

'посыпать': 1. А вы как дорожки / песком? 2. Нет / золой//;

'мыть': Голову я шампунем обычно//;

'чинить': Мы теперь карандаши точилкой специальной//;

'разрубить': А ты мясо топориком / специальный у нас есть//;

'натирать': Паркет мы мастикой / у нас не лак//;

'кормить': Мы уже месяц скоро как его (ребенка) кефиром//; Летом она нас рыбкой иногда//;

'набивать': Матрацы нам там (в колхозе) сеном каким-то старым / трухой//;

'красить': Коля машину какой-то такой / ядовитой краской//;

'писать': А давайте заглавие карандашом?;

'посылать': Я тезисы на конференцию заказным всегда//;

'топить': Она печи углем теперь//;

'выделить': Примеры я здесь жирным шрифтом / ладно?;

'сажать': Дв грядки на даче мы огурцами в этом году//.

Проиллюстрируем ряд значений в конструкциях с другими адвербиальными компонентами:

'жарить': Мы шашлык в лесу на углях обычно//;

'наливать': Воду ты куда? в миску?;

'открывать': Галь / форточку давай пошире / а то задохнемся//;

'сажать': Цветы только / да? вы на участке? (на дачном участке).

Характерной особенностью рассматриваемых высказываний является то, что адвербиальный компонент может быть реализован очень ограниченным кругом лексем (иногда только одной), выбор которых предопределяется семантикой существительного, называющего объект. Чтобы создать возможность появления значения 'чистить' по отношению к объекту, называющему верхнюю одежду (*пальто*, *костюм* и пр.), едва ли возможна в тв. п. иная лексема, кроме как *щетка*. Если же использовано существительное иной семантической группы, например, название посуды, то существительное в тв. п. реализуется уже другими, но тоже немногими лексемами, ср.: *Кастрюли всякие мы вот особым каким-то порошком / у нас продается//*.

Такая взаимная ограниченность лексического наполнения объекта и адвербиального компонента отличает данную конструкцию от других рассмотренных конструкций, где НГ сигнализируется двумя приглагольными членами в тех же формах (см. выше п. 15), но лексическая наполняемость их более свободная. Ср., например: *Я книгу* (*мясо*, *очки* и т. п.) *на стол* (*подоконник*, *стул*, *полку* и т. п.) // (положил).

Можно думать, что в конструкциях типа *Мы дверь на оба замка* // значение действия предопределено не столько синтаксисом, сколько лексикой приглагольных членов: если взять лексемы просто в исходных, не приспособленных друг к другу, формах — *замок*, *дверь*, то и тогда по отношению к ним «напрашивается» значение 'запереть'. Характерно, что эти лексемы могут дать значение 'запереть' и в ином морфолого-синтаксическом оформлении, в частности, объект может быть трансформирован в субъект, ср.: *Дверь у нас на оба замка обычно//*. Такие высказывания, хотя и не очень частотны в РР, но вполне нормативны, см. еще: *А чертежи у вас тушью?*

В конструкциях же типа *Я книгу на стол* // роль синтаксиса, очевидно, больше — взятые в исходных формах слова *книга*, *стол* не говорят сколько-нибудь определенно о каком-то значении, которое могло бы их семантически связать.

Возможно, тот факт, что глагольные значения в рассмотренных в этом параграфе конструкциях возникают главным образом на основе единичных системных лексических отношений, является достаточным для того, чтобы незамещенные синтаксические позиции в этих конструкциях не называть термином «нулевой глагол».

Заметим, что конструкции с выше рассмотренными незамещенными позициями очень активны в РР и почти не имеют отражения в КЛЯ.

28. НГ, в значении которых есть элемент 'д а т ь' или 'б р а т ь'. Такие НГ выступают в конструкции: существительное в им. п. со значением лица+НГ+два следующих приглагольных члена: существительное в вин. п. со значением объекта и существительное в дат. п. со значением адресата:

Вот и эти пилюли мне врачи // Помогло // ('дать' как элемент в значении 'прописали'); Слушай / а кому-то ведь Ленинскую за историю философии? Или нет? ('дать' как элемент 'присудить'); Я вам сегодня рубль / а остальные завтра // Ладно? ('дать' как элемент 'вернуть'); Там стоят вот восемь человек / один нос ему / другой манишку / третий пиджак / там это / раз / зонтик / и он пошел выходит уже // (о спектаклях А. Райкина) [126].

Для НГ, в значении которого есть элемент 'брать', из приглагольных членов необходим только один: существительное в вин. п. со значением объекта (без дательного адресата):

(о зарплате) 1. Он сколько? 2. Он сто двадцать // ('брать' как элемент в значении 'получать зарплату'); И я взял справочку что я в месяц сто сорок рублей //; (о кофе) Я пожалуй еще полкило // ('брать' как элемент 'купить'); (о книгах) 1. А что тебе собственно надо? 2. Я все / я все хорошее // ('брать' как элемент 'собирать покупать'); (о грибах) Галя / а ты и моховики? ('брать' как элемент 'собирать').

НГ, имеющие в своем значении элементы 'дать' или 'брать' объединены в одном разделе неслучайно, так же как неслучайно то, что строение высказывания с такими НГ в основном одинаково и различается лишь одним — наличием / отсутствием дат. п. адресата. Дело в том, что значения 'дать' и 'брать' часто различаются только одним признаком. Если *дать* — 'каузировать кого-то иметь', то *брать* 'каузировать себя иметь' [127]. Различие — в адресате действия, а поэтому именно наличие / отсутствие адресата в конструкции и различает это значение при его нулевом выражении.

29. НГ, в значении которых есть элемент 'д е л а т ь', выступают в конструкции — существительное в им. п. со значением лица+НГ+два следующих приглагольных члена: существительное в вин. п. со значением объекта, который создается действием 'делать', и существительное с адвербиальным значением (места, образа действия).

[126] Смысл 'дать' имеется и в высказываниях типа: (в кафе) Сардельку и чай пожалуйста ‖ ; (в магазине) Два молока и кефир ‖ и т. п. Такие конструкции представляют готовые формулы, стереотипы, употребляемые в особо частотных ситуациях. Их синтаксическое членение в значительной степени стерто и поэтому неправомерно искать НГ в этих структурах. Подробнее о стереотипах как особом объекте изучения см.: Е. А. З е м с к а я. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 25—26.

[127] Ю. Д. А п р е с я н. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 11.

Он всякие опыты вот уже самостоятельно // ('делать' как элемент в значении 'ставит, проводит'); И потом как мне объясняли этот сыр они с нарушением технологии значит // ('делать' как элемент 'изготовлять'); А сарайчик вы там сами или нанимали? ('делать' как элемент 'построить'); Они только во времянке / все на костре // ('делать' как элемент 'приготавливать'); Здесь уж он все на что только был способен // (о работе режиссера); Они ведь и в соавторстве что-то популярное // ('делать' как элемент 'создать, написать'); А полки / вот там тумбочки разные он сам//

Значение НГ периферии может конкретизироваться не только конситуацией, но и словами, если вводятся другие приглагольные члены, суживающие выбор из группы глаголов с тем или иным семантическим элементом, ср.: *Я восемьдесят рублей тогда за эту статью в журнал* //, где ясно, что речь идет именно о плате за статью. В высказывании *Мы даже суп там на костре в кастрюле / специально захватили* // семантика существительного *суп* и *в кастрюле* не оставляет сомнения, что речь идет о конкретном значении 'приготовить, сварить'. Такие конструкции уже входят в центр НГ. Возможность системно сузить выбор значения показывает, что граница между НГ центра и периферии очень подвижна.

Нулевые глаголы-предикаты в позиции инфинитива

30. До сих пор НГ рассматривались в позиции verbum finitum. Возможны НГ и в позиции инфинитива. Инфинитивная позиция НГ может быть а) независимой, ср.: *Ты в театр завтра* // (позиция verbum finitum) → *Нам бы завтра в театр* // (позиция инфинитива); б) зависимой, когда НГ входит в так называемое составное сказуемое, ср.: *Я домой* // (позиция verbum finitum) → *И сразу я мог бы домой* // (позиция инфинитива).

О НГ в инфинитивной позиции сигнализируют сразу два члена— во-первых, это уже рассмотренные члены с обратной валентностью, предопределяющие парадигматические связи конструкций с НГ и, во-вторых, члены с прямой валентностью, которые сигнализируют, что при них должен быть глагол и форма этого глагола может быть только инфинитивной, ср.: *Я не мог об этом* // , где *об этом* — член с обратной валентностью, определяющий, что высказывание с НГ входит в парадигму конструкций с глаголами речи, а *мог* — член с прямой валентностью, показывающий, что НГ речи занимает позицию инфинитива.

Независимая инфинитивная позиция НГ определяется совокупностью признаков: а) наличие вопросительных слов; б) частицы *бы;* в) невозможность ввести подлежащее (безличность); г) синтаксическая семантика, характерная для инфинитивных конструкций: категорическое приказание, пожелание,

вопрос. Другими словами, это все то, что толкает к аналогии с конструкцией, где инфинитив глагола вербализован:

Куда бы нам вечером? (пойти); Куда уж мне на юг // (ехать); А к Москва-реке правей что ли / да? (идти, пройти); Ну конечно / тебе бы только о футболе // (говорить, рассуждать); Тебе бы к Ивановой с этим вопросом // (обратиться).

Сигналами з а в и с и м о й инфинитивной позиции НГ выступают:

а) личные формы глаголов:

Там кругом вода и я не мог к дому // (подойти, приблизиться); Я люблю пешком / и на работу / и с работы / от метро//; Хотел куда-то подальше но решили все-таки на дачу//; Я летом опять хочу куда-нибудь на пароходе//; Теперь вот я могу и по Новому Арбату//; Я не мог об этом // (сказать); Я не хочу с ним о Толике//; Слушай / я тебе что хочу? Может ты позовешь девочек на лыжах в воскресенье//; Он даже пытался высшей математикой // Бросил // (заниматься); Баскетболом пыталась // И художественной гимнастикой / на стадион «Юных пионеров» ездила // (заниматься); А он хочет и может все сам // (делать);

б) безличные глаголы на *-ся* с необходимостью предполагающие инфинитив (фактически это то же составное сказуемое, что и в двусоставных конструкциях (ср.: *Я не хотел об этом* // (говорить) → *Мне не хотелось об этом*//):

Домой придется самолетом//; Не хочется мне с этими студентами про наши дела // (говорить, беседовать);

в) краткие прилагательные, среди которых особенно частотно *должен*:

Ирку я должна в школу / я ее должна из школы / потом я ее должна на стадион / со стадиона // (отвезти, привезти); Нет / вы об этом тоже должны хоть как-то // (сказать); И вот мы должны были за год всю высшую математику // Это же смех // (изучить); Он будет сидеть сложа руки а мы все сами должны // (делать); Человек говорят должен в сутки не меньше чем десять тысяч шагов//;

г) инфинитивная форма глаголов в безличных (инфинитивных) конструкциях, требующая при себе обязательного наличия второго (зависимого) инфинитива:

Галя / вам подождать кофе // (давать); Тебе бы подождать об этом / не все ведь еще продумано // (говорить, высказываться); А не попытаться ли тебе и английским // (заниматься);

д) предикативные наречия в безличных предложениях:

Пешком на четвертый этаж каждый раз конечно тяжело // (идти, подниматься); А по Енисею тоже неплохо бы летом // (поехать); Ну самолетом сейчас уже не страшно//; По этой улице вот можно прямо к нам//; А чего / все про науку тебе надо // (говорить, рассуждать); Ее бы хорошо Наташкой // Какая она Катя // (назвать); Ей надо вот из Тургенева два романа / это кроме «Отцов» / и «Записки» // (прочитать); Все-таки историей не так интересно // (заниматься); Надо бы нам с тобой в теннис хоть немножко // (поиграть).

Предикативное наречие возможно в компаративе:

Ну там интересно / но. . . в общем интересней конечно в Спасское // (поехать); А не лучше ли нам сразу на метро//;

е) глагол *быть* в личной форме из состава аналитического будущего времени:

Об этом я не буду // (говорить); Сегодня вечером я буду в теннис // (играть); Ну уж я-то тебя буду просто Женей // (звать, называть).

С помощью любого из названных средств все конструкции с НГ в позиции verbum finitum, независимо от значения НГ, могут быть трансформированы в конструкции, где НГ с тем же значением будет занимать позицию инфинитива. Исключение составляют два случая: 1) конструкции с НГ движения в позиции verbum finitum не могут иметь инфинитивной позиции этого глагола, если приглагольным членом с обратной валентностью в этой конструкции является также инфинитив — тип *Я обедать;* 2) с помощью глагола *быть* из состава будущего аналитического (е) не могут переводиться в позиции инфинитива НГ движения и НГ со значением, близким к 'обращаться'.

31. При анализе инфинитивной позиции НГ следует принять во внимание отмеченное Н. Ю. Шведовой явление синтаксического переразложения [128]. О переразложении по отношению к анализируемым высказываниям можно говорить в том случае, если при наличии НГ в позиции verbum finitum есть все условия для появления этого НГ и в позиции инфинитива, но НГ в этой позиции тем не менее не появляется и приглагольный член, способный быть при НГ, выступает непосредственно при словах типа *хочу* и под. В синхронном плане об отсутствии инфинитива можно говорить, если разрушена соответствующая парадигма подобия, ср.: *Я намерен в кино* // входит в парадигму с *Я намерен пойти* (*отправиться*) *в кино* // и потому имеет НГ в позиции инфинитива, поскольку ничем другим, кроме него, значение движения в этой конструкции передано быть не может, но высказывание *Я хочу в кино* не содержит семантики движения. Здесь выражено лишь желание увидеть фильм.

При одном и том же члене, способном сигнализировать об инфинитивной позиции, эта позиция либо есть, либо ее нет в зависимости от того, какой приглагольный член употреблен. Например, *хочу*, употребляясь с приглагольными членами, сигнализирующими о позиции verbum finitum НГ со значением, близким к 'взять' и к 'идти', не создает инфинитивной позиции, эти приглагольные члены употребляются прямо при *хочу* — *Я хочу ручку* не соотносимо с *Я хочу взять ручку*, в то время как *Я ручку* имеет НГ, дающий смысл 'я взял (схватил) ручку'. В высказывании *Я хочу в парк* // также нет значения 'идти', которое очевидно

[128] Н. Ю. Шведова. Об активных процессах в современном русском синтаксисе. — ВЯ, 1964, № 2, стр. 7.

в конструкции с НГ в позиции личной формы: *Я в парк//*. Но в высказывании *Я не хочу об этом* // позиция инфинитива НГ есть, поскольку конструкция входит в одну парадигму с *Я не хочу говорить* (*рассуждать и т. п.*) *об этом//*.

Переразложение больше всего коснулось конструкций с периферийными НГ, в значении которых есть элемент 'брать', ср.: *Я хочу чаю//; Мне хочется чаю//; Мне надо папирос* // и пр., где уже нет значения 'взять' и, следовательно, нет НГ.

Регулярным сигналом инфинитивной позиции этих НГ являются только отдельные глаголы (*мочь* и др.) из группы (а):

Вот журнал вы не могли бы//; А что-нибудь раннее его (Хемингуэя) вы мне не можете?; Нет / ну я доволен что Колабушину хоть немножко этих японцев удалось // (японских марок).

32. **Выводы.** 1. В РР широко представлены такие незамещенные синтаксические позиции, наличие которых целиком определяется системными — парадигматическими и синтагматическими — отношениями.

Глаголы-предикаты, о которых обычно сигнализируют такие незамещенные позиции, характеризуются как нулевые.

2. Нулевые глаголы-предикаты появляются не только в результате действия синтаксических системных отношений; не менее важны для их появления и лексические системные отношения между определенными компонентами высказывания.

3. Возможность оставить позицию нулевого глагола-предиката незамещенной согласуется с общей тенденцией РР к синкретизму в области означающего.

4. Нулевой глагол-предикат стягивает в себя некоторые общие элементы значения целой группы вербализованных глаголов той или иной парадигмы. В этом проявляется синкретизм означаемого данного участка системы РР.

5. Нулевые глаголы-предикаты в РР могут занимать как позицию verbum finitum, так и позицию инфинитива (самостоятельного или зависимого).

6. Нулевые глаголы-предикаты в РР более активны, чем в КЛЯ [129]. В КЛЯ они представлены в основном только в языке художественной литературы, причем чаще всего там, где имитируется РР. Некоторые группы нулевых глаголов в КЛЯ встречаются вообще крайне редко (например, НГ, близкие по значению к 'заниматься', к 'играть').

Об одном типе высказывания с незамещенной синтаксической позицией

1. В качестве объекта наблюдения избираются высказывания типа: *А у нас янтарь / брошечка одна сколько стоит* // (1) Смысл такого высказывания — 'у нас янтарь дорогой, поскольку даже

[129] Описание НГ в КЛЯ см.: Е. Н. Ширяев. Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений. Канд. дисс. М., 1967.

одна брошечка из янтаря стоит дорого'. Каким же образом создается смысл 'дорогой'? Ведь специального слова для его реализации в высказывании нет.

Все высказывание (1) делится на две предикативные конструкции а) *а у нас янтарь* и б) *брошечка одна сколько стоит*. Конструкция (а) явно незавершена: при подлежащем *янтарь* должен быть предикат, а его нет (понимание 'у нас есть янтарь' с нулевым бытийным глаголом исключено, что ясно из интонации и макроконтекста, здесь не приводимого). Это дает основание видеть в конструкции (а) незамещенную синтаксическую позицию. Таким образом, задача описания высказываний типа (1) сводится к тому, чтобы объяснить эту незамещенность, так как именно на ее основе создается нужный смысл.

Незамещенные синтаксические позиции, как было показано в разделе о нулевых глаголах-предикатах, порождаются, с одной стороны, системными языковыми отношениями, а с другой — контекстом и конситуацией, в которых протекает данный речевой акт. Рассмотрим роль этих факторов по отношению к анализируемой позиции. С точки зрения системы незамещенная синтаксическая позиция в высказывании типа (1) не представляет какой-либо специфики. Как и многие другие незамещенные синтаксические позиции, она обусловлена синтаксической синтагматикой: в конструкции есть члены, которые с большой степенью вероятности предполагают другие члены [130], и если последние отсутствуют, то они и создают незамещенную синтаксическую позицию. Синтагматика показывает, что данная позиция принадлежит предикату.

Конкретный же смысл, который сигнализируется этой позицией, обусловлен контекстом. Именно взаимоотношения данной незамещенной позиции с контекстом и отличают ее от других. Высказывание (1) построено таким образом, что роль контекста, необхо-

[130] Эти члены обычно рассматриваются как обязательные в их противопоставлении факультативным (см.: Е. А. Иванчикова. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. — ВЯ, 1965, № 5). По мнению многих чехословацких синтаксистов, структурная схема предложения и определяется как раз тем, что включает все обязательные компоненты, а не только те, которые необходимы для выражения предикативных категорий (ср. иную точку зрения: Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 8). «Придется принять, — пишет Р. Зимек, — трехчленную основную структурную схему предложения, . . . где прямо в формулу предложения включен в качестве конститутивного элемента наряду с так наз. главными членами предложения — подлежащим и сказуемым, еще один член — «комплемент». Это совокупное понятие для всех более или менее облигаторных детерминантов (распространителей глагола). Этот комплемент может реализоваться в отдельных типах предложения как дополнение, как обстоятельство, как предикативный детерминант, и л и м о ж е т б ы т ь н у л е в ы м, е г о п о з и ц и я б у д е т н е з а н я т о й» (R. Z i m e k. Основные структурные типы простого предложения в современном русском литературном языке. «Melbourne slavonic studies», 1968, № 2, стр. 41. (Разрядка моя. — *Е. Ш.*).

димого для незамещённой синтаксической позиции, выполняет конструкция (б): *брошечка одна сколько стоит* с эмфазой на слове *сколько* имеет смысл 'стоит много, дорого', из чего следует, что 'янтарь вообще дорогой'.

Однако предикативная конструкция (б) — это не только контекст, позволяющий оставить ту или иную позицию соседней конструкции незамещенной. Эта конструкция выполняет в высказывании еще одну роль: она находится с конструкцией (а) в таких смысловых отношениях, которые характерны для связей свободного соединения (см. стр. 318): (б) объясняет, на каком основании возможно утверждение, содержащееся в конструкции (а): 'о том, что янтарь дорогой, можно говорить именно потому, что одна брошечка из него стоит дорого'. Ср. аналогичные отношения в высказывании, где все позиции замещены: *Кофе крепкий / я пять ложек положил //* (обычно кладут меньше). (Это высказывание, вероятно, возможно и с незамещенной позицией предиката: *Кофе / я пять ложек положил//*).

Аналогично высказыванию (1) складываются отношения в высказывании: *У нас машина / мы совсем мало наездили//*, где вторая предикативная конструкция поставляет для первой смысл 'машина в хорошем состоянии' и объясняет, почему возможно такое заключение о машине — 'в хорошем состоянии, потому что мало наездили и испортиться было не от чего'.

2. Наличие двух функций у второй части высказываний типа (1) отличает их от высказываний типа *У меня рубашка / воротник не мнется //* (2), где часть *воротник не мнется* выполняет одну — определительную — функцию, вступая непосредственно в предикативные отношения с подлежащим *рубашка* (см. раздел «Конструкции с verbum finitum, являющиеся частью номинации»).

Отличие (1) от (2) подтверждается следующим. Во (2) вторая часть из позиции предиката может быть переведена в позицию атрибута, ср.: *Купи мне рубашку / воротник не мнется//*. В (1) же вторая часть не может выполнять чисто атрибутиевной функции, этому препятствует причинное значение этой части по отношению к первой части (можно сказать *У нас дорогой* [не дешевый] *янтарь в соседнем магазине продают*, но нельзя **У нас янтарь / брошечка одна сколько стоит / в соседнем магазине продают*).

С другой стороны, можно освободить вторую конструкцию в (1) от одной из функций и оставить за ней только выражение причинного значения, для этого достаточно заполнить незамещенную синтаксическую позицию (ср.: *У нас янтарь дорогой / брошечка одна сколько стоит//*). Это, на наш взгляд, тоже служит доводом для того, чтобы признать в (1) незамещенную синтаксическую позицию.

3. Важно подчеркнуть, что вторая часть рассматриваемых высказываний поставляет для незамещенной синтаксической позиции первой части не лексемы, а семемы, которые в определенной комбинации (какой именно — это определяет незамещенная

синтаксическая позиция) дают нужный смысл. А потому на место незамещенной синтаксической позиции могут быть поставлены разные слова и словосочетания, объединенные только тем, что в их значения входят нужные семемы. Так, первая часть в высказывании: *Сцена вышла / плачут все* // (о режиссерском решении сцены в спектакле) может быть «реконструирована» как *вышла сильной, яркой, трагической, впечатляющей* и т. п.

Этим незамещенная синтаксическая позиция в высказываниях типа (1) отличается от незамещенных синтаксических позиций в высказываниях типа *Он решал задачу и я решал* // или *Дайте один до Пскова*//. В двух последних незамещенная синтаксическая позиция передает смысл совершенно определенной лексемы, а именно: *и я решал задачу, . . . один билет до Пскова.*

Если для незамещенной синтаксической позиции сохранить традиционный термин эллипс, то такие незамещенные синтаксические позиции можно было бы назвать лексическим эллипсом в отличие от эллипса семантического, представленного в (1). В основе семантического эллипса лежит явление семантической сочетаемости, которое Ю. Д. Апресян определяет как «способность данного слова синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит определенный семантический признак» [131].

Есть основания предполагать, что семантический эллипс принадлежит исключительно РР. Высказывания типа (1) не встречаются в КЛЯ.

4. От незамещенных синтаксических позиций в (1) следует отличать такие, смысл которых также формируется из семем, «рассеянных» по контексту, но в отличие от (1) этот контекст широк и его необходимые границы неопределенны, во всяком случае, они не ограничены пределами одного высказывания, как в (1). Ср. диалог:

1. Но вот уж был интеллигент в полном смысле этого слова // Ты знал его? 2. Видел один раз // 1. Только? 2. Так совершенно мельком / Почему / что в нем было такого? 1. Вот он даже в трамвае / он ведет себя так/ что ты сразу обратишь внимание // Вот // *Во всех его манерах / в жестах / во всем во всем* //

Только широкий контекст дает понять, что смысл последнего высказывания примерно следующий: 'во всех его манерах, в жестах, во всем проявлялась особая культура, интеллигентность'.

5. Следует отметить некоторые особенности интонирования высказываний типа (1). Первая часть высказывания характеризуется резким и неожиданным повышением на конце. Это напоминает интонацию обрыва. Такое резкое и неожиданное повышение можно рассматривать как интонационный дифференциальный признак, поскольку только с его помощью можно различать смысл высказываний, ср.: *Вчера футбол был / после первого тайма ушло даже много*//. При резком неожиданном повышении в конце первой синтагмы смысл такой: 'футбол был настолько плохой, что после первого тайма ушло много зрителей'. При обычном (не резком) повышении смысл иной: 'вчера состоялся футбол и после первого

[131] Ю. Д. Апресян. Синонимия и синонимы. — ВЯ, 1969, № 4, стр. 81.

тайма ушло много зрителей'. Причина массового ухода зрителей в этом случае не выражена — это может быть и дождь и, плохая игра, и многое другое — а что именно, не сказано. В первом случае *был* — связка при незамещенной синтаксической позиции именной части предиката. Во втором случае *был* — обычный бытийный глагол, незамещенной позиции нет.

6. Итак, в РР существует особый состоящий из двух предикативных конструкций тип высказывания, отличительными чертами которого является то, что первая предикативная конструкция имеет незамещенную синтаксическую позицию, а вторая служит необходимым для появления незамещенной позиции контекстом и находится с первой в причинных, условных и других подобного рода отношениях. Такие высказывания выделены нами в особый тип на чисто синтагматической основе, поскольку мы считаем, что незамещенная позиция в (а) может быть только при наличии второй предикативной конструкции (б): (а) может быть тогда и только тогда, когда есть (б).

7. В высказываниях рассматриваемого типа чаще всего незамещенной остается позиция предиката:

Все-таки земля-то / ну можно было использовать // (земля была неплохая); Мы все были / ну представляешь / ведь сильнейший дождь и ни деревца там в этом поле // (были совершенно мокрые); И замечательно он / у него был дар речи замечательный // (замечательно говорил, рассказывал); Я Крым в общем хорошо / и в Гурзуфе был / и в Ялте / и везде // (хорошо знаю).

Незамещенными могут быть также позиции обязательных распространителей глагола:

(о студентах библиотечного института) Нас готовят / технологию металлов мы прослушали / металловедение / потом у нас будет химическая технология // (готовят для работы с технической литературой); (о дирижере) И вообще у него конечно бывает/ пятая Бетховена / очень хорошо его слушать // (бывает хорошее исполнение); Он долго идет и он все-таки поставлен / я думаю что в этом весь Акимов / уж на все на что он был способен / вся его выдумка / все // (о спектале, который поставлен хорошо: по-акимовски); Но учится она / чувствует большую ответственность // (учится хорошо, ответственно).

8. Сам факт незамещенности позиций в рассматриваемых высказываниях, а также то, что вторая предикативная конструкция по отношению к первой выполняет две функции — свидетельство синкретизма таких высказываний и по смыслу, и по форме.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ВИДЫ СВЯЗИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Высказывания со связями свободного соединения между предикативными конструкциями

1. Объектом наблюдения в этом разделе будут высказывания типа *А что это за фильм* ***я прочитал*** *будет?* (1)

Смысл, передаваемый таким высказыванием, станет ясен, если описать ситуацию, в которой оно употреблено: говорящий читает телевизионную программу, находит сообщение, что будет фильм, но какой именно, в программе не указано, этим и вызван вопрос.

Высказывание состоит из двух предикативных конструкций *А что это за фильм будет* (а) и *Я прочитал* (б). Цель описания — определить характер связи между этими двумя конструкциями как в плане означающего, так и в плане означаемого.

2. Формальные (в плане означающего) показатели связи в (1) удобно характеризовать, если сравнить (1) с другим, наиболее контрастным ему типом связи предикативных конструкций в пределах одного высказывания, а именно: *Она была права / распоряжаться должна была она//.* (2).

Здесь также соединяются в одно высказывание две предикативные конструкции — *Она была права* (а) и *Распоряжаться должна была она* (б).

(1) и (2) оказываются противопоставленными по следующим дифференциальным признакам.

П р и з н а к 1. В (1) конструкция (б) либо совсем не выделяется интонационно, либо выделяется интонацией повышения, но при этом всегда сохраняется возможность без какого-либо нарушения смысловых связей «убрать» это интонационное выделение, ср.: *А что это за фильм / **я прочитал** / будет //* → *А что это за фильм **я прочитал** будет//*. Во (2) интонация повышения на границе (а) и (б) обязательна и возможна прямо противоположная интонационная трансформация — разделение (а) и (б) интонацией понижения (завершенности). Смысл при этом сохраняется тот же; ср.: *Она была права / распоряжаться должна была она //* и *Она была права // Распоряжаться должна была она//*. Таким образом, оказывается противопоставленным а / б → аб в (1) и а / б → а // б во (2).

П р и з н а к 2. Часть (б) в (1) контрастирует с частью (а) в отношении темпа: в части (б) темп более быстрый, чем в (а). Если (а) и (б) не разделены интонацией повышения, то контраст темпа (а) и (б) является единственным средством, которое выражает нужное синтаксическое членение. Это хорошо видно на примере высказываний, допускающих в зависимости от различия в темпе двоякое синтаксическое членение. Ср.: *Вот на Литейном **у вас***

есть такой магазинчик [132] *я был* // (вот я был на Литейном, на котором (где) у вас есть такой магазинчик) и *Вот на Литейном у вас есть такой магазинчик* ***я был*** // (вот на Литейном у вас есть такой магазинчик, где (в котором) я был). В этих примерах часть (б) в составе высказывания выделяется лишь убыстрением темпа.

Иное дело высказывания типа (2), в которых темп произнесения частей (а) и (б) одинаковый. Темпового контраста для различения (а) и (б) там создавать не нужно, поскольку (а) и (б) всегда разделены интонацией повышения.

Признак 3. Часть (б) в (1) подвижна: она может быть и интерпозитивной: *А что это за фильм* ***я прочитал*** *будет* //, и постпозитивной: *А что это за фильм будет* ***я прочитал*** //, и препозитивной: ***Я прочитал*** */что это за фильм будет* //. Во (2) взаиморасположение частей фиксировано.

Следует отметить, что препозиция части (б) встречается крайне редко, ср.: *Погода холодная* / не стóит идти пожалуй//; *Транспорта всякого много* / доедем мы быстро конечно//.

Различие в плане означаемого между частями в (1) и (2) следующее. Части (а) и (б) в (1) находятся в тесных смысловых отношениях: смысл, выражаемый конструкцией (б), нужен исключительно для того, чтобы обслужить смысловые потребности конструкции (а), именно это и не позволяет стать (б) в данном контексте самостоятельным высказыванием. Не разрушив полностью смысловых связей, которые существуют между частями в (1), невозможно сказать **Что это за фильм будет? Я прочитал*//.

Части (а) и (б) во (2) имеют большую смысловую самостоятельность. Смысловые связи между ними существуют независимо от того, будут ли эти части отдельными высказываниями или составят одно высказывание. Просто в последнем случае эти связи оказываются подчеркнутыми.

3. Если отношения между предикативными конструкциями в составе высказывания обладают собственными характеристиками и в плане означающего и в плане означаемого [133], то рассматривае-

[132] Части высказывания, произносимые в убыстренном темпе, здесь и далее выделены.

[133] Означаемое отношений между предикативными конструкциями, соединенными в одно высказывание,— это не только то значение, которое складывается между частями и характеризуется обычно как причинное, уступительное и под.. но это и степень смысловой спаянности частей. Именно последним, как показано, отличаются связи (1) и (2).

Можно думать, что такое понимание означаемого связей предикативных конструкций предлагалось С. О. Карцевским при разграничении им открытых и закрытых структур. Если структура открытая, то «говорящий субъект не предвидит того, что первый акт предикации будет в ней сопровождаться вторым. Он обнаруживает это только потом, после того, как каденция уже закрыла коммуникацию. Ему остается только заключить присоединенное предложение новой каденцией, на этот раз более решительной». В закрытых структурах «отсутствие каденции внутри фразы указывает, что конец первого предложения не создает окончания комму-

мые отношения могут характеризоваться как особый тип синтаксической связи.

Связь типа (1) назовем связью свободного соединения, а конструкцию (б) в (1) свободной. Такие наименования удобны, поскольку подчеркивают, во-первых, формальную свободу — свободу местоположения части (б) в высказывании, и, во-вторых, смысловую свободу, которая позволяет при помощи этой связи выражать весьма широкий круг смысловых отношений, определяемых в каждом случае контекстом и конситуацией (см. ниже).

4. Связи свободного соединения, как и связи типа (2), относятся к бессоюзным связям, противопоставленным союзным. Бессоюзие в этой дихотомии имеет негативную характеристику: все объединения предикативных конструкций, осуществленные без помощи союзов. Позитивное описание предполагает собственные характеристики бессоюзия и в области означающего, и в области означаемого. Несомненно, что с этой точки зрения бессоюзные связи не являются чем-то единым, однако их дифференциация остается пока неясной даже для КЛЯ [134], а тем более для РР: вопросы соединения предикативных конструкций в РР еще только начинают изучаться. Поэтому место связей свободного соединения в общей системе связей предикативных конструкций в составе высказывания с полной отчетливостью сейчас представлено быть не может. Однако сам факт, что, отталкиваясь от связей типа (2), имеющих явные аналоги в КЛЯ (высказывание (2) возможно не только в РР, но и в КЛЯ), выявляется связь, не имеющая сколько-нибудь близких аналогий в КЛЯ, принадлежащая собственно РР, говорит о том, что система связей предикативных конструкций в РР существенно отличается от системы КЛЯ.

5. Набор вышеописанных дифференциальных признаков (1) позволяет провести границу между связями свободного соединения и отношениями, менее контрастными с ними, чем (2), т. е. такими, когда противопоставление прослеживается не по всем трем признакам.

Так, неразделенность интонацией повышения сочетающихся конструкций (признак 1) не является монополией связей свободного соединения. И. Н. Егорова-Кручинина, например, отмечает, что «в тех синтаксических комплексах, которые строятся на основе распространения глаголов со значением говорения, физического восприятия и мыслительной деятельности, абсолютной нормой разговорной речи является полное отсутствие каких-либо формальных и интонационных показателей стыка между сочетающимися в единство компонентами: *Я вчера видела женщина несла вот такие маки, ну вот такие!* [135]. Но в отличие от конструкции со связями сво-

никации» (С. О. Карцевский. Бессоюзие и подчинение в русском языке. — ВЯ, 1961, № 2, стр. 125). В развитие этих положений можно, очевидно, сказать, что открытость / закрытость может быть разной степени. Тогда связи типа (1) относятся к связям максимально закрытым.

[134] Круг проблем, связанных с изучением бессоюзия, хорошо охарактеризован в работе: В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 138—143.

[135] И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. — «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 90.

бодного соединения в таких конструкциях нет контрастности частей в отношении темпа и положение частей фиксировано (различие идет по второму и третьему признакам).

6. Изучение отличий между связями свободного соединения и другими типами связей предикативных конструкций в РР осложняется еще тем, что некоторые из признаков связей свободного соединения могут нейтрализоваться.

Три дифференциальных признака связей свободного соединения проявляются в полном комплексе только в интерпозиции, которая, следовательно, для свободной конструкции является сильной. Постпозиция и крайне редкая препозиция являются слабыми, поскольку в них возможна нейтрализация первого и второго признаков. Нейтрализация первого признака означает, что предикативные конструкции разделены интонацией повышения, т. е. противопоставление а / б → аб (1) и а / б → а // б (2) (см. выше, п. 2) по первому признаку при членении а / б отсутствует. Нейтрализация второго признака означает, что темп произнесения частей в (1) перестает быть контрастным и ничем не отличается от произнесения предикативных конструкций во (2).

Нейтрализация приводит к тому, что (1) и (2) перестают формально различаться:

Сильная позиция	Слабая позиция
Потом это все *каникулы начались* кончилось //	Потом это все кончилось / каникулы начались //
Новый спектакль его *вот он сюда привозил* я смотрел //	Новый спектакль его я смотрел / вот он сюда привозил //

Иного рода нейтрализация имеет место при снятии оппозиции связей свободного соединения и связей типа (2), когда в слабой для свободной конструкции постпозиции первый и второй признаки либо проявляются, либо нет [136]. Так, наряду с полной нейтрализацией возможны случаи, когда нейтрализуется только первый признак — появляется членение основной и свободной конструкции интонацией повышения, но сохраняется второй признак — убыстренный темп свободной конструкции:

Не могу сделать так как я сделала тогда / *возраст сказывается*//; Подай мне карандаш / *лежит там*//; Потом значит «Эзоп» очень хорошо шел / *Полицеймако играл*//; Не видно ничего здесь / *краска стерлась*//; Ну я бегаю не очень / *постарел уж*//.

Возможны и такие случаи, когда в постпозиции проявляются все признаки. Тогда постпозиция ничем не отличается от сильной интерпозиции свободной конструкции, ср.:

Я у него был *сюда приезжал*// ('был, когда он сюда приезжал'); В газете была статья *я читал*//; Там быстро высохнет *дожди кончатся*//; Им очень понравилось *в Риге были*//; Столы все сдвинуты *пол натирали*//.

[136] Ср.: А. Мартине. Нейтрализация и синкретизм. Пер. с франц. — ВЯ, 1967, № 2, стр. 103.

Встает вопрос: можно ли при нейтрализации всех признаков связей свободного соединения отличать (1) от (2)? Это отличие можно осуществить тем же способом, каким пользуются в фонологии при отождествлении фонем в слабой позиции с той или иной фонемой в сильной позиции. Подобно тому как при определении конечной фонемы (точнее парадигмофонемы, если пользоваться терминологией М. В. Панова[137]) в слове *ду*‹п› нужно поставить эту фонему в сильную позицию — *ду*‹б›*ы*, отождествив ее тем самым с фонемой ‹б›, чтобы определить тип связи при нейтрализации нужно проверить, может ли анализируемая предикативная часть выступать в интерпозиции, т. е. позиции, сильной для связи свободного соединения. Если это возможно, то имеем связи свободного соединения:

Слабая позиция	Сильная позиция
Женька был дома / я позвонил //	Женька *я позвонил* был дома //
Спрашивал батареек / в Роскульторг заходил //	Спрашивал *в Роскульторг заходил* батареек //
Он ко мне заходит / работали вместе //	Он ко мне *работали вместе* заходит //

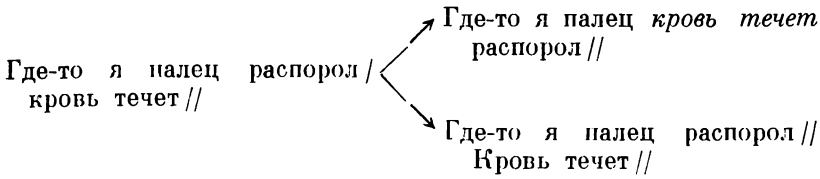
Если же такая трансформация невозможна, а, напротив, возможно, разделение на два высказывания интонацией законченности, то имеем связи иного рода (тип 2), а не связи свободного соединения:

Слабая позиция	Сильная позиция
Розы очень капризны / за ними же очень трудно ухаживать //	Розы очень капризны // За ними же очень трудно ухаживать //
Пожалуйста / пожалуйста / не беспокойтесь / не хлопочите / мы скоро уйдем //	Пожалуйста / пожалуйста / не беспокойтесь / не хлопочите // Мы скоро уйдем //
Вы сейчас не шевелитесь не трогайте / скоро они войдут в цену // (о старой мебели).	Вы сейчас не шевелитесь не трогайте // Скоро они войдут в цену //

Возможны, однако, случаи, когда для одного высказывания допустимы оба вида преобразований: и а / б → аб (в интерпозиции) и а / б → а // б:

Слабая позиция	Сильная позиция
А я всегда метр пятнадцать брала / больше я не прыгала //	А я всегда *больше я не прыгала* метр пятнадцать брала //
	А я всегда метр пятнадцать брала // Больше я не прыгала //

[137] М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 217.

Продолжая сопоставления с фонологией, здесь можно говорить о случае, когда фонема в слабой позиции в принципе не проверяема: *с<о>бака*.

7. Тот факт, что свободная конструкция отличается от основной темпом (второй признак) и может быть интерпозитивной, заставляет рассмотреть вопрос, не является ли она одним из типов вставных или вводных конструкций, которые также четко отличаются от основной части темпом и обычно бывают в интерпозиции, ср.: *В Пирогово* ***жарко будет*** *поедем* // (свободная конструкция) и *Они были в Китае с мужем/* ***муж у нее не знаю кто/*** *потом вернулись* // (вставная конструкция). Ответ на этот вопрос затруднен тем, что синтаксические категории вводности и вставочности не имеют пока четкой дефиниции, не разграничены достаточно строго между собой [138] и совсем не изучались на материале РР.

Будем считать, что вводные и вставные конструкции со стороны означающего характеризуются резким интонационным обособлением от основной части высказывания (так называемая «интонация скобок»), достигаемого за счет убыстренного темпа, особого тона, пауз [139]. Вводные и вставные конструкции в плане означаемого — это добавочные, попутные, дополнительные по отношению к содержанию основной конструкции сообщения [140].

Сопоставление высказываний со свободной конструкцией и высказываний с вводными и вставными конструкциями показывает, что это разные синтаксические образования. Основания для такого вывода следующие.

1) Для выделения свободной конструкции достаточно того, чтобы ее темп отличался от темпа основной конструкции, обычно он бывает более быстрым по сравнению с темпом основной конструкции, но это не значит, что этот темп обязательно ускоренный.

[138] См. об этом: Е. П. Седун. О так называемых «вводных» и «вставных» конструкциях. — «Славянское языкознание». М., 1959.

[139] Об интонировании вставных и вводных конструкций см.: В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, стр. 240; Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5. Киев, 1952, стр. 375; Р. М. Романова. Мелодика некоторых типов вводных предложений, включенных в состав основного без помощи союзов. — «Вопросы теории и методики русского языка», вып. 4. Ижевск, 1965.

[140] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., 1954, стр. 167. — Попытка дифференцировать смысловые связи вставных конструкций сделана в работе: Е. П. Седун. Сложные конструкции с пояснительно-вводным предложением в современном русском языке. — ФН, 1959, № 1.

Для вводных и вставных конструкций темп, если так можно выразиться, абсолютно быстрый, беглый. Другие интонационные показатели, в частности, паузы для связей свободного соединения вообще не используются.

Интонирование вставных и вводных конструкций направлено на то, чтобы подчеркнуть их инородность в общей интонационной ткани высказывания. По наблюдениям Е. П. Седуна, вводное предложение может включаться «при значительном, если не полном, сохранении собственной модальной и экспрессивной интонации [141]. Материал РР подтверждает это наблюдение, ср.: *Чашку кофе | **сколько раз просить?!** мой после себя //*. Свободная же конструкция представляет с основной конструкцией органическое интонационное, модальное и экспрессивное единство.

2) Содержание вводной и вставной конструкции лишь косвенным образом связано с содержанием основной конструкции. А поэтому эти конструкции легко выделяются во вполне самостоятельные высказывания, и их смысловые контекстные связи при этом не меняются — меняется лишь то, что из побочных, второстепенных в коммуникативном плане, они становятся полноправными высказываниями: *А вот знаешь у них как | **вот я знаю это хорошо** | дети учатся в институте //* (вставная предикативная конструкция). — *А вот знаешь у них как | у них дети учатся в институте // **Вот я знаю это хорошо** //* (та же предикативная конструкция в роли обычного высказывания).

Свободная конструкция, как было показано выше (см. п. 1), составляет с основной единое смысловое целое — обособление свободной конструкции в самостоятельное высказывание невозможно. Вставные и вводные конструкции, следовательно, по своему содержанию и по отношению этого содержания к основной части высказывания отличаются от свободных конструкций.

Однако в принципе любой предикативной конструкции, если она выступает в высказывании в соединении с другой предикативной конструкцией и находится от нее в смысловой зависимости, может быть сообщена вводность или вставность [142]. Не является в этом отношении исключением и свободная конструкция. Если в высказывании *А что это за фильм / я прочитал / будет //* конструкцию *я прочитал* произнести в резко ускоренном темпе, тоном ниже, чем основная часть, выделяя паузами (т. е. с «инто-

[141] Е. П. Седун. О так называемых. . ., стр. 188.

[142] В союзных сложноподчиненных предложениях интерпозитивная придаточная часть — *Все возы, **потому что на них лежали тюки с шерстью**, казались очень высокими и пустыми* (Чехов) — соединяясь с главной частью по правилам, свойственным данному типу, и сохраняя свое категориальное значение, оказывается в то же время близкой к вводным конструкциям (Л. Ю. Максимов. О порядке частей в сложноподчиненном предложении. — РЯШ, 1968, № 1, стр. 98). См. также: Е. П. Седун. О так называемых. . ., стр. 191; А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык, ч. II, М., 1961, стр. 194—195 (сноска).

нацией скобок»), то она приобретает некоторую вставочность. Если эту же конструкцию произносить просто в темпе, отличном от темпа основной части, то никакой вставочности не будет. Таким образом, способность к вставочности или вводности у свободной конструкции не больше, чем у любой другой зависимой предикативной конструкции. Поэтому нет оснований приписывать свободной конструкции вводность или вставочность как конститутивный признак.

Возможность свободной конструкции быть интерпозитивной также ничего общего не имеет с интерпозитивностью вставных и вводных конструкций. Интерпозитивность свободной конструкции обусловлена одной специфической особенностью синтаксической синтагматики РР вообще — линейной организацией. Линейность в организации высказывания проявляется в том, что слова или блоки слов появляются в высказывании по мере того, как делается необходимым выражаемый ими смысл. В РР это возможно потому, что показателем связи слов или блоков друг с другом может быть просто их контактное положение [143]. (См. об этом также в разделе «О некоторых специфических чертах порядка слов»).

8. Линейность РР позволяет располагать свободную конструкцию там, где она более всего требуется смыслом, где ее связи с основной конструкцией наиболее отчетливы. Ср. два высказывания из РР и КЛЯ, несущие в общем одинаковую информацию:

РР	КЛЯ
Я в больницу *зуб болит* еду //	Я в больницу еду, потому что болит зуб //

Семантика, связанная с глаголом *болеть — болит*, вполне естественно предполагает семантику, связанную с существительным *больница — в больницу*: 'все, что болит, требует лечения, которое обычно осуществляется именно в больнице'. Эта тесная смысловая связь компонентов *в больницу* и *зуб болит* акцентируется их контактным положением в разговорном высказывании. В высказывании кодифицированного языка с союзной связью смысловые отношения — 'больница — зуб болит' — также, естественно, есть, но в отличие от РР они не выражены линеарно: придаточное относится к главному в целом; не подчеркнуто, к какому именно слову оно тяготеет по смыслу прежде всего.

Таким образом, линейность — это собственно разговорное свойство синтаксиса — играет не последнюю роль в том, что РР обладает совершенно особым типом связи — связями свободного соединения.

[143] По мнению О. Кафковой, линейность РР проявляется прежде всего в том, что смысловая зависимость между компонентами высказывания выражается формально менее определенно, чем в КЛЯ, но при этом точность понимания смысловой зависимости не нарушается (см.: O. Kafková. K lineárnímu typu řadění větných členů a celků v mluvené ruštině. «Československá rusistika», X, 1965, № 2, стр. 83—84).

9. С помощью связей свободного соединения может быть выражен широкий круг смысловых отношений. В каждом конкретном случае эти отношения во многом предопределяются контекстом и конситуацией. В зависимости от последних одно и то же высказывание со связями свободного соединения может осмысляться поразному: *Я на улице хорошо пройдусь* // может иметь значения 'пройдусь, потому что на улице хорошо' и 'пройдусь, если на улице хорошо'.

Не меньшую роль для определения смысловых отношений имеет лексический состав как основной, так и свободной конструкции. Покажем это на примере. Высказывание *Хлеба* ***в магазин пойду*** *надо мне* // имеет смысл 'надо купить хлеба и для этого я пойду в магазин'. Такой смысл создается потому, что наиболее естественная семантическая связь слов *хлеб* и *магазин* —это 'хлеб покупают в магазине'. Если же, оставив в полной неприкосновенности грамматическую структуру высказывания, изменить только лексику свободной конструкции — *Хлеба* ***в поход пойду*** *надо мне*//, то смысл уже будет иной — 'пойду в поход, там для питания нужен будет хлеб'. Такой смысл создается именно потому, что семантическая связь слов *хлеб* и *в поход* — это 'хлеб как продукт питания в походе' [144].

Грамматически же содержание смысловых отношений при связях свободного соединения остается невыраженным, что подтверждает тезис В. Барнета о преобладании в высказываниях РР содержательно-семантического строения над формально-грамматическим. Действительно, нет необходимости для каждого из значений, складывающихся между основной и свободной конструкциями, иметь свое средство выражения, если эти отношения ясны и без него. Оказывается достаточным просто обозначить, что между двумя конструкциями существуют тесные смысловые связи, что и достигается свободным соединением, а роль конкретизации смысла берут на себя контекст, конситуация, лексика.

Общая для всех уровней РР тенденция ставить в соответствие одному означающему широкий круг означаемых проявляется в области свободного соединения в полной мере.

КЛЯ при связях предикативных конструкций в одно сложное предложение гораздо меньше доверяет контексту, конситуации

[144] Как убедительно показывает Л. Ю. Максимов, и при исследовании структуры сложного предложения КЛЯ необходим анализ «на низших ступенях описания конкретных лексических наполнений с целью их интерпретации и выявления неких закономерностей в распределении лексических элементов (типизированных лексических элементов)». Например, антонимическая соотносительность лексических элементов регулярно связывается в разных типах сложного предложения с добавочным противительно-уступительным значением, ср.: Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид (Арсеньев. Дерсу Узала). См.: Л. Ю. Максимов. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Докт. дисс. М., 1970 (машинопись), стр. 79—80.

и другим неграмматическим показателям — дифференциация смысловых отношений осуществляется там специальными формальными средствами — союзами и союзными словами, а при бессоюзии их роль в какой-то степени выполняет интонация [145] (в письменной речи — пунктуация).

Означающее связей свободного соединения по сравнению с другими способами выражения отношений между предикативными конструкциями представляется более простым, как бы свернутым. И это позволяет говорить о синкретизме связей свободного соединения в плане выражения.

10. Система смысловых отношений, выражаемых конструкциями со связями свободного соединения, не сводима ни к какой другой системе. Связями свободного соединения могут создаваться такие смысловые отношения, для которых в КЛЯ вообще нет собственного средства выражения. Например, перевод на КЛЯ разговорного высказывания *Врач какой-то молодой* ***защитил диссертацию по мне*** *лечил-то меня* // должен быть сделан так, чтобы было показано, с одной стороны, определительное значение свободной конструкции по отношению к основной, с другой, причинное: 'меня лечил молодой врач, который защитил диссертацию; лечил именно потому, что диссертация была на тему, связанную с моей болезнью'. Идентифицировать связи данной свободной конструкции либо только с определительными, либо только с причинными нет оснований [146]. В общем виде такое значение можно характеризовать так: свободная конструкция сообщает такие сведения о субъекте, которые объясняют его действия, названные в основной конструкции. То, что в РР передается недифференцированно одной конструкцией, в КЛЯ может передаваться только дифференцированно; другими словами: при переводе на

[145] Является ли интонация в КЛЯ средством, способным дифференцировать смысловые отношения так же ясно, как это делают союзы и союзные слова, вопрос спорный, и исследователи все больше склоняются к тому, чтобы решить его отрицательно (см.: Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969, стр. 235—237). При этом, однако, остается верным то, что в КЛЯ интонация помогает выявлять значения, складывающиеся между частями бессоюзного сложного предложения. Экспериментальные данные Т. М. Николаевой показали, что бессоюзные предложения по сравнению с соответствующими союзными имеют увеличенные (яркие) просодические характеристики. В РР, очевидно, также есть соединения предикативных конструкций с ярким интонированием. При связях свободного соединения интонирование лишено такой интонационной яркости. Логично предположить, что это связано именно с тем, что при связях свободного соединения интонация не используется для дифференциации смысловых отношений.

[146] В нашей статье, где по необходимости кратко излагается вопрос о свободном соединении, такие и подобные отношения характеризуются как недифференцированные причинно-определительные (см.: Е. Н. Ширяев. Связи свободного соединения между предикативными конструкциями в разговорной речи. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970). В предлагаемом здесь описании приняты иные, более точные, на наш взгляд, формулировки.

КЛЯ значение разговорной конструкции разлагается на составляющие, каждое из которых получает самостоятельное выражение.

Следовательно, значения, создаваемые на основе связей свободного соединения, можно характеризовать как синкретичные, если под синкретизмом понимать возможность выразить нерасчленённо то, что в другой системе выражается расчленённо.

Специфический характер смысловых отношений при связях свободного соединения требует, чтобы они анализировались «изнутри». Иной путь предлагает О. А. Лаптева, первая из исследователей РР, обратившая внимание на особенности некоторых типов рассматриваемых здесь высказываний. Она описывает их, называя соответствующие эквиваленты из области союзных сложноподчиненных предложений КЛЯ. Такое направление анализа представляется неправомерным именно потому, что при свободном соединении создается своя система смысловых отношений. Материалы О. А. Лаптевой не только не опровергают наличия этой системности, а, напротив, подтверждают ее своеобразие. Так, О. А. Лаптева считает эквивалентной общелитературным конструкциям с союзом *когда* следующую разговорную — *Сергей, мы сядем под дерево, дождь пойдет?* При этом она сама же признает возможность колебаний между *когда* и *если* [147]. И действительно, нет никаких оснований предпочесть здесь эквивалент с *когда* эквиваленту с *если*. Правильней поэтому значение такой конструкции характеризовать безотносительно к значению союзных конструкций, а именно: свободная конструкция (*дождь пойдет*) сообщает побудительные мотивы, вызывающие действия, о которых сообщается в основной конструкции (см. об этом подробнее п. 13). Те же самые отношения сохраняются, если глагол свободной конструкции поставить в несовершенном виде, ср.: *Сядем под дерево* ***дождь идет***//. Разница между первым и вторым примерами только в том, что в одном побуждение исходит из будущего, в другом — из настоящего. С точки зрения О. А. Лаптевой, при глаголе в форме несов. в. следует уже видеть причинные отношения, эквивалентность с *потому что*-конструкциями.

Позволим себе еще некоторые замечания по поводу концепции О. А. Лаптевой. Анализ высказываний со связями свободного соединения сквозь призму союзных неудовлетворителен еще и потому, что могут быть случаи, для которых совершенно невозможно назвать никаких эквивалентов с союзами, что отмечается и О. А. Лаптевой [148]; ср.: *Лекарство-то* ***я пойду*** *как называется?*

[147] О. А. Лаптева. Некоторые эквиваленты общелитературных подчинительных конструкций в разговорной речи. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 57—58; см. также: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 364.

[148] О. А. Лаптева. Некоторые эквиваленты. . ., стр. 58.

Такие высказывания при ориентации на союзные конструкции должны остаться вне поля зрения исследователя. Но главная опасность в другом.

Одно из свойств любой системы состоит в том, что каждый новый член в системе меняет характер других членов, то есть меняет всю систему. Следовательно, если в системе смысловых отношений, возникающих на основе связей свободного соединения, имеются такие, которые явно не сводимы к смысловым отношениям в союзных подчиненных конструкциях, то есть все основания думать, что эти смысловые отношения окажут свое влияние на другие и вся система смысловых отношений при связях свободного соединения будет иной, чем при союзных связях, т. е. всякая эквивалентность на деле окажется квазиэквивалентностью.

О. А. Лаптева конструкции *А где мой кошелек тут лежал? А где мой ножичек тут был? А где крючок и кольцо, исчезли куда-то* и др. безоговорочно зачисляет в состав эквивалентных сложноподчиненному предложению одночленного типа (в понимании Н. С. Поспелова) с атрибутивной придаточной частью [149].

Однако обращает на себя внимание тот факт, что союзные эквиваленты с *который* для этих конструкций выглядят мало естественно, а главное обедненно в смысловом отношении. И это имеет объяснение. В значении свободных конструкций дают себя знать не только определительные, но и иные отношения — свободная конструкция показывает обоснованность вопроса, его правомерность; в развернутом виде смысл такой конструкции может быть передан примерно так: 'кошелек лежал на определенном месте, теперь его нет, и поэтому я хочу знать, где же он'. Смысловые отношения здесь близки к тем, для которых О. А. Лаптева не находит союзных эквивалентов, ср.: *А что там богатая мечеть или нет вы были?* [150], где также обосновывается правомерность вопроса — 'раз были, то знаете и можете ответить'. (Об этом типе отношений см. п. 14).

11. Поскольку смысловые отношения при связях свободного соединения отличаются от смысловых отношений при союзах, считаем нецелесообразным пользоваться при описании смысловых отношений свободной и основной конструкций такими понятиями, как причинность, условие и пр.: они неизбежно толкают к нежелательным в данном случае аналогиям с отношениями при причинных, условных и других союзах и союзных словах. Чтобы избежать этих аналогий и более адекватно передать характер смысловых отношений при свободном соединении, полезно в каждом случае не просто ограничиваться указанием на причину и пр., а определенным образом детализировать ее. Так, рассматривая смысловые связи в высказывании *Потише* ***сердце стучит*** *давай пойдем* // и *У них* ***пожар был*** *ничего не осталось* // можно сказать, что

[149] О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 55.
[150] Там же, стр. 58.

в обоих имеют место причинные отношения, но это определение слишком общее, оно не позволяет уяснить характер смысловых отношений при свободном соединении. Более точно эти отношения будут описаны, если сказать, что в первом примере в свободной конструкции сообщается побуждение, заставляющее предпринять то действие, о котором говорится в основной конструкции, а во втором — свободная конструкция называет непосредственную причину того, о чем информирует основная конструкция [151].

12. При описании смысловых связей свободной и основной конструкции оказывается полезным использование понятия конверсных отношений. Все высказывания со связями свободного соединения делятся на такие, которые допускают конверсные преобразования, и такие, которые их не допускают.

Понятие конверсии, разрабатываемое Ю. Д. Апресяном, имеет четкое определение по отношению к слову: «Два слова называются конверсивами, если (1) их значения сводимы к одному и тому же семантическому разложению и (2) они имеют одинаковое число лексических валентностей, причем таких, что по крайней мере две валентности с одними и теми же номерами имеют разное содержание» [152]. Например, глаголы *строить* и *строиться* являются конверсивами, поскольку 1) имеют одинаковое значение, 2) имеют одинаковое число валентностей — две, причем первая валентность *строить* имеет значение субъекта, а вторая — объекта (*Рабочие строят дом*), а у глагола *строиться* первая валентность имеет значение объекта, а вторая — субъекта (*Дом строится рабочими*).

Принципиально важным является для нас то, что Ю. Д. Апресян находит возможным считать конверсивами не только знаменательные слова, но и такие служебные слова, как союзы, имеющие по две активных валентности, ср.: *Он заболел, и поэтому премьера не состоялась.* ↔ *Премьера не состоялась, потому что он заболел.*

Допустимо, на наш взгляд, сделать следующий шаг, признав, что конверсные преобразования возможны не только при сегментных показателях связи — союзах, но и при связи, выраженной суперсегментными средствами, в частности при связи свободного соединения.

Два высказывания со связями свободного соединения находятся в конверсных отношениях, если они различаются только тем, что предикативные конструкции в них «меняются» ролями: свободная конструкция первого высказывания делается основной во втором, а основная конструкция второго, естественно, свободной в первом, ср.: *Надо* ***Катя придет*** *одеться* // (одеться не по-домашнему)↔*Катя* ***одеться надо*** *придет* //. В первом — свободная конструкция сообщает о том, чем вызвана необходимость действия, о котором говорится в основной конструкции. Во втором обратное: свободная конструкция сообщает о необходимости действия, основная — показывает, чем вызвана эта

[151] Попытку на материале бессоюзного сложного предложения КЛЯ дифференцировать причинно-следственные отношения см.: М. Жоголева. Бессоюзные сложные предложения с общим значением причинно-следственных отношений. «Вопросы преподавания современного русского языка в вузе». Горький, 1960.

[152] Ю. Д. Апресян. Синонимия и конверсивы. — РЯНШ, 1970, № 6, стр. 10.

необходимость. Возможность / невозможность конверсных отношений целиком определяется характером смысловых связей между соединенными в высказывание предикативными конструкциями. Наиболее пригодны для конверсных преобразований смысловые отношения причины (в самом широком смысле этого слова) и следствия. Всегда есть возможность поставить в центр внимания либо причину, либо следствие из этой причины, и тем самым менять местами основную и свободную конструкцию, ср.:

Он машину *приезжает часто теперь* купил недавно // (свободная конструкция — следствие из того, о чем сообщает основная конструкция)↔Он часто *машину купил недавно* приезжает теперь // (свободная конструкция — причина того, о чем сообщается в основной конструкции); Град сильный *побило огурцы* был вчера // ↔Побило *град был сильный* огурцы вчера //.

Если же свободная конструкция имеет по отношению к основной такое значение, которое по своей природе может быть только зависимым, то, естественно, конверсность невозможна. Так, не могут меняться местами основная и свободная конструкции, когда последняя называет источник сообщаемых в основной конструкции сведений: *Мост уже* ***я проходил*** *сделали там* // (проходил и видел). Такого рода высказывания всегда создаются прежде всего ради сообщения самих сведений, а не их источника.

13. Рассмотрим высказывания, допускающие конверсность.

1) Свободная конструкция сообщает некоторые «побудительные мотивы», основная конструкция называет то, что ими вызвано: *Выключи* ***комары летят*** *свет-то* //.

Субъект действия свободной и основной конструкции совпадают, если побуждение исходит от самого субъекта:

В лес *отдохнуть хочется* пойду пройдусь немного //; Мне бы надо к ней зайти *давно не была* //; В Уфу *не был* я хочу поехать // (не был в Уфе и хочу поехать туда).

Чаще побуждение бывает внешним по отношению к субъекту действия основной конструкции:

Я *дожди пойдут* уеду // (уеду с дачи); Я *народу много* лучше в другой раз зайду //; В институт *зарплату дают* съезжу после двух //; Я *у него не выходит* помогаю немного //; Я вот это выкладываю *в подогретом надо* и на газ // (выкладываю на сковороду и ставлю на газ, потому что «это» едят только в подогретом виде); Выключи *ничего интересного* радио //; Они металлолом *деньги нужны* собирали // (о школьниках, которые зарабатывали деньги для похода).

Если свободная конструкция употребляется в контакте с приглагольным членом основной конструкции, то она может непосредственно соотноситься с ним по смыслу:

Потеплей / потеплей *холодно на улице* оденься //; В магазин *хлеба нет* сбегаю //; В мебельный *гарнитур мы ищем* зайду //; Я пораньше *далеко ехать* выйду //; Я быстро *ветер сильный* вернусь наверно // (с лыжной прогулки); Я тоже смотрела долго / *трудно*

доходит // (о картине в музее); Перчатки-то *руки мерзнут* не забудь //; Чулки *похолодало здорово* я пожалуй даже надену //; Такси *побыстрее хотелось* мы взяли //; Очки *на пароходе еду* куплю // (темные очки, необходимые для поездки на пароходе); Шапочку *напечет голову-то* захвати ему //.

Лексическое значение таких приглагольных членов обычно имеет явные соответствия с лексикой свободной конструкции, что способствует непосредственным связям приглагольного члена и свободной конструкции, ср.: *потеплей — холодно*, *магазин — хлеб* и пр.

С той же целью свободная конструкция может употребляться контактно

— с подлежащим:

Третий «Нового мира» «*Бойню*» *мне хочется* есть у Вас? (хочется прочитать роман К. Воннегута «Бойня номер пять», который напечатан в третьем номере журнала «Новый мир»); Шкаф *ставить некуда* нужен мне // (некуда ставить книги).

— при определениях к существительному, независимо от того, какую синтаксическую позицию занимает это существительное:

Стержень черный *подчеркивать надо* дайте мне / а? (стержень от шариковой ручки); Джинсы польские за шесть восемьдесят *ему нравятся* поищи //.

При конверсных отношениях свободная конструкция показывает, что́ нужно делать, чтобы достичь того, о чем сообщается в основной конструкции (необходимость или желание чего-то побуждает к определенным действиям). Ср.: ***В ГУМ бумагу нужно*** *зайду* // и конверсив: *Бумагу* ***в ГУМ зайду*** *нужно мне* //. Другие примеры:

«Общая химия» *в книжный зашел* мне нужна // (ср. конверсив: В книжный «*Общая химия*» *мне нужна* зашел //); Утку *топорик найди* надо разрубить //; Книгу мне нужно поискать *на Арбат зайду* //; Цветов *к нам зайдите* вам нарвут сколько угодно //.

2) Свободная конструкция показывает способ осуществления того, о чем сообщается в основной конструкции:

Они всех спасают в общем *катера специальные есть там* // (о спасательной службе на пляже); Да нет / там вообще-то порядок обычно // Они *лошади ставят* не пускают без очереди // (не пускают с помощью лошадей без очереди в кассы на стадионе); Помидоры *лоток поставили* теперь у самого института продают //; А это можно с Лопасни / можно от Серпухова *автобус ходит* //.

При конверсных отношениях свободная конструкция показывает, что можно осуществить, если принять во внимание сообщаемое в основной конструкции: *Они всех спасают в общем* ***катера специальные есть там*** //↔*Катера специальные* ***всех спасают*** *есть там* //. Такие конверсивы редки. Ср. ещё: *Возит* ***у подъезда продает*** *на тележке один тут* // (о молоке).

3) Свободная конструкция содержит такие сведения, которые представлены как непосредственная причина сообщаемого в основной конструкции:

Он ушибся *упал вчера* здорово //; Тогда я *грипп был* болел очень //; Теперь распускаться *потеплело резко* все быстро начнет //; Машина *какой-то дурак перебегал* прямо в столб //; Она вообще с рожденья не ходила никогда / *у нее был паралич* //.

При конверсных отношениях свободная конструкция содержит такие сведения, которые представляются следствием из сообщаемого в основной конструкции: *Он ушибся* ***упал вчера*** *здорово* // ↔*Он упал вчера* ***ушибся здорово*** //, ср.:

Кости *не надо молоть* одни там // (о мясе, которое хотели провернуть в мясорубке); Конкурсы там *поступить невозможно* сто человек на место // (о конкурсах в театральные вузы); У Вовки *трахнулся о полку* плохо с головой //.

4) Свободная конструкция сообщает определенные сведения, исходя из которых можно ждать разных последствий, основная конструкция сообщает одно из них:

Она *вот к врачу ходила* расстроенная пришла немного // (от врача она могла прийти здоровой, веселой, совсем убитой диагнозом и т. п.); Она *вышла из больницы* неплохо выглядит //; Таня *тогда поступать ездила* ни с чем конечно вернулась //; Машинка *давно купили* отлично пишет / как новая // (о пишущей машинке).

При конверсных отношениях свободная конструкция называет одно из возможных последствий, которое следует из сообщаемого в основной конструкции: *Она* ***вот к врачу ходила*** *расстроенная пришла немного* // ↔ *К врачу* ***вот расстроенная пришла*** *ходила* //, ср. еще:

Мама на юг *плохо отдохнула* ездила в прошлом году //; Один мне говорили пять раз поступал *все-таки добился* //.

14. Высказывания, не допускающие конверсности.

1) Свободная конструкция поясняет степень проявления действия (глагол), признака действия (наречие), или признака субстанции (прилагательное при существительном), указывая те последствия, которые бывают только при такой степени проявления. Обычно свободная конструкция располагается контактно с поясняемым словом:

Сломался *ничего теперь не сделаешь* твой автомобиль // (о детской игрушке, которая так сломалась, что починить ее уже невозможно); Испортился *есть нельзя совсем* творог-то в холодильнике //; В лесу еще снéгу *нигде нет земли* // (снегу произнесено с эмфазой, что дает значение ‘снегу много’); Много *в зал придется идти* народу будет // (народу будет так много, что заседание придется устраивать в большом зале); Листья густые *дождь не проходит даже* //; Им повезло вот / спокойный *ночи спят* парень у них // (ребенок такой спокойный, что родители могут спать по ночам).

Дистантное положение встречается редко: *Вы прошлый раз очень интересно про дуб рассказывали* / ***мы даже хотели поехать*** //.

2) Свободная конструкция называет такие условия, при которых только и возможно то, о чем сообщается в основной конструкции:

Васильева *вот удастся достать* (билет) увидишь // (об артисте В. Васильеве); Там даже малину *подальше пройдете* найти можно //; Я прочту *время будет* обязательно //; Я тебе дам *как-нибудь найду* // (о книге); Я лапшу *курица несвежая* есть не буду //; Я сажусь *вот только подошел* / а так тоже стоять приходится // (об автобусе); Отпуск *доработаю свой раздел* мне дадут //; Будут *погода установится* рекорды // (о соревнованиях).

Если свободная конструкция употребляется контактно с приглагольным членом, то она может непосредственно соотноситься по смыслу с этим членом, объясняя, при каком условии бывает то, что выражено этим членом:

Ивановы в девять *пароход не опоздает* приедут //; Быстро *ремонт кончили* доедем // (быстро доедем, если на дороге кончили ремонт); За полчаса *никого нет* успеем // (успеем пообедать за полчаса, если нет очереди); Я в пятницу утром *на скорый возьму* приеду // (возьму билет на скорый поезд); Девять *все придут* у нас будет // (девять человек гостей).

Для тех же целей свободная конструкция располагается контактно

— с подлежащим:

Потом грибы *дождички будут* начнутся //; Хорошие фильмы *в ателье снести* будем смотреть // (телевизор старой марки нужно отнести для переоборудования в ателье).

— с определениями к существительному:

Коктейль особенный *ананас достану* попробую сделать //; Архивные *заказ сделаем* могут дать нам папки немного //; Чешское *в «Прагу» зайдите* попьете пиво // (ресторан «Прага»).

3) Свободная конструкция сообщает о таких обстоятельствах, которые, не являясь собственно условием, способствуют или, напротив, препятствуют тому, о чем говорится в основной конструкции:

Я вот *по Волге ездил* заезжал в Кострому//; Мы *квартира большая* у них часто останавливаемся//; Ручку *магазин открылся недавно* я купил //; В Варшаву я часто ездила *у меня тетка там жила тоже* //; Я у него *он сюда приезжал* был//; Тебе-то чего *я там буду* купить //; Как же я в Киев-то *никого нет* поеду //.

4) Свободная конструкция называет действия, которые, также не являясь собственно условием для выполнения действий основной конструкции, должны быть по мнению говорящего исполнены раньше действия основной конструкции:

Все // Можешь пить *чуть-чуть постоит* // (о только что приготовленном кофе); Сейчас пойдем *чайку попьем* //; 1. Ну ты

скоро? 2. Сейчас иду *ключи где-то* // (где-то девались ключи и их надо найти, прежде чем идти); Пойдем покупаемся *немного погуляем* // (пойдем покупаемся, но прежде немного погуляем); 1. Ты будешь обедать? 2. Буду *полчасика поработаем*//.

5) Свободная конструкция называет обстоятельства, вопреки которым имеет место то, о чем сообщается в основной конструкции. В основной конструкции при этом есть

— либо отрицание *не*:

Я ее не могла *было вот два дня свободных* вытолкнуть на улицу //; Я психологически как-то не мог *была возможность* с ней встретиться//;

— либо слова *все же*, *все равно* и под.:

Диктант *безграмотная совсем* все же вытянула на тройку //; А пар *ветер сильный* всё равно столбом почему-то //.

6) Свободная конструкция сообщает о фактах, совпадающих по времени с фактами, названными основной конструкцией. Тем самым уточняется время действия основной конструкции:

Потом *обратно шли* я пять раз упала //; Вальку *в Смоленске был* неожиданно там увидел на улице прямо //; Они *в Третьяковке были* встретились там случайно//; Иванов *я учился в аспирантуре* часто ко мне приходил //; Давай *Иванов кончит* уйдем совсем//.

7) Все рассмотренные выше свободные конструкции относятся по смыслу либо к основной конструкции в целом, либо как к отдельному слову основной конструкции, так и ко всей конструкции. Остановимся на таких свободных конструкциях, которые могут быть связаны по смыслу только с отдельным словом — с существительным [153]. Такие свободные конструкции могут иметь следующие функции:

а) Объяснить, почему по отношению к данному предмету или с данным предметом возможны действия, о которых сообщается в основной конструкции. Свободная конструкция по отношению

[153] Нельзя ли здесь увидеть аналогию с делением сложноподчиненных предложений КЛЯ на расчлененные и нерасчлененные (с присловным придаточным)? Такая аналогия была бы неправомерна по той причине, что сложноподчиненные предложения КЛЯ противопоставляются как расчлененные / нерасчлененные на строгой формальной основе, в РР же среди показателей связей свободного соединения нет специальных средств, которые позволили бы разграничить расчлененные и нерасчлененные структуры. Доказательство тому — случаи, когда одна и та же свободная конструкция в одном и том же по строению высказывании может по смыслу связываться то с отдельным словом основной части, то со всей основной частью в целом. Показательно, что Н. С. Поспелов, один из авторов деления сложноподчиненного предложения на расчлененные / нерасчлененные, при изучении бессоюзного сложного предложения отказывается от названного противопоставления, не находя для него формальных оснований (см.: Н. С. Поспелов. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950). Связи же свободного соединения в формальном плане еще более бедны, чем бессоюзные связи КЛЯ.

к существительному может располагаться как контактно, так и дистантно:

Передай / мам / открывалку пожалуйста / *рядом с тобой лежит* // (открывалка рядом с тобой и, значит, тебе легко передать); Я взяла полотенце *там висело* // (полотенце там висело, то есть было под рукой, и поэтому я его взяла); Ключи *там лежат* захвати //; Машину *дымит очень* не приняли // (о техосмотре автомашин); Рука-то *перелом был* дает себя знать иногда//; Вы возьмите эту шапочку / *я ее померила* // (померила — понравилась, и отсюда совет взять).

Существительное, с которым связана по смыслу свободная конструкция, может оставаться неназванным (конструкция имеет незамещенную синтаксическую позицию этого существительного):

Целый час искала вчера *куда-то поставила* // (о книге); В шкафу возьми *вымыла вчера* // (о посуде).

б) Уточнить, идентифицировать предмет, о котором идет речь. Свободная конструкция располагается с существительным только контактно:

У Апи *у нас работала* есть брат онколог //; 1. Мам / принеси пожалуйста // 2. Что принести? 1. Булавочки *в той комнате лежат у папы на диване* //; Там у меня висят чулки *я постирала вчера вечером* принеси их пожалуйста //; Английский костюм *купил год назад* очень хорошо мне //.

в) Идентификация может осуществляться путем сравнения, материал для которого содержит свободная конструкция.

А второй берет вот такого типа *вот я сейчас платье вяжу* //; Я ему дала *вот ты пил* крепкий тоже / не понравился // (о чае); Это наверно *вот я недавно глотала* гадость такая же // (о лекарстве).

8) Особое место среди свободных конструкций занимают такие, в которых говорящий сообщает о своем знании / незнании того, что обозначено в основной конструкции.

В центре такой свободной конструкции может стоять:

а) глагол *знать*, непосредственно выражающий семантику ‘знание’.

Лена *я знаю* не придет //; Домá там *я знаю* только пятиэтажные //; Поездов *я знаю* там много // [154];

б) глаголы, называющие действия, непосредственно связанные с получением знания: *читать*, *слышать*, *видеть*, *говорить*, *рассказывать*. От семантики этих глаголов до семантики ‘знать’ один шаг, например, ‘читал, а поэтому знаю’ [155].

[154] Т. Б. Алисова вслед за Ш. Балли не без основания полагает, что конструкции с модальными словами (типа *я знаю*) в составе сложных высказываний должны рассматриваться как эксплицитно выраженный модус по отношению к другим — диктальным частям этих сложных высказываний (см.: Т. Б. Алисова. Дополнительные отношения модуса и диктума. — ВЯ, 1971, № 1).

[155] Ср.: «Если. . . мы сравним две конструкции эксплицитной модальности, модальные предикаты которых выражают соответственно отношение гово-

Задачи *я читал* там нешкольные // (в пособии задачи более трудные, чем те, которые решаются в школе); Наши *я слышала* опять проиграли / да?; Отпуска́ *нам говорили* обязательно надо использовать //; Какая новость *Леня рассказал* приятная //.

в) глаголы, которые опосредованно, только в данной ситуации связаны с получением знания, ср.: *Горчицы в три я заходил нет* //. От семантики таких глаголов до семантики 'знать' более, чем один шаг: 'заходил, следовательно, видел, а потому знаю'. Ср.:

Какая-то обстановка *я к нему заходил* была там неважная//; А Астрахань *я лазил* плоская совсем // (лазил на колокольню и видел, что Астрахань плоская); Там лесенку сделали *я шел* // (шел и видел); Послушайте что Майка выдала *вчера Таня приезжала* // (приезжала и рассказывала); *А я шла с работы* чего-то это погашен там свет у вас // (шла с работы мимо вашего дома и видела); Угорь *я пробовала* необычайно вкусный какой-то // (пробовала и потому знаю); Марки *я на почту зашел* какие-то там новые по-моему // (зашел и видел).

Отметим, что аналогичные отношения в КЛЯ выражаются обычно с помощью изъяснительного придаточного предложения с союзом что и под. Показательно, что изъяснительные придаточные предложения могут быть только при глаголах группы (а) и (б), при глаголах группы (в) они невозможны, ср:

КЛЯ	РР
а) Я знаю, что сегодня холодно.	Сегодня *я знаю* холодно //
б) Я почувствовал, что сегодня холодно.	Сегодня *я почувствовал* холодно //
в) —	Сегодня *на улице был* холодно //

В вопросительных высказываниях свободная конструкция рассматриваемого типа

— либо показывает, чем вызван вопрос:

А сегодня *я не читала* опять что-то там?; А они-то *я не заметил* были здесь?; А в Строгановской *я забыл* музей теперь / да?; Совочек такой голубенький *тут забыла* не видели? (не читала, не заметил, забыл и пр., а потому и задается вопрос).

— либо обосновывает, почему адресат вопроса способен ответить на него:

А комаров *ты была* там много? (раз была, то знаешь и можешь ответить); Картошка-то ничего *ты ел*? (ел и знаешь); Деньги *ты взяла* где? (взяла и знаешь).

рения («сообщения») и отношение субъективной оценки, например: *Я говорю, что ты болен* и *Я знаю, что ты болен*, то мы обнаружим, что в первой фразе не замещено место субъективно-оценочного предиката, а во второй место предиката говорения: *Я говорю, что я знаю, что ты болен*» (см.: Т. Б. А л и с о в а. Указ. соч., стр. 62).

Каких-либо близких аналогий с высказываниями КЛЯ такие вопросительные высказывания со связями свободного соединения вообще не имеют.

15. Свободная конструкция находится в смысловом и формальном подчинении у основной. Это находит отражение в количественном составе членов основной и свободной конструкции. Состав свободной конструкции ограничен до минимума. Эта минимальность состава свободной конструкции обусловливается рядом «технических» причин. Свободная конструкция, располагаясь интерпозитивно, разрывает основную конструкцию на две части, и поэтому свободная конструкция не может быть слишком большой, иначе говорящий и слушающий рискуют потерять синтаксическую перспективу основной конструкции, забыть, на чем прервалась эта конструкция, и не будут знать, как ее продолжить (для говорящего), понять (для слушающего).

Контраст основной и свободной конструкции по темпу произнесения также, очевидно, способствует минимальности состава свободной конструкции, поскольку трудно долго выдерживать темп более быстрый по сравнению со средним темпом речи. Показательно, что при переводе свободной конструкции, имеющей большое число членов, из постпозиции в интерпозицию явно ощущается необходимость ограничить состав свободной конструкции, ср.: *Люда | ты книжку прочла | **я давала тебе в прошлом году еще*** //; но: *Люда | ты книжку **я давала** прочла?*

Если обе части имеют один субъект, то в свободной конструкции для достижения минимальности ее состава субъект не повторяется:

Он вот даже *не успел выйти* поехал дальше //; Ну я бегаю *постарел уж* не очень / но все же//; Я в магазин *портфель ищу* зайду наверно//.

Когда высказывание имеет один субъект, отсутствие приглагольных членов в свободной конструкции может приводить к тому, что личные глаголы основной и свободной конструкции (при наличии у них строго определенной семантики) объединяются в одно интонационное и синтаксическое целое (типа: *пришел сказал*) [156]. Возникает сложный двойной предикат:

Я не знаю этого *еще не учил*, ср.: Я не знаю не учил//; Спрашивал *в магазин заходил* батареек / нету //, ср.: Заходил спрашивал батареек//.

16. Итак:

1) РР обладает особым видом связи двух предикативных конструкций в одно высказывание — связью свободного соединения.

2) Дифференциальные признаки связей свободного соединения наиболее последовательно проявляются тогда, когда свободная конструкция выступает в высказывании интерпозитивно.

[156] См.: Е. В. Красильникова. Конструкции с удвоением в русской разговорной речи, стр. 80—81. См. также стр. 166—167 данной книги.

При других позициях свободной конструкции возможна нейтрализация признаков, когда противопоставление связей свободного соединения и других типов связи снимается.

3) Подвижность свободной конструкции в высказывании позволяет ей располагаться там, где она более всего нужна по смыслу. Связь ее с тем или иным компонентом основной конструкции выражается их контактным положением. В этом — проявление линейности синтаксиса РР.

4) Свободная конструкция обслуживает смысловые потребности основной конструкции и находится от нее в сильной смысловой зависимости. Смысловые отношения, складывающиеся между основной и свободной конструкциями, очень разнообразны: за одним означающим стоит широкий круг означаемых, что вообще характерно для РР.

5) Для выражения связей свободного соединения требуется меньше средств, чем для выражения других типов связей (например, свободная конструкция может не выделяться интонацией повышения, при других типах связи это выделение обязательно). В этом обнаруживается синкретизм означающего связей свободного соединения.

Смысловые отношения, складывающиеся на основе связей свободного соединения, представляют в единстве то, что при других типах связи подается расчленение. В этом — синкретизм означаемого связей свободного соединения.

Конкретный характер смысловых отношений основной и свободной конструкций во многом определяется теми системными отношениями, которые существуют между лексикой основной и свободной конструкций.

Высказывания с интерференцией

1. Как объект наблюдения избраны высказывания типа:

Осенью начинаются *такие бури* бывают там на море//; Ананасы бывают и *в нашем магазине* продают иногда//; Стоит на проспекте Калинина *вот Дом связи* построили новый//; Они повернули *к Сретенке* им идти надо было//; Подсвечники они принесли *мне на рождение* подарили//; А требуют рабочие-то *кадры* подавай им только//.

Все приведенные высказывания состоят из двух объединенных в одно интонационное целое предикативных конструкций, которые оказываются наложенными друг на друга таким образом, что у них появляются общие члены [157].

Разберем подробнее следующий пример: *На юге говорят темнеет* ***быстро*** *солнце садится*//.

Компонент с обстоятельственным значением *быстро* — это слуга двух господ: он одновременно зависит и от глагола *тем-*

[157] В примерах общие члены выделены.

неет, и от глагола *садится*, каждый из которых стоит в центре своей предикативной конструкции — безличной: *На юге говорят темнеет быстро* и личной: *быстро солнце садится*. Эти две конструкции объединены в одном высказывании так, что при линейном рассмотрении связи первой конструкции кончаются на слове *быстро*, а связи второй начинают развертываться с этого же слова. Такое наложение двух предикативных конструкций назовем синтаксической интерференцией [158].

Интерференция не является свойством только русского РР. Она известна и английскому разговорному языку под именем «апокойну» (греч. apo koinu — от общего). «Апокойну называется сращение двух предложений в одно предложение, в котором одно и то же слово исполняет одновременно две синтаксические функции. Являясь дополнением или предикативным членом первого предложения, это слово вместе с тем служит подлежащим второго предложения. Например: This is a man wants to see you» [159]. Важно отметить, что в английском языке апокойну употребляется даже в художественной литературе для передачи «живой, но вполне литературной речи» [160]. В русском языке в письменной речи интерференция, очевидно, не фиксируется.

2. Интерферированные конструкции не могут быть интонационно разделены на синтагмы, ибо при таком делении общий член уже не будет осознаваться как общий, и интерференция разрушится, ср.: *Ты купи астры* ***у ВДНХ*** *продают цветы обычно* // — интерферированное высказывание с общим членом *у ВДНХ* и *Ты купи астры* / *у ВДНХ цветы продают обычно* // — высказывание без интерференции, *у ВДНХ* относится только ко второй конструкции.

Неверным было бы думать, что интерференция — это просто случайное отсутствие интонационного членения на синтагмы. Если бы это было так, то все высказывания с интерференцией должны были бы члениться на синтагмы, соответствующие предикативным конструкциям, поскольку всякое случайное отсутствие членения должно просто и легко сводиться к закономерному,

[158] Синтаксическую интерференцию следует отличать от наложения двух конструкций, которые иногда видят в предложениях с однородными сказуемыми (так называемые слитные предложения) типа *Люди стояли, сидели, лежали*. Такое предложение разлагают на *Люди стояли, Люди сидели, Люди лежали*. (Взгляд на такие конструкции как на полипредикативные сложные образования развивает В. А. Белошапкова в кн.: Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 30—34). Ср. также анализ предложений с так называемым предикативным определителем типа *Он пришел усталый*, которые разлагаются на *Он пришел* и *Он усталый* (см.: Н. K ř i ž k o v á. Предикативное определение и структура предложения в современном русском языке. «Slavia» 1969, roč. XXXVIII, seš. 3). Эти наложения резко отличаются от того, что мы называем интерференцией. Различие интерференции и такого наложения принципиально важно. Деление на две конструкции в последнем случае чисто технический исследовательский прием. При интерференции же двуконструктивность высказывания сохраняется и для языкового сознания.

[159] См.: М. Д. К у з н е ц и Ю. М. С к р е б н е в. Стилистика английского языка. Л., 1960, стр. 71.

[160] Там же.

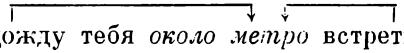
иначе его уже нельзя назвать случайным. Между тем среди интерферированных высказываний множество таких, для которых интонационное членение невозможно. Например:

Она жила *где-то под Москвой* была ее деревня//; Я ехал *летом* это было//.

3. В высказывании может быть несколько членов, годных для того, чтобы выполнить функцию общего: *Ну вообще-то мы там побывали кое-где красивые места есть*//. В этом высказывании все наречия — *вообще-то*, *там* и *кое-где* — могут относиться и к глаголу *побывали*, и к глаголу *есть*. Однако, учитывая линейность построения РР, есть основания признать общим только тот член, который непосредственно служит для перехода от одной конструкции к другой. В приведенном примере эту роль выполняет наречие *кое-где*. Такой член, соединяя конструкции, одновременно указывает и их пограничную полосу.

4. Можно назвать некоторые явления других уровней, изоморфные синтаксической интерференции. К ним относятся прежде всего некоторые особенности соединения морфем при словообразовании. В производном слове морфы могут накладываться один на другой, ср.: *футбол+ист=футболист* (без наложения), но *регби+ист=регбист*, где *и* принадлежит одновременно и основе, и суффиксу [161].

5. С точки зрения экстралингвистической интерференция обусловлена прежде всего неподготовленностью РР. Говорящий, начиная высказывание, часто не планирует его до конца, конец оказывается первоначально не заданным. Высказывание развертывается линейно — от одного члена к другому — и все время остается открытым для новых членов. Однако возможности распространения первоначально принятой конструкции не безграничны, развертывание в конечном счете останавливается на таком члене, который уже не может иметь при себе другие зависимые от него члены — таково, например, большинство приглагольных членов. И тогда говорящий использует этот последний член для того, чтобы начать новую конструкцию, не прерывая при этом высказывания. Если первая конструкция при интерференции строится перспективно — от глагола к приглагольным членам, то вторая развивается обычно ретроспективно — от приглагольных членов к глаголу:

Я подожду тебя *около метро* встретимся//.

6. Неподготовленность РР как одна из причин интерференции может проявлять себя и в несколько ином плане. Возможно положение, когда говорящий предварительно не соизмеряет интонационную структуру и лексико-синтаксическое наполнение этой структуры. Речь идет о таких случаях, когда интонация еще

[161] О наложении морфем см.: Е. А. З е м с к а я. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке. — ВЯ, 1961, № 2.

не закончена, не опущена вниз, а состав высказывания уже исчерпан: все сказано. Чтобы «опустить» интонацию и добавляется интерференционный «хвост». Такая интерпретация применима по отношению к тем интерферированным высказываниям, в которых вторая предикативная конструкция не несет существенно новой информации по сравнению с первой:

И оценки там поставлены *и за теорию и за практику* выставляют//; Я в этом году ездила в *Орел на завод* меня доставили // [162].

7. Если рассматривать интерференцию в плане антиномии говорящий / слушающий [163], то, несомненно, в этом случае антиномия разрешается в пользу говорящего, которому удобней использовать все возможности, заложенные в одной конструкции (в том числе и возможности перехода к иной конструкции), чем каждый раз заново строить конструкции, синтаксически никак не связанные с предшествующими, хотя с точки зрения слушающего расчлененность текста на высказывания и синтагмы удобней для восприятия. В пользу слушающего построено, например, высказывание с повтором: *Они же ничего не делают / они же целый день только на гондолах разъезжают//*, которое при ориентации на говорящего могло бы стать интерферированным: *Они же ничего не делают* ***целый день*** *только на гондолах разъезжают//*.

8. Высказывания с интерференцией не принадлежат в РР к числу высокочастотных. Это обстоятельство, а также тот факт, что интерференция никогда, даже тогда, когда имитируется РР, не отражается в письменной форме, заставляет нас рассмотреть предположение: не принадлежат ли высказывания с интерференцией к числу речевых ошибок [164].

Был проделан следующий несложный эксперимент. Текст с интерферированной конструкцией, записанный на магнитофоне от хорошо известного нам информанта (в записи дан под номером 1), языковая культура которого не вызывала никаких сомнений, был предложен ему же для прослушивания спустя год после записи. Информант должен был исправить в этом тексте, длившемся примерно полминуты, все, что представлялось ему как речевая ошибка, погрешность, шероховатость, т. е. информант должен был редактировать, совершенствовать самого себя. Текст был следующий (говорят муж — 1 и жена — 2):

2. . . . Вот не везет // Долго лежали яички / шестьдесят штук / протухли // (смех).

[162] Изложенные в этом разделе наблюдения принадлежат М. В. Панову.

[163] Об этой и других антиномиях см. в кн.: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 24—35.

[164] Сомнения в правильности интерферированных конструкций высказывались при обсуждении нашего сообщения «Явления интерференции в русской разговорной речи» на II межвузовской научной конференции «Вопросы синтаксиса русского языка» (Калуга, май 1970 г.).

1. Какой-то запах пошел / да? по комнате // Вернее не по комнате / так шкаф откроешь / в общем чувствуется // *Причем у нас были* ***гранаты*** *лежали* // Знаешь / два // И что-то я. . .гранаты уже съели / а запах такой гранатовый немножко // Какой-то. . . что-то там есть общее / понимаешь? (смех) Сначала я его признал что это гранатовый остался запах / а потом мы все на свет проверили / яички все//.

После первого прослушивания информант обратил внимание на нежелательность самоперебивов, «топтания на месте» (эти случаи отмечены в тексте многоточием). После второго (по просьбе информанта) прослушивания он долго колебался в оценке правильности последнего высказывания, решив в конце концов, что в нем лишним является слово *его*. Никаких других ошибок информант за собой не заметил. Высказывание с интерференцией не привлекло его внимания и осталось «неисправленным».

Это дает основание думать, что интерференция в общем потоке разговорной речи — явление вполне естественное и нормальное. «Странное» впечатление оно производит только тогда, когда изображается на письме или подается изолированно, т. е. когда на нем специально акцентируется внимание. Показательно, что тот же самый информант через два месяца после эксперимента оценил предъявленное ему в письменном виде произнесенное им самим высказывание с интерференцией *У нас были* ***яблоки*** *лежали* // (*гранаты* заменены на *яблоки*, чтобы избежать воспоминаний информанта об эксперименте), а также ряд других изолированных высказываний с интерференцией как «едва ли правильные».

9. Рассмотрим строение высказываний с интерференцией.

Все они могут быть разделены на две большие группы:

1) такие, где каждая из интерферируемых конструкций в полном объеме сохраняет свой предикативный центр, ср.: *Вот Тимофеева в «Доне» танцует* ***хорошо*** *у нее эти прыжки идут / повисает прямо* // (балет «Дон-Кихот»);

2) такие, где при одном общем подлежащем интерференции подвергаются только составы предикатов, ср.: *Я гуляю* ***в лесу хоть часа два*** *бываю*//.

Синтаксический статус последних именно как интерферированных требует некоторых пояснений.

Обращает на себя внимание тот факт, что интерферированные высказывания с одним общим подлежащим, типа *Это и у нас очень многие спецкурсы читают* ***в университете на полставке*** *работают* // (1) допускают два вида трансформаций, позволяющих определить их место в системе высказываний РР вообще [165].

[165] Роль трансформации при анализе синтаксических конструкций особо подчеркивают П. Адамец и В. Грабе, не без основания полагая, что все трансформы так тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, что их совокупность может характеризоваться как синтаксическая парадигма. См.: П. А д а-

С одной стороны, возможна трансформация в две неинтерферируемые предикативные конструкции, объединенные в одно высказывание на основе связей свободного соединения (см. раздел «Связи свободного соединения между предикативными конструкциями»), ср.: *Многие **на полставке работают** читают спецкурсы в университете* // ('читают спецкурсы, работая на полставке') (2).

С другой стороны, возможна трансформация в высказываниях с одним сложным предикатом, когда два чаще всего контактно расположенных глагола в личной форме образуют одно общее интонационное и смысловое целое типа *Он пришел сказал*. В таких высказываниях также нет оснований видеть интерференцию, ср.: *Многие **работают читают** спецкурсы в университете* // (3).

В ряду (2) — (1) — (3) — конструкция с интерференцией (1) может рассматриваться как тип высказывания, переходный от двупредикативных (2) к однопредикативным (3) построениям.

Возможно, однако, и другое предположение, а именно: (1) не представляет собой интерферированной структуры, а является просто вариантом (3) с дистантным расположением личных глаголов, а общий член в (1) мнимый, то есть он относится к одному из глаголов. К подобной интерпретации толкает регулярность таких трансформаций, как:

Высказывания с интерференцией (1)	Высказывания с двойным предикатом (3)
Тетя Маня / а вы когда-нибудь на машине путешествовали *вместе со своими* отдыхали //	Тетя Маня / а вы когда-нибудь *путешествовали отдыхали* вместе со своими //
В первый раз по-моему какой-то француз увидел микробы *в тысяча* пятьсот *каком-то году* открыл их //	В первый раз по-моему какой-то француз *увидел открыл* микробы в тысяча пятьсот каком-то году //
Они вот так передвигаются *очень смешно* сгибаются //	Они вот так *передвигаются сгибаются* очень смешно //

И тем не менее принять выдвинутое предположение об идентичности строения высказываний (1) и (3) нельзя по двум причинам.

Во-первых, в интерферированных высказываниях с одним подлежащим (тип 1) часто встречается повтор этого подлежащего, в том числе и в форме местоимения. В этом случае по своему строению интерферированное высказывание с одним общим подлежащим ничем не отличается от типичных интерферированных высказываний с двумя разными подлежащими, ср.:

И дальше *я* еду *на метро* уже добираюсь *я* до места //; *Он*

мец, В. Грабе. Трансформация, синтаксическая парадигматика и члены предложения. «Slavia», 1968, ročn. XXXVII, seš. 2.

танцует *замечательно* передает это все *Васильев*//; Вот *я* записался к врачу *в четверг я* у него был//; Вот эти *изделия* наши выставляются *на столах* раскладываются *они*//; И все *это* делается *на отдельном листочке на маленьком* чертится *это*//.

Высказывания же с двойным глаголом-предикатом повтора подлежащего не допускают.

Во-вторых, если каждый из глаголов имеет, кроме общего члена, свои распространители, то трансформация (1) в (3) исключается:

В свое время в эти модные театры я ходил *часто* смотрел в «Современнике» // (невозможно: ... *ходил смотрел в эти модные театры в «Современнике»); Ну вот зачем ты сковырнул / кровь теперь будет *тут снова* засохнет нескоро на этом месте //

Таким образом, рассматривая высказывания с двумя разными подлежащими как типичный, центральный случай интерференции, можно интерферированные высказывания с одним общим подлежащим считать периферийными в этой области [166]. Их признаки пересекаются с признаками высказываний, имеющих двойной предикат, но было бы неверно не видеть в этих высказываниях интерференции вообще, сочтя их за монопредикативные конструкции.

10. Покажем, какие по составу предикативные конструкции могут интерферироваться.

а) двусоставные личные:

Ну вообще-то я там был *недавно* возил меня Славка на своем драндулете//; Лена / я хочу поговорить *вот об этих двойных глаголах* вы ведь пишете что-то//; А там бревно *над пропастью* вообще вы не пройдете//.

б) двусоставная личная и неопределенно-личная:

Конечно не могли всех спасти там *вот в этих низких местах* несчастные случаи были часто //; Я вот пойду посмотрю *очки на Польской выставке* говорят особенные какие-то продают//; Вот они монголам делают *много* заказывают // (венгры делают марки монголам).

в) безличные:

Темнело *уже там часам к восьми* холодком так начинало приятно//; Там и приходится *что-то по двадцать человек* не набирается на школу//; У меня в классе обычно было *до сорока человек* редко доходило//; Нет / всегда считалось что в Ленинграде лучше чем в Москве вот в смысле *всяких книжных* у нас много//.

г) личная и безличная:

Женя / тебе каши положить *хоть немножко* поешь//; Нет / она очевидно пойдет пока туда *обычным библиотекарем* возьмут

[166] О понятиях центра и периферии в языковой системе см. указанные в сноске на стр. 297 работы Ф. Данеша.

ее только//; Он работает *очень много* надо успеть ему//; Потому что я без него не могу *совсем* невозможно//.

Некоторое преобладание среди интерферируемых конструкций таких, которые не имеют в своем составе выраженного подлежащего (б — г), объясняется, вероятно, стремлением сократить таким образом состав высказывания, поскольку РР вообще стремится избегать чрезмерно длинных синтаксических конструкций.

Отметим некоторые особенности состава интерферированных предикативных конструкций с общим подлежащим.

а) Интерференция может касаться двух разнооформленных предикатов: предиката-глагола в личной форме, с одной стороны, и именного, а также составного глагольного (типа *может помочь*), с другой:

Одну конечно у меня монетку проглотил *телефон* испорчен//; Это просто трудно *именно психологически даже* препятствует//; Ну сама не попадет / в конце концов всегда есть *кто-то* может помочь//; Он читает *нам* должен информации делать//.

б) Интерференции при одном подлежащем могут подвергаться не только распространители предикатов, но также части составных предикатов, в частности, инфинитивы при одной полнозначной связке:

Я до сих пор не могу достать *эту «Мастер и Маргариту»* прочитать//; Человек должен ходить в сутки *не меньше чем десять тысяч шагов* делать//.

11. Для уяснения строения интерферируемых высказываний важно показать, какие члены предикативных конструкций могут выступать в роли общих.

1) Как при разных, так и при одном подлежащем общий член может выражаться:

а) занимающими приглагольную позицию наречиями и существительными в косвенных падежах с предлогами или без предлогов со значениями места, времени, образа действия и т. п.:

Старые плесы на Волге почти не встречаются *теперь* эти водохранилища понастроили//; В общем-то я поступил в институт *на правах вечерника* учусь//; Она отдыхала *на юге* так загорела//.

б) винительным падежом или другими косвенными падежами с предлогами и без предлогов с объектным значением:

Он в свое время у нас рисовал *в газету* рисунки всякие помещал//; Теперь они слава богу берут *мастеров с высшим образованием* предпочитают//; Потом значит она начала об *искусстве* немного говорила//; И вот он им говорил *о статье* рассказывал//; Ну в общем я потом там объяснялась *с переводчицей* согласовывала правки//; Она английский учит *со студенткой* занимается дома//; Мы еще не знаем *ничего* не решили//.

2) При интерференции предикативных конструкций с одним общим подлежащим в роли общего члена, кроме названных выше членов, может выступать:

а) подлежащее:

Потом были *хибарки* прямо сносили//; Причем у нас были *гранаты* прямо лежали//; И я тоже была на этом вечере / память Качалова / был *год* прошел со дня его кончины//; А к тому же у нас там недавно начато *огромное строительство* развернулось//; Ну вот посидели *мы* поговорили о многом//; Предельная у меня была *отчаянность* на меня нашла//.

При таком строении частей предикат первой конструкции бывает часто выражен бытийным глаголом, а предикат второй конструкции представлен глаголом, семантически более конкретным: вторая предикативная конструкция уточняет то, что в первой было сформулировано в самом общем виде, ср.: *были — лежали*, *были — сносили*, *был — прошел*, *была — нашла*.

б) компоненты из состава предикатов, в частности:

— именная часть, если интерференции подвергаются две неоднородные связки:

Вид у него был *страшный* казался//; Причем они часто бывают *некрасивые* выпускаются//.

— инфинитив из состава сказуемого, если интерферируются полнозначные глаголы-связки:

Тебя я пришла *записывать* я тебя жду//.

Отметим еще один особый общий член, который может быть только при разных подлежащих. Это — существительное, именительный падеж которого омонимичен винительному. Такое существительное, выступая в роли общего члена, может реализовать значение обоих падежей, ср.:

Когда кончился *этот первый номер* она кончила / ей демонстративно долго аплодировали // (кончился этот первый номер — им. п.; она кончила этот первый номер — вин. п.). Я поговорю что нельзя ли сделать Костроме *ТЮЗ* необходим совершенно//; Я видел перед отъездом моим на Дальний Восток «*На дне*» они ставили//.

12. Итак, синтаксическая интерференция — это особого рода слияние в одно целое двух предикативных конструкций, каждая из которых могла бы быть самостоятельным высказыванием. Такое слияние есть яркое проявление одного из общих принципов строения РР — тенденции к синкретизму, в данном случае к синкретизму в плане выражения.

НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Вводные замечания

1. Актуализация в широком смысле этого слова «заключается в переводе языка в речь» [167]. На уровне синтаксиса актуализа-

[167] Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с франц. М., 1965, стр. 93.

ция — это приспособление синтаксической структуры к выражению коммуникативного задания [168].

Как актуализируется то или иное конкретное высказывание, зависит от многих конситуативных факторов данного речевого акта. В этом смысле актуализация — явление речевое. Средства же актуализации и правила их применения принадлежат языку.

2. В КЛЯ основные средства актуализации — интонация, в том числе и так называемое логическое ударение, и порядок слов — как бы накладываются на синтаксическую структуру, находясь с ней в достаточно свободных отношениях. Это позволяет строить на основе одной синтаксической структуры целый ряд по-разному актуализованных коммуникативных единиц, причем число членов этого ряда вполне определимо [169].

В РР средства актуализации и синтаксическое строение высказывания взаимодействуют более глубоко. «В разговорной речи актуальная расчлененность предложения достигла особенной резкости, она уже не только накладывается на грамматическую структуру предложения, используя неграмматические показатели — в разговорной речи актуальное членение предложения часто преобразует его грамматические связи. Тема и рема предложения в разговорной речи стремятся и грамматически обособиться и выделиться в два синтаксических сегмента (объединенных и разграниченных интонационными средствами)» [170].

3. Интонационная расчлененность речевой цепи на синтагмы и фразы, преследующая коммуникативные цели, часто выступает в РР совместно с другими средствами актуализации, из которых здесь будут рассмотрены два: 1) особые выделительные слова — актуализаторы (типа *что — Он что? в школе?* и 2) повторы (типа Ну *я* ***подумаю*** */ над этим* ***подумаю***//).

Связанность этих средств с интонационной членимостью высказывания очень тесная: одно малоупотребительно без другого.

[168] Из многочисленных работ, где так или иначе рассматриваются общие теоретические вопросы актуализации в синтаксисе, назовем несколько последних: И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. М., 1969, стр. 3—65; И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961; О. Б. Сиротинина. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965; П. Адамец. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966; К. Г. Крушельницкая. О синтаксической природе «актуального членения предложения». «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 96—103. См. также: О. А. Лаптева. Чехословацкие работы последних лет по вопросам актуального членения предложения. — ВЯ, 1963, № 4.

[169] Определение «всех возможных вариантов актуального членения предложений с определенным грамматическим составом», по мнению И. И. Ковтуновой, реальная, хотя и очень трудоемкая задача (И. И. Ковтунова. Порядок слов. . ., стр. 12; Она же. О порядке слов в русском языке. — РЯНШ, 1964, № 4).

[170] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 75 (автор раздела — М. В. Панов).

Высказывания только с интонационной расчлененностью типа *Он / пришел //* или *Он прочел / второй номер //* встречаются не так часто, в то время как при выделительном слове — *Он **что? пришел?*** или с повтором — *Он **прочел** / второй номер **прочел** //* расчлененность более обычна. Верно и обратное — выделительное слово или повтор, если они служат целям актуализации, как правило, действуют совместно с интонационной расчлененностью. Следовательно, интонационная расчлененность+выделительное слово, так же как интонационная расчлененность+повтор — одно актуализационное средство с двумя дифференциальными признаками.

Такие средства принадлежат собственно РР и очень активны в ней. Они не уничтожают роль других средств актуализации в РР, в частности порядка слов, но все же удельный вес последнего в общем наборе актуализационных средств РР, очевидно, меньше, чем в КЛЯ [171].

Чтобы показать роль выделительных слов и повторов среди других средств актуализации, сопоставим два высказывания, имеющих одинаковое актуальное членение: *Он пришёл?* (с логическим ударением на глаголе) и *Он **что? пришел?*** В последнем с помощью *что* и интонационной расчлененности актуализация выражена ярче, сильнее, чем в первом. Если рассматривать такую силу актуализации в отношении дихотомии говорящий / слушающий, то можно сказать, что эта актуализация играет на слушающего.

Высказывания с лексическими актуализаторами

Высказывания с местоименными актуализаторами

1. Актуализаторы, сопровождающие интонационное членение, могут быть следующими: *что*, *как / так*, *когда / тогда*, *где / там*, *куда / откуда*, *такой*:

У вас электрички приходят всегда с опозданием? → У вас электрички *что? приходят всегда с опозданием?*; У вас электрички *как? приходят всегда с опозданием?*

Такие слова, обладая одним общим свойством — местоименностью — различаются своими морфологическими характеристиками:

[171] И. И. Ковтунова не без основания пишет: «Роль порядка слов как выразителя актуального членения в устной речи сводится к минимуму, так как устная речь располагает другими способами выражения актуального членения. Тема и рема в устной речи могут подсказываться ситуацией, общностью апперцепционной базы участников диалога, мимикой и жестами и, наконец, — одним из наиболее могущественных средств устной речи — интонацией. Рема в устной речи выделяется логическим ударением. Наличие всех этих средств в значительной степени освобождает порядок слов от функции выражения актуального членения» (И. И. Ковтунова. Порядок слов. . ., стр. 60—61).

что — вопросительно-относительное местоимение, *как / так* — местоименные наречия. Однако различный морфологический статус не играет дифференцирующей роли для функционирования этих слов. Их функция одна — актуализация определенных компонентов высказывания. И это дает основания называть такие слова одним общим термином «актуализаторы» [172].

2. Высказывания с актуализатором и интонационной членимостью на синтагмы имеют свою формулу строения, определяющими признаками которой соответственно являются: 1) препозиция актуализаторов по отношению к актуализированным компонентам; 2) выделенность последних в особую синтагму [173]: *А он* ***что? обещал зайти?***

Часть, следующая за синтагмой с актуализатором, произносится обычно с интонацией повышения, если все высказывание в целом имеет вопросительный характер: ***Он как? нас берет?*** и с интонацией понижения, если высказывание повествовательное:

Ну она у нас ведь *что? без троек идет//;* Он теперь ведь у нас *что? каждый день по утрам трусцой бегает//;* Он у них ведь *как? два раза французским по два часа со студенткой* занимается//; Я тут совсем замотался и ведь вот *что? «Солярис»-то я и не посмотрел//.*

3. Одной из причин, почему интонационная расчлененность сопровождается актуализатором, является то, что такая расчлененность в какой-то степени разрывает и тем самым нарушает синтаксические связи; актуализатор, выступая как заместитель второй синтагмы в первой, компенсирует этот разрыв в той мере, какая необходима для нормального функционирования высказывания. Другими словами, актуализатор «работает» не только на уровне актуального членения, но и на уровне собственно синтаксической организации высказывания.

Синтаксическое строение высказываний с актуализаторами, как и некоторых других актуализованных высказываний в РР, обладает своеобразием, которое условно можно характеризовать как синтаксическую прерывистость [174].

[172] Ш. Балли вообще средства актуализации называет актуализаторами (указ. соч., стр. 93).

[173] В приведенной формуле отражено только то, что связано с актуализацией. Поэтому по такой формуле нельзя построить высказывания, но можно найти пути актуализации определенных членов в уже построенном высказывании. Аналогичное понимание формулы как набора дифференциальных признаков, с помощью которых уясняются только некоторые аспекты в строении синтаксических единиц, развивается В. А. Белошапковой на материале сложного предложения КЛЯ (см.: В. А. Белошапкова. О понятии «формула предложения» на уровне синтаксиса сложного предложения. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 206—209).

[174] Именно так на материале немецкого разговорного языка характеризует актуализованные высказывания с нарушенной рамочной конструкцией, с вынесенной в инициальную позицию темой и под. К. Баумгертнер, употребляя выражения вроде Durchbrechung des Satzplans, Auflösung des Ein-

4. Особо следует сказать о роли актуализаторов в вопросительных высказываниях. Как известно, вопрос может быть полным и частичным [175]. Полный (общий) вопрос касается глагола—предиката; *Он **что? поступил?*** (учиться в институт). Частичный вопрос касается других членов: *Он поступил **что? в заочный?*** Способствуя выделению нужной части в отдельную синтагму, актуализатор служит важным средством дифференциации общего и частичного вопросов.

5. В синтагме, выделяемой актуализатором, вопрос направлен прежде всего на один определенный член, тот член, который в этой синтагме обладает наибольшим динамическим весом [176]. Усиление динамического веса этого члена создается за счет особого порядка слов и логического ударения. Актуализатор, особо подчеркивающий коммуникативную значимость данного слова, обычно располагается с ним контактно:

1. А оттуда *что? **далеко** до вас идти?* 2. Да / там не очень // (близко); Он ***что? на юг** хочет этим летом?* 2. Что ты / они в Архангельск куда-то//; 1. А в вашем магазине ***что? и ленту** можно купить?* 2. Ленты бывают//.

Однако сильное логическое ударение позволяет расположить слово с наибольшим динамическим весом неконтактно с актуализатором, ср.: А сегодня *что? Иван Иванович часа **в два** придет?* 2. Не раньше//.

Если же актуализатор своими морфологическими формами коррелирует с одним из компонентов выделяемой синтагмы, то всегда именно этот компонент получает больший динамический вес, именно на него всегда падает логическое ударение, ср.: А футлярчик ***из чего? из пластмассы** сделан?*

6. В высказываниях с актуализатором часто передается модальность эмоционально-субъективного плана — удивление, сомнение, негодование и т. п. Такая модальность создается игрой тона именно на актуализаторе. Например, если выше обычного поднять интонацию на *что*, то получится яркий эмоциональный оттенок: *Вы чтб? с простудой в бассейн?*; *Он чтб? опять не явился?*; *Он чтб? заболел?*

Однако и без актуализатора говорящий может выразить при соответствующем интонировании тот или иной эмоциональный оттенок: *Он заболе-е-л?*; *Он опять не явился?*, но достигнуть той яркости, какая бывает

zelsatz, Unterbrechung и не определяя их сколько-нибудь точно (K. B a u m g ä r t n e r. Zur Syntax der Umgangssprache in Leipzig. Berlin, 1959). Ср. также мнение Н. Д. Арутюновой, которая, различая в РР два достаточно обособленных аспекта — аспект синтагматических связей между словами, образующими высказывание, и аспект актуализации высказывания, находит, что актуализация подчиняет себе и деформирует синтагматическую структуру (Н. Д. А р у т ю н о в а. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплик в русском языке. — ФН, 1970, № 3, стр. 50).

[175] См.: Ш. Б а л л и. Указ. соч., стр. 47—48; П. А д а м е ц. Порядок слов в современном русском языке, стр. 26—30.

[176] О понятии динамического веса см.: И. И. К о в т у н о в а. Порядок слов. . ., стр. 35.

при актуализаторе, едва ли возможно, а если и возможно, то с бо́льшим трудом, чем при актуализаторе.

7. Далее будет предложен синтагматический анализ высказываний с актуализаторами, цель которого — установить сочетаемостные свойства актуализаторов, т. е. ответить на вопрос, какими актуализаторами какие по составу синтагмы могут выделяться.

Сформулированная подобным образом задача представляет собой частный случай синтагматического анализа вообще, если последний понимать как описание необходимого окружения для того или иного члена. Методика такого анализа в принципе одинакова для всех уровней языка. Обращает на себя внимание положение о том, что синтагматический анализ в фонологии возможен как слева направо (что следует за чем), так и справа налево (что возможно перед чем) [177]. Эти же два пути анализа синтагматики возможны и в синтаксисе.

По отношению к рассматриваемым конструкциям следует решить вопрос, что принять за исходное — актуализаторы (анализ слева направо) или актуализованные синтагмы (анализ справа налево). Очевидно, что лучше исходить именно из актуализаторов, поскольку число их ограничено и может быть задано списком.

Поэтому в окончательном виде цель исследования представляется как решение задачи со следующим условием: если в высказывании есть актуализатор, то что может следовать за ним в отдельной синтагме?

Актуализаторы группы «что»

8. Актуализатор *что*. *Что* по своей морфологической природе вопросительное местоимение. Поэтому оно, естественно, употребляется прежде всего в вопросительных высказываниях и актуализует в качестве ремы части, на которые направлен вопрос.

Что-актуализатор может выделять:

а) предикаты, выраженные финитными формами глагола (личными и безличными):

Подожди / а ты с нами *что*? *не едешь*?; А вторая лампочка *что*? *перегорела*?; Одна из этих дам ко мне обратилась / и говорит / вам *что*? *не понравилось*?; Ей *что*? *нездоровится*?; А на улице *что*? *тает*?; А там *что*? *испортилось*?; Ты *что*? *позвонишь*?; Она *что*? *печатает*?

б) именные предикаты:

А лицо *что*? *загримировано*?; 1. Кто там играет? 2. Я не знаю этих актеров // 1. А они *что*? *совершенно новые*?; Там кофе *что*? *холодный*?; Это *что*? *пригород*?; А сегодня *что*? *холодно*?; Тебе *что*? *плохо*?; А этот кошелек *что*? *с двумя отделениями*?

[177] М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 95—97.

в) предикаты (или их части) с зависимыми словами (всеми или некоторыми):

Он *что*? *выступал у вас* / да? Теперь придется *что ж*? *на лыжи вставать?*; И она *что*? *считает его очень полезным*?; Галка *что*? *завтра сдает экзамен*?; А в седьмом «Новом мире» *что*? *продолжение этого Владимова?* (продолжение романа Г. Владимова); А сегодня *что*? *Риты не будет*?.

г) приглагольные члены с объектным значением:

Ты выписала *что*? «*Литературку*» *и*?; Вера я вам обещал *что*? *Шихановича?* (книгу Ю. Шихановича); Иванов говорил *что*? *об испытании*?; Он рассказывал *что*? *Францию или Америку*? (о поездке во Францию или Америку); Свет вы меня спрашивали *что*? *взносы*?; Она там учит *что*? *английский*?; Он вышлет *что*? *весь раздел или части*?;

д) приглагольные члены с адвербиальным значением:

А они сделали *что*? *совсем плохо*?; Славк / а эту полку / ты хочешь вешать *что*? *на стенку прямо*?; А «Обыкновенную историю» они сделали *что*? *в другой инсценировке*?; И вы ходили даже *что*? *на костылях*?; А Ростов и Ярославль смотрят *что*? *за один день*?; А ты пишешь разве *что*? *по заказу*?

9. *Что*-актуализатор возможен перед всем высказыванием в инициальной позиции:

Что? он действительно уже кое-что смыслит в этом деле?; *А что*? она опять собирается в пед поступать?; *А что*? там прослушивали потом?; *Что*? не читают ничего?; *Что*? ты уже забыл?; *А что*? у вас нет билета?; *Что*? ты на улицу не собираешься / погода хорошая?

Что выполняет здесь уже не функцию выделения слов, на которые направлен вопрос — эту роль выполняет логическое ударение и порядок слов. И без актуализатора мало что изменится в коммуникативной значимости таких высказываний, ср. с вышеприведенными: *Он действительно уже кое-что смыслит в этом деле*? *Там прослушивали потом*? Роль *что* здесь иная. Ее можно характеризовать как контактоустанавливающую — говорящему необходимо сразу же активизировать слушающего, привлечь его внимание к тому, что далее последует вопрос, на который нужно отвечать. С помощью *что*-инициального актуализируется как бы вопрос вообще. Характерно, что высказывания со *что*-инициальным обычно являются в начале разговора или в начале новой темы. Когда нужный контакт уже налажен, необходимости в них нет.

Установить необходимый контакт между слушающим и говорящим в условиях непосредственного неподготовленного общения очень важно, и поэтому *что*-инициальное отличается большой частотностью в РР.

10. Следует особо остановиться на *что*-инициальном в повествовательных высказываниях, ср.:

Ну что же? я моментально отправил телеграмму Зорову//; *Ну что же значит*? я попросил дать мне бумагу//; *Что же*? посмотрим что у нас полу-

чится//; *Ну чего?* завораживает эта штука очень//; *Ну что?* об этом не будем вообще тогда говорить//; *Ну что же?* позвони мне завтра//.

Нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах *что* сопровождается частицами *ну* или *же*, часто обеими вместе. Причем без этих частиц, при одном *что* высказывание повествовательным быть не может, ср:

***Ну что же?** в комиссионный их наверно возьмут?* или ***Ну что же?** в комиссионный их наверно возьмут*//; без частиц только: ***Что?** в комиссионный их наверно возьмут?* Следовательно, не актуализатор *что*, а именно *что*+ частицы (как необходимый конструктивный элемент высказывания) делают возможным повествовательность. Другими словами способность *что* выступать в инициальной позиции в повествовательных высказываниях не самостоятельна, а обусловлена частицами, и потому при анализе собственных синтаксических свойств *что*-актуализатора в расчет приниматься не должна.

11. *Что* при актуализации существительного оказывается немаркированным в плане одушевленности / неодушевленности [178], ср.:

У них там *что? свой дом?* и Он *что? младший?* (на должности младшего научного сотрудника); Они там *что? грузчиками?*

Возможно употребление и маркированного *кто*, которое обязательно согласуется с существительным в падеже:

Он *кто? младший?*; Вот ты говоришь Хусаинов // Он всегда в «Спартаке» *кто? только нападающий* / а в сборной он одно время был *кем? полузащитником* // И конечно ничего не вышло//; Там же наверно тоже специализация достаточно ясная / скажем фокусником / или там укротительницы / или *кем? акробатом* // (об артистах цирка).

Что также может ставиться в соответствующем падеже, ср.: *А там поправить можно **чем? просто гвоздиком?***

Но чаще все-таки у *что* согласования в падеже нет:

А там поправить можно *что? просто гвоздиком*?; Вы говорите *что? о «Постороннем» Камю*? (реже *о чем*); Она поступает уже *что? с кандидатским*? (поступает в аспирантуру со сданным кандидатским минимумом).

12. Актуализаторы *как* / *так*. Они имеют следующую синтагматику.

а) *Как* / *так* по своей природе местоименные наречия, а потому они, естественно, чаще всего актуализуют глагольные распространители с адвербиальным значением:

И она его ела *как? сырым*?; Он ходит *как? без головы*? (без головного убора); У вас там работают *как? с библиотечными*? (дни для работы в библиотеке); Ну *как* она там сделана? *с чертовщиной*? (о кинокартине «Вий»); А вы туда *как? электричкой*?; Ты сегодня *как? поздно*?; А одета она *как? по-кинозвездному*?; Я еще с ним

[178] Здесь действует общая и для РР и для КЛЯ закономерность, согласно которой местоимение *что* так же, как и союзное слово *что*, является «нейтральным» по отношению к оппозиции «одушевленность—неодушевленность» (см. Л. Я. Маловицкий. Местоимения *кто—что* и категория одушевленности. «XII научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка». Л., 1970, стр. 119).

разговаривал *так / полушутя*//; Надо войти *так / против Армии и флота / со стороны Кирочной*// (здание, где располагаются учреждения армии и флота).

б) Кроме того *как / так* актуализуют предикаты — одни или с распространителями:

Ну и *как*? *попали*?; А твой шкаф *как*? *со стеклами*?; А электрички *как? и с первых платформ уходят*?; А вы *как*? *предъявляете документы что вы рабочие / служащие* / или как?; А ваши знакомые *как*? *ничего еще не решили*?; Ну вы *как? договорились там насчет нашего поселка* / нет?; А он вообще был *как / практичный?*; А ты всегда *так / по утрам сок и кофе*?; А потом наверно немножко можно *так / сдвинуть чуть*//; Ну а нельзя вот *так* вот / *просто открытками посылать*?.

в) *Как* в инициальной позиции (подобно *что*) выполняет контактоустанавливающую функцию, сигнализируя, что в высказывании содержится вопрос, требующий активного восприятия для ответа:

Ну *как*? на Арбат-то в обед идем?; *Как*? ты одну на другую хочешь поставить? (о полках); Ну *как?* может там доберемся до нас тихонечко-то?; А *как?* на работе все в порядке?; А *как?* у вас дневное и вечернее отделение ничем не отличаются?

13. Актуализаторы *когда / тогда*, *где / там*, *откуда / оттуда*. Их синтагматика у́же, чем у рассмотренных актуализаторов.

а) Они могут выделять лишь адвербиальные распространители предиката со значением соответственно времени, места и под.:

Английский *когда*? *скоро*? (об экзамене по английскому языку); А вы *где* были? *в этом доме кино*?; Лекции бывают *где*? *в Выборгском доме культуры*?

Невопросительные выделительные слова сравнительно редки, конструкции с ними не чужды и КЛЯ:

А я ведь успел по Волге проехать еще *тогда / до всех этих плотин*//; Вот я наверно опять час простоял *там / около этого Кузнецова*// (около картины художника Кузнецова); Женя / и если будешь *там / в районе Арбата* / посмотри себе пальто в «Синтетике»//.

б) Могут выделяться этими актуализаторами и глагольные группы, но при условии, что в их составе есть глагольные распространители с соответствующим значением:

А мы *где*? *около Кировской договорились встретиться?*; Я наверно *когда же*? *в пятницу кончу*//; Он где-то *там / недалеко от Вернадского получил квартиру* // (проспект Вернадского); А стол ты теперь *куда*? *прямо к дивану хочешь поставить*?; И он / *когда* он? *в ноябре умер*//.

в) При том же условии — наличие в высказывании глагольных распространителей со значением места и времени — вопросительные *где*, *когда* и пр. возможны в инициальной по отношению ко всему высказыванию позиции:

Актуализованная синтагма / Актуализатор	Предикат	Объектный распространитель предиката	Адвербиальный распространитель предиката	
			с любым значением	с конкретным значением (места и т. п.)
что	+	+	+	+
как	+	—	+	+
когда, где, куда, откуда	—	—	—	+

Где? в сотом (номер магазина) ты ее видел?; *Когда*? часа в два пойдем?; *Когда*? осенью только отпуск?; *Где*? в «Севере» она? (идет кинокартина); *Когда?* в четыре вы решили?

14. Вопросительные актуализаторы *что*, *как*, *когда*, *где*, *откуда*, *когда* могут употребляться не только в вопросительных, но и в повествовательных высказываниях, при самовопросе:

Мы уже *что? без пальто там ходили*//; Мы с ним значит *что? зашли в книжный / потом на троллейбусе добрались до центра*//; А иначе с меня *что*? *его стоимость спросят*//; Я мог бы тогда *что*? *рассказать как происходит эта процедура*//; Мы тогда *как*? *через парк и там* / а теперь приходится обходить//; Они ведь *как*? *сначала себя закаливают* // (о купальщиках зимой — «моржах»); Я ее *когда* видал? *летом в этом году*//.

15. Вопросительные актуализаторы группы *что* (*что*, *как* и др.) образуют систему [179]. В высказываниях одни из этих актуализаторов способны замещать другие. При этом, если иметь в виду закономерности таких замещений, все названные актуализаторы оказывается возможным расположить по принципу маркированности / немаркированности их синтагматических свойств.

Немаркированным является актуализатор *что*, поскольку он способен замещать все другие актуализаторы. Ср.: А ты в бассейн ходишь *как*? *по абонементу*? → А ты в бассейн ходишь *что*? *по абонементу*?; А в Казани теперь Волга *как*? *к самому городу подошла*? → А в Казани теперь Волга *что*? *к самому городу подошла*?; А Свияжск *как*? *тоже реставрируют понемножечку*? → А Свияжск *что*? *тоже реставрируют понемножечку*?; Вы *куда*? *в стекляшку*? (кафе из стекла) → Вы *что*? *в стекляшку*?; У вас заседание *когда*? *ровно в одиннадцать*? → У вас заседание *что*? *ровно в одиннадцать*?

[179] Повествовательные эквиваленты вопросительных актуализаторов (*так*, *когда* и др.) употребляются в РР не так последовательно, как вопросительные (*что* вообще не имеет повествовательного эквивалента), и поэтому при анализе системных отношений во внимание не принимаются.

Предикат с распространителем			Всё высказывание (инициальная позиция вопросительных актуализаторов)	
любым	любым адвербиальным	адвербиальным конкретного значения	любого состава	с адвербиальным глагольным распространителем конкретного значения
+ + —	+ + —	+ + +	+ + —	+ + +

Актуализатор *как* является маркированным по отношению к *что*: все, сочетающееся с *как*, сочетается со *что*, но не все, сочетающееся со *что*, сочетается с *как*. Синтагматические возможности *что* шире. Невозможна замена *что* на *как*, если выделяется глагольный распространитель с «чистым» объектным значением (существительное в винительном падеже без предлога), типа: А Григорович еще там сделал *что*? «*Щелкунчика*» / да?; Он у вас читает *что*? *лекции*?; Вы считаете *что*? *расход*?.

С другой стороны, актуализатор *как* замещает актуализаторы *когда*, *где* и, следовательно, является по отношению к ним немаркированным: А он *где*? *в пятой?* (комнате) → А он *как*? *в пятой*?; Ну мы выйдем *когда*? *в шесть*? → Ну мы выйдем *как*? *в шесть*?

Актуализаторы *когда*, *где*, *куда*, *откуда* маркированы по отношению к актуализаторам и *что*, и *как*. Замещение *что* на *когда*, *где* невозможно, если актуализируемая часть не имеет адвербиальной семантики места, времени: А эта «Яуза» *что*? *работает*? (о магнитофоне); Вы *что*? *холода испугались*?; Ты *что*? *пирамидончик хочешь*?.

Замещение *как* на *когда*, *где* невозможно, если *как* выделяет глагол-предикат, ср.: Ты *как*? *выкупаешься*?; Ты *как*? *дотащишь*?.

Располагая вопросительные актуализаторы по линии маркированности / немаркированности их сочетаемостных свойств, получим ряд: *что—как—когда* (*где*, *куда*, *откуда*).

В этом ряду *что* — абсолютно немаркированный член, а все другие маркированы по отношению к любому из левых и немаркированы по отношению к любому из правых, ср.: Он *когда*? *в пять зайдет*? → Он *как*? *в пять зайдет*? → Он *что*? *в пять зайдет*?

В общем виде возможности сочетаемости актуализаторов представлены в таблице (стр. 356-357).

Такая картина сочетаемости актуализаторов предопределена их семантикой: чем шире семантика актуализаторов, тем шире сочетаемостные возможности (немаркированность); по мере на-

растания семантической конкретности сочетаемостные возможности суживаются (маркированность).

16. Рассмотрим некоторые закономерности словопорядка в высказываниях с актуализаторами группы *что*.

Актуализованная синтагма занимает обычно в высказывании абсолютную постпозицию. Актуализаторы *что*, *как* и др. вопросительные занимают:

а) контактную с актуализованной синтагмой позицию: Ты *что*? *в миске прямо?* (о приготовлении кофе); Ты *как*? *выкупаешься*?; Липнет *как*? *очень*? (снег на лыжи); А она *как*? *только в Лосинке?* (электричка останавливается только в Лосинке);

б) инициальную позицию (после частиц и союзов): А *что* у вас? *экзамен*?; Ну *что* там? *кончилось?*

Для *так*, *там*, *тогда* обычно только контактное положение с актуализованной синтагмой: Нет / она *там / в Коктебеле отдыхала*//; А мы опять *туда / на этот пруд ходим*//.

Характерным является такое построение, когда в начале ставится приглагольный член, связанный с глаголом слабой связью (так называемый детерминант), за ним располагается актуализатор и актуализованная синтагма:

Внизу *что*? *и кофе не продают даже*?; У них уж *что*? *Наташка в пятом*? (классе); В лесу *как*? *попрохладней немножко наверно будет*?; У тебя *что? портфель новый?*; Завтра *как*? *мы никуда не собираемся*?; У тебя *что*? *снова пять экзаменов будет в эту сессию*?; Там *что*? *и мост заливает*?

Тот факт, что в первую синтагму может выноситься именно детерминант, лишний раз подчеркивает особый синтаксический статус последнего: по смыслу детерминанты относятся ко всему высказыванию в целом, а потому их связь с глаголом только формальна и слаба, вследствие чего глагол легко «отпускает» эти члены в другие синтагмы.

17. Обычно для того, чтобы прерывистую синтаксическую цепочку, образуемую высказываниями с актуализаторами группы *что* сделать непрерывной, достаточно два шага: убрать актуализатор и убрать интонационное членение, ср.: Ты не идешь *что*? *из-за работы или из-за погоды*? → Ты не идешь из-за работы или из-за погоды?; Остановку сделали *как*? *ближе к вам теперь*? → Остановку сделали ближе к вам теперь?.

Возможна, однако, и более сложная, если так можно выразиться, прерывистость, когда для восстановления непрерывной цепочки требуются еще какие-то операции. Отметим два случая такой осложненной прерывистости в высказываниях с актуализаторами:

а) подлежащее или существительное с объектным значением из первой синтагмы может затем повторяться во второй (при трансформации в непрерывную цепочку такой повтор, естественно, должен быть убран):

Лейка-то у нас *что*? ***лейка*** *сломалась*?; **Пятачок** у тебя *как*? ***пятачок*** *есть*?; А эти **бараки** *что*? *эти* ***бараки*** *тоже сносить хотят*?; **Билеты** я уже *что*? ***билеты*** *взял уже*//; А **вы** *как*? ***вы*** *каждый день должны являться*?; Я не понимаю / **он** *что*? ***он*** *не хочет уже совсем*//;

б) вторая синтагма может представлять собой такую синтаксическую конструкцию, которая не является продолжением первой; синтаксическая прерывистость здесь особенно очевидна, ср.: А я *что же? мне биться об стенку*?; Цветы *что*? *подлить воды*?; Ты *как*? *может пройдемся*?; Фиалки *что*? *боишься*? (боишься оставлять на ночь в комнате душистые лесные фиалки); Комары *что*? *житья нет*?; Сашка хочет *что*? *в университет поступает*?

Актуализатор «такой»

18. Особое место в системе местоименных лексических актуализаторов занимает местоимение *такой*. С его помощью выделяется в особую синтагму прилагательное (определения и предикаты), ср.: *Первый том получился* ***такóй*** / ***маленький совсем***//[180].

Актуализатор *такой* обычно несет на себе логическое ударение[181].

Ожидаемых параллелей с вопросительным местоимением *какой* не наблюдается. Это объясняется тем, что если при вопросе актуализуется прилагательное, то оно оказывается в позиции предиката, и тогда используются чаще всего актуализаторы *что* или *как*: Он *что*? *некрасивый*? или Он *как*? *седой уже*?

Однако использование *какой* все же возможно, причем как в вопросительных, так и в повествовательных высказываниях: Он *какой*? *новый*?; Он по-моему знаешь *какого*? *он девяносто восьмого года*//.

Если *такой* выделяет прилагательное, то строение соответствующей части высказывания может быть следующим:

а) *такой*+отделенное от него интонацией незаконченности прилагательное с существительным (т. е. *такой* / прилагательное+существительное).

Какой-то он знаешь *такóй* / *сложный вкус*//; Достаточно готовят *такúе* / *более солидные учреждения*//; Ой / у нас в доме есть знаешь *такóй* / *огромный черный пес* / Мишка зовут//;

[180] Интонационная обособленность атрибутивной группы, относящейся к местоимению *такой*, отмечена как характерная для РР черта в статье: Н. И. Ильминская. Конструкции, не дающие единой интонационной модели предложения. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970, стр. 187.

[181] Если на *такой* нет логического ударения, то его функцию, по-видимому, следует рассматривать как поисковую (см. ниже), ср.: У *нас Сокольники ну* ***такие*** */дикие совсем/ в общем это уже лес*//; *Нина* / *а какие-нибудь общеобразовательные вам читают дисциплины* / *ну* ***такие*** / *самые общие?*

О функциях местоимения *такой* см. также в разделе «Функции указательных местоимений».

б) существительное (которое от последующих компонентов может факультативно отделяться интонацией незаконченности)+ *такой*+отделенное от него интонацией незаконченности прилагательное (т. е.: существительное (/) *такой* / прилагательное).

Такое строение характерно для высказывания с актуализованным прилагательным в предикативной позиции, но оно может быть и в высказываниях, где актуализованное прилагательное занимает позицию атрибута:

Эти диваны обычно *таки́е / низковатые*//; Васильев / он *тако́й / тонкий очень* // (об исполнительском мастерстве артиста балета В. Васильева); Она *така́я / странная немножко*//; Стол был *тако́й / старый огромный* / пришлось выкинуть//; Он *тако́й / душевный*//.

Согласование *такой* с существительным обязательно. Если есть предлог, то он обычно повторяется:

Я его застал *в тако́й / в совершенно жуткой обстановке*//; Ведь мы должны писать *на тако́й / на совершенно иной основе*//; Это она была вчера *в тако́й / в черной кофте*?

19. В тех же позициях, что и актуализаторы группы *что*, актуализатор *такой*, может выступать слово *это*:

Вы *что*? *и завтра работаете*? → Вы *это* / *и завтра работаете?*; А схемы вы даете *что*? *без нумерации*? → А схемы вы даете *это* / *без нумерации*? А он *как*? *самолетом*? → А он *это* / *самолетом*?; Славка говорит что там есть и так / без очереди// → Славка говорит что там есть и *это* / *без очереди*//.

Он у нас *тако́й* / *диковатый немножко*// → Он у нас *это* / *диковатый немножко*//.

Однако считать *это* еще одним — самым универсальным — актуализатором нет оснований. Функцию *это* можно определить как поисковую [182]. Говорящий, начиная высказывание, часто не знает точно его конца. Поэтому возможны несинтаксические интонационные обрывы, паузы, так называемое «эканье» и «меканье» [183].

[182] Ср. мнение, что *это*-поисковое — «средство организации речи, когда говорящий не может сразу сформулировать мысль, стремится подыскать нужное слово, преодолевает рассеянность и т. п.» (см.: Н. И. Ильминская. Указ. соч., стр. 186).

[183] Явления подобного рода, названные речевыми колебаниями, стали в последнее время специальным предметом изучения многих ученых. Сведения об этих работах, приведенные в обзоре Т. М. Николаевой, позволяют заключить, что все они в той или иной форме содержат вывод, что речевые колебания в большинстве случаев связаны с поисками необходимых для данной коммуникативной цели компонентов. Чем менее подготовлена речь заранее, чем менее способен говорящий к поиску в самом процессе речи, тем более сбивчивой речь оказывается. Поиск касается, естественно, прежде всего ремы: тема определена ранее и обычно подается без особых затруднений. См.: Т. М. Николаева. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях) [обзор]. — ВЯ, 1970, № 3, стр. 117—123. — Там же подробная библиография. См. также: К. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1971.

Высказывания с актуализаторами *да / нет*

«Да/нет» в вопросительных высказываниях

1. В вопросительных высказываниях РР широко употребляются для подчеркнутого выделения слов, на которые направлен вопрос, актуализаторы *да* или *нет*. Типично разговорным свойством этих актуализаторов является их способность употребляться в непосредственном контакте с выделяемым ими словом, какое бы место в высказывании это слово ни занимало.

Он ведь *никогда / да*? в Ленинграде не был//; Это *в ту сторону / нет*? идти?

Эта способность позволяет актуализаторам *да / нет* выделять любое слово в высказывании и делает их особенно активными в частичных вопросах.

Интонирование вопросительных высказываний с *да / нет*-актуализаторами следующее. *Да / нет* образует отдельную вопросительную синтагму, расположенную в контактной постпозиции по отношению к актуализуемому слову. На актуализуемом слове интонация повышается, чем сигнализируется граница синтагмы. Последующая за *да / нет* часть может произноситься как с интонацией понижения (конца высказывания), так и с интонацией повышения, сигнализирующей вопрос [184]:

На «Ракете» / да? вы ездите? (тип судна на подводных крыльях); Тюльпаны там *голландские / да*? в этом году посадили//.

2. С помощью *да / нет* могут актуализироваться для вопроса любые структурные компоненты высказывания:

а) предикаты:

А она *останавливается / да*? на Яузе// (об электричке); Ты *догадался / да*? кто там на снимке слева?; Он *болельщик / да*?; А там этот переход *разгрузили / нет*? хоть немного//; *Не пойдешь / нет*? к Лене завтра//;

б) подлежащие:

Запись / да? у вас здесь // (происходит запись на магнитофон); Это вот *Галка / да*? ко мне приходила//; *Яшин* ведь / *да*? пропустил тогда четыре от Колумбии // (вратарь Лев Яшин пропустил четыре гола в игре с Колумбией); Это *она / да*? звонила?; *Электричка / нет*? теперь до Ярославля ходит?

в) глагольные распространители с объектным или с адвербиальным значением:

[184] Описывая интонирование высказывания *Вы говорите, что-то придумали, да? а на самом деле вы ничего не придумали*, которое также имеет *да*-актуализатор, Н. И. Жинкин находит, что «первая часть полувопросительная, полуутвердительная; на *да* развертывается вся сила вопросительной интонации, последняя часть предложения является отрицанием» (т. е. не имеет вопросительной интонации) (Н. И. Жинкин. Вопрос и вопросительное предложение. — ВЯ, 1955, № 3, стр. 25).

Он *машину / да*? «Запорожца» собирается // (купить); Я тебе *супу / да*? налью//; Тебе *молока / да*? налить//; Это ты *о Саратове / да*? говоришь?; Тюльпаны *с сиренью / да*? можно? (поставить); 1. Ты должен помнить эту фотографию // 2. Нет// 1. Помнишь-помнишь// 2. Там *с куклой / нет*? она снята//; Там и твою *статью / нет?* будут печатать?;

Может тогда *завтра / да*? найдем минутку//; Мы *завтра* уж / *да*? в лес обязательно//; У вас *всегда / да*? колбаса такая хорошая?; А ты *опять / да*? пропустила эту картину // (о фильме); 1. На него ведь никто не мог смотреть // 2. *Совсем / да*?; Теперь уж *скоро совсем / да*? вам телефон-то поставят?; Ну вы-то *недавно / да*? приехали?; Они *вместе / нет*? собираются//; *Завтра / нет*? он должен быть?; Жень / мы *к семи / да*? обещали//; А вы вот *в главном этом корпусе / да*? теперь живете//; 1. А куда вы носили ее? 2. В ветеринарную лечебницу // 1. *На четвертую Советскую / да*?; Они строят *над метро прямо / да*? гостиницу//; Тут мужчина *позади вас / да*? стоял / он что / ушел?; Вы из одной *в две / да*? переезжаете?; Он *здесь у вас / да*? начинал?

Какое метро / *Кировский завод / да*? мне ехать что ли//; *Кафе / да*? они встречаются//;

г) прилагательные или существительные с предлогами и без предлогов в роли определений к субстантивам:

Там *современная / да*? музыка?; На таком *маленьком / да*? вы ехали пароходике//; Там ведь *небольшой / да*? лесок / кустарник в общем?; *На первом / да?* нужно ехать // (о номере трамвая); Они *на ближнее / нет*? пошли озеро//; Ты *в наш / нет*? пойдешь // (о магазине); Тебе миску *с ручкой / да?* нужно?

3. Если *да / нет* выносится в конец высказывания, то актуализуемое слово не обязательно располагается контактно с актуализатором; выделяясь логическим ударением, оно может занимать разные места в высказывании:

Так он как *почасовйк* работает / *да*? или: А это вы *в студе́нческом* театре слышали / *нет*?

Но для *да / нет* и в конце высказывания более характерно контактное положение с актуализуемым словом, которым при таком положении *да / нет* чаще всего бывает предикат:

Кто-нибудь *рассказал / да?*; Ну у тебя справка *есть / да*?; Ничего *не выйдет / да*?; Он *болел / да*?; Ты тоже *коренной ленинградец / да*?; Тебя чертежи *интересуют / да*?; А я боюсь уже с Элой у меня ничего *не выйдет / да*?; Ну она ему *готовит / нет*?; Наверно там народу *будет мало / нет*?; А манты *не ели / нет*?

4. Обращает на себя внимание меньшая частотность *нет* по сравнению с *да*. *Нет* употребляется тогда, когда более или менее одинаково вероятны и положительный, и отрицательный ответ, т. е. когда вопрос имеет альтернативный характер. *Да* также может употребляться в альтернативном вопросе, но кроме того *да* употребляется и в вопросе, который требует простого подтверждения и не предполагает выбора. Вопрос *Ты после шести* ***дома/да?***

будешь? может быть поставлен в ситуации, когда известно, что после шести он обычно дома и нужно просто удостовериться, не будет ли случайно нарушена эта «обычность» [185]. Вопрос *Слушай-ка / а ты о Вальке ничего не слышал? Он* ***кончил/нет? этот*** *заочный* // не предполагает какого-то предварительного знания об ответе: одинаково возможно и *да*, *кончил*, и *нет*, *не кончил*. Следовательно, есть основания актуализатор *да* считать немаркированным, а *нет* — маркированным. Поэтому *да* именно как немаркированный член предполагает большую частотность, чем маркированный *нет*.

Да/нет в повествовательных высказываниях

5. *Да / нет*-актуализаторы возможны не только в вопросительном, но и в ответном высказывании.

Строение ответной реплики с *да / нет*-актуализаторами может быть следующим.

1) В ответной реплике, если она представляет полное (без эллипсиса) высказывание, *да / нет*-актуализатор употребляется в общем так же, как и в вопросительном высказывании. Он может обособляться в синтагму, которая располагается в контактной постпозиции к выделяемому слову:

1. Ты *салаки / да*? просил // (купить) 2. Я *салаки / да / просил*//; 1. Там сейчас *выставка какая-то / да*? работает // 2. *Выставка / да / книжная* открылась//; 1. Киселя хочешь? 2. *Киселя / да / хочу* немножко//; 1. Это из Японии? 2. *Из Японии / да / привезли*//.

2) Иного рода построения имеют место, когда *да / нет* в ответной реплике располагаются в контактной препозиции к соотносимому с ними слову. Роль препозитивных *да / нет* иная, чем постпозитивных: 1. *Ты очень есть хочешь? 2. Я* ***да/очень хочу***//.

Да в такой ответной реплике отсылает к соответствующему слову — реме вопросительной реплики, повторение же этого слова в ответной реплике необязательно — можно ответить просто: *Да*//. Такие *да / нет* отделяются интонацией повышения только от выделяемого слова, т. е. справа:

1. Ты *Моруа / да*? хочешь // 2. Я *да* / Моруа очень хочу//; 1. Он дома? 2. Он *да / здесь*//.

При препозитивных *да / нет* по сравнению с постпозитивными механизм актуализации работает как бы в обратном направлении: *да / нет* постпозитивные усиливают рему, *да / нет* — препозитивные усиливаются ремой.

[185] В типологии вопросительных предложений И. П. Распопова специально выделяется «вопрос, имеющий целью удостовериться в правильности какого-то сообщения» (И. П. Распопов. Вопросительные предложения. — РЯШ, 1958, № 1, стр. 36).

3) Для РР в ответной реплике вполне обычно *да / нет* как в инициальной позиции, так и в конце высказывания.

1. Может она все-таки вытянет на медаль // 2. *Нет* / не вытянет думаю//; 1. Вы видели любимовские / *да*? 2. Любимовские три я видел / *да* // (спектакли режиссера П. Любимова).

Следует отметить, что в инициальной позиции *нет* в разговорном высказывании может выступать не только в отрицательных повествовательных высказываниях (с частицей *не*), но и в утвердительных (без частицы *не*). Это бывает в двух случаях.

а) Говорящий предполагает, что от него ждут отрицательного ответа, а он вопреки этим ожиданиям дает утверждение; именно это «вопреки» и подчеркивается *нет*-инициальным. Ожидание отрицательного ответа, как правило, сигнализируется тем, что вопросительная реплика строится с отрицанием, тогда *нет*-инициальное в ответной реплике отрицает отрицание вопросительной реплики:

1. Ты ведь «Освобождение» не смотрел? 2. *Нет* / я видел//; 1. Ты в срок конечно никак уже не кончишь? 2. *Нет* / я постараюсь//.

Вопросительная реплика может строиться без отрицания, но, если из ситуации ясно, что спрашивающий ждет отрицательного ответа, ответ может содержать *нет*:

1. Ты гулять пойдешь? (погода плохая, к гулянию явно не располагает) 2. *Нет* / я пойду//; 1. Ты бы хотел на «Чайку»? (известно, что сам спрашивающий относится к постановке отрицательно) 2. *Нет* / я бы хотел//.

б) *Нет*-инициальное показывает, что говорящий хочет усилить отрицательный смысл своего высказывания.

1. А вообще няню очень трудно найти// 2. *Нет* / в Москве очень трудно / просто невозможно//; 1. Мне не очень понравилась эта их пантомима// 2. *Нет* / это просто ужасно// [186].

4) Совершенно явные и определенные синтаксико-семантические отношения вопросительной и ответной реплик позволяют второй эллиптироваться до одного слова-ремы, употребляемого с *да / нет*, которые бывают как препозитивными, так и постпозитивными по отношению к реме. При постпозиции *да / нет* всегда отделяется от выделяемого слова интонацией повышения:

1. Это гребешки какие-то? 2. *Гребешки / да*//; 1. А у вас с ко-

[186] На подобные факты обратила внимание Г. Г. Инфантова, которая считает, что в высказываниях — *Если ей помогают то и она тоже самое / и старается так. . . и помочь / а Анна Петровна больше для себя // — **Нет** / Анна Петровна очень эгоистичная женщина / очень // нет*-инициальное, употребляясь не в своей прямой функции, служит для замещения, «рассматриваемого с точки зрения ассоциативного ряда» (т. е. ряда КЛЯ—РР) (Г. Г. Инфантова. О способах реализации принципа экономии в синтаксисе русской разговорной речи. — «Вопросы грамматики русского языка». Л., 1971, стр. 62). Понять такую интерпретацию не представляется возможным, поскольку не определено, какую же функцию вместо отрицательной выполняется *нет* и что замещает это *нет*.

мандировками легко? 2. *Легко / да//*; Ну это скучно по-моему // 2. *Скучно / да//*; 1. Это называется отель? 2. *Отель / да//*; А как / с лимоном? (едят устрицы) 2. *С лимончиком / да//*; 1. Селедку еще не пробовали? 2. *Не пробовали / нет//*; 1. Тебе к Ивановой не трудно зайти там по дороге? 2. *Не трудно / нет//*.

Да / нет препозитивные также обычно отделяются от актуализуемого слова интонацией повышения, но могут и объединяться с ним в одну фразу. Особенно это характерно для *нет*-актуализатора:

1. Ты кофе можешь купить там у себя? 2. *Да / могу//*; Облачка опять находят / да? 2. *Да / облачка//*; 1. Хочешь пойдем покупаемся? 2. *Нет / не хочу//*;

1. Там креветки? 2. *Нет не креветки//*; 1. Там ведь пруд какой-то у них? 2. *Нет не пруд* // Заливчик//.

Актуализуемые существительные в ответной реплике обычно сохраняют ту форму, которую они имели в вопросительной реплике:

1. Ну это что-то вроде такого *торшера / да?* 2. *Торшера / да//*; 1. Водолазку ты *в шкаф* что ли убрала? 2. *Да / в шкаф//*; 1. Я не знаю / ну может *тюльпанов* штучки три добавить? 2. *Тюльпанов/ да//*.

В соответствии с косвенными падежами существительных вопросительной реплики в ответной реплике существительные могут ставиться при *да / нет* в немаркированном им. п.; такие существительные имеют объектное значение, реже — значение места, причины и т. п.

1. *Молока* надо купить? 2. *Да / молоко//*; 1. А лучше все-таки *гладиолусов / да*? взять подороже // 2. *Да / гладиолусы//*; 1. *Из-за дождя / да*? вы ушли? 2. *Да / дождь//*; 1. *В Прибалтику* хотите? (ехать отдыхать) 2. *Да / Прибалтика//*.

5) Характерен для РР такой состав ответной реплики, когда вместе с ремой выступает тема, которая может быть любым членом синтаксической структуры:

1. Толик *завтра / да?* к нам придет // 2. *Толик завтра / да//*; 1. В Пирогове просто купаются / *без пляжа / да*? 2. *В Пирогове просто без пляжа / да//*.

Вероятность употребления *да / нет* в высказываниях четвертой и пятой групп очень большая. При ответе на вопрос *Ты по Волге опять?* (поедешь) возможно *Я по Волге //* или просто *По Волге //* но более часто *Я по Волге / да//*; *По Волге / да //* или *Я да / по Волге//*; *Да / по Волге//*.

Высказывания с повторами

Повтор-синтагма

1. Актуализованные с помощью интонационной расчлененности и повторов высказывания имеют строение, отличительными признаками которого являются: 1) наличие повторенных компо-

нентов; 2) распределенность каждого из повторенных компонентов по разным синтагмам:

Об этом *было* / в «Спорте» *было*//; Я иногда просто *не могу* / говорить с ней *не могу*//; Она *старалась* / очень *старалась*//; *Ручка на столе* / *ручка на столе* лежала//; *Завтра* / *завтра* мы с ней можем поговорить//.

2. Такие конструкции подобно конструкциям с актуализаторами можно характеризовать как высказывания с прерывистыми синтаксическими цепочками. Прерывистость создается именно отмеченными выше дифференциальными признаками: если убрать повтор и интонационное разделение на две синтагмы, то прерывистая цепочка трансформируется в непрерывную, ср.:

Она *хотела* / она *хотела* прийти завтра // → Она хотела прийти завтра//; Поезд *утром* / *утром* кажется // → Поезд утром кажется // (прибывает).

3. Почему же интонационная расчлененность высказывания в ряде случаев сопровождается повтором? Почему нередко говорят *Он там* ***отдыхает*** / *каждое лето* ***отдыхает*** // при более редком *Он там отдыхает* / *каждое лето* //?

Очевидно, интонационное членение в известной степени нарушает синтаксические связи и тем самым затрудняет восприятие высказывания в целом. Повтор способствует «воссозданию» этих связей. Повторяющийся во второй синтагме глагол нужен исключительно как структурный компонент. Новой семантической информации повтор не дает [187]. Это подтверждает и интонирование второй синтагмы. Верхняя точка подъема интонации приходится на приглагольный член, наиболее важный в коммуникативном отношении член второй синтагмы, на глаголе происходит интонационный спад; глагол может проговариваться в убыстренном темпе.

Таким образом, если интонационное членение высказывания рвет синтаксическую цепочку, то повтор в какой-то степени компенсирует этот разрыв.

Роль повтора как средства склеивания синтаксической цепочки ясно видна на примерах, когда в одну предикативную конструкцию вставляется другая, нарушая тем самым непрерывность связей первой. После такой вставки разорванная конструкция с помощью повтора как бы начинается заново:

Я пришла к своей приятельнице / *а у нее* / ведь всегда так бывает / *а у нее* подруга//; *С него снимают* / он встает на колени / *с него снимают* эти ящики и все // (о верблюде); Но видите сегодня *я* / несмотря на ваш аппарат / *я* не заикался//; *Считается* / что скажем / вот по требованиям петербургской школы / *считается* что историк прежде всего должен хорошо знать язык// [188].

[187] Ср. повторы, привносящие нечто новое в смысл: *Он делал-делал* / *ничего не вышло* // (делал долго) или *Он делал* / *делал* / *и своего добился* // (делал упорно, целеустремленно). См. также: Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 280—362.

[188] Повторы такого типа на материале русского языка рассматриваются в статье: K. Koževniková. Některé vztahy obsahové a vyrazové výstavby

Разумеется, повтор такого рода не имеет отношения к актуализации высказываний.

4. Не всякая расчлененность на синтагмы или высказывания того, что могло бы составить одну непрерывную синтаксическую цепочку, связано с повторами, ср.: *У меня есть адрес / ленинградца одного // Иванова//*.

Поэтому должно быть выяснено, когда при интонационной расчлененности требуется повтор и насколько сильно это требование.

Другое направление исследования высказываний с повторами — синтагматическое. Оно предполагает: 1) установить, какие компоненты высказывания могут повторяться; 2) описать, как располагаются по отношению к повторенным компонентам другие компоненты высказывания.

И, наконец, третью задачу описания видим в том, чтобы показать, какие возможности для актуализации высказывания открывает тот или иной тип повтора.

Высказывания с повтором в конечной синтагме

5. Чаще других членов в конечной синтагме повторяется глагол-предикат. Повтор глагола бывает в том случае, если интонационное членение разрывает глагол и непосредственно соотносимые с ним члены (приглагольные и подлежащее) и если это членение осуществляется интонацией незаконченности (высказывание расчленяется на синтагмы). Если же такое членение осуществляется интонацией законченности (высказывание распадается на фразы) и отделяется факультативный член структуры, то повтор менее необходим.

Чем объяснить указанную закономерность? Ведь казалось бы интонация законченности нарушает связи синтаксической цепочки еще в большей степени, чем интонация незаконченности, и, следовательно, повтор как средство компенсации разрыва в этом случае более необходим. Никакого противоречия, однако, нет. Интонация незаконченности сигнализирует, что дальше последует синтагма так или иначе связанная с первой, повтор же позволяет уяснить характер и направление этой связанности. При интонации незаконченности слушающий ждет продолжения и получает его.

При интонации законченности слушающий уже ничего не ждет. Чтобы осмыслить добавляемый член, как часть предшествующей

v nepřipraveném mluveném projevu. «Slavica pragensia», X, Praha, 1968, стр. 329—336. — С. Прокешова отмечает такие повторы и в чешском, характеризуя их как нефункциональные и считая, что они свидетельствуют о недостаточно выраженной перспективе предложения (S. Prokešová. Jak se odráží improvisovanost v jazykové výstavbě mluvených projevů. «Otázky slovanské syntaxe». Praha, 1962, стр. 348).

синтаксической цепочки, ему необходимо «вернуться назад», независимо от того, будет повтор или нет. Повтор просто облегчает эту отсылку назад, но не заменяет ее. Поэтому он факультативен. Всякая необходимость вернуться назад к уже построенной синтаксической цепочке и восстановить уже отпущенное из памяти связано, очевидно, с увеличением глубины высказывания, как ее понимает В. Ингве [189]. РР по многим причинам экстралингвистического характера стремится к минимальной глубине [190]. Интонация незаконченности и повтор как средства актуализации не предполагают отсылки назад и, следовательно, не увеличивают глубины синтаксической цепочки. Это во многом объясняет большую активность повторов при интонации незаконченности.

Необходимо специально отметить еще один случай повтора глагола. Когда отделяется обязательный член конструкции, связанный с глаголом сильной связью, то необходимость повтора ощущается при любом интонационном членении. Чтобы восполнить сильную связь, язык мобилизует все имеющиеся средства, ср.:

Ну вот я даже *видела* // по серебру резьбу *видела* //

→ Ну вот я даже *видела* // По серебру резьбу *видела* //

→ (не встречается: Ну вот я даже видела // По серебру резьбу //)

Роль повтора как средства, восстанавливающего разорванные связи, проявляется здесь особенно рельефно.

То, что глагол повторяется чаще других членов, вполне закономерно. Глагол грамматически господствующий член. В его подчинении находится гораздо больше членов, чем при других компонентах высказывания, с ним непосредственно соотнесено подлежащее, и поэтому интонационный разрыв в большинстве случаев нарушает именно глагольные связи. Повтор глагола ликвидирует эти нарушения.

6. В высказываниях с повторенным глаголом в личной форме распределение компонентов по синтагмам может быть следующим.

1) В первой синтагме: подлежащее [191]+глагол с сильной валентностью; во второй синтагме: повторенный глагол+обязательные члены, удовлетворяющие его валентность.

[189] См.: В. Ингве. Гипотеза глубины. Пер. с англ. — «Новое в лингвистике», вып. IV. М., 1965, стр. 126—138.

[190] См.: О. Б. Сиротинина. Глубина фразы и ее роль в общении. «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 84.

[191] Указание на подлежащее необходимо для того, чтобы отграничить эти высказывания от высказываний третьей группы, в которых подлежащее находится во второй синтагме при повторенном глаголе. Если глагол вообще не требует подлежащего, то его, естественно, не будет ни в первой, ни во второй синтагме.

Распространителем глагола во второй синтагме может быть любой член, который удовлетворяет обязательную валентность глагола:

а) Существительное в вин. п. без предлога с объектным значением:

Я *смотрел* / этот бокс с американцами *смотрел*//; В Ленинграде вот я заметил почему-то *не любят* / *не любят* Акимова //; А ты-то *прочла* / эту «Бочкотару» *прочла?* (повесть В. Аксенова «Затоваренная бочкотара»); А Вера мне *не сказала* / ничего *не сказала*//; Женя / *сними* пожалуйста / чайник *сними*//; Он *окончил* / мехмат *окончил*//.

б) Существительные в других косвенных падежах с предлогами и без предлогов с объектным значением:

А ты все-таки *поговори* / с Ивановой *поговори*//; А потом *привыкли* / *привыкли* именно к такой игре //; Просто Галка очень *хотела* / именно в МГУ *хотела*//.

в) разного рода распространители глагола с адвербиальным значением:

И я все-таки *пошла* / *пошла* прямо к нему//; Витька *прыгал* / *прыгал* как сумасшедший//; Мы *поднялись* / вот в гору *поднялись* / и это уже было плато́//.

г) Обязательным распространителем глагола во второй синтагме может быть инфинитив, как объектный, так и субъектный:

Он меня быстро *научил* / говорить даже *научил* // (говорить по-чешски); Я просто *не могу* / слушать *не могу*//; Мы *хотели* / уже *хотели* взять//; А вот эти все бутончики *могут* ведь / да? *могут* распуститься//.

Если инфинитив в свою очередь имеет при себе обязательные распространители, то возможен повтор либо всей инфинитивной группы, либо только инфинитива:

(иронически) Сейчас // Папа только *кончит* / *кончит* писать свою диссертацию / начертит все чертежи / и потом тебя возьмет//; Я вот *страшно мечтаю* / *страшно мечтаю* пойти в театр Гоголя//; Я просто не могу *понять* / эту книгу *понять*//.

Аналогичным образом ведет себя инфинитив в высказывании, основу которого составляет безличная предикативная конструкция. В ней повторяется:

— либо только господствующий член (предикативное наречие, безличный глагол):

Мне *трудно* / *трудно* было переезжать жутко//; А *хотелось* / *хотелось* посмотреть//;

— либо, если инфинитив имеет обязательный распространитель, господствующий член вместе с инфинитивом:

Теперь *нужно класть* / *нужно класть* полосу на полосу //;

— либо, наконец, только инфинитив:

Вот надо будет *позвонить* / матери *позвонить*//; Мне там хотелось *увидеть* / вот зал с Головиным *увидеть* // (в картинной галерее).

д) Если высказывание строится на основе именного предиката, то повторяется связка, а именная часть может оказаться во второй синтагме:

И это *была* еще при финнах / *была* школа егерей/; А я *был* ведь / учителем *был*//.

2) Во вторую синтагму при повторенном глаголе может помещаться член факультативный с точки зрения синтаксических связей, но очень важный в коммуникативном отношении, а все другие члены оказываются в первой синтагме:

Ты понимаешь *работает* там у него техника / исключительно *работает*//; Валерка *звонит* / выпивши *звонит*//; И дверь *не открывалась* / понимаешь / ну совсем *не открывалась*//; А я как-то *выкупался* / прямо в часах *выкупался* / и идут//; Он *растерялся* / совершенно *растерялся*//; Я «Литературку» *выписал* / вчера *выписал*// (о газете); Я у Белова *был* / в мае *был*//; Эрик свой стол *моет* / каждый день *моет*//; Тюльпаны *купил* / вот вчера *купил* / и уже завяли //; Табуретки вот такие же вчера *продавались* / у нас *продавались*//; Ленка *старается* / очень *старается*//; Ну *подождите* / *подождите* еще немного//; Конечно им нужно *бегать* / *бегать* как можно больше//; Ой *не стоит* / *не стоит* сейчас // (говорить).

Во вторую синтагму могут выноситься даже частицы:

Ну у них там вода *есть* / *есть* же//; Бимон *прыгнул* на восемь девяносто / ведь *прыгнул* же// [192].

3) В первую синтагму могут выноситься все компоненты высказывания, кроме подлежащего, которое остается во второй синтагме при повторенном глаголе:

Ну конечно там *есть* / *есть* пантомима//; Там прямо *были* / и неграмотные *были*//; Что-то *расползается* у меня / *расползается* варенье-то// (о сладком пироге с вареньем); Второе место *заняли* / Буки (фамилия) *заняли* // (о соревнованиях по фигурному катанию на коньках); Там *ходят* / автобусы какие-то *ходят*//; Причем в некоторых из них *исполнялись* / *исполнялись* вещи, которые вообще ни разу в Ленинграде не исполнялись//; Говорили *не придет* сегодня / *не придет* он//; *Смылась* там местами совсем / *смылась* краска//.

7. Вместе с глаголом-предикатом во второй синтагме могут повторяться некоторые приглагольные члены или подлежащее:

[192] Модальные слова также могут выделяться в синтагму с помощью повтора, но большой необходимости в таком повторе нет, поскольку, как широко известно, модальные слова не имеют прямых, непосредственных связей с другими компонентами высказывания, в том числе и с глаголом; интонационное членение в этом случае не разрывает связей (их нет), и повтор как средство компенсации разрыва, естественно, не нужен, ср.: *Я бы поехал / конечно поехал* // и *Я бы поехал / конечно*//. Этот факт, в свою очередь, подтверждает справедливость мнения об особом статусе модальных слов в высказывании.

И *я у них жил* / целый год *жил у них*//; Я *с ним не пойду* / гулять *с ним не пойду* //; *Они не приспособлены* / *они не приспособлены* к этой жизни домашней//; А потом *она приехала* / *она приехала* с гастролей / и говорит (. . .); *Он умер* / *он умер* от диабета//; Ну *я-то приду* / *я-то приду* с Сережкой //; *Мы уж не знаем* / *мы уж не знаем* куда их девать//.

Видеть здесь особый тип повтора нет оснований, поскольку повтор подлежащего или приглагольного члена в этом случае факультативен, глагол как бы автоматически «прихватывает» с собой во вторую синтагму другие члены. Эти члены легко могут быть опущены, и от этого ничего не меняется.

При повторенном подлежащем и глаголе-предикате одно высказывание может распадаться на две фразы:

Она забывает // *Она* прочитанное *забывает* //; *Они выхлопотали* // *Они выхлопотали* все что хотели//.

При таком членении глагол в первом высказывании употребляется абсолютивно, во втором — реализует свою валентность.

8. Повтор других членов (не глаголов) в конце высказывания не связан с характером интонационного членения: часть с повтором может быть как синтагмой, так и фразой. В обоих случаях интонационное членение легко осуществимо и без повторов. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что и в таких синтаксических построениях повтор-синтагма используется весьма часто. Так могут повторяться:

а) существительные, если с помощью их повтора интонационно выделяется присубстантивное прилагательное; синтаксическая роль существительных с этими прилагательными может быть любой:

У них есть *запах* / такой сладковатый *запах*//; На боку болтался нож / и *шлем* / настоящий *шлем* / какой-то черный //; Потом Света провалилась *в воду* бедняга / в ледяную *воду*//;

б) все те члены, к которым относятся подчеркиваемые усилительные наречия и частицы:

Она *далека* от Венеры Милосской / очень *далека*//; Я сейчас приезжаю вот уже целую неделю *домой* после работы / только *домой* и никуда больше//; Пишут многие / а печатают *не многих* / далеко *не многих*//.

9. Повторы, рассмотренные в предшествующем пункте, являются способом подчеркнуть особый динамический вес тех членов, которые при первоначальном линейном развертывании высказывания могли быть упущены из вида и затем добавлены в конец [193].

Особого внимания заслуживает вопрос о коммуникативной роли повтора глагола. С помощью такого повтора динамической

[193] О добавлениях в конец высказывания РР см.: О. Б. Сиротинина. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965, стр. 85—87; О. А. Лаптева. Расположение компонентов в группе «определяемое—одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи. В кн.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 154—155.

структуре высказывания сообщается большая гибкость. Повтор глагола позволяет так членить высказывание, что любой синтаксически зависимый от глагола член — подлежащее, обязательный или факультативный глагольный распространитель — становится центральными с точки зрения актуального членения. При этом возможны различные актуализационные схемы. Наиболее характерны следующие.

1) Ремой высказывания является тот член, который интонационно обособлен с помощью повторенного глагола от всех других членов во второй синтагме, ср.:

А мне *выписывала* / вот эти самые глазные капли *выписывала*//; И вот Славка этот нас *умел* / *умел* нас повеселить//; Я *упал*// неудачно очень *упал*//.

2) При повторе нередко встречается и такое актуальное членение, при котором в высказывании оказываются две равноправные ремы. Это можно доказать, если применить для определения ремы критерий, суть которого в том, что «всякое повествовательное предложение может быть трансформировано в «гипотетический» вопрос, на который данное предложение может служить ответом. Тогда (в русском языке) рема исходного предложения либо превращается в вопросительное слово, либо снабжается энклитикой *ли* [194].

Сравните следующий диалог:

1. А вам-то «Спартак» удалось? С кем там? (удалось ли посмотреть балет «Спартак» и с какими исполнителями) 2. Мы *посмотрели* / с Лавровским и Лиепой *посмотрели* //.

В ответной реплике ответ на оба поставленных вопроса, т. е. две равноправные ремы.

Высказывание *Достается ей / здóрово достается с этим ребенком* // может быть двуремным, служа «ответом» на два вопроса: *Достается ли ей?* и *Как ей достается с ребенком*?

Высказывания с повтором членов, вынесенных в инициальную синтагму

10. В инициальную синтагму с последующим повтором во второй синтагме может выноситься один или два непосредственно не связанных между собой синтаксически члена: *Весной / весной* я защищался//; *И он вечером / вечером он* конечно тоже работал//.

Более двух членов в повторяющейся инициальной синтагме встречается редко: *Марья Филипповна к вам в гости / Марья Филипповна к вам в гости* собирается//; *Весной там конечно / весной там конечно* здорово отдыхать//.

[194] О. С. Ахманова, А. А. Драздаускас и др. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. М., 1969, стр. 126—127. То, что синтаксический критерий определения ремы разработан на материале КЛЯ, не мешает использовать его и для высказываний РР.

Если инициальная синтагма состоит из двух (и более) членов, то в последующей части высказывания обычно повторяются оба эти члена: *А ты получше / ты получше* написать можешь//; *Карточки в Марининой комнате / карточки в Марининой комнате* лежат пачка//.

Возможны, однако, случаи, когда повторяется только один член: Они *для юношества / для юношества* неплохие в общем// (о фильмах); Виталий *здорово / здорово* по работе загружен//.

Повторяющиеся члены, вынесенные в инициальное положение, могут быть отделены от последующей части высказывания только интонацией незаконченности; интонации законченности после них не наблюдается.

Необходимость повтора членов инициальной синтагмы объясняется все той же необходимостью передать синтаксические зависимости, нарушенные интонационной членимостью: синтаксические связи членов первой синтагмы оказываются несколько затемненными — нет господствующего над ними члена, поэтому-то эти члены и повторяются во второй синтагме, где господствующий член налицо.

11. Инициальная одночленная синтагма может состоять из следующих компонентов.

а) Подлежащее:

Они / они молодые / а мне под пятьдесят//; *Он / он* очень хорошо все-таки доходит// (о поэзии А. Вознесенского); А *я / я* никому этого не говорил//; *Я / я* вообще в этом деле ничего не понимаю//.

Такое повторенное подлежащее следует отличать от именительного темы, также выносимого в инициальную синтагму, ср.:

Все / все получили отдельные квартиры // (*Все* — рема, ибо высказывание отвечает на вопрос *Все ли получили отдельные квартиры*?)

Хоккей / хоккей все-таки динамичнее футбола (*Хоккей* — тема, поскольку высказывание отвечает на вопрос *Динамичен ли хоккей*?, но не на вопрос *Что динамично*?)

При именительном темы в отличие от ремы в последующей синтагме высказывания не обязателен повтор, вполне возможно и местоимение:

Хоккей / он все-таки динамичнее футбола //; Ортофикс (название клея) / его больше не будет//.

б) Глагол-предикат:

Не дается / просто *не дается* ему русский и все//; *Проскочили* / удачно мы *проскочили*//; Так что *не знаю* / я лично о нем ничего *не знаю*//.

в) Распространители глагола-предиката:

А *теперь / теперь* вообще никто ламповые не собирает//; *Внутри отдела / внутри отдела* касса //; *И вдали / вдали* там где-то деревья так вот понатыканы / сосны (. . .); *Теперь / теперь* тебе телефон Кости // (нужно дать); *С утра* / вот *с утра* поехали к Колабушину //; Вот *у моста у этого / у моста у этого* идет граница//; *Раньше / раньше* я любил поспорить//; *На улице /*

на улице даже теплее, чем у вас здесь//. *Все же / все же* им не выиграть//; *Уже / уже* теперь мы не по дороге // (шли).

12. Инициальная одночленная синтагма нередко представляет особо подчеркнутую рему высказывания. Ее инициальное положение отражает общую для РР тенденцию начинать высказывание именно с ремы [195]. Высказывания с инициальной одночленной синтагмой-ремой особенно характерны для вопросно-ответной формы диалога. В ответной реплике обычно сразу же акцентируется внимание на самом важном в ответе, а затем уже подаются менее важные в коммуникативном плане члены:

1. Разве вы не пойдете? 2. *Иду / я иду*//; 1. А интонацией-то вы будете заниматься? 2. *Занимаюсь / я* уже *занимаюсь*//; 1. Допей молоко там / а? 2. *Допью / я* сейчас *допью* //; 1. А где она? 2. *Пришла / пришла* она//; 1. А когда сектор? 2. *В четверг / в четверг* в двенадцать кажется//; 1. Ко мне никто не приходил? 2. *Никто / никто* когда я здесь была //; 1. А лыжня совсем испорчена / нет? 2. *Местами / местами* просто жуткая//.

13. Инициальная двучленная синтагма может состоять из подлежащего и следующих компонентов:

а) распространители глагола-предиката:

Скорая ночью / скорая ночью привозит в больницу //; *Литературу в школе / литературу в школе* вообще дают плохо //; *А там Ронинсон старый / вот старый Ронинсон* великолепно играет //; *С капитаном мы / с капитаном мы* поговорили //; *А я вот эти новые триоды / я* не знаю //; *Я ей / я* однажды штук пятьсот дал таких ну тоже гашеных // (о марках).

б) предлог:

Я после / все равно *я после* обеда / только что сейчас от стола //; Простите / я здесь кажется стоял? 2. Нет / *вы за́ / вы за* мной//

в) модальные слова и частицы:

Вы кажется / вы кажется хотели водолазку?; *Они наверно / они наверно* быстро рвутся//; Нет / *вероятно я / я* не смогу//; *Мясо по-моему / мясо* там привезли//; *Он по-моему / он* сюда из Ленинграда//; Ну «Иркутская история» / собственно *он по-моему / он* один из первых как-то ее так поставил поднял и потом она пошла там//; *Он конечно / он* не мог просто дотянуться//; *Они вот ведь / они* и не здороваются//; *А Толик ведь / Толик* на Сахалине / в Хабаровске родился //; *Борзая еще / борзая* была//; *Они же / они же* в колхозе вот познакомились//; *Дождь же / дождь* тогда весь день лил//; *Он значит / он* думал что он уже умирает//; *Я же вот / я же* Тамаре Ивановне говорила что это новая деревня//.

14. Совмещение в одной инициальной синтагме двух (и более)

[195] Об этой тенденции см.: И. И. Ковтунова. Порядок слов. . ., стр. 61; О. А. Лаптева. Расположение компонентов. . ., стр. 149. См. также раздел «Порядок слов» (о конструкциях типа *Носки я рада что купила*) в этой книге.

не связанных между собой членов имеет большое значение для актуализации.

Актуальное и синтаксическое членение часто не совпадают — член, зависимый синтаксически, может быть актуально господствующим. В инициальной синтагме можно соположить члены, связанные с точки зрения актуальных отношений, но не имеющие непосредственных синтаксических связей. Можно, например, вынести в инициальную синтагму и тем самым сообщить особый динамический вес членам темы и ремы, которые, вполне естественно, стоят в центре данного коммуникативного акта, наиболее важны, но в синтаксической цепочке занимают отнюдь не главенствующее положение, ср.:

1. А у вас как и в Москве / да? (начинаются футбольные матчи) 2. *Футбол днем / футбол днем* у нас всегда бывает / освещения нет//.

Рема *днем* в инициальной синтагме высвобождается от глагольной опеки и непосредственно соотносится с темой — *футбол*.

По своей коммуникативной роли и синтаксическому строению такие двучленные инициальные синтагмы совершенно аналогичны двучленным ответным репликам диалога с *да / нет*-актуализаторами, ср.:

1. Тебе чай или кофе? 2. *Я чайку / я чайку* стаканчик выпью пожалуй // и 1. Ты чаю / да? выпьешь? 2. Я чаю / *да*//.

Можно сказать, что высказывания с инициальной двучленной синтагмой особенно ярко отражают в своем строении то напряжение, которое существует между актуальным и синтаксическим членением. В первой синтагме это напряжение разрешается в пользу актуализации, во второй — в пользу синтаксиса, поскольку там освобожденные для актуализации члены снова занимают свое место в синтаксической цепочке.

Повтор-фраза

15. В РР существует возможность повторить как фразу один или несколько членов, подчеркнув тем самым их особую коммуникативную значимость:

И мы все-таки тогда *не очень* устали // *Не очень*//; Толик *только* через месяц приедет наверно // *Только*//; На Таганку *страшно трудно достать* // *Страшно трудно достать* // (о театре).

Роль такого повтора очень близка той роли, которую выполняет сильное логическое ударение. Высказывание *Она этого* ***не хотела*** // ***Не хотела*** // по своему коммуникативному эффекту, очевидно, совершенно аналогично высказыванию, произнесенному не с обычным фразовым ударением, а с усиленным логическим ударением на *не хотела*.

При таком повторе говорящий возвращает слушающего назад к уже произнесенному высказыванию, обращает особое внимание

на повторенные члены. Повтор в этом случае уже не вспомогательный элемент, восстанавливающий разорванные связи, а самостоятельное средство коммуникативного подчеркивания членов.

16. Особенно часто повторы-фразы образуют члены, которые редко выделяются с помощью других видов повтора. К ним относятся прежде всего прилагательные-определения. Повторяться может прилагательное из состава подлежащего, именного предиката, распространителя глагола-предиката.

Есть *специальное* даже таможенное какое-то положение // *Специальное*//; Действительно *очень способные* ребята такие / молодые // *Очень способные*//; Но он вообще *лютый* преподаватель// // *Лютый*//; Он *английский* кажется был // *Английский* // (о свитере); А так на толкучке вот на этой можно купить *по сходной* цене // *По сходной* / да//.

Если прилагательное в предшествующем высказывании стоит в косвенном падеже без предлога, то при повторе возможен именительный падеж этого прилагательного:

Конечно много было *замечательных* артистов // *Замечательные*//; Эту вот *яркую* зелень сразу тем замечаешь // *Яркая*//.

Если существительное, к которому относится данное прилагательное, употреблено с предлогом, то предлог повторяется вместе с прилагательным: *От нас легко проехать в тот* ***дальний*** *лесок* // ***В дальний***//.

Чтобы синтаксические связи повторенного прилагательного были абсолютно ясны, оно может повторяться с господствующим существительным. То, что выделяется именно прилагательное, а не существительное, подтверждает логическое ударение, которое стоит на прилагательном (если подчеркивается особая коммуникативная значимость существительного, то оно освобождается от всех членов, в том числе, разумеется, и от прилагательных): *Хороший парень* очень // Да / *хорóший парень* //; А все остальное *слепая схема* // *Слепáя схема* //; ср.: Они притащили такую огромную охапку *ромашек* // *Ромашек*//.

Часто повтор-фразу образуют распространители адвербиальных распространителей глагола: наречия с усилительным значением, зависимые от прилагательных, и подобные члены.

Во Львове с водой *очень* плохо // *Очень*//; Но все это очень здорово // Очень//; По десять штук наверно в год выпускают они / но *очень* большим тиражом // *Очень* // (о марках).

Вполне обычен также повтор-фраза, состоящий из:

а) глагола-предиката:

Ты *посмотри* там как следует // *Посмотри*//; С ним *не поеду* // *Не поеду* // *Отдадим* им половину? *Отдадим?*;

б) существительного-подлежащего:

Ну лучше *венгры* конечно // *Венгры* //; *Листочек* лежал / не видели? *Листочек*//;

в) приглагольного члена с разными значениями:

Мы сталкиваться будем конечно с этими проблемами *обязательно // Обязательно //*; В общем повысилась *в десять* самое маленькое раз // *В десять* // (о ценах на редкие марки); И потом когда после этого меня послали в санаторий / мне сказали что *ходить* обязательно вам // *Ходить* //; Схватил *Попова* // *Попова* // (о марке); Ну-у / *ничуть* не жалко // *Ничуть* //.

Существительное может повторяться не в косвенном падеже, а в именительном:

Ему *меду* надо дать // *Мед*//; (в такси) *На Таганку* пожалуйства // *Таганка* //; (о травмированном футболисте) Он почему-то *за плечо* держался // *Плечо*//;

г) модального слова:

Ну *как водится* опоздали часика на два // *Как водится*//; А меня *наверно* возьмут переводчицей в «Спутник» // *Наверно*//; *Кажется* все-таки что-то выйдет // *Кажется*//;

д) предлога, если он образует слог:

Мы поговорим уже наверно *после* обеда? *После?*; Вам чай *без* сахара? *Без*?

17. Особо следует выделить случаи, когда повторяется целиком предшествующая фраза или, по крайней мере, ее предикативный остов. Различаются следующие повторы такого рода.

1) Предшествующая фраза может повторяться без каких-либо изменений в интонационно-синтаксической структуре. При таком повторе подчеркивается особая коммуникативная важность этой фразы:

А тут совершенно нет // А тут совершенно нет//; Нет / это не туда // Это не туда//.

2) Повтор может сопровождаться изменением порядка слов и расстановкой логических ударений. Это позволяет подчеркнуть в каждой фразе разные компоненты (два одинаково сильных логических ударения в одной фразе, очевидно, вообще невозможны):

А она детские смóтрит // А она дéтские смотрит //; Значит нéсколько там отделений было // Отделéний там было несколько //[196].

3) В повторенной фразе могут подчеркиваться иные, чем в предыдущей, члены за счет того, что некоторые члены опускаются: *Они уничтожили могилу Толстого // Они же уничтожили могилу* //.

Возможно обратное: в повторенную фразу добавляются новые члены, которым придается особая коммуникативная значимость:

Но мы же в семь часов пришли Григорий Александрович // Мы же пришли в семь часов *рóвно* ; Но это не самое главное //

[196] П. Адамец показывает, что повторы в постпозиции — свойство не только русского, но и других славянских и, очевидно, неславянских языков, но повторы с изменением порядка слов принадлежат только русскому языку. Среди этих последних выделяется особый тип симметричных повторов: А. *Разве они обыграли*? В. *Да, Воронеж они обыграли, обыграли Воронеж*. (P. Adamec. K některým otázkám srovnávací syntaxe běžné mluvených projevů. «Otázky slovanské syntaxe». Praha, 1962, стр. 340).

Вот это не самое главное *совершéнно*//; 1. А откýда / откýда вы знаете? 2. Сама не знаю // Сама не знаю *откýда*//.

18. Повторы встречаются не только в РР, но и в КЛЯ. Не ставя целью дать подробное сравнение повтора РР и КЛЯ, отметим все-таки некоторые различия, доказывающие, на наш взгляд, различие систем РР и КЛЯ в этой области.

Как показано, в РР повтор, сопровождающий интонационную расчлененность, принадлежит в основном к системе средств актуализации высказывания. В КЛЯ же повтор чаще относится к средствам создания сильной экспрессии.

Характерно, что в КЛЯ используется в основном один вид повтора — повтор-фраза, повтор «после точки». И это закономерно, так как этот вид повтора и в РР служит для выражения экспрессии. В КЛЯ эта экспрессия значительно усиливается, выступает на первый план, за счет того, что повтор в КЛЯ далеко не столь обычен и распространен, как в РР. В КЛЯ повтор явление редкое [197]. И поэтому в КЛЯ основной функцией повтора является создание экспрессии [198].

Интересно отметить, что в материалах Е. А. Иванчиковой совершенно никак не отражается повтор в инициальной синтагме типа *Я домой / я домой не хочу*//. Объясняется это, очевидно, тем, что для создания экспрессии есть более сильная в этом отношении позиция — «после точки», и, следовательно, повтор в инициальной синтагме мог бы быть нужен в КЛЯ только как средство имитации РР. Используется ли это средство в действительности, покажут будущие исследования.

19. Хотя повтор в РР и КЛЯ выполняет разные функции, однако некоторые типично разговорные свойства повтора используются, правда, очень ограниченно, и в КЛЯ. Так, способность повтора компенсировать нарушения, создаваемые интонационным разрывом, проявляет себя в КЛЯ в области парцелляции, которая определяется как «прием экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в расчленении синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [199]. В этом случае, если необходимо выделить обязательный распространитель глагола-предиката, повтор в КЛЯ делается необходимым (без повтора такая парцелляция осуществляется крайне редко): *Но они верили. Верили, что хорошее должно победить* (Вечерняя Москва, 31 октября 1964 г.) [200]. Повтор и парцелляция в этом случае — две стороны одного явления: повтор нужен потому, что без него невозможна парцелляция, повтор «восстанавливает» разрушенные парцелляцией связи.

20. Отличительная черта системы РР — наличие нескольких равноправных между собой средств для выражения одного содер-

[197] Чем более редкой и нестандартной является та или иная единица, тем лучше она служит для выражения экспрессии. (См. об этом: «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 27).

[198] Не случайно повторы в КЛЯ, причем на материале не только русского, но и других языков, анализируются обычно как особый стилистический прием. См.: В. А. Кухаренко. Виды повторов и их стилистическое использование в произведениях Ч. Диккенса. Автореф. канд. дисс. М., 1955; И. М. Астафьева. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование (на материале английского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1967; Е. А. Иванчикова. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения. «Мысли о современном русском языке». М., 1969, стр. 126—139.

[199] «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 279.

[200] Е. А. Иванчикова. Лексический повтор. . ., стр. 134.

жания. Для КЛЯ такое положение не типично. Там если возникают две формы для выражения одного и того же содержания, то они всегда стремятся дифференцироваться для выражения разного рода стилистических оттенков.

Неподготовленность РР не дает времени на выбор нужного средства, а поэтому для говорящего очень важно всегда иметь под рукой несколько равнозначных средств. В области средств актуализации эта общая черта системы РР проявляет себя в том, что один и тот же коммуникативный эффект может быть достигнут разными средствами.

Для подчеркнутого выделения нужного для вопроса слова одинаково возможны актуализаторы группы *что* и *да / нет*-актуализаторы, ср.:

Их *что*? *на пенсию*? (просят уйти на пенсию) и Их *на пенсию / да?* или: А пойдем *как*? *без рюкзаков*? (в поход) и А пойдем *без рюкзаков / да*?

Различного рода повторы также могут давать одинаковый коммуникативный эффект. Ср.: На лыжах они вчера ходили // → *Они на лыжах / они на лыжах* вчера ходили // и Они вчера *ходили* / на лыжах *ходили* //.

Равнофункциональны сильное логическое ударение и повтор-фраза, ср.: Времени / всегда́ его не хватает // и Времени / его *всегда* не хватает // *Всегда* // ; Ты не о́чень-то зарывайся // и Ты *не очень-то* зарывайся // *Не очень-то* //.

Многообразие средств актуализации позволяет выступать в одном высказывании сразу нескольким таким средствам, чем создается своего рода сверхподчеркнутая актуализация, ср., например, комбинации:

а) актуализаторы группы *что* и *да / нет*:

Это *что*? *воспроизведение / да*? (о магнитофоне); Это *что*? *в ту сторону / нет*? идти//; *Что*? в Пекин и ты иногда даже заходишь / *да*? (о ресторане); Там у вас *что*? *орехи даже / да*? бывают? (в парке).

б) повтор и актуализатор:

1. У тебя я там *видел* / две копейки / *да*? *видел*// 2. *Есть* / *да / есть* //.

21. Наблюдения над особенностями актуализации в РР позволяют сделать некоторые общие выводы:

Строение всех рассмотренных актуализованных высказываний подчинено общей для многих уровней РР тенденции к расчлененности. Высказывание, которое может быть представлено как интонационно целостная и синтаксически непрерывная структура, при актуализации членится на синтагмы, а синтаксическая цепочка становится прерывистой.

Если представить действие тенденции к синкретизму / расчлененности, по отношению к синтаксису в целом, то картина окажется следующей: в области строевого синтаксиса проявля-

ется главным образом синкретизм (см. разделы о синтагматике, о специфических связях в РР), в области актуального синтаксиса — расчлененность.

О НЕКОТОРЫХ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ПОРЯДКА СЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

I

1. Расположение слов в составе высказывания в РР регулируется специфическими законами построения разговорной речи. К ним относятся такие уже отмечавшиеся исследователями явления, как: подача информации порциями по принципу ассоциативного присоединения; сообщение в первую очередь того, что является информативно важным [201]; выражение смысловых связей преимущественно способом соположения единиц, а не с помощью формально-грамматических средств [202]; построение высказывания как интонационно расчлененной единицы, нередко имеющей два интонационных центра [203].

2. Учеными отмечалась условность термина «порядок слов» в предложении (или в высказывании) по отношению к КЛЯ: точнее было бы говорить не о порядке слов, а о порядке синтаксических групп, целых синтаксических «блоков».

Что касается РР, то по отношению к ней, как мы постараемся показать далее, уместно говорить и о порядке слов в высказывании, и о порядке групп. Это объясняется высокой вариативностью норм РР — в области порядка слов ей присущи и те явления, которые свойственны КЛЯ, и целый ряд специфических черт. Так, для структуры словосочетаний в РР при отсутствии логического акцента характерна незакрепленность места зависимых членов по отношению к их «хозяевам», тогда как в КЛЯ норма словорасположения в аналогичных случаях обычно является закрепленной: зависимый член в одних словосочетаниях располагается в постпозиции, в других — в препозиции [204]. Различие между РР и КЛЯ можно схематически представить так:

РР	КЛЯ
руку ударить; ударить руку	ударить руку
гулять люблю; люблю гулять	люблю гулять
купить надо; надо купить	надо купить

[201] См. названные выше работы О. А. Лаптевой, И. И. Ковтуновой, О. Б. Сиротининой, О. Кафковой.

[202] См., например: V. Barnet. Jaký je lingvistický status hovorové ruštiny? «Československá rusistika», 1970, № 2.

[203] О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах современного русского литературного языка. — ВЯ, 1966, № 2.

[204] См.: Fr. Daneš. K otazce pořádku slov v slovanských jazycích. «Slovo a slovesnost», 1959, XX, № 1.

РР	КЛЯ
очень люблю; люблю очень	очень люблю
очень красивый; красивый очень	очень красивый
белый цветок; цветок белый	белый цветок

3. В литературе неоднократно указывалось, что РР резко отличается от КЛЯ средствами выражения актуального членения. Если в письменном кодифицированном языке порядок слов является одним из основных средств выражения актуального членения, то в РР актуальное членение легко и свободно выражается с помощью интонации и выделения ремы логическим ударением [205]. Поэтому если синтаксическое построение с одним и тем же словорасположением в КЛЯ служит, как правило, для выражения одного вида актуального членения (одного коммуникативного задания), то в РР — для нескольких.

Приведем простой пример, иллюстрирующий это положение. Как может быть понята конструкция *Он принес плитки* в КЛЯ и в РР?

Очевидно, что в письменном нейтральном КЛЯ фраза *Он принес плитки* вне контекста будет понята как сообщение о приносе плиток, так как в КЛЯ при «объективном» порядке слов (В. Матезиус) нормой будет помещение ремы в конец высказывания [206].

В РР та же конструкция в зависимости от ее произнесения может быть понята, как сообщение о том, что: 1) он именно принес (а не привез и т. п.) плитки [207]; 2) он принес именно плитки (а не что-нибудь другое); 3) именно он (а не кто-нибудь другой) принес плитки. В определенной ситуации (Приходил какой-то человек. На полу лежат плитки; раньше их не было) эта фраза была зафиксирована в третьем значении с логическим ударением на *о́н*: *О́н принес плитки*. В КЛЯ для выражения этого значения был бы использован иной порядок слов: *Принес плитки он*. Ср. также вопросительные высказывания РР: *Эта розовая Ва́ша щеточка?*; *Эта желтенькая моя́ ручка?* В КЛЯ этому соответствовало бы: *Эта розовая щеточка Ваша? Эта желтенькая ручка моя?*

Утверждение о том, что в РР для выражения актуального членения широко используется интонация, не должно пониматься, как утверждение того факта, что в РР порядок слов не играет никакой роли в выражении актуального членения. Порядок слов в РР является лишь одним из средств выражения актуального

[205] Ср.: «В устной же речи актуальное членение выражается не столько порядком слов, сколько интонационно. . .» (О. Б. Сиротинина. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965, стр. 152); И. И. Ковтунова. Принципы словорасположения в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967.

[206] См.: Р. Адамец. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966; И. И. Ковтунова. Указ. соч.

[207] Этот вариант сообщения распространен и в устном КЛЯ — с логическим ударением на глаголе.

членения [208]. В частности, наши материалы подтверждают наблюдения О. Б. Сиротининой, О. А. Лаптевой и И. И. Ковтуновой, что в РР член (или члены), наиболее информативно важный (обычно с точки зрения актуального членения он является ремой), тяготеет к началу высказывания. Нередко он располагается в абсолютном начале высказывания и находится в дистантном положении по отношению к членам, с которыми он синтаксически непосредственно связан. Такие члены, особенно часто те, которые находятся в абсолютном начале, бывают эмфатически выделены или сильно акцентированы в смысловом отношении [209]. В конце высказывания, как правило, располагаются члены, информативно менее важные, например, невыделенная тема высказывания. Однако члены, расположенные в конце высказывания, могут иметь двоякую нагрузку. Это может быть: а) сообщение, добавляемое попутно, мало значительное для говорящего; б) сообщение, представляющее значительную важность для говорящего (так сказать, дополнительная, вторичная рема); в таком случае оно обычно бывает интонационно отделено от основной части высказывания.

Что же касается КЛЯ, то в нем обычно наиболее информативно весомой является позиция конца высказывания.

Таким образом, для совпадающих по строению синтаксических конструкций РР и КЛЯ характерны разные возможности актуализации, а для выражения одного и того же значения в РР и КЛЯ могут использоваться разные средства.

В настоящем разделе не будет специально рассматриваться актуальное членение в РР. Это задача дальнейшего исследования. Мы будем касаться этой проблемы лишь попутно, разбирая порядок слов в тех или иных синтаксических построениях.

* * *

Из всей обширной области «порядок слов в РР» здесь для исследования избраны лишь два вопроса, представляющиеся нам существенными для синтаксиса РР и вместе с тем совсем (или почти) не изученными:

1) в высказываниях, состоящих не более чем из одной предикативной конструкции, — свойство непроективности высказывания;

[208] В качестве других средств актуализации высказывания в РР используются: лексические актуализаторы (типа *Он что / опаздывает?*), повторы (типа *Он приедет / непременно приедет //*), см. раздел «Некоторые средства актуализации высказываний»; интонационное расчленение конструкции, сопровождающееся местоименным удвоением (типа *Васильев / у н е г о дача есть?*; *Катя / о н а умница!*), см. раздел «Функции указательных местоимений».

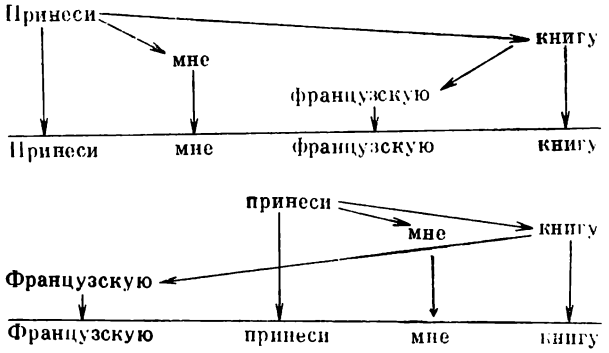
[209] О разной «силе» смыслового акцентирования см.: В. А. М а т в е е н к о. Материалы для автоматического распознавания логических акцентов. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 11. М., 1969.

2) в высказываниях, состоящих из двух предикативных конструкций, — вопросы о месте союза и о взаиморасположении частей полипредикативного высказывания.

II

1. При изучении различных кодифицированных литературных языков (не только русского!) специалистами по машинному переводу и автоматическому синтаксическому анализу было открыто свойство проективности высказывания [210]. По определению И. Лесерфа, свойство проективности заключается в следующем: «В проективной фразе два слова, между которыми существует связь непосредственного подчинения, могут быть разделены только членами, зависимыми от одного или другого из этих слов, или вводным предложением, а также эквивалентом вводного предложения» [211].

И. Лесерф дает технический способ установления проективности фразы. Дерево зависимостей проективной фразы должно отвечать следующему требованию: перпендикуляры, опущенные из узлов дерева, не пересекают его ветвей [212]. Ср. с этой точки зрения две фразы: *Принеси мне французскую книгу* и *Французскую принеси мне книгу*. Первая имеет порядок слов, свойственный КЛЯ, вторая — только РР. Построим деревья зависимостей для каждой фразы.

[210] См., например: I. L e c e r f. Programme des conflicts. Modeles des conflicts. «La traduction automatique», 1960, № 4, стр. 11—18; № 5, стр. 17—36. Русск. перевод в журн.: «Научно-техническая информация» [М., ВИНИТИ], 1963, № 10, стр. 42—50.

[211] См. «La traduction automatique», № 5, стр. 34.

[212] О правилах построения дерева зависимостей см.: Ю. Д. А п р е с я н. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966, стр. 246—248. См. также: Л. Н. И о р д а н с к а я. Автоматический синтаксический анализ, т. II. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск, 1967, стр. 20.

Первая фраза является проективной [213], а вторая — непроективной.

Различие между проективными и непроективными высказываниями обнаруживаются столь же отчетливо и при таком способе изображения синтаксических связей как стрелочная запись [214]. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что свойство проективности не является только средством записи (изображения) синтаксических связей, а отражает глубокие внутренние свойства синтаксических построений.

По отношению к современному русскому литературному языку свойство проективности высказывания было изучено наиболее полно Л. П. Иорданской на материале научных текстов [215]. Как нам представляется, научные тексты являются сферой КЛЯ наиболее строгой, наиболее кодифицированной. Именно поэтому они интересны как область КЛЯ, наиболее далекая от РР. По данным Л. Н. Иорданской, для «русского научного языка» проективность является законом построения правильной фразы. Ею же установлены допустимые в этом языке виды непроективных структур [216]. Что касается русского литературного языка в целом, то по отношению к нему проблема проективности / непроективности высказывания никем специально не исследовалась.

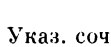
2. Изучение синтаксиса РР показывает, что для него непроективные структуры столь же характерны, как и проективные.

Как говорилось выше, непроективность фразы возникает при дистантном расположении слов, находящихся в отношении непосредственной синтаксической зависимости. Однако дистантное расположение непосредственно синтаксически связанных единиц есть необходимое, но недостаточное условие непроективности. Для того, чтобы высказывание было непроективным, необходимо наличие еще одного из двух условий:

а) между членами одной синтаксической группы (*А* и *В*) расположен член другой синтаксической группы (*С*), второй член которой (*Д*) находится не между рассматриваемыми членами; например: *Он* (*Д*) *очень* (*А*) *настроен* (*С*) *весело* (*В*), т. е.

— пересечение стрелок;

[213] Возможный в КЛЯ при подчеркивании определения порядок слов с постпозицией контактного определения (*Принеси мне книгу французскую*) также дает проективную фразу.

[214] См.: Л. П. Иорданская. Указ. соч., стр. 20. — В этой работе дерево зависимости изображается с помощью стрелок между непосредственно синтаксически связанными членами. При этом непроективность проявляется или в пересечении стрелок () или в обрамлении ().

[215] Л. Н. Иорданская. Указ. соч., стр. 15—20. См. там же литературу вопроса.

[216] Там же, стр. 15—17, 18—19.

б) между членами синтаксической группы (*A* и *B*) расположен хозяин главного из них (*C*), например: *Интересный* (A) *принесли* (C) *журнал* (B), т. е. $\overset{\frown}{A\ C}\ B$ — обрамление стрелок.

Следовательно, непроективные высказывания обязательно предполагают дистантное расположение членов в одной или нескольких синтаксических группах. При непроективности типа а) (пересечение) необходимо дистантное расположение членов не менее, чем в двух группах. При непроективности типа б) (обрамление) необходимо дистантное расположение членов в одной группе. Естественно, что при обрамлении возможно дистантное расположение членов и более, чем в одной группе. Например:

[217].

Приведем примеры высказываний, в которых есть дистантно расположенные члены, но нет непроективности, так как отсутствуют названные выше условия а) и б): *Купить книгу просили брата*;

Здесь дистантно расположены непосредственно синтаксически связанные члены *вызвали решать*, *просили купить*, но между ними помещены единицы, зависимые от одного из них, и поэтому непроективность отсутствует.

Решение вопроса об отношении непосредственной синтаксической зависимости между двумя единицами не всегда бывает однозначным. В целом ряде случаев возможно различное понимание одних и тех же конструкций (ср. явления, называемые терминами «двойное подчинение», «слабое управление» и т. п.). Поэтому в данной работе, основанной на материале РР, синтаксическая система которой изучена в значительно меньшей степени, чем синтаксическая система КЛЯ, для исследования избираются лишь наименее спорные конструкции.

При изучении явления проективности обычно изображают предикативную связь как зависимость подлежащего от сказуемого (см., например, указанную работу Л. Н. Иорданской). В данной работе принято такое же решение; однако, мы оговариваем те случаи, когда установление проективности или непроектив-

[217] Знаком ┌──────┐ объединяются синтаксически связанные слова в тех случаях, когда рассмотрение данной связи не важно для наших целей.

ности высказывания зависит лишь от того, как изображена предикативная связь [218].

Описывая непроективность высказывания в РР, мы будем рассматривать взаиморасположение компонентов двучлена, состоящего из двух знаменательных слов, по отношению друг к другу [219]; мы учитываем, однако, и место двучлена в высказывании, поскольку, как говорилось выше, для непроективности важна не только дистантность расположения двух синтаксически связанных членов, но и то, какие именно члены расположены между ними.

В качестве особой будем выделять позицию абсолютного начала фразы, как позицию наибольшего выделения. Сознавая всю ограниченность такого подхода, мы прибегаем к нему, поскольку он представляется нам единственно возможным на первоначальном этапе изучения, а также и удобным для наших целей [220].

В принципе как будто бы можно строить такое описание двояким способом: рассматривать позицию или хозяина, или слуги синтаксической конструкции. Однако, как показывает А. А. Холодович, по ряду причин более целесообразно рассматривать позицию слуги относительно хозяина [221]. По этому пути мы и пойдем.

3. Рассмотрим некоторые типические виды непроективных высказываний РР.

А. Группа «существительные + согласованное определение, выраженное прилагательным, причастием и т. п.» [222].

1) Дистантная препозиция определения. Как правило, определение при этом несет на себе логическое ударение.

[218] Таково, например, высказывание *Безумно он среди ночи шумел.* Если считать подлежащее зависимым от сказуемого, то это высказывание проективно: *Безумно он среди ночи шумел* . Если изображать связь между сказуемым и подлежащим как зависимость сказуемого от подлежащего, то это высказывание непроективно, так как хозяин (*он*) помещен между членами группы *безумно шумел*:

Безумно он среди ночи шумел (обрамление). Точно так же двояким способом могут быть интерпретированы высказывания типа *Очень мне твое нытье надоело* и под.

[219] См. критику такого подхода: В. И. Чернов. Порядок слов в предложении с инфинитивом, связкой и предикативами на *-о* в современном русском языке. «Вопросы теории и методики изучения русского языка». Смоленск, 1970, стр. 4—6.

[220] См.: А. А. Холодович. К типологии порядка слов. «Филол. науки», 1966, № 3, стр. 4.

[221] См.: А. А. Холодович. Там же, стр. 4.

[222] Место во фразе согласованного определения по данным РР подробно описано О. А. Лаптевой в работе «Расположение компонентов в группе «определяемое — одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи» («Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 49). См. также: О. А. Лаптева. Литературная и диа-

а) Определение находится в абсолютном начале высказывания: *Высокому* всегда *человеку* легче живется //; *Чёрный* есть свежий *хлеб* в буфете //; *Чёрного* я решила не покупать *хлеба* //; *Горячего* я хочу *чаю* выпить //; *Бумажная* там *промышленность* очень большая была //; *Некоторые* даже до восьми туров делают *балерины* //; *Большие* всегда рано открываются *магазины* //.

Дистантная препозиция определений характерна и для вопросов: *Процеду́рный* вообще-то открыли *кабинет*?; А *отде́льного* нет у Вас *издания*?; *Теплые* купить тебе *перчатки*?; *Вологодского* нет *масла*?; *Детскую* он хочет *авторучку*?; А ту *маленькую* ты можешь носить *рубашечку*?; *Черные* ты носишь *чулки*?

б) Определение находится не в абсолютном начале: Я с *большим* его прочла *интересом* //; Они в *разном* находятся *положении* //; Она с *какими-то мозговыми* поступила туда *явлениями* //; Она что-то *жареную* разлюбила *картошку* //; А ты *сливового* возьми *варенья* //; И они очень *простые какие-то* сделали *счетчики*. . .; За 4 копейки *маленькую* дайте *булочку* //; У меня *одна* оказалась токо *двушка* //; Курицу на *большую* положи *тарелку* //; А *зеленый* повесь в шкаф *костюм* //.

Показателем выделенности определения могут служить лексические средства — указательное местоимение *этот*, частица *вот*: *Вот эту белую* тоже надо кипятить *рубашку* //; *Вот эта березовая* впереди / мне нравится *рощица* //; *Вот красное* дайте пожалуйста мне *молоко* // (о молоке в пакетах красного цвета); *Вот эти* я нашла *ножницы* //.

Рассматриваемый порядок слов характерен и для вопросительных высказываний: У вас *лишней* нет *двушечки*?; У окна *шелковые* лежат *платки*?

В дистантной препозиции может находиться и определение, выраженное местоимением: Я *твои* выстирала *чулки* и рубашку //; Принеси *свою* мне пожалуйста *ручку* //; Ты *мои* не видел *перчатки* ?; Где *твоя* лежит *расческа*?

2) Дистантная постпозиция определения. Обычно при таком порядке слов определение является информативно слабым, невыделенным. Иногда оно как бы добавляется попутно, как пояснение, потребность в котором возникла в момент речи [223]: *Языка* я *арабского* не знал //; *До́ма* не буду строить *зимнего* //; Надо сегодня *молока* купить *топленого* //.

Местоименное определение при таком положении звучит особенно интонационно ослабленно: *Тетю* пытались *мою* переселить сюда //; *Дочке* предложили *моей* эту работу //; *Маму* я встречал *твою* каждый день / в автобусе //; А *сестре* не будешь звонить *моей*?; *Дядя* старался *мой* укротить ее //.

лектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения. — ВЯ, 1969, № 1.

[223] См. подробнее об этом: О. А. Л а п т е в а. Расположение компонентов. . ., стр. 154—157.

Впрочем, не всегда отнесенное в конец фразы определение является информативно слабым. Ср.: *Оградку* они мне сделали *замечáтельную* //.

Информативная значимость определения выступает особенно отчетливо при его интонационном выделении в особую синтагму: Он (Собинов) у Вас в Москве похоронен / у него лебедь *на кладбище* там / *на Новодéвичьем* был //; *Молочка* принеси мне пожалуйста / *тепленького* //.

Б. Группа «наречие + поясняемое им прилагательное (или наречие)».

1) Дистантная препозиция наречия. Часто наречие при этом является сильно интонационно выделенным.

а) Наречие находится в абсолютном начале фразы: *Невероя́тно* это длилось *долго* //; *Страшно* была эта история *запутанная* //; *Óчень* у него характер *тяжелый* //; *Очень* там сталактиты *красивые* //; *Очень* ты сегодня опоздала *здорово* // [224].

б) Наречие находится не в абсолютном начале фразы: Я *не очень* себя *хорошо* / Катя / чувствую //; Он *страшно* книгу себе купил *ученую* //; Я *ужасно* написала такой *длинный* отзыв //; Он *невероятно* всегда рассказывает *долго* //; Я как-то к нему *очень* относился всегда *положительно* //; Почему-то Виктор к нему *очень* относился *холодно* //; Она *очень* была настроена *враждебно* //.

2) Дистантная постпозиция наречия: *Холодное* она надела пальтишко *очень* //; *Модный* ему купили костюм *невероятно* //; *Трудную* он выбрал себе специальность *очень* //.

В. Группа «существительное + зависимое существительное».

1) Дистантная препозиция зависимого существительного:

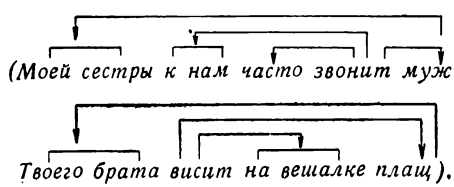
а) в абсолютном начале: *Игоря* к нам собиралась приехать *мама* //; *Василь Иваныча* встретил я сегодня *жену* //; *Анны Петровны* на окне возьми *кастрюльку* // [225];

[224] В высказываниях с дистантной препозицией наречия, относящегося к глаголу, типа *Безумно он среди ночи шумел*, *Очень мне твое пение нравится* решение вопроса о проективности / непроективности высказывания зависит от способа изображения предикативной связи (см. стр. 386).

[225] Высказывания с дистантным препозитивным род. п., относящимся к существительному в им. п., можно трактовать по-разному в зависимости от того, как изображать связи между им. п. и глаголом:

а) как проективные, если считать, что глагол зависит от им. п. (*Моей сестры к нам часто звонит муж* //; *Твоего брата висит на вешалке плащ* //);

б) как непроективные, если считать, что им. п. зависит от глагола (в таком случае имеем обрамление, так как глагол-хозяин *звонит*, *висит* расположен между им. п. и зависимым генитивом):

б) не в абсолютном начале: Давно к нам собиралась *Олега* приехать *сестра* //.

Такое словорасположение менее характерно для РР, чем препозиция в абсолютном начале.

2) Дистантная постпозиция зависимого существительного: Много раз к нам обещала *сестра* приехать *Олега* //; Когда *подружки* приедут *Тамары*?; Куда *сын* уезжает *Ивановых*?; Куда *дочка* поступила *соседей*?; Когда *шкаф* Вы купите *для книг*?

Как правило, член, находящийся в этой позиции, малозначителен информативно и ослаблен интонационно. Обычно говорящему уже ясно, о чем идет речь, и постпозитивный член добавляется как уточнение, пояснение.

Г. Группа «количественное числительное + существительное» [226].

1) Дистантная препозиция числительного:

а) в абсолютном начале: *Три́* давайте купим *килограмма* //; *Две́* они взяли *табуретки* //; *Пять* она забрала *рецептов* //; *Два* тебе сдавать *экзамена* //; *Триста* я насобирал *значков* //;

б) не в абсолютном начале: Давайте *два* сварим *супа* //; Принеси *три* мне *чашки* пожалуйста //; Ты *два* купи круглых *хлеба* //; Надо *две* открыть *половинки* // (окна); По крайней мере на *два* я выйду из строя *месяца* //.

Препозитивное числительное обычно является интонационно выделенной ремой: цель высказывания — сообщить количественные сведения, остальное говорящим известно.

2) Дистантная постпозиция числительного: *Машины* подъехало *две* к нашему подъезду //; Вон *собаки* бегут *две* друг за дружкой //; *Итальяночки* молоденькие приходили *три* к нам в гости //.

Постпозитивное дистантно расположенное числительное бывает, как правило, ослаблено; служит добавочной (не основной) информацией. Показательно, что в этих случаях отсутствует значение приблизительности, которое свойственно сочетаниям с постпозитивным контактным числительным. Ср. с выше приведенными: *У него было рубля два* //; *Купи килограмма три яблок* и т. п. Таким образом контактность / дистантность расположения постпозитивного числительного служит средством выражения различных значений.

Д. Группа «спрягаемый глагол + зависимый инфинитив».

1) Дистантная препозиция инфинитива:

а) в абсолютном начале: *Прийти* к нам он *собирался* пешком //; *Подарить* эту рубашку я *думала* Пете //; *Купить* она *собиралась* новый чемодан //; *Написать* мне она *хотела* письмо //;

б) не в абсолютном начале: Завтра *прийти* отцу в школу *велят* //; Ей *ночевать* мама у подруг *не разрешает* //.

[226] О расчленении количественных сочетаний в языке газеты см.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 147.

2) Дистантная постпозиция инфинитива: *Хочу* я ему о́чень обо всем *написать* //; Аня *стала* дачная к нам *приезжать* редко //; О́чень *начала* Зоя Петровна к ней *привязываться* часто //.

Е. Группа «глагол + управляемое существительное».

1) Дистантная препозиция существительного:

а) в абсолютном начале: *Стол* он *купил* из красного дерева себе //; *Собачку* они *завели* недавно мохнатенькую //;

б) не в абсолютном начале: Сегодня *книгу* я *прочел* необыкновéнную //; Она *слона* вчера *видела* из Индии //.

2) Дистантная постпозиция существительного: Япóнскую *принесла* она *грамматику* //; *Подарили* из черной кости ему *шахматы* //.

В группах Д и Е непроективность создается обычно в результате того, что дистантно размещены компоненты в группах «существительное + определяющее его прилагательное» или «существительное + зависимое существительное в косв. падеже», между которыми помещается управляющий независимым существительным глагол.

Ж. Аппозитивная группа.

1) Группа «имя + фамилия», «имя и отчество + фамилия» может быть разорвана любыми членами высказывания.

В препозиции может помещаться как имя (или имя и отчество), так и фамилия. По-видимому, в препозицию выносится тот член наименования, которым говорящий обычно называет данное лицо. Постпозитивный член номинации играет роль уточнения, пояснения. Например:

Лиду к нам сегодня вызывали *Черемину* //; *Галя* приехала *Смирнова* из Еревана //; *Анна Петровна* стала хорошо *Иванова* одеваться //; Я *Вите* звонила *Кузьмину* сегодня //. Ср.: Он *Смирнову* звонит *Виктору* все время //; *Петренко* не видали сегодня *Николая*? //; *Иванов* забегал *Петр Петрович* утром сегодня //; Это мне *Карпинская* прислала *Юлия Аркадьевна* из Таганрога //.

Менее характерно для РР дистантное расположение имени и отчества: *Анна* прибегает к нам *Петровна* и кричит. . .; *Николай* оказывается *Иванович* / наш сосед по даче //; *Андрей* сегодня *Петрович* опять на работу не вышел // Опять заболел //.

2) Примеры дистантного расположения членов других аппозитивных групп:

Она *в доме* живет *девять* //; *В палате* она лежит *номер четыре* //; *В вагон* она ходила *ресторан* обедать //; *Платье* она себе сшила *костюм* // Очень милое //.

4. В высказываниях РР наблюдается явление, которое можно было бы назвать сверхнепроективностью, т. е. непроективность, создаваемая дистантным расположением членов во многих (более чем в двух) синтаксических группах. Например:

Одна очень есть элегантная рубашка у Пети //. (Ср. соответствующее проективное высказывание, также допусти-

мое в РР: *Есть у Пети одна очень элегантная рубашка*). В нашем высказывании разобщены члены следующих групп: *очень* + *элегантная*, *одна* + (очень элегантная) *рубашка*, *есть* + *у Вити*, причем два отторгнутых члена (*одна* и *очень*) вынесены в абсолютное начало высказывания. Еще пример:

С красненьким собачку пожалуйста бантиком дайте // (Ср. допустимое нормами РР проективное высказывание: *Дайте пожалуйста собачку с красненьким бантиком*). В приведенном высказывании разобщены члены следующих групп: *с красненьким* + *бантиком*; *дайте* + *собачку*; *пожалуйста* + *дайте*. Группа «собачку с красненьким бантиком» представлена порядком слов, абсолютно невозможным в КЛЯ: определяемое существительное *собачку* помещено между членами группы «согласованное определение + определяемое существительное» *с красненьким бантиком*, между которыми разместилось и вводное слово *пожалуйста*.

Если непроективные высказывания находят себе какое-то (хотя и незначительное) место в системе КЛЯ, то сверхнепроективность, как нам представляется, является типической чертой РР [227].

5. Рассмотрим для примера — в соответствии со сказанным выше о различных возможностях актуализации в РР одних и тех же синтаксических структур — структуры с препозитивными дистантными согласованными определениями, расположенными в абсолютном начале. Для них наиболее типично три вида актуального членения:

а) препозитивное определение — рема, сильно акцентированная, например: *Отдéльного нет у нас издания* // (в ответ на предположение, что нет никакого требуемого издания);

б) препозитивное определение — выделенная повышением тона тема, например: *Отдéльного / нет у нас издания* // (или: *Отдéльного / у нас нет издания* //). Это значит: «Что касается отдельного издания, о котором шла речь» (тема), «его у нас нет» (рема);

в) высказывание является нерасчлененным с точки зрения актуального членения, т. е. все, что сообщается, — рема; например: *Модный купили ему костюм* //. Сообщается, что «ему купили модный костюм», а не тот факт, что купленный костюм — модный.

6. Подведем итоги.

1) Изучение непроективных высказываний, типичных для РР, показывает, что в ней отсутствует такая закрепленность расположения в группах слов, находящихся в отношениях непосредственной синтаксической зависимости, которая характерна для КЛЯ и которая позволяет говорить, что в КЛЯ фразы монтируются не из слов, а из целых исходных групп («обойм») [228].

[227] РР смыкается в этом отношении с стихотворной речью, которой тоже не чужда сверхнепроективность.

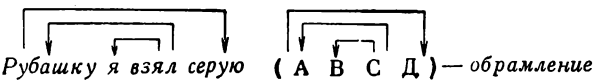
[228] См.: И. А. М е л ь ч у к. Порядок слов при автоматическом синтезе русского текста. — НТИ, 1965, № 12. — В этой работе на материале научного

2) В РР могут располагаться дистантно в составе высказывания компоненты любых групп, находящиеся в непосредственной синтаксической зависимости, отношения между которыми выражены способом согласования, управления или примыкания. Разорванность синтаксических групп, их взаимопроникновение друг в друга свидетельствуют о высокой степени расчлененности высказывания в РР.

3) Дистантность расположения компонентов синтаксических групп, при которой осуществляется одно из названных выше условий (см. стр. 384—385), приводит к построению в РР непроективных высказываний, что не типично для КЛЯ. В КЛЯ компоненты синтаксических групп обычно располагаются контактно; дистантное расположение компонентов в группах бывает, как правило, связано с задачами актуального членения [229]. Но и при дистантном расположении компонентов непроективность высказывания в КЛЯ, как правило, не возникает, так как между дистантными компонентами помещаются компоненты, зависящие от одного из них.

Изучая порядок слов в стилистически нейтральной книжной литературной речи, И. И. Ковтунова рассматривает те виды дистантного расположения компонентов синтаксических групп, для которых характерна «регулярность и массовая воспроизводимость» [230]. Она выделяет пять типов дистантного расположения компонентов синтаксических групп:

1) косв. п. . . . глагол; 2) инфинитив . . . глагол; 3) глагол . . . косв. п.; 4) глагол . . . наречие; 5) существительное . . . прилагательное. В приводимых И. И. Ковтуновой материалах непроективные высказывания встречаются лишь в типе пятом, например:

Остальные типы дистантного расположения групп не создают непроективных высказываний.

Следовательно, дистантное расположение компонентов различных синтаксических групп есть черта синтаксиса, общая для РР и КЛЯ, тогда как другая характерная черта синтаксиса РР — непроективность высказывания — специфична только для РР. В КЛЯ допустимые виды непроективных высказываний немного-

стиля современного русского языка даются правила расположения слов в исходных группах, главными членами которых являются существительное, прилагательное, глагол и наречие.

[229] См.: И. П. Ковтунова. О порядке слов в русском языке (Нормы словорасположения в книжно-литературной речи). «Русск. язык в нац. школе», 1971, № 4.

[230] И. И. Ковтунова. Указ. соч., стр. 16.

численны и могут быть легко перечислены. В РР непроективность — массовое явление, свойственное высказываниям разных типов; по отношению к РР скорее должны быть перечислены недопустимые виды непроективности. Таким образом, свойство непроективности высказывания отражает глубинные особенности синтаксиса РР.

4) В соответствии с большой вариативностью РР, в ней допустимы не только те виды порядка слова, о которых говорилось выше, но и иные, в частности и те, которые характерны для КЛЯ, т. е. наряду со всеми выше приведенными типами словопорядка в РР функционируют и проективные высказывания с контактным расположением членов синтаксических групп. А именно, в РР употребительны конструкции типа (обозначим их теми же буквами, что и выше рассмотренные непроективные конструкции):

А. Высокому человеку всегда легче живется.

Б. У него характер очень тяжелый.
Мне твое нытье очень надоело.

В. К нам собиралась приехать мама Игоря.

Г. Давайте купим три килограмма.

Д. Он к нам собирался прийти пешком.

Е. Он купил себе стол из красного дерева.

Ж. К нам сегодня заходила Лида Черемина.

5) Дистантное расположение непосредственно синтаксически связанных членов тесно связано с особым интонационным рисунком, характерным для высказывания РР — наличием двух интонационных центров (двувершинность высказывания, по терминологии О. А. Лаптевой) [231]. В таких случаях препозитивный дистантно расположенный член высказывания бывает интонационно выделен; за ним идет член (или группа членов), находящийся в интонационном «провале», за которым следует вторая интонационная вершина высказывания (типа: Си́льные он мне стихи́ проче́л //; Но́вые он принес ча́шки?; О́чень у нее глаза краси́вые!).

III

Порядок слов в высказываниях РР, состоящих из двух предикативных конструкций, почти совсем не изучен. Предварительно можно сказать, что и здесь наблюдаются те же черты, которые свойственны порядку слов в высказываниях, состоящих из одной предикативной конструкции, а именно: дистантное расположение членов тесных синтаксических групп, вынос в начало сообщения информативно наиболее важных членов, выражение смысловых связей способом соположения единиц.

Отметим некоторые типические черты словорасположения в высказываниях, состоящих из двух предикативных конструкций.

[231] См.: О. А. Лаптева. О некодифицированных сферах. . ., стр. 46—47.

Место союза в составе зависимой предикативной конструкции

Постпозиция союза[232]

1) Союз в составе высказывания РР может располагаться не только перед зависимой синтаксической структурой, которую он присоединяет к главной, но и после нее. В РР равновозможны структуры типа: *Холодно потому что ветер* // и: *Холодно ветер потому что* //; *Я тетрадь взяла чтобы записывать* // и: *Я тетрадь взяла записывать чтобы* //; *Неприятно если дождь пойдет* // и: *Неприятно дождь пойдет если* // и т. п.

Вот несколько примеров:

С другими-то сравнивать *если* / вот что выйдет //; А вот в вуз они будут поступать *если* / там дают три часа // (об экзаменах в вузах); Ты не забудешь *если* / принеси мне журнал!; А был у меня участок *когда* / так я значит всем уж занималась //; (разговор об одежде). 1. . . Ну а в городе все-таки это смотрится или нет?. . . 2. Летом? Так жарко *когда* / смотрится и в городе / . . .; Я позвонил Вам *когда* / никто не ответил //; Он вернется *когда* / напомните ему //; Я вешалку принесла повесить *чтобы* // [233].

Ср. в диалоге:

1. Что / холодно стало? 2. Да // *Ветер потому что* //;

1. У них свои машины? 2. Напрокат наверно // «*Волги*» *потому что* //.

Подобное словорасположение объясняется малой информативной значимостью союза, тенденцией передавать смысловые связи способом соположения единиц, не используя при этом синтаксические скрепы. Показательно, что любое из приведенных выше высказываний, будучи лишено союза, будет выражать те же виды отношений, что и при наличии союза.

2) В постпозиции изредка могут находиться и союзные слова *где*, *как* и др.;

Не знаешь / полотенце *где*? Спроси у бабушки / мой портфель *где* //; Ты слышал / он поет *как*?

3) Однако помещение в конец высказывания допустимо не для

[232] См.: O. Kafková. K lineárnímu typu řadění větných členů a celků v mluvené ruštině. «Československá rusistika», 1965, № 2, стр. 85; Кв. Кожевникова. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha, 1970, стр. 37.

[233] Такое словорасположение находит отражение и при передаче устной РР средствами письменной речи. Например: «Однажды я разговорился с молодым каменщиком. — Самое трудное в моей работе, — сказал он, — это угол закладывать. Кирпичик к кирпичику *чтобы*» («Комс. правда», 3 ноября 1968). Ср. в поэтической речи: Россия, / я — твой капиллярный сосудик, // Мне больно *когда* — / тебе больно, Россия. (А. Вознесенский. Лонжюмо).

всех союзов. Не характерно оно для лексически пустых союзов, в первую очередь для *что* [234]. Структуры типа «Он сказал брат был прав что», «Я сказал приду что» в РР не отмечены.

Интерпозиция союза

1) Конструкции, в которых союз находится в интерпозиции — внутри зависимой конструкции, присоединенной к главной.

Главная часть препозитивна: *Вот я все жду Гренобль* ***когда*** *будут показывать //; Довольна ты гости* ***когда*** *приходят к папе?*

Главная часть может быть и в постпозиции: *Я* ***когда*** *музыкой занималась / он часто ко мне приходил //; Он* ***если*** *придет поздно / мы в кино не успеем //.*

Ср. с вышеприведенными конструкции с союзом, находящимся в начале или в конце зависимой части, также употребительные в РР: *Вот я все жду* ***когда*** *Гренобль будут показывать; Вот я все жду Гренобль будут показывать* ***когда***; *Довольна ты* ***когда*** *гости приходят к папе?; Довольна ты гости приходят к папе* ***когда?***

2) В тех случаях, когда в обоих предикативных конструкциях выступает один и тот же субъект и интонационное членение высказывания отсутствует, происходит нейтрализация структур с различным словопорядком. Так, конструкция типа *Верблюды когда злятся плюются* // может быть интерпретирована двояко:

а) зависимая часть в препозиции, союз внутри зависимой части;

б) зависимая часть в интерпозиции по отношению к главной, союз в начале зависимой части.

Различение этих структур возможно лишь при интонационной расчлененности зависимой и главной части. Конструкции а) и б) соответственно принимают вид: а) *Верблюды* ***когда*** *злятся / плюются //*; б) *Верблюды / когда злятся / плюются //.* Ср. с препозитивной главной частью: *Верблюды плюются* ***когда*** */ злятся //.*

3) Конструкции с интерпозицией союза (или союзного слова) менее употребительны в РР, чем конструкции с постпозицией союза (или союзного слова). Однако они разнообразнее. Так, по нашим наблюдениям, в них чаще употребляются те союзные слова, которые встречаются в постпозиции лишь изредка, т. е.

[234] О разграничении «семантических» и «синтаксических» союзов см.: В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967, стр. 78—79. — Противопоставляя союз *что* семантическим союзам, В. А. Белошапкова пишет: «. . . он выражает не отношения между явлениями, а отношение синтаксической зависимости между частями сложного предложения, помечая одну из частей как зависящую от другой, обслуживающую ее, отвечающую синтаксической сочетаемости каких-то слов в ее составе» (указ. соч., стр. 79).

где и *как*. Например: *Ты видела верблюды как плюются?*; *Ты был новую школу где строят?*; *Вы ходили елку где повалило?*

Конструкции с интерпозицией *что*, по нашим наблюдениям, менее характерны для РР. Тем не менее встречаются высказывания типа: *Окна что вымыли ты доволен?*; *Вот эти штучки что помыла / хорошо //* (ср.: *Хорошо что помыла вот эти штучки*).

4) В высказываниях такого рода возможно и иное расположение членов в зависимой части. Выше мы привели примеры с вынесенным в начало фразы зависимым от глагола субстантивом, расположенным перед союзом *что*. Наблюдаются и другие виды словорасположения в зависимой части.

а) Подлежащее + союз + сказуемое (+ приглагольный зависимый субстантив или другие зависимые члены): *Родители что не сказали /* это конечно о́чень нехорошо // (о родителях, скрывших от ребенка свой отъезд); Ты знаешь *Петр Иваныч что уже приехал?*; Мама твоя пишет *брат что сдал экзамены //*.

Менее распространены в РР иные виды словорасположения в зависимой части.

б) Сказуемое + союз + подлежащее (или зависимый от глагола член; или подлежащее + зависимый член): Вы знаете *не звонил что еще Василь Василич?*; Ольга Борисовна пишет *выходит что сборник на днях //*. Ср. случай, когда главная часть находится в постпозиции, а препозитивная зависимая часть содержит порядок частей «глагол + союз + зависимый от глагола субстантив»: *Покрасили что полы* ты рада?

в) Еще менее типично для РР словорасположение с препозицией детерминанта: ... говорят ***в Ленинграде*** *что немножко более строгие такие. . . правила одежды для театра //*.

Словорасположение, при котором союзу предшествуют главные члены, а после него располагается дополнение (или другие зависимые члены), невозможно. Фразы типа «Мама твоя пишет *сдал уже брат что экзамены*»; «Ты знаешь *Петр Иванович приехал что из Ленинграда*»; «Слышала *Андрей привез что новые журналы*» не отмечены в РР. Это объясняется тем, что бессоюзное присоединение главных членов второй предикативной единицы создает каркас иной синтаксической структуры (типа: Ты знаешь/ Петр Иванович приехал. . .), для которой союзное присоединение зависимых членов излишне.

Конструкции с интерпозицией союза в составе зависимой предикативной конструкции невозможны в КЛЯ.

5. Итак, высказывания РР, состоящие из двух предикативных конструкций, могут образовать ряд из 4-х и более членов, различающихся местом союза:

1. *Все устали* ***потому что*** *было жарко*
2. *Все устали было жарко* ***потому что***
3. *Все устали было* ***потому что*** *жарко*
4. *Все устали жарко* ***потому что*** *было*

С иным взаиморасположением главной и зависимой части:

5. ***Потому что*** *было жарко все устали*
6. *Было жарко* ***потому что*** */ все устали*
7. *Жарко* ***потому что*** *было / все устали*
8. *Было* ***потому что*** *жарко / все устали*

Вот еще примеры типических рядов с другими союзами.

Если:

1. *Мы в кино не успеем /* ***если*** *он придет поздно*
2. ***Если*** *он придет поздно / мы в кино не успеем*
3. *Мы в кино не успеем / он придет поздно* ***если***
4. *Мы в кино не успеем / он* ***если*** *придет поздно*
5. *Он* ***если*** *придет поздно / мы в кино не успеем*

Что:

1. *Ты доволен* ***что*** *сын приехал?*
2. *Ты доволен сын* ***что*** *приехал?*
3. *Ты доволен приехал* ***что*** *сын?*
4. ***Что*** *приехал сын ты доволен?*
5. *Сын* ***что*** *приехал ты доволен?*
6. *Приехал* ***что*** *сын ты доволен?* [235]

В КЛЯ таким рядам соответствует ряд из одного или двух членов (в наших примерах № 1 с *потому что*, № 1—2 с *если*, № 1 с *что*).

Взаиморасположение двух предикативных конструкций в составе высказывания

1. В РР имеются специфические черты, касающиеся не только места союза, но и взаиморасположения предикативных конструкций в составе высказывания. Так, в РР возможны не только те три вида расположения предикативных конструкций, которые существуют в КЛЯ:

1) главная — зависимая;
2) зависимая — главная;
3) главная — зависимая — главная (т. е. зависимая в интерпозиции к главной), но и специфические виды расположения частей высказывания.

2. Рассмотрим высказывания с интерпозицией главной части по отношению к зависимой, не привлекавшие еще к себе внимания исследователей РР.

В качестве типической структуры такого рода может быть названо высказывание типа *Значки* ***я рада*** *что купила //*, в котором в абсолютное начало вынесен один член зависимой струк-

[235] Очевидно, что чем большее число членов содержит высказывание, тем больше возможно вариантов словопорядка. Однако в РР высказывание, как правило, не бывает многословным, и это создает естественный предел вариативности.

туры (чаще всего выделенный приглагольный зависимый субстантив). За ним обычно следует независимая предикативная конструкция, присоединяющая к себе с помощью союза (как правило, *что*, реже других) зависимую предикативную конструкцию или предикат.

Вот ряд примеров: *Огурцов* ***жаль*** *что мало* //; *Плащ* ***мне не нравится*** *что придется с собой тащить* //; *Вообще писем* ***сказали*** *что не будет* //; *Конфеты* ***он сказал*** *что вкусные* //; *Кофту* ***мне жаль*** *что я запачкала* //.

Начальный член высказывания может быть особо выделен с помощью лексических средств:

Вот бумаги ***мне неприятно*** *что Вы не купили* //; *Вот яблок* ***жаль*** *что нет* //; *Вот эта ручка* ***обидно*** *что сломалась* //.

В высказываниях с подобным расположением частей в абсолютной препозиции может быть не только приглагольный зависимый субстантив, но и независимый субстантив, а также детерминант. Несколько примеров:

Булочки ***сказали*** *что черствые* //; *Его сестра* ***говорят*** *что приехала* //.

1. *А где его похоронили? На Новодевичьем?* (о кладбище).
2. *На Ваганьковом* ***сказали*** *что будут* //;
В Ленинград ***сказали*** *что командируют* //.

Реже в абсолютное начало бывает вынесено местоимение: *Его* ***я решила*** *что надо в шкаф.*

Такой порядок слов встречается редко. По всей вероятности, это объясняется конфликтом между начальным местом высказывания (как правило, это позиция наибольшего выделения) и безударностью, присущей местоимениям. Ср., впрочем, случаи с препозитивными выделенными местоимениями: *Ну милый мой! Ты меня* ***вижу*** *что любишь* //; *Ты* ***он говорит*** *что уезжаешь* //.

Высказывания с интерпозицией зависимой части могут содержать и *как*: *Ми́тя* ***ты слышал*** *как читает?*; *Вам* ***не очень мне нравится*** *как это платье* // (ср. ***Мне не очень нравится*** *как Вам это платье*); *Туда* ***я не знаю*** *как идти* //; *Вася* ***ты помнишь*** *как рассказывал?*; *Посылку* ***видели*** *как запаковали?*; *Василь Иваныч* ***слышно*** *как топает* //.

Таким образом, в подобных высказываниях наблюдается рамочное расположение: зависимая предикативная структура обрамляет главную. Высказывания с таким порядком частей, как показывают наши материалы, ограничены со стороны состава и семантики главной части: 1) обычно она состоит из одного или двух членов (имя и глагол; безличный предикатив); 2) сообщает о каком-либо акте чувств или мысли, требующем раскрытия, восполнения (*обидно. . .*, *жаль. . .*, *я слышал. . .*, *ты помнишь. . .*), которое дается в зависимой части.

Как правило, высказывания с интерпозицией главной части произносятся без интонационного членения на синтагмы. Однако

при многословности высказывания возможно и членение [236]: *Моего сына первая жена | **ему рассказывали** что докторскую защитила //.*

Интерпозиция главной предикативной конструкции по отношению к зависимой не свойственна КЛЯ.

3. Другой специфической особенностью порядка слов в РР является взаимопроникновение предикативных конструкций. Говорящий начинает одну конструкцию, не окончив ее, начинает другую; затем заканчивает первую и вторую. Имеются в виду высказывания типа: ***Ты** мусор **слышала** когда увозили?*; ***Люся** волны **рада** что большие //*; ***Ты** доктор **видел** когда подъезжал?*; ***Тебе** собака **нравится** когда в доме? **Нам** наша пианистка | **хватит того** что портит нервы //.*

Такие высказывания имеют следующий порядок частей: главная — зависимая — главная — зависимая. Ср. также произнесенное без интонационного членения высказывание: *Какое метро Кировский завод у нас что ли?*, в котором взаимопереплелись две конструкции *Какое метро у нас? Кировский завод что ли* [237].

Порядок слов в высказываниях с интерпозицией главной части, а также в высказываниях с взаимопроникновением частей нередко регулируется тенденцией к помещению в непосредственной близости (обычно в начале высказывания) словоформ, называющих «ключевые моменты» ситуации. Таково, например, высказывание *Посылку **видели** как запаковали*? Говорящему важно узнать прежде всего о двух элементах ситуации — «посылка» и «видели». Соответственным образом он и начинает речь, помещая остальные члены высказывания в конец. Вследствие этого и построение высказывания говорящим, и его понимание слушающим приобретает как бы циклический характер, т. е. идет не в один этап. Например, высказывание *Посылку **видели** как запаковали?* при его линейном развертывании строится так, что первая часть *Посылку видели* еще д о з а в е р ш е н и я высказывания определенным образом осмысляется слушающим. В дальнейшем же, при построении всего высказывания, слушающий как бы возвращается назад и переосмысливает все заново: (первая часть) *Посылку видели* (вторая часть) *как запаковали?* Целое: *Посылку **видели** как запаковали?* В результате такого поэтапного осмысления в высказывании могут возникать дополнительные синтаксические связи: *Посылку видели как запаковали?* Словоформа *посылку* связана и с *видели* («Посылку видели. . .»), и с *запаковали* («запаковали посылку») [238]. Таким образом, линейный характер построения высказывания приводит к тому, что

[236] О зависимости интонационного членения от длины высказывания см.: М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 260—262.

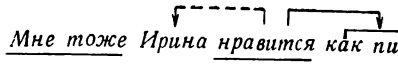
[237] Впрочем, эта конструкция может быть понята и иначе.

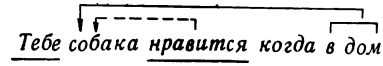
[238] Возможно, что эти двойные связи возникают только с точки зрения грамматики слушающего (получателя речи), а для говорящего они не значимы. Однако наш материал показывает, что и говорящий «выдает» свою речь

оно строится по частям так, что каждая часть может получать осмысление уже в процессе развертывания речи, до окончательного завершения высказывания. Еще пример. Высказывание *Но* ***я*** *их поставила* ***помню*** *что в шкаф* строится так, что его поэтапное осмысление осуществляется следующим образом:

(первая часть) *Но я их поставила*
(вторая часть) *помню что в шкаф.*

Такое осмысление было бы единственным, если бы между двумя указанными частями проходило интонационное членение. В данном случае оно отсутствует. Именно поэтому обе части объединяются в единое высказывание, при завершении которого получатель речи корректирует свое первоначальное понимание: *Я* объединяется с *помню*, *их поставила* с *в шкаф*. Рождается целое: ***Но я*** *их поставила* ***помню*** *что в шкаф* (та же мысль может быть выражена иным порядком слов: ***Но я помню*** *что поставила их в шкаф*). Ср. следующие высказывания, в которых также возникают двойные синтаксические связи:

Наличие таких двойных связей — свидетельство синкретизма РР в плане содержания.

4. Возникает вопрос, возможны ли в РР взаимопроникающие высказывания иного строения: начинающиеся частью зависимой предикативной конструкции, т. е. дающие расположение зависимая — главная — зависимая — главная. По нашим материалам, такие конструкции встречаются в РР крайне редко: *Катю* ***ты*** *за что исключили* ***догадалась?***; *Воды горячей* ***Вы*** *отчего не будет* ***узнавали?***

Нетипичность такого порядка слов объясняется, по всей вероятности, тем, что в таких случаях линейно «выдаваемые» словоформы не могут быть связаны друг с другом, а это делает невозможным поэтапное понимание высказывания для слушающего и затрудняет порождение фразы говорящим. Он не может опираться на целые строительные блоки, а вынужден оперировать отдельными словоформами.

5. Специфической особенностью высказываний РР, состоящих из двух предикативных конструкций, является то, что в них

определенными порциями так, что «соседями» обычно оказываются словоформы, допускающие синтаксическое и семантическое объединение.

гораздо шире, чем в языке кодифицированном, представлена препозиция зависимой части по отношению к главной. В РР, как кажется, в препозиции может находиться зависимая предикативная конструкция любого типа. Вот несколько высказываний с союзом *что*: 1. *Вам нравится что с луком*? 2. *Что с луком я люблю* (разговор о мясе); *Что новый дом Вы довольны*?; *Что он опоздал / это ужасно*//; *Что они все кончили вовремя / это прекрасно*//; *Что он сразу прибежал / молодец*//; *Что он все сдал / я очень рада*//; *Что у нее хороший аппетит / врач доволен*//; *Что мальчик / муж очень рад*//; *Что он плохо учится / телевизор виноват*//; *Что у него новая квартира / толку мало // Все равно живет не дома*//

6. В РР может быть расположена в интерпозиции зависимая часть в высказываниях таких типов, которые в КЛЯ допускают лишь постпозицию зависимой части (например, высказывания с *что* с изъяснительной зависимой частью) или пост- и препозицию (например, высказывания с *если* и *когда*). Приведем примеры.

Высказывания с *что*: ***Михаил Иванычу*** *что скоро едем* ***сообщили***//; ***Трофимов*** *что ремонт кончился* ***знает***//; ***Катенька*** *что клубника поспела* ***радуется***//; ***Женя*** *что завтра едем* ***знает?***

Наряду с таким порядком частей в РР употребительна и постпозиция зависимой части (типа: *Михал Иванычу сообщили что скоро едем*).

Высказывания с *если*: ***Отец*** */ если книгу потеряешь /* ***рассердится***//; ***Бабушка*** */ если кресло испачкаешь /* ***недовольна будет***//; ***Я завтра*** */ если дождь будет /* ***никуда не пойду***//; ***Он будет*** */ если ты приедешь /* ***рад безумно***//; ***А Вы*** */ если я не дозвонюсь /* ***все равно приходите***//.

Высказывания с *когда*: ***Я очень*** */ когда душно /* ***устаю***//; ***Ты напиши*** */ когда приедешь /* ***письмо сразу***//; ***Наш Петя*** */ когда бороду отрастил /* ***похорошел сразу***//; ***Он любит*** */ когда снег идет /* ***на лыжах кататься***//; ***А Люда*** */ когда в Ленинград едет /* ***звонит Вам?***

В высказываниях с таким порядком слов зависимая часть обычно интонационно выделяется; она может произноситься в несколько убыстренном темпе.

В РР в высказываниях с союзами *если* и *когда* встречается также пост- и препозиция зависимой части, т. е.: *Отец рассердится / если книгу потеряешь*//; *Если книгу потеряешь / отец рассердится*//; *Я очень устаю / когда душно*//; *Когда душно / я очень устаю //* и т. п.

7. Таким образом, в РР высказывания, состоящие из двух предикативных конструкций, с точки зрения взаиморасположения частей, образуют вариативный ряд, включающий до пяти членов:

1. Главная — Зависимая
2. Зависимая — Главная
3. Главная — Зависимая — Главная

4. Зависимая — Главная — Зависимая
5. Главная — Зависимая — Главная — Зависимая.

Шестой возможный член ряда (Зависимая — Главная — Зависимая — Главная) не типичен для РР, хотя изредка и встречается. В кодифицированном языке такому ряду может соответствовать ряд, включающий до трех членов (в зависимости от характера союза и отношений между частями):

1. Главная — Зависимая
2. Зависимая — Главная
3. Главная — Зависимая — Главная.

Подведем итоги.

Высказывания РР, состоящие из двух предикативных конструкций, обнаруживают ту же высокую степень расчлененности, что и высказывания, состоящие из одной предикативной конструкции. Расположение частей в высказываниях, состоящих из двух предикативных конструкций, нередко направляется тенденцией к помещению в непосредственной близости словоформ, наиболее тесно связанных семантически. При этом в высказывании могут возникать дополнительные синтаксические связи, создающие возможность осмысления высказывания по мере его возникновения. Это предварительное осмысление обычно не противоречит окончательному осмыслению высказывания, однако может содержать некоторые своеобразные моменты сравнительно с ним. Такое двойное осмысление высказывания — свидетельство синкретизма РР в плане содержания. В этом отношении такие конструкции родственны конструкциям с интерференцией (см. стр. 339—347).

Выражение смысловых связей способом соположения единиц, а не с помощью формально-грамматических средств обнаруживается в том, что союзы и союзные слова могут располагаться не только в начале зависимой части (как это свойственно КЛЯ), но и в конце высказывания или в интерпозиции; при этом союз бывает ослаблен интонационно и информативно мало значим.

Глава V

НОМИНАЦИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. С изучением семантики лексических единиц в языкознании связаны два направления: наука об обозначении, назывании (ономатология) и наука о значении, сигнификации (семасиология). Принципы и закономерности обозначения предметов и выражения понятий лексическими средствами языка называют иногда «сильной семантикой», в противоположность «слабой», вторичной, где говорится о связях и отношениях между словами. Представляется целесообразным начать изучение семантических закономерностей разговорной лексики именно с этого фундаментального вопроса: к а к даются обозначения предметам и понятиям в РР, каким типам, моделям слов здесь отдается предпочтение. Чрезвычайно важные проблемы взаимосвязанности и взаимообусловленности лексико-семантических явлений трудно решать, пока не накоплен большой материал о природе лексической системы в сфере РР, о ее единицах и их объединениях.

Изучение собственно разговорной лексики современного русского языка только-только начинается. До сих пор почти все исследования на эту тему строились на материале словарей и опирались на помету «разговорное» в них [1]. Словарная помета — стилистическая, она ориентирована на дифференциацию слов в плане их прикрепленности к функциональным стилям литературного языка. Кроме того, существующие толковые словари русского языка не претендуют на теоретическую разработанность в области стилистических соотнесений слов, многие пометы даются в них по традиции. В одну рубрику — «разговорное» — попадают, например: *спешка*, *лежебока*, *жакетка*, *стычка*, *воротила*, *неразбериха*. . . Трудно найти закономерность в подобном объ-

[1] Ср. характерные названия докладов на горьковских конференциях 1966 и 1968 гг., которые подвели итог определенному этапу в изучении разговорной речи: Л. П. С т у п и н. Проблемы отражения разговорной речи в толковых словарях (1966); Г. И. Б о г и н. Некоторые признаки разговорной речи и проблемы их описания в двуязычной лексикографии (1966); Н. А. Ш е х т м а н. Взаимозависимость «разговорного» и других признаков слова как лексикографическая проблема (1968). «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Тезисы докладов к межвузовской научной конференции». Горький, I—1966, II — 1968.

единении слов, и заранее ясно, что «разговорный словарь», извлеченный из любого имеющегося у нас толкового словаря, будет конгломератом разных по своей природе лексем.

Подавляющее большинство исследователей, обращавшихся к разговорной лексике, рассматривало ее с точки зрения экспрессивности, эмоциональности, стилистической сниженности [2]. Такой аспект и методика изучения лексико-семантических свойств РР противоречат целям и задачам нашей работы, изложенным в главе I. Все сказанное побудило нас отказаться от семасиологических наблюдений и сосредоточить свое внимание на ономатологии разговорной речи.

2. Существует несколько лингвистических традиций в подходе к изучению номинаций [3]. Акт номинации состоит в фиксировании избранных явлений действительности посредством языковых знаков. Фиксация эта связывается с определенными устойчивыми стационарными единицами, прежде всего словами. Слово — основная единица номинации. Какие части речи мы назовем номинативными? Современная лингвистическая традиция (прежде всего чешская) относит к номинативным четыре основные части речи — существительные, прилагательные, глаголы, наречия [4]. Именно здесь создаются новые наименования, только здесь можно говорить собственно о словообразовании. Но монопольное значение в системе номинативных частей речи занимают, бесспорно, существительные. Только существительные могут транспонировать содержание слов других номинативных частей речи (содержание глагольных действий и состояний, признаков, свойств — прилагательного и т. д.) [5]. Именно существительное дает языку на-

[2] См.: П. Н. Денисов, В. Г. Костомаров. Стилистическая дифференциация лексики и проблема разговорной речи. «Русская разговорная речь». Саратов, 1970; Т. Г. Винокур. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965; М. Д. Городникова. Экспрессивность в лексике и фразеологии современной немецкой речи. «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1968; С. Б. Берлизон. Экспрессивная лексика в современной английской разговорной речи. — Там же; И. С. Полякова. О стилистической окрашенности профессионализмов в разговорной речи. — Там же.

[3] Проблема номинации стоит в центре внимания многих логических школ; последовательно разрабатывается эта проблематика в логической семантике. См. обзор работ в этой области в кн.: L. Tondl. Problémy sémantiky. Praha, 1966.

[4] Теоретическая важность существования термина «номинация» и его практическая необходимость для словообразования рассматриваются в работах: M. Dokulil. Teorie odvozování slov, I. Praha, 1962; «Tvoření slov v čestině», II. Odvozování jmen podstatných. Red. M. Dokulil, Fr. Daneš a J. Kuchař. Praha, 1967; J. Kuchař. Základní rysy struktur pojmenování. «Slovo a slovesnost», 1963, № 2; M. Dokulil, J. Kuchař. Vztach jazyka a myšlení ve struktuře pojmenování. «Problemy marxistické jazykovědy». Praha, 1962.

[5] См. об этом: J. Kuchař. К общей характеристике номинации. «Travaux linguistiques de Prague», 3. Praha, 1968.

ибольшие возможности для создания нового обозначения. Абсолютную номинативную значимость [6] имеет именительный падеж существительного, другие же падежные формы обременены дополнительной синтаксической нагрузкой.

Глагол — часть речи прежде всего предикативная, даже инфинитив не является «чисто» номинативной формой (его позитивные синтаксические признаки слишком ярки). Номинативная значимость прилагательных и наречий ослаблена их употреблением в предложении (зависимая синтаксическая роль). Все сказанное позволяет нам ограничиться, на первых порах, изучением существительного и его эквивалентов в речи [7], так как это структуры, номинативная значимость которых абсолютна и не затемнена сложными синтаксическими отношениями (ср. противопоставление структур наименования и структур высказывания).

Очень сложным является вопрос о выходе в связи с номинацией за пределы слова. Гипотетически (и такие попытки делались) возможно номинализировать даже и предложение [8], не говоря уже о сочетаниях двух или более номинативных слов.

Нам кажется убедительной та точка зрения, по которой для установления номинативной значимости сочетания слов в качестве критерия выдвигается способность словосочетания выйти из синтаксических отношений предложения [9]. Таким требованиям отвечает прежде всего атрибутивное словосочетание (в широком смысле), которое в отличие от предикативных конструкций включается в предложение как готовое целое.

Итак, основные номинативные категории — это имя существительное и атрибутивная конструкция.

3. В этой главе рассматриваются разнообразные приемы создания номинаций в РР. В этом отношении язык обладает следующими ресурсами:

а) заимствование;

б) деривация;

в) «семантические наименования» (семантические сдвиги в слове — метафора, метонимия, синекдоха);

г) конверсия;

д) сочетание слов.

Все эти способы создания номинации так или иначе рассматриваются в данной главе — все, кроме одного: заимствования.

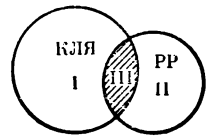
[6] В пражской терминологии — pojmenovací hodnota.

[7] В ряде параграфов в качестве иллюстраций некоторых явлений используются глаголы и прилагательные. Во всех случаях это диктовалось общностью семантического и ономасиологического статуса рассматриваемых единиц.

[8] См.: R. B. Lees. The Grammar of English Nominalizations. — IJAL, vol. 26, № 3; Н. Д. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения (доклад, 1969); Она же. Вариации на тему предложения. «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969.

[9] J. Kuchař. К общей характеристике номинации, стр. 126.

И это связано со следующим соображением. Понятно, что большая часть словаря разговорной речи содержит лексемы, совпадающие с соответствующими лексемами КЛЯ, т. е. словари эти пересекаются и общая часть их значительна. Схематически мы привыкли изображать это пересечение так:

Для разговорной речи характерен постоянный контакт с речью кодифицированной. Из зоны I КЛЯ и зоны II РР какие-то единицы переходят в зону III— общую для КЛЯ и РР. Это процесс двусторонний и непрерывно протекающий. Однако некоторые единицы КЛЯ, проникая в РР, воспринимаются здесь как чуждый элемент, как единицы другой системы.

Таковы все строгие термины и номенклатурные обозначения. В разговорной речи они, как правило, не употребляются.

Например, есть такие синонимические обозначения: *щелкунчик* (РР, II) — *щипцы (для орехов)* (РР III и КЛЯ III) — *ореходавы*[10] (КЛЯ I только в номенклатуре).

Нами был записан в московском магазине «Детский мир» следующий диалог:

Покупательница: — А *щелкунчиков* / таких / для орехов / у вас нет?

Продавщица: — *Ореходавы* не поступали//.

(Кстати, через некоторое время пресловутые «ореходавы» «поступили» в продажу, о чем было сообщено всем покупателям в большом объявлении над прилавком).

Подобное словоупотребление вызывает комический эффект. И если использование разговорного *щелкунчик* в данной ситуации вполне приемлемо, то употребление чисто номенклатурного (письменного, возможного где-то в артикулах, каких-то товароведческих накладных) имени в живом диалоге — речевая ошибка (и в объявлении надо было бы использовать нейтральное обозначение — *щипцы для орехов*!).

Этот случай довольно простой, так как здесь есть единицы трех планов (I, II и III зон в нашей схеме). А как быть, если говорящие непринужденно обсуждают новые достижения в генетике, космонавтике, вулканологии, метеорологии? Ведь сугубо обиходно-бытовые темы не исчерпывают всю тематику речи при непринужденном общении, это ряд открытый. «Дезоксирибонуклеиновая кислота» — строгий термин, он не станет компонен-

[10] От стилистической неприемлемости этого обозначения сейчас отвлечемся. В номенклатуре это встречается часто.

том разговорного языка даже в лихой форме *дезоксирибонуклеинка*. Вот тут мы и сталкиваемся с заимствованиями из КЛЯ,— заимствованиями ситуативно обусловленными, естественными и необходимыми в избранном жанре речи. При современном высоком уровне образования, широкой газетно-журнальной информации о достижениях разных наук и развитии научно-популярных жанров это «заимствование ad hoc» очень распространено. При этом слово-термин, как правило, именно заимствуется для данного случая, лишь используется, но не оседает ни в III зоне КЛЯ — РР, ни тем более во II зоне РР.

Современная русская разговорная речь с другими языками (кроме КЛЯ) контактирует мало или почти не контактирует [11]. Поэтому к вопросу о заимствовании как способе создания нового обозначения мы не обращались.

4. В этой главе особое внимание будет уделено лексическим явлениям, которые на предложенной выше схеме занимают зону II, т. е. таким явлениям, которые и отличают словарь РР от словаря КЛЯ.

Об этих не совпадающих в РР и КЛЯ единицах будет идти речь во всех трех разделах главы. Но если последний раздел посвящен лишь описанию специфических видов номинации в РР, то два первых раздела описывают важные конструктивные особенности наименований в разговорной речи с точки зрения действия двух противоположных тенденций РР — тенденции к синкретизму и тенденции к семантической расчлененности.

Говоря о семантических особенностях разговорных номинативных единиц, надо сказать и о факторах, эти особенности формирующих. Разговорная речь — это речь, тесно связанная с ситуацией говорения, т. е. с ее нелингвистическим окружением. Условия общения говорящих, прямой контакт со слушателем, поддержка языковых кодовых знаков другими кодами — жестом, мимикой, — все это вместе взятое определяет своеобразие выбора слов и моделей построения речи. Ситуативная обусловленность разговорной речи порождает неожиданные повороты в использовании лексических единиц, изменяет семантическое наполнение слова. «Изменяет» слово по сравнению с его жизнью в языке кодифицированном, — и потому сравнение разных способов номинации в РР с параллельными способами обозначения в КЛЯ — удобный прием для выявления того, что становится наиболее специфичным в сфере разговорной номинации.

[11] Некоторые местные разновидности РР активно взаимодействуют с диалектами, окружающими данный город, но эта тема еще ждет своих исследователей.

ТЕНДЕНЦИИ К СИНКРЕТИЗМУ (СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ СПОСОБОМ АФФИКСАЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ («КОНДЕНСАТЫ»)

5. Как известно, в русском языке существуют большие классы расчлененных комплексных наименований, состоящих из двух или более лексем (*аттестат зрелости*, *железная дорога*, *попутная машина*, *ученый совет*, *запретная зона* и т. п.). Процессы, связанные с утратой семантической расчлененности, названы семантической конденсацией [12]. Наблюдения показывают, что разговорная речь, когда дело идет о наименовании, постоянно стремится «вытолкнуть» из потока речи сочетания слов и заменить их единым словом. Для этого в системе РР выработаны определенные правила семантической конденсации, определенные схемы, интегрирующие словосочетание в слово.

Сделаем существенную оговорку. Когда мы говорим о каких-то правилах семантического стяжения, то имеем в виду не только и не столько лексикализированные результаты каких-то семантических процессов, но прежде всего те действующие модели, по которым осуществляется в разговорной речи семантическая конденсация. Для нас особенно важны те словообразовательные и семантические «схемы», которые продуктивны в настоящее время в РР. Именно поэтому в каждом случае мы приводим в качестве иллюстраций не только общепринятые и устойчивые обозначения, но и малочастотные, окказиональные, иногда даже не вполне серьезные, шутливые.

Стяжения способом аффиксальной деривации осуществляются в случаях замены атрибутивного словосочетания существительным, которое выступает в роли лексического эквивалента словосочетания в целом. Эти существительные прямо и непосредственно образуются от основы мотивирующего прилагательного (атрибута словосочетания) посредством суффиксов *-к (а)* и (реже) *-лк(а)*. При этом исчезает родовое существительное, а спецификатор наименования (видовое качество) сохраняется. Например: *вечёрка* (вечерняя газета), *сгущенка* (сгущенное молоко), *тушёнка* (туше-

[12] Этот термин введен в лингвистический обиход А. В. Исаченко в статье «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков» («Slavia», 1958, 3) и в его докладе на аналогичную тему на IV Международном съезде славистов (1958 г.). См. также работы Д. Н. Шмелева, где семантическая конденсация рассматривается как частный случай проявления тенденции к регулярности внутриязыковых отношений, и статью Н. А. Янко-Триницкой «Процессы включения в лексике и словообразовании» («Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964), в которой процессы «включения» определяемого и определяющего рассмотрены на многочисленных примерах из разговорной речи; из позднейших исследований назовем цитирующиеся в данном разделе работы Т. Г. Винокур и И. П. Глотовой.

ное мясо), *казенка* (казенное обмундирование), *штормовка* (штормовой костюм), *попутка* (попутная машина), *самоволка* (самовольная отлучка), *дежурка* (дежурная комната), *полярка* (полярная станция), *пожарка* (пожарная часть), *пассажирка* (пассажирская машина), *подсобка* (подсобное помещение), *маршрутка* (маршрутное такси), *аскорбинка* (аскорбиновая кислота), *комиссионка* (комиссионный магазин); *газировка*, *короткометражка*, *неотложка*, *мореходка*, *пятилетка*, *зачетка*, *электричка*, *психиатричка*, *операционка*, «*Комсомолка*» (газета) и т. д.

Из диалогов:

Что они / не поймут / по какой *методичке* я должен делать работу?; 1. Чем ты бреешься /«Харьков»? 2. Нет / у меня *безопаска* с собой//; Я терпеть не могу такого вида вещи // И я быстренько его (костюм) снесла в *комиссионку*//; У нас *нержавейки* нет? Ножа?; *Калорийку* одну купи и батон//; Щас *газировочки* шарахнем //; Там *бетонка* идет / от Серпухова//; Вот бежевая *боярочка* есть у нас / вот посмотрите (о шапке)//; *Лотереечку* не хотите?; *Танцевалки-то* у меня вообще нет // Давай у соседа возьмем (танцевальной музыки)//; Это кукла-*висячка*? (для машины)//.

Как справедливо отметила Н. А. Янко-Триницкая, конденсация — это настолько живой и продуктивный способ стяжения словосочетания, что его не удерживает даже возникновение омонимов как со словами других образцов, так и со словами, созданными по этому же образцу, но включающими значение другого существительного. Например: *комсомолка* (девушка и «Комсомольская правда»), *районка* (районная поликлиника, районная больница) и т. п. [13] Ср.: 1. Да *чешки* я ищу// 2. Какие *чешки* / на резиночках? 1. Ну да// 2. Там вот много таких / *чешек* // В марьинском// 1. Да размер все не мой // (разговор о гимнастических тапочках).

Некоторые семантические микрополя почти полностью заполняются подобными наименованиями. Например, названия круп и каш в РР: *манка*, *гречка*, *овсянка*, *перловка*, *пшенка* (но и *пшено*). Ср. также названия помещений по действию, в нем совершаемому или по лицу, работающему в нем: *сортировка*, *операционка*, *дежурка*, *монтажка*, *мойка*; *прорабка*, *столярка*, *слесарка* и т. п. Названия официальных бумаг, документов: *сопроводиловка*, *пенсионка*, *зачетка*, *похоронка*, *командировка*. Типичны конденсаты этого рода в названиях площадей и зданий, больниц и библиотек, выставочных залов и т. п.: *Таганка*, *Серпуховка*, *Новобасманка*, *Пироговка*, *Склифосовка*, *Третьяковка*, *Историчка*, *Академичка*, *Щедринка*, *Дзержинка*.

По своему происхождению существительные-конденсаты здесь, правда, несколько различны. Во всех случаях спецификатор на-

[13] Н. А. Янко-Триницкая. Указ. соч., стр. 28.

именования остается и закрепляется в основе нового существительного. Но в однотипных стяжениях объединены такие наименования, как, с одной стороны, Новобасманная больница, Третьяковская галерея, — и, с другой стороны, словосочетания типа *Библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина*. Стяженные обозначения второго рода не обязательно проходят стадию *Щедринская библиотека*. Дело в том, что семантическая конденсация создает в РР такие «сильнодействующие» модели, что иногда слово-конденсат образуется уже без оглядки на какое-либо словосочетание — по аналогии. Таким образом, за некоторыми подобными наименованиями в РР стоят нуль-сочетания (а, значит, они сами становятся лжеконденсатами).

Сказанное можно, видимо, отнести и к таким словам из приведенных выше примеров, как *боярка*, *чешки* (шапка, туфли). За этими конденсатами не стоят фиксированные обозначения 'боярская шапка' или 'туфли чешского образца', 'чешские туфли' (в КЛЯ) — они сразу образовались в РР по готовой модели и мотивированы лишь прилагательным. Аналогическое действие активной модели стяжения словосочетания приводит в некоторых случаях к своей противоположности — к образованию слова-термина с затемненной внутренней формой, мотивированность которого является уже ложной. В самом деле, *чешки* — это не всякие чешские туфли, а именно 'спортивные гимнастические туфли определенной модели'. Без знания реалии и не угадать, что в основе наименования шапки — *боярка* — лежит представление о контурах шапки Мономаха (бояре на Руси носили и высокие цилиндрические меховые уборы).

Очень распространены в РР такие существительные-конденсаты, которые замещают в разных случаях р а з н ы е словосочетания, являются эквивалентами совершенно р а з н ы х обозначений и становятся омонимами. В самом деле, что такое *академичка*? В одном случае — это академическая больница, в другом — столовая, в третьем — библиотека. *Вязанка* — это и вязаная кофточка, и вязаная шапочка, и перчатки (во мн. числе). *Гражданка* — гражданская война и гражданская одежда, гражданское положение, гражданская служба. *Коммуналка* — коммунальная квартира и Академия коммунального хозяйства. *Районка* — районная больница, диспансер, газета (Из диалога: 1. Ты Олю к нам отдала / в Академию в детсад? 2. Да нет / *районка* // Нам ближе//). *Персоналка* — персональная машина, персональная пенсия, персональное дело. *Гонка* — гоночная лодка, велосипед, машина. *Стеганка* — стеганая куртка, брюки (мн. ч.), костюм.

Действие модели описанного выше образца на *-к(а)* безгранично, она чрезвычайно продуктивна в РР. Уходят из языка или устаревают те или иные номинативные обозначения (вспомним старые *чугунка*, *железка* (железная дорога), *испанка* (грипп), *охранка*, *сибирка*, *владимирка*, *мощенка*, но сама модель не перестает быть активной.

Описанный тип семантического стяжения действует исключительно в сфере разговорной речи. Некоторые лексемы этого образца употребляются и в кодифицированном языке (правда, лишь в нейтральных его стилях), но они являются заимствованиями из разговорной речи. *Открытка*, *зачетка*, *электричка*, *пятилетка* — все эти слова широко распространены во многих жанрах КЛЯ (например, каждое из них может прозвучать с трибуны, уместно в газете, радиопередаче), но, однако, на почтовой карточке значится: *открытое письмо*; на титуле студенческого документа читаем: *зачетная книжка*; в поезде по радио объявляют: — Наш *электропоезд* следует до станции Можайск; в официальном сообщении возможно лишь: Проект директив по четвертому *пятилетнему плану*.

Значит, существительные-конденсаты — не полноправные наименования в КЛЯ, а только «приемыши», которые несмело осваивают наименее официальные, самые нестрогие языковые жанры. Характерно, что в книжной речи почти всегда эти слова даются в кавычках, т. е. как бы не вполне серьезно, со стеснением, авторы подчеркивают этим, что они здесь отдают дань не совсем строгой языковой привычке [14].

С другой стороны, в разговорной речи невозможны *открытое письмо* и *электропоезд*. Употребление этих наименований может расцениваться лишь как невладение разговорной лексикой (скорее всего, так может сказать иностранец) [15]. Значит, номинации-конденсаты — *открытка* и *электричка* — единственные в РР лексемы для обозначения соответствующих реалий.

В живой разговорной речи постоянно образуются окказиональные существительные-конденсаты, часто шутливые. Например:

1. А *Изобразилка* (Музей Изобразительных искусств) что была? 2. А *Изобразилка* была *традиционка*//; Надоели эти *коммуналки* / *коридорки* (коридорные системы) / хочу забиться в *индивидуалку* / в берлогу / и сидеть там//; Она на *военке* (военном положении) числится? Как там у них в «ящике»?

По-видимому, разным социальным группам и лицам в одно и то же время известен разный набор конденсатов этого рода. Показательны и территориальные различия: например, для москвичей непривычно звучит *научка* (научная библиотека), распространенное в г. Саратове; саратовцам же кажется неприемлемым московское *фундаменталка* (фундаментальная библиотека Академии наук); но саратовцы и москвичи объединяются в неприятии ленинградского *публичка* (публичная библиотека). Так как конденсаты

[14] Например: Сейчас в «*Ленинке*» одновременно могут работать две тысячи четыреста читателей в двадцати двух залах («Литературная газета», 30 июня 1962 г.).

[15] Случаи намеренной языковой игры, «инкрустации» мы не учитываем: инкрустировать речь можно чем угодно и когда угодно, это лишь стилистический прием, не имеющий отношения к «серьезным» наименованиям вещей и явлений.

этого типа легко образуются из разных словосочетаний, не удивительно, что в исторически разное время они «актуализируются» по-разному: *зажигалка* во время войны — бомба и машинка для зажигания; сейчас — только второе. Устойчивость, стационарность наименований — удел кодифицированной речи, РР же охотно мирится с обозначениями-однодневками, нефиксированными наименованиями разного рода.

К описываемому выше типу стяжений примыкает другой тип конденсатов: существительные со значением лица, образованные от основы мотивирующего прилагательного посредством суффикса *-ик* (прилагательное же выступает в роли спецификатора в комплексном атрибутивном наименовании): *транзитник* (транзитный пассажир), *сезонник* (сезонный рабочий), *подсобник* (подсобный рабочий), *киношник* (кинодеятель) и под.

Из диалога: 1. А потом обычно все диабетические больные / они все *хроники* / да? 2. *Хроники*// 1. Ну вот // Особенные *хроники*. . .конечно вот с тощим диабетом//.

Ср. также *тучник*, *легочник*, *сердечник*, *желудочник*, *печеночник*, *язвенник*, *гипертоник*, *инфарктник*; *внештатник*, *профсоюзник*, *естественник*, *гуманитарник*, *высоковольтник* и т. п.

Некоторая часть конденсатов образуется при помощи разного рода экспрессивных суффиксов: *легковушка* (легковая машина), *черняшка* (черный хлеб), *спецуха* (спецзанятия), *штормяга* (штормовой костюм), *деревяшка* (деревянный протез), *губнушка* (губная помада) [16], *промокашка* (промокательная бумага).

Ср. *информашка*, *регистрашка* [17] в непринужденной речи газетчиков.

Свобода варьирования экспрессивных суффиксов довольно большая, и выбор зависит часто от индивидуальных вкусов, намерений и привычек говорящего (правда, в иных случаях экспрессивный суффикс как бы «навязывается» говорящему, если комплексное обозначение не поддается сокращению по общей модели — ср. *черный хлеб*, *губная помада*).

Нами была записана от одного и того же лица следующая группа слов со значением 'отрицательное мнение, отзыв, рецензия' (актуальным в то время для нашего информанта): *отрицалка*, *отрицуха*, *отрицашка*, *отрицага*, *отрицуша*, *отрицоха*. Разговорная речь снисходительна к такой языковой игре и «поощряет» индивидуальное словотворчество, так как ситуация речи всегда непринужденна, всегда неофициальна и поэтому часто располагает к шуткам.

[16] Последний пример заимствован из статьи: И. П. Глотова. Семантическая конденсация в разговорной речи. «Язык и общество», вып. 2. Саратов, 1970, стр. 104. — В Москве такого наименования мы не встречали.

[17] Ср.: «Ничего себе формулировочка!. . Кира права: невозможно по пятнадцать минут размышлять над каждой *регистрашкой*» (И. Зверев. Письма трудящихся. — В сб. «Второе апреля». М., «Сов. писатель», 1968, стр. 109).

6. Аналогом семантических конденсатов типа «сгущенка» часто выступают субстантиваты — субстантивированные прилагательные, вычленившиеся из определительных словосочетаний посредством элиминирования существительного.

Функционально сходство субстантивации и аффиксальной деривации здесь полное: комплексное наименование заменяется единым словом, определение наименования обращается в существительное, определяемое исключается.

Эквивалентные субстантиватам словосочетания — семантически расчлененные наименования, а субстантиваты — наименования синкретичные.

Наблюдаются значительные расхождения между использованием субстантивации как способа номинации в речи разговорной и кодифицированной. Так, из 11 продуктивных типов субстантивации прилагательных в современном русском литературном языке, выделенных и подробно описанных В. В. Лопатиным [18], можно считать активно действующими в РР т о л ь к о т р и типа.

Два из них по характеру семантической мотивированности, свойствам мотивирующего прилагательного и своим функциям полностью идентичны соответствующим образованиям в КЛЯ. Это:

а) Субстантиваты со значением лица, образованные от словосочетаний, называющих лица по месту работы, жительства и т. п. (чаще во мн. ч.) [19]. Например: *совхозные*, *поселковые*, *факультетские*, *институтские*; *рязанские*, *малаховские*, *перовские* и т. д.

Обычно эти стяженные обозначения фразеологизируются в оборотах *наши институтские*, *наши поселковые*, *твои типографские* и под. (тем самым сфера их употребления сужается). Ср.:

Этой электричкой *наши перовские* и не ездят даже//; Все *наши лаврские* (жители Лаврских переулков) эту молочную очень любят//; *Наши университетские* не знали про ваше заседание//; А *тушинские наши* / они все вокруг аэродрома селились / да?; *Наши заводские* только в этой столовой обедают//; *Твои поселковые* разве соберутся сейчас // Сейчас холодно // Раньше мая их не увидишь//.

б) Субстантиваты среднего рода с общим значением вида одежды [20]:

Девушку *в зеленом* не видели случайно?; Тут мальчик *в голубеньком* пробегал//; Приехала вся *в итальянском* / пестрая такая / яркая//; Это она *в джерсовом* тогда была?; Я *заграничного* не ношу / неохота бегать доставать//; Я люблю когда ты

[18] В. В. Л о п а т и н. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967.

[19] Тип. 1б) по классификации В. В. Лопатина (указ. соч.).

[20] Тип 7 по классификации В. В. Лопатина.

в красном//; Хорошо когда дети *в шерстяном* / а не в синтетике//; Ты *теплое* взять не забыла?; Ты все еще в *зимнем* / да?; 1. Я *длинное* ни за что не надену / хоть режьте// 2. Люся / Люся / что ты говоришь / а если все в миди / в макси / ты ж курам на смех в своем *коротеньком* будешь//; Тогда у нас *демисезонного* не было никакого / один костюмчик до холодов / до самого снега//.

Третий тип субстантиватов в РР структурно совпадает с соответствующим ему в КЛЯ, но отличается по употребительности. Речь идет о субстантивированных прилагательных среднего рода, обозначающих блюда, кушанья, лекарства [21]:

Ты запей чем-нибудь *тепленьким*//; Ему нельзя ничего / *ни кислого* / ни *копченого* / *ни жареного* / никаких этих вещей//; Хочется чего-нибудь *мучного* / *вкусненького*//; У них *мясного* и детям не дают//; Не люблю *соленого*//; Она признает на обед только *горячее*//.

Ср. малоупотребительные в разговорной речи: *спиртное*, *горячительное*, *наружное*, *внутреннее*, *жаропонижающее*. В разговорной речи естественнее в этих случаях звучат синонимичные предикативные или иные словосочетания: *внутрь* (*принимать*), *понижать жар*, *от жара* и т. п.

Ср.: В нашем доме *жар понижать* есть?; Купи что-нибудь *внутрь* / у нас одни горчичники//.

Разумеется, употребляются в РР и такие субстантиваты, как *наружное*, *жаропонижающее*, — но лишь в качестве заимствованных из КЛЯ терминов, готовых слов, а не как живые образования [22].

Различное действие модели в РР и КЛЯ в данном случае связано с ее функционированием — с созданием окказиональных субстантиватов: если разговорная речь легко строит окказионализмы по типу *рыбное*, *мясное*, *творожное*, *изюмное*, *ржаное*, *ореховое*, *растворимое* (чай, кофе), то кодифицированный язык от этих окказионализмов отказывается.

Окказионализмы же, представляющие собой реализацию возможностей, заложенных в системе, характеризуют как раз степень продуктивности данного словообразовательного типа (в данном случае продуктивность выше в РР по сравнению с КЛЯ).

В других случаях разговорная речь, по нашим наблюдениям, отвергает субстантивацию в пользу деривации и иных способов стяжения словосочетания.

[21] В классификации В. В. Лопатина — 8-й тип.

[22] Вообще, когда здесь говорится о неупотребительности в РР ряда субстантиватов, при этом, разумеется, не имеются в виду такие устойчивые словарные единицы, как *закусочная*, *мороженое*, *чайная* и т. п. Они естественно входят в словарь РР, в основе своей совпадающий со словарем кодифицированной речи.

Ср. такие ряды:

КЛЯ	РР	КЛЯ	РР
моечная	мойка	буфетная	буфет
операционная	операционка	гардеробная	гардероб
дежурная	дежурка	сопроводительная	сопроводилка
курительная	курилка	пилотская	пилотка
караульная	караулка	премиальные	премия
сортировочная	сортировка	добавочное	добавка
перевязочная	перевязка	посевная	сев
монтажная	монтажка	уборочная	уборка
гримерная	гримерка	караульный	караульщик
красильная	красильня, красилка	пожарный	пожарник
похоронная	похоронка	сварочный	сварщик
душевая	душ	буровой	буровик
табельная	табель		

В числе существительных-субстантиватов много номенклатурных и терминологических обозначений (*накладная*, *иглокожие*, *ракообразные*, *ротный*, *батарейный*, *пернатые* и т. п.), которые по природе своей противопоставлены разговорным номинациям. Субстантиваты некоторых других типов несут в себе сильный привкус книжной речи, ее «высших ярусов». Они, естественно, также неупотребительны в РР. Например, существительные со значением обобщенной субстанции: *прогрессивное*, *комическое*, *трагическое*, *нравственное*, *социальное*, *былое*, *близкое*, *далекое*, *частное*, *спорное* и т. д. Образование этого рода субстантиватов структурно и семантически неограничено — но лишь в кодифицированном языке. Разговорная речь часто противопоставляет абстрактной лексике слова с конкретным значением: не *золотое*, *болотное*, а — *золото*, *болото* (цвет), не *интимное*, а *интим*, не *прогрессивное*, а *прогресс*.

Таким образом, можно было бы говорить о малой распространенности и нетипичности субстантивации прилагательных [23] как модели стяжения в РР, если бы не одна ее разновидность. Речь идет о типе субстантивации, названной В. В. Лопатиным «эллиптическим» [24]. Он как раз всецело принадлежит речи разговорной, и это вытекает из его способности выступать в качестве замены словосочетания.

[23] И — шире — о нетипичности субстантивации вообще, так как субстантивированные причастия встречаются в разговорной речи чрезвычайно редко (здесь обычно *кто преследует*, а не преследующий, *кого обвиняют*, а не обвиняемый, *что происходит*, а не происходящее, *что ожидаем*, а не ожидаемое, *что сказал*, а не сказанное и т. д.). Ср. явно воспринимающийся как инкрустация из других сфер речи субстантиват-причастие во фразе: — Я просто хотел высказать свое *наболевшее* (обычно: *что наболело*).

[24] В. В. Лопатин. Указ. соч., стр. 225.

Как и во всех случаях употребления названий-конденсатов (типа *сгущенка*), эти субстантиваты выступают в роли разговорных вариантов словосочетаний, носящих более официальный характер. Ср.: *исторический — исторический факультет*; *однокомнатная — однокомнатная квартира*; *растворимый — растворимый кофе*; *безразмерные — безразмерные чулки*; *сборная — сборная команда*; *вынужденная — вынужденная посадка*; *механический — механический цех* и т. д.

Частое эллиптирование существительного в РР связано с воздействием ситуации на конструирование речи. Именно благодаря тому, что ситуация здесь всегда проясняет, о чем идет речь в высказывании, возможно образование субстантиватов в разных случаях от разных словосочетаний. *Механический* — это и цех, и отдел, и способ обработки, но омонимия здесь никогда не возникает из-за недвусмысленности ситуации.

Субстантиваты этого типа — явление чрезвычайно распространенное в РР и лексически неограниченное:

Здесь у нас часто ребята из *ремесленного* ходят// (училища); Вера сегодня на *ученом*? (совете); У нас *комсомольское* сегодня// (собрание); Я зайду в *ордерную*// (комнату); Я в *зарядной* Нина// Через пять минут выйду// (комнате; в фотоателье); У нас сегодня *отчетно-выборное* / я приду поздно// (собрание); Он в *телевизионной*// (комнате; в гостинице); Я по *зарубежной* не все прочла (литературе); У них *классная* добрая// (руководительница); Это на *закрытом* разбиралось// (собрании); У нее тогда был *декретный*// (отпуск); Я на *больничном*// (листе); Я *очередной* еще не брала / зачем мне за свой счет? Сегодня я иду к *зубному*// (врачу); У нас ни одной *десертной* в доме нет// (ложки); Она на *историческом* учится? (факультете); Ты *желудочный* или *кишечный* (больной)?

В связи с тем, что синкретичные наименования двух типов — конденсаты и субстантиваты (*зарубежка — зарубежная*) эквивалентны по своему словообразовательному значению, встает вопрос об их соотношении друг с другом. Прежде всего не одинаковы сферы их распространения: субстантиваты живут и в нейтральных стилях КЛЯ, и в РР, соответствующие им дериваты — только в РР. Ср.:

КЛЯ официальный	КЛЯ и РР ↓ (нейтральный)	РР
прокатный цех	прокатный	прокатка
генеральная репетиция	генеральная	генералка
полярные платежи	полярные	полярка
лабораторная работа	лабораторная	лабораторка
сверхсрочная служба	сверхсрочная	сверхсрочка
попутная машина	попутная	попутка
«худяковская» пшеница	худяковская	худяковка
Тургеневская библиотека	Тургеневская	Тургеневка

Самотечная площадь	Самотечная	Самотека
«Иностранная литература» (журнал)	Иностранная	Иностранка

Наличие двух единиц, функционально тождественных, обычно ведет в языке к их стилистическому размежеванию. То же произошло и в данном случае в разговорной речи. В пáрах *сгущенное — сгущенка*, *зарубежная — зарубежка* второй член менее нейтрален, он — принадлежность сниженных стилей РР [25].

Необходимо отметить, что выбор одной или другой эллиптизированной формы связан с языковыми вкусами, привычками говорящего, как это часто бывает в речи. При этом нет такого четкого разграничения: в одних коллективах, группах, семьях всегда употребляют в РР сокращения типа *сгущенка*, в других — сокращения типа *сгущенное*. Здесь идет бессистемный выбор: одному привычна *сгущенка* и совершенно несвойственна *иностранка* («Иностранная литература»), другой говорит *попутная*, но *литейка*, *бетонка*. Как и всякие пристрастия, пристрастия речевые столь же капризны, сколь устойчивы (см. выше в I главе о проверке речевых привычек путем опроса).

Примечание. А. В. Исаченко в статье 1958 г. о семантической конденсации [26] справедливо отнес к разряду конденсатов аббревиатуры. Действительно, слова, составленные путем сложения начальных букв или начальных звуков слóва (акронимы), выступают в качестве заместителей словосочетаний. Однако этот способ сокращения словосочетаний не популярен в разговорной речи, он — детище кодифицированного языка, его профессиональных, научных и деловых сфер. В РР аббревиатуры встречаем либо в качестве заимствований из профессионально-деловой речи ЦУМ, ГУМ, гипы (главные инженеры проекта), чэпэ, итээры (инженерно-технические работники), либо в шутливом употреблении, пародирующем деловую речь:

Мы живем по принципу *тэдэбэ* (т. е. тише едешь — дальше будешь)//; Ну вот / Володя сейчас даст нам *цэу* (ценные указания)//; Главное чтобы *ибэдэ* не исчезала («имитация бурной деятельности»)//.

Все эти «цэу» и «чэпэ» — не номинации, а именно пародии на строгие номенклатурные обозначения. Только одни из них распространены широко (вроде ходовой шутки «цэу»), другие же созданы и циркулируют внутри замкнутых языковых коллективов (вроде «тэдэбэ» одной лаборатории).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ СПОСОБОМ УСТРАНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЯЕМОГО

7. Этот продуктивный тип семантического стяжения заключается в замене атрибутивного словосочетания одним словом —

[25] Вопрос о стилистической дифференциации разговорной речи требует специального исследования. Однако мы исходим из того, что и в этой области есть свои стилистические градации. Возможно, триада *высокое — нейтральное — сниженное* осуществляется в РР лишь в противопоставлении нейтральное / сниженное.

[26] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 342.

существительным, которое представляет собой спецификатор (видовой признак) наименования. Его мотивирующей основой выступает прилагательное, атрибут словосочетания. Родовое существительное элиминируется. В этой модели наблюдается полное сходство с описанными выше конденсатами и субстантиватами, но здесь нет собственно деривационных процессов и замещение происходит л е к с и к о - с е м а н т и ч е с к и м п у т е м. Ср.:

дипломная работа — диплом	декретный отпуск — декрет
хирургическое отделение — хирургия	моторная лодка — мотор
вирусный грипп — вирус	транзисторный приемник — транзистор
химическая завивка — химия	

Примеры из диалогов:

1. Она *вирусом* болеет? 2. Да / Гонконг//; Будем править (рукопись) синим *шариком*//; Ты *шариком* не любишь? Не пишешь? (шариковая ручка); 1. Рит / это как *витамин* / да? 2. Не варенье и не *витамин* // Брусника // Просто в печке русской постояло чуть-чуть (о витаминизированном «сыром» варенье); Стрептоцид? Нет / нету // Это в *рецептуре* спросите//; 1. *Транзистор* покупаешь / знаешь какие утечки? Ужаснейшие// 2. Лучше купить в *некондиции* // лучше//; 1. А где эту пленку-то взять? 2. В «Пионере» в *некондиции* // Тыщу метров два рубля (отдел некондиционных товаров); А все-таки я *вафли* люблю // И вытирают хорошо / и стирать легко / и вообще (вафельные полотенца); А потом из *ремесла* двоих прислали / ну и вроде обошлись (ремесленное училище); За *дефицитом* всегда очередь//; Скоро можно будет в *демисезоне* уже ходить//; 1. Между прочим микробы отличаются по запаху / ты знаешь? 2. Ну это я могу сказать что знаю // Потому что иной раз вот от одной банки / вот в *бактериологию* зайдешь / от одной банки так пахнет / от другой иначе//; Ой / в *хирургию* не ходите / не ходите / Вам же в *терапию*//; 1. Там еще *урология* есть // Там по-моему очень хорошая *урология*// 2. *Урология* / там же Дунаевский / конечно//; Да / я поняла / *телефон* (телефонные разговоры) это прекрасно//; Кому *химию* крутить? (в парикмахерской).

Подобные замещения постоянно возникают как окказионализмы в живой речи, и это служит доказательством того, что модель стяжения осознается говорящими активной.

Характерен такой пример (из рассказа об отпуске, проведенном в Коктебеле; слушающий знает, что там есть Лягушачья бухта): Ну / в *Лягушку* каждый день ходили / там купаться хорошо//. Ср. в шутливом употреблении: 1. А когда им сборник сдавать? В октябре? 2. Надо их держать *в ежах* (ежовых рукавицах) и говорить что раньше//.

Компактную группу составляют стяжения атрибутивных словосочетаний с общим значением ц в е т а (в кодифицированном

языке это расчлененные обозначения, обычно генитивного типа: *цвета морской волны*). Примеры:

1. Это какой у вас цвет? 2. *Море*//; 1. Тебе какая помада идет? 2. *Морковка*//; 1. Там тапочки замечательные были // Мягкие такие / и цвет редкий / *золото*// 2. Рыжие? 1. Да нет / именно *золото* / яркие//; 1. Она костюм не взяла / может посмотришь? 2. А какого цвета я забыла? 1. *Болото*//; *Красное дерево* есть? (в парфюмерном магазине; о шампуни); Ей *фисташки* совсем не идут / а она опять сшила (костюм)//; Она блондинка / и самая модная сейчас / *платина*//.

Описанный тип стяжения возможен только в РР и, как кажется, в принципе противопоказан книжной речи. Однозначное употребление слова *шарик* вместо *шариковая ручка* или *морковка* вместо нечто *морковного цвета* требует особого контекста, который исключил бы возможность нейтрализации разных смыслов. В разговорной же речи нейтрализация снимается конситуацией. Если две женщины проходят мимо парфюмерного магазина, рассматривают на витрине помаду, и одна говорит другой: — Зайдем / здесь кажется *морковка* какая мне нужна//, то ситуация «овощной магазин» никому не придет в голову.

Встает вопрос о статусе замещений-существительных. Что это — новые слова, омонимичные привычным стационарным обозначениям (ср. *химия* — 'наука' и *химия* — 'химическая завивка')? Или же это развитие нового значения у старого слова (полисемия)? На наш взгляд, говорить о новом значении здесь невозможно. Каждое новое значение семантически связано с уже заложенными в этом слове смыслами, это какой-то шаг в реализации этих смыслов, приобретение новых дифференциальных признаков на основе старых.

А что общего между *химией* 'химической завивкой' и наукой *химией*? Ср. также разговорное *физика* в значении 'физическое развитие' и кодифицированное *физика* 'наука'.

В данном случае мы сталкиваемся, по-видимому, с явлениями омонимии. Новые существительные, образованные из словосочетаний, мотивированы основой прилагательного этого словосочетания и включают в свою семантику значение атрибутивного словосочетания в целом. Характерно, что существительные-эллипсисы синтаксически ведут себя часто иначе, чем их двойники-омонимы. Они сохраняют ту валентность и ту сочетаемость, которые свойственны замещенным словосочетаниям, а не заимствуют сочетаемость у омонимичных слов. Эта-то своеобразная сочетаемость и служит диагностирующим признаком для отнесения слова к классу эллиптированных существительных (своего рода эрзац-существительных). Рассмотрим следующий диалог:

1. Ты на рынке картошку купила? 2. *В государстве*// на углу // На рынке сегодня ни одной картошинки//.

Государство здесь — заместитель словосочетания *государственный магазин*. И естественна сочетаемость: купить в государст-

венном магазине → в государстве. Если же предположить, что *государство* здесь — метонимия (т. е. произошел метонимический перенос наименования), то глагольное управление будет выглядеть необъяснимо. Единственно допустимым тогда было бы: *купить у государства* (возможный, но совершенно другой случай).

Ср. также типичные вопросы в парикмахерской: — Вы *на химию*? Кто будет *химию делать*? Или: Она *в декрете*? *Декрет* у тебя *кончился*? (декретный отпуск). Новообразованные существительные по форме повторяют уже существующие в языке слова, но по своей семантической структуре и сочетаемости они представляют качественно иные наименования.

Любопытно, что время от времени в речи появляются слова, использующие эту модель стяжения, но при этом оказывается, что в языке нет существительных, под которые они могли бы «подстроиться», так как прилагательные этих атрибутивных словосочетаний не были образованы от существительных. Это такие окказионализмы, как *термояд* — термоядерная реакция, *микропора* — микропористая резина или *мохер* — мохеровый шарф. Эти и подобные им аналогические усечения лишь подтверждают мысль о том, что прилагательное атрибутивного словосочетания выступает в данном случае в качестве мотивирующей основы для образования нового слова — существительного, замещающего целое сочетание.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТЯЖЕНИЯ СПОСОБОМ УСТРАНЕНИЯ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕГО

8. Употребление слова в устойчивых словосочетаниях и стереотипных ситуациях ведет к утрате им определений, которые обычны для данной речевой ситуации. Весьма распространен в РР такой тип семантического стяжения, когда словосочетание формально теряет спецификатор наименования — атрибут, но его значение включается в значение существительного.

Фруктовая, минеральная вода → вода:

Я купила коньяк и *воду* / больше ничего//; 1. *Водички* нет у нас в доме? 2. Какой? 1. Ну не знаю / лимонада //; Сергею только вина не наливай бога ради // *Вода* будет?

Ученый совет → совет:

1. Где ваш шеф? 2. На *совете//;* Сегодня будет *совет* / нет?; На *совет* пойдем?

Электронно-вычислительная машина → машина:

У нас большие новости / мы теперь с *машиной* работаем //; На *машину* мне в субботу-воскресенье не идти... [27]

[27] Последний пример осложнен метонимией (=работать на машине). См. об этом явлении ниже.

Высокочастотны *сад*, *садик* (детский сад), *сестра* (медсестра), *язык* (иностранный язык), *песок* (сахарный песок) [28]:

Вот осенью Свету отдам *в сад* / тогда буду на курсы ходить//; И *сада* нет в новом этом месте / и школы / что с ребятами делать прям не знаю//; А *сад* ваш близко? 1. В справочной ничего не говорят / а врач сегодня не принимает// 2. Надо *с сестрой* / *с сестрой* // С дежурной сестрой поговорить//; *Сестра* в моей палате была замечательная // знаешь / такой старой формации//; Ни *языка* не знают / ничего//; Я люблю заниматься *языком*//; *Язык* по-моему никогда не помешает//; Что это за специалисты без *языка?*; *Песок* купи и два батона//; 1. Сахар у вас есть? 2. Только *песок*//.

Характерно стяжение *запретная* (*военная*) *зона* → *зона*: Дорога ведет в *зону* // там значит военный городок стоит такой//; Прямо за *зоной* лес / а потом овраг и речка//; Оказалось / мы давно *в зоне* // Испугались конечно / зато грибов набрали//; Видишь «кирпич» висит? Там *зону* недавно сделали [29]//.

Постоянно и последовательно исключается в РР определение *больной* из словосочетания «прилагательное + существительное», если предмет речи — какой-то орган, часть тела и под. Условие стяжения — такая конситуация, когда речь идет о болезнях, недугах, больницах и т. п. Лексически этот ряд ограничен разве что анатомическим атласом.

Таким образом, в определенных ситуациях речи *печень*, *сердце*, *почки*, *ноги*, *руки*, *глаза*, *язык*, *голова*, *зубы*, *уши*, *нос*, *горло*, *сосуды*, *нервы*, *желудок*, *легкие* — это *больная печень*, *больное сердце*, *больные почки* и т. д. Например:

1. А Валя у врача? 2. Ну да / у нее *щитовидка*//; Кто здесь с *поджелудочной железой?* Идите на анализ/; Я самолетом никогда // У меня *вестибулярный аппарат* с детства//; 1. Софья Александровна почему в больнице? 2. *Ноги* у нее//; В 65-м году я там / в больнице / два раздела написала // Тоже *с ногой* была//; У меня *нервы* / я без отпуска не могу//; 1. А Игорь / у него что-нибудь серьезное? 2. У него *мениск*//; У моей Кати уже три года *гланды* // Такое мучение//; У тебя *зуб* / да? Ой / бедная!;

[28] В указанной выше статье Н. А. Янко-Триницкой говорится о группе существительных, в которых развивается значение оценки (температура, вкус, воздух, слух). Это значение становится стабильным и фиксируется в словарях, т. е. перестает быть явлением речевым. Нас же интересуют ситуативно-закрепленные совмещения лишь в РР и разного рода стилизациях этой речи.
Ср.: . . . Говорили ей, — не ходи *в зону*!
А она
вздрагивает ноздрями,
празднично хорошея.
Жертво-ли-приношенье?
Или она нас дразнит? (А. Вознесенский. «Оза»).

У отца *носоглотка* / а у мамы *желудок* // И у меня пожалуйста / то и другое//; У нее *слизистая* с трех лет// [30].

Ср. в ситуациях, когда просят какое-нибудь лекарство:

Что-нибудь *от сердца* есть у вас?; 2. Скажите / а *от головы* только пирамидон?; *От желудка* дайте это пожалуйста//; *От нервов* в вашей комнате есть что-нибудь? (совершенно аналогично выражениям *от гриппа*, *от кашля*, *от насморка*, *от простуды* и т. д.).

И как развитие этих ситуационных значений в шутливом употреблении:

Леня меня *шеей* заразил (болит шея; известно, что перед этим на шею жаловался товарищ нашего информанта); А твое *колено* / это не заразно?; Ну вот / тебя что ли В. Д. своим *почерком заразил?* Ничего не разбираю (плохим почерком)//.

Стяжениям обычно подвергаются в РР и другие медицинские обозначения как частотные, так и малочастотные (такова сила аналогии): высокое / низкое давление → давление (— У меня опять *давление*//); слабое зрение → зрение (— *Со зрением* в армию не берут//); отрицательный резус-фактор → резус (— Оказалось, что у меня *резус*) и под.

К этой группе конденсатов примыкают ситуационно-эллиптические сокращения генитивных словосочетаний: *аттестат зрелости — аттестат; таблица умножения — таблица; порок сердца — порок; ателье мод — ателье; анализ крови — анализ; номер телефона — номер* и *телефон* и т. п.

О таких сочетаниях А. В. Исаченко писал, что они поддаются семантической конденсации только путем сложных сокращений (*сопромат*, *тюз* и под. «акронимы») [31]. Это верно только для кодифицированного языка. В разговорной же речи сложносокращенные слова, как правило, не создаются, и «комплексность» (двусоставность) наименования преодолевается иным путем — эллиптизацией атрибута. Этот путь невозможен для КЛЯ, так как сокращенное таким образом наименование постоянно вызывало бы недоумение и непонимание (*таблица* без генитивного определения — это что? Таблица умножения, таблица логарифмов, корней или что-то третье, четвертое?) В разговорной же речи при стяжениях случаи нейтрализации значений очень редки и тут же «снимаются» переспросом:

1. Послушайте / у вас здесь нет *номера* нашей поликлиники? 2. Номера? Какого? 1. Ну / телефона // 2. А-а! Да нет // Ты спроси у Татьяны Александровны//.

[30] Ср. диалог в фильме С. Ростоцкого «Доживем до понедельника»: 1. У вас что, *желудок?* 2. Это не у меня; *желудок* у учителя географии. 1. А у вас что? 2. *Общее состояние.*

В рецензиях на фильм многократно подчеркивалась живость и естественность языка героев.

[31] А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 346.

Обычно же в разговоре сочетания *мой номер*, *домашний номер*, *служебный номер*, с одной стороны, и *телефон* — с другой, однозначно понимаются как *номер телефона*:

У меня *номер* очень трудный / но ты все же попробуй запомнить (разговор идет на улице и нет карандаша, чтобы записать) //; Ты сережин служебный *номер* помнишь?; У него *телефон* не изменился не знаешь?; Где у тебя был *номер* магазина «Мебель»?

Вообще, как нам кажется, понятие «конситуационно-окказионального эллиптизма», введенное Т. Г. Винокур [32], чрезвычайно полезно при изучении особенностей разговорной речи. Здесь, в разговорной речи, мы то и дело сталкиваемся с явлениями, которые индивидуальны, неповторимы, но строятся по определенному строгому шаблону. Разговорная речь допускает пропуск определения с включением его значения в семантику определяемого, и этот способ стяжения мы встретим в нетипизированных ситуациях и текстах.

Ну какая она вблизи? . . Ну она. . . У нее *цвет лица* или бледная / как вообще? (хороший цвет лица); Да вот я пришла. . . и ну знаешь у меня *самочувствие*. . . // Делать ничего не хочется (плохое самочувствие) //; 1. Надо брать учебный отпуск уже оформлять// 2. И что? 1. Ну чтобы были у меня *дни* // У меня же ничего. . . Понимаешь / с учебного года сразу же не дают // (свободные дни); Лен / ты что делаешь? Ешь? А потом? У тебя *планы* / да? (телефонный разговор; «определенные планы»); В доме по пятнадцать коек // Это тоже не *условия* (неподходящие условия)//.

Крайними точками стяжений описанного типа (и самыми «разговорными»!) являются такие случаи синкретизма значения, когда эллиптируемым членом становится атрибут, который фактически не имеет эксплицитной формы в РР, а всегда присутствует в высказывании в «свернутом виде». Значение этого атрибута в КЛЯ раскрывалось бы определительной конструкцией или целым предложением. Речь идет о таких примерах:

Помнишь они были *с носами*? Ты видела с такими стеблями? (т. е. с перевязанными носами; о пациентах после косметической операции носа); 1. А вот я не понимаю / кто там в центре? 2. Эта вот *с рукой*? 1. Да // 2. Я тоже смотрела долго / до сих пор не понимаю (рассматривают фотографии на стене и обсуждают снимок женщины с поднятой вверх рукой)//; Вчера показывали фильм / где этот играет / *с носом* // Ну разбойников всегда играет (реплика сопровождается жестом — говорящий показывает, какой нос длинный, огромный)//.

Сильно искушение признать, что смысл «свернутого» в существительном атрибута очень широк ('тот, о котором уже говорилось'

[32] Т. Г. Винокур. Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи. «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965.

'какой-то особенный'; 'известный адресату речи') и всегда одинаков. Тогда случаи с эллиптизацией определения «больной», рассмотренные выше, по существу будут аналогичны этим примерам. Однако никуда не уйти от того простого факта, что элиминированный атрибут в каждом данном случае как раз предельно конкретен и определенен. Вероятно, в этих случаях можно говорить о ситуационных значениях, значениях ad hoc, которые конкретизируются, «высветляются» лишь в определенной ситуации речи и вне этой ситуации не существуют и не могут существовать.

Обычная в непринужденном диалоге фраза: — Это какой почтальон был / *с бровями*? — может расшифровываться в разных случаях жизни и разными участниками речи по-разному. В нашем примере имелись в виду очень седые брови, в других случаях точно так же говорится о бровях широких, в третьих — высоко поднятых, в четвертых — пересеченных шрамом и т. д. и т. д. Такое словоупотребление возможно, разумеется, только тогда, когда спецификатор (видовой признак) имени уже фигурировал в диалоге, в предыдущих разговорах, в «предситуации» и отлично известен участникам речи (имеющим «общность апперцепции», по Л. Якубинскому). В противном случае последует переспрос. Обычно так и реагируют непосвященные, третьи лица. Ср.:

1. Тебе Соня звонила / из дома отдыха // 2. Соня? 1. Ну та / *с бровями* // 2. А-а! Ну да / помню // 3. С какими бровями? 2. С черными такими / ну ты не знаешь мам//.

Итак, многие из приведенных выше примеров неповторимы сами по себе, но строятся по строгой модели, и это делает их характерными для РР.

ГЛАГОЛЬНЫЕ СОЧЕТАНИЯ-КОНДЕНСАТЫ

9. Значения слов реализуются в определенных синтаксических сочетаниях этих слов с другими. Незамещение синтаксической валентности слова или изменение ее характера в кодифицированном языке обычно является сигналом изменения значения слова. Особенно ярко это выражено в глагольном управлении, — как сильном, так и слабом [33].

В разговорной речи часто наблюдается такое употребление слов, когда управляемое слово исключается, а смысл словосочетания конденсируется в одном — управляющем — слове [34]. В глагольных словосочетаниях при элиминировании управляемого

[33] См.: Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, стр. 23—27.

[34] См.: Н. З. Чурилова. Из наблюдений над эллиптическим словоупотреблением в ситуациях разговорной речи (безобъектное употребление некоторых глаголов). «Вопросы синтаксиса русского языка». Калуга, 1969, стр. 71—75; см. также интересные примеры такого словоупотребления: Т. Г. Винокур. Указ. соч., стр. 31—33.

слова глагол становится непереходным. Эти эллизии и сокращения возможны в речи потому, что собеседникам ясна как ситуация речи в целом, так и отдельные ее объекты (психологические предпосылки компрессии речи — постоянный и активно действующий фактор).

Необходимо различать частотные стяжения этого вида и индивидуальные, постоянно возникающие в речи случаи незамещения синтаксического места.

Регулярное безобъектное употребление некоторых глаголов приводит к образованию в РР специфического конденсированного значения, не свойственного кодифицированному языку. Это такие глаголы, как *окончить* (завершить обучение где-либо), *сдать* (экзамены, зачеты), *поступать* (в какое-либо учебное заведение), *собираться* (у кого-либо на вечеринку), *посылать*, *присылать*, *получать* (деньги), *отпускать* (какие-либо товары), *отметить* (какой-либо праздник), *разобраться* (в чем-либо), *участвовать* (в чем-либо), *снять* (с занимаемой должности) и т. д.

Например: — А Таня ваша уже *окончила*?; 1. Надя в этом году *оканчивает* / и *поступает* / у нас будет лето не приведи бог//; Ты *сдавать* будешь досрочно / нет?; 1. Дочка вам *присылает?* 2. Аккуратно / не жалуюсь // и сын *посылает* / и дочка//; А мы вообще давным-давно не *собирались* / надо опять на масленицу//; 1. С дачей у нас все удачно вышло // 2. Но вы там *оформили* / или нет еще? 1. Ну почти что (о покупке дачи)//.

Характерен следующий диалог:

1. Я не спала до трех // Лежу с открытыми глазами // 2. Я в таких случаях *пью* все-таки // 1. А я нет//.

Никто не упомянул слова *снотворное*, но участникам диалога было ясно, что речь идет именно о лекарствах, а не о чем-либо другом.

К этому типу разговорных стяжений примыкают и такие эвфемистические замены, как *писать* (жалобы), *посадить* (арестовать) и некот. под.

Постоянно существующая в РР возможность восполнения элиминированного члена высказывания неязыковыми средствами или, в другом случае, переспросом, вызывает к жизни безобъектный способ употребления переходных глаголов и исключение косвенного объекта у глаголов непереходных [35]. Примеры многочисленны:

Они *обеспечивать*-то не *обеспечивают* / а требуют рабочие кадры подавай им только//; А где Оленька летом будет? Сад ваш *выезжает*? (на дачу); 1. Сколько лет ей / семьдесят пять что ли? 2. Какой / последней что ли? Вот этой которая выступает? *Возглавляет* которая?; Мне было важно их *втянуть* / я их и *втянул*

[35] Следует подумать над тем, не расшатывается ли категория переходности / непереходности в РР настолько, что транспозиции типа широко известного шутливого *Он не сам ушел/а его ушли* становится легко возникающей в речи.

работу редколлегии)//; Приятно что можно *высказать* перед коллективом//; Он очень хорошо говорит / прекрасно *владеет*//; И *проявить себя* ой-ой как сложно//; Пока это еще не наука / но я надеюсь что она *перерастет* (о статье аспирантки)//.

Эта черта сохраняется и в отглагольных существительных: — И сначала она говорила / начала объяснять что этот абстракционизм / это субъективизм / это уход / *неотражение* и всякое такое / всякие слова//.

Исключение прямого или косвенного приглагольного объекта часто ведет к разрушению стандартного словосочетания, фразеологического оборота, штампа. Но даже фразеологическая закрепленность, создающая, как известно, речевой автоматизм, отступает во многих случаях перед стремлением к сокращению словосочетаний. Ниже приведены примеры эллиптизации устойчивых словосочетаний *вывести из терпения*, *найти нужным*, *войти в курс дела*, *открыть для посещения*, *отпуск без сохранения содержания*, *уложиться в срок* в РР:

Этот / с третьего этажа / всех совершенно *вывел* // Каждую ночь скандалы//; У нас в пятом классе есть мальчик / так он вообще всех *вывел*//; Мы его (сборник) подготовим и сдадим // А дальше пускай уж как ученый совет *найдет*//; Понятно // Просто *войти в курс* еще надо я думаю//; 1. А верно это / что Кронштадт сейчас *открыли*? 2. В Кронштадте я не был. . . Как *открыли*? 1. Ну можно на экскурсии//; А отпуск *без сохранения* у вас разрешают?; Я сейчас *без сохранения*//; 1. Не успеем мы за два дня // 2. Надо *уложиться* / иначе мы пропадем//.

Особняком стоят случаи намеренного нарушения говорящими лексико-синтаксических связей слов, — языковая игра, которая учитывает возможность трансформаций определенных словосочетаний, но применяет ее к словосочетаниям слов, обычно не подверженных таким изменениям (одно из условий языковой игры — балансирование на грани возможного; подразумевается, что слушающему известен тот «шаблон», под который подгоняется новообразование, вернее, «новоупотребление». Только в этом случае шутка «срабатывает»). Н. З. Чурилова справедливо связывает такое нестандартное употребление слов с «интонацией устных кавычек» [36]. Именно экспрессивная интонация отделяет эти случаи от случаев неправильного словоупотребления. Ср.:

Будешь *соблюдать* / будешь в любимчиках ходить //; Она хочет *являть миру* //; Я с ним *не поддерживаю* (отношений)//; Она когда жила в Москве / с ним *не поддерживала* //; 1. А что доклад? 2. Доклад *вызвал*//; Посмотри на N // Последний раз *окинь* его//; Я прошу *хранить* (молчание)//; Не вижу *виновника* (торжества)//; Зачем же *осыпать?* (насмешками); Вы *расторгли* или нет еще? (брак); Сейчас Надя *внесет* (ясность)//.

[36] Н. З. Чурилова. Указ. соч., стр. 74.

И как продолжение той же языковой игры: Это *исходит о́т* / или ты сама придумала?; Вечно ты меня *пилишь за́*//; Надо сначала *отделить о́т* / а потом уж смешивать тесто//; Ну да / это *вытекает и́з*//; *Нападем на́* / а потом пожалеем//.

Описанный в этом разделе тип семантической конденсации разрушает лексико-синтаксические связи слов и поэтому в КЛЯ квалифицируется обычно как грубое нарушение языковых норм (вспомним многочисленные журнальные баталии вокруг безобъектного *переживать*).

Но то, что является ошибкой в языке кодифицированном, не всегда выступает в той же роли в разговорной речи.

В самом деле: многие из рассмотренных в этом и других разделах примеров часто украшают рубрику «Нарочно не придумаешь» в «Крокодиле» и другие подборки в юмористических разделах журналов и газет. В официальной, а тем более — письменной — речи они немыслимы. Но все приведенные выше примеры записаны от лиц высокообразованных и даже профессионально владеющих речью (лекторы, преподаватели, учителя). Речь разговорная, как показывают наши наблюдения, легко мирится с утратой управляемого слова, с разрушением привычного словосочетания, с незаполненной валентностью слова, так как сильнее всего в ней тенденция к утрате расчлененности, — тенденция к универбации, к сгущению семантического содержания в одном слове [37]. Отметим также, что ухо наше вообще менее требовательно, чем глаз: глаз требует речи выправленной, сглаженной, оформленной по всем законам языка, ухо же и не ждет сглаженности, так как мы привыкли ко многим вольностям речи неподготовленной, спонтанной.

Если утрата формальной и семантической расчлененности наименования является одним из основных законов языка вообще (универсальный языковой закон), то разговорная речь, как нам представляется, становится передовым краем этих процессов. Всякое стяжение, сокращение, уменьшение языковых единиц здесь естественно и желанно, так как постоянная опора на ситуацию и «предситуацию» речи вызывает стремление максимально сократить — во времени — текст сообщения.

МЕТОНИМИИ

10. Метонимические замещения, возникающие в результате смежности предметов, вещей или явлений в пространстве или времени,— универсальная возможность языка. Перенос наименований этого типа связан с ассоциативным характером человеческого мышления вообще, но проявляется по-разному в разных языках. В результате метонимических переносов целые группы

[37] А. В. Исаченко, Указ. соч., стр. 340.

слов изменяют значения или приобретают новые значения. Однако нас интересуют другие случаи, которые квалифицируются не как явления словарные, а как семантико-синтаксические процессы. «Подчинение слов общей метонимической модели» [38], действие каких-то регулярных метонимических правил сокращения обозначений — вот объект наших наблюдений в разговорной речи.

Уже априори можно признать, что РР должна изобиловать метонимиями как всякая спонтанная речь, где осуществляется ситуационная восполняемость речи и где замещения любого рода легко воспринимаются в условиях прямого контакта говорящего со слушающим. Так оно и есть на самом деле: метонимические переносы наименований представляют собой одно из характерных и весьма частотных явлений разговорной речи.

Метонимии почти всегда ведут к сокращению наименования, так как замещение здесь происходит не по схеме имя ^{1} → имя ^{2}, а по схеме: словосочетание → имя. Например: тарелка супа → тарелка; дом, построенный по проекту Корбюзье → Корбюзье; заседание в дирекции → дирекция; время похода → поход; изделия из серебра → серебро и т. д.

Метонимические модели получают в разговорной речи такую свободу реализации, которой не знает КЛЯ. Рассмотрим это на примере одной из самых распространенных моделей замещения: имя автора художественного произведения — само это произведение.

Речь идет о классических случаях: *читать Пушкина*, *любить Достоевского*, *смотреть Сурикова*, *слушать Бетховена*, *любить Пикассо*.

Эти метонимии приведены во всех учебниках по языкознанию и лексикологии. Однако нигде не говорится о тех семантико-синтаксических ограничениях, которые накладывает модель на это словоупотребление. Между тем такие ограничения становятся очевидными, если сравнить действие этой модели в РР и КЛЯ.

Словосочетание	Сфера употребления	
Читать, знать, любить и т. п. Есенина	КЛЯ	РР
Полный Есенин	КЛЯ	РР
Академический Есенин	КЛЯ	РР
Зеленый Есенин		РР
Положить в Есенина		РР
Закрыть Есениным		РР
Очень старый Есенин		РР
В голубом Есенине		РР
Сворачивать Есенина в трубочку		РР

[38] См. об этом: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 62—64.

Ср.: 1. А где мне это посмотреть? 2. В *тонком Платонове* по-моему //; У тебя *зеленый Чехов* / да?; В *сереньком Достоевском* «Бесы» есть?; Знаешь / прекрасный такой / *длинный-длинный Корбюзье* на Кировской / весь *острый и стеклянный*//; *Аванесов и Сидоров короче* были (учебник Аванесова и Сидорова); Там есть *обратный Срезневский* (обратный словарь Срезневского); 1. И это сдавать вот такой том истории философии // 2. Это вот Асмуса этого / да? 1. Нет / это не Асмуса // *Асмус маленький* (учебник Асмуса)//.

Если в КЛЯ сочетаемость метонимии автор / его произведение ограничена в основном предикативно-объектными конструкциями типа *читать Пушкина*, *слушать Баха*, *ставить Островского* (и даже эта группа знает семантические запреты — фраза «давайте повесим Сарьяна» нежелательна), то в РР имя автора становится универсальным заменителем, заместителем названия его книг, картин, произведений в любой ситуации.

Более того, в РР в эту метонимическую модель включаются слова со значением «авторства» в очень расширительном смысле. Мы образуем такие наименования не только по фамилиям авторов, но и по их именам, если речь идет о каких-то статьях, книгах наших близких знакомых, друзей, товарищей; «автором» становится человек, который испек пирог, вообще — всякий активный деятель, творец — лектор, выступающий, артист, режиссер, повар и т. д. Отсюда такие замещения:

Может быть / это Иван Павлович унес ключ на *Данеша?* (на доклад Данеша); Вы знаете / в абонементах есть *Миша Дихтер* в этом году? Я бы хотел на него очень//; Так что же / давайте *Сергеева* кончим (обсуждение предложения Сергеева)//; Значит *Света* у тебя / да? (раздел, написанный Светой); А вы уже прочли *Костю* / да? Обе? (статью, написанную Костей); Не смотрела она кусок *Нины?* («кусок» монографии, написанный Ниной); Камбурова? Она *Новеллу Матвееву* поет (песни Новеллы Матвеевой)//; *Я Райкина* ходил смотреть//; 1. Здравствуйте // Что нового? 2. *Шишкина* брали? (репродукция картин Шишкина); А *Пастернак* у меня маленький / да удаленький//; Ну и как тебе *Баталов?* (фильм, который поставил Баталов); 1. Вы *на Фальке* сегодня были? (на выставке Фалька) 2. Да *Фальк* закрыт давно // 1. А кто же там щас на Беговой? 2. На Беговой не знаю / а в Академии повесили оформителей//; Пойдем на *Свердлова* (на лекцию Свердлова); *Юра* сегодня будет? (доклад Юры).

Здесь намеренно объединены самые разные имена собственные, выступающие в одинаковой роли заместителей имен со значением результата деятельности, действий какого-то лица. К этой же группе метонимий примыкают обозначения магазинов по имени бывших вдалельцев, до сих пор бытующие в речи:

Там за *Елисеевым* переход//; У нас (в Ленинграде) только Елисеев сохранился / *Елисеев* // А булочная / а этого самого *Филиппова* нет//; Надо к *Ферейну* завтра сходить (об аптеке)//.

Ср. случаи «двойной метонимизации»:

Я своего *Петровского* (рецензию на книгу Петровского) потащил / он у меня болтается до сих пор//. («Петровский» — заместитель обозначения «книга этого автора»; второй метонимический перенос: рецензия на книгу этого автора / этот автор).

Ср. также: А где его *Хлебников* (статья о Хлебникове) опубликован? В каких-то «Записках»?; Жаль / что Валя публикует своего *Пушкина* только в «Вопросах литературы» // Это мало кто читает (о серии статей, посвященных Пушкину)//.

К этой модели метонимических замен примыкают сугубо разговорные замещения такого типа: в значении автора — субъекта действия — «хозяина» — владельца чего-нибудь выступают личные местоимения:

Уже запечатывают *нас* (нашу комнату); *У меня* тоже будет членение (т. е. в моем докладе); Сказали что *нас* сносят (наш дом); Я очень прошу / примите *нас* (в обувной мастерской — об обуви) //; Девушка / *вы* открыты? (т. е. ваш киоск); Так когда *тебя* переведут на 3-й этаж? (твой отдел); *У него* не было совсем фактов (в его докладе) [39]; И даже: *Мы* не можем снести 150 тысяч яиц (sic! т. е. наша птицефабрика, куры этой фабрики, — двойная или даже тройная метонимизация).

Большую группу метонимических замещений составляют наименования различных учреждений по имени лиц, которые значатся в официальном обозначении этого учреждения, заведения:

Он работает в *Морисе Торезе* (в Институте иностранных языков имени Мориса Тореза)//; Давай завтра в *Лумумбу* поедем (в Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы)//; Он *во Фрунзе* поступает (в училище имени Фрунзе)//; Мы сегодня *к Стеклову* поедем (в Математический институт имени Стеклова) //; 1. Он *в Вахтангове* играет // 2. А не *у Ермоловой* разве?; 1. Он живет около *Бурденко* // 2. Кто это Бурденко? 1. Не кто / а что // Институт нейрохирургии //.

Понятно, что такие метонимии могут возникать только в РР, так как без соответствующей ситуации, сопутствующей высказыванию, непонятно, о чем идет речь (слишком многое сокращается). Кроме того, такое словоупотребление слишком «вольное», фамильярное, возможное лишь при неофициальных отношениях говорящих.

Ср. также следующие разговорные номинации при обозначении учреждений: *Азия*=Институт народов Азии; *Африка*=Институт Африки; *физхимия*=Институт физической химии и т. д.

Из диалога: 1. Ну пока // 2. Пока // 1. Да / Вы не знаете /

[39] Ср. автоматическое использование этой модели во время обсуждения лингвистической монографии: «*У меня* получилось такое территориальное деление. . . *У меня* (заминка), т. е. в разделе, который я читала //. Другой рецензент: «У меня (смеется) в этом разделе тоже встречаются такие варианты. . .» Лингвисты ощутили разговорность, неуместность такого словоупотребления в научном стиле.

как *в Африку* лучше проехать? 2. *В Африку*? Очень просто / на трамвае//.

Каждая социальная группа вырабатывает свой определенный набор таких замещений, которые не всегда понятны представителям другой социальной группы. Таким образом, по общеязыковым моделям создаются р а з н ы е с и т у а ц и о н н ы е значения слов. Например:

Республику судить хорошо. . . Вот *Москву* судить трудно //; 1. *Прибалтику* он судил / или *Ленинград*? 2. И *Прибалтику* / и *Ленинград* / и еще *Украину* года два назад //.

Непосвященный не сразу поймет, что речь идет о соревнованиях на первенство Москвы, республики, Прибалтики, Ленинграда и т. д. Спортсменам же и спортивным судьям такое словоупотребление привычно, оно у них автоматизировано. С другой стороны, для спортсмена высказывание «поедем в Африку!» может обозначать приглашение принять участие в соревнованиях на африканском континенте, — для людей, не знающих о существовании Института Африки эта метонимия непонятна.

Не следует смешивать ситуационные метонимические замещения с простым эллиптированием высказывания. Существует надежный критерий для разграничения: эллипсис дает «синтаксическую дыру» в высказывании (связи управления и согласования нарушаются), метонимия же — полноправный синтаксический член высказывания: Ср.:

М е т о н и м и я	Э л л и п с и с
1. Он *в Вахтангове* играет.	1. Он *в Вахтангова* играет (в театре Вахтангова).
2. Он структуралист, как я понимаю, но сейчас он *на общем языкознании*.	2. . . . сейчас он *на общего языкознания* (на кафедре общего языкознания).
3. Знаете, большой такой дом, где *иностранные языки*?	3. Знаете, большой такой дом, где *иностранных языков*? (курсы иностранных языков)
4. Это *за демократической книгой* налево.	4. Это *за демократической книги* налево (за магазином демократической книги).
5. Вы будете теперь ездить в «*Мать и ребенок*».	5. Вы будете теперь ездить в «*Матери и ребенка*» (в санаторий матери и ребенка).

Из записей речи:

Подождите / Галя / а разве до войны был этот *культуры*? (Институт культуры); У нас сейчас будет *контроля* // Ну / заседание // (комиссия народного контроля); Потом я ездила *боевые соратники Ленина* // Вы не ездили? Такая экскурсия!

Приведем другие типы распространенных в РР метонимических замен.

а) Обозначение предмета по материалу, из которого он сделан: *джерси* (о костюме, пальто); *поролон* (о коврике); *эластик* (о перчатках); *нейлон*, *капрон*, *дедерон* (о чулках); *крокодил* (о портфеле «под крокодилову кожу»).

Из диалога в парикмахерской: 1. На длинные волосы прическу сделаете? Типа «фантазии»? 2. Фантазию? Хорошо // А *металл* есть? 1. Что? 2. Заколки / шпильки / Без *металла* не возмусь//.

Ср. также: А это вот значки-то знаешь разные? Между прочим я работала эмальером // Вот броши / браслеты / вот эти все. . . и запонки // Вот на этой *эмали* я и сидела//; А *на металл* не надо много сил физических? (о гравюрах по металлу).

Ср. характерные для непринужденной речи *железка*, *меховушка*, *медяшка*, *деревяшка*, *стекляшка*='нечто из железа, меха, меди, дерева, стекла'. Например:

Куда пойдем обедать? *В стекляшку?* (стеклянное кафе); Она свои драгоценности / а я чешскую *стекляшку* приколола / и ничего // И прекрасно себя чувствовала (стеклянную брошь); У него чашки прекрасные / такие синие *стекляшки* // Из толстого стекла //; Поедем на *стекляшке* / там теплее (троллейбус с большими стеклянными окнами и потолком); 1. Ну и сковородка у тебя! 2. *Стекляшка*? Мы ее очень все любим // Прекрасно жарит //. 1. Ну как же она не. . .не. . . 2. Не разваливается? Да это же оргстекло / не простое же//; Нет / простые *стекляшки* сюда не подойдут (о пуговицах); А мы Мите никакого шоколада // До трех лет нельзя / пусть *стекляшки* сосет (о леденцах)//.

Все слова этой лексико-семантической группы имеют возможность подобного метонимического использования, но полнота и неограниченность в реализации модели «материал → вещь» характеризует именно РР (в КЛЯ, как обычно, на модель накладывается много ограничений).

б) Обозначение лица по предмету одежды, какому-то «снаряжению». Этот тип метонимий высокочастотен в ситуациях, когда надо как-то выделить, описать, указать незнакомого человека. Сюда прежде всего относятся «стереотипы очереди»: — Я стою за *синей сумкой; желтым портфелем*, *красным беретом; зеленой шапочкой; серым пальто; кожаной курткой; беличьей шубкой; красной кофточкой; голубым шарфиком; белым бантом* и т. п.

В этих ситуациях далеко не все возможно употребить. Принято упоминать о цвете, о материале пальто, шапки (реже — шарфа, если он выделяется), а также называть в качестве характерной особенности данного лица то, что у него в руках — сетка, сумка, портфель, рулон, цветы и т. п. Модель имеет этикетные ограничения, ведь речь идет об обозначении лица. Невозможно: Я стою за *бакенбардами;* или: Куда ушли *длинные волосы здесь стояли*? [40]

[40] Зато этот прием широко употребителен в юмористической литературе. См. об этом: Д. Н. Ш м е л е в. Указ. соч., стр. 63 («. . . скандалит *вы-*

в) Обозначение лица по объекту или месту деятельности, по помещению, учреждению и т. д.:

Галина Гавриловна / *открытки* работают сегодня? (отдел открыток); *Полупроводники* и вычислители боролись между собой да еще с двумя группами радистов (студенты отделения полупроводников); 1. Где у вас *касса?* (кассир) 2. *Касса!* Вас ждут// [41]; Когда кончают школу / всегда медосмотр бывает// Я пошла *к ухо-горло-носу//;* Давай спросим *древнерусский словарь* (сотрудников группы древнерусского словаря); Короче говоря щас все *со связью* у меня идет // Сплошная идет война (с работниками министерства связи)//; Я помню тогда на смотр пропустили вальс-фантазию / которую танцевал какой-то *дом культуры ленинградский* // Девочки на пальцах танцевали//; Вы случайно не знаете / *культура речи* куда девалась?; А *лесная промышленность* здесь? И *Института Гнесиных* не видно //; 1. А это какая колонна? 2. Там *библиотека Ленина* / а за ними МИД//; Весь *пароход* сбежался / кричат / шумят / а толку никакого//; А *Рязань* в какой гостинице у Вас? (делегация Рязани) [42].

г) Обозначение предмета по его компоненту, целого — по части:

Клубника, *земляника*, *брусника*, *черешня*, *вишня*, *слива* и т. п. — о варенье, компоте: Надо допить эту *землянику//;* Вам *две сметаны?* (о пельменях со сметаной); *Четыре редиски* и два с сыром (о салате из редиски); *В четвертой звездочке* это слово дается в кавычках (в книге, отмеченной четырьмя звездочками); Отрезали *полголовы* // Мах / и нет *полголовы* (в парикмахерской)//; Дайте *птичек* парочку и для ребят штучки две (об открытках «с птичками»).

д) Обозначение предмета по географической отнесенности, народности:

Я собирал *американцев* (о марках)//; Ну я доволен / что Сергееву хоть немножко этих *японцев* досталось (о марках); 1. А что в доме кино? 2. Там *итальянцы* (итальянские кинокартины); Там в углу целая стена *французов* (французских гравюр).

е) Обозначение количественно-временных отрезков с помощью существительных, не обозначающих временные понятия:

Мы с ним *на картошке* познакомились (во время уборки картошки//; Он проспал *дрова* (время пилки дров); *На снеге* мы с ним

цветшее пальто с собачьим воротником» — у А. Гладилина; «. . . вздыхают *рыжие панталоны*» — у А. П. Чехова и под.).

[41] Возможно трактовать словоупотребление этого типа иначе: это не метонимия, а лишь «прочтение» номенклатуры: над окошечком висит табличка: «Касса», и говорящий использует восклицание *касса!* как чистый апеллятив, не имея в виду обозначение лица.

[42] Ср. в шутл. употр.: «В дверь просунулась красивая крупная голова Вали Гринева: — Привет *письмам трудящихся*! А-а-а, ты уже здесь, опальная дева» (об отделе писем в газете и его сотрудниках; И. З в е р е в. Письма трудящихся, стр. 110).

говорили (в то время, когда ходили убирать снег//; *На дружине* я его увижу (во время дежурства в народной дружине)//; *В обед* может в обувной сбегаем? (во время обеденного перерыва)//; А вы здесь были? Самый *голод-то* / вы были?; Это было в блокаду (из рассказов о блокаде Ленинграда)//; *Весь Ленинград* я проходил в ужасных брюках (время командировки в Ленинград)//; *Весь Новгород* он прокашлял (время экскурсии в Новгород)//.

ж) Обозначение предмета по временному признаку (год, день недели, час), который для него характерен:

А *четверга* у вас не осталось? (простокваши за четверг); У вас на выставке *среда//;* Куда же мы *лето* засунули? (летние записи); Отдай мне *понедельник* / а я тебе *среду* дам (билеты на понедельник, среду)//; А что же я вчера не смотрела *двадцать сорок?* Так я это люблю / и вот. . . (о телевизионном спектакле, назначенном на 20.40); Идите / *семнадцать тридцать* начинается (кинофильм) //; Почему-то *декабрь* положила в туалетный столик (музыкальный абонемент на декабрь)//.

Для разговорной речи характерны разнообразные ситуационные метонимии:

Я им отказала // Я с *пятиэтажными* домами не разговариваю (о людях, живущих в 5-этажных домах; из разговора об обмене квартир)//; *Ленинградцы* уже приехали? (о командированных в Ленинград); Передайте привет всем вашим *саратовцам* (сотрудникам, побывавшим в Саратове)//; Она наверно у *демократов* (в магазине демократической книги); (Врач рассказывает о морге): 1. Я ненавижу в морг ходить // У нас там так // Они вскрывают все / и *судебные случаи* / и наши вместе //2. А у вас что? А у вас там ведь в основном *уличные травмы* / да?; (Куплены щипцы для сосисек. Их некуда положить). Диалог: 1. Положи к себе пожалуйста// 2. Ну черт с ними / с твоими *сосисками* // Давай сюда//; (В шутливом употреблении): Я уже принимала эту *головную боль* (о таблетках)//; Все *веснушки* у меня перевелись (о креме против веснушек).

Ср. вполне серьезные обращения в поликлинике, аптеке:

Острая боль / идите / уже свободно //; А куда же ушла эта *головная боль?; Ампула!* Возьмите рецепт (пауза)// Кто глюкозу щас брал в ампулах? Рецепт возьмите //.

Ср. также типично разговорное qui pro quo:

1. Кто у нас щас *Юрий Сергеевич?* (т. е. кто замещает Юрия Сергеевича) 2. *Анна Павловна* // 1. Но она в отпуске // 2. Ну / тогда *Анна Павловна Нина Сергеевна* (!! Весь диалог проведен вполне серьезно)//.

ИМЯ СИТУАЦИИ

11. Говоря о семантических особенностях номинативных единиц в разговорной речи, надо постоянно иметь в виду те внеязыковые факторы, которыми эти особенности обусловлены. Выше уже

не раз говорилось о большой роли ситуации для формирования диалога, о единой психологической установке говорящих, об «общности апперцепции» (по терминологии Л. Якубинского). Весьма существенно и то, что передача информации в РР, как правило, осуществляется не одним (языковым) кодом, а одновременно несколькими кодами. Это часто значительно изменяет языковую «материю» диалога. Рассмотрим, к примеру, такие два микродиалога.

А. — 1. Чтó? Нет? 2. Нет / ничего//.

Б. — Обедать идешь / Вер? Не идешь значит // Ну потом / да? Договорились//.

К каждой из этих разговорных миниатюр необходим развернутый комментарий. Подчеркнем, что это не отрывки из каких-то больших диалогов, не выхваченные наудачу фразы. Это именно цельные, завершенные микродиалоги, здесь — начало и конец данного языкового контакта. Наша повседневная речь изобилует такими диалогами [43].

Комментарий к диалогу А. Действие происходит в большом магазине, в ковровом отделе. Одна покупательница рассматривает ковер. К ней подходит другая женщина (они между собой незнакомы). Начала диалог, собственно, 2-я женщина, но в приведенных выше записях невербальный код не был представлен, поэтому первая ее реплика выпала. Мимикой было выражено неодобрение сделанному 1-й женщиной выбору, т. е.: (2-я: *Мимореплика* — ‘неодобрение’). 1. Что? Нет? (‘=Вам не нравится этот ковер’) (или: ‘Вы бы не купили?’) 2. Нет / ничего//; Последняя реплика сопровождалась пожиманием плеч (реплика-жест); в целом это означало что-то вроде: ‘мне-то не нравится, а Вы сами смотрите’. Очень существенной и значимой была интонация последней реплики — ироническая, уничижительная, и именно эта интонация снимала элемент неопределенно-положительной оценки, заключенной в вербальной реплике [44] (без внеязыковой и суперсегментной информации смысл этой реплики был бы совершенно иным, =‘нет, неплохой’).

Комментарий к диалогу Б. В учреждении, в комнату, где сидит одна сотрудница, входит другая, ее близкая приятельница. Они сегодня уже виделись. 2-я: Обедать идешь / Вер? (Первая занята срочной работой, ее стол завален корректурой, и она, не поднимая головы, отвечает жестом) (=‘не отвлекай меня, некогда сейчас’); 2-я: Не идешь значит // Ну потом / да? (1-я

[43] Ср. исследования японских ученых о «языковом существовании» (гэнго сикэйцу), в которых большое значение придается подобным явлениям. См. об этом: Н. И. К о н р а д. О языковом существовании. «Японский лингвистический сборник». М., 1959.

[44] «Очевидно, тогда, когда внутреннее содержание мысли может быть передано в интонации, речь может обнаружить самую резкую тенденцию к сокращению, и целый разговор может произойти с помощью одного только слова» (Л. С. В ы г о т с к и й. Мышление и речь. М.—Л., 1934, стр. 299).

кивает утвердительно головой); 2-я: Договорились//. Без учета жестового поведения одного из информантов могло бы показаться, что это, например, односторонняя запись телефонного разговора, а не полноценный диалог.

Многочисленные модальные оттенки, таящиеся в интонации, мимике, жесте, вносят в диалог новую информацию и тем самым деформируют и изменяют ситуативные значения слов в РР (ср., например, значение слова *нет* в первой и второй репликах диалога А).

Резкая тенденция к сокращению речи при непринужденном общении связана также с ориентированностью говорящих в ситуации, со знанием тех разнообразных реальных событий, явлений, которые окружают людей. Важна не только настоящая ситуация, но и предситуация речи: о чем говорили, что обсуждали некоторое время тому назад. Каждому знакомы такие зачины диалога: —Ну / так как?; Значит / мы не идем?; Еще нет? и т. п.

Эти самоочевидные вещи мы напоминаем потому, что в данном разделе пойдет речь о таких языковых явлениях, которые прямо и непосредственно связаны с конситуацией — внеязыковым контекстом речи.

Во многих случаях в РР приходится говорить не о значении отдельных слов, а о значении, вернее, смысле высказывания в целом. Смысл же этот настолько специфичен, фразеологичен из-за своей спаянности с ситуацией, что образуются максимально обобщенные, широкие «зоны смысла» [45], некие интегрированные варианты мысли. Слияние смыслов, синкретизм, идиоматичность — одна из специфических особенностей разговорной речи. Слияние смыслов чаще осуществляется в высказывании в целом, но иногда концентрируется в одном слове [46]. Тогда образуются своеобразные синкретичные номинации, которые условно можно назвать и м е н а м и с и т у а ц и и. Имя ситуации — явление в разговорной речи высокочастотное. Примеры из диалогов:

Надо *банки* узнать (узнать, где и когда можно сдать пустые стеклянные банки) //; А *лыжи* мы передумали / да? (передумали обсуждать подробности лыжного похода); Наши женщины *ядро* даже проиграли (соревнования по ядру)//; *Кофе* не забудь (не забудь выключить кофеварку)//; Да / Свет / мы не обсудили *продукты* (продукты, которые надо сегодня купить)//; Вот я *в нос* хожу без очереди / а на уколы масса (в процедурный кабинет).

[45] Л. С. В ы г о т с к и й. Указ. соч., стр. 294. — По своим психологическим установкам разговорная речь близка к эндофазии (внутренней речи), к ее, по Л. С. Выготскому, интегральности и предикативности.

[46] Е. Д. Поливанов сказал по этому поводу: «В сущности все, что мы говорим, нуждается в слушателе, понимающем, в чем дело. Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребляемых слов, нам нужно было бы употреблять для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности» (цит. по кн.: Л. С. В ы г о т с к и й. Указ. соч., стр. 295).

Ср. обычные: *выключи рыбу*, *выключи чайник*, *включи суп*, *подверни картошку*, *убавь макароны*, *включи овощи* и т. д., т. е. газ под рыбой, чайником, супом, картошкой...

Имя ситуации — *картошка*, *хлопок*, когда говорят о поездке на уборку картошки, хлопка. Ср.: У нас *картошки* не бывает // Мы студентов на помидоры посылаем//.

В институте не было однажды гардеробщицы, и раздевалка была закрыта. Каждого вновь приходящего спрашивали в секторе: — А *пальто* нет / да?; Еще *пальто* нет? Все еще *пальто*?

Слово *пальто* стало синкретическим замещением вопроса о том, можно ли пойти и повесить пальто, открыта ли уже раздевалка и т. п.

Записана реплика: — И надоели же вы всем со своим *кофе!* Объем значения слова *кофе* в данном случае связан с большим ситуационным контекстом: была куплена кофеварка, она вскоре испортилась, и постоянно ведутся разговоры о том, где бы ее починить, в какую пойти мастерскую и т. д. и т. п. Реакцией на все эти многодневные сборы и разговоры и является приведенная выше реплика. *Кофе* здесь — имя ситуации.

В школу пришел зубной врач проверять зубы. Раздается реплика: Анна Николаевна велела / чтоб мы все *на зубы* шли//.

Становится ли слово заместителем большого текста, выступает ли в роли заместителя микроконтекста — семантическая схема его перевоплощения везде одна и та же. Имена ситуации часто напоминают метонимические переносы и как будто близки к ним, когда бывают связаны со смежностью — временной или пространственной — самих предметов (субъектов и объектов речи). Можно ли сказать, что имя ситуации — это какая-то усложненная, двух-трехступенчатая метонимия? Во-первых, не всегда можно выстроить такую последовательную цепочку слов-метонимий. А во-вторых, — и это главное — имя ситуации — не перенесение наименования с одного слова на другое, а сгущение, концентрация мысли в одном слове. Это именно слияние смыслов, интегральность, синкретизм, нерасчлененность.

Речевым сигналом имени ситуации выступает необычное лексико-семантическое окружение слова, появление новых связей слов. Ср.:

Ну как / *окончился твой телефон?* (т. е. хлопоты об установке телефона); *Прошлогодняя картошка* совсем меня из *строя выбила* (т. е. поездка в колхоз на уборку картошки) //; В этом году мы *яблоки* совсем *забросили* // Как раз болели тогда (т. е. не заготавливали, не сушили, не консервировали, когда был сезон яблок) //; Тут как раз *пальто наступило* / и я совсем перестала к ним ездить (надо было шить пальто, ездить на примерки)//; А *соседи меня* тогда и *выбили из колеи* (долгий переезд соседей из комнаты в комнату)//; Они прекрасно *переносили столовую* / а я не привыкну никак (т. е. соседство шумной столовой)//; Она даже не

вспомнила *дачу* / до того закрутилась (не вспомнила, что надо снимать дачу)//.

Последний пример хорошо иллюстрирует различие между метонимией и именем ситуации: *не вспомнила дачу* вне данной определенной ситуации явилось бы реализацией метонимической модели с переносом функции обозначения времени на слово, не имеющее временного значения (ср. *всю дорогу плакала*, *три станции читала*, *весь поход пела* и т. п.): т. е. не вспомнила того, что было во время дачного сезона. Метонимическая модель — явление автоматизированное, она «работает» вне связи с ситуацией. Имя ситуации индивидуально и не живет вне связи с определенной ситуацией.

Одна из частых в РР разновидностей имен ситуации связана с личным именем, которое выступает как заместитель широкого нерасчлененного контекста, соединенного так или иначе с тем лицом, которое данное имя называет. Например:

Убери ты этого *Митьку* отсюда (т. е. те игрушки и книжки, которые разбросал Митька)//; А вот *Галя* / это сделано грубее (те образцы вязки, которые приносила Галя)//; *Наташу-то* мы уже съели (пирог, испеченный Наташей; сказано во вполне серьезном контексте!)//; *Иванова* мы так и не поняли (мотивов поступка Иванова)//; *Рита* у нас вчера только кончилась (брусника, принесенная Ритой)//.

Имена ситуации выступают в РР как лексические выразители, с одной стороны, языкового такста и, с другой стороны, внеязыковой ситуации. Это тот случай, когда в РР осуществляется сплав языкового и неязыкового, тот синтез вербальных и невербальных средств коммуникации, который так характерен для живого непринужденного общения.

ТЕНДЕНЦИИ К РАСЧЛЕНЕННОСТИ (МОДЕЛИ ПРЕДИКАТИВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ)

ГЛАГОЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ

12. Многократно отмечалось, что разговорная речь ярко глагольна [47], и это свойство ее связано с предикативностью суждений.

Глагольны по своей природе и многие модели номинаций в РР — обозначения, возникающие по строго заданным схемам

[47] Предикативность суждений — важнейшая структурная черта РР. См. у Л. С. Выготского: «Чистая предикативность возникает во внешней речи в двух основных случаях, как показывают наши наблюдения; или в ситуации ответа, или в такой ситуации, где подлежащее высказываемого суждения наперед известно собеседникам. На вопрос, хотите ли вы стакан чаю, никто не станет отвечать развернутой фразой: «Нет, я не хочу стакан чаю». Ответ будет чисто предикативным: «Нет», он будет заключать в себе только одно сказуемое. . . Никогда кто-либо из людей, заметив приближающийся

от глаголов и выполняющие функции субъекта и объекта действия. Все эти обозначения — ситуативно обусловлены, создаются «на случай» и «работают» только в условиях породившей их конситуации.

Рассмотрим три наиболее частотных в РР модели глагольных номинаций.

А. Конструкции, включающие verbum finitum, характеризуют лица и предметы по их действию [48]. Так как объект или субъект действия непосредственно задан ситуацией, то он не выражается эксплицитно в форме номинации. Спецификация же его, его действие — важны и существенны, и они-то выражены глаголом.

В конструкциях этого типа обычно присутствуют и глагольные распространители, — таким образом, номинация сохраняет все важные для данной ситуации спецификаторы.

Легкость и стандартность образований такого вида делает их весьма распространенными:

Молоко привозит / сейчас в отпуске / да?; *На балконе сохнет* сними пожалуйста//; *Булочки продает* перестала к нам ходить//; *Часы заводил* / всегда по четвергам приходил//; *Монеты меняет* / только у метро сидит//; *На подоконнике лежали* / уже съели все? *Поливает* сегодня выходная / да? Пыльно очень (о поливальной машине)//; А *отбивает* у нас соседка взяла (о молотке для отбивки мяса); А у вас нет такие бывают *раскладываются*? (о книжках-раскладках).

В сочетании с относительными местоимениями:

На чем они спят / мне не нравится // Очень низко / как на полу //; Хороший *с кем* она сейчас *познакомилась*//; Мне очень понравились / *кто у тебя* на *день-рождении* был //; Я специально взяла посоветоваться *кто понимает*//.

Б. Конструкции, состоящие из глагола в форме инфинитива и подчиненного ему относительного местоимения также необычайно продуктивны в РР [49]:

Поставь *из чего пить*//; Не было *чем колоть* //; Дай *чем вытереться* //; Надо подшить *на чем пеленки гладить*//; Принеси *на что положить*//; Ну / давайте достанем *в чем спать*//; Есть

трамвай, не скажет в развернутом виде: «Трамвай «Б», которого мы ожидаем, для того, чтобы поехать туда-то, идет», но всегда высказывание будет сокращено до одного сказуемого — «идет» или «Б». Очевидно, что в этом случае чисто предикативное предложение возникло в живой речи только потому, что подлежащее и относящиеся к нему слова были непосредственно известны из ситуации, в которой находились собеседники» (Указ. соч., стр. 294).

[48] Впервые об этих конструкциях как о номинативных средствах языка написала Е. А. Земская (см. Проспект, стр. 60—61); ранее о подобных конструкциях писали О. А. Лаптева (в связи с инициальным положением темы высказывания) и И. Н. Егорова (в связи с позиционными эквивалентами слова в составе предложения).

[49] См.: Е. А. Земская. Проспект, стр. 61—64.

у кого *чем бутылку открыть?//; У нас нет чем мясо отбить//; Во что цветы поставить* в той комнате //; *На что книги сложить* / сейчас Женя принесет //; *Чем суп разливать* у нас затерялась//; *Чем писать* не захватила //; И куда ты положила *чем держать*?

Если предикативные номинации первого типа (с verbum finitum) связаны с субъектно-объектными отношениями, то инфинитивные номинации обслуживают преимущественно объектные отношения.

Характерная особенность этих двух типов номинаций — их семантическая расчлененность. Все семантические признаки, важные для данной ситуации речи, выражены эксплицитно в форме слов. Элемент высказывания, заданный ситуацией, из этих расчлененных конструкций исключается. Ср. *топорик для отбивки мяса — мясо отбивает — (чем) мясо отбивать.*

Первое наименование — терминологизированное, кодифицированное. Разговорная речь всеми силами стремится оттолкнуться от номенклатурно-терминологических построений, и она создает другую номинацию — не атрибутивную, а глагольную.

Автоматизм разговорной речи, ее малая вариативность в области синтаксических построений, стандартность и жесткость ее структур, ее стереотипность [50], — все это привело к тому, что предикативные номинации распространились и на те ситуации речи, когда эквивалентом расчлененной номинации вполне определенно выступает слово. «Дай чем вытереться» и «дай чем укрыться» вовсе не предполагают такой ситуации, когда говорящий не знает заранее, что ему предложат: полотенце ли, простыню, тряпку ли какую; одеяло ли, плед, шаль или что-нибудь еще. Часто объект речи недвусмыслен: — Ох / забыл *чем писать* //, — говорит информант, раскрывая портфель. Имеется в виду ручка, ничем другим говорящий не пишет, и прекрасно знает в момент речи, что забыта именно ручка. Однако имя ситуации, занимающей его в данный момент — писание, и автоматически в речи возникает конструкция *чем писать.*

Таким образом, в одних случаях за конструкцией *чем писать* стоит парадигматический ряд *ручка, карандаш, мел, грифель. . .*, а в других случаях конструкция эта просто-напросто эквивалентна слову (=ручка; или =мел и т. п.). — Принесите *чем писать*, пожалуйста, — просит докладчик, стоящий у доски. И всем ясно, что он просит всего-навсего мел, ничто другое в данном случае не годится для писания. Такова сила инерции разговорной речи.

[50] Ср.: «В разговорном стиле слишком сильны устремления к автоматизации речи, к повторности языкового материала, к его синтаксическому выравниванию» (М. В. Панов. «Русский язык и советское общество. Проспект», Алма-Ата, 1962, стр. 72).

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

13. Своеобразную группу составляют отглагольные существительные, легко членимые по форме и всеми своими семантическими и словообразовательными связями прикованные к глаголу-предикату.

Речь идет о существительных типа *открывалка*, *отбивалка*, *стиралка* и под. Формально это существительные на *-лка*, *-ловка*, легко возникающие в речи по строго заданной модели. Ср.:

Прочищалку надо купить//; У вас нет *открывалки?;* Она просит купить ей *пищалку* (куклу) //; Куда же ты *держалку* задевала?; У них *хваталка* всегда над плитой висит//; А где *вытиралка? Сбивалку* возьми у Кати//; А у нас еще никаких приспособлений / ни *тушилок* / ни *травилок* (о приспособлениях для борьбы с насекомыми) / ничего не было //; У тебя есть толстые *крутилки?* (о бигуди); Вот бритву// Вот *стиралка* есть// Возьмешь //; Вон *мигалка* на углу / туда и идите //; *Выбивалку* не забудь//; *Я мешалку* нигде не вижу//; А *цедилка* тебе нужна будет?; Здесь еще такая нужна *зажималка* / мы потеряли//; Какая она *дразнилка* / твоя Оля!; *Тарахтелка* под окном меня разбудила //; Эти жуки замечательные *жужжалки*//.

Из диалогов (в парикмахерской): 1. *Макалочка* у тебя есть? 2. Вот *макалочка*// 1. Плохая какая // Нет / такую не надо // Я щас тогда губку отрежу //; (в магазине) 1. Эта кукла наверху *пищалка?* 2. И *пищалка* и *моргалка* //; 1. *Закрывалку* бы мне где найти // 2. Закатку? 1. Нет / не машинку // а вот такие бывают стеклянные *закрывалочки* для больших банок //.

В шутливом употреблении:

1. Ты пойдешь в эту / в *тошниловку?* 2. В диэтичку штоль? Нет //; Вот Лена какая *забывалка*//; Реплика в длинной очереди: *Утомиловка*//; Ср. также: *обещаловка*, *грабиловка*, *ожидаловка*, *заводиловка*. Существительные с суфф. *-ловк(а)* характеризуются, как правило, отрицательной оценкой. Они очень продуктивны в сфере РР и не характерны для КЛЯ.

Семантический статус этих существительных своеобразен: все они возникают ad hoc, по мере необходимости, и все они связаны с предикатом данной ситуации. *Держалка* в одних ситуациях — подставка для зонтиков, в других — сковородник, в третьих — основание торшера и т. д.

Таким образом, легко членимые по форме, эти существительные семантически фразеологичны [51], так как вне конкретной ситуации их легко обнаруживаемая связь с производящей основой глагола никак не подсказывает значение предмета или лица.

Легко прослеживается также парадигматическая соотнесенность ряда *открывалка — чем открывать — (которая) открывает.*

[51] См.: М. В. П а н о в. О слове как единице языка. «Уч. зап. МГПИ им. Потемкина», т. 51, 1956, стр. 146—151.

Ср. дай мне *прочищалку* → *чем прочищать* → *которая прочищает*.

Или: *Вытиралка* здесь есть? → *Чем вытираться*. . .? → *Вытираться*. . .?

Все эти взаимозамещаемые предикативные номинации с полным правом могут быть названы экспресс-наименованиями, причем предикативные структуры типа *чем вытирать* выступают как аналитические формы слова.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ВИДЫ НОМИНАЦИЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

СЛОВА-ДУБЛЕТЫ

14. Нас окружают в повседневном быту сотни вещей, настолько привычных и обыденных, что мы не задумываемся над тем, как называются эти вещи. Кажется бесспорным, что название этих предметов известно уже малолетним детям: *стол*, *стул*, *окно*, *ручка*. Но всё ли мы можем назвать прямо и однозначно? Достаточно типична такая ситуация: обстоятельства требуют, чтобы вещь была названа определенно и недвусмысленно, а говорящий останавливается, подыскивает слово с трудом и часто сопровождает свою реплику жестом — указанием на самый предмет. Например:

В булочной покупательница нашла на полу варежку и положила ее на край громадного окна-витрины. Она говорит кассиру: — Я варежку положила там. . . на *обочину*// Видите / там / на. . . *подоконничек*//. (Витрину у пола обрамляет узкая полоска рамы; это никак не подоконник). Мы задали нескольким нашим информантам вопрос, подробно объяснив им ситуацию: как бы они назвали этот предмет в данных обстоятельствах? Все ответы были очень неуверенными:

1. Барьер. . . барьерчик?
2. Там внизу / у окна//.
3. У стекла?
4. Подоконник? Нет / лучше показать//.
5. Под окном?. .

Вещь не имеет имени, если говорящие стремятся обозначить ее описательно, и каждый приписывает ей свое наименование — обочина, подоконник, барьер. . . Разумеется, в строительной номенклатуре эта деталь интерьера обозначена четко и определенно. Но в разговорном языке ей просто нет названия. Вопрос об имени предмета встает в РР не только тогда, когда говорящие сталкиваются с какими-либо новыми вещами. Самое обиходное, самое обыденное, привычное называют в разных семьях по-разному — кто как привык.

Что может быть проще, привычнее тех деревянных или пластмассовых предметов, которыми хозяйка прикрепляет белье на веревке? А как мы их называем?

Прищепки (*прищепы*), *защепки* (*защепы*), *зажимки*, *держалки*, *прижимки*, *цеплялки*, *закрепки*, *скрепки*, *шпильки*.

Таким образом, бесспорно всем известная, бесспорно широко распространенная, бесспорно старая, бесспорно обиходнейшая вещь не имеет «бесспорного» имени, — т. е. наименования определенного, однословного. Мы получили девять разных вариантов номинации, но нет никакой уверенности, что ряд этот исчерпан. Большинство опрошенных информантов охотно соглашается с двумя-тремя наименованиями вещи, но каждый хотел бы признать первым, «исходным» — наиболее привычное, распространенное именно в его кругу обозначение.

Так, обозначение прищепок словом *цеплялки* было засвидетельствовано нами лишь у одного информанта. На наше предположение, что это, по-видимому, шутливое, какое-то домашнее, «не вполне серьезное» название было получено возражение: Нет, у нас дома так всегда говорят, и бабушка, и все. *Прищепки* — это как-то официально (??).

Разброс наименований в разговорном языке очень высок. Образуются своего рода «полилексемы» — сосуществующие и равноправные варианты номинации, исключающие однословное, фиксированное обозначение предмета, — слова-дублеты.

Ср. (разговор о елочных украшениях; речь идет о наконечнике для елки): 1. Смотри / какой красивый *султан* // 2. Этот *наконечник?* А мне больше звездой нравится // 3. Нет / красивая *верхушка* // 2. *Пика* удобнее / чем звезда / но я привыкла звезда//. Итак, *султан*, *наконечник*, *верхушка*, *пика* и еще эту вещь называют *шпилем*.

Вокруг двух-трех вариантов наименования строятся метафорические обозначения, предикативные и предложно-падежные экспресс-номинации, метонимии разного рода, а также слова-указатели, всегда готовые заменить в разговорном языке отсутствующий термин:

Дай-ка мне эту *щель* (деталь от пылесоса)//; Я взял у тебя *кружок* / ты видела? (кассету); 1. А чем руки вытереть? 2. Вон *грелка* висит // 1. Эта *сушилка* не работает. . . Или я не там нажимаю? (об «электрополотенце» — таково официальное наименование прибора, который называется в быту *сушкой*, *сушилкой*, *грелкой*, «*для рук*». . .); Нина / для *сушки* не работает (в парикмахерской — фен).

Решетчатые края у газовой плиты называют: *крылья*, *боковинки* (*боковушки*), *края*, *решетки*. . .

Из записей: Одно *крыло* она сняла / и теперь у нее нет *обочины* куда кастрюли класть//; А эти польские с *боковинами* / нет? (о плите); И *сбоку* там у плиты нет / и духовка не работает / лучше уж новую купим//.

Электромолка для кофе получает такое поле наименований: *мельница*, *кофемолка*, *дробилка*, *мололка*, *для кофе* (*Для кофе* не захватишь починить?).

Топорик для отбивания мяса: *отбивалка*, *толкушка*, *мялка*, *чем отбивать*, (*отбивать*). (Я прекрасную *мясо отбивать* видела//; *Отбивать* куда засунула?).

Испаритель в холодильнике: *морозилка*, *морозильня*, *заморозка*, *где замораживают*, *ледничок*, «*наверху*».

Фитиль в газовой колонке: *запальник*, *свеча*, *огонек*, *зажигалка*, *фитилек*.

Суповая ложка: *половник*, *поварешка*, *черпак*, *чумичка*.

Прозрачная капроновая сумка для продуктов: *сумка*, *авоська*, *плетенка*, *сетка*, *мешок*. (Частотно — *сетка*, хотя сумка эта — не сетчатая. В очереди в магазине в течение часа проводились записи ответов на «магазинный стереотип»: — Это за чем стоят? Варьировались пять названных выше наименований, но на первом месте был ответ: «за сеточками»).

Поливальная машина: *поливалка*, *поливка*, *дождевалка*, *дождь*, *которая поливает* («поливает»).

(«Никогда не скажу — поливальная машина», — утверждали 6 информантов из 10).

Из записей:

У нас *поливалка* каждое утро здесь проезжает//; *Поливает* видишь? Вот там остановка//; Мальчишки специально эту *дождь* поджидают / и купаются под ней//.

Самой жизнью были поставлены такие два поучительных лексикологических эксперимента:

а) В учреждении установлен прибор для точки карандашей. Каждый входящий в комнату обращает внимание на новинку:

1. Какая *машинка* хорошая//
2. Ну и *чинка*!
3. А вы уже попробовали эту *точку?*
4. Давайте *точилку* к другому столу прикрутим //
5. *Чинилку* / *чинилку* не урони!
6. *Стругалка* по-моему не работает//
7. *Карандаши точить* сняли?
8. А *точить* тебе не понравилась / да?

(самые частотные — *точилка*, *машинка*).

б) По радио и в газете было объявлено, что редакция газеты «Советский спорт» дает всем желающим справки о зимней спартакиаде 1968 г. в Гренобле. По счастливой случайности (которая сначала была оценена отрицательно) номер телефона редакции лишь одной цифрой отличался от телефонного номера одного из авторов этой книги. С утра до вечера справляющиеся об олимпиаде изобретали варианты вопроса, который должен был уточнить название того учреждения, куда они звонили (а попадали-то они к лингвисту). Лишь немногие прибегали к официальному обозначению (Это справочная олимпийских игр?; Бюро справок?).

Другие же спрашивали:
— Олимпиада?
— Это спартакиада / да?
— Это «Спорт»?
— По конькам?
— Это Гренобль?
— Вы по Греноблю?
— Бюро?
— Справки?
— По олимпиаде?
— Лыжи / да?

Как называют в РР предмет, который содержит пасту в шариковых ручках, легко узнать, если постоять полчаса у прилавка в магазине, где продаются авторучки. Официальное (номенклатурное) наименование записано на упаковке, этикетках и почти никому не известно — *узел для шариковых ручек*. Называют же его так: *стержень*, *наполнитель*, *рефил*, *баллончик*, *ампула*, *заполнитель*, *запасной*, *запаска*, *для ручек*.

Рекордное число вариантов собрал предмет для прочистки раковин в домашних условиях — деревянная палка с резиновой грушей на конце. Кодифицированное обозначение (известное, по нашим наблюдениям, только продавцам хозяйственных магазинов) — *вантуз*.

Итак, *вантуз*, он же: *груша*, *прочищалка*, *пробивалка*, *пробивка*, *прокачка*, *откачка*, *продувка*, *продувалка*, *качалка*, *резинка*, *насосик*, *тыркалка*, *для раковины*.

И экспресс-обозначения: *чем прочищать*, *чем качать* и т. д.

Из записей речи: 1. Засорилось // Я уж качала-качала *качалкой* / и ничего // 2. А ты новую возьми *резинку* попробуй//; Тань / а где эта *штучка? Тыркалка*?; А мы знаешь что купили? *Прокачку*//.

Несмотря на такое большое количество вариантов наименования, некоторые информанты ответили, что хотя эта вещь у них в доме и есть, они ее «никак не называют».

Создается впечатление: чем больше у номинации имен, тем необязательнее, факультативнее становятся все эти многочисленные дублетные названия, тем дальше они от того, что принято называть «стационарной лексической единицей».

Был проведен опрос 50 информантов с целью выяснить, насколько приемлема вариативность слова для говорящих. Результаты эксперимента обобщены в таблице.

1. Как вы называете у себя дома *вантуз*? (таблица № 1).

2. Считаете ли вы возможным (или слышали), чтобы *вантуз* называли так (перечислены все полученные при первом опросе варианты)? (таблица № 2).

Первая таблица говорит лишь о большей свободе филологов в выборе средств наименования (в частности, об этом говорит указание на жест) и о стремлении нелингвистов при «лобовых вопросах» дать однословный ответ. Вторая таблица уравнивает филологов и нефилологов: большая часть опрошенных считает возможным 5—7 вариантов наименования.

Таблица 1

	Названо одно наименование	Два наименования	Три и более	Жестом	«Никак не называю»	При помощи указателей (*штука* и т. п.)	Всего
Филологи (лингвисты, редакторы, студенты)	3	5	4	5	6	7	30 ответов
Нефилологи (радиоинженеры, студенты, радиотехники)	15	3	—	1	—	1	20 ответов

Таблица 2.

	Количество приемлемых вариантов								
	девять	восемь	семь	шесть	пять	четыре	три	два	один
Филологи	—	2	3	6	11	4	3	1	—
Нефилологи	—	1	9	2	5	1	1	1	—

Группу информантов спрашивали, как они привыкли называть комнаты в своей квартире. Ответы представляются нам любопытными.

Дело в том, что в прежние времена комнаты имели точные, стационарные обозначения — *столовая*, *спальня*, *гостиная*, *кабинет*, *зала*, *детская*, *библиотека*. Даже маленькие, крошечные квартирки из 2—3 комнат имели либо гостиную и спальню, либо столовую, спальню и детскую, либо гостиную и кабинет [52]. Эта языковая традиция была нарушена по нелингвистическим причинам: во время революции и войн семьям приходилось селиться, как правило, в одной-двух комнатах, в коммунальных квартирах, и старые обозначения вышли из употребления.

Теперь, когда обозначение разных комнат стало актуальным, русский разговорный язык не вернулся к старым наименованиям.

[52] См., например: «В тот же вечер он объявил, что нашел отличную квартиру в восемь комнат за очень дешевую плату — сто рублей в месяц. — Зачем же нам такая большая квартира? — с удивлением спросила я.

— Совсем она не велика: для вас будет гостиная, кабинет, спальня, детская; для нас — гостиная, кабинет, спальня, а столовая у нас будет общая. (- - -). Квартира состояла из четырех комнат: кабинета, где работал и спал Федор Михайлович, гостиной, столовой и большой детской, где спала я» (А. Г. Достоевская. Воспоминания. М., 1971, стр. 205—206).

Как показывает собранный нами материал, название комнат очень индивидуально. Почти каждая семья создает свои номинации, исходя из одной ей ведомых примет и языковых привычек.
Вот название бывшей столовой: *большая*, *где обедаем*, *где телевизор*, *проходная* (так, как описывали наши информанты функцию этой комнаты в своей квартире, не было никаких причин [не назвать ее *столовой*).

В тех семьях, где есть детские, их называют чаще всего по имени ребенка, если он один: *Сережина*, *Олина*, *Катина*, *Митина комната*, или же: *у детей; маленькая; тихая.*

Вот другие названия: *дедушкина; за кухней; где пианино; на улицу; где холодильник; у родителей; на Садовую; с фонарем; с балконом; где балкон.*

Распространены: *большая*, *маленькая*, *средняя*, *проходная*, *наша.*

В одной большой квартире есть настоящая комната-библиотека: там только стеллажи, книжные шкафы и кресла. Все в этой семье называют ее — *где книги.*

Экспансия «домашних» расчлененных обозначений явная. Только два информанта из 30 ответили, что у них называют иногда одну из комнат столовой, а другую — детской. В обоих случаях речь шла о бабушках — людях старшего поколения со старыми языковыми привычками [53].

Записи речи: А ты убрала уже *где холодильник*?; Надо пропылесосить *Сережину комнату*//; Куда же нам манеж впихнуть? *Где балкон* маленькая / в нашей далеко от кроватки. . .; 1. Они ремонт не во всей квартире сразу / а по очереди// 2. Но начали с *большой*? 1. Начали как раз *за кухней* / потому что эта *за кухней* сейчас свободная//.

Таким образом, на примере наименований комнат мы видим, что современный разговорный язык тяготеет к обозначениям, не имеющим строго фиксированного лексического центра, и варианты отдельных номинаций вполне равноправны. Нормой для языка кодифицированного является словарь, включающий в себя стационарные наименования всех предметов и понятий, которыми оперирует говорящий на этом языке коллектив. Развитие языка выражается, в частности, в том, что все более и более специализируется его словарь — для обозначения новых предметов и понятий образуются новые слова или появляются новые значения у слов старых.

Как кажется, разговорный язык ведет себя в этом отношении по-другому. Наряду с однословными обозначениями [54] нормой

[53] *Гостиная*, *холл*, *библиотека*, *детская* стали сейчас официальными наименованиями: *холл в гостинице*; *детская комната милиции*, *на вокзале*; *гостиная в доме ученых* и т. д.

[54] В данном случае ради простоты изложения мы не касаемся ни номинаций-словосочетаний типа *железная дорога*, *шагающий экскаватор*, которые воспроизводятся в речи как целостные единицы и ведут себя как слова, ни других более сложных (переходных) случаев.

для него является существование номинаций, не имеющих определенной, единой материально выраженной единицы. Фиксация явлений действительности в РР может осуществляться, с одной стороны, в таких единицах, которые являются равноправными лексическими вариантами одной «номы» (ср. словообразовательные варианты типа *извещение*, *оповещение*), и, с другой стороны, в единицах, которые не воспроизводятся, а производятся в речи (метафоры, метонимии, экспресс-номинации). Поэтому словарь разговорного языка должен составляться не пословно, как обычно это делается, а гнездами, полями, «центром» которых может выступать либо условная единица абстрактного семантического языка, либо слово языка кодифицированного как удобная единица отсчета.

На первый взгляд кажется, что наличие множества лексических вариантов у одного и того же обозначения должно увеличить во много раз словарь разговорного языка по сравнению со словарем языка кодифицированного. Если в определенных ситуациях в кодифицированном языке скажут *повестка из военкомата*, то в РР равновозможны *извещение*, *оповещение*, *повестка*, *бумажка* (*из военкомата*). Но следует говорить как раз не об увеличении, а об уменьшении лексических единиц в РР по сравнению с языком кодифицированным: ведь определенное количество семантических единиц не находит здесь стационарных лексических обозначений и заменяется наименованиями ad hoc, метонимическими «времянками» и словами-указателями разного рода с очень широкой семантикой.

СЛОВА-УКАЗАТЕЛИ

15. Ситуационная восполняемость РР позволяет ей прибегать к указателям — словам, не содержащим в своей семантике сведений о соотнесенности с тем или другим понятием или предметом, не обладающим, как это принято говорить, вещественным значением.

Идеальные и специально для целей указания выработанные языком категориальные единицы — местоимения разных типов. Разговорный язык, как это уже отмечалось не раз, местоименен по своей сути. Вливание многообразного смыслового содержания, определяемого данной ситуацией, в единое слово [55] — проще всего осуществить на базе местоимения, слова ситуационного по своей природе. Разговорный язык характеризуется не только высоким процентным содержанием местоимений по сравнению с другими частями речи, но и своеобразным их употреблением.

[55] Л. С. Выготский справедливо отмечает, что этот процесс представляет собой всякий раз образование индивидуального, непереводимого значения, т. е. идиому (Указ. соч., стр. 310).

В первую очередь это относится к приемам актуализации местоимений. Если в кодифицированной речи личные местоимения 3-го лица и местоимения указательные выступают, как правило, в той части высказывания, которая относится к данному, известному, то в разговорном языке вполне допустимо их появление сразу в той части сообщения, которая содержит нечто новое. Например:

1. Ботинки так и не купили значит? Нет еще//. 1. В чем же ты пойдешь-то? 2. Ну-у . . . *в тех* пока пойду//; 1. Здравствуй / Нин // 2. Здравствуй // что *его* нет / да? 1. Уехал // Уехал в министерство// 2. Я смотрю / ты с работы. . . (из телефонного разговора; когда в комнате работает другой сотрудник, звонить по служебному телефону нельзя); Я хочу *тот* стул забрать / раз уже нам в подвал спускаться//.

Такое употребление местоимений объясняется существованием в сознании говорящих предситуации (см. об этом в разделе «Имя ситуации»), которая играет роль имплицитно присутствующего в диалоге сюжета речи, своего рода «пролога» к данному высказыванию.

Вторая специфическая особенность функционирования местоимений в РР — это соединение местоимения с жестом. Именно жест, а не только предыдущий или последующий текст часто проясняет смысл местоимения, «проявляет» его (см. об этом в Приложении).

Местоимения в разговорном языке несравненно чаще, чем в КЛЯ, занимают ударную позицию во фразе. В этом случае их главная функция — усилительная [56]. Сказанное относится к местоимениям *тот*, *этот*, *такой*. Напротив, притяжательные местоимения часто играют роль энклитики и занимают лишь место определенной, необходимой для данной фразы ритмической единицы:

Я у вас сумку *свою* оставила//; Зачем ты руки *свои* вымыл? А собака *твоя* где?; Мама *моя* уехала//.

Можно указать на то, что энклитическая функция некоторых местоимений развивает в РР своеобразные энклитические формы местоимений, которые существуют только в устной речи. В дательном и винительном падежах ед. числа личных и возвратных местоимений в РР сосуществуют две формы — полная и энклитическая (*тебе* и *те*; *тебя* и *тя*; *себе* и *се*):

Я *те* сколько раз говорила / а ты опять сюда залезла//; Он *те* сказал ведь? Мы *те* больше не дадим сладкого / раз ты так//; *Тебе́* я эту книгу дам / а больше никому//; *Тебя́* я видела вчера на Арбате / нет? А я *тя* вчера на Никитской видела / в «Гастрономе»//; Ты *се* помалкивай//; Ты *се* не отобрала еще открытку / Галь?; *Себе́* / *себе* положи//; А *себя́* забыла / да?

[56] См. об этом: О. А. Лаптева. Расположение компонентов в группе «определяемое — одиночное согласованное определение» в современной устно-разговорной речи. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 162.

Это не фонетические варианты слова, а вполне лексикализованные формы, воспроизводимые в речи тогда, когда местоимение не несет самостоятельного ударения.

14. Ритмическая структура высказывания в разговорном языке, ее жесткие правила, ее автоматизм часто вызывают к жизни семантически опустошенные существительные, которые играют роль завершителей определенной конструкции или «держателей» заданного каркаса фразы [57].

С особенной очевидностью роль прономинализованных слов выступает в конструкциях с жесткой ритмико-синтаксической организацией, — таких, например, как конструкция перечисления или конструкция переспроса.

Конструкция перечисления в РР требует обычно не менее 3—4 перечисляемых элементов. Когда говорящий затрудняется добавить третий член перечисления, а интонация уже задана, то возможны два исхода: либо фраза ритмически обрывается на восходящей интонации (а это воспринимается партнером как недосказ), либо говорящий заполняет интонационную «дыру» словом с нуль-семантикой. Например:

И там лодки / байдарки / все эти *вещи* очень легко получить/; А где у вас паркет / лаки / *штуки* эти продают? Она ни иголки / ни нитки / ни пуговки / ни одной *музыки* этой не взяла//; И мы огурцы / помидоры / *вещи* эти все / только на рынке // Только на рынке покупаем//.

Ср. идеально заполненную схему конструкции перечисления в таком микродиалоге (Продовольственный магазин. Продают мандарины):

Покупатель: — Неужели по шесть кило берут?

Продавщица: — А как же? Люди в отъезд / люди к Новому году / *в Казань* / *в Рязань*//.

Ср. автоматизированное и семантически бессмысленное употребление наречия *здесь* при переспросе: 1. Где *здесь* ЦУ́М? 2. ЦУ́М *здесь*? Там//.

Разумеется, роль существительных с нуль-семантикой не исчерпывается определенным конструктивным заданием в схеме фразы. Это лишь одна — и, пожалуй, главная их функция. Все эти слова имеют чрезвычайно общее значение и конкретизируются только контекстом или ситуацией [58]. По семантике это — местоимения, по форме — существительные; они очень удобны

[57] О. А. Лаптева писала об этом в связи с приемом добавления. Прономинализованные существительные добавляются «в конце высказывания не с целью передачи новой информации, но с целью формального завершения конструкции» («О структурных компонентах разговорной речи». — РЯНШ, 1965, № 5, стр. 17). По-видимому, следует говорить о более обширном поле конструктивного применения этих существительных.

[58] В связи с особенностями фамильярно-разговорного стиля английского языка об этом писали М. Д. Кузнец и Ю. М. Скребнев («Стилистика английского языка», Л., 1960).

в качестве указателей, так как сохраняют все категориальные свойства существительного, в частности, способность иметь определение и управляемое слово. Поэтому «пустые существительные» нужнее для фразы, чем обычные местоимения, роль их богаче, функции разнообразнее. В сочетании с прилагательными они несут признаковые свойства (*красивая штучка*, *странное дело*, *отличная вещь* и под.). Занимая последнее место в конструкции перечисления, они часто выполняют роль недостающих родовых обозначений (Ножницы / бигуди / и *все эти штуки* в парикмахерских дезинфицировать надо//). И, наконец, самая простая и самая очевидная их функция — говорящий может не затруднять себя подыскиванием слова, точно выражающего нужное в данном случае понятие [59].

Каков же набор этих существительных-местоимений (прономинализированных существительных, опустошенных существительных, всезначащих слов) в русской разговорной речи?

Можно с уверенностью назвать лишь несколько: *вещь*, *штука*, *дело*, *история*. Далее следует набор, индивидуализированный для определенных кругов говорящих (принимаемый в одних кругах и отвергаемый другими): *музыка*, *волынка*, *бандура*, *брандулет* и т. д. Этот ряд существительных — открытый: его постоянно пополняет индивидуальное словоупотребление. Вот наиболее типичные примеры:

1. В пятом классе сорок семь человек // Представляешь? 2. Это невозможно // А у вас тетя Маня по скольку было? 1. И у нас такая же *вещь* была//; 1. На эту выставку в Москве у нас попасть было невозможно//. 2. Ну и в Ленинграде такая же *история*//; Самая прочная часть этой *штуковины* как раз и отказала//; Простирни в этой воде вот эту *штуку* мою//; А пьеса хорошая? 2. Очень хорошая *штука*//; Я хотела одну *вещь* спросить//; Она один из авторов этого *дела*//; Да нельзя *это дело* с эстрады петь // У нее еще слов не слышно / ни одного слова//; А заряжается он такой же *штукой*?; И вот я лезу / боюсь / ступаю *на это дело* (на площадку в строительных лесах) и оказывается совсем не страшно//.

Более экспрессивны пустые лексемы *музыка*, *бандура*, *волынка*, *брандулет*: У него четырнадцать заместителей / а инспектор объединяет всю эту *музыку*//; Убери отсюда эту *музыку* (толстую папку); А куда мы эту *бандуру* денем? (о шкафе); Давай затолкнем эту *бандуру* в угол (о рояле); Не надоела тебе эта *волынка*? (писание письма); Давай купим петрушку / укроп и всю эту *волынку*//; 1. Посмотрим / Сережкин *брандулет* стоит или нет//; 2. Вон его *брандулет* / нет? 1. Нет / это не его машина//; И так мне надоело с этим *брандулетом* возиться // Свет / может ты сваришь? (о кофеварке).

Некоторые из перечисленных выше слов все же обладают какой-то семантикой, хотя их знаменательность сильно ослаблена.

[59] М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. Указ. соч., стр. 135.

Драндулетом называют что-нибудь механическое; *бандурой* — что-то большое, громоздкое. Однако важнее другое — постоянная готовность этих слов выполнять чисто указательную, местоименную роль.

Ср. такой ряд:

А куда мы *это* денем?→ . . *эту штуку* денем?→ . . *эту вещь* денем?→ . . *это дело* денем?→ . . *эту историю* денем?→ . . *эту музыку* денем?→ . . *эту бандуру* денем?→ . . . *этот драндулет* денем?

Во всех этих случаях существительные выполняют роль второго местоимения.

Индивидуальные употребления разных существительных в функции «всезначащих слов» многообразны. Иногда может показаться, что это всего-навсего метафоры. Однако от этого вывода удерживает полное несходство предмета речи и его наименования. Часто привлекаются для этой роли слова редкие, экзотичные, с малоизвестным значением. Например:

Тут как раз новая грамматика вышла / и со склонениями *бешбармак* получился // То / что было первое / стало второе / а второе первым//; Я там вам принес бумагу и прочую *шушеру* (о канцелярских принадлежностях)//; 1. Вы эти *экосезы* бросьте // Нам план надо кончать// 2. А это разве не план? 1. А это на чужого дядю// 1. Ты почему на конференции не был? 2. А-а! Некогда эту *бижутерию* [60] разводить // Времени / времени нет//.

О прономинализации полнозначных слов лингвистам известно давно. Еще А. А. Шахматов сравнивал употребление личных неударяемых местоимений при глаголе с приобретшими местоименное значение именами существительными. Он отметил и случаи употребления слов *человек*, *люди* в значении неопределенного или совокупного, или личного местоимения [61].

В. В. Виноградов писал уже о развитии местоименных значений у имен как о процессе, непрерывно происходящем в русской лексике [62]. Среди слов, получающих в некоторых контекстах местоименное значение, он выделял такие, как *субъект*, *тип*, *существо*, *штука*, *факт*, *вещь*. Только два из них — *штука* и *вещь* — мы рискнули бы отнести к сфере РР (причем эти слова неравноправны: если слово *штука* в роли прономинализированного существительного живет лишь в разговорной речи, то *вещь* употребительно как в РР, так и в КЛЯ [63]).

[60] Говорящему (филологу) был задан вопрос, в каком смысле он употребил слово «бижутерия» в этом контексте. Он не ответил «пустяки» (тогда это была бы метафора!), а: —Ну / там *всякую муть* / *волынку* в общем //.

[61] А. А. Шахматов. «Синтаксис русского языка», вып. 1. Изд. 7. М., 1941, стр. 18.

[62] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 326.

[63] Судьба этого слова связана с книжной традицией, так как оно совместило в себе значения церковнославянские, немецкое Ding и французское chose (на что указал акад. Виноградов в цит. выше книге). Это с несомненностью говорит о том, что неопределенно-местоименные значения слова *вещь* развил вначале язык кодифицированный.

Прономинализация существительных — явление общеязыковое. РР и КЛЯ отличаются в этом прежде всего набором слов (ср. кодифицированные *субъект*, *тип*, *существо*, *факт*, и разговорные *штука*, *волынка*, *музыка*), а также интенсивностью самого процесса. Захват полнозначных существительных в группу слов с неопределенно-указательным значением происходит значительно активнее в разговорной речи, чем в КЛЯ. Эта группа постоянно обновляется в РР за счет индивидуальных употреблений, а также благодаря многочисленным экспрессивным модификациям одного и того же слова: не только *штука*, но и *штучка*, *штукенция*, *штуковина* и т. п.

СЛОВА-«ГУБКИ»

16. Слова, имеющие либо чрезвычайно общее значение, либо значение неопределенное, всегда конкретизируемые лишь ситуацией и контекстом речи, очень распространены в разговорной речи. В каждом данном случае реализуется вполне определенное значение слова, но лексикографически описать все эти многочисленные значения было бы невозможно, ибо эти слова — «всезначащи», а определенные значения появляются у них «к случаю». Можно назвать такие слова словами-«губками», всасывающими в себя разнообразные смыслы [64].

Что означает слово *времянка*? Общее значение 'нечто временное'. Конкретные: 'временный дом, печка, лифт, лестница, пристройка, электроприбор, установка. . .'

В семантическом плане это открытый ряд, так как в каждом случае слово это имеет не неопределенно-предметное значение, а как раз конкретизированное, строго определенное: временная проводка, временная установка, временная пристройка и т. д.

Общая схема семантического раскрытия слова здесь такая: существует некоторое обобщенное значение, которое приобретает в соответствующей речевой ситуации определенное содержание, и таким образом слово с обобщенной семантикой становится словом с конкретно-предметным содержанием.

Словарь разговорной речи в первую очередь должен зафиксировать именно эту способность определенной группы слов к мене своего семантического статуса и указать их общее значение, что же касается конкретной его реализации, то это — явление скорее речевое, и этот ряд не всегда исчислим.

Было зафиксировано употребление слова *времянка* в следующих значениях:

[64] Ср. употребление этого термина (Schwannwörter) в немецкой лексикологии: Э. Г. Р и з е л ь. «Экономия выражения» и устранение избыточных языковых средств в обиходно-разговорной речи. «Иностранные языки в высшей школе». Вып. II. М., 1963, стр. 131.

1) 'временный дом': А вы дачу уже построили / или пока *времянка*?; У них там *времяночка* пока стоит / без печки / без ничего//; После войны эти *времянки* долго продержались / но все же лучше чем в землянках//.

2) 'временная печка': У них у всех *времянки* / и трубы в форточки выходят//; А по-моему бы *времянку* поставить / чем печника искать / кирпичи искать. . .

3) 'временная электропроводка': 1. И в этой комнате *времянка* / да? 2. И в этой *времянка* / и на террасе *времянка* / ничего / сойдет//.

4) 'Временная лестница': 1. А как же они на шестой этаж? Там *времянка* какая-нибудь? 2. Нет / они уже лестницу / парадную лестницу уложили//.

5) 'Временная пристройка к дому': Здесь будет большая терраса / а сейчас это сарайчик / *времянка*//.

6) 'временный лифт': 1. Как же строители эту башню строили? На такую высотищу?. . . 2. У них были снаружи лифты / лифты такие / *времянки*//.

7) 'Временная установка': — Есть установки фундаментальные / на года / есть *времянки* / на два-три опыта//.

Очевидно, что и здесь не исчерпаны все возможные конкретные реализации этого слова [65].

Разговорная речь охотно прибегает к словам с такой открытой внутренней формой: корень слова указывает на общее значение, суффикс — на вещественно-предметную отнесенность. Все остальное дописывает ситуация (а не только контекст, например, позиция слова во фразе или синтаксическая конструкция) [66].

Забегаловка — это какое-либо учреждение, в которое можно легко з а б е ж а т ь.

Реализация в речи: столовая, кафе, закусочная, парикмахерская, кинотеатр. . .

У нас прекрасная *забегаловка* тут на углу была /«Экспресс» // Жалко закрыли// (о кинотеатре); У нас кстати в клубе «Буревестник» очень приятно смотреть // Народу мало / очень большое помещение // А «Шторм» у нас это такой. . . *забегаловка* (о кинотеатре)//; 1. Вы где обедаете? 2. В *забегаловке* на площади//; Сегодня в вашу *забегаловку* не пойдем / мы в «Будапешт» (о закусочной)//; Там на Самотеке неплохая парикмахерская //

[65] Характерно, что в словаре С. И. Ожегова дано такое определение слова *времянка*: 'временная железная печка'.

[66] И. С. Улуханов, говоря о словах типа *пятилетка*, *семилетка* и выделяя три группы значений среди них, справедливо отметил, что «все эти значения обусловлены не системно, а нормативно, они относятся не к словообразовательному типу в целом, а к единичным словам в пределах этого типа. Очевидно, что в случае необходимости (внешнего импульса) любое из слов этого ряда может быть употреблено в любом из указанных значений; система этому не противодействует» (И. С. У л у х а н о в. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем. «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967, стр. 169).

Такая *забегаловка* милая / удобно очень//; Вот тут прямо в гостинице есть *забегаловка* / мастер и два кресла//.

Субъективно-оценочная окраска этого слова не снимает его общего семантического статуса — способности нести в разных ситуациях речи разное конкретно-вещественное содержание.

Эта группа слов в РР многочисленна. Сюда стекаются разные с точки зрения словообразования и семантического родства слова — отглагольные дериваты, семантические конденсаты, метонимии, метафоры, но всех их объединяет легкость в образовании значений ad hoc.

Стекляшка, *деревяшка*, *медяшка*, *вязанка*, *держалка*, *хваталка*, *железка*, *меховушка* — все эти обозначения в разных ситуациях называют различные предметы, которые в кодифицированном языке имеют свои определенные, терминологически закрепленные имена. Здесь же, в непринужденной разговорной речи, некоторые вещи и предметы получают как бы «домашние клички» — такие названия, которые не объединены в какие-то парадигматические ряды и не несут в себе всего комплекса дифференциальных семантических признаков. Тем удобнее они для использования в разнообразных ситуациях, заменяя (замещая) собой десятки строго определенных обозначений. Словарь повседневной речи довольно ограничен, и он с готовностью использует одни и те же слова, приписывая им в нужных случаях ситуативно-закрепленные значения.

Разговорная речь, развивая ситуативные значения слов, часто создает такие лексико-семантические противопоставления, которые и существуют только в условиях определенной ситуации речи. Слова с обобщенным значением выступают тогда в качестве немаркированного члена противопоставления. Ситуацией речи «задается» какое-то свойство, качество, «индивидуальность» вещи, а когда надо выразить отсутствие этого качества, т. е. семантически противопоставить одно слово другому, в ход идут «всезначащие» слова.

Характерно в этом смысле употребление в РР прилагательных *простой*, *прямой*, *нормальный*, *пустой*.

Так, прилагательное *простой* входит в такие противопоставления:

простой — с узорами	простой — экстра
простой — шелковый	простой — с кремом
простой — с отделкой	простой — нейлоновый и т. д.
простой — праздничный	

Дайте сто граммов *экстра* и *простых*// (в магазине о конфетах «Трюфели»); *Я простых* чулок никогда не носила / только *нейлон* / со школы уже//; 1. Мне блузка нужна белая / с длинным рукавом// 2. Так ведь Надя приносила вчера / какая прелесть / ты ведь видела? 1. Нет / это *нарядная* очень / а мне надо *простую* / на каждый день//; В этих пирожных крему очень

много / Я люблю *простые* / песочные/«картошку». . .; Вот смотри / *шелковых* платьев скоко хочешь / а *простого* ни одного//; 1. Ох / какие сухарики замечательные! Это ты в духовке или тостере? 2. Нет / это *простые* // Я на сковородке жарила//; *Простых* яблок сколько хочешь / а *антоновки* нету//.

Прилагательное *нормальный*: Ну конечно / это же старые дома / там потолки *нормальные*//; 1. Прическу мне надо сделать// 2. Но ты же *нормальная* [67]// 1. Да? Я *нормальная*? Четыре дня уже эта укладка//; И там с этими башнями и колоннами рядом / во втором ряду / *нормальные* дома / приятно смотреть//; 1. Какая книга *бестолковая*! 2. Да? А мне показалось *нормальная*//.

Во всех этих примерах слово *нормальный* выступает не в привычном значении 'обычный, соответствующий норме', а в несколько смещенном, и выявить в точности это значение можно, лишь противопоставляя ему маркированный член оппозиции:

нормальный — с башнями и колоннами
нормальный — непричесанный
нормальный — низкий и т. д.

Ср. также такие специфически разговорные сочетания, как *пустой чай* (несладкий), *пустая вода* (не газированная), *пустая картошка* (без масла) или члены противопоставления *наше* / *заграничное* соответственно кодифицированному *отечественное* / *импортное*, где в качестве немаркированного члена в РР выступает местоимение.

СЛОВА-ЭРЗАЦЫ

17. Необходимость быстро подобрать лексический эквивалент соответствующей единице плана содержания вызывает часто заминки в речи, остановки, паузы, затем перебор каких-то близких по смыслу наименований, синонимов, и иногда говорящий так и не успевает остановиться на каком-то одном слове — или просто не вспоминает его, или ситуация речи настолько ясна, что он не затрудняет себя выбором:

Там *родинка* такая. . . Ну . . . *пятнышко* / *царапинка* на бумаге // Возьми чистый листок//; Промокла она ужасно// Так они взяли // эту девочку раздели / одели ее в *кофточку* в эту / ну. . . в *курточку* военно-морскую. . . (слово «китель» так и не пришло на язык); Это красота невиданная// Очень-очень высокие берега / и они друг к другу. . . Ну / не берега / *склоны*// (рассказ об ущелье).

Это явление чисто речевое, но настолько типичное для непринужденного разговора, что его нельзя обойти при изучении особенностей семантики разговорной речи.

Определенность, а часто и наглядность, очевидная недвусмысленность ситуации дают говорящему возможность, не подыски-

[67] В КЛЯ, как верно отмечают словари, по отношению к человеку это слово употребляется только в значении 'психически здоровый'.

вая точного обозначения данной вещи или явления, заменить его «эрзацем» — т. е. словом, лежащим в семантическом ряду рядом с нужным обозначением или же содержащим во внутренней своей форме намек на нужное значение.

Наиболее просты те случаи, когда говорящим подыскивается нужное слово, и слова «рядом» лежащие путем проб отбрасываются:

1. Ты не обедала? 2. Сейчас иду // Я вот токо жду / как это называется? *Соперники / спутники* по обеду (смех). . . *Попутчики* // 1. *Сотрапезники / собутыльники* / да?; 1. Зачем тебе эти книги? 2. Это когда мы фотографируем / печатаем // Когда печатаем // 1. Ну и что? 2. Закладываем фотографии // 1. Просто как *балласт*? 2. Как *пресс* // Ну да//.

Сложнее другие случаи, когда перебора слов нет и говорящий и слушатель довольствуются таким неточным словоупотреблением. Это именно не оговорка, не ошибка речи,— это речевой п р и е м, позволяющий заменить недостающее слово эрзацем. На этот раз в качестве ситуативного заменителя строго однозначного наименования выступает не слово, опустошенное семантически, и не местоимение, а вполне полноценное, знаменательное слово, смысловые акценты которого смещены. Например:

У вас *копейки* есть? (в метро, о пятаках); *Борта-то* размокли / вот они и соскакивают (о рантах в лыжных ботинках)//.

Как показывают наблюдения, эрзац-обозначения появляются обычно в качестве заменителей точного, фиксированного наименования. Разговорная речь стремится избежать слов-терминов, точных номенклатурных обозначений, и вместо них часто появляются неожиданные ситуативные подмены. В этом отношении характерно употребление слова *предбанник*. Так называют иногда полушутливо, иногда почти серьезно, а иногда уже привычно проходное помещение (проходную комнату) перед каким-то кабинетом, комнатой, залом и т. д.[68]

Говорящим надо выразить в одном слове идею 'пред-помещения', а слова-то этого нет (т. е. оно наверняка есть в лексиконе архитекторов, строителей, но рядовой носитель разговорной речи

[68] Ср. у М. Булгакова в «Театральном романе»: — Об чем же вы думали? — возмущенно оглядываясь вскричал Стриж. — Вы у Поликсены Торопецкой в *предбаннике* не были?

Я ничего не понял и только дико глядел на Стрижа.

(- - -) Что касается *предбанника*, то это актерская шутка. Так они прозвали (и это привилось) комнату перед верхним директорским кабинетом, в которой работала Поликсена Васильевна Торопецкая (Михаил Б у л г а к о в. Избранная проза. М., 1966, стр. 558, 560). Здесь для нас очень важна авторская ремарка — «и это привилось». Поначалу шутливое обозначение становится привычной, удобной номинацией, ведь строгого наименования тут нет — это и не кабинет, и не приемная.

Ср. также: Они очутились в огромном холодном вестибюле, который почему-то хотелось назвать *предбанником* (И. З в е р е в. «Трамвайный закон». — В кн.: «Второе апреля», стр. 151).

о нем не ведает). И тогда выплывает слово *предбанник*, где значение 'пред' очень четко вычленяется, сочетаясь с суффиксом, означающим помещения разного рода. «Мешает» корень, такой недвусмысленный и однозначный, но другого слова нет, и в ход идет *-бан-* (хотя теперь уже семантический объем слова исчерпывается значением префикса + значение суффикса минус значение корня).

При таком расширительном употреблении слова сильно высветляется префикс и затемняется корень слова [69].

Другие случаи лексических замен:

Смотри / и *постамент* хороший // (о подставке, основании лампы); На многих книгах есть такая. . . *наклейка* (экслибрис) / «Из книг графа Шереметева»//; Палей мне корвалол в эту *яичницу* // (в рюмку для яиц; Этот последний случай имеет ту особенность, что эрзац-обозначение возникает как бы на глазах, по правилам окказионального словообразования, а не заимствуется из привычного словаря; у говорящего не было намерения шутить). Ср. также в диалоге:

1. А арабские женщины Вам нравились? 2. Видите / они ведь ходят под таким / под этим. . . 3. А щас вот интересно уже меньше носят или нет? 2. А я не знаю // Я же там когда-а был // 1. А тогда носили все время / да? 2. А как же. . . И через нее продернуты от этой вот *вуалетки* такие два шнурочка. . . (никто из трех участников речи так и не употребил точного обозначения — *чадра*).

Разговорная речь, создавая у говорящих привычку к околонаименованиям, заменам, подменам разного рода, в иных случаях использует «термины наоборот», т. е. точные, фиксированные обозначения употребляются не в прямом значении, а либо в переносном, либо в каком-то смещенном значении.

Тамбур — 'закрытая площадка железнодорожного вагона'. В разговорной речи *тамбуром* часто называют небольшие помещения у входных дверей, которые не назовешь ни коридором, ни прихожей, ни холлом. Имени нет — появляется эрзац-обозначение.

В других случаях появление неточного, смещенного обозначения и вовсе никак не оправдано. Это уже речевая неряшливость, приводящая иной раз к казусам, или шутка:

Ну-ка / ну-ка / и мне дай *противень* // (в столовой — о подносе); (из рассказа о поездках на байдарке): И все равно каждый год перед *путиной* начинается // «Мать / дай денег // мать / дай машину»//; Я иду за горячим *чаем* / будем кофе пить (о кипятке)//; Ох / какая здесь красивая / с *аллюрами* остановочка (о необычно оформленной остановке автобуса)//;

[69] Кстати, это не такое уж редкое речевое явление, когда говорящий склонен удовлетвориться значением префикса — уже все понятно. Например: — Всегда ты *нéдо*/а мне потом кончай (недоделаешь) //; Ее же надо сначала *пéре* (переделать) / а потом уже в сборник // (о статье); И даже: — Здесь получается *гипер-что-то*//.

Замещения возникают и в тех случаях, когда слово, относящееся к неодушевленным предметам, употребляется по отношению к лицам (и наоборот), а также во всех случаях употребления слова с лексически ограниченным кругом сочетаемости в непривычном для него контексте. Иногда это языковая игра, но чаще — вполне серьезное, привычное словоупотребление. Ср.:

И она очень такая. . . Хоть Зина и находит ее не очень *эластичной* / но все равно она очень подвижная//; Пойдем в Военторг // *Толковый* такой магазин / там все есть//; Ну-у / эти интернаты. . . *Бездарные* такие//; Да / не *портативная* эта газета//; И так такие *дорогие* деньги / надо хоть отдохнуть как следует (о высокой плате за дачу)//; И потом даже знаешь / одна *масть* сплошная / и какие-то веточки / очень красиво (о занавесках)//.

Склонностью к речевым смещениям можно, пожалуй, объяснить и широко распространившееся в последнее время в непринужденной речи употребление слова *хором* в значении 'все вместе': Сейчас мы все *хором* пройдем//; Давайте поедем туда *хором*//.

Замещения, подмены разного рода очень явственно обнаруживаются по отношению к названиям родовых понятий. Не все, но многие родовые обозначения отсутствуют в РР. Это относится к таким родовым наименованиям, как *кондитерские изделия*, *школьно-письменные принадлежности*, *канцелярские товары*, *головной убор*, *сельскохозяйственные животные* и под. Не подлежит сомнению, что обозначения названного вида — специфически книжные, сугубо кодифицированные. Но ведь и в обыденной речи часто надо коснуться этих понятий. Как же РР выходит из положения?

Первая возможность — исключение родовых обозначений и замена их словами с обобщенным значением. Специфика их в том, что они выражают нерасчлененное общее, а не конкретно-родовое. Например:

Давай сюда твои *бумажки* (о документах)//; Убери-ка свои *железки* (железные детали)//; А *деревяшки*-то где у нас? (дрова, хворост, растопка); Я *железки* взяла (о вилках и ложках в столовой).

Вторая возможность — использование синекдохи, т. е. названия вида вместо рода:

1. А *лопаты* у тебя где все? 2. Грабли в сарае / лопаты на грядках и еще тяпки захвати//; А *всякие карандаши* у нас уже кончились // Только клей остался / одна банка//; Не люблю я *всяких собак* // (вообще животных); А *коровы—овцы* там не водятся ведь//; Что ж / все эти полотенца / *щетки-коробки* [70] потащим? Ну-ка / забери отсюда свои *кастрюльки* / я полку буду мыть//

[70] Обозначения типа *коровы-овцы*, *щетки-коробки* в РР обнаруживают неожиданное сходство с алтайскими языками, где именно так выражается значение множественности предметов.

(вообще о всей кухонной утвари); 1. А *тетрадки* у тебя все есть? 2. Надо еще пенал и альбом для рисования//.

Третья возможность — употребление в функции родовых обозначений «пустых» лексем (*штуки*, *вещи*).

Четвертая возможность — создание неоднословной экспресс-номинации, в которой отсутствует родовое наименование, но есть спецификаторы (пространственные, целевые и т. п.) [71]:

Ты *на углу* никогда не обедаешь?; Давай заедем сначала *рядом с пассажем* / а потом уж на Кировскую//; Ты видела *около СЭВа* недавно построили? Там Дина и живет//; Скажите / а *против насекомых* у вас есть?; Знаешь / *перед клубом* снесли//; *С острой болью* / проходите!; Вот *в кедах* помните приходила?; Но все-таки из того что мы видели / лучше всего *у вокзала* // *Этот двенадцатого века*//.

Особенно частотны экспресс-номинации — предикативные структуры [72]:

А *на чем сидеть* там есть?; Обязательно захватите с собой *чем стирать*//; *Что читать* там совершенно нет//.

Пятая возможность: использование субстантиватов; например, со значением 'блюда, кушанья': *сладкое*, *соленое*, *молочное*, *мясное*, *кислое*, *теплое*, *холодное*, *мучное* и т. п.

Разумеется, здесь говорилось об исключении и заменах в РР не всех вообще родовых наименований, а только определенной их части. В других случаях РР прибегает как раз к родовым наименованиям:

А *питье* есть у вас? Питье бы я с удовольствием//; *Родственник* мой уехал / и я теперь свободна//; А *начальства* сегодня не будет?

В редких случаях обобщенно-родовое слово выступает как заменитель отсутствующего (или неизвестного рассказчику) видового наименования. Например:

1. Но вот два стакана коктейля / все-тки один стакан взял / а как он (автомат) тебе дает второй-то? 2. Нет / это же подставляется вот такое вот большое // А потом разливается по два стакана// (— — —) 1. Ну тогда нужна *посуда* большая. . . 2. Ну там же при коктейльном аппарате есть // Эта *посуда* // Ты же видела? [73]

Особенно же характерны такие случаи, когда разговорная речь развивает свое, отличное от КЛЯ родовое обозначение. Тогда появляется новое, разговорное значение слова. Так, видовые *река*, *пруд*, *озеро*, *море* обобщаются в РР словом *вода*. Ср.:

1. А это Икша // И вот такая там дачка // 2. Ну *вода* там ря-

[71] На распространение таких конструкций без родового наименования указала О. А. Лаптева (ВЯ, 1966, № 2).

[72] См. об этом: Е. А. Земская. Русская разговорная речь. Проспект. М., 1968, стр. 63.

[73] Запись преподавателей Саратовского университета.

дом // 1. *Вода* рядом / *вода* рядом//; 1. А *вода* там есть? 2. Какая *вода*? 1. Купаться// 2. Пруд//; У нас дачников полно / потому что *вода* рядом // Москва-река//; По-моему в Гагры можно только из-за *воды* ехать / если бы не море / там ужасно//; С *водой* по этой дороге вообще неважно // Ни одной реки / ни речонки / ничего//.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

18. Рассматривая наиболее типичные для разговорной речи ономасиологические единицы, выступающие в роли обозначений вещей и явлений действительности, мы обнаруживаем, что разговорная речь обладает специфическим набором этих единиц, с одной стороны, и характеризуется специфическим функционированием единиц, общих для РР и КЛЯ, — с другой.

Важнейшая особенность многих наименований в разговорной речи — их факультативность, нестационарность. Там, где в КЛЯ выступает стационарное обозначение с узкоспециализированным значением (т. е. слово-термин), в РР часто образуются ситуативно обусловленные, окказиональные наименования. Для РР чрезвычайно характерны семантические замещения, подстановки, разного рода экспресс-наименования, слова-указатели. Типично для РР также использование слов с очень общим, широким значением, конкретизируемым только ситуацией речи.

Различие в самих способах образования рассмотренных в этом разделе наименований в РР и КЛЯ иллюстрирует следующая таблица.

Сферы языка	Способы номинации						
	Конденсаты	Субстантиваты	Аббревиатуры	Предикаты	Указатели	Метонимии	Метафоры
РР	+	с ограничениями	—	+	+	+	—
КЛЯ	—	+	+	—	—	с ограничениями	+

(«+» обозначает использование приема, «—» отсутствие приема; случаи взаимовлияний, заимствований здесь, естественно, не учитывались).

Существенное различие в семантике номинаций разговорной речи по сравнению с номинациями языка кодифицированного касается их отношения к денотату. Если в КЛЯ наблюдаются

одно-однозначные отношения между означаемым и означающим (или стремление к этому), то РР развивает иные тенденции. В разговорной речи сильно тяготение к тому, чтобы не закреплять фиксированного обозначения за определенным денотатом. Эта тенденция проявляется в различных речевых явлениях, но особенно очевидна она в двух фактах: с одной стороны, в наличии многих наименований у одной реалии (слова-дублеты), и, с другой стороны, в использовании одного наименования для обозначения разных реалий (обозначения-предикативы, конденсаты).

Отсутствие многих узкоспециализированных единиц и широкое использование «всезначащих слов» ведут к тому, что разговорная речь обладает значительно меньшим словарем, чем язык кодифицированный. И это связано не с тем, что РР «обслуживает» преимущественно обиходно-бытовую тематику, а с тем, что она стремится заменить единицы, которые воспроизводятся в речи, единицами, которые в ней производятся (по строго заданным моделям, образцам).

Широкое использование слов с окказиональным значением возможно в РР благодаря действию определенных моделей, которые «работают» не избирательно, как в КЛЯ, а, как правило, автоматизированно. Если в КЛЯ окказионализмы возникают в основном в экспрессивных целях, то в зоне действия РР это типизированный прием номинации. В обоих случаях (и в РР, и в КЛЯ) окказионализмы представляют собой реализацию возможностей, заложенных в системе, в обоих случаях они характеризуют продуктивность данного словообразовательного типа, но функционально существенно отличаются: в РР это полноправное и часто единственное обозначение, в КЛЯ —«вторичное наименование», связанное со стремлением обновить стершееся имя. В РР — автоматизм, стереотипность, в КЛЯ — словотворчество.

Для РР характерны свобода и широкая вариативность в выборе наименования, но эта свобода выбора регламентирована не таким уж богатым репертуаром обозначений, как это может показаться на первый взгляд. Ресурсы КЛЯ значительно богаче. Именно поэтому представление об индивидуальном словаре поразному реализуется в области КЛЯ и РР. В КЛЯ индивидуальное — это творческое, т. е. нарушение привычного, среднестатистического. В РР индивидуальное связано с речевыми навыками, привычками данной семьи или данной узкой социальной группы, содружества. Разговорная речь допускает одновременное сосуществование нескольких узусов — по количеству языковых коллективов, связанных определенными навыками и вкусами. Характерным представляется в этом плане тот факт, что среди «семантических наименований» в РР почти полностью отсутствует метафора.

Метафорическое переосмысление — акт творческий (сходство предметов мы видим в разном и по-разному), он не подлежит автоматизации, какой-то унификации. Есть метонимические мо-

дели переносов и нет «метафорических моделей». Именно поэтому вся большая зона метафорических переосмыслений отходит к КЛЯ. Метафора в языке художественной литературы формирует образ; метафорические наименования заполняют терминологические, профессиональные сферы речи. В разговорной же речи метафора — как правило, заимствование (из КЛЯ, из слэнгов, из профессиональных жаргонов). Ср., например: *загорать* (простаивать) — из языка шоферов; *кирпич* (дорожный знак, запрещающий въезд); *хвост* (несданный зачет, экзамен) — из студенческого жаргона; *отфутболить* (отослать к другому) — также полужаргонное и т. п.

Почти все случаи собственно разговорных метафорических наименований связаны с шутливым, не вполне серьезным словоупотреблением:

Посмотрю в свои *святцы*//; Ну-ка / у меня в *святцах* они есть? (о записной книжке). Или: 1. Как у вас чисто / красиво! 2. Да / у нас сегодня *парад*// *Припарадились*// (о подготовке дома к семейному торжеству). Случаи «серьезного» употребления наименования-метафоры единичны, и это почти всегда — глагольные метафоры (типа: Обувь *горит* на нем) [74].

19. Разговорная речь в отличие от языка кодифицированного широко использует предикативные структуры в роли номинаций. Это значительно меняет номинативную значимость разных частей речи в РР по сравнению с КЛЯ. Если в КЛЯ абсолютная номинативная значимость свойственна имени существительному, то в РР оно не обладает таким монопольным значением и делит его с предикативными структурами (не опирающимися на существительное вовсе!) и с разного рода предложно-падежными конструкциями (хотя и опирающимися на существительное, но качественно своеобразными). Таким образом, номинация в КЛЯ — это слово и атрибутивное словосочетание. Номинация в РР — это слово, атрибутивное словосочетание, предикативная структура, предложно-падежная конструкция.

Все сказанное выше еще раз подводит нас к мысли о том, что разговорная речь — это не простое сокращение кодифицированной речи, не какое-то редуцирование ее по определенным правилам, а самостоятельная система, и перевод из этой системы в другую неизбежно связан с изменением структуры текста.

[74] Среди неглагольных отметим единственное в нашей картотеке: *дыра* в значениях 'прореха в хозяйстве', вообще 'недостаток чего-либо', 'пропуск в чем-либо'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЖЕСТ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Для разговорной речи, — писал Л. Якубинский, — для диалога, характерна элиминация языковых элементов за счет неязыковых [1]. Важнейшее средство неязыковой коммуникации — жест. Жест, сопровождая речь, обычно является показателем раскованности говорящего, он подчеркивает ту непринужденность, которую мы считаем необходимым условием реализации разговорной речи. Обойти при изучении разговорной речи ряд проблем, связанных с использованием жеста, — значит в значительной степени упростить (если не исказить) картину реальной коммуникации, т. к. тот смысл, который несет с собой жест, вступает в сложные взаимоотношения с семантикой речевого высказывания. Высказывание реагирует на присутствие жеста также и своей структурой.

В этом разделе мы предлагаем первоначальные наблюдения над жестовым поведением людей в процессе непринужденного говорения. Наша задача — показать разнообразие функционирования жеста в русской разговорной речи и описать наиболее типичные способы его сочетания с вербальным высказыванием.

Мы ограничимся в основном наблюдениями над ручными жестами, хотя в акте коммуникации важны также движения головы, туловища и особенно мимика лица [2].

Присоединяясь к ряду исследователей, мы понимаем жест как у с л о в н ы й кинетический акт, отличающийся коммуникативным характером от других актов безусловного кинетического поведения (при выполнении биологических или трудовых функций) [3].

Жест сокращает вербальный текст, заменяя слова и включая в диалог те или иные дополнительные смыслы. Выступая в роли самостоятельной реплики или включаясь в высказывание, состоящее из вербальных и невербальных элементов, жест обнаруживает богатейшие ресурсы как чисто информативные, так и экспрессивные.

Хорошо известна шутка-«эксперимент», когда спрашивают у собеседника, что такое «винтовая лестница» или «рябь». Никому не удается объ-

[1] Л. Я к у б и н с к и й. О диалогической речи. «Русская речь», вып. 1. Пг., 1923.

[2] См. об этом: Р. О. Я к о б с о н. Да и нет в мимике. «Язык и человек». М., 1970.

[3] A. V. I s a č e n k o. Gesto ako znak. «Narodopisný sborník», 8, Bratislava, 1947, 3, 145/54; Т. М. Н и к о л а е в а, Б. А. У с п е н с к и й. Языкознание и паралингвистика. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии». М., 1966; З. М. В о л о ц к а я, Т. М. Н и к о л а е в а, Д. М. С е г а л, Т. В. Ц и в ь я н. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (тезисы докладов)». М., 1962; Т. М. Н и к о л а е в а. Пересчевые средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка (препринт). Варшава, 1968.

яснить значения этих слов без жеста [4]. Комизм здесь заключен именно в автоматической, стереотипной реакции «подопытного»: «Ну, это. . . Это такое», — и дается соответствующий жест. Эффект «винтовой лестницы» не такое уж редкое явление, — говорящие прибегают к этому способу пояснения достаточно часто, и без жеста могли бы попасть в затруднительное положение, особенно в тех случаях, когда этот жест возмещает недостатки лексической дифференциации. Например:

1. У вас есть сбивалка? 2. *Такáя*? (жест кистью вверх-вниз имитирует работу вертикального веничка для взбивания яиц). 1. Или *такáя* (жест кистью вправо-влево имитирует работу горизонтального веничка для взбивания сливок).

Громоздкие наименования — «вертикальный веничек для взбивания яиц», «горизонтальный веничек для взбивания сливок» — это номенклатурные обозначения, известные лишь специалистам,— поварам, кулинарам и т. д. В РР эти разные реалии обозначаются одним словом — *сбивалка*. Лексически не выражены видовые различия этих предметов, поэтому говорящие вынуждены воспользоваться жестом, что значительно легче, чем подбирать длинные словесные формулы.

ВИДЫ ЖЕСТОВ

По своей роли в коммуникации выделяются две группы жестов: ж е с т ы з н а к о в ы е (обладающие как планом выражения, так и планом содержания) и ж е с т ы н е з н а к о в ы е.

Рассмотрим вначале использование в речи жестов незнаковых — ритмических и эмоциональных.

РИТМИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ

2. Подчеркивание ритмического рисунка высказывания — важнейшее амплуа жеста в разговорной речи. В лингвистической литературе справедливо отмечалось сходство роли жеста с ролью интонации в организации высказывания [5]. Точнее говоря, жест отчасти дублирует интонацию, делает ее наглядной в буквальном смысле слова — выделяет, вслед за интонацией, определенные речевые синтагмы, отмечает их границы, указывает на ускорение или замедление темпа речи, подчеркивает логическое ударение (центр интенсивности). Вразрез, наперекор заданной интонации человек в естественной ситуации жестикулировать не может: и кинетика жеста, и кинетика нашей артикуляционной базы подчиняются в момент речи единому моторному центру мозга, единому импульсу. Так как у говорящего происходит сокоординация тонких артикуляторных движений, необходимых для производства звуков речи, и динамичных движений, выполняемых руками, то это создает ритмическое единство всех средств коммуникации.

Ритм высказывания в РР — равномерное чередование ускорения и замедления — создается и подчеркивается повторением однотипной интонемы и — одновременно — повторением одного и того же жеста в одних случаях, и переключением на новый тип интонемы и соответственно новый

[4] Ср.: «Совесть — понятие туманное, вроде словечка «рябь». Попробуйте объяснить словечко «рябь» — ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами» (Ю. Т р и ф о н о в. Долгое прощание. — «Новый мир», 1971, № 8, стр. 94).

[5] См. об этом, например, в указанной работе Л. Якубинского; эта идея плодотворно разрабатывалась Д. Болинджером: D. B o l i n g e r. Thoughts on Jep and Nope. «American Speech», 1946, стр. 90—95 и др.

тип жеста — в других. Все это и создает картину подвижной игры ускорений и замедлений, напряжений и ослаблений в разговорной речи. Ритможест подчеркивает также коммуникативно-значимое членение речи.

Монотонность ритма прекрасно передает однообразное покачивание головой или скандированное покачивание ребром ладони. Определенные интонационно-синтаксические структуры естественнее производятся и легче воспринимаются при участии в акте речи жеста. Такова конструкция перечисления. Сама структура фразы при перечислении — повторение однородных в интонационном отношении отрезков — вызывает потребность поддержать динамическую структуру фразы динамикой жеста. При перечислении как бы включается наш внутренний метроном — и говорящий выявляет ход этого своего внутреннего времени жестом.

Ритможест — это сигнал, дополнительное суперсегментное средство для организации высказывания. Характерно, что за ним не только не закреплено какое-то определенное содержание, но нет, как правило, и фиксированного рисунка жеста. Идеальный случай ритможеста — скандирование ладонью руки (ребром ее), но эту же функцию может выполнять и другой жест, например, движение руки, сжатой в кулак, или описывающей в воздухе пальцем полукруг, или что-либо третье, четвертое. . . Существенно здесь одно — сама ритмизация движения, удвоение, утроение и т. д. одного и того же движения в заданном темпе. Ритм может отбивать и рука, принявшая положение для выполнения какого-то жеста-знака; при этом в одном жесте совмещается две функции.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ

3. Жесты подобны интонации и в отношении передачи эмоциональных оттенков речи. И здесь, как и в передаче ритмического строя высказывания они выступают в роли дублеров соответствующих интонационных конструкций: невозможно передать то или иное эмоциональное состояние только жестом (только мимикой — можно), но в соединении с языковым текстом — хотя бы только с междометием — такой жест усиливает заданную интонацией экспрессивность [6].

В жесте эмоция получает «материальную точку опоры» [7]. Жесты подчеркивают недоумение, огорчение, досаду, восторг, радость, выражая отношение говорящего (модус) к содержанию сообщения (диктум). Эмоциональный жест «читается» в соответствии с мимикой лица и интонацией речи.

Эмоциональные жесты весьма индивидуальны, пользование ими во многом зависит от привычек и темперамента говорящего. Полные, энергичные, «нередуцированные» жесты говорят об аффектированности человека и обычно не рекомендованы этикетом.

Можно перечислить несколько наиболее устоявшихся жестов, которые названы и в языковых фразеологизмах. Например: «всплеснуть руками» (радость, восторг); «развести руками» (досада, недоумение); «покачать головой» (неодобрение); «схватиться за голову» (отчаяние); «отмахнуться (рукой)» (несогласие); «бить себя в грудь» (= 'каяться'; недовольство 'собой'); «бить себя по лбу» (недовольство своей недогадливостью). В роли эмоционального усилителя особенно распространено короткое напряженное движение головой, — например, во фразах типа *Очень она красивая*; *Она необыкновéнно хороша* и т. п. Жест, символизирующий для всех носителей языка определенную группу чувств, способен передать большую или меньшую напряженность эмоций, которые говорящий вкладывает в высказывание.

[6] Ш. Балли вывел такую закономерность: роль слов в высказывании уменьшается пропорционально увеличению роли чувства (Ш. Балли. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961, стр. 351).

[7] Там же, стр. 352.

Некоторые жесты эмоционального плана становятся знаками. Так, движение отмаха рукой может выступать как самостоятельная реплика в диалоге и иметь означаемое. В этом случае в одном жесте совмещаются два разных плана — информационный и эмоциональный.

ЖЕСТЫ-ЗНАКИ

Среди жестов, непосредственно связанных с передачей информации и обладающих планом содержания, выделяются жесты указательные (дейктические), изобразительные (иконографические) и символические.

Указательные жесты

4. Функция указательных жестов состоит в том, чтобы выделить, отметить какую-то часть пространства вокруг говорящего. Указать можно просто взглядом, кивком головы, но указание рукой бывает наиболее точным и конкретным и поэтому обычно предпочитается во многих ситуациях.

В основе жеста-указателя лежит движение руки, отмечающее нужное направление, относительно какой-то неподвижной оси. При редуцированной форме жеста активную роль могут играть фаланги пальцев относительно неподвижной кисти; при более полной форме — кисть относительно предплечья, и, наконец, вся рука относительно туловища. Этикет запрещает «показывать пальцем» (указательным), особенно на человека. Но указание на малый предмет, например, на слово в строке, с помощью указательного пальца не является отступлением от «правил хорошего тона».

Указательные жесты в речи сопровождаются обычно указательными местоимениями [8]:

Мы *туда* (жест) идем?; На *это вот* (жест) посмотри//; Она уже доросла мне *до сих пор* (жест)//; Тебе какой клей? *Такой* (жест) хочешь?

Указательный жест полностью понимается лишь в языковом контексте, почему он столь тесно спаян с местоимением. Некоторые указания вообще можно понять лишь в связи с определенной системой представлений, с «картиной мира», отраженной в языке. Например, если человек указывает на грудь — слева, где сердце, говоря: «У него тут (жест) ничего нет», — это равнозначно выражению «у него нет сердца» (в переносном значении). Аналогично указание на голову, если хотят сказать, что человек не слишком умен.

В случаях, когда воспользоваться словом нельзя по тем или иным ситуационным причинам, указание на предмет может содержать намек на целую ситуацию. Указание на часы (или место на руке, где носят часы) обычно означает напоминание о каком-то условленном сроке, например: «Уже пора» или «Поторопись!»

Изобразительные жесты

У изобразительного жеста всегда есть реальный прототип, особенности которого стремится передать жестикулирующий. Сами возможности изображения разных объектов различны. Это связано, прежде всего, с тем, явля-

[8] Ср. также материалы в статье: Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова. Роль жеста в разговорной речи. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970, стр. 240.

ется ли объектом изображения сам человек (его внешние данные, позы, действия, а также мимика) или что-то вне человека (величина и форма различных предметов, их движение или положение в пространстве). Имитация, подражание поведению человека — это наименее условная область неречевой коммуникации, однако обычно «изображение» отличается от точного копирования, которое нужно, например, в ситуации обучения. При изображении часто выбирается наиболее выразительный элемент действия, который делается представителем всего действия. Например, в печатание на машинке входит целая серия действий, но изображается обычно лишь выстукивание пальцами. Характерно и экспрессивное усиление в изображении.

Вот несколько примеров жестов, изображающих различные действия человека:

И вот шея как-то вот так вот набок (изображает) / я не знаю почему//; Она знаешь как быстро / тррр-ты-ты-ты-ты-ты-ты (пальцами имитирует печатание на машинке)//; А я еще / возьму перенесу (жест)/ и нажала (жест) на рычажок (показывает, как переносит телефон и нажимает на рычажок)//; Он там пишет (жест) формулы на доске (вытянутой рукой имитирует как пишут мелом на доске)//; По песку бегают / резвятся // Двое в бадминтон (рука вверху, имитирует удар ракеткой)//.

Высокочастотны жесты, изображающие форму, положение в пространстве и движение различных предметов:

Крутился (жест) этот трос (круговое движение кистью)//; Понимаешь я купила ей эту штуку / для этого (жест). . . миксера (круговое движение кистью)//; Он так нависает (жест) (левая рука поднята вверх, ладонь «нависает»)//; В нем так книги / выше (жест) ниже (жест) (горизонтальной ладонью показывает два уровня: «выше» — «ниже»)//; Лучше чтобы он был не кривой (волнистое движение рукой в рассказе о том, как выбирать арбузы)// А в середине / был яйцеобразный вот такой вот / вот такой вот (показывает) стол громадный в зале//; По двадцать совсем мелкая картошка // вот такая (жест)//; Большую тебе ленту?— Вот такую (жест)//; А наутро в автобусе / и по серпантину / по такому (жест)//; От индийских армян там большое полотно (о картине — обводит рукой прямоугольную форму)//.

По условиям употребления изобразительные жесты часто находятся в дополнительном распределении с указательными. В присутствии предмета, о котором идет речь, на него можно указать. В его отсутствии часто возникает потребность описать его, в частности, используя изобразительный жест. И тот и другой жест может быть в тексте сопряжен с местоимением. Различие между *показать* и *изобразить*, т. е. между указанием на предмет и изображением его свойств, лежит в самой основе противопоставлений этих жестов. Однако при помощи указания в определенном языковом контексте в сообщение можно включить и сведения о признаке предмета, в том числе непространственном, в то время как изображению поддаются только внешние конкретные признаки (см. стр. 472).

Жесты-символы

5. По особенностям своего знакового строения изобразительные жесты противопоставлены жестам-символам — третьему типу жестов. Для последних характерна наиболее условная связь между означаемым и означающим. Это связано и с тем, что в отличие от изобразительного жеста, который несет в себе конкретное сообщение о конкретных внешних признаках предметов, жест-символ обычно имеет абстрактное содержание. Оно лишь традиционно приписывается определенному жесту и поэтому понимается в рамках одного коллектива (в общем случае — в национальных границах). Хорошо иллюстрирует различие между изобразительным и символическим жестом различие между пиктографическим и идеографическим письмом: жест изобразительный — пиктограмма, жест символический — иероглиф.

Среди условных жестов-символов назовем прежде всего жесты приветствий при встрече и прощании [9].

Выражение отрицания и утверждения в русскоязычном коллективе связывается с движениями головы: кивнуть головой — 'да'; покачать головой — 'нет' [10]. Как 'не знаю, сомневаюсь' читается пожимание плечами. Указательный палец к губам = призыв к молчанию. Ударить себя по лбу = 'эврика'! Завести руку за голову к противоположному уху='идти к чему-нибудь окольным, «кривым», путем'. «Отталкивание» двумя руками = 'отказ'.

Некоторые жесты-символы не допускаются к употреблению этикетом и поэтому обычно сопровождают речь грубоватую, просторечную. Но вместе с тем они ярко экспрессивны и широко известны говорящим по-русски. Это, например, поднятый большой палец — 'на ять, во!' — высшая оценка чего-либо; щелканье пальцами по горлу — 'выпить вина'; постучать по лбу и чему-то твердому — 'глупость, дубиноголовость'; покрутить пальцем около виска — 'умственная неполноценность'; почесать за ухом — 'сомнение'; потирать руки — 'предвкушение приятного' и т. п.

Отдельную группу составляют жесты, выполняющие апеллятивную функцию: подзыва и отзыва (движение пальцами к себе или всей кистью от себя), а также жесты, имеющие целью привлечь и усилить внимание собеседника (чаще всего кисть вытянута в сторону собеседника ладонью вверх и покачивается в такт речи, с видимым акцентом на логически важных словах). Сопровождение речи апеллятивным жестом очень характерно для вопроса и просьбы.

СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО ТЕКСТА И ЖЕСТА

6. Жесты и звуковая речь тесно связаны в процессе коммуникации. Несомненно, что смысловое единство высказывания требует определенного взаимодействия планов содержания речи и жеста. Слушающий должен воспринять сообщение как целое, т. е. правильно соотнести слышимое и видимое. При изучении жеста важно определить, с какими элементами речи жест совпадает во времени. Первое общее утверждение, подсказываемое материалом, касается того, что жесты могут налагаться как на словесный текст, так и на паузы (молчание) [11].

ЖЕСТ НА МЕСТЕ ПАУЗЫ

7. а) Простейший случай представляет собой жестовый ответ на словесный вопрос, т. е. жест-реплика. Жест здесь оказывается эквивалентным целому высказыванию.

[9] Следует отметить появление нового жеста прощания. Существует он, по-видимому, около десяти лет. В основе его лежит движение кисти не назад / вперед, как в «старом» жесте, а влево / вправо в одной плоскости (при этом ладонь раскрыта в направлении собеседника). Возможно, что это заимствование западноевропейской манеры под влиянием кинокартин. Старый жест становится сугубо детским («Помаши тете ручкой»).

[10] См.: Р. О. Якобсон. Да и нет в мимике. «Язык и человек». МГУ, 1970.

[11] Ср.: Т. М. Николаева. Структура речевого высказывания и национальная специфика жеста. «Международная конференция преподавателей русского языка и литературы. Актуальные вопросы преподавания русского языка и литературы. 22—28 августа 1969». Тезисы докладов и выступления. М., 1969.

Вот несколько примеров.

1. (1-й сидит за столом в столовой и видит, что 2-й уходит, не пообедав) Почему уходишь? 2. (Махнул рукой = 'ладно уж, бог с ним, с обедом' и затем широко развел руки, ладонями ограничивая расстояние между ними (='очередь-то вот какая длинная');

1. Можно мне постучать? (попечатать на машинке); 2. (Не отвлекаясь от своей работы, отвечает жестом разрешения — машет кистью руки);

1. Мы сегодня рано встали? 2. (С мимикой сомнения жест неопределенности). 1. (Поняв жест 2-го, расшифровывает его словами) Не то чтобы//;

1. Тань / а где. . .? (сосредоточенно ищет что-то в коробке); 2. Что? 1. (Рукой вычерчивает на себе под шеей две дуги туда и обратно: изображает бусы); 2. Бусы?;

1. А бандура / это что? 2. (Изображает игру на струнном инструменте).

б) Жест может приходиться на паузу внутри высказывания или в конце его на границе с другим высказыванием. Тогда жест как бы вклинивается внутрь высказывания, претендуя на какое-то синтаксическое место в нем. Для этих случаев характерна смысловая и синтаксическая разорванность или неполнота высказывания, восполняемая жестом, а также прерванность интонационной линии или интонационная незакопченность высказывания. Все это дает основание говорить о том, что жест в этих случаях замещает слово.

Сюда относятся примеры типа:

В этом здании где сидит (жест) там журналисты будут // (руки на коленях — изображается поза, приданная Ломоносову в памятнике у старого здания МГУ); У тебя ведь своя (жест) есть // зачем ты в автобусе ездишь? (жест, изображающий движение рук на руле автомобиля); Я говорю нашему (жест) у студентов будут танцы // Проверьте все // (жест, изображающий вращение магнитофонной кассеты; речь идет о человеке, работающем с магнитофоном); 1. Который час? 2. У меня нету (указывает на то место на руке, где носят часы); У тебя нет. . ? (два пальца у рта — жест, изображающий «курить»); Дайте мне на чем. . . (жест, изображающий «писать»); А может быть надо. . . (круговое движение рукой: пустить по кругу таблицу на заседании сектора); Они считают его (крутит пальцем у виска: 'не вполне нормальным'); Но кому придет в голову делать квадратики и кубики в Москве / уж (жест одной вытянутой рукой вперед — 'прямо, по прямой линии', о московских проспектах в разговоре об организации пространства в городе); Я хотела бы выпить кофе и (жест передает пальцами движение — 'идти'); Я боюсь / а вдруг за лето мода (жест — резкое движение кистью руки в сторону — 'отойдет'; в разговоре о покупке зимних сапог весной) [12].

Наблюдения показывают, что жест может занимать субъектные, объектные, предикативные, обстоятельственные позиции в синтаксической структуре высказывания.

в) Особый случай представляет собой жестовое заполнение паузы, возникающей в связи с поиском слова. Давая слушающему какую-то информацию, говорящий обычно изображает то, о чем он хочет сказать:

Матрас отдельно / а эту самую. . . (жест) раму отдельно (в рассказе о том, как разбирается детская кровать, жестом руки изображена плоскость рамы); Он был такой. . . (жест) сплюснутый (показывается, что арбуз не круглый)//.

[12] Сделаем существенную оговорку. Способы описания кинетики жестов приняты здесь по необходимости самые простые, «незатейливые», без строго избранных дифференциальных признаков кинетического акта. Такое описание рассчитано на русского читателя, владеющего этими жестами. Необходимость использования обобщенной и строгой символики при описании связана с установлением системности самих жестов (см., например, об этом: R. G r e s w e l l. Le geste manuel associé au langage. «Langages», 1968, 10, стр. 122), а эта задача бесконечно далека от наших предварительных наблюдений.

Паузу может заполнять специфически поисковый жест. У него несколько вариантов: пальцы движутся в щепоти; указательным пальцем в воздухе рисуются круги; пальцы сложены в неподвижную щепоть и движется рука от локтя и др. Например:

Он какой-то. . . ну. . . (поисковый жест) пегармоничный//; Тогда на севере были эти. . . такие (поисковый жест) да / аэросани//; Постой - постой // Это тоже из них. . . Они как?. . . (поисковый жест) филуменисты они кажется//; Ну. . . как это. . . (поисковый жест) акваланг//.

Пауза в этих случаях бывает не сознательной, но вынужденной. В предшествующем ей слове обычно бывают приметы, предсказывающие ее (слово перед паузой может произноситься более замедленно, с растяжкой, с особой интонацией незаконченности). «Поисковый» жест может быть двух видов — либо это «чистый» поиск слова, и говорящий сосредоточен на выборе соответствующей лексемы, либо это поиск с явной апелляцией к собеседнику (помоги!), и тогда этот жест сближается с апеллятивным.

ЖЕСТ, СОПРЯЖЕННЫЙ С МЕСТОИМЕНИЕМ

8. Сюда относятся все случаи, когда одно из синтаксических мест в высказывании занято указательным местоимением [13], на которое во времени накладывается жест или за которым жест непосредственно следует.

С точки зрения актуального членения примечательно то, что местоимение является ремой высказывания. Это означает, что новую конкретную информацию несет в себе именно жест. Как говорилось выше (см. раздел «Функции указательных местоимений в разговорной речи»), роль местоимения в РР заключается в том, что оно, насыщая синтаксические связи высказывания, дает языковую опору для жеста, тем самым опосредуя связь между вербальными и невербальными частями сообщения.

Сопровождают местоимение обычно указательные и изобразительные жесты. При этом указательные жесты тяготеют к местоимениям-существительным и местоимениям-наречиям места и теснее связаны вследствие этого с синтаксическими позициями, занимаемыми этими частями речи. Изобразительные жесты чаще сочетаются с признаковыми местоимениями *так*, *такой*. Вот ряд примеров:

Какой тебе? *Этот* хочешь? (указывая на журналы на столе); Да / вот я купил вот *это* / да // а то все бросил старое / а вот новое купил / (обводя рукой, указывает на мебель в комнате); Ну в общем хватает / но ведь хватает-хватает / а *это-то* тоже надо // (показывает на одежду на себе, слегка дергая материал на рубашке); но ср. с изобразительным жестом: 1. Ты знаешь Сергеева? 2. *Этого* (жест двумя пальцами, изображающий бородку клинышком); Вот *это* (жест) мне не нравится в твоем почерке (указательным пальцем вычерчивает спираль — «завитушечность, круглость почерка»)//.

1. А солнце бывает / нет? 2. А как же // вот *здесь* бывает до двенадцати / а *там* до . . . заката//; *Тут* она на молнии / карманов никаких нет // (о куртке); Все они пришли мокрые *до сих пор* / а одна даже ухитрилась *до сих пор* // (подчеркнутые слова сопровождались указательным жестом).

Вот было *такое* местечко / и она была счастлива / что все-таки сидит и едет// (между двумя ладонями, повернутыми друг к другу, узкое пространство); 1. Кувшинчик мой куда-то пропал // 2. *Какой*? 1. А вот *такой* // (показывает, округляя ладони); Дайте мне вот тот / *такой* / (пальцем чертит в воздухе полоски, указывая на полосатый платок); ср. жест, близкий к указательному: И вот тут / всегда / переправы бывают / узкое такое место / камни / и вода вот *такая* / вот // (показывает на себе, до каких пор доходила вода); Он вот *так* пронесся / конечно я ничего не увидел // (резкое стреми-

[13] Здесь рассматривается сочетаемость жеста лишь с указательным местоимением.

тельное движение рукой от себя); Это Тбилиси *так* / Ереван на плато // (ладони, сходясь пальцами, образуют угол); Две мечети *так* // (ставится на ребро одна ладонь, затем рядом с ней вторая); Так значит мне сначала *так* остригли / а потом я говорю / что уж надо все остричь // (жест — «до плеч»).

Местоимения *так* и *такой* могут сочетаться также с жестом (и мимикой) неопределенности: — Он *такой*. . . (жест неопределенности) / какой-то непонятный//.

Местоимения вносят языковую дифференциацию в ту нерасчлененную информацию, которую передает жест.

Характер соотношения жеста и местоимения помогают прояснить и такие наблюдения:

Исходя из грамматических признаков, указательные местоимения распределяют по разным частям речи. Указательные жесты, помимо выделения элемента в пространстве, никакой дальнейшей дифференциации не имеют[14]. Уже первое деление: общая идея места — адвербиального характера (например, «здесь») и общая идея предмета — субстантивного характера (например, «это») существует лишь в языке (ср. *Здесь* / *там* и *это* / *то*) и только жестом не может быть выражено.

Жест лишь привлекает внимание слушателя к какому-то участку пространства, т. е. содержит лишь самую общую локальную информацию, которую ближе всего можно сопоставить в языке со значением наречия места[15].

Указывать на что-то можно не только для того, чтобы обозначить направление или расположение в пространстве. Говорящий может выделять какой-то предмет лишь в качестве носителя определенного (в том числе непространственного) признака. Рассмотрим следующий пример. Женщине, подбирающей шарф к пальто, советуют: — Цвет вы можете любой / можете серый / можете вот *такой* (жест) / какой угодно//. Указать жестом и только жестом на цвет и притом однозначно — невозможно. Лишь местоимение, сопровождающее жест, показывает, что говорящий имел в виду п р и з н а к предмета, и лишь из языкового контекста выясняется, что речь идет о цвете. За этим указанием стоит сравнение «такой, как»[16].

В определенном контексте указание на предмет в сочетании с местоимением *так* может акцентировать идею признака действия или состояния. Например: А *так* можешь? (указывая на человека, плывущего брассом).

Непризнаковые указательные местоимения, которые прежде всего и служат «указанию», в языке разделяются на две группы: местоимения «сферы Я» (*здесь*, *тут*, *сюда*, *отсюда*, *это*, *этот*) и «сферы — не Я» (*там*, *туда*, *оттуда*, *то*, *тот*). Их сочетаемость с указательными жестами имеет некоторые различия. При противопоставлении ближнего и дальнего предмета указание на ближний предмет сопровождается местоимениями «сферы Я». Те же местоимения обязательны, если говорящий касается рукой того, на что он указывает. Иными словами, при непосредственном контакте с предметом обязательны местоимения «сферы Я». При отсутствии контакта возможны те и другие.

[14] О грамматике жестов, в которой нет частей речи, писала Т. М. Николаева.

[15] Лингвисты, связывающие происхождение указательных местоимений с жестовым поведением, выдвигали гипотезу о том, что исходным, первичным корнем, от которого были произведены все остальные местоимения, был корень местоимения-наречия. См. об этом: К. Е. М а й т и н с к а я. Местоимения в языках разных систем. М., 1969, стр. 39.

[16] С употреблением местоимений *этот* и *такой* связано различие в степени конкретности указания. Ср. «Дайте *это* и *это*» (просьба дать те предметы, на которые указал говорящий) и «Дайте *такое* и *такое*» (просьба дать предметы той же разновидности, но не обязательно те, на которые было указано).

ЖЕСТ, СОПРЯЖЕННЫЙ С ПОЛНОЗНАМЕНАТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ

9. В примерах с семантической неполнотой высказывания (при незамещенности синтаксической позиции или замещении ее неполнозначным словом — местоимением) роль жеста естественно объяснялась необходимостью смыслового восполнения текста. При наложении жеста на полнозначное слово в семантически и синтаксически законченном высказывании функция жеста менее очевидна.

Жест и конкретные значения

Рассмотрим вначале случаи, когда жест накладывается на слова, принадлежащие к конкретной лексике.

Слова, обозначающие место и направление, могут сочетаться с уточняющим указательным жестом: Сначала идите прямо (жест) / а потом направо (жест)//.

Нередко синхронность указания и называния связывают имя и предмет, характеристику и носителя этой характеристики: Вот черные (чернила)//; Это ключ от шкафа//; Это Таня//.

Что касается изобразительного жеста, то он чаще всего совпадает со словом, называющим признак, поддающийся изображению; в этом случае жест лишь переводит в наглядный вид то, о чем сказано словом. Но иногда жест содержит более конкретную информацию о признаке или ситуации в целом.

Сопоставим:

1. Нет / стадион должен быть овальный / если поле прямоугольное// (жест изображает овал и прямоугольник и для тех, кто знает значение этих слов, ничего нового не добавляет).

2. Она сняла свой бант, завязала жирафу и ходит с ним (жест изображает первое, второе и третье действие; в третьем изображено, что ребенок держит игрушку под мышкой — это явно дополнительная информация).

3. Потом дают справку (жест изображает прямоугольную форму справки. — Это дополнительный признак конкретной вещи).

Последний пример показывает, что жест может изображать и несущественные с точки зрения языка внешние признаки предмета, так как его цель именно наглядное изображение. К тому же объектом изображения часто бывает конкретный предмет с его индивидуальными свойствами; в языке же названия даются целому разряду вещей, а в значение слов включаются лишь признаки, входящие в соответствующие противопоставления в языке. Однако если внешний признак (в том числе динамический) взят как основа для мотивации названия предмета, жест может иллюстрировать и конкретизировать эту мотивацию. Ср. выше *бородка клинышком*; *сбивалка*.

Интересны случаи, когда в языке эта мотивация в семантике слова уже стерлась и когда изобразительный жест как бы оживляет внутреннюю форму наименования. Обычно говорящий делает это с экспрессивными целями. Вот несколько примеров:

Молоко *свернулось* // (ладонь «свертывается» в кулак); Он *кидается идеями* как король // (жест «швыряние денег»); Это какой-то круг / *круг порочный* образовался // (пальцем обводит круг) [17]; Опять на *пустом месте* начинать // (рука движется в горизонтальной плоскости — ровное,

[17] Сведéние абстрактного к конкретному лежит также в основе следующего особого типа сочетания жеста и слова.

Пример записан во время научной дискуссии: один из выступавших сопроводил слово *нейтрализация* жестом перекрещенных пальцев. В отличие от описанных выше случаев слово *нейтрализация* не имеет внутренней

гладкое символизирует «пустое»); *Закругляйтесь* (='заканчивайте') (пальцем изображается круг) //; Рецензенты у вас такие разные / один такой въедливый (жест «ввинчивания»)/ а другой все *по верхам* (жест изображает плоскость)//.

Жест и абстрактные значения

Во всех случаях, описанных выше, жест соотносился с конкретными значениями (чаще всего это были пространственные признаки). Обратимся к жестам, которые сочетаются с более абстрактными значениями.

Характер значения жестов этого типа настолько синкретичен и сложен, что на данном этапе работы не представлялось возможным определить эти смыслы достаточно строго и дифференцированно. (Среди примеров оставлены употребления жеста с местоимением и жеста «вместо слова»).

Можно выделить следующие жесты:

1) Жест предельности (категоричности) — сабельная отмашка кистью руки:

Никогда́ не соглашусь//; *Никто́* не знал//; *Нигде́* вы не найдете//; Туда подойти / подойти было *невозмо́жно*/; Это *соверше́нно* ясно//; *Абсолю́тно* не об этом//; И пальто у них одинаковые / *цвет в цве́т*//; Он-то не похож совсем / по отец у него *типи́чный* узбек//; Это *безупре́чные* кандидатуры//; Они во всем против хиппи / одеваются чисто / строго / аккуратно / но они *банди́ты* / бандиты — бандиты//.

2) Жест интенсивности — рука сжимается в кулак (вариант: два кулака):

Он очень *упо́рный*//; Какая она *упря́мая*!; В нем чувствуется такая / *со́бранность* / *акти́вность*//; Видно что он *вы́ложился*//; *Честолюби́в* он страшно//.

3) Жест объединения, ряда — плавное горизонтальное движение руки:

Мы *все магазины* обошли//; Они же *в ряд стоят* (о домах)//.

4) Жест расчлененности — дискретные, однотипные движения кисти руки с одновременным горизонтальным плавным движением самой руки:

Не все сразу / *по очереди*//; Это конечно не сразу / это *постепенно* делается//; Если бы можно было это *измерить* / тогда другое дело//; Он *все книги перетрогал*//;

Четвертый класс теперь перешел *на предметное обучение*// (подчеркнуто, что на каждый учебный предмет — отдельный преподаватель).

5) Жест счета — пальцы загибаются от мизинца или от большого, ладонь направлена к себе [18]:

Надо подыскивать (жест — 1, 2, 3, 4. . .) разные признаки//; Будем перечислять по пальцам//.

6) Жест завершения, включения — круг, нарисованный в воздухе указательным пальцем:

Вы не работаете где-нибудь *по совместительству*? Надо пол вымыть / окна / *и вообще*//.

7) Жест целого — круг, обрисованный полукружиями двух кистей или ограниченный параллельно поставленными ладонями:

Весь отдел в отпуск ушел; А если *всё* собрать?; Из этих статеек *целого* не получится; Я по одной не стираю / *накопишь много* / и сразу//.

формы. Следовательно, жест относился к значению слова, точнее, «иллюстрировал» существенную для понятия «нейтрализация» идею пересечения двух классов.

[18] Неоднократно отмечалось, что жест счета имеет разное национальное и «географическое» оформление: так, в Америке при счете пальцы не загибают, а разгибают, начиная от мизинца; имеет значение также поворот руки — от себя или к себе и т. д.

8) Жест «кванта», порции — параллельно поставленные ладони рук синхронно движутся вперед («рельсы»):

Они выходили *пачками* (о людях, выходящих из кино)//; Знаешь / у меня корректура щас идет (жест — «большими порциями»)// [19]; И *выпускают* / *выпускают сто́лько* / а потом перерыв//.

9) Жест объединения, сложения, суммы — пальцы соединяются в щепоть:

А если *вместе* это положить? Нужно *суть* понять //; Давайте *соединим усилия*//.

10) Жест разъединения, расподобления — ладони раскрываются, «разъезжаются» в разные стороны:

Это совершенно *разные* приемы//; Это надо *различать*//; Мы это *разъединили*//.

11) Жест «Я» — приятия, приближения — рука (или обе руки) к груди:

Мне́ это близко//; Это как раз *на́ши* книги//; *Я́* как раз очень этому сочувствую//; Я *по́нял* это//; *Мне́* тоже так кажется//; *Мое́ мнение* ты знаешь//.

12) Жест отчуждения, неприятия, отдаления — рука движется от груди, в сторону [20]:

Они́-то как раз и не поймут//; *Его́ мнение* давно известно//; Я *не хочу́* об этом знать//; Но это ведь *не на́ши* записи//; *В другой ра́з* принесешь//; *Не пойде́т* это мне//.

13) Жест антонимичности, противопоставления — кисть руки исполняет движение в воздухе «там» и «здесь»:

И молодые / и *старые* пришли//; *Северный* и *южный* склоны//; Чтобы *туда-сюда* не ездить//; *И практики* и *теоретики* приехали//.

14) Жест взаимности — рука движется к груди / от груди:

Строго *между нами*//; *Мы с Сергеевым* спорили по этому поводу//; Это только *мы с тобой* тогда знали//; И тут *развернулась борьба*//.

15) Жест взаимодействия — пальцы одной руки (или кончики пальцев) входят между пальцами другой руки:

Они хорошо *сработались*//; Очень они *подходят* друг к другу//; Прекрасно у них *получается* (о совместной работе)//; Мы-то с тобой *умеем* (находить контакты) / а студентов учить еще надо//.

16) Жест разрешения — отмашка кистью руки в сторону собеседника:

1. Можно постучать (на машинке)? 2. (Жест = «можно»); 1. Ты занята сейчас? 2. Жест; Она *разрешала подглядывать* / *даже шпаргалки*// (жест — 'пусть — пусть').

17) Жест отказа, отрицания — «отталкивающие» движения рукой или двумя руками ладонями вперед:

Нет — нет — нет! Ни за что не скажу//; Не надо / не надо / прошу Вас//.

18) Жест хаотичности (путаницы, беспорядка, сложности) — руки ходят веретеном:

Все они *переворошили* / *переставили* / *передвинули*//; Все *перепуталось* в этом мире / больные ухаживают за здоровыми//; Какая-то *эквилибристика* вышла (о словесной эквилибристике)//; У нас отношения слишком. . . *сложные*//; Это такая вот *хаотичность* / *сумятица*//; Все они там *загородили* / *забили* / не пройти//; Все в куче / вот действительно *так вот* (жест) они пишут (о статье)//; Как день начнется / так все и пойдет (жест — «кувырком»)//; Как это всё (жест — «запутано») / не разберешься!

19) Жест неопределенности — вращательные движения слегка согнутой кистью одной руки или движения пальцами вразнобой:

Не совсем это поняли//; Здесь *немножко не так* сказано//; Все это. . . (жест) возрастное. . . у него прошло?; У нее мама *такая знаешь. . . мнительная* // (поиск слова); Я там *кое-что* написала. . .; Ну. . . *всякие* у него сомне-

[19] Этот пример отличается от предыдущих тем, что повторяющийся жест сопровождал все высказывание в целом. Соотношение жеста с общим смыслом высказывания — предмет особого исследования.

[20] Просторечный вариант этого жеста — указание большим пальцем за спину.

ния//; *Так себе / серединка на половинку*//; А почему вы вернулись? У вас *планы* / да? (т. е. «какие-то планы»); Сейчас я вам *одну штучку* покажу//.

Все эти жесты овеществляются в процессе общения людей в виде «алложестов», т. е. в каждом случае степень редукции самого движения, амплитуда его, варианты исполнения каждого элемента жеста различны и индивидуальны. Бесконечно разнообразны и текуче-изменчивы варианты жеста, но за каждым из них стоит определенная кинема со строго заданным набором дифференциальных признаков. Описание и перечень дифференциальных признаков жестокинем связаны с работой по систематизации жестов, которая, по существу, еще не проводилась на русском материале [21].

Наблюдения над жестами, которые мы попытались описать выше, приводят к мысли, что в жесте следует выделить «п о з и ц и ю» — положение рук — и д в и ж е н и е, которое совершают руки, находясь в этом положении. Например, если сопоставить жесты 7 и 8, то можно увидеть, что жест «кванта» при сходстве позиции, в которой находятся руки, с жестом «целого», включает еще дополнительное движение. Оно-то и является признаком, различающим эти два жеста. Другие признаки могут быть выделены при сопоставлении позиций (это может быть, например, положение ладони в пространстве, участие в жесте всей кисти или только пальцев) и при сопоставлении характера движения (направления движения, его однократности или повторяемости и других его особенностей), если будут обнаружены соответствующие пары. По характеру движения противопоставлены, например, жесты 3 и 4, имеющие общий элемент движения, которое в жесте 4 осложнено дополнительным признаком.

10. Вопрос о соотносительности смысла слова и смысла жеста, который сопровождает это слово, еще не изучен. Однако, пытаясь раскрыть означаемое жеста, нельзя обойти вниманием тот факт, что во многих фразах слова определенного семантического содержания коррелируют с одним и тем же жестом. Эти устойчивые связи жеста с определенными языковыми значениями являются, по нашему мнению, одним из тех объективных критериев, которые могут помочь при выявлении означаемого жестов.

Был проведен такой эксперимент. Информанты по нашей просьбе должны были показать, каким жестом для них естественнее всего было бы сопроводить текст, который им был предложен, т. е. они произносили определенную фразу и одновременно сопровождали ее жестом [22].

[21] Попытки такой систематизации предпринимались в начале века С. Волконским («Человек на сцене». СПб., 1912, стр. 50). Он разделил жесты по признаку ладонь вверх / вниз, приписав этим положениям определенные смыслы. Впрочем, Т. М. Николаева отметила в недавней работе, что в русской коммуникации только два жеста (*да* — *нет*, движение головой) противопоставлены друг другу; остальные значащие кодифицированные жесты — по ее подсчету их не более двадцати — в систему не организованы. См.: Т. М. Н и к о л а е в а. Неречевые средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка (препринт).

[22] В начале эксперимента была проверена возможность соединения ряда жестов с произвольными фразами и словами. Информанты сразу же и единогласно отметили невозможность объединения л ю б о г о жеста с л ю б ы м словом. Жест может сопровождать высказывание, имеющее слова, у которых должно быть нечто общее с семантикой жеста. Следует оговорить следующее. Информантами послужили люди, с которыми у экспериментаторов существуют отношения достаточно непринужденного знакомства. Были отобраны лица эмоционального склада, склонные к жестикуляции в обычной речи. Однако, так как в ходе эксперимента требовалось воспроизвести поведение, обычно мало подвергаемое активному контролю сознания, некоторых информантов эти искусственные условия стесняли. Они сами говорили о том, что жесты у них «не получаются». Эти информанты были просто отведены и не вошли в число испытуемых, которых осталось десять.

Было избрано 10 фраз, содержащих слова со значением высокой степени признака [23]. На этих словах предлагалось делать логическое ударение и возможно сильнее эмоционально их выделить.

Вот эти фразы и слова:

1. Я *на́чисто* все забыл.
2. Да я *уве́рен* в этом.
3. У него *желе́зная* логика.
4. *Как уби́тый* спал.
5. Он такой *упо́рный*.
6. Да там *тоска́ зеленая*.
7. Теперь она *абсолю́тно здорова*.
8. Она *необыкнове́нно красивая*.
9. *Ужасно напряже́нная* работа.
10. *Отврати́тельная* погода.

В эксперименте участвовало 10 информантов. Их ответы были поразительно единодушными (исключение составляют эмоциональные жесты; см. об этом ниже).

Ответы информантов объединили такие фразы, сопровождавшиеся одним и тем же жестом:

(1) жест — сабельный отмах рукой:

На́чисто все забыл;

Да я *уве́рен* в этом;

Теперь она *абсолю́тно здорова*.

(2) жест — рука сжимается в кулак:

Он такой *упо́рный*;

Ужасно напряже́нная работа;

У него *желе́зная* логика.

Остальные фразы вызвали у информантов чисто эмоциональную реакцию, и она была очень индивидуальной: напряженная мимика, усиленная движением головы, хаотичными взмахами рук и т. д. В одном случае мы получили ответы: «Никак не жестикулирую»; «Не могу здесь жестикулировать»; «Не знаю».

Объединим результаты эксперимента в таблицу.

	Жест-«сабля»	Жест-«кулак»	Эмоциональная реакция	Жест невозможен
Фразы	1. *Начисто забыл* 2. *Уверен в этом* 3. *Теперь она абсолютно здорова*	1. *Железная логика* 2. *Он такой упорный* 3. *Напряженная работа*	1. *Тоска зеленая* 2. *Красивая необыкновенно* 3. *Отвратительная погода*	1. *Как убитый спал*
Колич. ответов	10	10	10	10

Смысл фраз «она красивая необыкновенно», «тоска зеленая» — выражение чистой эмоциональной оценки, отношения говорящего к данному явлению. Что означает здесь Magn — высокая оценка? Не высокую ступень градационной шкалы какого-то признака, который мог бы быть объективно градуи-

[23] Ср. понятие Magn в работе А. К. Жолковского и И. А. Мельчука «О семантическом синтезе». («Проблемы кибернетики», вып. 19. М., 1967, стр. 213); см. также: И. И. У б и н. Выражение параметра Magn в русском языке. «Машинный перевод и прикладная лингвистика». М., 1968, № 11.

рован, но лишь чисто субъективное отношение говорящего, т. е. Magn, существующий в данной индивидуальной оценке.

Объективно свойства этих явлений нельзя представить в градации, — следовательно, интенсивность здесь — это интенсивность самого «переживания», а не степень признака. Кроме того, по-видимому, эти признаки не могут быть предельными.

Иное дело те две группы фраз, которые объединены жестами «сабля» и «кулак» в две группы. Признаки, названные в этих высказываниях, объективны, могут быть градуированы и выражают либо предельность («сабля»), либо высокую интенсивность признака («кулак»).

В 1-й группе фраз выражается пороговый признак: начисто забыл = 'совсем не помню', абсолютно здорова = 'не больна', уверен = 'нет сомнений'. Во 2-й группе фраз выражается градуированный признак: *упорный, напряженный, железная логика.* Это высокие степени интенсивности признака.

Особой оговорки требует фраза «Да я уверен в этом». Мы не отступили от истины, когда сказали, что все наши информанты сопроводили это выражение жестом «сабля». Однако у некоторых при отмашке рука была сжата в напряженный кулак, другие же предлагали здесь в качестве возможного варианта жест «кулак». Таким образом, эта фраза содержит возможность двоякой актуализации:

уверен = 'нет сомнения';

уверен = 'очень сильно уверен'.

Описанный выше эксперимент позволяет сделать предположение, что жесты обладают фиксированным означаемым, которое выявляется именно в сочетаемости определенного жеста с определенными текстами. Синкретизм значения жеста не исключает, по-видимому, и таких случаев, когда сочетаемость слов именно с этим, а не другим жестом может служить разграничению тонких семантических оттенков слов (ср. приведенные примеры с Magn'ами).

Рассмотрим другой случай актуализации смысла при помощи жеста.

11. Несколько разных жестов могут сопровождать одно и то же слово, включающее несколько семантических компонентов. Этот случай можно проиллюстрировать употреблением различных жестов, сопровождающих слово *все.* Отмечены высказывания, в которых на этом слове сделаны различные семантические акценты.

а) Множество, рассматриваемое как целостная совокупность: Студия «Экран» будет делать одна столько / сколько раньше *все* // (руки образуют скобки — жест целого) [24].

б) Множество, рассматриваемое как нечто состоящее из расчлененных, отдельных друг от друга единиц, т. е. именно как дискретное множество: *Все магазины* обошел // (в значении: 'в каждый зашел' — жест расчлененности); Очень красиво / когда *все свечечки* зажигаются / тоненькие // (тот же жест подчеркивает, что свечи зажигаются по очереди, по одной).

в) Множество, рассматриваемое как предельное, включающее в себя все (без исключения) предметы данного типа: Нас *всéх* они покорили / буквально *всéх* покорили // (жест предельности); Кого хочешь спроси / *всé* это говорят // (в значении — все до одного, тот же жест).

На этих примерах видно, как жест может коррелировать с реальными семантическими компонентами слова. Можно думать, что жест выполняет именно функцию актуализации, выделения семантического признака, наличествующего в слове или в высказывании и коммуникативно важного.

12. До сих пор мы старались брать наиболее элементарные случаи: жест синхронно совпадает со словом, причем мы обнаруживаем корреляцию между означаемыми слова и жеста.

[24] Этот жест отмечен и в официальной ситуации, в частности, на заседании ученого совета в Институте русского языка. Вопрос: Что же вы берете *все синонимы, все омонимы. . .*? (жест) Ответ: Вот вы говорите *все синонимы, все омонимы. . .* (нарочито повторяет жест).

Существуют случаи, когда жест вносит новые кванты смысла, вербально в высказывании никак не выраженные. Так, фраза: — Это *фáбрика* дает квартиры / для своих рабочих // — была услышана и записана с жестом руки «к себе» (подчеркнуто значение — 'и я имею отношение к этой фабрике', 'моя фабрика'). Но вполне возможен здесь и жест отчуждения — рука «от себя», когда говорящий рассказывает о фабрике, к которой он не имеет отношения.

Существуют типизированные речевые ситуации, в которых употребление того или другого жеста вносит существенные коррективы в смысл сказанного.

Фраза: — Я этого *не понимáю* — с жестом «рука к груди» означает обычно: 'не понимаю, но хотел бы понять'; 'не понимаю — очень жаль, досадно' и т. п. С жестом «от себя» смысл ее другой: 'не понимаю и не хочу понимать'; 'мне это чуждо' и т. п.

При передаче чужой речи или чужой оценки эти два антонимичных жеста (рука от себя — рука к себе, к груди) обычно означают выбор из двух возможностей — встает ли говорящий на точку зрения автора высказывания или, напротив, отвергает ее.

* * *

13. Особый случай представляют собой креолизованные фразеологизмы: только сочетание некоторого текста с определенным жестом дает уникальное значение фразе. Например:

Вот *тут* (жест) *он у меня сидит* (рукой показывает на шею). Значение этого идиома: 'обременяет, отягощает до крайности'. Или:

— Они *вот так* живут (кончики пальцев или костяшки сталкиваются)= 'живут, как кошка с собакой'; Она *вот такие* глаза сделала (руками показывает «большие глаза») = 'очень удивилась' (ср. «сделать большие глаза»).

ЗВУКОВЫЕ ЖЕСТЫ

14. Сильную аналогию с кинетическими жестами обнаруживают «звуковые жесты», также являющиеся характерной особенностью живой непринужденной речи [25].

Для производства их применяется тот же аппарат, что и для собственно речеобразования. Однако возможности речевого аппарата используются более свободно, более широко. Поэтому в звуковых жестах нередко представлены неязыковые звуки. Описание их звуковой субстанции не может быть сделано в рамках каноничной, нормальной фонетики языка. Так как «среди них встречаются такие «звуки», которые нельзя соотнести с нормальными фонетическими реализациями «законных фонем» языка, либо такие, которые встречаются в необычных сочетаниях или в необычных позиционных условиях» [26], говорят о «неканоничной фонетике» (А. А. Реформатский) или «экстранормальной фонетике» (Н. В. Юшманов). Поэтому нужно сделать оговорку о способе записи звуковых жестов. Мы используем некоторую орфографическую запись, которая является достаточно условной, символической и далеко не отражает тонких особенностей фонетической реализации. Нужно заметить, что в некоторых звуковых жестах значимой

[25] Слово «жест» употребляется здесь условно: имеются в виду элементы устной речи, роль которых в языке походит на роль жеста. Эта проблематика поставлена и решается в известной работе Е. Д. Поливанова. «По поводу звуковых жестов японского языка» (Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 295—305).

[26] А. А. Реформатский. Неканоничная фонетика. «Развитие фонетики современного русского языка». М., 1966, стр. 97.

является и интонация, с которой они произносятся. Сведения об интонации в нашем тексте также отсутствуют.

Классификация звуковых жестов проводится по схеме, использованной выше для кинетических жестов.

Изобразительные звуковые жесты:

Он ему сказал «Пошел!» / и (цоканье языком) на Александрийский вокзал // (изображается цоканье копыт лошади); Она повернется / потом начинает *ы-ы-и* (о младенце); 1. Ну теперь же есть теория // Про ускоренное развитие // Так может они теперь действительно во втором классе. . . 2. Да // 1. Я не знаю // я не знаю // *ва-ва-ва* и сразу сигарету//; Не пройдет и трех месяцев / как у нас все книги будут перепечатаны на машинке *тр-ты-ты-ты-ты*//; Я говорю так вот *ты-ты-ты* (имитация тихой речи); Я зацепилась/ и чулок *трррр* и поехал//; 1. А ты как хотела ехать? 2. Я? На трамвае / от себя и прямо до вокзала// 1. Ну это долго / *дрынь-брынь* / *дрынь-брынь*//.

К переходному типу от мотивированного изобразительного жеста к символу можно отнести:

Ты с ней *ля-ля-ля-ля* / и договариваешься о встрече / ладно?; Так что теперь бабка в мае месяце опять. . . *ту-ту* // (*ля-ля* — 'болтать', *ту-ту* — первоначально изображение гудка паровоза, теперь знак поездки, независимо от вида транспорта).

Звуковые жесты — символы:

Аяяй (айяйяй) (укор): *Фьють* и нету! ('быстро, мгновенно исчезнуть'); *А-а*! ('теперь понятно'); *Угу* (знак внимания или согласия).

Трещала трещала / а в результате *фу-фу* // ('никакого результата'). Ср. также: Нужно это сделать тщательно / а не просто на *фу-фу*//; *Тьфу*! (пренебрежение, презрение, отвращение).

Апеллятивные звуковые жесты:

Эй, *Ну*, а также жесты с более узкой сферой употребления: *Ау*! ('отзовись!' — в лесу); *Тсс*! *Тшш*! (призыв к молчанию); *На*! ('возьми'); *А*? (с вопросительной интонацией — переспрос).

Звуковые жесты являются сегментными единицами речи. Поэтому среди них отсутствуют ритмические жесты, в том смысле, в каком говорится о кинетических жестах, подчеркивающих ритм фразы. Можно указать лишь на известное *та-та-та*, имитирующее ритм речи и стихов. Ср.:

1. Поэты / они как читают / *та-та-та* / *та-та-та* / *та-та-та-а*//

2. Да // Заунывно//.

Эмоциональные звуковые жесты:

Ах, Ох, Ух, Ой, Ай, О-о, Фу, Ого-го и т. п. выделяются тем, что их эмоциональное наполнение в очень большой степени зависит от интонации и сопровождающих их мимики и кинетических эмоциональных жестов. Сферы эмоций, совместимых с той или другой звуковой формой, очень широки.

Итак, звуковые жесты представляют собой явления, которые с точки зрения фонетики данного языка неканоничны, а с точки зрения грамматики — аморфны. Интересно наблюдать их «оязыковление», лексикализацию, формирование из них новых морфем [27]. Приведем здесь лишь несколько примеров разного употребления звукового сочетания *жик* (вариант *вжик*):

Я сейчас приезжаю / она мне Григорий Алексаныч хотите молока парного / хочу / пожалуйста / вот и *жик-жик*/ (доит корову); Вот бежит крыса / и ее *вжик* электрическим током//; Товарищи / поскорей // *жик-жик*// (девушка просит побыстрей входить в двери троллейбуса).

Первый пример содержит явно изобразительный звуковой жест. Во 2-м и 3-м появляются черты глагольного слова: глагольное управление (2) и значение побудительности (3).

Рассмотрение соотношения в РР звуковых жестов и так называемых «глаголов (точнее — форм) однократного действия» требует специальных наблюдений. В заключение можно заметить, что параллельное изучение кине-

[27] Ср. А. А. Реформатский. Указ. соч.

тических и звуковых жестов (которые в языке часто рассматриваются как междометия) кажется перспективным и, по-видимому, может способствовать уточнению статуса междометий в языке [28].

* * *

15. Итак, в этом разделе рассматривалось два вопроса: классификация жестов и их функциональная значимость в процессе коммуникации.

Были описаны типы знаковых и незнаковых жестов, наиболее характерные для разговорной речи. Изучалось взаимоотношение жеста и вербального текста. Хотя в работе отсутствует подразделение на автосемантичные и синсемантичные жесты (т. е. жесты, которые употребляются и без слова, и жесты, которые обязательно сопровождаются вербальным текстом) [29], на материале живой разговорной речи были рассмотрены случаи, когда жест выступает в роли самостоятельной коммуникативной единицы (жест = реплика), и случаи, когда он входит в креолизованное сообщение (жест + вербальный текст). Внутри креолизованного сообщения жест либо выделяет, актуализирует какие-то словесно выраженные смыслы, либо вносит экспрессивное усиление, либо модифицирует и дополняет смысл высказывания.

[28] На эту тему см., в частности: А. И. Германович. Междометие, интонация, жест. «Изв. Крымского пед. ин-та им. Фрунзе», т. XXVIII. Симферополь, 1957.

[29] См. об этом: А. В. Исаченко. Указ. соч.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 3
Глава I. Введение 5
О понятии «разговорная речь» 5
Разговорная речь и функциональные стили кодифицированного литературного языка 17
Нормы разговорной речи 26
Задачи изучения разговорной речи 28
Синкретизм и расчлененность как основные свойства системы разговорной речи 31
О систематизации и собирании материала 34

Глава II. Фонетика 40
Сегментные единицы
Вводные замечания 40
Гласные 41
Количественная редукция гласных 41
Качественная редукция гласных 61
Деформации ударных гласных 62
Стяжение гласных 64
Заключение 72
Согласные 75
Редукция интервокальных согласных 77
Упрощение групп согласных 86
Заключение 100
Позиции начала, конца и стыка слов 102
Редукция конечного гласного слова вплоть до его выпадения 103
Ассимиляция согласных на стыке слов 106
Упрощение конечных групп согласных 107
Упрощение групп и редукция единичных согласных в начале слова 115
Сильная редукция отдельных форм и участков текста 116
Заключение 125
Некоторые особенности интонации разговорной речи 129

Глава III. Морфология 151
Вводные замечания 151

www.rustang.ru

Глагол 160
О формах выражения вторичной предикации в книжной и разговорной речи 160
Образования на *-а(я)*, *-в* и *-(в)шись* в разговорной речи 168
Образования на *-ащ(ящ)/ущ(ющ)-ий* и *-(в)ш-ий* в разговорной речи 177
Образования на *-м-ый*, *-нн-ый*, *-т-ый* в разговорной речи . . . 179
Образования на *-н*, *-т* 185
Имя прилагательное 196
Категория полноты/краткости прилагательных в системе книжной речи 196
Основные типы соотношения полных и кратких прилагательных в разговорной речи 199
Подкласс I (типа *прав*, *благодарен*) 200
Подкласс II (типа *болен—больной*) 202
Подкласс III (типа *умный—умен*) 204
Подкласс IV (типа *белый*) 208
Заключение 214

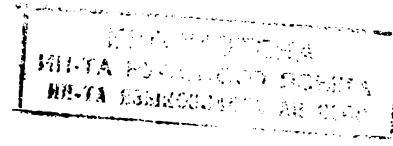
Глава IV. **Синтаксис** 217
Вводные замечания 217
Наблюдения над синтагматикой разговорной речи 225
Функции конструкций, выполняющих роль номинаций или частей номинаций 225
Вводные замечания 225
Конструкции с относительными местоимениями 228
Глагольные блоки 228
Безглагольные блоки 233
Конструкции, состоящие из существительного в косвенном падеже с предлогом 236
Конструкции с verbum finitum 238
Функции словоформ 241
Именительный падеж существительного 241
Им. п., относящийся к высказыванию в целом 242
Высказывания с коррелятом 242
Высказывания без коррелята 245
Им. п., занимающий в составе высказывания синтаксическое место 248
Им. п. в функции одного из главных членов высказывания 248
Им. п. в функции зависимого члена высказывания . . . 252
Им. п., являющийся отдельной репликой диалога 260
Зависимый присубстантивный инфинитив 265
Функции указательных местоимений в разговорной речи . . . 266
О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказываниях разговорной речи 288
Нулевые глаголы-предикаты 288
Вводные замечания 288
Нулевые глаголы-предикаты в позиции verbum finitum . . . 299
Семантические группы нулевых глаголов-предикатов . . . 299

Нулевые глаголы-предикаты центра 299
Нулевые глаголы-предикаты периферии 309
Нулевые глаголы-предикаты в позиции инфинитива 310
Об одном типе высказывания с незамещенной синтаксической позицией 313
Специфические виды связи в высказываниях разговорной речи 318
Высказывания со связями свободного соединения между предикативными конструкциями 318
Высказывания с интерференцией 339
Некоторые средства актуализации высказываний в разговорной речи 347
Вводные замечания 347
Высказывания с лексическими актуализаторами 349
Высказывания с местоименными актуализаторами 349
Актуализаторы группы *что* 352
Актуализатор *такой* 359
Высказывания с актуализаторами *да / нет* 361
Да / нет в вопросительных высказываниях 361
Да / нет в повествовательных высказываниях 363
Высказывания с повторами 365
Повтор-синтагма 365
Высказывания с повтором в конечной синтагме 367
Высказывания с повтором членов, вынесенных в инициальную синтагму 372
Повтор-фраза 375
О некоторых специфических чертах порядка слов в разговорной речи 380
I 380
II 383
III 393
Место союза в составе зависимой предикативной конструкции 394
Постпозиция союза 394
Интерпозиция союза 395
Взаиморасположение двух предикативных конструкций в составе высказывания 397

Глава V. Номинация 403
Вводные замечания 403
Тенденции к синкретизму (семантические стяжения) 408
Семантические стяжения способом аффиксальной деривации («конденсаты») 408
Субстантиваты 413
Семантические стяжения способом устранения определяемого 417
Семантические стяжения способом устранения определяющего 420
Глагольные сочетания-конденсаты 424
Метонимии 427
Имя ситуации 434
Тенденции к расчлененности (модели предикативных обозначений) 438
Глагольные номинации 438
Отглагольные существительные 441

Специфические виды номинаций разговорной речи 442
Слова-дублеты 442
Слова-указатели 448
Слова-«губки» 453
Слова-эрзацы 456
Заключение 461

Приложение. **Жест в разговорной речи** 464
Вводные замечания 464
Виды жестов 465
Ритмические жесты 465
Эмоциональные жесты 466
Жесты-знаки 467
Указательные жесты 467
Изобразительные жесты 467
Жесты-символы 468
Соотношение вербального текста и жеста 469
Жест на месте паузы 469
Жест, сопряженный с местоимением 471
Жест, сопряженный с полнознаменательным словом 473
Жест и конкретные значения 473
Жест и абстрактные значения 474
Звуковые жесты 479

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства О. Ф. Рожкова
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технические редакторы В. В. Волкова и Н. Н. Плохова

Сдано в набор 12/I 1973 г. Подписано к печати 20/VI 1973 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 35,0.
Тираж 12000 экз. Бумага № 2. Тип. зак. 29

Цена 2 р. 34 к.

Издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, 9-я линия, дом 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

АЛЕКСЕЕВ М. П. **Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVIII века. Исследования, тексты и комментарии.**
1968. 156 стр. 94 к.

АНДРЕЕВА Л. Д. **Статистико-комбинаторные типы словоизменения и разряды в русской морфологии.**
1969. 205 стр. 86 к.

Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова.
1960. 471 стр. 40 к.

Доклады и сообщения Института языкознания. Вып. 11.
1958. 206 стр 89 к.

Изучение русского языка и источниковедение.
1969. 259 стр. 88 к.

Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря.
1968. 476 стр. 2 р.

МАКЕЕВА В. Н. **История создания «Российской грамматики М. В. Ломоносова».**
1961. 173 стр. 76 к.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5.
1962. 223 стр. 1 р. 30 к.

Младописьменные языки народов СССР.
1959. 503 стр. 80 к.

ОРЛОВА В. Г. **История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров.**
1959. 211 стр., 6 л. многокрас. карт. 1 р. 66 к.

РАСТОРГУЕВ П. А. **Говоры на территории Смоленщины.**
1960. 207 стр. 1 р. 20 к.

Русская литературная речь в XVIII в. Фразеологизмы. Неологизмы. Каламбуры.
1968. 272 стр. 92 к.

Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем.
1971. 279 стр. 85 к.

Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области).
1969. 612 стр. 3 р. 72 к.

Словарь русских народных говоров. Вып. 5. (Военство — Выростковый).
1970. 344 стр. 1 р. 12 к.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:
117463 **Москва,** В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197110 **Ленинград,** П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига».
или в ближайшие магазины «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

480391 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97; 370005 **Баку,** ул. Джапаридзе, 13; 320005 **Днепропетровск,** проспект Гагарина, 24; 734001 **Душанбе,** проспект Ленина, 95; 664033 **Иркутск,** 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 **Киев,** ул. Ленина, 42; 277012 **Кишинев,** ул. Пушкина, 31; 443002 **Куйбышев,** проспект Ленина, 2; 192104 **Ленинград,** Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 **Ленинград,** Менделеевская линия, 1; 199004 **Ленинград,** 9 линия, 16; 103009 **Москва,** ул. Горького, 8; 117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7; 630090 **Новосибирск,** Академгородок, Морской проспект, 22; 630076 **Новосибирск,** 91, Красный проспект, 51; 620151 **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 **Ташкент,** Л-29, ул. Ленина, 73; 700100 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43; 634050 **Томск,** Наб. реки Ушайки, 18; 450075 **Уфа,** Коммунистическая ул., 49; 450075 **Уфа,** проспект Октября, 129; 720001 **Фрунзе,** бульвар Дзержинского, 42; 310003 **Харьков,** Уфимский пер., 4/6.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
28	3 сн.	ний	ния
89	15 св.	[възрат'э́н'иа́]	[възраш'э́н'иа́]
101	14 св.	[кр̥онд]*аша*	[кр̯нд]*аша*
297	13 сп.	семи	сем и
484	13 сн.	Водные замечания	Вводные замечани

«Русская разговорная речь»